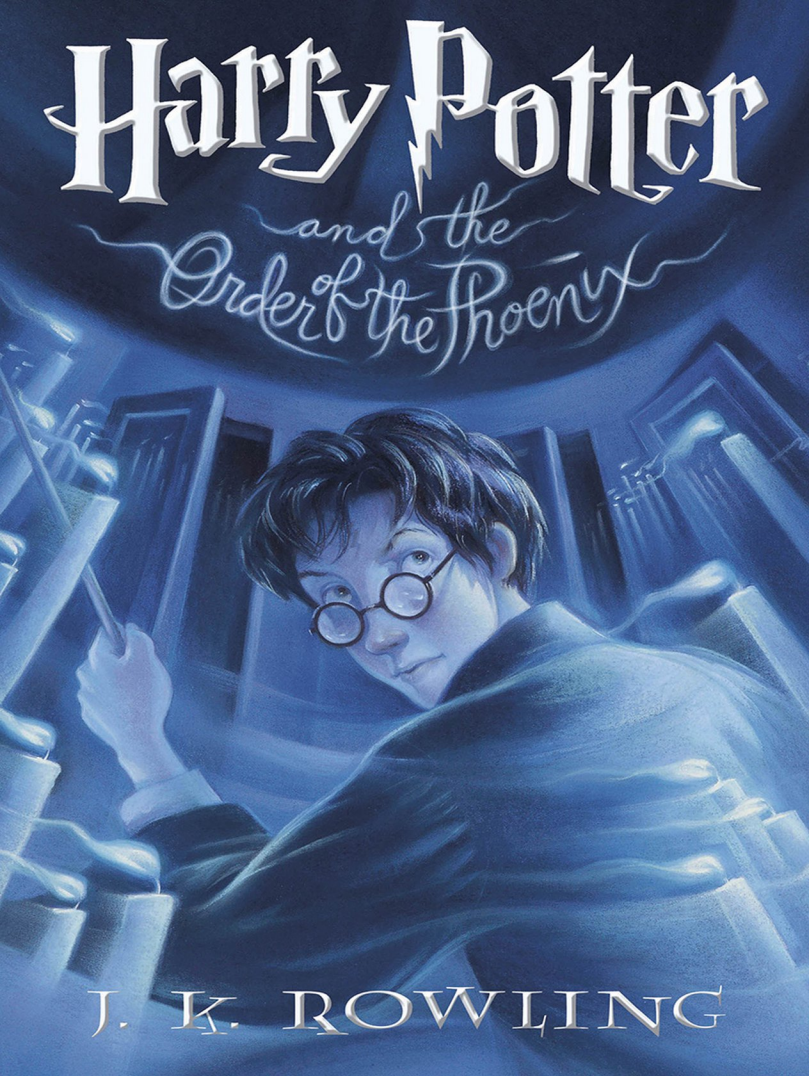
Harry Potter
and the
Order of the Phoenix
J. K. ROWLING

Гарри Поттер и Орден Феникса
Джоан Роулинг

Аннотация
Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Орден Феникса
Глава 1. Дадли досталось
Глава 2. Совы, совы…
Глава 3. Защитный отряд
Глава 4. Площадь Гриммо, 12
Глава 5. Орден Феникса
Глава 6. Благороднейшее и древнейшее семейство Блэков
Глава 7. Министерство магии
Глава 8. Слушание
Глава 9. Страхи миссис Уизли
Глава 10. Полумна Лавгуд
Глава 11. Новая песня Распределяющей шляпы
Глава 12. Профессор Амбридж
Глава 13. Вечера у Долорес
Глава 14. Перси и Бродяга
Глава 15. Генеральный инспектор Хогвартса
Глава 16. В «Кабаньей голове»
Глава 17. Декрет об образовании № 24
Глава 18. Отряд Дамблдора
Глава 19. Лев и змея

Глава 20. Рассказ Хагрида
Глава 21. Глазами змеи
Глава 22. Больница святого Мунго
Глава 23. Рождество в изоляторе
Глава 24. Окклюменция
Глава 25. Жук на ниточке
Глава 26. Новые неожиданности
Глава 27. Кентавр и ябеда
Глава 28. Самое плохое воспоминание Снегга
Глава 29. Выбор профессии
Глава 30. Грохх
Глава 31. СОВ
Глава 32. Из огня да в полымя
Глава 33. Потасовка и побег
Глава 34. Отдел тайн
Глава 35. По ту сторону занавеса
Глава 36. Единственный, кого он всегда боялся
Глава 37. Утраченное пророчество
Глава 38. Вторая война начинается

Аннотация

Гарри Поттер с нетерпением ждёт окончания каникул и начала пятого учебного года в Хогвартсе. Юный волшебник как никогда страдает от одиночества, а насмешки и придирки Дурсли стали совсем невыносимыми. К тому же он уверен, что Волан-де-Морт восстановил силы и скоро начнёт действовать.

Вас снова ждут опасные и захватывающие приключения, жестокая борьба, верные друзья и волшебный мир Гарри Поттера.

Дж. К. Роулинг
Гарри Поттер и Орден Феникса

Глава 1
Дадли досталось

Самый пока что жаркий день знойного лета клонился к вечеру, и большие прямоугольные дома Тисовой улицы окутывала сонная тишина. Машины, обычно сверкавшие чистотой, стояли пыльные, а лужайки были уже не изумрудно-зелёными, а иссохшими, желтоватыми: из-за нехватки воды жителям запретили пользоваться шлангами. Лишённые таких важных занятий, как мытьё машин и стрижка газонов, обитатели Тисовой сидели по комнатам, где было чуть прохладней, широко распахнув окна в несбыточной надежде на освежающее дуновение. Единственным, кто не находился дома, был подросток, лежавший лицом вверх на цветочной клумбе у дома номер четыре.

Это был худой, черноволосый парнишка в очках, чуть болезненный и угловатый на вид, — посмотришь, и сразу ясно, что он сильно вытянулся за короткое время. Джинсы рваные и грязные, футболка мешковатая и выцветшая, кроссовки скоро запросят каши. Одним словом, наружность

Гарри Поттера не красила его в глазах соседей, которые считали, что нерях надо отдавать под суд. Но нынешним вечером, укрытый под большим кустом гортензии, он был совершенно невидим для прохожих. Обнаружить его могли только дядя Вернон или тётя Петунья, если бы кому-нибудь из них вздумалось высунуть голову из окна гостиной и поглядеть вниз — на клумбу.

В целом Гарри был доволен этим укрытием. Лежать на твёрдой, горячей земле было, может, и не очень удобно, зато никто не испепелял его взглядом, не скрипел зубами так, что теленовостей не услышишь, и не забрасывал его гадкими вопросами, как случалось всякий раз, когда он садился в гостиной перед экраном вместе с дядей и тётей.

Вдруг, точно эта мысль влетела в открытое окно, Вернон Дурсль, дядя Гарри, сказал:

— Хорошо, что мальчишка перестал тут ошиваться. Где он, кстати?

— Не знаю, — равнодушно ответила тётя Петунья. — В доме его нет.

Дядя Вернон крякнул.

— Новости, вишь ты, его интересуют, — язвительно проговорил он. — Хотел бы я знать, что по правде у него на уме. Как будто нормальному

парню может быть дело до новостей. Дадли вот и понятия ни о чём не имеет, вряд ли он даже знает, кто у нас премьер-министр! Так или иначе, в наших новостях про его племя ничего…

— Тсс! — прошипела тётя Петунья. — Окно открыто!

— А… да, прости, я забыл.

Дурсли умолкли. Гарри слушал какую-то рекламную дребедень про злаковые хлопья и смотрел на миссис Фигг с улицы Глициний, сумасшедшую старую кошатницу, которая шла мимо мелкими медленными шажками. Она хмурилась и что-то бормотала себе под нос. Гарри порадовался тому, что его прикрывает куст. В последнее время миссис Фигг взяла моду всякий раз, как встретит его на улице, приглашать на чай. После того как она повернула за угол и скрылась из виду, из окна опять зазвучал голос дяди Вернона:

— А Дадлик у кого-то в гостях?

— У Полкиссов, — с нежностью в голосе ответила тётя Петунья. — У него столько друзей, он пользуется такой популярностью…

Гарри едва удержался от того, чтобы не фыркнуть. Во всём, что касалось их сына Дадли, Дурсли проявляли поразительную слепоту. Они свято верили всему его примитивному вранью об

ужинах и чаепитиях, на которые его каждый вечер летних каникул якобы приглашали родители того или иного приятеля. Гарри, однако, прекрасно знал, что ни в каких гостях Дадли не рассиживает. Он и его компания развлекались по вечерам тем, что портили детский парк, курили на улицах и швырялись камнями в проезжающие машины и проходящих детей. Гарри не раз видел их за этим занятием, бродя вечерами по своему городку Литтл-Уингингу. Большую часть каникул он слонялся по улицам и выуживал из урн выброшенные газеты.

От мелодии, за которой должны были последовать семичасовые новости, внутри у Гарри всё напряглось. Может быть, сегодня — после месяца ожидания — наступил тот самый день?

«В аэропортах Испании пошла вторая неделя забастовки работников багажных служб, и количество застрявших отдыхающих достигло рекордного уровня…»

— Будь моя воля, я бы им устроил пожизненную сиесту, — проворчал дядя Вернон, заглушив конец фразы диктора, но это уже было не важно; Гарри на своей клумбе мог расслабиться. Если бы что-нибудь случилось, об этом, конечно, сказали бы в первую очередь: смерть, разрушение — темы

поважней, чем застрявшие отдыхающие.

Он медленно выдохнул и поднял глаза на сияющее голубизной небо. Этим летом у него, что ни день, одно и то же. Напряжённое ожидание, временное облегчение, потом опять нарастающее напряжение… и один и тот же всё более настоятельный вопрос «Почему до сих пор ничего не произошло?»

Он продолжал слушать на тот случай, если проскочит какая-нибудь существенная мелочь, какая-нибудь новость, чей подлинный смысл будет маглам непонятен, скажем, необъяснимое исчезновение или другое какое-нибудь странное событие. Но за испанскими аэропортами последовала засуха на юго-востоке Англии («Надеюсь, он слушает, соседушка наш! — прорычал дядя Вернон. Тайком в три часа утра поливает из шланга свою лужайку!»), дальше — о вертолёте, который едва не разбился при вынужденной посадке в Суррее, затем — о разводе знаменитой актрисы с не менее знаменитым мужем («Как будто нас интересуют их пошлые любовные делишки», — презрительно процедила тётя Петунья, которая во всех журналах, попадавших в её костлявые руки, с маниакальной жадностью читала всё, что писали на эту тему).

Гарри закрыл глаза, которым стало больно от разгорающегося заката, а диктор между тем продолжал:

«…и последнее. Волнистый попугайчик Банги открыл для себя новый способ спасаться от жары. Банги из закусочной „Пять пёрышек“ в Барнсли научился кататься на водных лыжах! Наша корреспондентка Мэри Доркинс сообщит вам подробности».

Гарри открыл глаза. Раз уж добрались до попугаев на водных лыжах, дальше слушать бессмысленно. Он тихонько перевернулся на живот и встал на четвереньки, чтобы осторожно выбраться из-под окна.

Но стоило ему продвинуться на пару дюймов, как очень быстро одно за другим произошло несколько событий.

Громкий, отозвавшийся эхом хлопок — он нарушил сонную тишину, как выстрел; метнулся из-под стоящей машины и пропал из виду кот; женский вскрик, мужское ругательство и звон разбившегося фарфора из гостиной Дурслей; и, точно прозвучал долгожданный сигнал, Гарри вскочил на ноги, выхватывая волшебную палочку из-за пояса джинсов, как шпагу из ножен, — но не успел он встать во весь рост, как его макушка

стукнулась о раму открытого окна Дурслей. Звук этого удара заставил тётю Петунью вскрикнуть ещё раз и ещё громче.

Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Из глаз потекли слёзы. Пошатываясь, он старался сфокусировать взгляд и увидеть на улице источник хлопка. Но едва он худо-бедно выпрямился, из окна высунулись две большие тёмно-красные руки и намертво схватили его за горло.

— Убери эту штуку! — проревел дядя Вернон прямо в ухо Гарри. — А ну убери! Пока никто не увидел!

— Отпустите! — просипел Гарри.

Несколько секунд борьбы. Левой рукой Гарри пытался ослабить хватку толстых, как сосиски, дядиных пальцев, поднятой правой крепко сжимал волшебную палочку. Когда пульсирующая боль у Гарри в макушке стала совсем уже скверной, дядя Вернон вдруг взвизгнул, точно его ударило током, и разжал руки. Сквозь тело племянника, казалось, хлынула мощная невидимая сила, и держать Гарри стало невозможно.

Судорожно хватая ртом воздух, Гарри упал вперёд на куст гортензии. Потом выпрямился, огляделся. Что вызвало громкий хлопок, было

непонятно. Из соседских окон смотрело несколько любопытных лиц. Гарри торопливо засунул палочку на место и постарался принять невинный вид.

— Вечер добрый! — крикнул дядя Вернон и помахал хозяйке стоявшего напротив дома номер семь, которая глядела на улицу из-за тюлевых занавесок. — Слыхали, как выстрелило у кого-то в неисправном моторе? Мы с Петуньей даже всполошились маленько!

Он продолжал кривить физиономию в жутковатой безумной улыбке, пока все лица соседей не исчезли из окон. Тут улыбка превратилась в гримасу ярости. Он поманил Гарри к себе.

Гарри сделал несколько шагов и остановился, чуть не дойдя до того места, где его шея опять была бы в пределах досягаемости.

— Чего ты этим добиваешься, а? Говори сейчас же! — потребовал дядя Вернон хриплым, срывающимся от злости голосом.

— Чем — этим? — спросил Гарри холодно. Он вертел головой то вправо, то влево, всё ещё надеясь увидеть человека, издавшего хлопок.

— Пальбой из неизвестно какой хлопушки прямо у нашего…

— Это не я, — отрезал Гарри.

Рядом с дядиным лицом, широким и багровым, возникло тётино — узкое и лошадиное. Вид у неё был сердитый.

— Зачем ты прятался под окном?

— Вот именно! Отличный вопрос, Петунья! Что ты делал под окном, а?

— Слушал новости, — мирным тоном ответил Гарри. Дядя и тётя обменялись возмущёнными взглядами.

— Новости слушал! Опять!

— Они каждый день другие, вот какая штука, — объяснил Гарри.

— Не рассуждать у меня! Я хочу знать, что по правде у тебя на уме! И не пудри мне мозги насчёт слушанья новостей. Ты прекрасно знаешь, что про твоё племя…

— Тише, Вернон! — выдохнула тётя Петунья, и дядя понизил голос (Гарри едва смог его расслышать):

— …про твоё племя в *наших* новостях ничего быть не может!

— Это вы так думаете, — возразил Гарри. Несколько секунд Дурсли на него пялились, потом тётя Петунья сказала:

— Скверный лгунишка, вот ты кто. Что, спрашивается, делают эти… — она тоже понизила

голос, так что следующее слово Гарри прочитал по губам, — *совы*, как не приносят тебе новости?

— Вот-вот! — торжествующе прошептал дядя Вернон.

— Посмотрим, как ты теперь выкрутишься! Думаешь, мы не знаем, что все твои новости ты получаешь через этих поганых птиц?

На мгновение Гарри заколебался. Не так-то легко было сказать им правду, пусть даже Дурсли не догадывались, как тяжело ему её сознавать.

— Совы… не приносят мне никаких новостей, — произнёс он бесцветным голосом.

— Не верю, — мигом отреагировала тётя Петунья.

— Я тоже, — сказал дядя Вернон с нажимом.

— Мы знаем: ты задумал что-то нехорошее, — заявила тётя.

— Ещё бы не знать, мы же не идиоты, — поддержал её дядя.

— Вот это для меня новость! — разозлившись, выпалил Гарри и, не дожидаясь новых высказываний Дурслей, повернулся, пересёк лужайку, переступил низенькую ограду и пошёл по улице.

Он попал в переплёт и знал это. Позже ему придётся предстать перед разгневанными дядей и тётей и держать ответ за свою грубость, но

сейчас его волновало другое. На уме были более важные вещи.

Гарри не сомневался: хлопок прозвучал оттого, что кто-то трансгрессировал. С точно таким же хлопком растворялся в воздухе эльф-домовик Добби. Но возможно ли, чтобы Добби оказался здесь, на Тисовой? Неужели он прямо сейчас, в эту секунду следует за Гарри по пятам? Эта мысль заставила Гарри обернуться и окинуть взглядом улицу, но она была совершенно пуста, а Гарри точно знал, что Добби не сумел бы стать невидимым.

Он двинулся дальше, не слишком хорошо соображая, куда идёт: в последнее время он так много ходил по этим улицам, что ноги несли его к излюбленным местам автоматически. Через каждые несколько шагов он оглядывался. Гарри был уверен: когда он лежал среди тётиных засыхающих бегоний, рядом находилось какое-то волшебное существо. Но почему оно не заговорило с ним, не вступило в контакт? Почему оно прячется?

Подавленность его всё росла, и вот уже он ни в чём не уверен. Может быть, звук вовсе и не был волшебным? Может быть, дожидаясь хоть какого-то сигнала из мира, по которому он тосковал,

он впал в такое отчаяние, что слишком остро реагирует на совершенно обычные звуки? Может быть, просто в одном из соседских домов что-то лопнуло?

Внутри у Гарри стало тяжело и тоскливо, и он глазом не успел моргнуть, как вновь накатило ощущение безнадёжности, которое мучило его всё лето.

В пять утра он опять встанет по будильнику, чтобы расплатиться с совой за номер «Ежедневного пророка», — но какой в этом смысл? Ровно никакого. Гарри теперь только проглядывал первую страницу и отбрасывал газету. Когда идиоты, которые её издают, поймут наконец, что Волан-де-Морт возродился, это будет ого-го какой заголовок, а до всего остального Гарри не было дела.

В лучшем случае сова могла принести письмо от друзей — от Рона и Гермионы. Но он давно уже не надеялся прочесть там какую-нибудь новость.

> Разумеется, мы ничего не пишем сам знаешь о чём… Нам не велено писать ничего важного: вдруг письмо попадёт не в те руки… Мы очень заняты, но подробностей сообщить не можем… Довольно

много всякого происходит, расскажем при встрече…

Но когда она произойдёт, эта встреча? Точной даты никто не называл. На поздравительной карточке ко дню рождения Гермиона написала: «Думаю, мы увидимся совсем скоро» — но как скоро оно, это «скоро», наступит? Насколько Гарри мог понять по расплывчатым намёкам, Гермиона и Рон были вместе — скорее всего у родителей Рона. Он с трудом мог перенести мысль, что они весело проводят время в «Норе», тогда как он попусту торчит на Тисовой улице. Он был до того на них зол, что выбросил, не открыв, две коробки шоколадок из «Сладкого королевства», которые они ему прислали на день рождения. За ужином, когда тётя Петунья подала ему вялый салат, он в этом раскаялся.

И чем же они, Рон и Гермиона, заняты? И почему он, Гарри, ничем не занят? Разве он не доказал, что способен на большее, чем они? Неужели о его делах уже забыли? Разве не он был тогда на кладбище, разве не он видел смерть Седрика, разве не его привязали к могильному камню и хотели убить?

«Не думай об этом», — жёстко сказал себе Гар-

ри в сотый, наверно, раз за лето. Хватит и того, что кладбище постоянно является ему в ночных кошмарах. Хоть наяву без него обойтись.

Он повернул на улицу Магнолий и миновал узкий проход вдоль гаражей, где когда-то впервые увидел крёстного отца. Сириус по крайней мере понимает, каково ему сейчас. Новостей как таковых в его письмах, правда, было не больше, чем в письмах Рона и Гермионы, но лучше уж предостерегающе-подбадривающие фразы Сириуса, чем дразнящие намёки сверстников.

> Я знаю, что ожидание для тебя томительно… Держи нос по ветру, и всё будет в порядке… Будь осторожен, никаких опрометчивых поступков…

Что ж, думал Гарри, пересекая улицу Магнолий, поворачивая на шоссе Магнолий и двигаясь к полутёмному детскому парку, в целом он ведёт себя так, как советует Сириус. Во всяком случае не поддался пока искушению прицепить чемодан к метле и рвануть в «Нору» на свой страх и риск. Гарри считал, что очень даже хорошо себя ведёт, если учесть, как скверно ему сейчас, какое ощущение бессилия нагоняет это торчание на Тисовой улице, это лежание на клумбах в надеж-

де услышать хоть что-нибудь проливающее свет на дела лорда Волан-де-Морта. Но унизительно всё-таки читать призывы к осторожности, исходящие от этого человека, — ведь он, просидев двенадцать лет в Азкабане, чародейской тюрьме, ухитрился оттуда бежать, попытался совершить убийство, за которое был посажен, и улетел на угнанном гиппогрифе.

Гарри перемахнул через запертую калитку парка и пошёл по выжженной солнцем траве. Парк был так же пуст, как улицы. Дойдя до качелей, Гарри сел на единственные, которые Дадли и его дружки ещё не сломали, обвил рукой цепь и задумчиво уставил взгляд в землю. На клумбе у Дурслей уже не спрячешься. Завтра придётся искать другой способ слушать новости. А пока что впереди была ещё одна беспокойная, тяжёлая ночь: если не кошмары с гибелью Седрика, то длинные тёмные коридоры, ведущие в тупик или к запертой двери. Ночью мучительные сны, днём ощущение, что ты пойман в ловушку, — Гарри считал, что одно с другим связано. Часто старый шрам у него на лбу неприятно покалывало, но он не обманывался: это едва ли могло заинтересовать Рона, Гермиону или Сириуса. Раньше предостерегающая боль в шраме говорила о том,

что Волан-де-Морт становится сильнее, но теперь, когда Тёмный Лорд возродился сполна, они в ответ на жалобу, наверно, только напомнили бы ему, что в этих ощущениях нет ничего нового. Из-за чего шум поднимать? Тоже мне, удивил…

Сознание несправедливости достигло такой силы, что он едва не зарычал от ярости. Ведь если бы не он, никто и не знал бы даже, что Волан-де-Морт возродился! И в награду за всё он целых четыре недели болтается в Литтл-Уингинге, совершенно отрезанный от волшебного мира, вынужденный прятаться среди дохнущих бегоний и слушать про попугайчиков, катающихся на водных лыжах! Как мог Дамблдор с такой лёгкостью выкинуть его из головы? Почему Рон и Гермиона оказались вместе там, куда его не пригласили? Сколько ещё терпеть уговоры Сириуса сидеть тихо и быть паинькой? Сколько ещё подавлять искушение написать тупицам, которые издают «Ежедневный пророк», и объяснить им, что Волан-де-Морт вернулся? Вот какие гневные мысли бушевали у Гарри в голове, вот из-за чего он терзался и корчился. А на парк тем временем опускалась душная бархатная ночь, в воздухе стоял запах сухой тёплой травы, и тишину нарушал только негромкий шум проезжавших мимо машин.

Он сам не знал, как долго просидел на этих качелях, — из задумчивости его вывели какие-то голоса, и он поднял голову. Приглушённого света от фонарей на окрестных улицах было достаточно, чтобы разглядеть идущую через парк группу. Один горланил грубую песню, остальные гоготали. Некоторые вели дорогие гоночные велосипеды. От колёс доносился мягкий стрёкот.

Гарри знал, кто это такие. Впереди — не кто иной, как его двоюродный братец Дадли Дурсль. Возвращается домой в сопровождении своей верной шайки.

Дадли был таким же крупным, как и раньше, но год жёсткой диеты и новый дар, который в нём открылся, заметно изменили его фигуру. Как дядя Вернон восхищённо сообщал всякому, кто готов был слушать, Дадли недавно стал чемпионом юго-востока Англии по боксу среди школьников своей возрастной группы. «Благородный спорт», как выражался дядя Вернон, сделал Дадли ещё более устрашающим, чем в начальной школе, когда он превратил Гарри в свою первую боксёрскую грушу. Гарри уже совершенно не боялся двоюродного брата, и всё же особой радости его появление не вызвало. Удар у Дадли теперь был поставлен получше. Все соседские мальчики

перед ним трепетали — больше даже, чем перед «этим Поттером», который, как им говорили, был отпетый хулиган и учился в школе святого Брутуса для подростков с неискоренимыми криминальными наклонностями. Глядя на движущихся по траве парней, Гарри гадал, кого они колошматили сегодня вечером. «Ну оглянитесь же, — невольно упрашивал он. — Разуйте глаза… Оглянитесь… Я тут сижу один… Лёгкая добыча…»

Если дружки Дадли его сейчас увидят, они, конечно же, потопают прямо к нему, и что тогда станет делать Дадли? Терять лицо перед всей шайкой ему не захочется, но провоцировать Гарри будет ох как страшно… Весело будет смотреть на нерешительного Дадли, дразнить его, потешаться над его бессилием. А если кто из дружков полезет, он, Гарри, к этому готов — волшебная палочка при нём. Пусть попытаются… Он очень даже не прочь сорвать злость на тех, кто в прошлом превратил его жизнь в ад.

Но они не оглянулись, не увидели его. Вот они уже почти у ограды парка. Гарри подавил побуждение их окликнуть. Напрашиваться на драку — не самое умное поведение. Он не должен применять волшебство. Не должен вновь подвергать себя риску исключения. Голоса Дадли и

его компании делались всё тише. Парней уже не было видно, они шли по шоссе Магнолий.

«Так-то, Сириус, — сумрачно думал Гарри. — Можешь быть доволен. Никаких опрометчивых поступков. Нос по ветру. Прямая противоположность тому, как ты сам себя вёл».

Он встал на ноги и выпрямился. Тётя Петунья и дядя Вернон, судя по всему, считали, что Дадли, когда бы он ни вернулся домой, возвращается как раз вовремя, а его приход хоть минутой позже — уже непростительное опоздание. Дядя грозился запереть Гарри в сарае, если он ещё раз посмеет вернуться после Дадли, и, подавляя зевоту и по-прежнему хмурясь, Гарри двинулся к калитке парка. Шоссе Магнолий, как и Тисовая улица, было застроено крупными, незамысловатыми, похожими друг на друга домами с идеально, как в парикмахерской, подстриженными газонами, и хозяева их были крупные, незамысловатые, похожие друг на друга люди, которые ездили в очень чистых машинах, точь-в-точь как у дяди Вернона. Литтл-Уингинг больше нравился Гарри поздним вечером, когда занавешенные окна сияли во тьме бриллиантовыми квадратами и он, проходя мимо, мог не опасаться услышать ворчание по поводу своей «антиобщественной»

внешности. Он ускорил шаг и, миновав полпути вдоль шоссе Магнолий, опять увидел компанию. Дружки прощались с Дадли у поворота на улицу Магнолий. Гарри притаился в тени большого сиреневого куста.

— Визг поднял — точно поросёнок, — вспоминал Малкольм под гогот остальных.

— Классный хук правой, Большой Дэ, — заметил Пирс.

— Ну что, завтра в то же время? — спросил Дадли.

— Давайте у меня, моих дома не будет, — предложил Гордон.

— Пока, договорились, — сказал Дадли.

— Пока, Дад!

— До завтра, Большой Дэ!

Гарри подождал, пока дружки Дадли двинулись по домам. Когда их голоса опять стали еле слышны, он повернул за угол и очень быстро зашагал по улице Магнолий. Дадли шёл не торопясь и мычал себе под нос что-то немелодичное.

— Привет, Большой Дэ!

Дадли оглянулся.

— А, — бросил он, — это ты…

— Давно ты Большим Дэ заделался? — спросил Гарри.

— Заткнись, — огрызнулся Дадли и повернул голову обратно.

— Неплохое имечко, — заметил Гарри и, улыбаясь, пошёл рядом с двоюродным братом. — Но для меня ты всегда будешь масеньким Дадликом.

— Я сказал: ЗАТКНИСЬ! — рявкнул Дадли, и его розовые, как ветчина, руки сжались в кулаки.

— Интересно, знают твои дружки, как мама тебя называет?

— Сгинь, понял?

— Ей ты что-то не приказывал сгинуть. А как насчёт «малыша» и «моего крохотулечки»? Может, мне так лучше к тебе обращаться?

Дадли ничего не ответил. На то, чтобы не наброситься на Гарри, уходила, казалось, вся его выдержка.

— Ну, так кого же ты сегодня бил? — спросил Гарри, уже не улыбаясь. — Очередного десятилетнего? Два дня назад, я слыхал, ты расправился с Марком Эвансом.

— Он сам напрашивался, — проворчал Дадли.

— Да неужели?

— Он со мной нахальничал.

— Да? Может, он сказал, что ты похож на свинью, которую научили ходить на задних копытах? Если так, Дад, это не нахальство, а чистая

правда.

На щеке у Дадли задёргался мускул. Гарри чрезвычайно приятно было знать, что он доводит Дадли до белого каления. Ему казалось, он перекачивает в двоюродного брата своё уныние, своё бездействие, — другого способа от них избавиться у него не было.

Они повернули в узкий проулок, где Гарри в первый раз увидел Сириуса. Это был кратчайший переход с улицы Магнолий на Тисовую. Там было пусто и гораздо темней, чем на освещённых фонарями улицах. Стены гаражей по одну сторону и высокий забор по другую заглушали звук их шагов.

— Носишь с собой эту штуку и думаешь, что ты важная персона? — спросил Дадли спустя несколько секунд.

— Какую штуку?

— Которую ты прячешь.

Гарри опять заулыбался.

— А ты, оказывается, не такой остолоп, каким выглядишь. Я уж подумал, ты не умеешь одновременно идти и разговаривать.

Гарри выдернул волшебную палочку и увидел, как Дадли на неё косится.

— Тебе запрещено, — мигом сказал Дадли. —

Думаешь, я не знаю? Если что, тебя исключат из твоей уродской школы.

— Ты уверен, Большой Дэ, что там не изменились правила?

— Не изменились, — сказал Дадли не совсем уверенным тоном.

Гарри мягко рассмеялся.

— А без этой штуки слабо тебе на меня, да? — прорычал Дадли.

— Кто бы спрашивал. Тебе-то всего-навсего нужны четверо дружков рядом, чтобы сунуться к десятилетнему. Каким там боксёрским титулом ты хвалишься? Сколько было твоему противнику? Семь? Восемь?

— Шестнадцать, к твоему сведению! — рявкнул Дадли. — Его двадцать минут потом приводили в чувство, а весил он раза в два больше, чем ты. Попляшешь у меня, когда я расскажу папе, что ты вынимал эту штуку…

— Значит, сразу к папочке, да? Его масенький чемпиончик по боксу страшно испугался палочки нехорошего Гарри.

— А ночью ты что-то не такой храбрый, — с издёвкой проговорил Дадли.

— А сейчас что, не ночь, Дадлик? Ночь, к твоему сведению, это такое время суток, когда темно.

— А я говорю про то время суток, когда ты спишь!

Дадли остановился. Гарри тоже. Он уставился на двоюродного брата. Как ни плохо он видел широкое лицо Дадли, в нём читалось странное торжество.

— Как это понимать: не такой храбрый, когда сплю? — спросил Гарри, совершенно сбитый с толку. — Чего я в это время могу бояться? Подушек, что ли?

— Я кое-что слышал прошлой ночью, — негромко сказал Дадли. — Разговоры во сне. Стоны.

— Как это понимать? — повторил Гарри, но в живот ему будто вдвинулось что-то холодное. Прошлой ночью он в очередной раз был на кладбище.

Дадли грубо хохотнул, точно подала голос собака. Потом запричитал тонким деланным голоском:

— «Не убивайте Седрика! Не убивайте Седрика!» Кто такой Седрик — твой бойфренд?

— Я… ты всё врёшь, — машинально сказал Гарри. Но во рту у него пересохло. Он знал, что Дадли не врёт. Как бы он узнал про Седрика, если бы и в самом деле не услышал?

— «Папа! Папа! На помощь! Он хочет меня

убить! Ой! Ой!»

— Заткнись, — тихо произнёс Гарри. — Заткнись, Дадли. Я тебя предупреждаю.

— «Папа, ко мне! Мама, на помощь! Он убил Седрика! Папа, на помощь! Он хочет…» Не направляй на меня эту штуку!

Дадли попятился и упёрся в стену. Гарри стоял, нацелив волшебную палочку прямо ему в сердце. Гарри чувствовал, как в жилах у него стучат все четырнадцать лет ненависти к Дадли. Чего бы он только не дал за право нанести удар прямо сейчас, заколдовать его так, что он поползёт домой в виде насекомого, немой, обросший щупальцами…

— Не смей об этом больше говорить! — рявкнул Гарри. — Понял меня?

— Направь в другую сторону!

— Я спрашиваю: *понял* меня?

— Направь в другую сторону!

— ПОНЯЛ МЕНЯ?

— УБЕРИ ЭТУ ШТУКУ…

Дадли странно, судорожно вздохнул, как будто его сунули в ледяную воду.

Что-то произошло с самой ночью. Тёмно-синее усеянное звёздами небо вдруг стало совершенно чёрным. Весь огонь в нём пропал — не было ни звёзд, ни луны, ни смутно светивших фонарей

у обоих концов проулка. Не слышно было ни отдалённого шума машин, ни шелеста деревьев. Вместо ласкового летнего вечера — пробирающий насквозь холод. Их окружала кромешная тьма, непроницаемая и безмолвная, словно чья-то огромная рука набросила на весь проулок плотную ледяную ткань.

На долю секунды Гарри померещилось, будто он невольно использовал волшебную палочку, хоть и противился этому искушению изо всех сил. Но потом он опомнился: выключить звёзды было, конечно, не в его власти. Он крутил головой во все стороны, стараясь хоть что-нибудь разглядеть, но мрак облегал глаза, как чёрная невесомая вуаль.

Раздался голос насмерть перепуганного Дадли:

— Ч-что ты д-делаешь? П-перестань!

— Да ничего я не делаю! Молчи и не шевелись!

— Я н-ничего не вижу! Я о-ослеп! Я…

— Молчи, тебе говорят!

Гарри стоял как вкопанный, поворачивая ослепшие глаза то вправо, то влево. Стужа была такая, что он содрогался всем телом. Руки покрылись гусиной кожей, волосы на затылке встали дыбом. Он пялился во тьму, подняв веки до отказа, но без толку. Полный мрак. Невозможно… Они

не могут появиться здесь, в Литтл-Уингинге… Он напрягал слух. Их сначала должно быть слышно, только потом видно…

— Я с-скажу папе! — хныкал Дадли. — Г-где ты? Что ты д-делаешь?..

— Заткнёшься ты или нет? — прошипел Гарри. — Я пытаюсь услы…

Он осёкся, услышав именно то, чего боялся.

Долгие, хриплые, клокочущие вдохи и выдохи. В проулке было нечто помимо него и Дадли. Дрожащего от холода Гарри просквозило ужасом.

— П-прекрати! Перестань это делать! Я тебе в-врежу, слышишь?

— Дадли, замол… БУМ!

Увесистый кулак ударил Гарри в скулу и сбил с ног. В глазах полыхнули белые искры. Второй раз на протяжении часа Гарри показалось, что голова раскалывается надвое, и миг спустя он лежал на жёсткой земле, выпустив из руки палочку.

— Ты идиот, Дадли! — завопил Гарри. От боли из глаз потекли слёзы. Он кое-как поднялся на четвереньки и принялся отчаянно шарить в темноте. Ему слышно было, как Дадли вслепую ковыляет по проулку, натыкается на стену, чуть не падает.

— Дадли, вернись! Ты идёшь прямо на него!

Раздался жуткий визгливый вопль, и шаги Дадли умолкли. В ту же секунду Гарри почувствовал, как сзади к нему ползёт холод. Это могло значить только одно: их по крайней мере двое.

— Дадли, молчи, понял? Что бы ни происходило, молчи! Где палочка? — бешено частил Гарри вполголоса, по паучьи бегая пальцами по земле. — Ну где же она… моя палочка… скорей… *Люмос!*

Он произнёс заклинание машинально, отчаянно нуждаясь в свете, который мог бы помочь его поискам. И, не веря своим глазам, увидел спасительную вспышку всего в нескольких дюймах от правой руки. Кончик волшебной палочки засветился. Гарри схватил её, вскочил на ноги, оглянулся.

Всё перевернулось у него внутри.

Паря над землёй, к нему гладко скользила высокая фигура в плаще до пят с надвинутым на лицо капюшоном. Приближаясь, она всасывала в себя ночной воздух.

Сделав пару нетвёрдых шагов назад, Гарри поднял волшебную палочку:

— *Экспекто патронум!*

Из кончика палочки вылетела струйка серебристого пара, и дементор замедлил движение,

но заклинание не подействовало так, как нужно. Спотыкаясь о свои же ноги, Гарри отступал перед приближающимся дементором, паника туманила разум.

«Сосредоточиться…»

Из-под плаща дементора высунулись в его сторону две серые, склизкие, покрытые струпьями лапы. Уши наполнил стремительно нарастающий шум.

— *Экспекто патронум!*

Собственный голос показался Гарри смутным и далёким. Ещё одна серебристая струйка, слабее предыдущей. Он не может этого больше, не может заставить заклинание работать!

Внутри его головы раздался смех, пронзительный смех на высокой ноте… Зловонное, холодное как смерть дыхание дементора уже наполняло лёгкие Гарри, он тонул в этом дыхании.

«Подумать… о чём-нибудь радостном…»

Но не было в нём никакой радости… Ледяные пальцы дементора смыкались на его горле, пронзительный смех становился всё громче, внутри его головы звучал голос:

— Поклонись своей гибели, Гарри… Может быть, ты даже не почувствуешь

боли… Я не знаю… Я-то никогда не умирал…

Не суждено ему свидеться с Роном и Гермионой… Их лица вспыхнули у него в мозгу. Он судорожно ухватил ртом воздух.

— *ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!*

Из острия волшебной палочки вырос огромный серебристый олень. Его рога ударили дементора по тому месту, где у человека находится сердце, и отбросили назад, невесомого, как сама тьма. Олень продолжал наступать. Побеждённый дементор уплывал под его натиском, похожий на летучую мышь.

— Теперь сюда! — крикнул Гарри оленю и понёсся по проулку, оборачиваясь на бегу и высоко держа светящуюся волшебную палочку. — Дадли! Дадли!

Пробежав с десяток шагов, он их увидел: Дадли лежал на земле, скрючившись и прижав ладони к лицу. Над ним низко склонился второй дементор. Взявшись склизкими лапами за его запястья, он медленно, почти любовно стал отводить его руки. Закрытая капюшоном голова опускалась к лицу Дадли, словно дементор хотел его поцеловать.

— Вот он! — завопил Гарри.

Мимо с мощным шумом пронёсся серебристый олень. Безглазое лицо дементора было уже в каком-то дюйме от лица Дадли, когда на выручку пришли серебристые рога. Подброшенный в воздух дементор, как и его сотоварищ, стал уплывать и вскоре скрылся во мраке. Олень, доскакав до конца проулка, расплылся серебристым туманом.

Вновь ожили луна, звёзды и уличные фонари. По проулку повеяло тёплым ветерком. В садах зашелестели деревья, послышался привычный шум машин, проезжающих по улице Магнолий. Гарри стоял как вкопанный, органы чувств были напряжены до предела. Трудно было сразу вернуться в нормальную жизнь. Вдруг он почувствовал, что футболка прилипла к телу, — он был весь мокрый от пота.

Он всё никак не мог поверить случившемуся. Дементоры — *здесь*, в Литтл-Уингинге!

Дадли лежал на земле скрюченный. Его трясло, он стонал. Гарри присел на корточки посмотреть, способен ли Дадли встать, и вдруг услышал у себя за спиной громкий топот бегущих ног. Безотчётно опять поднимая волшебную палочку, он резко повернулся к новому пришельцу.

Пыхтя, к нему торопилась миссис Фигг, чок-

нутая старая соседка. Из-под сетки для волос выбились седые пряди, в руке, стуча содержимым, болталась верёвочная продуктовая сумка, на ногах чудом держались матерчатые шлёпанцы. Гарри попытался было спрятать от неё волшебную палочку, но…

— Не убирай её, глупый мальчишка! — заорала она. — Может, здесь и другие рыщут! Я просто растерзать его готова, этого Наземникуса Флетчера!

Глава 2
Совы, совы…

— Что? — тупо спросил Гарри.

— Отлучился! — крикнула миссис Фигг, заламывая руки. — У него, видите ли, встреча с кем-то насчёт котлов, которые свалились с чьей-то метлы! Я ему говорила, что шкуру с него спущу, если он отправится, и вот пожалуйста! Дементоры! Хорошо ещё, я мистера Лапку привлекла! Но нам тут некогда стоять и разговаривать! Скорей, я должна привести тебя обратно! Какая беда, какая беда! Убью его, точно тебе говорю!

— Но…

Тот факт, что его старой, малахольной, помешанной на кошках соседке известно, кто такие дементоры, произвёл на Гарри почти такое же впечатление, как встреча с самими дементорами в проулке.

— Вы… *волшебница?*

— Я сквиб, и Наземникус прекрасно это знает! Поэтому как я могла помочь тебе бороться с дементорами? Оставил тебя совершенно без всякого прикрытия, а ведь я его предупреждала…

— Этот Наземникус меня прикрывал? Погодите… Значит, это был он! Трансгрессировал прямо у моего дома!

— Да, да, да, но, к счастью, я велела мистеру Лапке дежурить на всякий случай под машиной, и он прибежал ко мне с этой новостью, но, когда я дошла до твоего дома, тебя уже не было… А теперь… Ой-ой-ой, что скажет Дамблдор! Эй, ты! — крикнула она Дадли, всё ещё лежавшему на земле. — Живей поднимай свою толстую задницу!

— Вы знаете Дамблдора? — спросил Гарри, глядя на неё во все глаза.

— Ещё бы я не знала Дамблдора! Кто его не знает? Но пошли же! Если они вернутся, от меня помощи не жди, я за всю жизнь даже половую тряпку не трансфигурировала!

Она нагнулась, взялась сморщенными руками за одну из массивных рук Дадли и потянула.

— Вставай, никчёмная ты колода, вставай!

Но Дадли то ли не мог двинуться, то ли не хотел. Он по-прежнему лежал на земле и дрожал, лицо пепельно-серое, губы туго сомкнуты.

— Дайте лучше я.

Гарри взял Дадли за руку и дёрнул изо всех сил. С колоссальным трудом ему удалось поставить

парня на ноги. Казалось, Дадли вот-вот потеряет сознание. Зрачки его маленьких глаз плавали, как у младенца, на лбу бусинами выступил пот. Чуть Гарри его отпустил, он опасно покачнулся.

— Скорей! — истерически крикнула миссис Фигг. Гарри перекинул одну из увесистых рук Дадли через свои плечи и, пригибаясь от тяжести, потащил его к улице. Миссис Фигг ковыляла впереди. Дойдя до поворота, беспокойно заглянула за угол.

— Держи палочку наготове, — предупредила она Гарри, когда они пошли по улице Глициний. — Забудь про Статут о секретности, так и так придётся расплачиваться, семь бед — один ответ. Вот тебе и разумное ограничение волшебства несовершеннолетних… Этого-то Дамблдор и боялся… Что это там, в конце улицы? А, всего-навсего мистер Прентис… Не убирай палочку, не убирай, сколько можно повторять, что от меня пользы никакой.

Не так-то просто было держать наготове палочку и в то же время тащить Дадли. Гарри нетерпеливо ткнул его под рёбра, но Дадли не имел ровно никакого желания передвигаться самостоятельно. Обмякнув, он всем весом давил Гарри на плечи, его большие ступни волочились

по земле.

— Почему вы раньше мне не сказали, что вы сквиб, миссис Фигг? — спросил Гарри, задыхаясь от напряжения. — Столько раз я к вам приходил… Почему вы молчали?

— Приказ Дамблдора. Я должна была за тобой следить, но скрытно от тебя, слишком мало тебе ещё лет. Знаю, что большой радости тебе не доставляла, но Дурсли ни за что не стали бы пускать тебя ко мне, если бы видели, что тебе у меня весело. Нелегко всё это было, ты уж поверь… Батюшки мои, — сказала она трагическим тоном, опять заламывая руки, — когда Дамблдор про это услышит… Как мог Наземникус уйти, он должен был дежурить до полуночи! Где он? Как я сообщу Дамблдору? Ведь я не могу трансгрессировать.

— У меня есть сова, я вам её одолжу, — простонал Гарри, думая, что позвоночник вот-вот треснет под тяжестью Дадли.

— Гарри, ты не понял! Дамблдору надо будет действовать очень быстро. У Министерства есть свои способы фиксировать случаи волшебства несовершеннолетних, они уже знают, помяни моё слово.

— Но я был вынужден использовать волшебство, чтобы защититься от дементоров! Их

должно беспокоить совсем другое — что понадобилось дементорам на улице Глициний?

— Ах, милый мой, как бы я хотела, чтобы так было! Но боюсь… Наземникус Флетчер, я тебя убью своими руками!

Раздался громкий хлопок, и сильно запахло алкоголем и застарелым табаком. Прямо перед ними возник мужчина в драном пальто, коренастый и небритый, с короткими кривыми ногами и длинными спутанными рыжими волосами. Дряблые мешки под налитыми кровью глазами придавали ему скорбный вид собаки — скажем, бассета. В руке он держал серебристый свёрток, в котором Гарри мгновенно узнал мантию-невидимку.

— Что стряслось, Фигги? — спросил он, переводя взгляд с миссис Фигг на Гарри и Дадли. — Тебе вроде как надо было скрытность соблюдать.

— Я тебе покажу скрытность! — закричала миссис Фигг. — Дементоры, понятно тебе, никчёмный ворюга и лоботряс!

— Дементоры? — в ужасе переспросил Наземникус. — Дементоры… здесь?

— Да, здесь, жалкая ты куча драконьего дерьма, здесь! — заорала миссис Фигг. — Дементоры напали на мальчика, которого тебе велено было

охранять!

— Да ты что… — произнёс Наземникус слабым голосом, глядя то на миссис Фигг, то на Гарри, то опять на старуху. — Да ты что, а я…

— А ты слинял краденые котлы покупать! Говорила я тебе, чтобы не смел отлучаться? Говорила?

— Я… Понимаешь, я… — Наземникусу было чрезвычайно не по себе. — Это… это была очень выгодная сделка, понимаешь…

Миссис Фигг замахнулась рукой, в которой болталась верёвочная сумка, и съездила Наземникусу этой сумкой по лицу и шее. Судя по сухому стуку, там у неё был кошачий корм.

— Оxx… Кончай… Кончай, ты, старая летучая мышь! Кто-то должен сказать Дамблдору!

— Да, кто-то должен! — вопила миссис Фигг, охаживая Наземникуса сумкой по всем местам, до которых могла достать. — И пусть этот кто-то будешь ты! Скажешь ему, почему тебя не было на месте!

— У тебя сетка падает с головы! — крикнул Наземникус, пригибаясь и защищая руками макушку. — Иду, иду!

И с новым громким хлопком он исчез.

— Очень надеюсь, что Дамблдор его прикон-

чит! — яростно воскликнула миссис Фигг. — Ну пошли же, Гарри, чего ты ждёшь?

Гарри решил не тратить оставшееся дыхание и не говорить ей, что с Дадли на плечах едва может идти. Он подпихнул вверх мало что соображающего Дадли и заковылял дальше.

— Я до двери тебя провожу, — сказала миссис Фигг, когда они повернули на Тисовую. — На случай, если их было не два, а больше… Батюшки мои, вот ведь беда какая… И тебе пришлось самому от них отбиваться… А Дамблдор сказал: мы ни в коем случае не должны допускать, чтобы тебе пришлось творить волшебство… Ладно, пролитое зелье не соберёшь… Пустили кентавра в огород…

— Значит, — задыхаясь, спросил Гарри, — Дамблдор… устроил… за мной… слежку?

— Ну конечно, — раздражённо ответила миссис Фигг. — А ты думал, он после того, что случилось в июне, позволит тебе гулять без присмотра? Надо же, а мне говорили, что ты умный… Так… Заходи и оставайся там, — сказала она, когда они добрались до дома номер четыре. — Скоро, наверно, получишь какую-нибудь весточку.

— А вы что будете делать? — быстро спросил Гарри.

— Я прямиком домой, — сказала миссис Фигг,

оглядывая тёмную улицу и содрогаясь. — Буду ждать новых указаний. Никуда не выходи, слышишь? Спокойной ночи.

— Постойте, постойте! Я хочу спросить…

Но миссис Фигг уже почесала домой рысью, шлёпая матерчатыми тапочками и гремя кошачьим кормом в сумке.

— Ну постойте же! — крикнул Гарри ей вслед. У него был миллион вопросов к человеку, имевшему выход на Дамблдора. Но за считанные секунды миссис Фигг растворилась в темноте. Сердито хмурясь, Гарри переместил поудобнее висевшего на нём Дадли и с трудом двинулся по садовой дорожке дома номер четыре.

В прихожей горел свет. Гарри засунул волшебную палочку за пояс джинсов, позвонил и увидел растущие очертания тёти Петуньи, причудливо искажённые узорчатым дверным стеклом.

— Дидди! Пора, пора уже было тебе, я начала вол… что… Дидди, что с тобой?

Гарри скосил глаза на Дадли и вынырнул из-под его руки. Как раз вовремя. Дадли качнулся на месте, лицо бледно-зелёное… Потом открыл рот, и его обильно вытошнило на коврик у двери.

— Дидди! Дидди, что с тобой? Вернон! ВЕРНОН!

Из гостиной внушительным шагом вышел

дядя. Как всегда, когда он был взволнован, его моржовые усы раздувались. Он поспешил на помощь тёте Петунье, и вместе они перетащили норовившего свалиться Дадли мимо рвотной лужи в прихожую.

— Он болен, Вернон!

— В чём дело, сынок? Что случилось? Миссис Полкисс чего-то не то дала тебе к чаю?

— Почему ты весь в грязи, родной мой? Ты что, лежал на земле?

— Погоди! Сынок, тебя избили? Избили, да?

Тётя Петунья вскрикнула.

— Вернон, звони в полицию! Звони в полицию! Дидди, милый, скажи маме хоть что-нибудь! Что они тебе сделали?

В суматохе никто не обращал внимания на Гарри, и это было ему на руку. Он проскользнул в дом за секунду до того, как дядя Вернон захлопнул дверь, и, пока Дурсли шумно перемещались на кухню, Гарри тихонько и аккуратно пошёл к лестнице.

— Кто это сделал, сынок? Назови имена. Мы до них доберёмся, будь спокоен.

— Тсс! Вернон, он хочет что-то сказать! Что, Дидди? Скажи маме!

Гарри уже поставил ногу на нижнюю ступень-

ку, когда Дадли обрёл дар речи.

— Он.

Гарри замер. Нога на ступеньке, лицо нахмуренное, губы сжаты. Ну, сейчас будет!

— А ну-ка иди сюда!

Со смешанным чувством страха и злости Гарри медленно спустил ногу обратно и двинулся к Дурслям.

После наружной темноты идеально чистая и светлая кухня создавала ощущение чего-то нереального. Тётя Петунья посадила Дадли на стул. Он по-прежнему был весь зелёный и липкий от пота. Дядя Вернон, стоя перед подставкой для сушки посуды, смотрел на Гарри маленькими, сузившимися глазками.

— Что ты сделал моему сыну? — грозно зарычал он.

— Ничего, — ответил Гарри, прекрасно понимая, что дядя ему не поверит.

— Что он тебе сделал, Дидди? — спросила тётя Петунья трепещущим голосом, вытирая рвоту с кожаного пиджака Дадли. — Это было… ну, сам знаешь что, родной мой. Да? Он использовал… *эту штуку?*

Медленно, подрагивающей головой Дадли кивнул. Тётя испустила вопль, дядя сжал кулаки.

— Ничего подобного! — резко сказал Гарри. — Я ничего ему не сделал, это был не я, это…

Но тут в кухонное окно влетела ушастая сова. Едва не задев макушку дяди Вернона, она планирующим движением пересекла кухню и уронила к ногам Гарри большой пергаментный конверт, который несла в клюве. Потом, коснувшись кончиком крыла верхушки холодильника, заложила элегантный вираж, вылетела в то же окно и унеслась прочь.

— Совы! — взревел дядя Вернон и с силой захлопнул окно. Изрядно поработавшая жила на его виске зло запульсировала. — Опять эти совы! Никаких сов в моём доме я больше не потерплю!

Не слушая его, Гарри разрывал конверт и вынимал письмо. Сердце билось где-то поблизости от кадыка.

> Уважаемый мистер Поттер!
>
> Согласно имеющимся у нас сведениям, сегодня в девять часов двадцать три минуты вечера в населённом маглами районе и в присутствии магла Вы использовали заклинание Патронуса.
>
> За это грубое нарушение Указа о разумном ограничении волшебства несовер-

шеннолетних Вы исключены из Школы чародейства и волшебства «Хогвартс». В ближайшее время представители Министерства явятся к Вам по месту проживания, с тем чтобы уничтожить Вашу волшебную палочку.

Поскольку за предыдущее нарушение Вы, согласно разделу 13 Статута о секретности, принятого Международной конфедерацией магов, уже получили официальное предупреждение, мы с сожалением извещаем Вас о том, что Ваше личное присутствие ожидается на дисциплинарном слушании в Министерстве магии 12 августа в 9 часов утра.

С пожеланием доброго здоровья, искренне Ваша
Муфалда Хмелкирк
Сектор борьбы с неправомерным использованием магии
Министерство магии

Гарри прочёл письмо дважды. Голоса дяди Вернона и тёти Петуньи доносились до него точно издали. В голове всё онемело и заледенело. Новость засела в его сознании, как парализующая

стрела. Он исключён из школы «Хогвартс». Всё кончено. Он никогда туда не вернётся.

Он поднял глаза на Дурслей. Дядя Вернон был весь багровый, кричал и до сих пор не опустил сжатые кулаки. Тётя Петунья обнимала Дадли, которого снова рвало.

После краткого оцепенения мозг Гарри опять заработал. «В ближайшее время представители Министерства явятся к Вам по месту проживания, с тем чтобы уничтожить Вашу волшебную палочку». Ответ на это может быть только один. Бежать, и немедленно. Куда бежать, Гарри не знал, но было ясно: где бы он ни находился, в Хогвартсе или вне его, палочка ему совершенно необходима. Почти что грезя наяву, он вынул палочку и повернулся, чтобы выйти из кухни.

— Куда это ты намылился? — заорал дядя Вернон. Гарри не ответил, и тогда дядя протопал через всю кухню и преградил ему путь в прихожую. — Я ещё не кончил с тобой разбираться!

— Дайте пройти, — тихо сказал Гарри.

— Ты останешься здесь и объяснишь, почему мой сын…

— Если не дадите пройти, я вас заколдую! — пригрозил Гарри, поднимая палочку.

— Ты эти шутки брось у меня! — рявкнул дядя

Вернон. — Я знаю, что тебе запрещено пользоваться этой штуковиной вне сумасшедшего дома, который ты называешь школой!

— Из сумасшедшего дома меня выгнали, — сказал Гарри. — Так что я могу делать что захочу. У вас три секунды. Раз… два…

Раздался громкий щелчок. Тётя Петунья взвизгнула, дядя завопил и присел, и в третий раз за вечер Гарри пришлось искать источник потрясения, в котором сам не был виноват. Он увидел его мгновенно: снаружи на подоконнике сидела оглушённая и взъерошенная сова-сипуха, только что налетевшая на стекло закрытого окна.

Не обращая внимания на истошный крик дяди Вернона: «СОВЫ!», Гарри опрометью бросился к окну и распахнул его. Сова протянула ему лапу, к которой был привязан небольшой пергаментный свиток, встряхнулась, оправляя перья, и улетела через миг после того, как Гарри взял письмо. Трясущимися руками Гарри развернул второе послание, которое было второпях, с кляксами нацарапано чёрными чернилами.

Гарри!

Дамблдор только что прибыл в Министерство и пытается всё уладить. НЕ ПОКИДАЙ ДОМА ДЯДИ И ТЁТИ. НЕ СОВЕРШАЙ БОЛЬШЕ НИКАКОГО ВОЛШЕБСТВА. НЕ ОТДАВАЙ ВОЛШЕБНУЮ ПАЛОЧКУ.

Артур Уизли

Дамблдор пытается всё уладить… Что это значит? Неужели ему удастся пересилить Министерство магии? Неужели есть шанс, что Гарри позволят вернуться в Хогвартс? В сердце у Гарри появился было крохотный росток надежды, но его тут же задушила паника: как, не совершая волшебства, сохранить у себя палочку? Придётся драться с представителями Министерства, а за это уж точно исключат, хорошо если в Азкабан не посадят.

Ум лихорадочно работал. Убежать, рискуя, что сцапают люди из Министерства? Или сидеть на месте и ждать их появления? Первый вариант казался куда более привлекательным, но Гарри знал, что мистер Уизли печётся о его интересах… И если уж на то пошло, Дамблдор утрясал дела и похитрее.

— Ладно, — сказал Гарри. — Я передумал. Оста-

юсь здесь.

Он с размаху опустился на стул у кухонного стола напротив Дадли и тёти Петуньи. Дурсли явно были поражены его внезапным новым решением. Тётя Петунья в отчаянии смотрела на дядю Вернона. Жила на его багровом виске пульсировала сильней, чем когда-либо.

— Откуда взялись эти треклятые совы? — прорычал он.

— Первая из Министерства магии с сообщением, что меня исключили, — спокойно ответил Гарри. Он напрягал слух, желая по доносящимся снаружи звукам узнать о приближении представителей Министерства, и ради тишины лучше было отвечать на дядины вопросы, чем доводить его до бешенства и крика. — Вторая от отца моего друга Рона. Он работает в Министерстве.

— Министерство магии? — взвыл дядя Вернон. — Такие, как ты, работают в правительственных органах? Ну, это, конечно, всё, всё объясняет! Нечего удивляться, что страна катится к чертям!

Не дождавшись от Гарри ответа, дядя Вернон уставился на него, потом выпалил:

— А ну говори, за что тебя исключили!

— За то, что я совершил волшебство.

— Ага! — вскричал дядя Вернон и с такой силой

хватил кулаком по холодильнику, что дверца открылась и кое-какие диетические лакомства Дадли рассыпались по полу. — Сознался-таки! Что ты сделал нашему Дадли?

— Ничего, — сказал Гарри уже чуть менее спокойно. — Это не я…

— Он, — неожиданно подал голос Дадли, и дядя с тётей одновременно замахали на Гарри руками, чтобы он молчал, а сами низко склонились над сыном.

— Говори, говори, сынок, — сказал дядя Вернон. — Что он сделал?

— Скажи нам, милый, — прошептала тётя Петунья.

— Нацелил на меня свою палочку, — пробормотал Дадли.

— Нацелил, но не использовал… — сердито начал Гарри.

— Замолчи! — в один голос крикнули дядя и тётя.

— Говори, говори, сынок, — повторил дядя Вернон, яростно раздувая усы.

— Вдруг стало темно, — хрипло сказал Дадли и содрогнулся. — Совсем темно. А потом я у-услышал… всякое. Внутри м-моей головы.

Его родители обменялись взглядами, полными

ужаса. Из всего, что есть на свете, они меньше всего любили волшебство, дальше с небольшим отрывом шли соседи, которые откровенней, чем они, нарушали запрет на поливку из шлангов; но люди, которые слышат голоса, уж точно входили в десятку самого нелюбимого. Дядя и тётя явно решили, что Дадли сходит с ума.

— Что, что ты услышал, масенький мой? — прошептала бледная как полотно тётя Петунья. Её глаза были полны слёз.

Но Дадли, казалось, не в состоянии был ничего объяснить. Он опять содрогнулся и покачал крупной светловолосой головой, и, несмотря на глухой страх, владевший Гарри с тех пор, как явилась первая сова, он почувствовал некоторое любопытство. Дементоры заставляют человека заново пережить худшее в его жизни. Интересно, что пришлось услышать этому избалованному любителю поиздеваться над слабыми?

— Почему ты упал, сынок? — спросил дядя Вернон неестественно тихим голосом — так он мог бы разговаривать у постели тяжелобольного.

— С-споткнулся, — сказал Дадли заплетающимся языком. — А потом…

Он показал на свою упитанную грудь. Гарри понял: Дадли вспомнил липкий холод, напол-

няющий лёгкие, когда из тебя высасывают всю радость и всю надежду.

— Ужас какой-то, — прохрипел Дадли. — Холод. Зверский холод.

— Понятно, — сказал дядя Вернон нарочито спокойно. Тётя Петунья попробовала ладонью лоб Дадли — не горячий ли. — Ну, а потом что было, Даддерс?

— Потом… как будто… как будто…

— Как будто у тебя никогда больше не будет никакой радости, — безразличным тоном подсказал Гарри.

— Да, — прошептал Дадли, по-прежнему дрожа.

— Так! — сказал дядя Вернон, выпрямившись и повысив голос до обычного внушительного уровня. — Ты навёл на моего сына какие-то чары, и у него помутилось в голове, ему послышались голоса, и он решил, что приговорён к несчастью или вроде того. Верно я говорю?

— Сколько раз вам объяснять? — спросил Гарри, выходя из себя и тоже повышая голос. — Это был не я! Это были два дементора!

— Как-как? Два… что ещё за бред собачий?

— Де-мен-то-ра, — повторил Гарри медленно и раздельно. — Два дементора.

— Кто такие дементоры, чёрт бы их драл?

— Они стерегут Азкабан, тюрьму для волшебников, — сказала тётя Петунья.

Две секунды звенящей тишины — и тётя прихлопнула рот ладонью, как будто из него случайно вылетело нехорошее слово. Дядя Вернон уставился на неё, выкатив глаза. У Гарри голова пошла кругом. Миссис Фигг ещё куда ни шло — но тётя Петунья?

— Откуда вы знаете? — изумлённо спросил он.

Тётя Петунья, казалось, пришла в ужас от самой себя. Посмотрела на дядю Вернона пугливым извиняющимся взглядом, потом чуть опустила руку, так что стали видны лошадиные зубы.

— Я слышала… много лет назад… как этот жуткий мальчишка… рассказывал о них *ей,* — прерывисто произнесла она.

— Если вы про моих родителей, почему не называете их по именам? — громко спросил Гарри, но тётя не ответила. Она испытывала крайнее смятение.

Гарри был ошеломлён. За исключением одной давней вспышки, когда тётя Петунья крикнула, что мать Гарри была чудовищем, он ни разу не слышал, чтобы она поминала сестру. Невероятно было, что она так долго помнила факт, касаю-

щийся магического мира, ведь обычно она всеми силами старалась сделать вид, что этого мира не существует.

Дядя Вернон разинул рот, потом закрыл, потом снова его открыл, потом опять закрыл, потом, точно вспомнил наконец, как произносить слова, открыл его в третий раз и прохрипел:

— Значит… э… они… что… взаправду… э… существуют… эти… как их… дементи… а?

Тётя Петунья кивнула.

Дядя перевёл взгляд с неё на Дадли, потом на Гарри, как будто надеялся, что кто-нибудь из них крикнет ему «С первым апреля!» Поскольку никто этого не крикнул, он вновь зашевелил губами, но от мучительной борьбы за слова его избавило появление третьей совы. Она ворвалась в открытое теперь окно, как пернатое ядро, и со стуком уселась на кухонный стол. От испуга, все трое Дурслей подскочили. Гарри выдернул из совиного клюва очередной официальный на вид конверт, и, пока он его разрывал, сова уже летела обратно во тьму.

— Хватит… с нас… этих… поганых… сов, — бестолково бормотал дядя Вернон, тяжёлым шагом идя к окну и второй раз его захлопывая.

Уважаемый мистер Поттер!

В дополнение к нашему письму, отправленному приблизительно двадцать две минуты назад, сообщаем Вам, что Министерство магии отменило своё решение о немедленном уничтожении Вашей волшебной палочки. Вы можете сохранить её до дисциплинарного слушания, назначенного на 12 августа, когда и будет принято официальное решение.

После консультаций с директором Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» Министерство согласилось отложить до этого времени также и решение вопроса о Вашем пребывании в школе. Вам, таким образом, надлежит считать себя временно исключённым, вплоть до окончания расследования.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваша
Муфалда Хмелкирк
Сектор борьбы с неправомерным использованием магии
Министерство магии

Гарри, не отрываясь, прочёл письмо три ра-

за подряд. Хотя оно отнюдь его не успокоило, несчастливый узел в его груди немного ослаб: выходит, его всё-таки ещё не исключили. Всё, по-видимому, зависело от исхода слушания 12 августа.

— Ну? — спросил дядя Вернон, возвращая Гарри к окружающей действительности. — Что там ещё? Приговорили тебя к чему-нибудь? Есть у вашего племени смертная казнь?

Последний вопрос был задан с надеждой.

— Я должен явиться на слушание, — сказал Гарри.

— И там тебя приговорят?

— Скорее всего.

— Очень было бы хорошо, — произнёс дядя зловредным тоном.

— Так, если это всё... — сказал Гарри и встал. Ему отчаянно хотелось побыть одному, поразмыслить. Может быть, послать весточку Рону, Гермионе или Сириусу.

— Нет, это не всё, чёрт тебя подери! — проревел дядя Вернон. — Садись давай обратно!

— Ну, и что дальше? — раздражённо спросил Гарри.

— Дадли, вот что! — гаркнул дядя Вернон. — Я в точности хочу знать, что произошло с моим

сыном!

— Отлично! — крикнул взбешённый Гарри, и из кончика волшебной палочки, которую он всё ещё сжимал в руке, посыпались красные и золотые искры. Испуганные Дурсли дружно вздрогнули. — Мы с Дадли вошли в проулок между улицей Магнолий и улицей Глициний, — быстро заговорил Гарри, стараясь обуздать свою злость. — Дадли стал меня доводить, ну, я и вынул волшебную палочку. Вынул, но не использовал. Тут появились два дементора…

— Да кто они такие, в конце концов, эти дементоиды?! — в бешенстве спросил дядя Вернон. — Что они делают? ЧТО?

— Я вам уже сказал. Они высасывают из тебя всю радость, — объяснил Гарри. — И, если есть возможность, целуют тебя…

— Целуют? — вылупил глаза дядя Вернон. — Целуют?

— Так они это называют. Они высасывают из человека душу через рот.

Тётя Петунья слабо вскрикнула.

— Из него — *душу?* Нет, они же не могли… У него осталась…

Она схватила Дадли за плечи и стала трясти, как будто хотела проверить, стучит в нём душа

или уже нет.

— Конечно, она у него осталась. Если бы они её забрали, вы бы увидели, — сердито сказал Гарри.

— Отбился от них, да, сынок? — громко спросил дядя Вернон с видом человека, пытающегося вернуть разговор в понятную ему плоскость. — Врезал им пару раз по-свойски, и готово!

— Дементору нельзя врезать по-свойски, — проговорил Гарри сквозь стиснутые зубы.

— Почему тогда с ним всё в порядке? — загремел дядя Вернон. — Почему он не пустой? А?

— Потому что я применил заклинание…

Ш-Ш-Ш-УХ-Х! Со стуком и с шелестом крыльев, подняв облачко мягкой золы, из кухонного камина пробкой вылетела четвёртая сова.

— Ради всего святого! — взревел дядя Вернон и выдернул из усов два хороших пучка волос, чего с ним не случалось очень давно. — Никаких сов в моём доме, ясно вам? Я этого не потерплю ни под каким видом!

Гарри между тем уже вытаскивал из совиной лапы пергаментный свиток. Он был настолько уверен, что это письмо от Дамблдора, объясняющее всё — и дементоров, и миссис Фигг, и намерения Министерства, и то, как он, Дамблдор, собирается всё уладить, — что впервые в жизни

испытал разочарование, увидев почерк Сириуса. Не слушая дядю Вернона, продолжавшего бушевать по поводу сов, и щурясь из-за нового облачка золы, которое птица подняла, вылетая через дымоход, Гарри прочёл записку.

> Артур только что сообщил нам о случившемся. В любом случае не выходи больше из дома.

Такая реакция на всё, что произошло за этот вечер, показалась Гарри настолько несообразной, что он перевернул пергамент в поисках продолжения. Но на обратной стороне ничего не было.

И в нём опять стала подниматься злость. Разве он не заслужил похвалу от всех и каждого за то, что в одиночку отразил нападение двух дементоров? И мистер Уизли, и Сириус пишут ему так, словно он проштрафился, и, кажется, приберегают нагоняй до того момента, когда станет ясно, сколько вреда он причинил.

— Целые стада… Я хотел сказать, целые стаи сов носятся по моему дому! Я этого не потерплю, точно тебе говорю…

— Я не могу помешать им приносить письма! — огрызнулся Гарри, комкая послание Сириуса.

— А я хочу знать правду о том, что случилось! —

проревел дядя Вернон. — Если Дадли досталось от этих дементоров, почему тогда тебя исключают? Ты совершил что-то не то, ты сам в этом признался!

Гарри сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Опять начинала болеть ушибленная голова. Больше всего на свете он хотел уйти из этой кухни, от этих Дурслей.

— Я применил заклинание Патронуса, чтобы избавиться от дементоров, — сказал он, заставляя себя говорить ровным тоном. — Это единственное, что от них защищает.

— Но что они делали в Литтл-Уингинге, эти дементоиды? — возмущённо спросил дядя Вернон.

— Понятия не имею, — устало ответил Гарри.

Под яркими лампами дневного света в голове у него болезненно пульсировало. Злость сходила на нет. Он был обессилен, опустошён. Дурсли не сводили с него глаз.

— Это все ты, — с нажимом сказал дядя Вернон. — Это из-за тебя, я знаю, не отнекивайся. Иначе зачем им было здесь ошиваться? Зачем им было лезть в этот проулок? Ты единственный… единственный… — Он явно не мог заставить себя произнести слово «волшебник». — Единственный *сам знаешь кто* на много миль вокруг.

— Я не знаю, что им здесь было нужно.

Но дядины слова заставили измученный мозг Гарри опять включиться. Почему, почему дементоры явились в Литтл-Уингинг? Разве могло быть случайностью их присутствие в проулке, по которому он, Гарри, шёл? Их что, туда послали? Не потеряло ли Министерство магии контроль над дементорами? Может быть, они покинули Азкабан и примкнули к Волан-де-Морту, как предсказывал Дамблдор?

— Значит, эти демонтёры какую-то тюрьму вашу охраняют? — спросил дядя Вернон, грузно топая по следам размышлений Гарри.

— Да, — сказал Гарри.

Если бы только перестала болеть голова, если бы только можно было уйти из кухни, сесть в тёмной спальне и подумать…

— Всё ясно! Они явились тебя арестовать! — торжествующе заявил дядя Вернон с видом человека, пришедшего к неоспоримому заключению. — Так ведь, дружок, дело обстоит? Ты в бегах от правосудия!

— Нет, разумеется, — покачал головой Гарри, словно отгоняя муху. Мозг между тем лихорадочно работал.

— Тогда почему?..

— Наверно, это он их послал, — тихо сказал Гарри, сказал скорее себе, чем дяде Вернону.

— Кто — он? Кто их послал?

— Лорд Волан-де-Морт, — ответил Гарри.

Краем сознания он отметил некую странность в поведении Дурслей: они всегда, стоило им услышать слова «чародей», «магия» или «волшебная палочка», вздрагивали, вскрикивали и отшатывались, но вместе с тем имя самого зловредного чародея всех времён не вызвало у них ни малейшего трепета.

— Лорд… как ты сказал? — наморщившись, переспросил дядя Вернон. В его поросячьих глазках возникли начатки какого-то понимания. — Это имя я вроде слышал… Это тот, который…

— Убил моих родителей, совершенно верно, — подтвердил Гарри.

— Но он же исчез, — раздражённо сказал дядя Вернон. Ему, похоже, было безразлично, что Гарри тяжело вспоминать о гибели отца и матери. — Этот верзила на острове так сказал. Испарился.

— Он вернулся, — тяжко выдохнул Гарри.

Очень странно было стоять в чистой, как операционная, кухне тёти Петуньи подле наисовременнейшего холодильника и телевизора

с большим экраном и спокойно вести разговор с дядей Верноном о лорде Волан-де-Морте. Появление дементоров в Литтл-Уингинге словно бы пробило брешь в огромной невидимой стене, которая отделяла неумолимо чуждый всякому колдовству мир Тисовой улицы от того, другого мира. Две жизни Гарри слились воедино, всё перевернулось вверх тормашками: Дурслей интересуют детали волшебного мира, миссис Фигг знает Альбуса Дамблдора, по Литтл-Уингингу летают дементоры, а он сам, может быть, никогда не вернётся в Хогвартс. В голове у Гарри запульсировало ещё болезненней.

— Вернулся? — прошептала тётя Петунья.

Она смотрела на Гарри, как не смотрела никогда раньше. Внезапно он впервые в жизни сполна почувствовал, что тётя Петунья — сестра его матери. Он не смог бы сказать, почему именно сейчас ощутил это с такой силой. Он знал одно: кроме него, в кухне есть ещё один человек, имеющий понятие о том, что может означать возвращение лорда Волан-де-Морта. Ни разу в жизни тётя так на него не смотрела. Её большие бледные глаза, совсем не похожие на сестрины, не сузились от неприязни или злости. Они были широко открыты, и в них читался испуг. От её исступлённого

нежелания признать существование волшебства, существование чего-либо помимо их с дядей Верноном мира — от нежелания, длившегося всю жизнь Гарри, — ничего не осталось.

— Да, — сказал Гарри. Он говорил теперь именно с ней, с тётей. — Он вернулся месяц назад. Я его видел.

Её ладони нащупали сквозь кожу пиджака массивные плечи Дадли и стиснули их.

— Погоди, — вмешался дядя Вернон, глядя то на жену, то на Гарри, то опять на жену. Он был явно ошеломлён, сбит с толку небывалым взаимопониманием, которое, казалось, возникло между ними. — Погоди. Ты говоришь, этот лорд Воланди… как его… вернулся?

— Да…

— Тот, который убил твоих родителей.

— Да.

— И теперь он насылает на тебя демонаторов?

— Очень похоже, — ответил Гарри.

— Понятно, — сказал дядя Вернон, переводя взгляд с бледной как полотно жены на Гарри и поддёргивая брюки. Казалось, он разбухал. Его большое багровое лицо надувалось у Гарри на глазах, как резиновый шар. Рубашка на груди натянулась. — Что ж, это решает дело. А ну пошёл

вон из нашего дома!

— Что? — спросил Гарри.

— Ты слышал, что! Вон! — гаркнул дядя Вернон так, что даже тётя Петунья и Дадли подскочили. — Вон! Не надо было тогда тебя брать! Совы летают к нам как к себе домой, пудинги взрываются, половина гостиной превращается чёрт знает во что, у Дадли вырастает хвост, Мардж скачет по потолку, а чего стоит этот летающий форд «Англия»! Вон! Вон! Хватит с нас! Хорошенького понемножку! Если за тобой охотится какой-то псих, это не причина, чтобы ты здесь торчал, подвергал опасности мою жену и нашего сына, устраивал нам неприятности! Раз ты пошёл той же дорожкой, что и твои никчёмные родители, — с меня хватит! ВОН!

Гарри стоял как вкопанный, комкая в левой руке письма из Министерства, от мистера Уизли и от Сириуса. *В любом случае не выходи больше из дома. НЕ ПОКИДАЙ ДОМА ДЯДИ И ТЁТИ.*

— Ты что, оглох?! — заорал дядя Вернон. Теперь он наклонился вперёд и так близко поднёс багровое лицо к лицу Гарри, что на того брызнули капельки слюны. — Убирайся! Ты ведь очень хотел уйти полчаса назад! Всецело одобряю! Вали отсюда и близко больше не подходи к нашему

дому! Почему мы тебя тогда взяли — ума не приложу. Права была Мардж, надо было отдать тебя в приют! Проявили мягкотелость себе во вред, подумали, что сможем это из тебя вытравить, сделать из тебя нормального человека! Но ты гнилой от рождения, и с меня хватит… Чёртовы совы!

Пятая сова так стремительно промахнула дымоход, что шмякнулась об пол. Громко ухнув, она взмыла в воздух. Гарри протянул было руку за письмом, запечатанным в алый конверт, но сова пролетела у него над головой и направилась прямо к тёте Петунье. Та вскрикнула и пригнулась, обхватив руками голову. Сова уронила красный конверт ей на макушку, развернулась в воздухе и вылетела тем же путём, что и явилась.

Гарри кинулся взять послание, но тётя его опередила.

— Распечатывайте, если хотите, — сказал ей Гарри, — но я так и так услышу, что тут написано. Это громовещатель.

— Отдай ему, Петунья! — крикнул дядя Вернон. — Не бери, это может быть опасно!

— Адресовано мне, — проговорила тётя трясущимися губами. — Мне, Вернон, посмотри!

«Тисовая улица, кухня дома номер че-

тыре, миссис Петунье Дурсль…»

В ужасе она осеклась. Красный конверт начал дымиться.

— Распечатывайте! — убеждал её Гарри. — Кончайте с этим! Впрочем, всё равно.

— Нет…

Тётина рука дрожала. Петунья дико водила по кухне глазами, точно искала путь к спасению, но поздно — конверт вспыхнул. Тётя с криком уронила его.

Отдаваясь гулким эхом, кухню наполнил жуткий голос, источником которого было горящее письмо на столе.

— Не забывайте мой наказ, Петунья!

Казалось, тётя Петунья сейчас упадёт в обморок. Она опустилась на стул рядом с Дадли и закрыла лицо руками. Остатки конверта догорали в полной тишине.

— Что это значит? — хрипло спросил дядя Вернон. — Что… Я не… Петунья!

Тётя Петунья молчала. Дадли пялился на мать, тупо раззявив рот. Тишина закручивалась жуткой спиралью. Гарри глядел на тётю, совершенно сбитый с толку. Голова, казалось, вот-вот лопнет.

— Петунья, солнышко, — нежно проворковал

дядя Вернон. — П-петунья!

Она подняла голову. Её всё ещё била дрожь. Она сглотнула.

— Мальчик… мальчик остаётся у нас, Вернон, — сказала она слабым голосом.

— Ч-что?

— Он остаётся, — повторила она, не глядя на Гарри. Потом встала со стула.

— Он… Но как же, Петунья…

— Если мы его выгоним, пойдут толки среди соседей, — сказала она. Хотя она была ещё очень бледная, к ней стремительно возвращалась быстрая, отрывистая манера речи. — Начнут всякие вопросы задавать, станут интересоваться, куда он делся. Придётся его оставить.

Дядя Вернон сдувался, как проколотая шина.

— Но Петунья, лапочка…

Не обращая на него внимания, тётя Петунья повернулась к Гарри:

— Сиди у себя в комнате. Из дому не выходи. А теперь спать.

Гарри не двигался.

— От кого этот громовещатель?

— Не задавай мне вопросов! — отрезала тётя Петунья.

— Вы связаны с волшебниками?

— Я велела тебе ложиться спать!

— Что это значит? Какой наказ?

— В постель!

— Ничего не понимаю…

— Слышал ты меня или нет? Спать немедленно!

Глава 3
Защитный отряд

> Я только что отразил атаку дементоров, и меня, может быть, исключат из Хогвартса. Я хочу знать, что происходит и когда я отсюда выберусь.

Войдя в тёмную спальню, Гарри тут же сел за стол и написал эти слова на трёх отдельных листках пергамента. Первое письмо он адресовал Сириусу, второе Рону, третье Гермионе. Его сова Букля отлучилась поохотиться, клетка стояла на письменном столе пустая. Дожидаясь её возвращения, Гарри ходил по комнате взад и вперёд. В голове стучало, мозг был слишком возбуждён, чтобы спать, хотя глаза щипало от усталости. Ломило спину, на которую он взваливал Дадли. От оконной рамы и кулака Дадли вскочили две шишки, и в них пульсировала боль.

Мучась бессильной злостью, он мерил шагами спальню, скрипел зубами, стискивал кулаки и всякий раз, как проходил мимо окна, бросал гневные взгляды на пустое, усыпанное звёздами

небо. Нападение дементоров, тайная слежка миссис Фигг и Наземникуса Флетчера, временное исключение из Хогвартса, разбирательство в Министерстве магии — и по-прежнему никто не хочет объяснить ему, что, собственно, происходит.

И о чём, о чём был этот громовещатель? Чей голос отдавался в кухне таким жутким, угрожающим эхом?

Почему он до сих пор сидит тут, как в клетке, ничего не зная? Почему с ним обращаются как с непослушным ребёнком? Не покидай дома, не совершай больше никакого волшебства…

Проходя мимо школьного чемодана, он пнул его ногой, однако не только не облегчил этим злость, но почувствовал себя ещё хуже: заболел, вдобавок ко всему, и большой палец ноги.

В окно, когда он, хромая, опять к нему приблизился, с мягким шелестом крыльев влетела Букля, похожая на маленькое привидение.

— Наконец-то! — проворчал Гарри, когда она бесшумно уселась на клетку. — Потом будешь пировать, у меня есть для тебя работа!

Букля укоризненно посмотрела на него большими, круглыми, янтарными глазами. В клюве у неё была зажата дохлая лягушка.

— Поди-ка сюда.

Взяв три маленьких пергаментных свитка, Гарри привязал их ремешком к кожистой лапке Букли.

— Одно письмо Сириусу, другое Рону, третье Гермионе. И не возвращайся без хороших, подробных ответов. Надо будет — терзай их клювом, пока не напишут что-нибудь приличной длины. Поняла?

Букля, чей клюв был по-прежнему набит лягушатиной, сдавленно ухнула.

— Тогда вперёд! — скомандовал Гарри.

Она снялась с места мгновенно. Когда сова улетела, Гарри, не раздеваясь, кинулся на кровать и стал смотреть на тёмный потолок. Вдобавок ко всему он теперь чувствовал себя виноватым из-за того, что резко разговаривал с Буклей. В этом доме она была его единственным другом. Надо быть с ней поласковей, когда она вернётся с ответами Сириуса, Рона и Гермионы.

Им некуда будет деваться — придётся писать, и быстро. Проигнорировать нападение дементоров они не смогут. Может быть, он завтра проснётся и увидит три толстенных письма, полных сочувствия и планов его немедленного перемещения в «Нору». Под эти успокаивающие мысли на него

накатил сон, помешав обдумывать положение дальше.

* * *

Но назавтра Букля не вернулась. Гарри весь день провёл у себя в спальне, откуда выходил только по нужде. Тётя Петунья трижды подсовывала ему еду в кошачью дверцу, которую дядя Вернон сделал три года назад. Всякий раз, когда Гарри слышал её шаги, он пытался расспросить её о громовещателе, но с таким же успехом можно было расспрашивать дверную ручку. Если не считать этих её приближений, Дурсли старались держаться от его спальни подальше. Гарри, в свою очередь, не считал нужным навязывать им своё общество. Новый скандал мог привести лишь к одному: он так разозлится, что совершит ещё какое-нибудь запрещённое волшебство.

Так продолжалось три дня. Гарри попеременно пребывал в двух состояниях. В первом его наполняла беспокойная энергия. Он ни на чём не мог сосредоточиться и только ходил взад-вперёд по спальне, злясь на всех разом за то, что предоставили ему вариться в собственном соку. Во втором им овладевало такое оцепенение, что он валялся на кровати по часу и больше, тупо глядя

в пространство и томясь гнетущим страхом из-за предстоящего разбирательства в Министерстве.

Что, если решение будет не в его пользу? Что, если его действительно исключат, а палочку переломят надвое? Что ему тогда делать, куда податься? Жить, как раньше, круглый год у Дурслей? Нет, только не теперь, когда он узнал другой мир — мир, где ему самое место. Может быть, перебраться в дом Сириуса, как Сириус предложил ему год назад, перед самым своим бегством? Но позволят ли Гарри жить там одному? Ведь он всё ещё несовершеннолетний. Не исключено, что вопрос, куда ему отправляться, решат за него другие. Может быть, за нарушение Международного статута о секретности его приговорят к Азкабану. Всякий раз, как это приходило ему в голову, Гарри слезал с кровати и принимался ходить по комнате.

В четвёртый вечер после того, как улетела Букля, Гарри лежал в очередном приступе апатии и пялился в потолок. Обессилевший ум был совершенно пуст. Вдруг в спальню вошёл дядя. Гарри медленно перевёл на него взгляд. Дядя Вернон был одет в свой лучший костюм, и на лице его было написано колоссальное самодовольство.

— Мы уходим, — сказал он.

— Что-что?

— Мы — то есть твоя тётя, Дадли и я — сейчас уходим.

— Отлично, — буркнул Гарри и снова стал смотреть в потолок.

— Пока нас нет, не выходи из спальни ни под каким видом.

— Хорошо.

— Не прикасайся ни к телевизору, ни к стереосистеме, ни к другим нашим вещам.

— Ладно.

— И не таскай еду из холодильника.

— Не буду.

— Я запру тебя снаружи.

— Запирайте.

Дядя Вернон недоверчиво уставился на Гарри. Такая сговорчивость была очень подозрительна. Потом он, топая, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Гарри услышал, как в замке поворачивается ключ. Вслед за этим — тяжёлые дядины шаги по лестнице. Через несколько минут внизу хлопнули автомобильные дверцы, заработал мотор, раздался шум удаляющейся машины.

Гарри не испытывал по поводу отъезда Дурслей никаких особенных чувств. Ему безразлично было, есть они в доме или нет. Не было сил даже

встать и включить в спальне свет. Становилось всё темней и темней. Он лежал и слушал вечерние звуки, долетавшие через окно, которое он всё время держал открытым в ожидании благословенной минуты, когда вернётся Букля.

В пустом доме изредка потрескивало. Булькали трубы. Гарри лежал в полном оцепенении, ни о чём не думая, весь погруженный в своё несчастье.

Вдруг он совершенно отчётливо услышал, как внизу в кухне что-то разбилось.

Он рывком сел на кровати и весь превратился в слух. Дурсли не могли вернуться так скоро. К тому же он не слышал машины.

Несколько секунд тишина, потом голоса.

«Взломщики», — подумал он, спуская ноги на пол, но через долю секунды сообразил, что взломщики не стали бы, как эти люди, разговаривать во весь голос.

Он схватил с прикроватной тумбочки волшебную палочку и повернулся к двери, прислушиваясь изо всех сил. Мгновение — и он подскочил: громко щёлкнул замок, дверь распахнулась.

Гарри стоял неподвижно, глядя через дверной проём на тёмную лестничную площадку, готовый уловить малейший звук, но было тихо. Секунду

он колебался, затем стремительно и бесшумно вышел из комнаты на лестницу.

Сердце забилось у самого горла. Внизу, в полутёмной прихожей, на фоне проникавшего сквозь стеклянную дверь света от уличного фонаря, он увидел силуэты. Восемь или девять человек, и все, насколько он мог разобрать, смотрели на него.

— Опусти палочку, дружище, а то глаз кому-нибудь выколешь, — произнёс низкий ворчливый голос.

Сердце застучало как бешеное. Гарри узнал голос, но палочку не опустил.

— Профессор Грюм? — спросил он с сомнением.

— Профессор не профессор — точно не скажу, — прорычал голос. — Преподавать мне не слишком-то много пришлось. Спускайся, дай хоть рассмотреть тебя как следует.

Гарри немного опустил палочку, но сжимал её всё так же крепко и с места не двинулся. У него была веская причина для подозрений. Совсем недавно он девять месяцев ходил на уроки к самозванцу, который мало того что выдавал себя за Грозного Глаза Грюма, но ещё и попытался его, Гарри, убить, прежде чем был разоблачён. Однако не успел Гарри решить, что делать дальше, как

зазвучал второй голос, хрипловатый:

— Всё хорошо, Гарри. Мы пришли забрать тебя отсюда.

Сердце у Гарри так и прыгнуло. Этот голос тоже был ему известен, хоть он и не слышал его больше года.

— П-профессор Люпин? — спросил он, веря и не веря. — Это вы?

— Долго мы ещё будем стоять тут во мраке? — раздался третий голос, женский и совсем незнакомый.

— *Люмос!*

Внизу вспыхнул кончик волшебной палочки, и прихожая озарилась магическим светом. Гарри заморгал. Столпясь у подножия лестницы, все пришедшие пристально на него смотрели. Некоторые тянули шеи, чтобы лучше было видно.

Ближе всех к нему стоял Римус Люпин. Совсем ещё не старый, он, однако, выглядел уставшим и даже больным. После того как Гарри в последний раз с ним попрощался, на голове у него прибавилось седых волос, а на истрёпанной мантии — заплат. Тем не менее он сердечно улыбался Гарри, и тот, несмотря на потрясение, попытался улыбнуться в ответ.

— О-о-о, да он в точности такой, как я дума-

ла! — воскликнула чародейка, которая держала в поднятой руке светящуюся волшебную палочку. Судя по всему, она была из них самой молодой. Бледное, сужающееся книзу лицо, тёмные мерцающие глаза, короткие волосы торчком неистового фиолетового цвета. — Здорово, Гарри!

— Да, ты был прав, Римус, — сказал лысый чернокожий колдун, стоявший дальше всех. Говорил он врастяжку, густым басом, и в одном ухе у него была золотая серьга в форме кольца. — Он копия Джеймса.

— Кроме глаз, — сипло поправил его другой маг, седовласый, тоже из задних. — Глаза как у Лили.

Грозный Глаз Грюм с его длинной пепельной гривой и особенным носом, изрядная часть которого отсутствовала, подозрительно косился на Гарри своими разными глазами. Один, маленький и тёмный, походил на бусину, другой был большой, круглый и ярко-голубой. Этим волшебным глазом Грюм мог смотреть не только сквозь стены и двери, но даже назад — через собственный затылок.

— Уверен, Люпин, что это он? — пророкотал Грюм. — Очень некстати будет, если мы доставим вместо него какого-нибудь Пожирателя смерти! Надо его спросить о чём-нибудь таком, что знает

только настоящий Поттер. Или кто-нибудь прихватил с собой сыворотку правды?

— Гарри, какой вид принимает твой Патронус? — спросил Люпин.

— Оленя, — нервно ответил Гарри.

— Это он, Грозный Глаз, — сказал Люпин.

Остро ощущая, что все по-прежнему на него смотрят, Гарри стал спускаться по лестнице. По пути он запихивал волшебную палочку в задний карман джинсов.

— Не смей её туда совать, слышишь меня? — проревел Грюм. — А ну как вспыхнет? Почище тебя волшебники — и те оставались с одной ягодицей!

— Кто именно, можно узнать? — заинтересованно спросила его женщина с фиолетовыми волосами.

— Какая разница! Просто не надо совать волшебные палочки в задние карманы! — прорычал Грозный Глаз. — Все плюют на элементарные меры безопасности! — Стуча деревянной ногой, он двинулся на кухню. — Учти, я видел, — сердито добавил он, когда волшебница возвела глаза к потолку.

Люпин пожал Гарри руку.

— Ну, как ты? — спросил он, пристально его

разглядывая.

— Х-хорошо…

Гарри не верилось, что это взаправду. Четыре недели ровно ничего, никакого даже намёка на план вызволения его с Тисовой улицы — и вдруг нате вам: целая толпа волшебников ввалилась в дом как ни в чём не бывало, точно по какому-то давнему уговору. Он обвёл взглядом окружавших Люпина людей. Они продолжали внимательно его рассматривать. Его мучило сознание того факта, что он четыре дня не брал в руки расчёску.

— Я… вам повезло, что Дурслей нет дома… — пробормотал он.

— Ха-ха! Он говорит: повезло! — рассмеялась женщина с фиолетовыми волосами. — Ведь это я их убрала с дороги. Послала им магловской почтой сообщение, что они попали в финал Всеанглийского конкурса лучших содержателей пригородных лужаек. Они едут сейчас на объявление победителей… верней, так им кажется.

Гарри представил себе лицо дяди Вернона в тот миг, когда он поймёт, что нет никакого Всеанглийского конкурса лучших содержателей пригородных лужаек.

— Мы уходим отсюда? — спросил он. — Скоро?

— Почти немедленно, — ответил Люпин. — Как

только получим «добро» на отправление.

— Куда двинемся? В «Нору»? — поинтересовался Гарри с надеждой.

— Нет, не в «Нору», — сказал Люпин, жестом приглашая Гарри идти в кухню. Вся небольшая группа волшебников последовала туда же. Они смотрели на Гарри с прежним любопытством. — Слишком было бы рискованно. Мы устроили штаб-квартиру там, где её нельзя обнаружить. Для этого понадобилось время…

Грозный Глаз Грюм сидел за кухонным столом и потягивал содержимое своей набедренной фляги. Его волшебный глаз вращался во все стороны, разглядывая многочисленные кухонные приспособления Дурслей.

— Это Аластор Грюм, Гарри, — представил сидящего Люпин.

— Да, я знаю, — сказал Гарри, которому было не слишком уютно. Он целый год считал, что знаком с этим человеком, а теперь их знакомили опять.

— А это Нимфадора…

— Не смей называть меня Нимфадорой, Римус! — вскинулась молодая волшебница. — Просто Тонкс.

— Нимфадора Тонкс, которая предпочитает, чтобы её называли только по фамилии, — закон-

чил Люпин.

— Ты бы тоже предпочитал, если бы дура мамаша дала тебе такое имя, — пробормотала Тонкс.

— А это Кингсли Бруствер. — Люпин показал на высокого чернокожего волшебника, и тот отвесил поклон. — Элфиас Дож (Кивнул маг, говоривший сиплым голосом.) Дедалус Дингл…

— Мы уже знакомы, — пропищал чуть что приходящий в волнение Дингл и уронил свой фиолетовый цилиндр.

— Эммелина Вэнс. (Величавая ведунья в изумрудно-зелёной накидке наклонила голову.) Стерджис Подмор. (Чародей с квадратным подбородком и густой шапкой волос соломенного цвета игриво подмигнул.) И Гестия Джонс.(Помахала розовощёкая черноволосая волшебница, стоявшая рядом с тостером.)

Гарри неуклюже кланялся каждому, кого Люпин представлял. Ему очень хотелось, чтобы они смотрели не на него, а на что-нибудь другое. Словно тебя ни с того ни с сего вывели на сцену. Кроме того, он не понимал, почему их так много.

— Сколько народу за тобой пожаловало! Есть чему удивляться, да? — сказал Люпин, будто прочитав мысли Гарри. Уголки его рта чуть подрагивали.

— Чем больше, тем лучше, — мрачно проговорил Грюм. — Мы твоя охрана, Поттер.

— Ждём сигнала, что путь свободен, — сообщил Люпин, выглядывая в кухонное окно. — Ещё минут пятнадцать.

— Экие тут чистюли живут! — воскликнула Тонкс, которая оглядывала кухню с громадным интересом. — А вот папаша мой, хоть он тоже из маглов, — настоящий старый неряха. Выходит, все они разные, как и мы, волшебники.

— Э… да, — согласился Гарри. — Послушайте… — Он опять повернулся к Люпину. — Что происходит? Никто ничего мне не говорит. Что известно про Волан…

— Тсс! Тсс! — полетело в него сразу от нескольких чародеев и чародеек. Дедалус Дингл опять уронил цилиндр.

— Молчи! — рявкнул Грюм.

— Почему? — спросил Гарри.

— Мы не обсуждаем ничего здесь, слишком опасно, — сказал Грюм, глядя на Гарри своим обычным глазом. Волшебным он по-прежнему смотрел на потолок. — Тьфу ты, — выругался он и поднёс к волшебному глазу руку. — С тех пор как им пользовался этот гад, всё время заклинивает.

И с неприятным хлюпаньем, как от прочищае-

мой кухонной раковины, он выдернул глаз.

— Грозный Глаз, ты ведь понимаешь, как это противно, правда? — непринуждённо заметила Тонкс.

— Гарри, будь добр, принеси мне стакан воды, — попросил Грюм.

Гарри вынул из посудомоечной машины чистый стакан и налил в него воды из крана. Волшебники пристально следили за каждым его движением. Их внимание уже изрядно ему досаждало.

— Спасибо, — сказал Грюм, взяв у Гарри стакан. Он кинул волшебный глаз в воду и хорошенько встряхнул. Глаз завертелся, зыркнув на всех по очереди. — На обратном пути мне нужен угол обзора триста шестьдесят градусов.

— Как мы будем добираться? Куда — ладно, не спрашиваю, но как? — поинтересовался Гарри.

— На мётлах, — ответил Люпин. — Единственный способ. До того, чтобы трансгрессировать, ты ещё не дорос, летучий порох исключается — камины под их наблюдением, а если мы самовольно соорудим портал, это будет стоить нам не только наших жизней.

— Римус говорит, ты неплохо летаешь, — вставил Кингсли Бруствер густым басом.

— Он летает отлично, — сказал Люпин, глядя на часы. — Как бы то ни было, иди собирай вещи, мы должны быть готовы до сигнала.

— Я тебе помогу, — жизнерадостно вызвалась Тонкс. Она последовала за Гарри в прихожую и на второй этаж, оглядывая всё вокруг с колоссальным любопытством.

— Забавное жилище, — заметила она. — Чуточку слишком чистое. Понимаешь, что я имею в виду? О, а здесь куда лучше, — добавила она, когда они вошли в комнату Гарри и он включил свет.

В его спальне было гораздо больше грязи и беспорядка, чем во всём остальном доме. Проведя в ней четыре дня в очень плохом настроении, Гарри не утруждал себя уборкой. Большая часть книг была рассыпана по полу: стараясь отвлечься, он брал их и отбрасывал одну за другой. Клетка Букли нуждалась в чистке, и от неё попахивало. Чемодан, где магловская одежда была причудливо перемешана с чародейской, лежал открытый, и часть вещей вывалилась из него на пол.

Гарри стал торопливо подбирать книги и кидать в чемодан. Тонкс задержалась у распахнутого гардероба и критически уставилась на своё отражение в зеркале на внутренней стороне дверцы.

— Ты знаешь, по-моему, фиолетовый — всё-таки не мой цвет, — задумчиво проговорила она и потянула себя за торчащую прядь. — Тебе не кажется, что он придаёт мне какую-то болезненность?

Взглянув на неё поверх брошюры «Сборные Британии и Ирландии по квиддичу», Гарри промычал что-то нечленораздельное.

— Да, придаёт, — решительно сказала Тонкс. С напряжённым видом, словно хотела что-то припомнить, она прищурилась — и секунду спустя её волосы стали ярко-розовыми, как жевательная резинка.

— Как вам это удаётся? — изумлённо спросил Гарри.

— Я метаморфиня, — ответила она и, открыв глаза во всю ширь, вновь принялась изучать своё отражение. Она поворачивала голову так и эдак, чтобы оглядеть волосы со всех сторон. — Это значит, что я могу менять свою внешность как мне захочется, — добавила она, увидев в зеркале озадаченное лицо Гарри. — Такая вот уродилась. Когда меня готовили на мракоборца, получила высшие баллы по скрытности и маскировке без всякой зубрёжки. Это было замечательно.

— На мракоборца? — переспросил Гарри с ува-

жением. Думая о будущем, он только о том и мечтал, чтобы по окончании Хогвартса сражаться с Тёмными волшебниками.

— Ага, — гордо сказала Тонкс. — Кингсли тоже мракоборец, но он чуть повыше меня рангом. Я всего год назад получила диплом. Чуть не провалилась по тайному проникновению и выслеживанию. Я страшно неуклюжая. Слышал, как я тарелку разбила, когда мы вошли в кухню?

— А можно выучиться на метаморфа? — спросил Гарри, выпрямившись и начисто забыв про сборы.

Тонкс хихикнула.

— Шрам свой небось хочешь иногда прятать?

Она нашла глазами молниевидный шрам у Гарри на лбу.

— Да ничего я такого не хочу, — пробормотал Гарри, отворачиваясь. Он не любил, когда рассматривали его шрам.

— Нет, боюсь, такого лёгкого пути у тебя не будет, — сказала Тонкс. — Метаморфы редко встречаются, это врождённое качество. Большинству чародеев, чтобы изменить внешность, нужны волшебные палочки или зелья. Но нам бы поторопиться, Гарри, мы вещи пришли собирать, — добавила она виновато, оглядывая

беспорядок на полу.

— А… да, — сказал Гарри и подобрал ещё несколько книг.

— Оставь, не надо, я справлюсь куда быстрей! — воскликнула Тонкс и длинным круговым движением провела палочкой над полом.

Книги, одежда, телескоп и весы взмыли в воздух и как попало влетели в чемодан.

— Аккуратности особой нет, конечно, — заметила Тонкс, подойдя к чемодану и посмотрев на кашу, которая там получилась. — Моя мама, та умеет всё собирать вещичка к вещичке. У неё даже носки сами складываются. Но я так не могу. Тут нужен особый взмах…

Она наудачу сделала движение волшебной палочкой. Один из носков Гарри слабо трепыхнулся и снова лёг поверх кучи вещей.

— А, ладно, — сказала Тонкс, захлопывая крышку чемодана. — По крайней мере всё поместилось. Теперь давай-ка тут почистим. — Она направила палочку на Буклину клетку.

— *Экскуро!* — Помёт и несколько пёрышек исчезли. — Что ж, хоть немножко, да лучше. Я, честно говоря, не сильна в этих домашне-хозяйственных заклинаниях. Ну, всё взял? Котёл? Метлу? Ух ты, «Молния»!

При взгляде на метлу в правой руке Гарри её глаза расширились. Это была его радость и гордость, подарок Сириуса — вещь, отвечающая международным стандартам.

— А я всё ещё на «Комете-260», — с завистью проговорила Тонкс. — Так, ну что же… Палочка по-прежнему в заднем кармане? Ягодицы на месте? Отлично, вперёд. Локомотор, чемодан!

Чемодан Гарри поднялся в воздух на несколько дюймов. Держа волшебную палочку как дирижёрскую, Тонкс отправила чемодан через комнату к двери и на лестницу. Клетку Букли она взяла в левую руку. Гарри с метлой спустился на первый этаж за ней следом.

В кухне Грюм уже вернул глаз на место. После промывки волшебный глаз вращался так быстро, что при взгляде на него у Гарри закружилась голова. Кингсли Бруствер и Стерджис Подмор изучали микроволновую печь, Гестия Джонс хохотала, держа в руках картофелечистку, которую нашла, когда шарила по выдвижным ящикам. Люпин заклеивал письмо, адресованное Дурслям.

— Вовремя, — сказал Люпин, подняв глаза на входящих Гарри и Тонкс. — У нас, думаю, около минуты. Надо бы выйти в сад для готовности. Гарри, я оставляю дяде и тёте письмо, где прошу

их не беспокоиться за тебя…

— И так не будут, — заметил Гарри.

— …и заверяю их, что ты в безопасности…

— Это их только огорчит.

— …и вернёшься сюда следующим летом.

— А без этого никак нельзя?

Люпин улыбнулся и ничего не ответил.

— Поди-ка сюда, дружок, — проворчал Грюм и поманил Гарри к себе волшебной палочкой. — Мне надо тебя дезиллюминировать.

— Что-что? — нервно спросил Гарри.

— Дезиллюминационное заклинание, — сказал Грюм, поднимая палочку. — Люпин говорит, у тебя есть мантия-невидимка, но в полёте её сорвёт. Этот камуфляж будет понадёжнее. Ну-ка…

Он с силой стукнул его палочкой по макушке, и у Гарри возникло странное ощущение, будто Грюм разбил у него на голове яйцо. По телу от того места, куда пришёлся удар, словно бы потекли холодные струйки.

— Вот это класс, — одобрительно сказала Тонкс, глядя на живот Гарри.

Гарри опустил глаза на своё тело, вернее, на то, что было его телом, потому что теперь оно, казалось, не имело с ним ничего общего. Оно не стало невидимым — просто в точности приобрело

расцветку и фактуру кухонного приспособления, перед которым он стоял. Он сделался человеком-хамелеоном.

— Пошли! — скомандовал Грюм, отпирая волшебной палочкой заднюю дверь.

Все высыпали на идеально ухоженный газон дяди Вернона.

— Ночка-то ясная, — проворчал Грюм, озирая небо волшебным глазом. — Кой-какая облачность нам бы не помешала. Так, слушай меня, — рявкнул он, обращаясь к Гарри. — Полетим сомкнутой группой. Тонкс перед тобой, держись за ней вплотную. Люпин прикроет тебя снизу, я сзади. Остальные вокруг нас. Строй не нарушать ни под каким видом, понял меня? Если кого-нибудь из нас убьют…

— Такое может случиться? — с тревогой спросил Гарри, но Грюм точно не слышал.

— …то другие летят дальше, не задерживаются, не ломают строя. Если погибнут все, кроме тебя, Гарри, то в игру вступит вспомогательный отряд. Он пока выжидает. Продолжай двигаться на восток, и они возьмут тебя под защиту.

— Слишком уж ты радостные речи ведёшь, Грозный Глаз. Гарри подумает, мы несерьёзно относимся к делу, — заметила Тонкс, закрепляя

чемодан Гарри и клетку Букли ремнями, свисавшими с её метлы.

— Я просто рассказываю парню план, — прорычал Грюм. — Наша задача — доставить его в штаб-квартиру невредимым, и если это будет стоить нам жизни…

— Это никому не будет стоить жизни, — успокаивающе пробасил Кингсли Бруствер.

— Все на мётлы! Вот первый сигнал! — отрывисто произнёс Люпин, показывая на небо.

Высоко-высоко в небе рассыпался среди звёзд сноп ярких красных искр. Гарри сразу понял, что это искры от волшебной палочки. Он перекинул правую ногу через свою «Молнию», крепко взялся за рукоятку и почувствовал, что метла еле уловимо трепещет, как будто ей тоже не терпится снова подняться в воздух.

— Второй сигнал! Вперёд! — рявкнул Люпин, когда в вышине вспыхнули новые искры, на этот раз зелёные.

Гарри резко оттолкнулся от земли. Прохладный вечерний воздух рванул его за волосы. Аккуратные прямоугольные садики Тисовой улицы стали стремительно удаляться, превращаясь в узор тёмно-зелёных и чёрных пятен, и ветер мгновенно выдул у него из головы все мысли о

предстоящем слушании в Министерстве. Сердце готово было разорваться от радости: он снова летит, он летит домой с ненавистной Тисовой, об этом-то он и мечтал всё лето… На краткий и прекрасный промежуток времени все его заботы превратились в ничто, растворились в безбрежном звёздном небе.

— Лево руля, лево руля, какой-то магл пялится вверх! — раздался сзади голос Грюма. Тонкс круто повернула, Гарри последовал за ней, глядя на свой чемодан, который бешено раскачивался под её метлой. — Надо высоту набрать… ещё четверть мили!

Они пошли на подъём, и от холодного воздуха у Гарри заслезились глаза. Внизу уже ничего не было видно, кроме крохотных световых пятнышек, в которые превратились автомобильные фары и уличные фонари. Какие-нибудь два из этих огоньков, может быть, освещают дорогу машине дяди Вернона… Как раз сейчас Дурсли, наверно, едут обратно в свой опустевший дом, кипя негодованием из-за фальшивого конкурса лужаек… Подумав об этом, Гарри громко захохотал, но его смех заглушило хлопанье мантий летящих волшебников, поскрипывание ремней, на которых висели чемодан и клетка, и свист ночного ветра

в ушах. Гарри целый месяц не был таким живым, таким счастливым.

— Направление — на юг! — крикнул Грозный Глаз. — Впереди город!

Они повернули направо, чтобы не лететь над раскинувшейся внизу блестящей паутиной огней.

— Теперь на юго-восток, и продолжаем набирать высоту! Там низкое облако, укроемся в нём! — скомандовал Грюм.

— Ещё чего — летать через облака! — сердито крикнула ему Тонкс. — Мы до нитки вымокнем, Грозный Глаз!

Услышав это, Гарри испытал облегчение. Пальцы, державшие рукоятку «Молнии», и так уже начали неметь от холода. Он пожалел, что не догадался надеть куртку. Его стала пробирать дрожь.

Повинуясь приказам Грозного Глаза, они то и дело меняли курс. Гарри щурил глаза, защищая их от ледяного ветра, от которого болели уши. Он мог припомнить только один случай, когда ему было так же холодно на метле, — матч по квиддичу против Пуффендуя на третьем курсе, который проходил в бурю. Охранявшие Гарри волшебники беспрерывно кружили около него,

как огромные хищные птицы. Гарри потерял представление о времени. Он не знал, как долго они летят, — казалось, по меньшей мере час.

— Курс — на юго-запад! — прогремел Грюм. — Нам ни к чему автострада!

Гарри настолько продрог, что с тоской подумал об уютных, сухих кабинах проезжающих внизу машин, а потом с ещё большей тоской — о путешествии с помощью летучего пороха: крутиться волчком в камине, может, и не слишком удобно, но огонь хотя бы греет… Мимо, тускло блестя в лунном свете лысиной и серьгой, проплыл Кингсли Бруствер… Теперь справа летела Эммелина Вэнс — волшебная палочка наготове, голова то вправо, то влево… Потом и она уплыла вверх, уступая место Стерджису Подмору…

— Надо сделать петлю — посмотреть, нет ли погони! — крикнул Грюм.

— Ты в своём уме, Грозный Глаз? — заорала Тонкс, летевшая впереди. — Мы уже к мётлам примёрзли! Всё время с курса сходить — за неделю не доберёмся! И ведь почти уже на месте!

— Начинаем снижение! — прозвучал голос Люпина. — Гарри, следуй за Тонкс, не отставай!

Тонкс резко пошла на спуск, Гарри — за ней. Они направлялись к самому большому скопле-

нию огней, какое он видел в жизни, — к огромной, необозримо раскинувшейся сети ярких пересекающихся прерывистых линий, в которой насыщенные светом участки чередовались с областями чернейшего мрака. Всё ниже, ниже — и вот уже Гарри стал различать фары отдельных автомобилей, уличные фонари, дымовые трубы, телеантенны. Ему очень хотелось поскорей приземлиться, хотя ощущение было такое, что без хорошего отогрева ему не оторвать от себя метловище.

— Ну, где наша не пропадала! — крикнула Тонкс. Несколько секунд — и она стояла на пятачке чахлой травы посреди маленькой городской площади.

Гарри опустился чуть позади неё. Тонкс уже отстёгивала его чемодан. Всё ещё дрожа, Гарри стал осматриваться. Закопчённые фасады стоявших вокруг домов имели, мягко говоря, негостеприимный вид. Некоторые из окон, тускло отражавших фонарный свет, были разбиты, краска на дверях облупилась, у ведущих к ним ступеней кучами лежали мешки с мусором.

— Где мы? — спросил Гарри.

— Погоди минутку, — тихо сказал Люпин.

Грюм шарил в карманах мантии узловатыми

окоченевшими пальцами.

— Вот, наконец, — пробормотал он. Подняв руку, он щёлкнул какой-то штучкой, похожей на серебряную зажигалку.

Ближний фонарь, легонько хлопнув, погас. От второго щелчка гасилкой выключился следующий. Так Грюм потушил все освещавшие площадь фонари — остался только слабый свет от занавешенных окон и от тоненького месяца.

— У Дамблдора позаимствовал, — прорычал Грюм, кладя гасилку в карман. — Это на случай, если какому-нибудь маглу вздумается посмотреть в окно. Теперь пошли, да поживей.

Он взял Гарри за локоть и повёл его с травянистого пятачка через мостовую на тротуар. Люпин и Тонкс двигались следом и вместе несли чемодан Гарри. Остальные с волшебными палочками наготове прикрывали их с флангов.

С верхнего этажа ближайшего здания доносились приглушённые звуки стереосистемы. От горы переполненных мусором мешков за сломанными воротами разило гнилью.

— Держи, — вполголоса сказал Грюм. Сунув в дезиллюминированную руку Гарри листок пергамента, он осветил его зажжённой волшебной палочкой. — Быстро прочти и запомни.

Гарри вгляделся в написанное. Убористый почерк показался ему знакомым. Он прочёл:

Штаб-квартира Ордена Феникса находится по адресу: Лондон, площадь Гриммо, 12.

Глава 4
Площадь Гриммо, 12

— Что это за Орден?.. — начал Гарри.

— Не здесь! — рявкнул Грюм. — Дождись, пока мы войдём!

Он забрал у Гарри пергамент и поджёг концом волшебной палочки. Проводив взглядом до тротуара охваченный огнём листок, Гарри опять посмотрел на здания. Прямо перед ними — дом номер 11, левее — номер 10, правее — номер 13.

— Но где же…

— Повтори мысленно то, что ты сейчас запомнил, — тихо сказал ему Люпин.

Гарри так и поступил, и, как только он добрался до слов «Площадь Гриммо, 12», между домом 11 и домом 13, откуда ни возьмись, появилась видавшая виды дверь, а следом — грязные стены и закопчённые окна. Добавочный дом словно бы взбух у него на глазах, раздвинув соседние. Гарри смотрел на него с открытым ртом. Стереосистема в доме 11 работала как ни в чём не бывало. Живущие там маглы явно ничего не почувствовали.

— Давай же, скорей! — проворчал Грюм, толкая

Гарри в спину.

Гарри стал подниматься на крыльцо по истёртым каменным ступеням, не отрывая глаз от возникшей из небытия двери. Чёрная краска на ней потрескалась и местами осыпалась. Серебряный дверной молоток был сделан в виде извивающейся змеи. Ни замочной скважины, ни ящика для писем не было.

Люпин один раз стукнул в дверь волшебной палочкой. Гарри услышал много громких металлических щелчков и звяканье цепочки. Дверь, скрипя, отворилась.

— Входи быстро, Гарри, — прошептал Люпин, — но там не иди далеко и ничего не трогай.

Переступив порог, Гарри попал в почти полную тьму прихожей. Пахло сыростью, пылью и чем-то гнилым, сладковатым. Ощущение — как от заброшенного здания. Оглянувшись, он увидел, как следом за ним входят другие. Люпин и Тонкс несли его чемодан и клетку Букли. Грюм, стоя на верхней ступени крыльца, выпускал на свободу световые шары, похищенные гасилкой у фонарей. Они проворно возвращались в свои стекляшки, и вот уже площадь снова залита оранжевым светом. Грюм, хромая, вошёл в дом и захлопнул за собой дверь, так что мрак в прихо-

жей стал вовсе непроницаемым.

— Так, ну-ка…

Он резко ударил Гарри по голове волшебной палочкой. Гарри снова почувствовал, как по спине что-то течёт, на этот раз горячее, и понял, что Дезиллюминационное заклинание перестало действовать.

— Погодите теперь, я света маленько дам, — прошептал Грюм.

Приглушённые голоса звучали тревожно, рождая у Гарри смутные дурные предчувствия. Он словно бы вошёл в дом, где лежит умирающий. Раздалось тихое шипение — и на стенах ожили старинные газовые рожки. В их слабом мерцающем свете возник длинный мрачный коридор с отстающими от стен обоями и вытертым ковром на полу. Над головой тускло отсвечивала затянутая паутиной люстра, на стенах вкривь и вкось висели потемневшие от времени портреты. Из-за плинтуса до Гарри донеслось какое-то шебуршение. И люстра, и подсвечники на расшатанном столе были оформлены по-змеиному.

Зазвучали торопливые шаги, и в дальнем конце коридора показалась миссис Уизли, мать Рона. Она поспешила к ним, лучась радушием, но Гарри заметил, что со дня их последней встречи она

похудела и побледнела.

— Ах, Гарри, как я рада тебя видеть, — прошептала она, стиснув его так, что рёбра затрещали. Потом отодвинула на расстояние вытянутой руки и принялась критически изучать. — У тебя нездоровый вид. Тебя надо подкормить хорошенько, но ужина придётся немножко подождать. — Возбуждённым шёпотом она обратилась к стоявшим за ним волшебникам: — Он только что явился, собрание началось.

С возгласами, выражающими интерес и волнение, волшебники стали один за другим протискиваться мимо Гарри к двери, через которую только что прошла миссис Уизли. Гарри двинулся было за Люпином, но миссис Уизли его придержала.

— Нет, Гарри, собрание — только для членов Ордена. Рон и Гермиона наверху, ты подожди с ними, пока оно кончится, и тогда будем ужинать. И говори в коридоре потише, — добавила она всё тем же возбуждённым шёпотом.

— Почему?

— А то что-нибудь разбудишь.

— Я не по…

— Потом, потом, я тороплюсь. Мне надо быть на собрании. Только покажу, где ты будешь спать.

Приложив палец к губам, она провела его мимо

пары длинных, изъеденных молью портьер, за которыми, предположил Гарри, должна была находиться ещё одна дверь. Они миновали большую подставку для зонтов, сделанную, казалось, из отрубленной ноги тролля, и начали подниматься по тёмной лестнице. На стене Гарри увидел несколько сморщенных голов, расположенных в ряд на декоративных пластинах. Приглядевшись, он понял, что это головы домовых эльфов. У всех — одинаковые вытянутые носы-рыльца.

С каждым шагом смятение Гарри росло. Что у него может быть общего с этим домом, который выглядит так, словно принадлежит Темнейшему из волшебников?

— Миссис Уизли, почему…

— Дорогой мой, тебе всё объяснят Рон и Гермиона, а мне правда надо бежать, — встревоженно прошептала миссис Уизли. — Вот, — они добрались до третьего этажа, — твоя дверь правая. Я позову, когда кончится. — И она торопливо пошла вниз.

Гарри пересёк грязную лестничную площадку, повернул дверную ручку спальни, сделанную в виде змеиной головы, и открыл дверь.

На мгновение он увидел мрачную комнату с высоким потолком и двумя кроватями. Потом

раздалось громкое птичье верещание, а следом ещё более громкий возглас, и всё его поле зрения заполнила пышная масса густейших волос. Гермиона, кинувшись к нему с объятиями, чуть не сбила его с ног, а Сычик, маленькая сова Рона, стал бешено кружить у них над головами.

— ГАРРИ! Рон, он здесь, Гарри здесь! А мы и не слышали, как ты вошёл в дом! Ну, как ты, как ты? Ничего? Жутко злой на нас, наверно! Наверняка злой, я же понимаю, что от наших писем радости было мало, но мы не могли тебе ничего написать. Дамблдор строго-настрого запретил, а у нас так много всякого, что надо тебе рассказать! Да и ты нам массу всего расскажешь! Про дементоров! Когда мы о них узнали и про слушание в Министерстве — это просто возмутительно, я посмотрела в книгах, они не могут тебя исключить, не имеют права, в Указе о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних есть пункт об использовании волшебства при угрозе для жизни…

— Дай ему хоть вздохнуть, Гермиона, — сказал Рон, улыбаясь и закрывая за Гарри дверь. За месяц, что они не виделись, он, казалось, вырос ещё на несколько дюймов и стал ещё более нескладным. Но длинный нос, огненно-рыжие волосы и

веснушки были всё те же.

Гермиона, по-прежнему сияя, отпустила Гарри, но не успел он открыть рот, как в воздухе раздался мягкий шорох и что-то белое, слетев с тёмного шкафа, нежно опустилось ему на плечо.

— Букля!

Белоснежная сова, которую Гарри тут же принялся гладить, пощёлкала клювом и ласково ущипнула его за ухо.

— Что тут с ней было! — сказал Рон. — Чуть до смерти нас не заклевала, когда в последний раз принесла твои письма. Вот, смотри…

Он выставил указательный палец правой руки, где виднелся полузаживший, но явно глубокий порез.

— Да, понимаю, — откликнулся Гарри. — Мне очень жаль, но я хотел получить ответы…

— А мы-то что, разве не хотели ответить? — стал оправдываться Рон. — Гермиона вся извелась, твердила, что ты какую-нибудь глупость вытворишь, если будешь сидеть там один без новостей, но Дамблдор…

— …строго-настрого вам запретил, — подхватил Гарри. — Да, Гермиона мне сказала.

Тёплое сияние, вспыхнувшее в нём при виде двух лучших друзей, погасло, и в живот хлы-

нуло изнутри что-то ледяное. Целый месяц протосковав по Рону и Гермионе, он теперь вдруг почувствовал, что не прочь остаться один.

Возникло напряжённое молчание. Гарри машинально поглаживал Буклю, не глядя на товарищей.

— Он считал, что так будет лучше, — произнесла Гермиона упавшим голосом. — Дамблдор.

— Ясно, — сказал Гарри. Он и на её руках заметил следы от клюва Букли и поймал себя на том, что вовсе ей не сочувствует.

— Он, наверно, думал, что у маглов тебе будет не так опасно… — начал Рон.

— Да? — поднял брови Гарри. — На кого-нибудь из вас этим летом нападали дементоры?

— Нет, но… он же поручил людям из Ордена Феникса за тобой смотреть…

Гарри словно ухнул куда-то вниз — как будто спускался по лестнице и пропустил ступеньку. Выходит, все знали, что за ним следят. Все, кроме него…

— Плоховато что-то они смотрели. — Гарри изо всех сил старался говорить ровным голосом. — Так смотрели, что пришлось самому выкручиваться.

— Он страшно рассердился, — сказала Гермиона

чуть ли не с благоговейным ужасом. — Дамблдор. Мы его видели, когда он узнал, что Наземникус самовольно ушёл с дежурства. Он рвал и метал.

— А я рад, что Наземникус ушёл, — произнёс Гарри холодно. — Иначе я не совершил бы волшебства и Дамблдор, чего доброго, оставил бы меня на Тисовой улице на всё лето.

— А тебя… тебя не беспокоит разбирательство в Министерстве магии? — тихо спросила Гермиона.

— Нет, — с вызовом солгал Гарри. Он отошёл от них с блаженствующей Буклей на плече и стал оглядываться, но сырая и мрачная комната не доставила ему особой радости. Голые стены с отстающими обоями украшал только пустой холст в нарядной раме, и, когда Гарри проходил мимо, ему послышался чей-то тихий смешок.

— Зачем всё-таки Дамблдору было скрывать от меня, что происходит? — спросил Гарри, по-прежнему стараясь придать голосу непринуждённость. — Вы… м-м… не догадались задать ему этот вопрос?

Рон и Гермиона переглянулись. Он поднял на них глаза как раз вовремя, чтобы это заметить. Значит, он повёл себя именно так, как они опасались. Этот вывод не улучшил его настроения.

— Мы сказали Дамблдору, что обо всём хотим тебе сообщить, — заверил его Рон. — Сказали, Гарри, не сомневайся. Но он сейчас страшно занят, мы, как сюда приехали, видели его только два раза, и у него очень мало времени. В общем, он заставил нас пообещать, что мы ничего важного тебе писать не будем. Сказал, сову могут перехватить.

— Если бы он хотел, он всё равно мог бы держать меня в курсе, — сухо возразил Гарри. — Вы прекрасно знаете, что можно посылать сообщения без всяких сов.

Гермиона посмотрела на Рона:

— Я тоже об этом подумала. Но он решил, что ты ничего не должен знать.

— Может, он считает, что мне нельзя доверять? — предположил Гарри, глядя на их лица.

— Слушай, не будь идиотом, — сказал Рон с расстроенным и смущённым видом.

— Или что я не могу о себе позаботиться.

— Разумеется, он ничего такого не думает! — с волнением воскликнула Гермиона.

— Ну, и почему же тогда вы участвуете во всём, что тут делается, а я торчу у Дурслей? — спросил Гарри. Слова спешили, толкали друг друга, голос делался всё громче и громче. — Почему вам поз-

волено всё знать, а мне нет?

— Нам тоже нет! — перебил его Рон. — Мама не пускает нас на собрания, говорит, малы ещё…

Тут Гарри, не помня себя, закричал:

— Надо же, вас не пускали на собрания! Бедненькие! Но вы же были здесь, так или нет? Вы были вместе, а я целый месяц торчал у Дурслей! Я больше совершил, чем вы оба, и Дамблдор это знает! Кто защитил философский камень? Кто одолел Реддла? Кто спас вас обоих от дементоров?..

Всё горькое и негодующее, что Гарри передумал за месяц, хлынуло из него потоком. Ощущение бессилия из-за отсутствия новостей, боль из-за того, что друзья вместе, а он отдельно, ярость, которую он испытал, узнав, что за ним следили без его ведома… Все ЭТИ чувства, которых он отчасти СТЫДИЛСЯ, вырвались наконец наружу. Испугавшись крика, Букля слетела с его плеча и опять села на шкаф. Сычик, тревожно вереща, ещё быстрей принялся кружить у них над головами.

— Кого в том году испытывали драконами, сфинксами и прочей нечистью? Кто увидел, как он возродился? Кто должен был от него спасаться? Я!

Ошеломлённый Рон стоял с разинутым ртом и

не знал, что сказать. Гермиона, казалось, вот-вот разревётся.

— Но зачем, спрашивается, мне знать, что происходит? Зачем вам беспокоиться насчёт того, чтобы я был в курсе дела?

— Гарри, мы хотели тебе сообщить, мы действительно хотели… — начала Гермиона.

— Хотели, да не слишком! Иначе послали бы мне сову! Дамблдор, видите ли, заставил их пообещать…

— Он правда заставил…

— Целый месяц я сидел как идиот на Тисовой улице, целый месяц таскал из мусорных баков газеты, надеялся хоть что-нибудь узнать…

— Мы хотели…

— Я думаю, вы от души надо мной посмеялись в этом уютном гнёздышке…

— Да нет же, честно…

— Гарри, нам действительно очень-очень жаль! — в отчаянии воскликнула Гермиона. В глазах у неё блестели слёзы. — Гарри, ты абсолютно прав! Я на твоём месте тоже была бы в бешенстве!

Гарри, всё ещё часто дыша, уставился на неё, потом опять отвернулся и начал ходить взад-вперёд по комнате. Букля угрюмо ухнула со своего

шкафа. Наступила долгая пауза, когда раздавался лишь тоскливый скрип половиц под подошвами Гарри.

— Где я, что это за место? — внезапно выпалил он.

— Штаб-квартира Ордена Феникса, — мгновенно ответил Рон.

— Может, кто-нибудь скажет мне наконец, что это за Орден такой?

— Это тайное общество, — быстро сказала Гермиона. — Его основал Дамблдор, он же и возглавляет. Участвуют главным образом те, кто боролся против Сам-Знаешь-Кого ещё в прошлое его появление.

— Кто входит в общество? — спросил Гарри, резко остановившись и держа руки в карманах.

— Совсем немного народу.

— Мы знаем человек двадцать, — сказал Рон, — но думаем, что есть и другие.

Гарри смотрел на них.

— Ну? — требовательно спросил он, глядя то на Рона, то на Гермиону.

— Э… — смешался Рон. — Что — ну?

— Волан-де-Морт, вот что, — яростно крикнул Гарри, и его друзья одновременно вздрогнули. — Какие новости? Что он затеял? Где он? Как мы

будем с ним сражаться?

— Ты уже слышал — нас не пускают на собрания Ордена, — нервно сказала Гермиона. — Поэтому подробностей мы не знаем, только общую идею смогли уловить, — торопливо добавила она, увидев выражение лица Гарри.

— Понимаешь, Фред и Джордж изобрели Удлинитель ушей, — сказал Рон. — Очень полезная штука.

— Чего Удлинитель?

— Ушей, ушей. Правда, в последнее время пришлось перестать подслушивать: мама узнала и устроила жуткий скандал. Фред и Джордж теперь прячут все свои Удлинители, чтобы мама не выбросила. Но до этого мы хорошо ими попользовались. Мы знаем, что некоторые члены Ордена следят за выявленными Пожирателями смерти, ведут их учёт…

— Другие набирают в Орден новых членов, — подхватила Гермиона.

— А третьи что-то стерегут, — сказал Рон. — Там всё время идут разговоры об охране.

— Не меня ли, случайно, они охраняют? — саркастически спросил Гарри.

— Слушай, точно! — Рон сделал вид, будто его озарило.

Гарри фыркнул. Он опять стал расхаживать по комнате, глядя на всё подряд, кроме Рона и Гермионы.

— Так чем же вы занимались, если вас не пускали на собрания? — спросил он. — Вы писали, что очень заняты.

— Это правда, — быстро ответила Гермиона. — Мы очищаем дом, ведь он пустовал много-много лет и здесь чего только не завелось. Кухня и большая часть спален уже готовы, завтра займёмся гости… А-а-а!

С двумя громкими хлопками посреди комнаты возникли из ничего близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона. Сычик заверещал ещё бешеней прежнего и порхнул на шкаф, где уже сидела Букля.

— Да перестаньте же наконец, — устало сказала Гермиона близнецам, таким же рыжим, как Рон, но не столь долговязым и более плотным.

— Привет, Гарри! — сияя, выпалил Джордж. — До наших ушей донеслись твои сладкозвучные трели.

— Слушай, Гарри, зря ты закупориваешь своё негодование, выпусти его наружу! — посоветовал Фред, тоже сияя. — А то за пятьдесят миль тебя, может, и не всякий услышит!

— Прошли, значит, испытания по трансгрессии? — пробурчал Гарри.

— С отличием, — похвастался Фред, державший какой-то длинный, телесного цвета шнур.

— Спуститься по лестнице было бы дольше секунд на тридцать, — заметил Рон.

— Время — кнаты, сикли и галеоны, братишка, — сказал Фред. — В общем, Гарри, ты ухудшаешь слышимость. Удлинитель ушей, — объяснил он, увидев вскинутые брови Гарри, и поднял шнур повыше. Оказалось, что он тянется на лестничную площадку. — Мы пытаемся узнать, что делается внизу.

— Вы только поаккуратней, — посоветовал Рон, глядя на Удлинитель. — Если мама опять увидит…

— У них большое собрание, ради этого стоит рискнуть, — сказал Фред.

Дверь открылась, и возникла длинная рыжая грива.

— Ой, Гарри, здравствуй! — радостно воскликнула Джинни, младшая сестра Рона. — Мне послышался твой голос. — Потом она повернулась к Фреду и Джорджу: — С Удлинителем ушей ничего не получится, она наложила на кухонную дверь Заклятие недосягаемости.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джордж, сразу упав духом.

— Мне Тонкс рассказала, как это выяснить, — ответила Джинни. — Ты просто кидаешь в дверь чем попало, и если не долетает — всё, значит, недосягаемая. Я бросала с лестницы навозные бомбы, так они отплывают от двери, и только. Можете не рассчитывать, что просунете под неё Удлинитель ушей.

Фред глубоко вздохнул.

— Жалко. Я так хотел узнать, что поделывает старина Снегг.

— Снегг! — вырвалось у Гарри. — Он что, здесь?

— Ага, — ответил Джордж. Тщательно закрыв дверь, он сел на одну из кроватей, Фред и Джинни пристроились рядом. — Сейчас отчитывается. Секретность — ух!

— Подлюга, — лениво проговорил Фред.

— Он сейчас на нашей стороне, — с укоризной сказала ему Гермиона.

Рон фыркнул.

— И всё равно подлюга, — подтвердил он. — Как он смотрит на нас, когда мы встречаемся!

— Билл тоже его не любит, — сказала Джинни, как будто это окончательно решало вопрос.

Гарри не был уверен, что сменил гнев на милость. Но информационный голод пересилил в нём желание ещё покричать. Он опустился на кровать напротив.

— И Билл здесь? — спросил он. — Я думал, он в Египте.

— Он попросил перевести его домой: хочет что-то делать для Ордена, — сказал Фред. — Говорит, скучает по гробницам, но, — он ухмыльнулся, — тут ему есть чем себя вознаградить.

— Это ты про что?

— Помнишь милашку Флёр Делакур? — спросил Джордж. — Она тоже теперь работает в банке «Гринготтс». Улучшает там свой «англесский»…

— И Билл даёт ей кучу частных уроков, — съехидничал Фред.

— Чарли тоже член Ордена, — сказал Джордж, — но он пока что в Румынии. Дамблдор хочет привлечь на свою сторону как можно больше иностранных колдунов, и Чарли в свободное время налаживает с ними контакт.

— Этим и Перси мог бы заниматься, — заметил Гарри. Последнее, что он слышал о третьем из братьев Уизли, — что тот работает в Отделе международного магического сотрудничества Министерства магии.

При упоминании его имени все Уизли и Гермиона обменялись мрачными многозначительными взглядами. Рон напряжённым голосом предостерёг Гарри:

— При маме и папе никогда про Перси разговора не заводи.

— Это почему же?

— Стоит им про него услышать, как папа ломает то, что в этот момент держит, а мама начинает плакать, — объяснил Фред.

— Просто ужас какой-то, — печально сказала Джинни.

— Я думаю, у нас с ним кончено, — проговорил Джордж с необычно злым для себя выражением лица.

— Что случилось-то? — спросил Гарри.

— Перси с папой поссорились, — ответил Фред. — Я никогда не видел отца в таком состоянии. Если у нас кто кричит, то обычно мама.

— Это была первая неделя каникул, — сказал Рон. — Мы вот-вот должны были отправиться сюда и присоединиться к Ордену. Перси явился домой и сообщил, что его повысили.

— Да ты что! — изумился Гарри.

Хотя он прекрасно знал, как Перси мечтает о карьере, впечатление было такое, что на первой

своей должности в Министерстве магии он не слишком преуспел. Перси совершил довольно грубый промах, не заметив, что его начальник находится под контролем лорда Волан-де-Морта (в Министерстве, правда, этому не поверили — там решили, что Крауч сошёл с ума).

— Мы тоже очень удивились, — сказал Джордж. — Ведь у Перси была масса неприятностей из-за Крауча. Расследование и всё такое. Перси, мол, должен был понять, что у Крауча поехала крыша, и доложить наверх. Но ты же знаешь Перси. Крауч оставил его вместо себя, так чего ему было жаловаться?

— Почему же тогда его повысили?

— Вот и мы не могли этого понять, — сказал Рон, изо всех сил стараясь поддерживать нормальный разговор после того, как Гарри перестал вопить. — Он явился домой жутко самодовольный — ещё самодовольней обычного, если только ты можешь это себе представить. И сказал папе, что ему предложили должность под началом у Фаджа. Неплохо для молодого человека, который только год как окончил Хогвартс — младший помощник министра. Он, видно, думал, что папа будет в восторге.

— Только вот папа не был, — мрачно заметил

Фред.

— Почему? — спросил Гарри.

— Фадж в Министерстве просто свирепствует: никто не должен иметь никаких связей с Дамблдором, — объяснил Джордж.

— В Министерстве сейчас «Дамблдор» — ругательное слово, — сказал Фред. — Они думают, он просто зря мутит воду, когда заявляет, что Сам-Знаешь-Кто возродился.

— Папа говорит, Фадж дал всем понять, что тем, кто заодно с Дамблдором, в Министерстве делать нечего, — продолжил Джордж.

— Беда в том, что папа у Фаджа на подозрении. Фадж знает, что они с Дамблдором друзья, и он давно уже считает папину одержимость маглами признаком лёгкого помешательства.

— Но Перси-то тут при чём? — спросил сбитый с толку Гарри.

— А вот при чём. Папа убеждён: Фадж взял Перси помощником только для того, чтобы он шпионил за нашей семьёй и за Дамблдором.

Гарри тихо присвистнул.

— Да, Перси любитель этого дела.

Рон невесело засмеялся.

— Перси пришёл в жуткую ярость. Сказал… ух, сколько он всего наговорил. Что с первого же дня,

как он поступил в Министерство, ему пришлось сражаться с папиной поганой репутацией, что у папы нет никакого честолюбия и поэтому мы всегда были… ну… не слишком много у нас было денег…

— Что-о? — спросил Гарри, не веря своим ушам. Джинни взвизгнула, как рассерженная кошка.

— Да, да, — тихо сказал Рон. — А потом ещё хуже. Он обозвал папу идиотом за то, что он водится с Дамблдором, заявил, что Дамблдор напрашивается на большие неприятности, что папа пойдёт ко дну с ним заодно. А он, Перси, мол, знает, с кем ему быть, и будет с Министерством. И если мама с папой намерены предать интересы Министерства, он объявит всем и каждому, что больше не считает себя членом нашей семьи. В тот же вечер он собрал вещи и уехал. Теперь в Лондоне живёт.

Гарри еле слышно ругнулся. Хотя Перси всегда нравился ему меньше других братьев Рона, он и вообразить не мог, что Перси скажет такое мистеру Уизли.

— Мама была вне себя, — продолжал Рон. — Ну, ты понимаешь — слёзы и всё такое. В Лондон поехала поговорить с Перси, но он захлопнул дверь у неё перед носом. Не знаю, как он поступает,

когда встречается с папой на работе, — наверно, делает вид, что с ним не знаком.

— Но Перси должен знать, что Волан-де-Морт возродился, — медленно проговорил Гарри. — Он не дурак, он должен понимать, что мать с отцом не стали бы всем рисковать без причины.

— М-да, кстати, в перепалке и твоё имя прозвучало, — сказал Рон, бросив на Гарри короткий взгляд. — Перси заявил, что единственное подтверждение этому — твои слова, а они… ну… он считает, им нельзя верить.

— Перси всерьёз принимает публикации в «Ежедневном пророке», — ядовито сказала Гермиона, и остальные кивнули.

— Какие публикации? — спросил Гарри и обвёл всех взглядом. Друзья смотрели на него с опаской.

— Ты что, не… ты что, не получал «Пророка»? — нервно спросила Гермиона.

— Получал, а как же! — сказал Гарри.

— А ты… э… внимательно его читал? — спросила Гермиона с ещё большей тревогой.

— Ну конечно, не всё от первой до последней страницы, — ершисто ответил Гарри. — Если бы поместили что-нибудь о Волан-де-Морте, это был бы большой заголовок в самом начале, не

так ли?

Услыхав это имя, все вздрогнули. Гермиона торопливо продолжила:

— Чтобы не пропустить, и правда надо было читать от первой до последней страницы. Пару раз в неделю они… э… прохаживаются на твой счёт.

— Но я бы увидел…

— Этого нельзя увидеть, если читаешь только первую страницу, — покачала головой Гермиона. — Я не про большие статьи говорю. Они просто вворачивают твоё имя мимоходом. Ты у них дежурная шутка.

— Не понимаю…

— В общем-то всё это выглядит довольно скверно, — сказала Гермиона, стараясь, чтобы голос звучал спокойней. — Они продолжают дело Риты Скитер, только и всего.

— Она же вроде перестала для них писать.

— Да, она держит слово. Правда, у неё и выбора-то нет, — сказала Гермиона с удовлетворением. — Но она заложила основы для теперешнего.

— Для чего, для чего теперешнего? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Помнишь, как она писала, что ты всё время теряешь сознание, жалуешься на жуткую боль в шраме и всякое такое?

— Помню, — ответил Гарри, которому не так-то просто было забыть публикации Риты Скитер.

— Ну, так они и сейчас изображают тебя дурачком, этаким любителем привлечь к себе внимание. Типом, который строит из себя великого трагического героя и тому подобное, — очень торопливо проговорила Гермиона, как будто быстрота могла сделать всё это для Гарри менее неприятным. — Они то и дело подпускают ехидные замечания в твой адрес. Если идёт речь о какой-нибудь заумной выдумке, пишут: «Басня, достойная Гарри Поттера». Если с кем-нибудь случается смешное происшествие, читаем: «Будем надеяться, у него не появилось шрама на лбу, иначе от нас будут ждать, чтобы мы на него молились»…

— Я не хочу, чтобы на меня молились! — гневно перебил её Гарри.

— Знаю, что не хочешь, — быстро и испуганно сказала Гермиона. — Знаю, Гарри. Но ты понял, чего они добиваются? Чтобы тебе никто не верил. И за этим стоит Фадж, точно тебе говорю. Они хотят, чтобы рядовые чародеи считали тебя глупым парнишкой, который сам сделал себя посмешищем, который рассказывает нелепые байки, потому что любит славу и любит, чтобы с

ним носились.

— Я не просил… Я не хотел… Волан-де-Морт убил моих родителей! — захлёбываясь, прокричал Гарри. — Я стал известным из-за того, что он убил папу и маму, а меня не смог! Кому нужна такая известность? Неужели они думают, что я бы не променял…

— Мы знаем, Гарри, — проникновенно заверила его Джинни.

— И конечно, ни слова о том, как на тебя напали дементоры, — продолжала Гермиона. — Кто-то им велел об этом молчать. А ведь была бы настоящая сенсация! Дементоры, вышедшие из повиновения! Они даже не написали о том, что ты нарушил Международный статут о секретности. Мы думали, напишут, ведь это отлично подошло бы к облику глупого фанфарона, каким тебя хотят представить. Наверно, ждут, пока тебя исключат, и уж тогда-то пустятся во все тяжкие… Я, конечно, хотела сказать, если тебя исключат, — торопливо поправилась она. — Этого не должно случиться, если они уважают свои же законы. В вину тебе поставить просто нечего.

Вот и опять на горизонте возникло слушание в Министерстве, о котором Гарри не хотел думать ни в какую. От поисков новой темы для разговора

его избавил звук шагов по лестнице.

— Атас!

Фред с силой потянул на себя Удлинитель ушей. Раздался новый громкий хлопок, и они с Джорджем исчезли. Спустя несколько секунд в дверях спальни появилась миссис Уизли.

— Собрание кончилось, идите вниз ужинать. Всем не терпится тебя увидеть, Гарри. Но можно узнать, откуда, под кухонной дверью навозные бомбы?

— Это Живоглот, — с невинным видом соврала Джинни. — Он любит с ними играть.

— Понятно, — сказала миссис Уизли. — А я думала, Кикимер, он горазд на всякие странные выходки. Не забудьте вести себя в коридоре потише. Джинни, у тебя страшно грязные руки, что ты такое делала? Вымой их, пожалуйста, перед ужином.

Джинни двинулась за матерью, состроив напоследок гримасу. Гарри остался с Роном и Гермионой. Друзья смотрели на него настороженно, точно опасались, что теперь, когда другие ушли, он опять примется кричать. Их очевидная нервозность немножко его пристыдила.

— Знаете, я… — начал он вполголоса, но Рон покачал головой, а Гермиона тихо сказала:

— Мы так и думали, что ты рассердишься, мы на тебя ни капельки не в обиде, но и ты нас пойми: мы действительно старались уговорить Дамблдора…

— Да, я знаю, — перебил её Гарри.

Он задумался, подыскивая тему для разговора, не связанную с их директором: от одной мысли о Дамблдоре его нутро опять вспыхнуло гневом.

— Кто такой Кикимер? — спросил он.

— Здешний эльф-домовик, — ответил Рон. — Псих полнейший. Первый раз такого вижу.

Гермиона бросила на него сердитый взгляд:

— Никакой он не псих, Рон.

— Святая цель его жизни — чтобы ему отрезали голову и вывесили её на дощечке, как голову его матери, — раздражённо сказал Рон. — Это что, нормально?

— Ну… если даже он немножко странный, его вины в этом нет.

Рон игриво стрельнул глазами в Гарри.

— Гермиона всё ещё носится со своим обществом… Как его там?

— Я ни с чем не ношусь! — вспылила Гермиона. — Я пытаюсь бороться за права эльфов, понятно тебе? Дамблдор, между прочим, тоже считает, что мы должны относиться к Кикимеру

гуманно.

— Ну ладно, ладно, — сказал Рон. — Пошли, я умираю с голоду.

Он первым вышел на лестничную площадку, но они ещё не начали спускаться, как…

— Стойте! — прошептал Рон и, выбросив назад руку, остановил Гарри и Гермиону. — Они ещё в коридоре, может, что и услышим.

Бесшумно наклонившись над перилами, все трое посмотрели вниз. В сумрачном коридоре под ними было полно волшебников и волшебниц, среди них виднелись и те, что охраняли Гарри в пути. Все взволнованно перешёптывались. В самой гуще толпы Гарри увидел чёрные сальные волосы и крючковатый нос профессора Снегга — наименее любимого им из педагогов Хогвартса. Гарри сильней перегнулся через перила. Ему очень интересно было, что делает Снегг в Ордене Феникса.

Перед самыми его глазами вдруг возник шнур. Он посмотрел наверх и увидел на площадке этажом выше Фреда и Джорджа, которые тихо опускали к тёмному скоплению людей в коридоре Удлинитель ушей. Секунду спустя, однако, волшебники двинулись к выходу и пропали из поля зрения.

До Гарри донеслось тихое ругательство Фреда, поднимавшего Удлинитель обратно.

Они услышали, как входная дверь открылась, потом закрылась.

— Снегг никогда здесь не ест, — негромко сказал Рон, обращаясь к Гарри. — И хорошо, что не ест. Пошли.

— И не забудь, Гарри, что в коридоре надо потише, — шёпотом напомнила ему Гермиона.

Миновав головы эльфов на стене, они увидели у входной двери Люпина, миссис Уизли и Тонкс, которые магически запирали за ушедшими многочисленные замки и засовы.

— Ужинать будем на кухне, — прошептала миссис Уизли, встретив их у подножия лестницы. — Гарри, милый, пройди на цыпочках по коридору вон к той двери…

БАБАХ!

— Тонкс! — в отчаянии крикнула, оборачиваясь, миссис Уизли.

— Простите! — взмолилась Тонкс, растянувшаяся на полу. — Всё эта дурацкая подставка для зонтов, второй раз об неё…

Но конец фразы потонул в ужасном, пронзительном, душераздирающем визге.

Траченные молью бархатные портьеры, мимо

которых Гарри прошёл раньше, раздёрнулись, но никакой двери за ними не было. На долю секунды Гарри почудилось, будто он смотрит в окно, за которым стоит и кричит, кричит, кричит, точно её пытают, старуха в чёрном чепце. Потом, однако, он понял, что это просто портрет в натуральную величину, но портрет самый реалистический и самый неприятный на вид из всех, что когда-либо ему попадались.

Изо рта у старухи потекла пена, она закатила глаза, жёлтая кожа её лица туго натянулась. Вдоль всего коридора пробудились другие портреты и тоже подняли вопль, так что Гарри невольно зажмурился и закрыл уши ладонями.

Люпин и миссис Уизли кинулись к старухе и попытались задёрнуть портьеры, но это у них не вышло, а она завизжала ещё громче и подняла когтистые руки, точно хотела расцарапать им лица.

— Мерзавцы! Отребье! Порождение порока и грязи! Полукровки, мутанты, уроды! Вон отсюда! Как вы смеете осквернять дом моих предков…

Тонкс, ставя на место громадную, тяжеленную ногу тролля, всё извинялась и извинялась; миссис Уизли бросила попытки снова занавесить старуху и забегала по коридору, один за другим

утихомиривая остальные портреты Оглушающим заклятием. Из двери, перед которой стоял Гарри, стремительно вышел мужчина с длинными чёрными волосами.

— Закрой рот, старая карга. ЗАКРОЙ РОТ! — рявкнул он, хватаясь за портьеры, которые отпустила миссис Уизли.

Лицо старухи стало мертвенно-бледным.

— Ты-ы-ы-ы! — взвыла она, вылупив на мужчину глаза. — Осквернитель нашего рода, гад, предатель, позорище моей плоти!

— Я сказал: ЗАКРОЙ РОТ! — рявкнул он опять, и с колоссальным усилием они с Люпином сумели наконец задёрнуть портьеры.

Вопли старухи утихли, и воцарилась гулкая тишина.

Отводя со лба длинные тёмные пряди и дыша чуть чаще обычного, к Гарри повернулся его крёстный отец Сириус.

— Ну, здравствуй, Гарри, — хмуро сказал он. — Ты, я вижу, уже познакомился с моей мамашей.

Глава 5
Орден Феникса

— С твоей…

— Да-да, с моей дражайшей престарелой матушкой, — сказал Сириус. — Мы хотели её убрать на месяц-другой, но, видимо, она подействовала на изнанку холста Заклятием вечного приклеивания. Ну, пошли скорее вниз, пока они опять не проснулись.

— Но почему здесь висит портрет твоей матери? — озадаченно спросил Гарри, когда они, чуть опередив остальных, вышли из коридора на узкую каменную лестницу и стали спускаться по ней на кухню.

— Тебе что, никто не сказал? Это дом моих родителей, — ответил Сириус. — Но я последний из оставшихся Блэков, и дом теперь мой. Я предложил его Дамблдору в качестве штаб-квартиры. Это едва ли не единственная польза, какую я могу сейчас принести.

Гарри, ожидавший более сердечного приёма, отметил про себя, что голос Сириуса звучит и жёстко, и горько. Спустившись за крёстным

отцом до самого низа лестницы, он вошёл в подвальную кухню.

В этом похожем на пещеру помещении с грубыми каменными стенами было так же мрачно, как в коридоре над ним. Главным источником света был большой очаг в дальнем конце кухни. За мглистой завесой трубочного дыма, стоявшего в воздухе как пороховой дым битвы, угрожающе вырисовывались смутные очертания массивных чугунных котелков и сковородок, свисавших с тёмного потолка. Посреди множества стульев и кресел, которые принесли для участников собрания, стоял длинный деревянный стол, заваленный пергаментами, заставленный кубками и пустыми винными бутылками. Ещё на нём громоздилась какая-то куча тряпья. У дальнего края стола, наклонив друг к другу головы, о чём-то тихо беседовали мистер Уизли и его старший сын Билл.

Миссис Уизли кашлянула. Её муж, худой лысеющий рыжеволосый человек в роговых очках, встрепенулся, поднял голову и вскочил на ноги.

— Гарри! — воскликнул он и, бросившись к вошедшему, энергично тряхнул его руку. — Я страшно тебе рад!

Поверх его плеча был виден Билл, чьи длинные

волосы, как и раньше, были стянуты в конский хвост. Он торопливо скатывал в трубки оставленные на столе пергаменты.

— С прибытием, Гарри! — сказал Билл, пытаясь ухватить дюжину свитков разом. — Надеюсь, Грозный Глаз не заставил тебя добираться через Гренландию?

— Он хотел, но… — начала Тонкс. Бросившись на помощь Биллу, она тут же опрокинула свечу на последний пергаментный лист. — Ой-ой-ой… Прошу прощения…

— Ничего страшного, милая, — довольно-таки сердито произнесла миссис Уизли и, взмахнув волшебной палочкой, восстановила пергамент. Вызванная её заклинанием вспышка света позволила Гарри мельком увидеть нечто похожее на план здания.

Миссис Уизли перехватила его взгляд. Она сдёрнула план со стола и сунула Биллу в охапку поверх кучи других свитков.

— Всё это после собраний надо убирать немедленно, — резко сказала она и поспешила к старинному кухонному шкафу, откуда стала вынимать тарелки.

Билл выдернул волшебную палочку, пробормотал: *«Эванеско!»* — и свитки исчезли.

— Ну, садись же, Гарри, — сказал Сириус. — Ты, кажется, знаком с Наземникусом?

То, что Гарри принял за кучу тряпья, издало протяжный клокочущий храп и, вздрогнув, медленно выпрямилось на стуле.

— Это кто меня кличет по имени? — сонно пробормотал Наземникус. — Я присоединяюсь, я как Сириус…

Он поднял очень грязную руку, как будто голосовал «за». Его тоскливые, налитые кровью глаза пялились неизвестно куда.

Джинни хихикнула.

— Собрание кончилось, дружище, — проговорил Сириус, пока все садились за стол. — Уже и Гарри здесь.

— Э? — Наземникус мрачно уставился на Гарри сквозь завесу свалявшихся рыжих волос. — Разрази меня гром, точно, он самый. Хе… Как дела-то, Гарри?

— Ничего, — сказал Гарри.

Всё ещё глядя на Гарри, Наземникус нервно пошарил в карманах и выудил чёрную закопчённую трубку. Он сунул её в рот, запалил концом волшебной палочки и всласть затянулся. За какие-нибудь несколько секунд его заволокли густые клубы зеленоватого дыма.

— Звиняюсь, — прохрипело из середины вонючего облака.

— Я в последний раз тебя предупреждаю, Наземникус! — крикнула миссис Уизли. — Прошу тебя не курить *это* на кухне, тем более когда мы собираемся ужинать!

— Э… да, — согласился Наземникус. — Прости сердечно, Молли.

Он упрятал трубку обратно в карман, и дымное облако исчезло, но в воздухе остался едкий запах — словно бы от сгоревших носков.

— И если вы хотите поужинать до полуночи, мне нужна помощь, — обратилась миссис Уизли ко всем собравшимся. — Нет, ты уж сиди, милый Гарри, отдыхай с дороги.

— Что нужно делать, Молли? — с воодушевлением спросила Тонкс, вскакивая с места.

Миссис Уизли посмотрела на неё с опаской.

— Э… — заколебалась она, — нет, Тонкс, спасибо, ничего не надо, ты тоже сегодня устала.

— Нет, нет, я хочу помочь! — радостно возразила Тонкс и, сшибив по дороге стул, бросилась к кухонному шкафу, откуда Джинни уже вынимала столовые приборы.

Вскоре несколько больших ножей под присмотром мистера Уизли вовсю резали мясо и

овощи без всякой человеческой помощи, миссис Уизли помешивала в котле, висящем над огнём, остальные вынимали и ставили на стол тарелки, кубки и съестное. Гарри остался сидеть за столом с Сириусом и Наземникусом, который, моргая, глядел на него всё так же тоскливо.

— Видал с тех пор старуху Фигги? — спросил он.

— Нет, — ответил Гарри. — Я вообще никого не видел.

— Слышь, браток, я бы ни за что тогда не ушёл, — сказал Наземникус, наклоняясь к нему. В голосе зазвучало что-то жалобное. — Но уж очень выгодная была сделка…

Гарри вздрогнул, почувствовав, как что-то коснулось его щиколотки, но это был всего-навсего Живоглот — рыжий, криволапый кот Гермионы. Мурлыкая, он стал тереться о его ноги, а потом вспрыгнул к Сириусу на колени и свернулся там клубком. Рассеянно почёсывая его за ухом, Сириус, по-прежнему мрачный, повернулся к Гарри:

— Как лето, ничего?

— Совсем паршивое, — ответил Гарри.

В первый раз по лицу Сириуса пробежало какое-то подобие улыбки.

— На твоём месте я бы не жаловался.

— Как это?! — изумлённо спросил Гарри.

— Я лично был бы только рад нападению дементоров. Схватка не на жизнь, а на смерть прекрасно развеяла бы скуку. Ожил бы душой. Ты считаешь, тебе худо пришлось, но ты по крайней мере мог куда-то пойти, размять ноги, ввязаться в драку… А я вот целый месяц сижу взаперти.

— Почему? — нахмурился Гарри.

— Потому что Министерство магии по-прежнему меня ищет, а Волан-де-Морт наверняка уже узнал от Хвоста, что я анимаг и, значит, мои превращения бесполезны. Я мало что могу сейчас сделать для Ордена Феникса… Так, во всяком случае, думает Дамблдор.

По холодноватому тону, каким Сириус произнёс это имя, Гарри понял, что он тоже не слишком доволен директором школы «Хогвартс». Вдруг на Гарри накатила волна расположения к крёстному отцу.

— Но ты хотя бы в курсе событий, — подбодрил он Сириуса.

— Это точно, — саркастически произнёс Сириус. — Выслушиваю отчёты Снегга, глотаю по ходу дела его намёки, что он, мол, рискует жизнью, а я отсиживаюсь тут в уюте и покое… Ещё спрашивает меня, как идёт очистка…

— Что за очистка? — спросил Гарри.

— Пытаемся сделать это жилище пригодным для человеческого обитания, — сказал Сириус, обводя унылую кухню концом волшебной палочки. — Десять лет, с тех самых пор, как умерла моя дражайшая матушка, в доме никто не жил, если не считать её старого домового эльфа. А он совсем спятил и давным-давно уже ничего не чистит.

— Сириус, — обратился к нему Наземникус, который пристально рассматривал пустой кубок и, казалось, совершенно не прислушивался к разговору. — Чистое серебро, друг?

— Да, — ответил Сириус, глядя на кубок без всякого удовольствия. — Отличнейшая вещь пятнадцатого века с фамильным украшением Блэков, гоблинская работа.

— Будет как новенький, — пробормотал Наземникус, полируя кубок рукавом.

— Фред, Джордж… Ну почему не в руках?! — крикнула миссис Уизли.

Гарри, Сириус и Наземникус обернулись и миг спустя дружно нырнули под стол. Фред и Джордж приказали большому котлу с тушёным мясом, железной фляге со сливочным пивом, массивной доске для резки хлеба и лежащему на ней хлебному ножу отправиться к ним своим ходом.

Закопчённый котёл проскользил по всему столу и резко остановился у самого края, оставив на деревянной поверхности длинную чёрную полосу. Фляга со звоном упала, расплескав повсюду своё содержимое. Нож соскользнул с доски и воткнулся, зловеще подрагивая, в стол в точности там, где пару секунд назад лежала правая ладонь Сириуса.

— Ради всего святого! — взмолилась миссис Уизли. — Ну зачем было это делать?.. Нет, с меня довольно. Если вам теперь можно использовать волшебство, это не значит, что надо махать палочками направо и налево!

— Мы просто время хотели сэкономить! — объяснил Фред. Бросившись к ножу, он не без труда выдернул его из стола. — Прости, Сириус, дружище… Мы не хотели…

Гарри и Сириус от души хохотали. Наземникус, завалившийся назад вместе со стулом, ругаясь, поднимался на ноги. Живоглот, который чуть раньше, злобно зашипев, метнулся под кухонный шкаф, теперь светил из темноты большими жёлтыми глазами.

— Мальчики, — сказал мистер Уизли, возвращая котёл в центр стола, — ваша мать права, вы теперь совершеннолетние и должны вести себя

ответственно.

— Ни один из ваших братьев ничего подобного не делал! — бушевала миссис Уизли. Она с размаху поставила на стол новую флягу сливочного пива и пролила почти столько же. — Билл не считал нужным трансгрессировать через каждые пять шагов! Чарли не пробовал заклинания на всём, что попадалось под руку! Перси…

Она резко умолкла и испуганно, не дыша посмотрела на мужа, чьё лицо вдруг застыло.

— Давайте же есть, — быстро предложил Билл.

— Вид страшно аппетитный, Молли, — сказал Люпин и, положив на тарелку тушёного мяса, передал ей через стол.

Несколько минут стояла тишина, перебиваемая только постукиванием ножей и вилок о тарелки и поскрипыванием сидений под едоками. Потом миссис Уизли повернулась к Сириусу:

— Я вот о чём тебе хотела сказать, Сириус. В гостиной что-то засело в письменном столе, он всё время потрескивает и шатается. Это, конечно, может быть боггарт, но, наверно, надо попросить Аластора взглянуть, прежде чем мы это выпустим.

— Как тебе угодно, — безразличным тоном ответил Сириус.

— В шторах там полно докси, — продолжала миссис Уизли. — Может, завтра попробуем ими заняться?

— У меня просто руки чешутся, — сказал Сириус. Гарри уловил в его голосе горькую иронию, но не знал, дошла ли она до кого-нибудь ещё.

Тонкс, сидевшая напротив Гарри, потешала Гермиону и Джинни, меняя по ходу ужина очертания своего носа. Каждый раз, сощуривая глаза и придавая лицу такое же напряжённое выражение, как в комнате у Гарри, она то выращивала острый клюв, напоминавший нос Снегга, то уменьшала его до размеров крохотного грибка, то выпускала из каждой ноздри по густому пучку волос. Судя по тому, что Гермиона и Джинни вскоре начали заказывать свои любимые носы, это было здесь обычным застольным развлечением.

— А можно теперь свиной пятачок?

Тонкс сделала пятачок, и у Гарри, когда он поднял глаза, на миг создалось впечатление, что ему улыбается через стол Дадли в женском варианте.

Мистер Уизли, Билл и Люпин горячо обсуждали проблему гоблинов.

— Они пока темнят, — сказал Билл. — До сих пор не пойму, верят они, что он возродился, или нет. Могут, конечно, и нейтральную позицию

занять. Отойти в сторону.

— Я уверен, что они никогда не встанут на сторону Сами-Знаете-Кого, — покачал головой мистер Уизли. — Они ведь тоже пострадали: помните это последнее убийство целой гоблинской семьи близ Ноттингема?

— По-моему, это зависит от того, что им предложат, — сказал Люпин. — И я не золото имею в виду. Если он пообещает им вольности, в которых мы столетиями им отказывали, они могут на это клюнуть. Значит, с Рагноком, Билл, до сих пор ничего не получается?

— Он сейчас настроен не в пользу волшебников, — ответил Билл. — Всё ещё бесится по поводу Бэгмена, считает, что Министерство его прикрыло, ведь гоблины так и не получили от него назад своё золото…

Взрыв веселья в средней части стола заглушил дальнейшие слова Билла. Фред, Джордж, Рон и Наземникус хохотали так, что чуть не падали со стульев.

— А потом, — едва дыша от смеха и обливаясь слезами, продолжал Наземникус, — а потом, честное чародейское, он мне и говорит: «Милый друг, где ты этих жаб-то раздобыл? Тут, вишь ты, стервец какой-то у меня всех моих стибрил!» А

я ему: «Стибрил всех твоих жаб? Экая неприятность, Уилл. Ну, так тебе, наверно, нужны теперь новые». И безмозглая горгулья — гад буду, если вру, — покупает у меня всех своих жаб обратно, да куда дороже, чем платил спервоначала…

— Наземникус, с нас, я думаю, хватит рассказов о твоих коммерческих предприятиях, спасибо тебе большое, — язвительно сказала миссис Уизли. Рон, завывая от смеха, бессильно повалился на стол.

— Прошу прощеньица, Молли, — отозвался Наземникус, вытирая глаза и подмигивая Гарри. — Уилл, если на то пошло, их выторговал у Бородавчатого Харриса обманом, так что я, может, не очень-то уж и дурно поступил.

— Не знаю, Наземникус, где тебя учили тому, что хорошо, а что дурно, но, боюсь, ты пропустил несколько ключевых уроков, — холодно заметила миссис Уизли.

Фред и Джордж, хохоча, уткнулись в кубки со сливочным пивом. На Джорджа напала икота. Вставая, чтобы принести на сладкое большое блюдо с ревеневым пудингом, миссис Уизли неизвестно почему бросила на Сириуса очень неприятный взгляд. Гарри повернулся к крёстному отцу.

— Молли терпеть не может Наземникуса, — сказал Сириус вполголоса.

— Как он оказался в Ордене? — очень тихо спросил Гарри.

— Он полезен, — прошептал Сириус. — Знает всех жуликов. Ещё бы не знал — сам из их числа. Но он предан Дамблдору, тот его однажды спас от большой беды. Хорошо иметь на своей стороне такого человечка, он слышит то, чего мы слышать не можем. Но Молли считает, что сажать его за наш стол — это чересчур. Она не простила ему самовольный уход с дежурства, когда он должен был тебя охранять.

Три порции ревеневого пудинга с заварным кремом — и Гарри почувствовал, что джинсы жмут ему в поясе (а ведь они раньше принадлежали Дадли!). К тому времени, как он положил ложку, в общем застольном разговоре возникло затишье. Мистер Уизли сыто и размягчённо откинулся на спинку кресла. Тонкс, вернув своему носу обычный вид, сладко позёвывала. Джинни, выманив Живоглота из-под кухонного шкафа, сидела на полу по-турецки и катала пробки от сливочного пива. Кот бросался за ними в погоню.

— Не пора ли честной компании разойтись

по спальням? — сонным голосом предложила миссис Уизли.

— Нет, Молли, погоди немного, — сказал Сириус, отодвигая пустую тарелку и поворачиваясь к Гарри. — Что-то ты меня удивляешь. Я думал, первое, что ты примешься тут делать, — это задавать вопросы про Волан-де-Морта.

Общая атмосфера изменилась так же стремительно, как при появлении дементоров. Если секунды назад на кухне царила дремотная расслабленность, то теперь все насторожились и напряглись. При упоминании ненавистного имени вокруг стола пробежала дрожь. Люпин, собиравшийся глотнуть вина, медленно опустил кубок, всем своим видом выражая осмотрительность.

— А то я не задавал! — негодующе воскликнул Гарри. — Задавал Рону и Гермионе, но они сказали, что мы не состоим в Ордене и…

— Они совершенно правы, — заметила миссис Уизли. — Ты ещё слишком юн.

Она выпрямилась в своём кресле, сжав в кулаки лежавшие на подлокотниках руки. В лице — уже ни следа сонливости.

— С каких это пор, чтобы задавать вопросы, надо быть членом Ордена Феникса? — спросил

Сириус. — Гарри целый месяц проторчал в магловском доме. Он имеет право знать, что проис…

— Постой! — громко перебил его Джордж.

— Почему именно Гарри получит ответы на свои вопросы? — сердито спросил Фред.

— Мы месяц пытаемся выудить хоть какие-то сведения, но нас не удостоили даже завалящего кусочка! — крикнул Джордж.

— Вы ещё слишком юные, вы не члены Ордена, — произнёс Фред тонким голосом, страшно похожим на материнский. — А Гарри — пожалуйста, хотя он несовершеннолетний!

— В том, что вам не рассказали про дела Ордена, я лично не виноват, — спокойно проговорил Сириус. — Так решили ваши родители. Что же касается Гарри…

— Ты не вправе самостоятельно решать, что нужно Гарри, а что нет! — резко оборвала его миссис Уизли. Её обычно доброе лицо вдруг стало чуть ли не угрожающим. — Надеюсь, ты не забыл слова Дамблдора?

— Какие именно? — вежливо спросил Сириус с видом человека, готовящегося к бою.

— О том, что Гарри не должен знать больше, чем ему необходимо знать, — ответила миссис Уизли, сделав особенный упор на последние два

слова.

Рон, Гермиона, Фред и Джордж поворачивали головы то к Сириусу, то к миссис Уизли, как будто смотрели теннис. Джинни, стоявшая на полу на коленках, позабыла о рассыпанных вокруг пробках и слушала разговор с полуоткрытым ртом. Люпин не сводил глаз с Сириуса.

— А я и не буду, Молли, рассказывать ему больше, чем ему необходимо знать, — сказал Сириус. — Но, поскольку именно он стал свидетелем возвращения Волан-де-Морта (все опять содрогнулись), он имеет больше права, чем многие другие…

— Он не член Ордена Феникса! — заявила миссис Уизли. — Ему только пятнадцать лет, и…

— И он перенёс столько же испытаний, как и большинство членов, — возразил Сириус. — А кое-кого и позади оставил.

— Я не собираюсь принижать то, что он совершил! — закричала миссис Уизли. Её кулаки на подлокотниках кресла подрагивали. — Но он же ещё…

— Он не ребёнок! — раздражённо сказал Сириус.

— Но и не взрослый! — Щёки миссис Уизли зарделись. — Он — не Джеймс, Сириус!

— Спасибо, Молли, но я неплохо представляю себе, кто он такой, — холодно ответил Сириус.

— Вовсе в этом не уверена! — воскликнула миссис Уизли. — Иногда ты говоришь о нём так, словно это твой лучший друг воскрес!

— Что в этом плохого? — спросил Гарри.

— То, Гарри, что ты — не твой отец, как бы ты ни был на него похож! — ответила миссис Уизли, по-прежнему сверля глазами Сириуса. — Ты ещё учишься в школе, и взрослым, которые за тебя отвечают, не следует об этом забывать!

— Ты хочешь сказать, что я безответственный крёстный отец? — повысил голос Сириус.

— Я хочу сказать, что ты, Сириус, имеешь склонность к безрассудным поступкам, из-за чего Дамблдор требует, чтобы ты не выходил из дому и…

— Давай-ка лучше оставим в стороне указания, которые я получаю от Дамблдора! — громко перебил её Сириус.

— Артур! — набросилась миссис Уизли на мужа. — Артур, поддержи меня!

Мистер Уизли ответил не сразу. Снял очки, медленно протёр их мантией, не глядя на жену. Заговорил лишь после того, как аккуратно водрузил их на место.

— Дамблдор понимает, Молли, что положение изменилось. Он согласен с тем, что теперь, когда Гарри находится в штаб-квартире, его надо в какой-то мере ввести в курс дела.

— Да, но одно дело «в какой-то мере», другое — поощрять его задавать любые вопросы!

— Что касается меня, — тихо начал Люпин, отводя наконец взгляд от Сириуса и встречаясь глазами с миссис Уизли, быстро повернувшейся к нему в надежде обрести наконец союзника, — я считаю, что лучше пусть Гарри узнает факты — не все факты, Молли, только общую картину — от нас, чем получит их в искажённом виде от… других.

Выражение его лица было мягким, но Гарри не сомневался: уж Люпин-то знает, что некоторые Удлинители ушей уцелели после чистки, устроенной миссис Уизли.

— Так, — произнесла миссис Уизли, тяжело дыша и всё ещё оглядывая стол в тщетных поисках поддержки, — ну что ж… я вижу, я в меньшинстве. Я только вот что скажу: у Дамблдора наверняка были причины для того, чтобы не позволять Гарри знать слишком много. Я как человек, принимающий интересы Гарри близко к сердцу…

— Он не твой сын, — тихо сказал Сириус.

— Всё равно что сын! — яростно возразила ему миссис Уизли. — Кто ещё у него есть?

— У него есть я!

— Так-то оно так, — поджала губы миссис Уизли, — но беда в том, что тебе трудновато было о нём заботиться, пока ты сидел взаперти в Азкабане.

Сириус начал подниматься со стула.

— Молли, из собравшихся за этим столом ты не единственная, кто печётся о Гарри, — резко сказал Люпин. — Сириус, сядь!

Нижняя губа миссис Уизли задрожала. Побледневший Сириус медленно опустился обратно на стул.

— Я думаю, мы должны послушать, что скажет сам Гарри, — продолжал Люпин. — Он уже достаточно большой, чтобы решать за себя.

— Я хочу знать, что происходит, — мигом выпалил Гарри.

Он не смотрел на миссис Уизли. Хоть его и тронули её слова о том, что он ей как сын, её опека вызвала у него досаду. Сириус прав: он уже не ребёнок.

— Очень хорошо, — сказала миссис Уизли прерывающимся голосом. — Джинни… Рон… Гермиона… Фред… Джордж! Немедленно выйдите

из кухни.

Взрыв негодования.

— Мы совершеннолетние! — разом завопили Фред и Джордж.

— Гарри можно, а мне нельзя? — взвыл Рон.

— Мама, я хочу послушать! — захныкала Джинни.

— НЕТ! — крикнула миссис Уизли, встав с места и сверкая глазами. — Я категорически запрещаю…

— Молли, ты не можешь запретить Фреду и Джорджу, — устало возразил мистер Уизли. — Они действительно совершеннолетние.

— Они ещё школьники.

— Но в юридическом смысле они взрослые, — сказал мистер Уизли всё тем же утомлённым голосом.

Лицо миссис Уизли было уже пунцовым.

— Я… Так, ладно, Фред и Джордж могут остаться, но Рон…

— Гарри так и так всё расскажет нам с Гермионой! — горячо воскликнул Рон. — Ведь расскажешь? А? — неуверенно добавил он, встретившись с Гарри глазами.

На миг Гарри пришла в голову мысль сказать Рону, что не проронит ни слова, — пусть почув-

ствует на своей шкуре, что такое сидеть в полной неизвестности. Но стоило им взглянуть друг на друга, как зловредное побуждение улетучилось.

— Конечно, расскажу, — пообещал Гарри. Рон с Гермионой просияли.

— Отлично! — крикнула миссис Уизли. — Отлично! Джинни, спать!

Джинни ушла, но ушла отнюдь не тихо. Всё время, пока она поднималась по лестнице, были слышны её негодующие жалобы, а когда она двинулась по коридору, к ним добавились душераздирающие вопли миссис Блэк. Люпин поспешил наверх унимать старуху. Лишь когда он вернулся, закрыл за собой дверь кухни и сел на своё место, Сириус наконец заговорил:

— Итак, Гарри, что бы ты хотел узнать?

Вздохнув всей грудью, Гарри задал вопрос, который мучил его весь последний месяц.

— Где Волан-де-Морт? — спросил он, не обращая внимания на новые корчи при звуке этого имени. — Что он делает? Я пробовал смотреть магловские последние известия, но там тишь да гладь, никаких странных смертей, ничего подозрительного.

— А странных смертей пока и не было, — сказал Сириус, — насколько мы знаем… А знаем мы

довольно много.

— Во всяком случае, больше, чем он думает, — вставил Люпин.

— Чего это он перестал убивать людей? — спросил Гарри. Он знал, что за последний год Волан-де-Морт совершил не одно убийство.

— Не хочет привлекать к себе внимания, — объяснил Сириус. — Это было бы для него опасно. Видишь ли, его возвращение прошло не совсем так, как он хотел. Он напортачил.

— Или, верней, ты подпортил ему игру, — заметил Люпин с довольной ухмылкой.

— Как? — не понял Гарри.

— Ты не должен был остаться в живых! — сказал Сириус. — Никто, кроме его Пожирателей смерти, не должен был знать, что он снова силён. Но ты всё видел и выжил.

— И меньше всего он хотел, чтобы о его возрождении узнал Дамблдор, — добавил Люпин. — Но благодаря тебе Дамблдору всё стало известно немедленно.

— И как это помогло? — спросил Гарри.

— Шутишь, что ли? — вступил в разговор Билл. — Дамблдор — единственный, кого Сам-Знаешь-Кто всегда боялся!

— Благодаря тебе Дамблдор заново созвал Ор-

ден Феникса всего через час после возрождения Волан-де-Морта, — сказал Сириус.

— Так чем же всё-таки этот Орден занимается? — спросил Гарри и поглядел на всех по очереди.

— Всеми силами пытается сорвать планы Волан-де-Морта, — ответил Сириус.

— Откуда вы знаете, что у него за планы? — быстро спросил Гарри.

— У Дамблдора есть кое-какие догадки, — сказал Люпин, — а догадки Дамблдора обычно оказываются близки к истине.

— Ну, и что думает о его планах Дамблдор?

— Во-первых, он хочет восстановить своё войско, — сказал Сириус. — В старые дни у него было много кого под началом: чародеи, которых он запугал или околдовал, преданные ему Пожиратели смерти, великое множество всяких Тёмных существ. Ты знаешь, что он вознамерился привлечь на свою сторону великанов, но это только одно из сообществ, на которые он нацелился. Разумеется, он не пойдёт брать штурмом Министерство магии всего лишь с дюжиной Пожирателей смерти.

— А вы пытаетесь помешать ему вербовать новых сторонников?

— Да, насколько можем, — ответил Люпин.

— Но как?

— Главное — убедить как можно больше людей в том, что Ты-Знаешь-Кто действительно возродился. Заставить их быть бдительными, — объяснил Билл. — Но оказалось, что это не так просто.

— Почему?

— Из-за позиции Министерства, — сказала Тонкс. — Гарри, ты же видел Корнелиуса Фаджа после возвращения Сам-Знаешь-Кого. С тех пор его отношение ко всему не изменилось. Он категорически отказывается поверить, что это произошло на самом деле.

— Но почему? — в отчаянии спросил Гарри. — Почему он такой идиот? Если Дамблдор…

— Ага, вот ты и попал в самую точку, — горько усмехнулся мистер Уизли. — В нём-то всё и дело — в Дамблдоре.

— Фадж его боится, — печально сказала Тонкс.

— Боится Дамблдора? — не поверил Гарри.

— Боится того, на что считает его способным, — объяснил мистер Уизли. — Фадж думает, что Дамблдор хочет его свергнуть. Что он сам не прочь стать министром магии.

— Но Дамблдор ничего такого не хочет…

— Конечно, не хочет, — сказал мистер Уизли. — Он никогда не стремился к должности министра, хотя очень многие были бы рады, если бы он её занял после отставки Милисенты Багнолд. Бразды правления достались тогда Фаджу, но он не забыл, как популярна была идея сделать министром Дамблдора, пусть он и не претендовал на власть.

— В глубине души Фадж понимает, что Дамблдор намного его умней, что он куда более сильный волшебник, и в начале работы на министерском посту Фадж постоянно просил у Дамблдора помощи и совета, — сказал Люпин. — Но теперь, судя по всему, он вошёл во вкус власти и стал гораздо самоуверенней. Ему очень нравится быть министром магии, он убедил себя, что он самый умный и что Дамблдор просто сеет смуту ради смуты.

— Как он может такое думать? — сердито спросил Гарри. — Как он может думать, что Дамблдор говорит неправду? Выходит, и я говорю неправду?

— Согласиться с тем, что Волан-де-Морт возродился, означает великую головную боль для Министерства. Ни с чем подобным оно не сталкивалось почти четырнадцать лет, — горько сказал Сириус. — Фадж просто не в состоянии взглянуть

правде в глаза. Гораздо удобней считать, что Дамблдор лжёт, стремясь сделать его, Фаджа, положение неустойчивым.

— Понимаешь, да, в чём проблема? — спросил Люпин. — Пока Министерство утверждает, что Волан-де-Морта бояться нечего, очень трудно убеждать людей, что он возродился, особенно если они и сами не склонны этому верить. К тому же Министерство сильно давит на «Ежедневный пророк» — запрещает писать о том, что оно называет фальшивками Дамблдора. Поэтому рядовые волшебники большей частью не знают о случившемся ровно ничего, и это делает их лёгкой добычей Пожирателей смерти, если они используют заклятие Империус.

— Но вы-то ведь сообщаете людям, да? — спросил Гарри, глядя поочерёдно на мистера Уизли, Сириуса, Билла, Наземникуса, Люпина и Тонкс. — Вы им говорите, что он возродился?

Они невесело улыбнулись.

— Видишь ли, все считают, что я поубивал кучу народу, Министерство назначило за мою голову награду в тысячу галеонов, поэтому я вряд ли могу выйти на улицу и начать раздавать листовки, — желчно проговорил Сириус.

— Я тоже не самый желанный обеденный гость

в большинстве чародейских домов, — сказал Люпин. — В том, что ты оборотень, есть свои минусы.

— Тонкс и Артур, если начнут болтать направо и налево, потеряют должности, — продолжил Сириус, — а для нас очень важно иметь в Министерстве своих людей, ведь люди Волан-де-Морта там наверняка есть.

— Кое-кого, впрочем, мы сумели убедить, — сказал мистер Уизли. — Вот Тонкс, к примеру. Она ещё очень молода и по возрасту только недавно получила право стать членом Ордена, но то, что на нашу сторону переходят мракоборцы, — громадное достижение. Кингсли Бруствер — тоже ценнейший человек. Ему поручили возглавить охоту на Сириуса, и он вводит Министерство в заблуждение, утверждая, что Сириус скрывается в Тибете.

— Но если ни один из вас не заявляет открыто, что Волан-де-Морт возродился… — начал Гарри.

— Кто сказал, что ни один? — возразил Сириус. — Из-за чего, по-твоему, у Дамблдора такие неприятности?

— Какие?

— Они всячески пытаются его дискредитировать, — объяснил Люпин. — Ты не читал в

«Пророке» на прошлой неделе? Они написали, что Международная конфедерация магов сместила его с поста президента, потому что он постарел и потерял хватку. Но это неправда. Против него проголосовали чародеи Министерства, и произошло это после его речи, в которой он объявил о возвращении Волан-де-Морта. И он теперь не Верховный чародей Визенгамота, то есть суда волшебников, и ходят разговоры, что у него могут забрать орден Мерлина первой степени.

— Но Дамблдор говорит, что ему на всё это наплевать, — главное, чтобы его не убрали с карточек в шоколадных лягушках, — ухмыльнулся Билл.

— Не вижу ничего смешного, — резко сказал мистер Уизли. — Если он и дальше будет так дразнить Министерство, он может попасть в Азкабан, а этого нам ни за что нельзя допустить. Пока Сам-Знаешь-Кому известно, что Дамблдор на свободе и в курсе его замыслов, он вынужден действовать с оглядкой. Уберут Дамблдора — и у Сам-Знаешь-Кого развязаны руки.

— Но ведь если Волан-де-Морт пытается вербовать новых Пожирателей смерти, как может его возвращение оставаться тайной? — спросил Гарри, пришедший чуть ли не в отчаяние.

— Волан-де-Морт не ходит от дома к дому и не стучится к людям в двери, — сказал Сириус. — Он обманывает, околдовывает, шантажирует. У него богатый опыт тайной деятельности, и вербовка сторонников — только одно из её направлений. У него есть и другие планы, которые он надеется осуществить без всякого шума, и как раз им-то он сейчас уделяет главное внимание.

— Что ему нужно, кроме сторонников? — спросил Гарри, и ему показалось, что Сириус, прежде чем ответить, обменялся с Люпином быстрым взглядом.

— То, чем он может завладеть только исподтишка.

Взгляд Гарри оставался таким же озадаченным.

— Некое, скажем так, подобие оружия, — добавил Сириус. — То, чего у него не было в прошлый раз.

— Когда он был силён?

— Да.

— Что за оружие? — спросил Гарри. — Страшней, чем заклятие Авада Кедавра?

— Довольно! — воскликнула миссис Уизли, стоявшая в тени у двери.

Гарри не заметил, как она вернулась из ком-

наты Джинни, куда отводила дочку спать. Она скрестила руки на груди, и вид у неё был яростный.

— Я хочу, чтобы вы все немедленно отправились спать, — потребовала она, глядя поочерёдно на Фреда, Джорджа, Рона и Гермиону.

— Ты не имеешь права нами командовать… — начал Фред.

— Сириус, посмотри на меня! — не унималась миссис Уизли. Её била лёгкая дрожь. — Ты уже сообщил Гарри кучу сведений. Ещё чуть-чуть — и его хоть в Орден принимай.

— А что, почему нет? — быстро спросил Гарри. — Я вступлю, я хочу вступить. Буду драться.

— Нет.

Это сказала уже не миссис Уизли. Это сказал Люпин.

— Мы принимаем только взрослых, совершеннолетних волшебников, — продолжил он. — Тех, которые окончили школу, — добавил он, увидев, что Фред и Джордж раскрыли рты. — Членство сопряжено с опасностями, о которых никто из вас не имеет понятия… Я думаю, Молли права, Сириус. Мы сказали ему достаточно.

Сириус легонько пожал плечами, но спорить не стал. Миссис Уизли властно поманила к себе сы-

новей и Гермиону. Один за другим они встали, и Гарри, признавая поражение, поплёлся в хвосте.

Глава 6
Благороднейшее и древнейшее семейство Блэков

Миссис Уизли с сумрачным видом пошла за ними наверх.

— Все ложитесь немедленно, никаких больше разговоров, — сказала она, когда они добрались до второго этажа. — У нас завтра трудный день. Джинни, скорее всего, уже спит, — добавила она, глядя на Гермиону, — и не вздумай её будить.

— Спит, как же, — вполголоса проговорил Фред, когда Гермиона пожелала остальным спокойной ночи и они стали подниматься дальше. — Если Джинни сейчас дрыхнет, а не ждёт Гермиону, чтобы она ей всё пересказала, то я флоббер-червь…

— Ну, Рон и Гарри, всего хорошего, — сказала миссис Уизли на третьем этаже, открывая им дверь спальни. — Марш в постель.

— Спокойной ночи, — попрощались Гарри и Рон с близнецами.

— Приятных снов, — подмигнул Фред.

Миссис Уизли со щелчком захлопнула за Гарри дверь. Спальня показалась ему ещё более тёмной

и сырой, чем в прошлый раз. Висевший на стене пустой холст в раме дышал глубоко и ровно, как будто его невидимый жилец спал. Надев пижаму и сняв очки, Гарри забрался в прохладную постель, а Рон тем временем кидал на шкаф совиные лакомства, чтобы утихомирить Буклю и Сычика, которые беспокойно стучали жёсткими лапами и хлопали крыльями.

— Мы не можем каждую ночь выпускать их на охоту, — объяснил Рон, надевая бордовую пижаму. — Дамблдор не хочет, чтобы вокруг этой площади летало слишком много сов, это было бы подозрительно. Ах, да… Я и забыл…

Он подошёл к двери и запер её.

— А это ещё зачем?

— Из-за Кикимера, — объяснил Рон, гася свет. — Когда я первую ночь тут спал, он в три часа сюда впёрся. Просто бродит по всему дому. Проснуться и увидеть, как он крадётся по спальне, — удовольствие ниже среднего. Так, ладно… — Он залез в постель и повернулся к Гарри, который видел его фигуру на фоне лунного света, сочившегося сквозь грязное окно. — Что ты думаешь?

Гарри не нужно было спрашивать, что Рон имеет в виду.

— По-моему, они мало что сказали сверх того,

о чём мы сами могли догадаться, — ответил он, думая обо всём, что услышал внизу. — Мы только и узнали, что Орден старается сорвать планы Волан-…

Раздался судорожный вздох Рона.

— …де-Морта, — твёрдо окончил Гарри. — Когда ты начнёшь произносить его имя? Сириус и Люпин произносят.

На это Рон ничего не ответил.

— Да, ты прав, — сказал он. — Почти всё мы и так уже знали, спасибо Удлинителям ушей. Нового было только то, что…

Хлоп.

— ОХ-Х-Х!

— Тише ты, Рон, мама прибежит.

— Вы оба трансгрессировали прямо мне на колени!

— В темноте, думаешь, легко?

Гарри увидел смутные фигуры Фреда и Джорджа, спрыгивающих с кровати Рона. Потом раздался стон пружин, и под тяжестью Джорджа, севшего у Гарри в ногах, его матрас опустился на несколько дюймов.

— Что, уже начали про… — нетерпеливо заговорил Джордж.

— Про оружие, о котором сказал Сириус? —

спросил Гарри.

— Скорее, проговорился, — с удовольствием поправил его Фред, сидевший теперь рядом с Роном. — Надо признать, что старые добрые Удлинители ушей нам про это не сообщали.

— Что это, по-вашему? — спросил Гарри.

— Что угодно может быть, — ответил Фред.

— Но разве бывает что-нибудь хуже, чем заклятие Авада Кедавра? — спросил Рон. — Что может быть хуже смерти?

— Скажем, такая штука, которая сразу убивает кучу людей, — предположил Джордж.

— Может, какой-нибудь особо мучительный способ убийства, — сказал Рон со страхом.

— Чтобы делать людям больно, у него есть заклятие Круциатус, — возразил Гарри. — Сильней ничего не требуется.

Все замолчали, и Гарри знал: другие, как и он, пытаются представить себе ужасы, которые может совершить неведомое оружие.

— У кого оно сейчас, по-вашему, — спросил Джордж.

— Надеюсь, у наших, — сказал Рон с нервозностью в голосе.

— Если так, то, наверно, у Дамблдора, — предположил Фред.

— Где? — быстро спросил Рон. — В Хогвартсе?

— Конечно! — откликнулся Джордж. — Ведь он именно там хранил философский камень.

— Оружие наверняка покрупней размером, чем камень, — заметил Рон.

— Не обязательно, — возразил Фред.

— Да, размер и сила — разные вещи, — согласился с ним Джордж. — Взять, к примеру, Джинни.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Гарри.

— Ты никогда не попадал под её Летучемышиный сглаз?

— Тсс! — Фред привстал. — Слушайте!

Все замерли. Кто-то поднимался по лестнице.

— Мама, — сказал Джордж, и думали они с Фредом недолго: громкий хлопок — и Гарри почувствовал, что на кровать уже ничего не давит. Несколько секунд спустя за дверью скрипнула половица. Миссис Уизли слушала, разговаривают они или нет.

Букля и Сычик тоскливо ухнули. Снова скрипнула половица, и Гарри с Роном услышали, что миссис Уизли идёт наверх проверять Фреда и Джорджа.

— Вечно нас подозревает, — с сожалением сказал Рон. Гарри был уверен, что не сможет заснуть.

Прошедший вечер был так плотно набит тем, о чём надо было подумать, что он приготовился к долгому лежанию и обмозговыванию. Он хотел поговорить с Роном подольше, но миссис Уизли, скрипя ступенями, теперь спускалась обратно, а когда её шаги умолкли, он отчётливо услышал, как по лестнице поднимаются другие существа… За дверью спальни мягко сновали туда-сюда какие-то многоногие твари, а Хагрид, преподававший в Хогвартсе уход за магическими существами, говорил: «Красавчики хоть куда. Согласен, Гарри? В этом году мы всякое оружие будем изучать…» И Гарри увидел, что у них вместо голов пушечные стволы, вот они поворачиваются к нему… Он пригнулся…

Он лежал, свернувшись под одеялом в тёплый клубок, и комнату наполнял громкий голос Джорджа:

— Мама говорит: вставать, завтрак на кухне, а потом она ждёт вас в гостиной, там в тысячу раз больше докси, чем она думала, и под диваном она нашла большое гнездо с дохлыми шушерами.

Через полчаса Гарри и Рон, быстро одевшись и позавтракав, поднялись на второй этаж и вошли в гостиную — продолговатую комнату с высоким потолком и грязными серо-зелёными гобелена-

ми. Из ковра при каждом шаге вылетали облачка пыли, а в длинных болотного цвета бархатных шторах стояло какое-то жужжание, словно там роились невидимые пчёлы. Там-то все и столпились — миссис Уизли, Гермиона, Джинни, Фред, Джордж. Выглядели они странновато — головы снизу были обмотаны полосами ткани, закрывавшими нос и рот. Каждый, кроме того, держал по большой, наполненной чёрной жидкостью бутылке с насадкой-распылителем.

— Завяжите лица и возьмите пульверизаторы, — велела миссис Уизли Рону и Гарри, едва их увидела, и показала на две другие такие же бутылки, стоявшие на высоком тонконогом столике. — Это доксицид. В жизни не видела такого засилья паразитов! Чем занимался последние десять лет этот эльф-домовик?

Хотя лицо Гермионы было наполовину закрыто полотенцем, Гарри отчётливо увидел, как она бросила на миссис Уизли укоризненный взгляд.

— Кикимеру много лет, он, наверно, не может…

— Ты удивишься, Гермиона, когда узнаешь, сколько всего Кикимер может, когда хочет, — сказал Сириус, который только что вошёл с запятнанной кровью сумкой, где, как выяснилось,

были дохлые крысы. — Я кормил Клювокрыла, — добавил он, отвечая на вопросительный взгляд Гарри. — Я держу его наверху, в спальне моей матери. А что касается этого стола…

Он кинул сумку с крысами на кресло и склонился над письменным столом с запертой тумбой, который, как только теперь заметил Гарри, слегка подрагивал.

— Да, Молли, я почти уверен, что это боггарт, — кивнул головой Сириус, поглядев в замочную скважину, — но пусть на всякий случай Грюм посмотрит, прежде чем мы это выпустим. Зная мою мамашу, всегда можно опасаться чего-нибудь худшего.

— Я тоже так думаю, Сириус, — сказала миссис Уизли.

Они говорили между собой с нарочито лёгкими, вежливыми интонациями, и Гарри было совершенно ясно, что оба помнят о вчерашней перепалке.

Внизу пронзительно лязгнул дверной звонок, и вслед за этим мгновенно разразилась такая же какофония криков и стенаний, что и вчера, когда Тонкс повалила подставку для зонтов.

— Сколько раз я им говорил: не звонить в звонок! — в ярости воскликнул Сириус, кидаясь

за дверь. Загрохотали его шаги по лестнице, а между тем вопли миссис Блэк в очередной раз отдавались эхом по всему дому:

— Подлые негодяи, мерзкие полукровки, осквернители нашего рода, порождение грязи…

— Будь добр, Гарри, закрой дверь, — сказала миссис Уизли.

Гарри постарался сделать это как можно медленней — он хотел послушать, что происходит внизу. Судя по тому, что крики прекратились, Сириусу удалось завесить мать портьерами. Гарри услышал, как Сириус идёт по коридору, потом зазвенела цепочка на входной двери, потом раздался густой голос Кингсли Бруствера:

— Меня только что сменила Гестия, она взяла у Грюма мантию-невидимку, а я хочу оставить отчёт для Дамблдора…

Чувствуя на затылке взгляд миссис Уизли, Гарри нехотя закрыл дверь гостиной и вернулся к группе, готовящейся к атаке на докси.

Миссис Уизли наклонилась к лежащему на диване справочнику по домашним вредителям Златопуста Локонса, раскрытому на главе, посвящённой докси.

— Будьте, пожалуйста, очень осторожны: докси кусаются, и зубы у них ядовиты. У меня есть,

конечно, противоядие, но не хотелось бы к нему прибегать.

Она выпрямилась, встала лицом к шторам и жестом велела всем остальным придвинуться к ним ближе.

— Когда я дам команду, прыскайте немедленно, — сказала она. — Они полетят прямо на нас, но на жидкости написано, что хорошая струя сразу их парализует. Тех, которые лишились подвижности, кидайте в это ведро.

Она осмотрительно отошла с их линии огня и подняла свой пульверизатор.

— Внимание… начали!

Гарри распылял жидкость всего несколько секунд, когда из складки ткани, стрекоча блестящими жучьими крылышками и оскалив крохотные острые как иголки зубы, вылетела взрослая докси. Миниатюрное тельце покрывал густой чёрный мех, и все четыре маленьких кулачка были яростно стиснуты. Гарри встретил её струёй доксицида. Она оцепенела в полёте и с неожиданно громким стуком упала на вытертый ковёр. Гарри взял её и швырнул в ведро.

— Фред, что ты делаешь? — раздался недовольный голос миссис Уизли. — Опрыскай и немедленно выброс!

Гарри обернулся. Фред держал барахтающуюся докси большим и указательным пальцами.

— Сию секунду! — весело сказал Фред, быстренько привёл жертву в бессознательное состояние струёй из пульверизатора и, когда миссис Уизли отвернулась, подмигнул Гарри и сунул докси в карман.

— Мы хотим поэкспериментировать с их ядом для наших Забастовочных завтраков, — очень тихо объяснил Джордж.

Ловко сшибив одной струёй сразу двух докси, нацелившихся ему на нос, Гарри придвинулся к Джорджу и пробормотал:

— Что такое Забастовочные завтраки?

— Сладости, от которых заболеваешь, — прошептал Джордж, не спуская опасливого взгляда со спины миссис Уизли. — Не всерьёз, но так, чтобы можно было уйти из класса, когда тебе хочется. Мы с Фредом их этим летом изобрели. Штучки о двух концах, с цветовой кодировкой. Если съешь оранжевую половинку Блевального батончика, тебя рвёт. Но как только тебя отправили с урока в больничное крыло, глотаешь тёмно-красную половинку…

— «…и ты опять здоров и бодр, можешь делать что твоей душе угодно, вместо того, чтобы тратить

час на бесполезную скукотищу». Так, по крайней мере, мы пишем в рекламе, — вполголоса продолжил Фред, который, потихоньку выбравшись из поля зрения миссис Уизли, поднимал с пола и клал в карман валявшихся там и сям докси. — Но, честно говоря, они нуждаются в доработке. Пока что нашим испытуемым трудновато приостановить рвоту на время, необходимое, чтобы проглотить тёмно-красный кончик.

— Испытуемым?

— То есть нам самим, — объяснил Фред. — Мы по очереди. Джордж испытывал на себе Обморочные орешки, а Кровопролитные конфеты, от которых идёт носом кровь, пробовали мы оба.

— Мама решила, что у нас была дуэль, — сказал Джордж.

— Значит, идея магазина не умерла? — тихо поинтересовался Гарри, делая вид, что поправляет насадку на своей бутылке.

— Пока что у нас нет возможности обзавестись помещением, — ответил Фред, ещё больше понизив голос: миссис Уизли перед новой атакой сделала паузу, чтобы вытереть концом повязки потный лоб. — Сейчас принимаем заказы по почте. На прошлой неделе поместили рекламу в «Ежедневном пророке».

— Всё благодаря тебе, друг, — сказал Джордж. — Но ты не беспокойся… Мама и не догадывается. Она перестала читать «Пророк», потому что они пишут всякую ложь про тебя и Дамблдора.

Гарри ухмыльнулся. Хотя он, желая помочь близнецам Уизли открыть магазин волшебных фокусов и трюков, заставил их взять тысячу галеонов призовых денег, полученных им за победу в Турнире Трёх Волшебников, он был рад тому обстоятельству, что миссис Уизли о его поступке ничего не знает. Она считала торговлю такого рода неподходящим занятием для своих сыновей.

Дедоксикация штор заняла большую часть утра. Лишь после полудня миссис Уизли сняла с лица защитную повязку и устало опустилась в просевшее кресло. Опустилась, но тут же вскочила с воплем отвращения: на кресле лежала сумка с дохлыми крысами. Обильно опрысканные шторы свисали вяло и влажно, и в них ничего уже не жужжало. Рядом стояли на полу ведро, полное парализованных докси, и тазик с их чёрными яйцами. Фред и Джордж бросали на это богатство, к которому принюхивался сейчас Живоглот, алчные взгляды.

— С этим, я думаю, разберёмся после обеда. — Миссис Уизли показала на пыльные застеклён-

ные шкафчики, стоявшие по обе стороны от камина. Они были битком набиты всякой всячиной: тут тебе и коллекция ржавых кинжалов, и когти, и свёрнутая кольцами змеиная кожа, и потускневшие серебряные шкатулки с надписями на неведомом Гарри языке, и, самое неприятное, изысканный хрустальный графинчик со вделанным в пробку большим опалом, наполненный, вне всякого сомнения, кровью.

Внизу опять раздался громкий звонок. Все посмотрели на миссис Уизли.

— Оставайтесь здесь, — твёрдо сказала она под новые вопли миссис Блэк и взяла сумку с крысами. — Я вам принесу сюда сандвичи.

Она вышла из комнаты и тщательно закрыла за собой дверь. Все тут же бросились к окну и, посмотрев вниз, увидели у входа в дом чью-то растрёпанную рыжеватую макушку и несколько котлов, неустойчиво поставленных один на другой.

— Наземникус! — догадалась Гермиона. — Зачем он притащил сюда эти котлы?

— Скорее всего, чтобы их тут спрятать, — сказал Гарри. — Ведь чем он занимался в тот вечер, когда должен был охранять меня? Собирал чужие котлы.

— Точно, ты прав! — воскликнул Фред. Между тем дверь внизу открылась. Наземникус впихнул в неё котлы и исчез из виду. — Маме это ох как не понравится…

Они с Джорджем подошли к двери комнаты и замерли, внимательно прислушиваясь. Миссис Блэк уже не кричала.

— Наземникус разговаривает с Сириусом и Кингсли, — пробормотал Фред, хмурясь от напряжения. — Ничего толком не разберу… Может, была не была, попробуем Удлинитель ушей?

— Может, и стоит, — сказал Джордж. — Проберусь наверх, возьму парочку…

Но в этот самый миг внизу разразилась настоящая звуковая буря, сделавшая Удлинитель ушей совершенно ненужным. Все очень ясно услышали, что именно кричала во весь голос миссис Уизли.

— У нас тут не хранилище краденых вещей!

— Как я люблю, когда мама вопит не на меня, — сказал Фред с довольной улыбкой, приоткрывая дверь, чтобы крик миссис Уизли ещё лучше наполнил комнату. — Отраднейшая перемена.

— Крайняя безответственность! Как будто у нас мало забот помимо ворованных котлов, которые ты приволакиваешь в дом…

— Что за идиоты! Зачем дают ей расшуметься? — покачал головой Джордж. — Надо её сразу чем-нибудь отвлечь, а то может раскочегариться на полдня. С тех пор как Наземникус ушёл с дежурства и оставил тебя, Гарри, без прикрытия, она только случая ждала на него наброситься… А вот и мамаша Сириуса опять подала голос.

Упрёки миссис Уизли утонули в хоре новых визгов и воплей, издаваемых портретами в коридоре.

Джордж двинулся к двери, чтобы её захлопнуть, но не успел он это сделать, как в неё протиснулся эльф-домовик.

Он был совершенно голый, если не считать грязной набедренной повязки, и выглядел очень старым. Кожа, казалось, была настолько ему велика, что могла вместить несколько таких, как он. Хотя он был лысый, как все эльфы-домовики, из его больших, как у летучей мыши, ушей торчало изрядное количество седых волос. Глаза водянисто-серые с краснотой, длинный мясистый нос напоминал рыльце животного.

Эльф не обратил на Гарри и остальных ровно никакого внимания. Сгорбившись и как будто их не видя, он медленно и целеустремлённо прошаркал в дальний конец комнаты, всё время

бормоча себе под нос хриплым утробным голосом, похожим на лягушачье кваканье:

— Воняет на весь дом и ворюга в придачу, но она-то чем лучше, мерзкая старая осквернительница рода со своими пащенками, дом моей госпожи опоганили, ох, бедная моя госпожа, если бы она знала, если бы она только знала, какое отребье они сюда пускают, что бы она сказала старому Кикимеру, ох, стыд какой, грязнокровки, оборотни, осквернители рода и воры, бедный старый Кикимер, что он может сделать…

— Здорово, Кикимер, — очень громко сказал Фред, со стуком закрывая дверь.

Эльф-домовик остановился как вкопанный, перестал бормотать и очень отчётливо, но очень неубедительно вздрогнул словно бы от удивления.

— Кикимер не видел молодого господина, — сказал он, обернувшись и отвесив Фреду поклон. Потом, не поднимая глаз от ковра, тихо, но вполне внятно добавил: — Поганый пащенок осквернительницы рода, вот ты кто.

— Что-что? — переспросил Джордж. — Прости, я последнее, что ты сказал, не расслышал.

— Кикимер ничего не сказал, — отозвался эльф и опять поклонился, на этот раз Джорджу,

после чего вполголоса, но очень разборчиво проговорил: — А вот и братец, тоже урод мерзопакостный.

Гарри не знал, смеяться ему или лучше не стоит. Эльф выпрямился, оглядел всех зловредным взглядом и, словно бы думая, что его никто не слышит, снова забормотал:

— И грязнокровка туточки, стоит наглая такая, ох, если бы моя госпожа видела, как бы она плакала, а вот новенький, Кикимер не знает, как его зовут. Что он здесь делает? Кикимер не знает…

— Это Гарри, Кикимер, — обратилась к нему Гермиона. — Гарри Поттер.

Бледные глаза Кикимера расширились, и он забормотал быстрей и яростней прежнего.

— Грязнокровка говорит с Кикимером, как будто она его подруга, ох, если бы только госпожа видела, с кем Кикимеру приходится иметь дело, ох, что бы она сказала…

— Не смей называть её грязнокровкой! — одновременно и очень сердито сказали Рон и Джинни.

— Ничего страшного, — прошептала Гермиона, — он немного не в себе, он сам не понимает, что…

— Да брось ты, Гермиона, он прекрасно понима-

ет, что говорит, — сказал Фред, глядя на Кикимера с великой неприязнью.

Бормоча по-прежнему, Кикимер не спускал глаз с Гарри.

— Неужто правда? Неужто это Гарри Поттер? Кикимер видит шрам, значит, это правда, это мальчик, который остановил Тёмного Лорда, Кикимер удивляется, как он это сделал…

— Мы все удивляемся, Кикимер, — сказал Фред.

— А что тебе тут надо? — спросил Джордж. Огромные глаза Кикимера метнулись в его сторону.

— Кикимер чистит, — сказал он уклончиво.

— Очень правдоподобно, — произнёс голос у Гарри за спиной.

Это вернулся Сириус. Стоя в дверях, он недружелюбно смотрел на эльфа. Шум в коридоре прекратился — возможно, миссис Уизли и Наземникус перенесли скандал на кухню. При виде Сириуса Кикимер отвесил ему до нелепости низкий поклон, распластав нос-рыльце по полу.

— Да встань же ты прямо, — раздражённо сказал Сириус. — А теперь отвечай: что ты задумал?

— Кикимер чистит, — повторил эльф. — Кикимер верой и правдой служит благороднейшему и

древнейшему дому Блэков…

— Благороднейшему и грязнейшему, — сказал Сириус. — Чистит он…

— Господин горазд пошутить, — проговорил Кикимер с новым поклоном. Потом опять принялся бубнить: — Господин — мерзкая неблагодарная свинья, он разбил материнское сердце…

— Да не было у моей матери никакого сердца! — вскинулся Сириус. — Старуха только злобой и была жива.

Кикимер ещё раз поклонился.

— Как будет угодно господину, — пробормотал он яростно. — Господин недостоин стереть грязь с обуви своей матери, ох, бедная моя госпожа, как бы она плакала, если бы увидела, что Кикимер ему служит, ох как она его ненавидела, как он её разочаровал…

— Я спросил тебя, что ты задумал, — холодным тоном напомнил ему Сириус. — Всякий раз, как ты приходишь и прикидываешься, будто чистишь, ты утаскиваешь что-то к себе в комнату, чтобы мы не могли это выкинуть.

— Кикимер никогда ничего не уносит с надлежащего места в доме господина, — возразил эльф, а потом забормотал скороговоркой: — Госпожа не простила бы Кикимеру, если бы выкинули

гобелен, семь веков он был в семье, Кикимер должен его спасти, Кикимер не позволит господину, осквернителям рода и их пащенкам уничтожить семейное достояние…

— Так я и думал, — сказал Сириус, бросая презрительный взгляд на стену. — Не сомневаюсь, что она обработала гобелен с изнанки Заклятием вечного приклеивания, но, если смогу, я непременно от него избавлюсь. А теперь, Кикимер, вали отсюда.

Ослушаться прямого приказа Кикимер не посмел, но, шаркая мимо Сириуса к выходу, он взглянул на него с глубочайшим отвращением и ни на миг не переставал бубнить:

— Как из Азкабана вернулся, так стал гонять Кикимера туда-сюда, ох, бедная моя госпожа, что бы она сказала, если бы увидела, во что превратился дом, всякое отребье живёт, сокровища выбрасывают, она объявила, что он ей больше не сын, а он здесь, и говорят, ко всему ещё и убийца…

— Побормочи у меня ещё — и стану убийцей! — желчно сказал Сириус и захлопнул за эльфом дверь.

— Сириус, у него с головой не в порядке, — вступилась за Кикимера Гермиона. — Я думаю, он не понимает, что мы его слышим.

— Слишком долго был один, — объяснил Сириус, — исполнял безумные приказы, которые отдавал ему мамашин портрет, и разговаривал сам с собой. Но, кроме того, он всегда был зловредным маленьким…

— Если бы можно было дать ему свободу, — мечтательно сказала Гермиона, — тогда, кто знает…

— Ему нельзя дать свободу, ему слишком многое известно об Ордене, — сухо возразил ей Сириус. — К тому же потрясение его убьёт. Попробуй предложить ему покинуть дом — посмотришь, как он это воспримет.

Сириус пересёк комнату и подошёл к гобелену во всю ширину стены, который Кикимер пытался уберечь. Гарри и другие последовали за ним.

Гобелен выглядел немыслимо старым. Он сильно выцвел, и местами его проели докси. Но золотая нить, которой он был вышит, блестела достаточно ярко, чтобы видно было ветвистое родословное дерево, берущее начало, насколько Гарри мог понять, в глубоком Средневековье. На самом верху гобелена крупными буквами значилось:

«БЛАГОРОДНЕЙШЕЕ И ДРЕВНЕЙШЕЕ СЕМЕЙСТВО БЛЭКОВ»

Чуть пониже девиз:

«Чистота крови навек»

— А тебя здесь нет! — воскликнул Гарри, внимательно изучив нижнюю часть дерева, относящуюся к нашему времени.

— Я вот где был. — Сириус показал на маленькое круглое обугленное отверстие в ткани, точно прожжённое сигаретой. — Моя дорогая мамаша меня отсюда выжгла, когда я сбежал из дому. Кикимер очень любит про это тихонечко бормотать.

— Ты сбежал из дому?

— Да, в шестнадцать лет, — ответил Сириус. — Решил, что с меня хватит.

— И куда ты отправился? — спросил Гарри, глядя на него во все глаза.

— К твоему отцу, — сказал Сириус. — Твои дед и бабка проявили себя с самой лучшей стороны. Приняли меня как родного сына. Школьные каникулы я провёл у них, а когда мне стукнуло семнадцать, заимел собственное жильё. Мой дядя Альфард оставил мне приличное завещание — потому-то, наверно, его тоже убрали с этого гобелена. Так или иначе, с тех пор я сам о себе заботился. Но на воскресном обеде у мистера и

миссис Поттер я всегда был желанным гостем.

— Но… почему ты…

— Сбежал отсюда? — Сириус горько усмехнулся и провёл рукой по своим длинным спутанным волосам. — Потому что я их всех люто ненавидел — родителей с их манией чистокровности, убеждённых, что быть Блэком — чуть ли не то же самое, что быть королевской крови… идиота братца, который по слабости характера им верил… Вот он.

Сириус ткнул пальцем в самый низ дерева — туда, где значилось: «Регулус Блэк». Рядом — дата рождения и дата смерти (после которой минуло уже лет пятнадцать).

— Регулус был моложе меня, — сказал Сириус, — и он был гораздо лучшим сыном, о чём мне постоянно напоминали.

— Но он умер.

— Да, — сказал Сириус. — Безмозглый идиот… Он стал Пожирателем смерти.

— Ты шутишь!

— Да брось, Гарри, ты ведь уже достаточно знаком с этим домом, чтобы понять, какими волшебниками были мои родственнички, — брюзгливо проговорил Сириус.

— Твои… твои родители что, тоже были Пожи-

рателями смерти?

— Нет, нет, но поверь мне, они считали, что Волан-де-Морт прав в идейном отношении. Они всей душой были за очищение расы волшебников, за избавление от магловской примеси, за то, чтобы у руля стояли чистокровные. И они не были в этом одиноки. Очень многие до того, как Волан-де-Морт показал себя во всей красе, полагали, что у него очень даже здравые идеи… Но когда родители увидели, на что он готов пойти ради власти, они струсили. Впрочем, я уверен, что они считали Регулуса, который сразу встал под его знамёна, настоящим героем.

— Его что, убил мракоборец? — спросил Гарри.

— Нет, — сказал Сириус. — Нет, его уничтожил Волан-де-Морт. Или, скорее, его уничтожили по приказу Волан-де-Морта. Вряд ли Регулус был такой важной персоной, чтобы Волан-де-Морт стал лично им заниматься. Насколько мне удалось выяснить после его гибели, Регулус ввязался было в игру, а потом запаниковал из-за того, на какие дела его хотели послать, и попытался пойти на попятный. Но Волан-де-Морту ведь не подашь прошение об отставке. Либо пожизненная служба, либо смерть.

— Обед, — раздался голос миссис Уизли.

Она вошла, высоко держа перед собой волшебную палочку, на кончике которой балансировал громадный поднос с сандвичами и сладкими пирожками. Лицо у неё было красное, вид всё ещё очень сердитый. Все двинулись к ней, торопясь утолить голод, но Гарри остался с Сириусом, который наклонился к гобелену.

— Уж не помню, сколько лет я на это не смотрел. Вот Финеас Найджелус… мой прапрадедушка… самый непопулярный директор Хогвартса за все времена. Араминта Мелифлуа… двоюродная сестра моей матери… попыталась протащить через Министерство закон, разрешающий травлю маглов. А вот дорогая тётушка Элладора. С неё началась семейная традиция обезглавливать эльфов-домовиков, когда они становились слишком стары, чтобы носить чайные подносы… Разумеется, стоило в семье родиться кому-нибудь хоть чуточку человечней, от него отрекались. Тонкс, к примеру, я тут не вижу. Может быть, поэтому Кикимер не исполняет её приказов — вообще-то он должен слушаться любого члена семьи…

— Вы с Тонкс, выходит, родственники? — удивлённо спросил Гарри.

— Да, её мать Андромеда была моей любимой двоюродной сестрицей, — ответил Сириус, при-

стально разглядывая гобелен. — Андромеду, гляди, тоже отсюда убрали…

Он показал на очередную обгорелую дырочку, расположенную между двумя женскими именами — Беллатриса и Нарцисса.

— Сёстры Андромеды тут как тут, потому что они вышли замуж за кого надо, за чистокровных респектабельных волшебников, но Андромеда вышла за магла, за Теда Тонкса, и поэтому…

Сириус изобразил прожжение ткани волшебной палочкой и горько усмехнулся. Гарри, однако, было не до смеха. Он смотрел на имена, вышитые справа от обугленного отверстия, оставшегося от Андромеды. Двойная линия золотого шитья соединяла Нарциссу Блэк с Люциусом Малфоем, а другая линия, вертикальная и одиночная, шла от их имён к имени Дракo.

— Ты в родстве с Малфоями!

— Все чистокровные семьи в родстве между собой, — сказал Сириус. — Если ты готов разрешить сыну или дочери брак только с кем-то таким же чистокровным, выбор очень ограничен. Нас, таких, почти и не осталось на свете. Молли моя свойственница, Артур, если память мне не изменяет, мой троюродный племянник. Но здесь их можно и не искать: кто-кто, а Уизли — отъявлен-

ные осквернители рода.

Но Гарри уже перевёл взгляд на имя Беллатриса Блэк, стоявшее левее. Двойная золотая линия соединяла его с именем Родольфус Лестрейндж.

— Лестрейндж… — произнёс Гарри вслух. Это слово потревожило что-то в его памяти. Откуда-то он его знал, но не мог сразу вспомнить откуда. Оно вызвало странное, неприятное ощущение в недрах живота.

— Они в Азкабане, — коротко сказал Сириус. Гарри посмотрел на него с любопытством.

— Беллатрису и её мужа Родольфуса поместили туда одновременно с Барти Краучем-младшим, — продолжил Сириус всё тем же резким тоном. — С ними был и Рабастан, брат Родольфуса.

Тут Гарри вспомнил. Он видел Беллатрису Лестрейндж у Дамблдора в Омуте памяти — в странном хранилище мыслей и воспоминаний. Высокая темноволосая женщина с тяжёлыми веками, стоя перед судьями, заявила, что по-прежнему верна лорду Волан-де-Морту, что гордится своими стараниями отыскать его после его падения и что настанет день, когда она будет вознаграждена за преданность.

— Ты никогда мне не говорил, что она твоя…

— Что с того, что она мне двоюродная сест-

ра? — вскинулся Сириус. — По мне, так никто из них мне не родня. Она уж точно мне не родня. Я не видел её с твоего возраста, если не считать короткого взгляда в тот день, когда её доставили в Азкабан. Думаешь, меня гордость может распирать от такого родства?

— Прости меня, — быстро сказал Гарри, — я не хотел… Я удивился, только и всего…

— Не извиняйся, не имеет значения, — пробормотал Сириус. Он отвернулся от гобелена, руки его были глубоко засунуты в карманы. — Как мне здесь не нравится, — сказал он, оглядывая гостиную. — Вот уж не думал, что когда-нибудь опять застряну в этом доме.

Гарри очень хорошо его понимал. Он знал, что чувствовал бы сам, если бы взрослым человеком, привыкшим думать, что навсегда развязался с домом четыре по Тисовой улице, вынужден был вернуться туда жить.

— Конечно, идеальное место для штаб-квартиры, — сказал Сириус. — Когда здесь жил мой отец, он снабдил дом всеми средствами безопасности, какие только были известны волшебникам. Его невозможно засечь, поэтому маглы, если бы даже захотели, в принципе не могут сюда явиться. А теперь, когда Дамблдор добавил свою

защиту, более безопасного дома не найти нигде. Дамблдор, к твоему сведению, хранитель тайн Ордена, поэтому ни один человек не в состоянии найти штаб-квартиру, если он лично ему не сообщит, где она находится. Адрес, который Грюм показал тебе вчера вечером, был написан рукой Дамблдора… — Сириус издал короткий лающий смешок. — Если бы мои родители увидели, как сейчас используется их дом… Впрочем, мамашин портрет мог дать тебе некоторое представление…

Секунду-другую он молча хмурился, потом вздохнул:

— Я бы не прочь выйти отсюда хоть на короткое время и сделать что-нибудь полезное. Я спрашивал Дамблдора, нельзя ли мне проводить тебя в Министерство — разумеется, в облике Нюхалза, — чтобы оказать тебе моральную поддержку. Что ты об этом думаешь?

Живот Гарри точно канул куда-то вниз, сквозь пыльный ковёр. О слушании в Министерстве он со вчерашнего позднего ужина не вспомнил ни разу. Волнение от встречи с самыми близкими ему людьми на свете, множество новостей и впечатлений напрочь вытеснили предстоящее у него из головы. После слов Сириуса, однако,

на него опять навалился страх. Он посмотрел на Гермиону и на всех Уизли, дружно уплетающих сандвичи, и попытался представить себе, что он почувствует, если они отправятся в Хогвартс без него.

— Не волнуйся, — сказал Сириус. Гарри поднял глаза и понял, что крёстный всё время смотрел на него. — Я уверен, тебе ничто не грозит. В Международном статуте о секретности совершенно точно есть пункт, разрешающий применять волшебство для спасения своей жизни.

— Но если меня всё-таки исключат, — тихо спросил Гарри, — можно будет мне вернуться сюда и жить с тобой?

Сириус печально улыбнулся:

— Посмотрим.

— Я бы гораздо меньше тревожился из-за этого разбирательства, если бы знал, что мне не надо будет отправляться к Дурслям, — упорствовал Гарри.

— Скверно же тебе там приходится, если ты предпочитаешь этот дом, — мрачно проговорил Сириус.

— Сириус и Гарри, поторопитесь, а то вам ничего не достанется, — позвала их миссис Уизли.

Сириус ещё раз тяжко вздохнул, бросил на го-

белен хмурый взгляд и двинулся вместе с Гарри к подносу с сандвичами.

После полудня за разборкой застеклённых шкафчиков Гарри как мог старался не думать о слушании. К счастью, работа требовала немалой сосредоточенности, потому что многие предметы, когда их снимали с пыльных полок, всячески сопротивлялись. Сириус изрядно пострадал от серебряной табакерки: за считанные секунды укушенная ею кисть руки покрылась нехорошей коркой, похожей на жёсткую коричневую перчатку.

— Ничего страшного, — сказал Сириус, с интересом исследуя руку. Потом, легонько коснувшись её волшебной палочкой и вернув кожу в нормальное состояние, добавил: — Похоже, Бородавочный порошок.

Он швырнул табакерку в мешок, куда они выбрасывали изъятый из шкафчиков хлам. Чуть погодя Гарри увидел, как Джордж, аккуратно обмотав руку тканью, украдкой берёт табакерку из мешка и кладёт в тот же карман, где лежали докси.

Когда Гарри взял с полки неприятного вида серебряный инструментик, похожий на многорукие щипчики, вещица по-паучьи побежала

по его руке и попыталась проколоть кожу. Сириус схватил её и прихлопнул увесистой книгой, называвшейся «Природная знать. Родословная волшебников». Среди прочего в шкафчиках обнаружилось, например, такое: музыкальная шкатулка, начавшая, когда её завели, издавать чуть зловещую, бренчащую мелодию, от которой все почувствовали странную слабость и заснули бы, если бы Джинни не догадалась захлопнуть крышку; массивный медальон, которого никто не смог открыть; несколько старинных печатей; и, наконец, в пыльной коробочке орден Мерлина первой степени, вручённый деду Сириуса «за заслуги перед Министерством».

— Это означает, что он отвалил им кучу золота, — с презрением сказал Сириус, бросая орден в мешок для мусора.

Несколько раз в комнату бочком проскальзывал Кикимер. Он пытался утащить под набедренной повязкой то одно, то другое и, когда его на этом ловили, бормотал страшные проклятия. Когда Сириус вырвал из его цепких рук большое золотое кольцо с геральдическим украшением Блэков, Кикимер залился слезами гнева и заковылял прочь, сдавленно рыдая и честя Сириуса такими словами, каких Гарри раньше не слы-

хивал.

— Отцовское, — сказал Сириус, швыряя кольцо в тот же мешок. — Кикимер был не настолько предан ему, как мамаше, но всё-таки на прошлой неделе он попытался умыкнуть его старые брюки.

* * *

Миссис Уизли и в последующие дни находила для них массу работы. На очистку одной гостиной ушло три дня. Под конец из нежелательных вещей там остались только гобелен с родословным деревом Блэков, который никакими усилиями нельзя было снять со стены, и подрагивающий письменный стол. Грюм за это время в штаб-квартире не появлялся, поэтому они не знали наверняка, что там засело.

После гостиной настала очередь столовой на первом этаже. Когда в буфете там обнаружились пауки размером с блюдце, Рон быстро вышел налить себе чаю и не возвращался часа полтора. Весь фамильный фарфор с геральдическим украшением и девизом Блэков Сириус бесцеремонно побросал в мешок, и такая же участь постигла старые фотографии в потускневших серебряных рамках. Те, кто был на них изображён, пронзи-

тельно вопили, когда разбивались покрывавшие их стёкла.

Снегг мог сколько угодно называть это занятие очисткой, но, по мнению Гарри, это была самая настоящая война с домом, который при поддержке Кикимера очень упорно сопротивлялся. Эльф-домовик по-прежнему совался всюду, где они собирались, пытался стащить из мешков для мусора всё, что только мог, и его бормотание становилось всё более оскорбительным. Сириус дошёл до того, что замахнулся на него старым тряпьём. Кикимер устремил на него водянистый взгляд и сказал:

— На то она и воля господина. — Потом, повернувшись спиной, очень громко забормотал: — Но господин не прогонит Кикимера, нет, потому что Кикимер знает, что они затеяли, знает, господин строит козни против Тёмного Лорда, столкнувшись с грязнокровками, изменниками и отребьем…

Тут Сириус не обращая внимания на протесты Гермионы, схватил Кикимера сзади за набедренную повязку и с силой вытолкал из комнаты.

По нескольку раз на дню звонил дверной звонок, вслед за чем раздавались очередные вопли матери Сириуса, а Гарри и его товарищи пыта-

лись что-то подслушать и подсмотреть, пока миссис Уизли не возвращала их к прерванным трудам. Впрочем, от беглых взглядов и обрывков разговоров проку было очень мало. Неоднократно заходил Снегг, но Гарри, к своему облегчению, ни разу не встретился с ним лицом к лицу. Однажды Гарри увидел свою преподавательницу трансфигурации профессора МакГонагалл, которая чрезвычайно странно выглядела в магловском платье и пальто, но она, судя по всему, была очень занята и пробыла недолго. Порой, однако, посетители задерживались, чтобы помочь. Тонкс, к примеру, была в доме в тот памятный день, когда в туалете на верхнем этаже обнаружили затаившегося кровожадного призрака. Люпин, который жил в доме Сириуса, но надолго покидал его ради каких-то таинственных дел Ордена, помог им привести в порядок стоячие часы, имевшие неприятную привычку выстреливать в проходящих увесистыми деталями механизма. Наземникус немножко исправился в глазах миссис Уизли, когда избавил Рона от старинной пурпурной мантии, принявшейся его душить, едва он извлёк её из платяного шкафа.

Хотя Гарри по-прежнему плохо спал, хотя ему по-прежнему снились коридоры и запертые

двери, хотя шрам по-прежнему покалывало, он впервые за всё лето получал от жизни удовольствие. Пока он был занят, ему было хорошо; но когда делать становилось нечего, когда его оборона давала слабину, когда он, обессиленный, лежал в постели и смотрел, как по потолку движутся расплывчатые тени, к нему возвращалась мысль о надвигающемся слушании в Министерстве. Пытаясь представить себе, что будет, если его исключат, он чувствовал, как страх колет его изнутри точно иглами. Возможность исключения ужасала его настолько, что он даже с Роном и Гермионой не осмеливался говорить о будущем разбирательстве. Они, понимая его настроение, тоже избегали в беседах с ним этой темы, хотя он нередко видел, как они перешёптываются между собой и бросают на него озабоченные взгляды. Порой он не мог помешать воображению нарисовать сотрудника Министерства с пустым пятном вместо лица, переламывающего надвое его волшебную палочку и приказывающего ему возвращаться к Дурслям… Но к ним он не пойдёт. Это он решил твёрдо. Он отправится сюда, на площадь Гриммо, и будет жить у Сириуса.

Вечером в среду, когда все сидели за столом и ужинали, миссис Уизли повернулась к нему и

тихо сказала:

— Гарри, я выгладила к завтрашнему утру твою лучшую одежду, и я бы хотела, чтобы ты сегодня вымыл голову. От первого впечатления очень многое зависит.

Гарри показалось, будто в желудок упал кирпич. Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Джинни — все разом умолкли и посмотрели на него. Гарри кивнул и попытался заставить себя дожевать кусок, но во рту вдруг сделалось очень сухо.

— Как я туда буду добираться? — спросил он у миссис Уизли, стараясь придать голосу беззаботность.

— Артур возьмёт тебя с собой на работу, — мягко ответила она.

Мистер Уизли подбадривающе улыбнулся ему через стол.

— Посидишь у меня в кабинете, пока не начнётся слушание, — сказал он.

Гарри перевёл взгляд на Сириуса, но прежде чем он задал вопрос, на него ответила миссис Уизли.

— Профессор Дамблдор не считает целесообразным, чтобы Сириус отправился с тобой, и я…

— …совершенно с ним согласна, — стиснув зубы, договорил за неё Сириус.

Миссис Уизли поджала губы.

— Когда Дамблдор тебе это сказал? — спросил Гарри, глядя на Сириуса.

— Он был здесь прошлой ночью, когда ты спал, — сказал мистер Уизли.

Сириус задумчиво ткнул вилкой в кусок картофеля. Гарри опустил глаза в тарелку. От мысли о том, что Дамблдор побывал в доме перед самым разбирательством и не захотел с ним увидеться, ему стало ещё хуже — хотя хуже, казалось, было некуда.

Глава 7
Министерство магии

На следующее утро Гарри проснулся в половине шестого, и пробуждение было таким резким и полным, точно кто-то гаркнул ему в самое ухо. Несколько секунд пролежал неподвижно, чувствуя, как мысль о дисциплинарном слушании наполняет каждую клеточку мозга. Потом, не в силах больше это терпеть, рывком встал и надел очки. Миссис Уизли с вечера положила у изножья кровати свежевыстиранные джинсы и футболку. Гарри поспешно натянул на себя одежду. Пустая картина на стене ухмыльнулась.

Рон, распластавшись на спине, крепко спал, рот его был широко открыт. Он и не пошевелился, пока Гарри пересекал комнату, выходил за дверь и мягко затворял её за собой. Стараясь не думать о следующей встрече с Роном, когда они уже, возможно, не будут вместе учиться в Хогвартсе, Гарри тихо сошёл по лестнице в коридор, миновал головы Кикимеровых предков и спустился на кухню.

Он думал, что там никого не будет, но, подходя

к двери, услышал негромкие голоса. Толкнул её и увидел мистера и миссис Уизли, Сириуса, Люпина и Тонкс. Они сидели за столом и, казалось, ждали его. За исключением миссис Уизли, на которой был тёмно-красный стёганый халат, все были полностью одеты. Увидев Гарри, миссис Уизли вскочила.

— Завтрак, — сказала она, вынимая волшебную палочку и поспешно подходя к очагу.

— Д-доброе утро, Гарри, — зевнула Тонкс. На этот раз волосы у неё были светлые и курчавые. — Как спал, ничего?

— Ничего, — сказал Гарри.

— А я д-даже не ложилась, — сообщила она ему с новой судорогой зевоты. — Иди сюда, садись…

Она выдвинула ему стул, повалив при этом соседний.

— Что будешь есть, Гарри? — спросила миссис Уизли. — Овсянку? Горячие булочки? Копчёную рыбу? Яичницу с беконом? Поджаренный хлеб?

— Просто поджаренный хлеб, спасибо большое, — сказал Гарри.

Люпин посмотрел на него, потом обратился к Тонкс.

— Что ты начала говорить про Скримджера?

— А… да… с ним надо быть поосторожнее, он

задавал нам с Кингсли каверзные вопросы…

Гарри почувствовал облегчение из-за того, что ему не надо было участвовать в разговоре. Внутри у него всё было перекручено. Миссис Уизли положила перед ним два ломтика поджаренного хлеба и мармелад. Он что-то откусил, но это было всё равно что жевать ковёр. Миссис Уизли села рядом и занялась его футболкой: заправила внутрь ярлык, разгладила складки на спине. Ему это было неприятно.

— …и мне придётся сказать Дамблдору, что я не смогу завтра в ночную смену, с-слишком устала, — закончила Тонкс с очередным широченным зевком.

— Я тебя заменю, — пообещал мистер Уизли. — Я ничего, в форме, правда, надо ещё отчёт дописать…

Вместо мантии волшебника на мистере Уизли были брюки в тонкую полоску и старый кожаный пиджак. Он перевёл взгляд с Тонкс на Гарри:

— Как себя чувствуешь?

Гарри пожал плечами.

— Всё кончится очень быстро, — подбадривающим тоном сказал мистер Уизли. — Несколько часов — и ты оправдан.

Гарри промолчал.

— Слушание пройдёт на моём этаже, в кабинете Амелии Боунс. Она возглавляет Отдел обеспечения магического правопорядка. Она-то и будет задавать тебе вопросы.

— Амелии Боунс не бойся, Гарри, — серьёзным тоном проговорила Тонкс. — Она справедливая, она тебя выслушает.

Гарри кивнул, по-прежнему не в силах ничего из себя выдавить.

— Не теряй головы, — отрывисто произнёс Сириус. — Будь вежлив и держись фактов.

Гарри ещё раз кивнул.

— Закон на твоей стороне, — тихо сказал Люпин. — Даже несовершеннолетним волшебникам можно прибегать к магии в случае угрозы для жизни.

По затылку Гарри вдруг потекло что-то очень холодное. Он подумал было, что кто-то подействовал на него Дезиллюминационным заклинанием, но потом понял, что это миссис Уизли атакует его волосы мокрой расчёской. Она здорово надавила ему на макушку.

— Перестанут они когда-нибудь топорщиться? — спросила она в отчаянии.

Гарри покачал головой.

Мистер Уизли посмотрел на часы и поднял

глаза на Гарри.

— Думаю, надо идти, — сказал он. — Мы, конечно, рановато, но, чем здесь болтаться, лучше тебе в Министерстве подождать.

— Ладно, — автоматически произнёс Гарри и, выпустив из руки ломтик хлеба, встал.

— Всё будет хорошо, Гарри, — заверила его Тонкс и похлопала по плечу.

— Удачи, — сказал Люпин. — Я уверен, что всё обойдётся.

— А если нет, — мрачно заметил Сириус, — я сам займусь этой Амелией Боунс…

Гарри вяло улыбнулся. Миссис Уизли обняла его.

— Мы все за тебя очень-очень болеем, — сказала она.

— Спасибо, — откликнулся Гарри. — Ну, тогда… всего вам хорошего.

Он двинулся следом за мистером Уизли наверх и по коридору. Слышно было, как посапывает за портьерой мать Сириуса. Мистер Уизли отпер дверь, и они вышли на холодную, серую утреннюю площадь.

— Обычно ведь вы не ходите на работу пешком? — спросил Гарри, когда они быстро зашагали по тротуару.

— Нет, я, как правило, трансгрессирую, — ответил мистер Уизли, — но ты, разумеется, этого не можешь, и лучше всего будет, если мы явимся без всякой магии… Это произведёт благоприятное впечатление, если вспомнить, что тебе ставят в вину…

Пока они шли, мистер Уизли держал руку под пиджаком. Гарри понимал, что он стискивает волшебную палочку. Неказистые улицы были почти безлюдны, но убогая маленькая станция метро оказалась полна ранних пассажиров. Как всегда в тесной близости с маглами, занимающимися своими будничными делами, мистер Уизли с трудом сдерживал восторг.

— Просто чудо какое-то, — прошептал он, показывая на автоматы для продажи билетов. — Верх изобретательности.

— Они сломаны, — заметил Гарри, показывая на табличку.

— И тем не менее… — сказал мистер Уизли, восхищённо глядя на автоматы.

Они купили билеты у сонного кассира (Гарри взял это на себя, потому что мистер Уизли не привык иметь дело с магловскими деньгами), и пять минут спустя вагон, стуча и подрагивая, уже вёз их к центру Лондона. Мистер Уизли снова

и снова нервно сверялся с висевшей над окном схемой метрополитена.

— Ещё четыре остановки, Гарри… Теперь три осталось… Всего две ещё проехать…

Едва они вышли из поезда на одной из центральных станций, как их подхватил поток мужчин и женщин в строгих костюмах, с портфелями и дипломатами в руках. Они поднялись по эскалатору, миновали турникеты (мистер Уизли зачарованно смотрел, как щель глотала его билет) и вышли на широкую улицу, застроенную солидного вида зданиями и уже полную машин.

— Где это мы? — растерянно спросил мистер Уизли, и на миг у Гарри замерло сердце: неужели они, как мистер Уизли ни разглядывал схему, всё-таки сошли не на той станции? Но секунду спустя мистер Уизли сказал: — Ах, да… Сюда, Гарри, — и повёл его по боковой улице.

— Прости: я никогда не приезжал сюда на метро, а с магловской точки зрения всё выглядит несколько иначе, — объяснил он. — Честно говоря, я впервые сегодня воспользуюсь входом для посетителей.

Чем дальше они шли, тем меньше и неприглядней становились дома. Наконец они достигли улочки, на которой только и было что несколь-

ко убогих офисных зданий, пивная и большой переполненный мусорный контейнер. Гарри и предположить не мог, что Министерство магии находится в таком малопривлекательном месте.

— Прибыли, — бодро объявил мистер Уизли, показывая на видавшую виды красную телефонную будку, в которой не хватало нескольких стёкол. Будка стояла у глухой стены, щедро изрисованной граффити. — Прошу.

Он открыл перед своим спутником дверь.

Недоумевая, Гарри вошёл. Мистер Уизли, втиснувшись следом, захлопнул дверь. Для двоих здесь едва хватало места. Гарри оказался прижат к телефонному аппарату, висевшему криво, словно какой-то хулиган пытался его сорвать. Мистер Уизли протянул мимо Гарри руку и взял трубку.

— Боюсь, мистер Уизли, телефон тоже сломан, — заметил Гарри.

— Нет, нет, я уверен, что он в исправности, — возразил мистер Уизли, держа трубку над головой и вглядываясь в диск. — Ну-ка… шесть, — он стал набирать номер, — два… четыре… опять четыре… опять два…

Когда диск с мягким стрекотанием вернулся на место, в будке зазвучал прохладный женский голос, причём не издалека, не из трубки, которую

держал мистер Уизли, а до того громко и ясно, что могло показаться, будто невидимая женщина стоит с ними рядом:

— Добро пожаловать в Министерство магии. Назовите, пожалуйста, ваше имя и цель посещения.

— Э… — замялся мистер Уизли, явно не зная, надо ли говорить в трубку. В порядке компромисса он поднёс ту часть, куда говорят, к уху. — Артур Уизли, Сектор борьбы с незаконным использованием изобретений маглов. Сопровождаю Гарри Поттера, вызванного на дисциплинарное слушание…

— Благодарю вас, — произнёс прохладный женский голос. — Посетитель, возьмите, пожалуйста, значок и прикрепите к мантии спереди.

Что-то щёлкнуло, затрещало, и Гарри увидел какую-то штучку, скользнувшую по металлическому желобку для возврата монет. Это оказался квадратный серебряный значок с надписью:

«Гарри Поттер. Дисциплинарное слушание».

Он приколол значок к своей футболке. Вновь послышался женский голос:

— Уважаемый посетитель, вам необходимо

пройти досмотр и зарегистрировать вашу палочку у дежурного колдуна, чей пост находится в дальнем конце атриума.

Пол телефонной будки дрогнул, и она медленно поползла вниз. Гарри опасливо смотрел, как тротуар за стеклянными стенками поднимался всё выше, пока темнота не сомкнулась у них над головами. После этого он некоторое время ничего не видел. В ушах раздавался только однообразный механический звук подземного перемещения. Примерно через минуту (хотя Гарри показалось, что времени прошло куда больше) его ступни озарила полоска золотистого света. Расширяясь, свет постепенно залил всё его тело и наконец ударил в глаза, заставив моргать.

— Министерство магии желает вам приятного дня, — сказал женский голос.

Дверь будки распахнулась, и мистер Уизли вышел. Гарри — за ним, разинув в изумлении рот.

Они стояли в конце очень длинного, великолепного зала с тёмным паркетным полом, отлакированным до зеркального блеска. На переливчато-синем потолке сияли золотые символы, которые перемещались и видоизменялись, делая потолок похожим на огромную небесную доску объявлений. В стенах, обшитых гладки-

ми панелями из тёмного дерева, было устроено множество позолоченных каминов. Каждые несколько секунд в том или ином камине на левой стене с мягким свистом кто-то появлялся — либо волшебница, либо волшебник. Справа перед каминами стояли небольшие очереди желающих покинуть Министерство.

Посреди зала Гарри увидел фонтан, представлявший собой золотую скульптурную группу крупней, чем в натуральную величину, в центре круглого бассейна. Самая высокая из фигур изображала благородного чародея, взметнувшего в воздух волшебную палочку. Вокруг него стояли красивая волшебница, кентавр, гоблин и эльф-домовик. Последние трое смотрели на волшебницу и чародея снизу вверх, с обожанием. Из концов волшебных палочек, из наконечника стрелы кентавра, из острия гоблинской шляпы и из ушей эльфа били сверкающие струи, и журчание воды примешивалось к хлопкам трансгрессии и к шороху бесчисленных подошв. Сотни волшебников и волшебниц большей частью по-утреннему хмурых, шли к дальнему концу атриума, где виднелись золотые ворота.

— Туда, — сказал мистер Уизли.

Они присоединились к потоку сотрудников

Министерства, одни из которых несли шаткие стопки пергаментов, другие — потёртые портфели. Кое-кто читал на ходу «Ежедневный пророк». Минуя фонтан, Гарри увидел сверкающие на дне бассейна серебряные сикли и бронзовые кнаты. Рядом на маленькой потускневшей табличке было написано:

ВСЕ
ДОХОДЫ ОТ ФОНТАНА ВОЛШЕБНОГО БРАТСТВА ПЕРЕДАЮТСЯ БОЛЬНИЦЕ СВЯТОГО МУНГО.

«Если не исключат из Хогвартса, пожертвую десять галеонов», — подумалось Гарри в отчаянии.

— Сюда, Гарри, — сказал мистер Уизли, и они вышли из толпы сотрудников, направлявшихся к золотым воротам. Слева от них за столом, под табличкой с надписью «Охрана», сидел плохо выбритый волшебник в переливчато-синей мантии. При их приближении он поднял глаза от «Ежедневного пророка».

— Я сопровождаю посетителя, — объяснил мистер Уизли, показывая на Гарри.

— Сюда, пожалуйста, — сказал дежурный скучающим голосом.

Гарри подошёл к нему ближе, и волшебник,

подняв длинный золотой прут, тонкий и гибкий, как автомобильная антенна, провёл им по телу Гарри сверху вниз спереди и сзади.

— Волшебную палочку, — буркнул дежурный колдун-охранник, положив золотой щуп и протянув ладонь.

Гарри дал ему палочку. Охранник опустил её на странное латунное приспособление — подобие весов, но с единственной чашечкой. Устройство завибрировало. Из щели в его основании проворно выползла узкая полоска пергамента. Волшебник оторвал её и прочёл, что на ней было написано.

— Одиннадцать дюймов, внутри перо феникса, используется четыре года. Так?

— Так, — нервно подтвердил Гарри.

— Это мне, — сказал охранник, накалывая пергамент на небольшой латунный шип. — Это вам. — Он сунул Гарри волшебную палочку обратно.

— Спасибо.

— Минуточку… — медленно произнёс дежурный. Его глаза метнулись от серебряного значка у Гарри на груди к шраму на лбу.

— Спасибо, Эрик, — твёрдо сказал мистер Уизли и, взяв Гарри за плечо, повёл его от стола обратно

к потоку служащих Министерства, идущих к золотым воротам.

Слегка подталкиваемый со всех сторон, Гарри вслед за мистером Уизли миновал ворота и очутился в зале поменьше, где за золотыми решётками виднелось, как минимум, двадцать лифтов. Гарри и мистер Уизли присоединились к толпе около одного из них. Поблизости стоял рослый бородатый волшебник с большой картонной коробкой в руках, откуда доносились скребущие звуки.

— Как дела, Артур? — спросил волшебник, кивнув мистеру Уизли.

— Что у тебя здесь, Боб? — спросил в свою очередь мистер Уизли, глядя на коробку.

— Не знаем точно, — серьёзно ответил волшебник. — Мы думали, это простой цыплёнок, и вдруг он начал выдыхать огонь. Пахнет серьёзным нарушением запрета на экспериментальную селекцию.

С превеликим лязгом и стуком спустился лифт, золотые решётки разъехались, и Гарри с мистером Уизли вошли в кабину вместе с толпой. На Гарри, который оказался притиснут к дальней стенке, некоторые попутчики посматривали с любопытством. Он между тем пытался при-

гладить чёлку, уставившись в пол, чтобы не встретиться ни с кем взглядом. Громыхнули, задвигаясь, решётки, и лифт стал медленно подниматься на лязгающих цепях. Зазвучал тот же прохладный женский голос, что Гарри слышал в телефонной будке:

— Уровень седьмой. Отдел магических игр и спорта, включающий в себя штаб-квартиру Британско-ирландской лиги квиддича, Официальный клуб игроков в плюй-камни и Сектор патентов на волшебные шутки.

Дверь лифта открылась, Гарри увидел неопрятный коридор, вкривь и вкось оклеенный плакатами, рекламирующими разнообразные команды по квиддичу. Ехавший в лифте волшебник с охапкой мётел не без труда выбрался из кабины и двинулся по коридору. Дверь захлопнулась, лифт, дёргаясь, стал подниматься дальше, и женский голос объявил:

— Уровень шестой. Отдел магического транспорта, включающий в себя руководящий центр Сети летучего пороха, Сектор контроля за мётлами, Портальное управление и Трансгрессионный испытательный центр.

Дверь снова открылась, и пять или шесть человек вышло; в кабину между тем влетело

несколько бумажных самолётиков. Они стали медленно и бесцельно кружить над головами пассажиров. Гарри принялся их разглядывать. Все они были бледно-фиолетовые, и вдоль кромки каждого крыла шёл штамп: «Министерство магии».

— Просто служебные записки из отдела в отдел, — тихо объяснил ему мистер Уизли. — Раньше использовали сов, но грязь была невероятная… На все столы валился помёт…

Пока лифт, дребезжа, ехал дальше, служебные записки мотались вокруг лампы, свисавшей с потолка кабины.

— Уровень пятый. Отдел международного магического сотрудничества, включающий в себя Международный совет по выработке торговых стандартов, Международное бюро магического законодательства и британский филиал Международной конфедерации магов.

Когда дверь открылась, в неё над головами у выходящих вылетели две служебные записки, но несколько новых влетело. Они принялись носиться вокруг лампы, создавая впечатление, что она горит неровно, вспышками.

— Уровень четвёртый. Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними,

включающий в себя подразделения зверей, существ и духов, Управление по связям с гоблинами и Консультационное бюро по борьбе с вредителями.

— Разрешите, — сказал волшебник с огнедышащим цыплёнком и вышел. За ним последовала стайка служебных записок. Дверь снова с лязгом захлопнулась.

— Уровень третий. Отдел магических происшествий и катастроф, включающий в себя Группу аннулирования случайного волшебства, штаб-квартиру стирателей памяти и Комитет по выработке объяснений для маглов.

На этом этаже лифт покинули все, кроме мистера Уизли, Гарри и волшебницы, читавшей длиннющий пергаментный свиток, конец которого лежал на полу. Пока тряская кабина поднималась дальше, оставшиеся служебные записки по-прежнему парили вокруг лампы. Потом дверь открылась, и голос объявил:

— Уровень второй. Отдел обеспечения магического правопорядка, включающий в себя Сектор борьбы с неправомерным использованием магии, штаб-квартиру мракоборцев и административные службы Визенгамота.

— Прибыли, — сказал мистер Уизли, и вслед

за волшебницей они вышли в коридор, где было много дверей. — Мой кабинет в другом конце этажа.

— Как же так, мистер Уизли, — спросил Гарри, проходя мимо окна, в которое лился солнечный свет, — разве мы не под землёй?

— Под землёй, — сказал мистер Уизли. — Это колдовские окна. Какая за ними будет погода, всякий раз решает Отдел магического хозяйства. Недавно мы перенесли два месяца ураганов — таким способом они давали понять, что хотят прибавки к жалованью… Сюда, Гарри.

Они повернули за угол, прошли через массивную дубовую двустворчатую дверь и очутились в большом зале, тесно заставленном и разгороженном на отсеки, гудевшие от разговоров и смеха. Служебные записки летали взад-вперёд, как мини-ракеты. На перегородке ближнего отсека косо висела табличка: «Штаб-квартира мракоборцев».

Пересекая зал, Гарри исподтишка заглядывал в двери. На стены рабочих помещений мракоборцев были обильно наклеены разные разности — снимки разыскиваемых волшебников, фотографии близких, плакаты с изображениями любимых команд по квиддичу, вырезки из «Ежедневного пророка». В одном отсеке мужчина в

алой мантии с забранными в конский хвост волосами ещё длинней, чем у Билла, сидел, водрузив ноги на письменный стол, и диктовал своему перу отчёт. Чуть дальше колдунья с повязкой на глазу разговаривала через перегородку с Кингсли Бруствером.

— Доброе утро, Уизли, — небрежно бросил Кингсли, когда они приблизились. — Можно вас на два слова?

— Если действительно на два, пожалуйста, — отозвался мистер Уизли. — У меня, признаться, очень мало времени.

Они разговаривали так, словно были не очень близко знакомы. Гарри открыл было рот, чтобы поздороваться с Кингсли, но мистер Уизли вовремя наступил ему на ногу. Они последовали за Кингсли по проходу к последнему отсеку.

Там Гарри испытал лёгкое потрясение: со всех сторон на него глядело лицо Сириуса. Стены были щедро оклеены вырезками из газет и старыми фотографиями, включая даже ту, где Сириус исполнял роль шафера на свадьбе у Поттеров. Единственным свободным от Сириуса участком была карта мира с воткнутыми в неё булавками, чьи красные головки переливались точно драгоценные камни.

— Вот, — деловито сказал Кингсли мистеру Уизли. И сунул ему в руку пачку пергаментов. — Мне нужна вся информация, какую можно собрать, о магловских наземных транспортных средствах, замеченных летающими в течение последнего года. Мы располагаем сведениями о том, что Блэк, возможно, по-прежнему использует свой старый мотоцикл. — Сердечно подмигнув Гарри, Кингсли шёпотом добавил: — Покажи ему журнал, ему будет интересно. — Потом прежним тоном: — И поторопитесь, Уизли, ваше промедление с отчётом об огнеструйном оружии задержало наше расследование на месяц.

— Если вы прочли мой отчёт, вы должны знать, что оружие бывает огнестрельное, — холодно заметил мистер Уизли. — Что касается информации о мотоциклах, боюсь, вам придётся подождать: я сейчас очень занят. — Понизив голос, он добавил: — Постарайся освободиться до семи, у Молли сегодня на ужин мясные шарики.

Жестом поманив Гарри, он вышел из отсека Кингсли. Миновав вторую дубовую дверь, они двинулись по очередному проходу, потом налево, прошли коридор и, повернув направо в следующий коридор, тускло освещённый и явно запущенный, достигли в конце концов тупика.

Левая дверь, приоткрытая, вела в чулан, на правой потускневшая латунная пластинка гласила: «Сектор борьбы с незаконным использованием изобретений маглов».

Неказистый кабинет мистера Уизли был едва ли не меньше чулана. Мимо двух втиснутых в него письменных столов с трудом можно было пробраться — мешали стоявшие вдоль стен картотечные шкафы, на которых громоздились папки. Крохотный свободный участок стены красноречиво говорил о пристрастиях мистера Уизли: несколько плакатов с автомобилями, картинка, показывающая снятый с машины двигатель, два изображения почтовых ящиков, вырезанные, по всей видимости, из магловских детских книжек, и схема подсоединения проводов к штепселю.

Кучу всякой всячины в переполненном ящике мистера Уизли для входящих материалов увенчивали старый тостер, нагонявший тоску беспрерывным иканием, и пара пустых кожаных перчаток, которые праздно поигрывали большими пальцами, сплетя остальные. Около ящика стояла семейная фотография Уизли. Гарри заметил, что Перси на ней отсутствует.

— У нас, к сожалению, нет окна, — извиняю-

щимся тоном сказал мистер Уизли, снимая и вешая на спинку стула свой кожаный пиджак, — Мы просили, но они считают, что для нас это излишняя роскошь. Садись, Гарри, Перкинса ещё нет.

Гарри втиснулся на стул у стола Перкинса, а мистер Уизли принялся листать пачку пергаментов, которую дал ему Кингсли Бруствер.

— А, — ухмыльнулся он, извлекая из середины журнал под названием «Придира». — Да… — Он бегло перелистал журнал. — Да, он прав, Сириус позабавится… Вот те на, что это ещё?

В открытую дверь влетела служебная записка. Взмахнув крыльями, она опустилась на икающий тостер. Мистер Уизли развернул её и прочёл вслух.

> — «Обнаружен третий извергающий унитаз в общественной уборной — теперь в Бетнал-Грине. Займитесь незамедлительно».

— Это уже становится смешно…

— Извергающий унитаз?

— Антимагловские шуточки, — нахмурился мистер Уизли. — Каждый раз в другом районе Лондона. На прошлой неделе было два — в Уим-

блдоне и Элефант-энд-Касле. Магл пытается спустить воду, и вместо того чтобы всё исчезло… Ну, ты можешь себе представить. Бедолаги зовут этих самых… сотейников, так, кажется?.. Ну, мастеров, которые чинят всякие трубы и прочее…

— Сантехников?

— Да, точно. Но они, разумеется, только разводят руками. Единственная надежда — что мы найдём тех, кто этим забавляется.

— Кто будет искать, мракоборцы?

— Ну нет, для них это слишком мелкая задача, скорее всего, это будет обычный патруль органов магического правопорядка… А вот и Перкинс, познакомься, Гарри.

В кабинет, пыхтя, вошёл сутулый, безобидный на вид старый волшебник с пушистой седой шевелюрой.

— Артур! — нервно воскликнул он, не глядя на Гарри. — Очень хорошо, а то я не знал, как быть, — то ли ждать тебя здесь, то ли идти искать. Я только что послал к тебе на дом сову, но ты, конечно, с ней разминулся… Десять минут назад пришло срочное сообщение…

— Я знаю про извергающий унитаз, — перебил его мистер Уизли.

— Нет, это не унитаз, это слушание по делу

Поттера. Они изменили время и место — в восемь часов в старом зале суда номер десять…

— В старом… Но мне же сказали… Борода Мерлина! — Мистер Уизли посмотрел на часы, охнул и вскочил со стула. — Быстрей, Гарри, нам следовало там быть пять минут назад!

Перкинс прижался к картотечному шкафу, чтобы дать мистеру Уизли выбежать из кабинета. Гарри не отставал.

— Почему они изменили время? — спросил, задыхаясь, Гарри, когда они мчались мимо отсеков мракоборцев. Люди высовывали головы и смотрели им вслед. Гарри чувствовал себя так, словно оставил на рабочем месте Перкинса всё своё нутро.

— Понятия не имею, но хорошо, что мы прибыли заранее! Если бы ты не явился, это была бы катастрофа!

У лифта мистер Уизли резко затормозил и с размаху ткнул пальцем в кнопку со стрелкой вниз.

— Ну скорее же!

Громыхая, приехал лифт. Они метнулись в кабину. При каждой остановке мистер Уизли с бешеным ругательством щёлкал кнопкой девятого уровня.

— Эти помещения не использовались годы и го-

ды, — сердито сказал он. — Не понимаю, почему они решили именно там… разве что… но нет…

Тут в лифт вошла пухлая ведунья с дымящимся кубком, и мистер Уизли не стал продолжать.

— Атриум, — объявил прохладный женский голос, и, когда золотые решётки разъехались, Гарри издали увидел фонтан со статуями. Пухлая ведунья вышла. Вошёл волшебник с землистым и чрезвычайно скорбным лицом.

— Доброе утро, Артур, — сказал он замогильным голосом, когда лифт начал спускаться. — В нашем подземелье ты нечастый гость.

— Срочное дело, Боуд, — отозвался мистер Уизли, который покачивался на пятках от нетерпения и бросал тревожные взгляды на Гарри.

— А, понятно, — сказал Боуд, оглядывая Гарри немигающим взором. — Разумеется.

Пристальный взгляд Боуда не добавил Гарри спокойствия. Впрочем, душевных сил на то, чтобы уделить попутчику внимание, у него не было.

— Отдел тайн, — произнёс прохладный женский голос и умолк.

— Живей, Гарри, — скомандовал мистер Уизли, когда дверь лифта с лязгом распахнулась.

Они стремительно пошли по коридору, совершенно не похожему на те, что Гарри видел

наверху. Голые стены. Никаких окон и никаких дверей, кроме одной совершенно чёрной в дальнем конце коридора. Гарри думал, что в неё-то они и войдут, но мистер Уизли схватил его за руку и заставил повернуть налево, где оказался проём, ведущий на лестницу.

— Вниз, вниз, — пыхтел мистер Уизли, перескакивая при каждом шаге через ступеньку. — Сюда даже лифт не ходит, такая глубина… Почему они здесь решили устроить, ума не приложу…

Добравшись до низа лестницы, они побежали по другому коридору, сильно смахивающему на тот, что в Хогвартсе вёл в подземное логово Снегга. В держателях, укреплённых на грубых каменных стенах, горели факелы, освещая массивные деревянные двери с железными засовами и обитыми железом замочными скважинами.

— Зал суда… номер десять… кажется… мы почти… да.

Мистер Уизли резко остановился перед тёмной закопчённой дверью с огромным железным замком. Он тяжело привалился к стене, держась за грудь, в которой отчаянно кололо.

— Иди, — тяжело дыша, проговорил он и показал на дверь. — Туда, туда.

— А разве… разве вы не со мной?..

— Нет, нет, мне нельзя. Удачи тебе!

Сердце Гарри выбивало бешеную дробь прямо в горле. Он с трудом сглотнул, повернул тяжёлую железную дверную ручку и вступил в зал суда.

Глава 8
Слушание

Как Гарри ни старался владеть собой, он задохнулся от изумления. Просторное подземелье, в которое он вошёл, было ему до ужаса знакомо. Он не просто видел его раньше — он побывал в нём, когда заглянул в Омут памяти Дамблдора. У него на глазах супругов Лестрейндж приговорили здесь к пожизненному заключению в Азкабане.

Стены, сложенные из тёмного камня, были тускло подсвечены факелами. Справа и слева от Гарри вздымались ряды пустых скамей, но впереди, где скамьи стояли на возвышении, на них темнело много человеческих фигур. Сидящие вполголоса переговаривались, но как только за Гарри закрылась массивная дверь, в зале воцарилась зловещая тишина.

— Вы заставили нас ждать, — проговорил холодный мужской голос.

— Прошу прощения, — нервно сказал Гарри. — Я… я не знал, что время изменили.

— Визенгамот в этом не виноват, — возразил голос. — Утром к вам была послана сова. Садитесь.

Гарри перевёл взгляд на стоящее посреди зала кресло с цепями на подлокотниках. В Омуте памяти он видел, как эти цепи ожили и опутали подсудимого. Каждый шаг Гарри по каменному полу отдавался громким эхом. Когда он осторожно опустился на краешек сиденья, цепи угрожающе звякнули, но обвивать ему руки не стали. Чувствуя себя, прямо скажем, неважно, он поднял глаза на сидящих перед ним.

Их было человек пятьдесят, и на всех, насколько он мог видеть, были мантии сливового цвета с искусно вышитой серебряной буквой «В» на левой стороне груди. Все смотрели на него сверху вниз — одни чрезвычайно сурово, другие с откровенным любопытством.

Посреди переднего ряда сидел Корнелиус Фадж, министр магии. Этот упитанный мужчина сегодня расстался со светло-зелёным котелком, который частенько носил; не было и добродушной улыбки, с которой он, бывало, обращался к Гарри. Слева от Фаджа Гарри увидел дородную волшебницу с квадратным подбородком и очень короткими седыми волосами. В глазу у неё поблёскивал монокль, и выглядела она довольно-таки устрашающе. По правую руку от Фаджа сидела другая колдунья, но она так далеко

откинулась на спинку скамьи, что лица не было видно.

— Очень хорошо, — сказал Фадж. — Обвиняемый явился — наконец-то. Можно начинать. Вы готовы? — крикнул он кому-то из сидящих.

— Да, сэр, — откликнулся сбоку услужливый голос, который был Гарри знаком. Перси, брат Рона, сидел на самом краю переднего ряда. Гарри взглянул на него, рассчитывая хоть на какой-то приветственный знак, но напрасно. Держа наготове перо, Перси сквозь стёкла роговых очков смотрел на лежащий перед ним пергамент.

— Дисциплинарное слушание от двенадцатого августа объявляю открытым, — звучно провозгласил Фадж, и Перси тотчас начал вести протокол. — Разбирается дело о нарушении Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних и Международного статута о секретности Гарри Джеймсом Поттером, проживающим по адресу: графство Суррей, город Литтл-Уингинг, Тисовая улица, дом номер четыре. Допрос ведут: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии; Амелия Сьюзен Боунс, глава Отдела обеспечения магического правопорядка; Долорес Джейн Амбридж, первый заместитель министра. Секретарь суда — Перси Игнациус

Уизли…

— Свидетель защиты — Альбус Персиваль Вулфрик Брайан Дамблдор, — произнёс сзади негромкий голос.

Гарри обернулся так стремительно, что заболела шея.

На Дамблдоре, который неспешно шёл через зал, была длинная тёмно-синяя мантия, и лицо его выражало непоколебимое спокойствие. Седина волос и длинной бороды серебрилась в свете факелов. Поравнявшись с Гарри, он посмотрел на Фаджа сквозь полукружья очков, сидевших на середине крючковатого носа.

Члены Визенгамота зашептались между собой. Все глаза были устремлены на вошедшего. Одни судьи выглядели раздосадованными, другие — слегка напуганными, но две пожилые волшебницы в заднем ряду приветственно помахали Дамблдору.

При виде директора в груди у Гарри, как от пения феникса, поднялось мощное чувство защищённости и надежды. Ему захотелось, чтобы Дамблдор на него посмотрел, но тот не спускал глаз с явно взволнованного Фаджа.

— А… Дамблдор, — проговорил министр, пришедший, судя по всему, в полное замешатель-

ство. — Да. Значит, вы… э… получили наше… э… сообщение о том, что время и… э… место слушания изменены?

— Мы с вашим посланием, должно быть, разминулись, — дружелюбно сказал Дамблдор. — Но по счастливой случайности я прибыл в Министерство на три часа раньше, так что всё в порядке.

— Да… хорошо… нам, видимо, нужно ещё одно кресло… Уизли, будьте добры…

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, — приятным тоном сказал Дамблдор. Вынув волшебную палочку, он легонько ею взмахнул, и рядом с Гарри ниоткуда возникло мягкое, обитое ситцем кресло. Дамблдор сел, положил руки на подлокотники, соединил кончики длинных пальцев и с вежливой заинтересованностью уставил взгляд на Фаджа. Члены Визенгамота по-прежнему вовсю перешёптывались и ёрзали; успокоились, только когда Фадж снова заговорил.

— Да, — сказал он, шурша пергаментами. — Хорошо. Итак, обвинение. Да.

Он извлёк из лежащей перед ним стопки нужный лист, набрал побольше воздуха и стал читать:

— «Подсудимому вменяется в вину

нижеследующее: то, что он сознательно, намеренно и с полным пониманием незаконности своих действий, получив ранее по сходному поводу письменное предупреждение от Министерства магии, второго августа нынешнего года в девять часов двадцать три минуты вечера произнёс заклинание Патронуса в населённом маглами районе и в присутствии магла, что нарушает статью „С“ Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних от тысяча восемьсот семьдесят пятого года и раздел тринадцатый Статута о секретности, принятого Международной конфедерацией магов».

— Вы — Гарри Джеймс Поттер, проживающий по адресу: графство Суррей, город Литтл-Уингинг, Тисовая улица, дом номер четыре? — спросил Фадж, глядя на Гарри поверх пергамента.

— Да, — сказал Гарри.

— Вы получили три года назад предупреждение от Министерства по поводу незаконного применения волшебства?

— Да, но…

— И тем не менее вечером второго августа вы

заклинанием вызвали Патронуса? — спросил Фадж.

— Да, — сказал Гарри, — но…

— Понимая, что вам воспрещено применять волшебство вне школы, пока вам не исполнилось семнадцать лет?

— Да, но…

— Понимая, что вы находитесь в районе, изобилующем маглами?

— Да, но…

— Вполне понимая, что в данный момент в непосредственной близости от вас находится магл?

— Да, — сердито сказал Гарри, — но я сделал это только потому, что на нас…

Волшебница с моноклем перебила его громким, низким голосом:

— Вы смогли вызвать полноценного Патронуса?

— Да, — ответил Гарри, — потому что…

— Телесного Патронуса?

— Что? — переспросил Гарри.

— Ваш Патронус явился в ясно оформленном виде? Не просто как облачко пара или дыма?

— Не просто, — ответил Гарри, испытывая раздражение и лёгкое отчаяние. — Это олень,

всегда олень.

— Всегда? — прогудела мадам Боунс. — Вы что, и раньше вызывали Патронуса?

— Да, — сказал Гарри. — Первый раз — больше года назад.

— Вам пятнадцать лет?

— Да, и…

— Вы научились этому в школе?

— Да, меня на третьем курсе научил профессор Люпин, потому что…

— Впечатляюще, — сказала, глядя на него, мадам Боунс. — Настоящий Патронус в его возрасте… Чрезвычайно впечатляюще.

Некоторые волшебники и волшебницы снова зашептались; кое-кто одобрительно кивнул, но другие хмурились и качали головами.

— Дело не в том, насколько впечатляющим было это волшебство, — брюзгливо проговорил Фадж. — И если разобраться, то чем более впечатляющим оно было, тем хуже — ведь школьник сделал это на глазах у магла!

Те, кто хмурился, вполголоса обменялись фразами, выражающими согласие; но что заставило Гарри заговорить — это ханжеский малюсенький кивок Перси.

— Я сделал это, чтобы прогнать дементоров! —

громко сказал Гарри, никому теперь уже не дав себя перебить.

Он ожидал новых перешептываний — но наступила тишина, какой не было с начала слушания.

— Дементоров? — переспросила после паузы мадам Боунс, вскинув густые брови и едва не уронив монокль. — Что вы хотите этим сказать, молодой человек?

— Я хочу сказать, что в том проулке на меня и моего двоюродного брата напали двое дементоров!

— А… — снова протянул Фадж, на этот раз язвительно улыбаясь и оглядывая Визенгамот, словно побуждая судей повеселиться с ним вместе. — Ну конечно. Я был уверен, что мы услышим нечто в подобном роде.

— Дементоры в Литтл-Уингинге? — спросила мадам Боунс с великим изумлением. — Ничего не понимаю…

— Не понимаете, Амелия? — Фадж по-прежнему улыбался. — А я вам объясню. Дементоры — отличная выдумка для того, чтобы вывернуться. Просто превосходная. Ведь маглы дементоров видеть не могут, не так ли, юноша? Очень удобно, очень… Но это только ваши слова, никаких подтверждающих свидетельств…

— Я не вру! — громко заявил Гарри, перекрыв очередную волну шёпота на скамьях. — Их было двое, каждый приближался со своего конца проулка, вдруг стало очень темно и холодно, мой двоюродный брат почувствовал их и побежал…

— Довольно, довольно! — воскликнул Фадж с чрезвычайно презрительным видом. — Увы, я вынужден прервать этот, без сомнения, хорошо отрепетированный рассказ…

Дамблдор кашлянул. В зале суда опять стало очень тихо.

— Дадли Дурсль был не единственным свидетелем присутствия дементоров в этом проулке, — сказал он.

Надутое лицо Фаджа вмиг сделалось дряблым, точно из него выпустили воздух. Секунду-другую он смотрел на Дамблдора. Потом с видом человека, берущего себя в руки, сказал:

— Боюсь, Дамблдор, нам некогда слушать новые байки. Я хочу решить вопрос быстро…

— Я могу ошибаться, — произнёс Дамблдор любезным тоном, — но мне кажется, что согласно Хартии о правах подсудимому даётся возможность представлять свидетелей в свою защиту. Не предусмотрено ли это, мадам Боунс, — он обратился к волшебнице с моноклем, — нормами,

принятыми в Отделе обеспечения магического правопорядка?

— Предусмотрено, — пробасила мадам Боунс. — Вы совершенно правы.

— Ну ладно, ладно, — сухо согласился Фадж. — Где же свидетель?

— Я привёл эту женщину с собой, — сказал Дамблдор. — Она ждёт за дверью. Могу я уже?..

— Нет, не вы… Сходите, Уизли! — гаркнул Фадж, обращаясь к Перси. Тот немедленно встал, сбежал по каменным ступеням с судейского возвышения и торопливо прошёл мимо Дамблдора и Гарри, не глядя на них.

Мгновение спустя Перси вернулся, ведя за собой миссис Фигг, явно испуганную и ещё более сумасшедшую на вид, чем обычно. Гарри огорчило, что она и теперь не сочла нужным сменить матерчатые шлёпанцы на какую-нибудь другую обувь.

Дамблдор встал, уступая кресло миссис Фигг, после чего сотворил себе другое.

— Ваше имя и фамилия! — громко потребовал Фадж, когда миссис Фигг боязливо примостилась на самом краешке сиденья.

— Арабелла Дорин Фигг, — сказала миссис Фигг дрожащим голосом.

— И кто вы, собственно, такая? — спросил Фадж недовольным и высокомерным тоном.

— Я жительница Литтл-Уингинга, мой дом недалеко от дома Гарри Поттера, — ответила миссис Фигг.

— Мы не располагаем данными о том, что в Литтл-Уингинге живёт кто-либо из волшебников или волшебниц, кроме Гарри Поттера, — немедленно вмешалась мадам Боунс. — Ситуация там, ввиду… ввиду прошедших событий, находилась под пристальным наблюдением.

— Я сквиб, — объяснила миссис Фигг. — Поэтому вы могли и не взять меня на заметку.

— Сквиб? — переспросил Фадж, подозрительно её разглядывая. — Мы это проверим. Передайте потом моему помощнику Уизли сведения о ваших родителях. Кстати говоря, могут ли сквибы видеть дементоров? — поинтересовался он и поглядел влево и вправо вдоль скамьи.

— Ещё как можем! — негодующе воскликнула миссис Фигг.

Фадж, вскинув брови, снова перевёл на неё взгляд.

— Очень хорошо, — сказал он отчуждённо. — Ну, и что вы хотите нам рассказать?

— Второго августа около девяти вечера я вышла

купить кошачьей еды в угловом магазинчике в конце улицы Глициний, — затараторила миссис Фигг, как будто выучила эти слова наизусть, — и тут я услышала в проулке между улицами Магнолий и Глициний какой-то шум. Подошла, заглянула в проулок и увидела бегущих дементоров…

— Бегущих? — резко спросила мадам Боунс. — Дементоры не бегают, а скользят.

— Вот-вот, это я и хотела сказать, — торопливо поправилась миссис Фигг, на чьих высохших щеках выступили пятна румянца. — Они скользили по проулку к двум подросткам.

— Как они выглядели? — спросила мадам Боунс. Она так сощурила глаза, что обод монокля глубоко ушёл в плоть.

— Ну, один крупный такой, другой, наоборот, худенький…

— Да нет же, — с раздражением перебила её мадам Боунс. — Дементоры. Опишите их.

— О, — сказала миссис Фигг, у которой и по шее разливалась теперь краснота. — Они были большие. Большие, в плащах.

Гарри почувствовал ужасающую невесомость в недрах живота. Всё, что говорила миссис Фигг, звучало так, словно в лучшем случае она видела

дементоров на картинке. Между тем никакая картинка не в состоянии передать подлинное ощущение от близости этих существ. Как жутко они движутся, летя в дюймах над землёй. Какой гнилостный от них запах. С каким невыносимым клокочущим звуком они всасывают в себя окружающий воздух…

Во втором ряду невысокий кряжистый волшебник с пышными чёрными усами, наклонясь к самому уху кудрявой соседки, что-то ей прошептал. Она ухмыльнулась и кивнула.

— Большие, в плащах, — холодно повторила мадам Боунс, в то время как Фадж насмешливо хмыкнул. — Понятно. Что-нибудь ещё?

— Да, — сказала миссис Фигг. — Я их почувствовала. Стало очень холодно, а вечер, заметьте, был летний и очень тёплый. И мне показалось… что всё счастье ушло из мира… и я вспомнила… страшные вещи… — Её голос задрожал и умолк.

Глаза мадам Боунс открылись чуть шире. Под бровью у неё Гарри увидел красный след от врезавшегося монокля.

— Что дементоры делали? — спросила она, и Гарри ощутил прилив надежды.

— Они приближались к мальчикам, — сказала миссис Фигг окрепшим и более уверенным голо-

сом. Краснота сходила с её лица. — Один мальчик упал. Другой отступал перед дементором и пытался его отогнать. Это был Гарри. Он сделал две попытки, но вылетал только серебристый пар. С третьего раза он вызвал Патронуса, и олень сначала отбросил первого дементора, а потом по просьбе Гарри защитил его двоюродного брата от второго. И… в общем, да, так оно и было, — несколько неуклюже закончила миссис Фигг.

Мадам Боунс молча глядела на неё сверху вниз. Фадж шуршал пергаментами и не смотрел на свидетельницу вовсе. В конце концов он поднял глаза и агрессивным тоном спросил:

— Значит, вот это вы и видели?

— Да, так оно и было, — повторила миссис Фигг.

— Очень хорошо, — сказал Фадж. — Можете идти.

Миссис Фигг перевела испуганный взгляд с Фаджа на Дамблдора, потом встала и зашаркала к двери. Гарри услышал, как дверь закрылась за ней с глухим толчком.

— Не слишком убедительные показания, — надменно изрёк Фадж.

— Не знаю, не знаю, — возразила мадам Боунс своим густым голосом. — Она очень точно опи-

сала действие, производимое дементорами. И я не могу представить себе, зачем ей понадобилось бы врать, что они там были, если бы их там не было.

— Прогуливаясь в населённом маглами пригороде, дементоры случайно наткнулись на волшебника? — язвительно проговорил Фадж. — Вероятность крайне мала. Даже Бэгмен не поставил бы на это…

— Ну, вряд ли кто-нибудь из нас думает, что дементоры могли оказаться там случайно, — непринуждённым тоном заметил Дамблдор.

Сидевшая справа от Фаджа волшебница, чьё лицо было скрыто в тени, слегка пошевелилась. Все остальные пребывали в молчании и неподвижности.

— И что это должно означать? — ледяным голосом спросил Фадж.

— Что, по моему мнению, им было приказано туда явиться, — ответил Дамблдор.

— Если бы кто-нибудь приказал двум дементорам отправиться на прогулку по Литтл-Уингингу, мы, я думаю, знали бы об этом! — рявкнул Фадж.

— Вовсе нет, если допустить, что дементоры исполняют теперь приказы не только Министерства магии, — спокойно возразил Дамблдор. — Я

уже сообщал вам, Корнелиус, свои суждения на этот счёт.

— Да, сообщали, — сказал Фадж с напором, — и у меня нет причин видеть в них что-либо кроме пустой болтовни, Дамблдор. Дементоры находятся в Азкабане, где им и положено быть, и делают то, что мы от них требуем.

— Тогда, — проговорил Дамблдор тихо, но отчётливо, — мы должны спросить себя, почему кто-то в Министерстве послал второго августа двух дементоров в тот проулок.

В полной тишине, которая наступила вслед за этими словами, ведунья, сидевшая справа от Фаджа, наклонилась вперёд, и Гарри наконец-то смог рассмотреть её получше.

Низенькая и довольно толстая, она выглядела как большая бледная жаба. Лицо широкое и рыхлое, шея короткая, как у дяди Вернона, рот широченный, дряблый. Глаза крупные, круглые и немного навыкате. Даже маленький чёрный бархатный бантик на коротко стриженной курчавой макушке и тот наводил на мысль о большой мухе, которую жаба вот-вот поймает, высунув длинный клейкий язык.

— Слово предоставляется Долорес Джейн Амбридж, первому заместителю министра, —

объявил Фадж.

Гарри поразил её голос — тоненький, девчоночий, неустойчивый. Он-то ожидал кваканья.

— Я уверена, что неправильно вас поняла, профессор Дамблдор, — сказала она с жеманной улыбкой, не сделавшей, однако, её большие круглые глаза менее холодными. — Так глупо с моей стороны. Но на одну маленькую секундочку мне почудилось, будто вы предполагаете, что Министерство магии приказало кому-то напасть на этого подростка!

Она издала серебристый смешок, от которого волосы у Гарри на затылке встали дыбом. Вместе с ней засмеялось ещё несколько членов Визенгамота. При этом было совершенно ясно, что ни одному из них вовсе даже не смешно.

— Дементоры подчиняются только приказам, исходящим из Министерства магии. Это факт. Неделю назад двое дементоров напали на Гарри и его двоюродного брата. Это тоже факт. Отсюда логически вытекает, что кто-то в Министерстве приказал им совершить это нападение, — вежливо сказал Дамблдор. — Можно, конечно, допустить, что эти двое дементоров вышли из-под контроля Министерства…

— Все дементоры до единого находятся под

контролем Министерства! — прогремел Фадж, сделавшийся красным как рак.

Дамблдор чуть наклонил голову и вновь поднял.

— Тогда, несомненно, Министерство проведёт полное расследование того обстоятельства, что двое дементоров оказались очень далеко от Азкабана и совершили нападение без приказа.

— Не вам решать, Дамблдор, чем должно заниматься Министерство магии! — рявкнул Фадж, теперь уже пурпурный — такого оттенка, каким гордился бы сам дядя Вернон.

— Не мне, конечно, — мягко согласился Дамблдор. — Я всего-навсего выразил уверенность в том, что этот вопрос не останется без внимания.

Он посмотрел на мадам Боунс. Глядя ему в глаза и слегка хмурясь, она поправила монокль.

— Я хотел бы напомнить всем присутствующим, что поведение этих дементоров — пусть даже они не плод воображения подсудимого — не рассматривается нами сегодня! — сказал Фадж. — Мы собрались, чтобы установить, нарушил ли Гарри Поттер Указ о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних!

— Совершенно верно, — отозвался Дамблдор, — но вопрос о присутствии дементоров в этом

проулке имеет прямое отношение к делу. В статье седьмой Указа говорится, что в исключительных обстоятельствах применение волшебства допускается. Под понятие исключительных обстоятельств подпадают, в частности, ситуации, когда имеется прямая угроза либо жизни применяющего волшебство лица, либо жизни других присутствующих волшебников, волшебниц или маглов…

— Мы знакомы с седьмой статьёй, спасибо! — крикнул Фадж.

— Конечно знакомы, — учтиво сказал Дамблдор. — И тогда мы все должны согласиться с тем, что использование Гарри Поттером в тот момент заклинания Патронуса сполна оправдывается исключительными обстоятельствами, о которых идёт речь в данной статье.

— Если там были дементоры, в чём я сомневаюсь!

— Вы слышали об этом от очевидицы, — перебил Фаджа Дамблдор. — Если вы по-прежнему сомневаетесь в её правдивости, вызовите её ещё раз, задайте ей новые вопросы. Я уверен, она охотно явится.

— Это… я… никак! — взбеленился Фадж, нервно шелестя пергаментами. — Мне… Я хочу покон-

чить с этим сегодня, Дамблдор!

— Но вам ведь, разумеется, безразлично, сколько раз слушать свидетельницу, если в противном случае суд рискует совершить серьёзную ошибку, — сказал Дамблдор.

— Серьёзную ошибку, ну надо же! — заорал Фадж. — Чем оправдывать вопиющее злоупотребление магией вне школы, вы бы лучше, Дамблдор, хоть раз задались вопросом, сколько этот подросток уже выдал всяких выдумок и небылиц! Вы, видимо, забыли, как он три года назад применил заклинание Левитации…

— Это был не я, это был эльф-домовик! — вмешался Гарри.

— ВОТ ВИДИТЕ! — взревел Фадж, картинным жестом показывая на Гарри. — Эльф-домовик! В доме магла! Чего вам ещё надо?

— Домовый эльф, о котором идёт речь, в настоящее время работает в школе «Хогвартс», — сказал Дамблдор. — Если хотите, я могу сию же минуту вызвать его сюда для дачи показаний.

— Я… не… у меня нет времени выслушивать эльфов-домовиков! Как бы то ни было, это не единственное… Кто раздул свою тётю?! — завопил Фадж и хряснул кулаком по судейскому столу, да так, что опрокинул чернильницу.

— И вы по доброте душевной не проявили в данном случае строгости — видимо, приняли во внимание, что даже лучшие из волшебников не всегда способны владеть собой, — спокойно проговорил Дамблдор, глядя, как Фадж пытается стереть чернила со своих пергаментов.

— А о том, что он вытворяет в школе, я и не начинал ещё говорить.

— Министерство не имеет права наказывать учеников Хогвартса за проступки, совершённые в школе, и поэтому поведение Гарри в её стенах не подлежит разбору на данном слушании, — сказал Дамблдор так же вежливо, как и раньше, но с неким новым прохладным оттенком.

— Ого! — воскликнул Фадж. — Как он ведёт себя в школе — не наше дело? Вы всерьёз так думаете?

— Министерство не имеет права исключать учеников Хогвартса, и я напомнил вам об этом, Корнелиус, вечером второго августа, — сказал Дамблдор. — Оно не имеет также права отбирать волшебные палочки, пока обвинение не доказано. Мне и об этом пришлось вам напомнить вечером того же дня. Быстрота, с какой вы взялись обеспечить соблюдение закона, достойна восхищения, но второпях вы сами — без сомнения,

непреднамеренно — чуть было его не нарушили.

— Законы можно и поменять! — свирепо заявил Фадж.

— Конечно, — кивнул Дамблдор. — И создаётся впечатление, что вы, Корнелиус, меняете их на каждом шагу. Почему за те несколько недель, что прошли после моего вынужденного ухода из Визенгамота, суд начал разбирать такие мелкие вопросы, как использование волшебства несовершеннолетним, полным составом?

Некоторые волшебники заёрзали, как будто им стало неудобно сидеть. Лицо Фаджа приобрело цвет тёмного кирпича. Но похожая на жабу колдунья справа от него просто глазела на Дамблдора без всякого выражения на лице.

— Насколько мне известно, — продолжил Дамблдор, — нет пока такого закона, который предписывал бы этому суду карать Гарри за всякое волшебство, что он когда-либо совершал. Ему предъявили конкретное обвинение, и он привёл доводы в свою защиту. Всё, что он и я можем теперь делать, — это ждать вашего вердикта.

Дамблдор умолк и снова свёл кончики пальцев воедино. Взбешённый Фадж пялился на него волком. Гарри скосил глаза на Дамблдора в надежде на какой-нибудь успокаивающий знак. Он совсем

не был убеждён, что Дамблдор правильно сделал, дав Визенгамоту понять, что пора принимать решение. Но директор опять оставил без внимания попытку Гарри встретиться с ним взглядами. Он по-прежнему смотрел на скамьи, где судьи торопливо, шёпотом обменивались мнениями.

Гарри принялся изучать свои ступни. Сердце, разбухшее, казалось, до неимоверных размеров, громко било ему в рёбра. Он думал, что разбирательство продлится дольше. Он отнюдь не был уверен, что произвёл благоприятное впечатление. Он ведь и слова толком не вымолвил. Он должен был подробнее рассказать про дементоров, про то, как он упал, как его и Дадли чуть не поцеловали…

Дважды он поднимал глаза на Фаджа и открывал рот, чтобы заговорить, но сердце разбухло до того, что перекрыло путь воздуху, и оба раза он только делал глубокий вдох и снова переводил взгляд на свои ботинки.

Потом шёпот умолк. Гарри хотел посмотреть на судей, но оказалось, что намного, намного легче по-прежнему исследовать шнурки.

— Кто за то, чтобы оправдать подсудимого по всем пунктам? — прогудел голос мадам Боунс.

Гарри рывком поднял голову. В воздухе были

руки, много рук… больше половины! Часто-часто дыша, он попытался сосчитать, но не успел он кончить, как мадам Боунс спросила:

— Кто за то, чтобы признать подсудимого виновным? Фадж поднял руку, с ним ещё полдюжины человек, в том числе колдунья справа от него, усатый волшебник во втором ряду и его кудрявая соседка.

С таким видом, точно в горле у него застряло что-то крупное, Фадж оглядел всех судей, потом опустил руку. Два раза глубоко вздохнул и голосом, полным сдавленной ярости, произнёс:

— Так, хорошо, очень хорошо… Оправдан по всем пунктам.

— Отлично, — бодро сказал Дамблдор. Поднявшись на ноги, вынул волшебную палочку и заставил оба обитых ситцем кресла исчезнуть. — Признаться, мне пора. Всего вам доброго.

И, не взглянув на Гарри, он стремительно вышел из зала.

Глава 9
Страхи миссис Уизли

Быстрый уход Дамблдора застал Гарри врасплох. Он по-прежнему сидел в кресле с цепями, пытаясь справиться с двойственным чувством потрясения и облегчения. Судьи поднимались, разговаривали, собирали и укладывали свои пергаменты. Наконец Гарри встал. Никто, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания, кроме колдуньи-жабы справа от Фаджа, которая теперь, за неимением Дамблдора, смотрела на Гарри. Игнорируя её взгляд, он попытался встретиться глазами либо с Фаджем, либо с мадам Боунс, чтобы узнать, можно ли ему идти. Но Фадж был, судя по всему, твёрдо настроен не замечать Гарри, а мадам Боунс сосредоточилась на своём портфеле. Гарри сделал сначала несколько неуверенных шагов к выходу, а потом, не услышав оклика, пошёл очень быстро.

Перед самой дверью он уже бежал. Открыл её — и чуть не налетел на мистера Уизли, который стоял вплотную к ней снаружи. Лицо у него было бледное и тревожное.

— Дамблдор ничего не сказал…

— Оправдали, — сообщил ему Гарри, закрывая за собой дверь. — По всем пунктам!

Просияв, мистер Уизли схватил Гарри за плечи.

— Гарри, это же просто чудесно! Ну, разумеется, они не могли признать тебя виновным, все факты в твою пользу, и всё-таки не могу сказать, что был совершенно…

Мистер Уизли осёкся, потому что дверь зала снова открылась. Стали выходить судьи.

— Разорви меня горгулья! — изумлённо воскликнул мистер Уизли, отодвигая Гарри в сторону, чтобы дать им пройти. — Тебя судили полным составом?

— Похоже, что так, — тихо ответил Гарри.

Двое-трое волшебников, проходя мимо, кивнули Гарри, несколько человек, в том числе мадам Боунс, пожелали доброго утра мистеру Уизли, но большей частью судьи отводили глаза. Корнелиус Фадж и «жаба» вышли в числе последних. Фадж скользнул взглядом по Гарри и мистеру Уизли, как будто они были частью стены, но ведунья опять посмотрела на Гарри — посмотрела словно бы оценивающе. Последним зал покинул Перси. Подобно Фаджу, он напрочь проигнорировал и

отца, и Гарри; он зашагал по коридору с большим свитком пергамента и пучком чистых перьев, держа спину очень прямо и высоко задрав голову. Складки вокруг рта мистера Уизли врезались чуть глубже, но в остальном он не подал виду, что мимо него сейчас прошёл его третий сын.

— Я мигом доставлю тебя в штаб-квартиру, обрадуешь всех, — сказал он, дождавшись, чтобы пятки Перси исчезли на лестнице, ведущей к девятому уровню. Он поманил Гарри вперёд. — Мне надо в Бетнал-Грин, к этому унитазу, по пути тебя и заброшу. Пошли, пошли…

— А с унитазом что будете делать? — ухмыльнулся Гарри. Вдруг всё показалось ему в пять раз смешнее обычного. В сознании начало укладываться: он оправдан, он вернётся в Хогвартс.

— Простенькое контрзаклятие, — сказал мистер Уизли, когда они стали подниматься по лестнице. — Дело не столько в том, чтобы исправить вред, сколько в образе мыслей, который стоит за хулиганством. Досаждать маглам — это кое-кому из волшебников может казаться забавным, но здесь проявляется что-то куда более глубокое и зловредное, и я…

Мистер Уизли умолк, не договорив. Они только что вошли в коридор девятого уровня. В несколь-

ких шагах от них стоял Корнелиус Фадж и тихо разговаривал с высоким мужчиной, у которого были прилизанные светлые волосы и бледное, заострённое книзу лицо.

Заслышав их шаги, собеседник Фаджа повернулся. Он тоже осёкся на полуслове. Холодные серые глаза сузились. Он посмотрел на Гарри в упор.

— Так, так, так… Патронус Поттер, — недобрым тоном произнёс Люциус Малфой.

У Гарри перехватило дух. Он словно наткнулся на что-то твёрдое. Эти холодные серые глаза он в последний раз видел в прорезях капюшона Пожирателя смерти. Этот насмешливый голос он в последний раз слышал на тёмном кладбище, где его мучил лорд Волан-де-Морт. Гарри представить себе не мог, что Люциус Малфой посмеет ещё раз взглянуть ему в глаза. И вообще что этот человек окажется здесь, в Министерстве магии, что с ним будет мирно беседовать Корнелиус Фадж. Ведь всего несколько недель назад он, Гарри, сказал Фаджу, что Малфой — Пожиратель смерти.

— Министр только что поведал мне о вашем счастливом избавлении, Поттер, — манерно растягивая слова, проговорил мистер Малфой. — Поражает ваша способность выбираться из очень

тесных ловушек… змеиная, я бы сказал.

Мистер Уизли предостерегающе схватил Гарри за плечо.

— Да, — отозвался Гарри, — я неплохо умею выбираться.

Люциус Малфой перевёл взгляд на мистера Уизли:

— И Артур Уизли — какая встреча! Что здесь делаете, Артур?

— Я здесь работаю, — сухо ответил мистер Уизли.

— Не здесь же именно? — спросил мистер Малфой, вскидывая брови и бросая через плечо мистера Уизли взгляд на дверь. — Я полагал, вы на втором этаже… и занимаетесь, в частности, тем, что утаскиваете домой и заколдовываете магловские изобретения?

— Нет, не этим, — отрезал мистер Уизли. Его пальцы впились Гарри в плечо.

— А вы что здесь делаете? — спросил Гарри Люциуса Малфоя.

— Я не думаю, что наши личные разговоры с министром имеют какое-либо касательство к вам, Поттер, — произнёс Малфой, разглаживая мантию. Гарри отчётливо услышал лёгкое позвякивание, какое мог бы издать карман, набитый

золотом. — То, что вы любимчик Дамблдора, отнюдь не означает, что вам следует рассчитывать на такое же потворство со стороны всех остальных… Поднимемся теперь к вам в кабинет, министр?

— Конечно, — сказал Фадж, поворачиваясь к Гарри и мистеру Уизли спиной. — Сюда, Люциус.

Тихо беседуя, они удалились вместе. Мистер Уизли не отпускал плечо Гарри, пока они не исчезли за дверью лифта.

— Если у него к Фаджу какое-то дело, почему он не ждал у его кабинета? — негодующе спросил Гарри. — Что ему нужно было здесь?

— Я думаю, он пытался проникнуть в зал суда, — сказал мистер Уизли. Вид у него был крайне взволнованный, и он оглянулся через плечо, точно опасаясь, что их услышат. — Пытался узнать, исключили тебя или нет. Я сейчас тебя приведу и оставлю Дамблдору записку, он должен знать, что Малфой опять разговаривал с Фаджем.

— Какие такие личные дела они могут обсуждать?

— Деньги, скорее всего, — рассерженно ответил мистер Уизли. — Малфой не один год щедро давал налево и направо… Это помогает ему сходиться с нужными людьми… Потом он может обращаться

к ним с просьбами. Отсрочивать принятие невыгодных ему законов… О, у Люциуса Малфоя очень хорошие связи.

Подъехал лифт — пустой, если не считать стайки служебных записок, которые стали виться над головой у мистера Уизли. Нажав кнопку атриума, он раздражённо от них отмахнулся. Дверь с лязгом захлопнулась.

— Мистер Уизли, — медленно проговорил Гарри, — если Фадж имеет дело с Пожирателями смерти вроде Малфоя, если он разговаривает с ними наедине, как мы можем знать, что они не наложили на него заклятие Империус?

— Не думай, что это не приходило нам в голову, — тихо ответил мистер Уизли. — Всё же Дамблдор считает, что Фадж пока действует по собственной инициативе. Но это, говорит Дамблдор, не очень-то успокаивает. Давай сейчас не будем об этом, Гарри.

Дверь открылась, и они вышли в атриум, теперь уже почти безлюдный. Дежурный колдун Эрик опять был упрятан за своим «Ежедневным пророком». Они уже миновали золотой фонтан, когда Гарри вспомнил.

— Подождите… — сказал он мистеру Уизли и, вынимая из кармана мешочек с деньгами, пошёл

обратно.

Подняв глаза, он взглянул красивому золотому чародею в лицо, но вблизи оно показалось Гарри слабовольным и глупым. Волшебница улыбалась пресной улыбкой участницы конкурса красоты, а гоблин и кентавр, судя по тому, что Гарри было известно об этих существах, уж никак не могли взирать на людей, кем бы они ни были, с такой сопливой нежностью. Убедительно выглядел только приниженно-подобострастный эльф-домовик. Гарри улыбнулся, представив себе, что сказала бы Гермиона, если бы увидела статую эльфа, и вытряс в фонтан всё содержимое мешочка, где было побольше, чем десять галеонов.

* * *

— Я так и знал! — завопил Рон и нанёс воздуху боксёрский удар. — Ты всегда выходишь сухим из воды!

— Они и не могли решить по-другому, — сказала Гермиона, которая, когда Гарри вошёл в кухню, была от тревоги сама не своя и теперь дрожащей рукой прикрывала глаза. — Никаких доводов против тебя не было, ровно никаких.

— Если вы все точно знали, что меня оправдают, почему на лицах такое облегчение? — с

улыбкой спросил Гарри.

Миссис Уизли утёрла лицо передником. Фред, Джордж и Джинни пустились в дикий воинственный пляс, припевая: «Оправдали, оправдали…»

— Хватит! Угомонитесь! — крикнул мистер Уизли, хотя и он улыбался. — Сириус, в Министерстве мы встретили Люциуса Малфоя…

— Что? — вскинулся Сириус.

— Оправдали, оправдали, оправдали…

— Тихо, я сказал! Да, мы увидели его на девятом уровне, он разговаривал с Фаджем, а потом Фадж повёл его к себе в кабинет. Дамблдор должен об этом знать.

— Ещё бы, — сказал Сириус. — Мы ему передадим, не беспокойся.

— А теперь мне надо в Бетнал-Грин, там меня ждёт унитаз, страдающий рвотой. Молли, я вернусь поздно — заменяю Тонкс, но к ужину может прийти Кингсли…

— Оправдали, оправдали, оправдали…

— Фред, Джордж, Джинни, довольно! — скомандовала миссис Уизли, когда её муж вышел из кухни. — Гарри, милый, иди же сюда, сядь и поешь, ведь ты толком не завтракал.

Рон и Гермиона уселись напротив. Вид у них был счастливей, чем в день его первого появления

на площади Гриммо, и на Гарри вновь нахлынуло пьянящее чувство облегчения, приугасшее было из-за встречи с Люциусом Малфоем. Сам этот мрачный дом вдруг стал теплей и приветливей; даже Кикимер, сунувший в кухонную дверь свой нос-рыльце, чтобы понять, отчего такой шум, показался ему не таким уродом.

— Ну ещё бы! Раз Дамблдор взялся тебя защищать, решение только таким и могло быть, — счастливым голосом сказал Рон, наваливая всем на тарелки горы картофельного пюре.

— Да, он здорово мне помог, — согласился Гарри, чувствуя, что проявил бы чёрную неблагодарность, не говоря уже о том, что высказался бы по-детски, если бы добавил: «Жаль, правда, что он даже словечком меня не удостоил. Даже взглядом».

Едва он это подумал, как шрам ожгло так сильно, что он приложил ко лбу ладонь.

— Что с тобой? — встревожилась Гермиона.

— Шрам, — пробормотал Гарри. — Но это ничего… Это всё время сейчас…

Другие ничего не заметили. Все налегали на обед, радуясь чудесному спасению Гарри. Фред, Джордж и Джинни по-прежнему пели. Гермиона имела очень обеспокоенный вид, но прежде, чем

она смогла хоть что-то сказать, Рон в упоении произнёс:

— Вот увидите — Дамблдор явится сегодня вечером отпраздновать с нами событие.

— Вряд ли он сможет, Рон, — возразила миссис Уизли, подавая Гарри огромный кусок жареной курицы. — Он сейчас очень-очень занят.

— Оправдали, оправдали, оправдали…

— Умолкните! — крикнула миссис Уизли.

* * *

В последующие дни Гарри волей-неволей заметил, что один из обитателей дома двенадцать на площади Гриммо не преисполнен веселья по поводу его скорого возвращения в Хогвартс. Узнав, что Гарри оправдали, Сириус, конечно, постарался изобразить радость: крепко-крепко стиснул ему руку, сиял улыбкой, как все остальные. Вскоре, однако, он сделался угрюмей и нелюдимей прежнего, ещё меньше со всеми разговаривал, даже с Гарри, и всё больше времени проводил взаперти с Клювокрылом в комнате своей матери.

— Только не вздумай винить в этом себя! — жёстко сказала Гермиона, когда Гарри через несколько дней поделился с ней и Роном своими ощущениями. Они в это время оттирали

заплесневелый буфет на четвёртом этаже. — Твоё место — в Хогвартсе, и Сириус прекрасно это знает. Я лично считаю, что он ведёт себя как эгоист.

— Ты слишком к нему строга, — хмурясь, заметил Рон, который пытался отковырнуть накрепко приставший к пальцу кусок плесени. — Представь, что тебе самой пришлось бы торчать тут в одиночестве.

— Не в одиночестве! — возразила Гермиона. — Здесь как-никак штаб-квартира Ордена Феникса! Он просто тешил себя надеждой, что Гарри станет жить здесь с ним.

— Вряд ли это так, — сказал Гарри, выжимая тряпку. — Он ушёл от ответа, когда я спросил, можно ли будет у него поселиться.

— Просто он не хотел слишком уж сильно себя тешить, — мудро рассудила Гермиона. — И он, вероятно, сам чувствовал себя немного виноватым, потому что отчасти действительно хотел, чтобы тебя исключили. Тогда вы оба стали бы отверженными.

— Перестань! — в один голос воскликнули Рон и Гарри. Гермиона пожала плечами:

— Как вам угодно. Но иногда я думаю, что мама Рона права: Сириус путает тебя с твоим отцом, Гарри.

— По-твоему, он что, чокнутый? — с негодованием спросил Гарри.

— Нет, по-моему, он просто очень много времени провёл в одиночестве, — бесхитростно ответила Гермиона.

В этот момент у них за спиной в комнату вошла миссис Уизли.

— Ещё не кончили? — спросила она, засунув голову в буфет.

— А я-то думал, ты пришла для того, чтобы объявить перерыв, — упрекнул её Рон. — Знаешь, сколько плесени мы уже счистили с тех пор, как стали здесь жить?

— Вы говорили, что хотите потрудиться для Ордена, — сказала миссис Уизли. — Ваша задача — помочь сделать штаб-квартиру пригодной для обитания.

— Я чувствую себя эльфом-домовиком, — проворчал Рон.

— Что ж, если ты понял теперь, какая ужасная у них жизнь, может быть, ты начнёшь активнее бороться за права эльфов! — с надеждой сказала ему Гермиона, когда миссис Уизли вышла. — Между прочим, у меня идея: чтобы показать людям, какой это ужас — всё время заниматься уборкой, мы могли бы за плату мыть гостиную

Гриффиндора, вся прибыль — в кассу общества. Это и повысило бы сознательность, и пополнило бы казну.

— Сколько тебе заплатить, чтобы ты перестала трепаться про своё дурацкое общество? — раздражённо пробормотал Рон, но так, что слышал его только Гарри.

* * *

Чем ближе был конец каникул, тем больше Гарри мечтал о Хогвартсе. Ему не терпелось снова свидеться с Хагридом, сыграть в квиддич, даже пройтись мимо огородов к травологическим теплицам. Подарком будет сама возможность покинуть этот пыльный затхлый дом, где половину шкафов и буфетов ещё даже не отпирали, где из тёмных углов в тебя частенько летят хриплые оскорбления Кикимера. В присутствии Сириуса, впрочем, Гарри старался об этом не говорить.

Жизнь в штаб-квартире организации, созданной для борьбы с Волан-де-Мортом, оказалась вовсе не такой интересной и волнующей, как можно было предположить. Хотя члены Ордена Феникса регулярно приходили и уходили — в одних случаях они оставались ужинать, в других задерживались лишь для минутной беседы шёпо-

том, — миссис Уизли позаботилась о том, чтобы до ушей (в том числе и снабжённых Удлинителями) Гарри и его друзей ничего существенного не долетало. И никто, даже Сириус, видимо, не считал, что Гарри имеет право знать больше, чем ему было рассказано в первый вечер.

В последний день каникул, когда Гарри сметал со шкафа помёт Букли, в спальню вошёл Рон с двумя конвертами.

— Списки учебной литературы, — сказал он, бросая Гарри, стоявшему на стуле, один из конвертов. — Давно пора, я уж думал, они забыли, обычно присылали гораздо раньше…

Гарри смёл последние кусочки в пакет для мусора и через голову Рона швырнул его в стоявшую в углу корзину, которая проглотила пакет и громко рыгнула. Потом разорвал конверт. В нём лежало два листа пергамента — на одном обычное напоминание, что учебный год начинается первого сентября, на другом список необходимых книг.

— Новых только две, — сказал он, прочитав список. — «Общая теория заклинаний» для пятого курса Миранды Гуссокл и «Теория защитной магии» Уилберта Слинкхарда.

Хлоп!

Рядом с Гарри в спальню трансгрессировали

Фред и Джордж. Он настолько уже к этому привык, что даже не упал со стула.

— Мы тут задались вопросом: кто вставил в список книгу Слинкхарда? — сказал Фред как ни в чём не бывало.

— Потому что это означает, что Дамблдор нашёл-таки нового учителя защиты от Тёмных искусств, — подхватил Джордж.

— Вовремя он, однако, — заметил Фред.

— О чём это вы? — спросил Гарри, спрыгнув на пол.

— Несколько недель назад мы Удлинителем ушей подслушали один разговор родителей, — сказал Фред, — и усвоили из него, что Дамблдор никак не может найти человека на эту должность.

— Неудивительно, если вспомнить, что сталось с предыдущими четырьмя, — вставил Джордж.

— Один уволился, другой умер, у третьего отшибло память, четвёртый девять месяцев провёл в сундуке, — сказал Гарри, загибая пальцы. — М-да, понятно.

— Что с тобой, Рон? — вдруг поинтересовался Фред. Рон не ответил. Гарри обернулся. Рон неподвижно стоял, приоткрыв рот, и смотрел на письмо, присланное ему из Хогвартса.

— Что там такое? — нетерпеливо спросил Фред и, обойдя Рона, посмотрел на пергамент через его плечо.

Нижняя челюсть Фреда тоже отвисла.

— Староста? — проговорил он, не веря своим глазам. — Староста?

Джордж метнулся вперёд, вырвал у Рона из другой руки конверт и перевернул. На его ладонь выпало что-то алое с золотом.

— Не может быть, — произнёс Джордж глухим голосом.

— Ошибка, — сказал Фред. Выхватив у Рона письмо, он поднял его к свету, словно проверял на водяные знаки. — Никто в здравом уме не способен сделать Рона старостой.

Близнецы разом повернули головы к Гарри.

— Мы на все сто были уверены, что это будешь ты! — воскликнул Фред таким тоном, словно Гарри в чём-то его обманул.

— Мы думали, у Дамблдора и варианта другого нет, кроме тебя! — негодующе подхватил Джордж.

— И Турнир Трёх Волшебников выиграл, и чего только не совершил! — сказал Фред.

— Я думаю, против него сработали всякие идиотские соображения, — сказал Джордж Фреду.

— Да, — задумчиво произнёс Фред. — Да, Гарри, слишком уж ты много хлопот им доставил. Что ж, по крайней мере мы увидели их предпочтения.

Он подошёл к Гарри и хлопнул его по спине, одновременно бросая на Рона уничтожающий взгляд.

— Староста… Малышок Ронни — староста!

— Представляю себе мамину реакцию. Заранее тошнит. О-о-о! — простонал Джордж и с отвращением швырнул Рону обратно значок старосты, как будто мог о него испачкаться.

Рон, который не сказал пока что ни слова, посмотрел на значок секунду-другую и протянул его Гарри, точно просил подтвердить его подлинность. Гарри взял значок. Там стояло большое «С» поверх гриффиндорского льва. Точно такой же значок он увидел на груди у Перси в самый первый свой день в школе «Хогвартс».

Дверь со стуком распахнулась. В комнату ворвалась Гермиона — щёки пылают, волосы развеваются. В руке она держала конверт.

— Вы… вы получили уже?..

Она увидела в руке у Гарри значок и вскрикнула.

— Я знала, знала! — восторженно объявила она и взмахнула своим письмом. — Я тоже, Гарри,

я тоже!

— Нет, нет, — быстро проговорил Гарри и сунул значок Рону. — Это Рон, а не я.

— Что — это?

— Рон староста, а не я, — объяснил Гарри.

— Рон? — спросила Гермиона, да так и осталась с открытым ртом. — Но… Вы уверены? Я хотела сказать…

Она покраснела. Рон посмотрел на неё с вызовом.

— Письмо пришло на моё имя, — сказал он.

— Я… — Гермиона была совершенно сбита с толку. — Ну… здорово! Поздравляю, Рон! Это просто…

— Неожиданность, — подсказал Джордж.

— Нет… — Гермиона зарделась ещё ярче. — Почему, вовсе нет. Рон сделал массу всего… Он действительно…

Дверь позади неё открылась чуть шире, и в комнату, пятясь, вошла миссис Уизли со стопкой свежевыстиранных мантий.

— Джинни говорит, прислали наконец списки книг, — сказала она, мельком увидев конверты по дороге к кровати и начав раскладывать мантии на две стопки. — Дайте их мне, я отправлюсь сегодня в Косой переулок и получу ваши книги,

пока вы собираете вещи. Рон, я куплю тебе новые пижамы, эти короче нужного дюймов на шесть, ты невероятно быстро растёшь… Какого цвета ты хочешь?

— Купи ему красные с золотом под цвет его значка, — съехидничал Джордж.

— Под цвет чего? — рассеянно переспросила миссис Уизли, скатывая пару бордовых носков и кладя их поверх стопки Рона.

— Значка, — сказал Фред с видом человека, желающего побыстрей разделаться с самым худшим. — Его прелестного нового блестящего значка старосты.

Слова Фреда не сразу вошли в сознание миссис Уизли, занятое пижамами.

— Его… но… Рон, ты же не…

Рон показал ей значок.

Миссис Уизли вскрикнула, в точности как Гермиона.

— Поверить не могу! Просто поверить не могу! Рон, дорогой мой, как чудесно! Староста! Это у нас уже семейная традиция!

— А мы с Фредом, значит, не члены семьи? Соседи? — возмутился Джордж, когда мать, оттолкнув его, кинулась обнимать младшего сына.

— Вот отец обрадуется! Рон, я так тобой гор-

жусь, какая прекрасная новость! А потом ты, может быть, станешь старостой школы, как Билл и Перси, это только первый шаг! Какая радость, какая радость среди этих волнений, я просто в восторге, Ронни…

Фред и Джордж дружно издавали у неё за спиной рвотные звуки, но миссис Уизли ничего не слышала. Крепко обвив руками шею Рона, она осыпала поцелуями его лицо, которое краснотой уже превзошло значок старосты.

— Мама… не надо… мама, успокойся… — бормотал он, отталкивая её.

Она выпустила его и, с трудом переводя дыхание, сказала:

— Ну, и что это будет? Перси мы подарили сову, но у тебя-то она уже есть.

— Т-ты о чём? — спросил Рон, не смея поверить своим ушам.

— Тебе полагается за это подарок! — с любовью воскликнула миссис Уизли. — Может быть, красивую новую парадную мантию?

— Не надо, мы уже ему купили, — мрачно сказал Фред с таким видом, будто всей душой сожалеет о такой щедрости.

— Или новый котёл? Старый, который достался тебе от Чарли, уже ржавый-прержавый. Или,

может быть, новую крысу? Ты ведь любил Коросту…

— Мама, — отважился Рон, — а можно мне новую метлу?

У миссис Уизли слегка вытянулось лицо. Метла — вещь недешёвая.

— Не обязательно самую лучшую! — поспешил добавить Рон. — Просто… новую, старая очень уж надоела.

Миссис Уизли заколебалась, потом улыбнулась.

— Ну конечно можно… Так, хорошо, если ещё и метлу покупать, мне надо поторапливаться. До свидания, до свидания… Надо же, мой маленький Ронни — староста! И не забудьте уложить чемоданы… Староста… Я дрожу, я вся дрожу…

Она ещё раз чмокнула Рона в щёку, громко шмыгнула носом и суетливо вышла из комнаты. Фред и Джордж обменялись взглядами.

— Ничего, если мы не будем целовать тебя, Рон? — произнёс Фред издевательски-участливо.

— Можем, если хочешь, сделать реверанс, — добавил Джордж.

— Заткнитесь вы, ну! — сказал Рон, бросив на них злой взгляд.

— А то что? — спросил Фред, по лицу которого

расползалась ехидная улыбка. — Оставишь нас после уроков?

— Вот бы посмотреть, как он попытается, — ухмыльнулся Джордж.

— Ещё как оставит, если будете вредничать! — гневно воскликнула Гермиона.

Фред и Джордж расхохотались. Рон пробормотал:

— Ладно, Гермиона, хватит.

— Джордж, а Джордж! Нам надо будет вести себя поаккуратнее, — сказал Фред, притворно задрожав от страха. — С этими двумя блюстителями порядка шутки плохи.

— Да, похоже, нашим беззаконным шалостям пришёл конец, — сокрушённо покачал головой Джордж.

И с очередным громким хлопком близнецы исчезли.

— Парочка обормотов! — разъярённо бросила Гермиона, поглядев на потолок, сквозь который до неё и Рона уже доносился громкий гогот Фреда и Джорджа. — Не обращай на них внимания, это зависть в чистом виде!

— Нет, не думаю, — с сомнением сказал Рон, тоже подняв голову к потолку. — Они всегда говорили, что старостами становятся только

тупицы… И всё-таки, — добавил он более радостным тоном, — им никогда не покупали новые мётлы! Жалко, что мне нельзя отправиться с мамой и выбрать… На «Нимбус», конечно, у нас нет денег, но в продажу выпустили новую модель «Чистомета», это тоже было бы здорово… Знаешь, я сбегаю, догоню её и скажу, что хочу «Чистомет», пусть она знает…

Он стрелой вылетел из комнаты, оставив Гарри и Гермиону одних.

Почему-то Гарри не хотелось смотреть на Гермиону. Он подошёл к своей кровати, взял стопку чистых мантий, которую положила на неё миссис Уизли, и двинулся к своему чемодану.

— Гарри… — неуверенно начала Гермиона.

— Поздравляю, Гермиона, — произнёс Гарри, по-прежнему не глядя на неё и придав голосу такую сердечность, что он зазвучал как чужой. — Великолепно. Здорово. Классно.

— Спасибо, — сказала Гермиона. — М-м-м… Гарри… Можно мне позаимствовать у тебя Буклю, чтобы сообщить родителям? Им будет действительно приятно. Староста — это доступно их пониманию.

— Бери, конечно, о чём говорить, — откликнулся Гарри всё тем же жутким чужим сердечным

голосом.

Он склонился к своему чемодану, положил мантии на дно и притворился, будто что-то ищет. Гермиона тем временем подошла к шкафу и позвала Буклю. Прошло несколько секунд, хлопнула дверь, но Гарри всё не разгибался, всё прислушивался. До него доносились только очередные ухмылки пустой картины на стене да кашель корзины для бумаг, подавившейся совиным помётом.

Он выпрямился и огляделся. Ни Гермионы, ни Букли в комнате уже не было. Гарри медленно подошёл к своей кровати, лёг на бок и невидящим взглядом уставился на нижнюю часть шкафа.

Он начисто забыл, что на пятом курсе назначают старост. Его так тревожила возможность исключения, что он ни разу не подумал про значки и про то, кто их получит. Но если бы он вспомнил? Если бы подумал? Чего бы он ожидал?

— *Не этого*, — произнёс правдивый голосок у него в голове.

Гарри сморщился и закрыл лицо руками. Он не мог себе лгать. Если бы он помнил о рассылке значков, он ожидал бы, что старостой назначат его, а не Рона. Значит ли это, что он так же вы-

сокомерен, как Драко Малфой? Значит ли это, что он ставит себя выше других? Что он, по его собственному мнению, *лучше* Рона?

— *Нет*, — с вызовом ответил тот же голосок.

— Что же на самом деле? — беспокойно спрашивал себя Гарри, пытаясь разобраться в собственных чувствах.

— *В квиддич я играю лучше*, — сказал голосок, — *Но во всём остальном у меня нет преимущества.*

«Истинная правда», — подумал Гарри. В учёбе у него нет преимущества перед Роном. Но как быть с тем, что происходит вне уроков? Как быть с испытаниями, которые раз за разом выпадают на долю ему, Рону и Гермионе с первого же года в Хогвартсе? С тем, что могло иметь куда худшие последствия, чем исключение?

— *Что ж, Рон и Гермиона большую часть времени были со мной*, — прозвучало у Гарри в голове.

— Но не всё время, — возразил себе Гарри. — Они не помогали мне драться с Квирреллом. Им не пришлось сражаться с Реддлом и василиском. Я один отбивался от дементоров в ту ночь, когда Сириус сбежал. Их не было со мной на кладбище, когда возродился Волан-де-Морт…

Им овладело то же ощущение несправедливо-

сти, что и при первом появлении в доме Сириуса. «Я, безусловно, сделал больше, — с негодованием подумал Гарри. — Я сделал больше, чем любой из них!»

— *Но, может быть,* — раздался честный голосок у него внутри, — *может быть, Дамблдор назначает людей старостами не за то, что они то и дело ввязываются в опасные приключения. Может быть, ему важны другие качества… У Рона, наверно, есть что-то, чего у тебя нет.*

Гарри открыл глаза и, глядя в промежутки между пальцами на ножки шкафа, напоминавшие когтистые лапы, вспомнил слова Фреда: «Никто в здравом уме не способен сделать Рона старостой».

Гарри фыркнул. Но спустя секунду ему стало тошно от самого себя.

Рон ведь не просил у Дамблдора значок старосты. Его вины тут нет. И что же — теперь он, Гарри, лучший друг Рона, станет дуться из-за того, что не получил значка? Ржать вместе с близнецами у Рона за спиной? Портить Рону, который впервые в жизни в чём-то его превзошёл, всё удовольствие?

Тут Гарри опять услышал шаги Рона по лестнице. Он встал, поправил очки и ещё до того, как

Рон вприпрыжку вбежал в комнату, изобразил на лице улыбку.

— Догнал её! — радостно сообщил Рон. — Говорит, купит «Чистомет», если есть в продаже.

— Отлично, — отозвался Гарри и с облегчением почувствовал, что сердечности в голосе больше нет. — Слушай, Рон… Ты молодчина.

Лицо Рона вытянулось.

— У меня и в мыслях не было, что это могу быть я! — сказал он, качая головой. — Я думал, что это будешь ты!

— Да нет, от меня слишком много хлопот, — повторил Гарри слова Фреда.

— Да, — сказал Рон, — да, наверно… Ну что, будем чемоданы собирать?

Даже странно, по какой обширной площади оказались разбросаны их вещи. Им чуть ли не до вечера пришлось разыскивать по всему дому и запихивать в школьные чемоданы книги и прочее имущество. Гарри заметил, что Рон никак не оставит в покое значок старосты: то на прикроватную тумбочку положит, то засунет в карман джинсов, то вынет и пристроит на стопке сложенных мантий, словно хочет увидеть, как смотрится красное на чёрном. Только когда ввалились Фред и Джордж и предложили прикрепить значок ему

ко лбу Заклятием вечного приклеивания, Рон любовно завернул его в бордовые носки и запер в чемодане.

Около шести вернулась из Косого переулка миссис Уизли с грузом книг и с чем-то длинным, завёрнутым в плотную обёрточную бумагу. Рон взял у неё подарок со стоном нетерпения.

— Не вздумай сейчас разворачивать, люди уже собираются ужинать, все идите вниз, — сказала она, но, едва очутившись вне поля её зрения, Рон мигом исступлённо сорвал бумагу и, лучась воодушевлением, исследовал каждый дюйм новой метлы.

На кухне миссис Уизли повесила над заставленным всякой снедью столом алое полотнище с надписью:

ПОЗДРАВЛЯЕМ
НОВЫХ СТАРОСТ
РОНА И ГЕРМИОНУ!

За все каникулы Гарри ни разу не видел её в таком приподнятом настроении.

— Сегодня у нас будет не простой сидячий ужин, а небольшой праздничный фуршет, — сказала она Гарри, Рону, Гермионе, Фреду, Джорджу и Джинни, когда они вошли в помещение. — Твой

отец и Билл скоро будут здесь, Рон. Я послала им обоим сов, и они в восторге, — добавила она, сияя. Фред закатил глаза.

Сириус, Люпин, Тонкс и Кингсли Бруствер уже были на кухне. Вскоре после того как Гарри налил себе сливочного пива, вошёл, тяжело ступая, Грозный Глаз Грюм.

— Я так рада видеть тебя здесь, Аластор, — приветливо сказала миссис Уизли, когда Грозный Глаз скинул с плеч дорожную мантию. — Мы давным-давно ещё хотели тебя попросить: не мог бы ты заглянуть в письменный стол в гостиной и сказать, что там внутри? Мы не решились его открыть — вдруг там что-то действительно скверное.

— Конечно, Молли…

Ярко-голубой волшебный глаз Грюма крутанулся вверх и замер, уставясь в кухонный потолок.

— Гостиная… — прорычал Грюм, и зрачок глаза сузился. — Стол в углу? Вижу, вижу… Да, это боггарт… Хочешь, чтобы я поднялся и разобрался с ним, Молли?

— Нет, нет, я сама потом, — светясь, успокоила его миссис Уизли. — Отдохни, выпей. У нас тут, честно сказать, маленькое торжество… — Она показала на алое полотнище. — Уже четвёртый

староста в семье! — с обожанием воскликнула она и взъерошила волосы Рона.

— Староста? — пророкотал Грюм и, глядя на Рона нормальным глазом, повернул волшебный так, что он смотрел теперь сквозь его, Грюма, висок. У Гарри возникло неприятное ощущение, что глаз глядит на него, и он отошёл к Сириусу и Люпину.

— Что ж, поздравляю, — сказал Грюм, не переставая таращиться на Рона нормальным глазом. — Лица, наделённые властью, частенько навлекают на себя неприятности, но раз Дамблдор тебя назначил, он, похоже, уверен, что ты способен противостоять большинству серьёзных заклятий…

Рон явно не ожидал такого отклика на событие, но от необходимости что-то отвечать его избавило появление отца и старшего брата. Миссис Уизли была в таком хорошем расположении духа, что даже не стала им пенять на приход Наземникуса, которого они привели с собой. На нём было длинное пальто, которое в неожиданных местах странно топорщилось. Он категорически отказался его снять и положить вместе с дорожной мантией Грюма.

— Ну что же, я думаю, напрашивается тост, —

сказал мистер Уизли, когда все наполнили кубки. Он поднял свой. — За Рона и Гермиону — новых старост Гриффиндора!

Все выпили и поаплодировали. Рон и Гермиона сияли в ответ улыбками.

— А я вот никогда не была старостой, — весело сказала Тонкс у Гарри за спиной, когда все двинулись к столу положить себе на тарелки еды. Волосы у неё были сегодня помидорного цвета и доходили до талии; её можно было принять за старшую сестру Джинни. — Декан моего факультета сказал, что у меня нет кое-каких необходимых качеств.

— Каких именно? — спросила Джинни, выбирая печёную картофелину.

— Тех, какие нужны, чтобы самой хорошо себя вести, — объяснила Тонкс.

Джинни засмеялась, а у Гермионы был такой вид, точно она не знала, смеяться ей или нет. В порядке компромисса она сделала большой глоток из кубка со сливочным пивом и закашлялась.

— А ты, Сириус? — спросила Джинни, хлопнув Гермиону по спине.

Сириус, стоявший рядом с Гарри, издал свой обычный лающий смешок.

— Никому в голову не могло прийти назначить

меня старостой. Я только и знал, что на пару с Джеймсом сидел после уроков наказанный. Вот Люпин — другое дело, он был паинькой и ходил со значком.

— Дамблдор, видимо, надеялся, что я смогу хорошо повлиять на моих закадычных дружков, — сказал Люпин. — Вряд ли нужно добавлять, что я потерпел в этом полный провал.

У Гарри отлегло от сердца. Его отец тоже не был старостой. Вдруг он почувствовал, что может получать удовольствие от ужина. Он наполнил свою тарелку, испытывая удвоенное расположение ко всем, кто был в кухне.

Рон с упоением рассказывал всем, кто готов был слушать, про свою новую метлу:

— Ускорение — от нуля до семидесяти за десять секунд. Совсем неплохо, правда? «Комета-260» может только от нуля до шестидесяти при хорошем попутном ветре — так написано в буклете «Выбери метлу»…

Гермиона очень серьёзно излагала Люпину свои взгляды на права эльфов.

— Разве это не такая же бессмысленная жестокость, как сегрегация оборотней? Всё это растёт из одного жуткого корня — из идеи превосходства волшебников над другими существами…

Миссис Уизли пустилась в обычные препирательства с Биллом по поводу его волос:

— Это уже ни в какие ворота не лезет, а ведь ты очень даже пригожий парень, гораздо красивей было бы покороче, правда, Гарри?

— Ну… я даже не знаю, — промямлил Гарри, которого эта просьба о поддержке привела в смятение. Он откочевал от них поближе к Фреду и Джорджу, которые шушукались в углу с Наземникусом.

Увидев Гарри, Наземникус умолк, но Фред подмигнул Гарри и поманил его к себе.

— Не беспокойся, — сказал он Наземникусу. — Гарри можно доверять, он наш спонсор.

— Смотри, что нам Флетчер принёс, — сказал Джордж, показывая Гарри горсть каких-то сморщенных чёрных стручков. Хотя они лежали совершенно неподвижно, из них доносилось тихое дробное постукивание.

— Ядовитая фасоль Тентакула, — объяснил Джордж. — Нужна нам для Забастовочных завтраков, но она занесена в класс «С» и не подлежит продаже, поэтому раздобыть её не так-то просто.

— Ну так что, Наземникус, десять галеонов за партию? — спросил Фред.

— А трудов-то мне каких стоило её достать, —

сказал Наземникус, и дряблые мешки под его налитыми кровью глазами отвисли ещё ниже. — Как хотите, парни, двадцатник — и точка. Ни кната не сбавлю.

— Он шутник у нас, — сказал Фред Гарри.

— Это точно. Самая пока что смешная его шутка — шесть сиклей за сумку игл нарла, — подхватил Джордж.

— Смотрите в оба, — тихо предостерёг их Гарри.

— Ты чего? — спросил Фред. — Мама вовсю воркует про старосту Рона, опасности никакой.

— Вас Грюм может засечь, — объяснил Гарри. Наземникус беспокойно оглянулся.

— Твоя правда, — проворчал он. — Ну ладно, ребята, десять так десять, если по-быстрому.

— Молоток, Гарри! — восхищённо сказал Фред, когда Наземникус опустошил карманы в подставленные ладони близнецов и поспешно двинулся к еде. — Пошли отнесём наверх…

Глядя им вслед, Гарри почувствовал некоторое смущение. Ему пришло в голову, что мистер и миссис Уизли неизбежно рано или поздно узнают про затеваемый Фредом и Джорджем магазин волшебных фокусов и трюков, а узнав, станут думать, откуда у них на него деньги. Отдать

близнецам призовые за победу в Турнире Трёх Волшебников казалось тогда поступком простым и естественным, но что, если это поведёт к новой семейной ссоре, к отчуждению вслед за Перси ещё двоих сыновей? Будет ли миссис Уизли по-прежнему считать Гарри своим приёмным сыном, если ей станет известно, что именно он помог Фреду и Джорджу начать заниматься совершенно неподходящим, по её мнению, делом?

Стоя там, где его оставили близнецы, и не имея другого собеседника, кроме виноватой тяжести в глубине живота, Гарри вдруг услышал свою фамилию. Поверх общей болтовни до него донёсся густой бас Кингсли Бруствера.

— Почему Дамблдор не назначил старостой Поттера? — спросил Кингсли.

— На то наверняка были причины, — ответил Люпин.

— Этим он показал бы, что верит в него. Я бы поступил именно так, — настаивал Кингсли. — Особенно в то время, когда «Пророк» то и дело прохаживается на его счёт…

Гарри не стал оглядываться. Он не хотел, чтобы Люпин или Кингсли знали, что он их слышал. Не чувствуя ни малейшего голода, он пошёл вслед за Наземникусом к столу. Удовольствие от праздни-

ка исчезло так же быстро, как возникло. Больше всего ему хотелось быть наверху, в постели.

Грозный Глаз Грюм обнюхивал тем, что осталось от носа, куриную ножку. Удостоверившись, что ядом не пахнет, он запустил в неё зубы.

— Метловище из красного дуба покрыто лаком, защищающим от заклятий. Встроенный гаситель вибрации, — рассказывал Рон доброжелательной Тонкс.

Миссис Уизли широко зевнула.

— Пойду разберусь с боггартом и лягу… Артур, проследи, пожалуйста, чтобы молодёжь не слишком поздно отправилась спать. Гарри, милый, спокойной ночи.

Она вышла из кухни. Гарри поставил тарелку и задался вопросом, не сможет ли он отправиться следом, не привлекая к себе внимания.

— Ну как, Поттер, порядок? — прохрипел Грюм.

— Да, всё нормально, — соврал Гарри.

Грюм хлебнул из фляги и скосил на Гарри ярко-голубой глаз.

— Пошли, я тебе покажу кое-что интересное.

Из внутреннего кармана мантии Грюм достал старую, сильно потрёпанную волшебную фотографию.

— Орден Феникса, каким он был в самом начале, — прорычал Грюм. — Наткнулся вчера вечером, когда искал другую мантию-невидимку. Подмор, учтивец такой, не посчитал нужным вернуть мне мою лучшую… Я подумал, может, люди захотят взглянуть.

Гарри взял карточку. Сфотографированные сидели небольшой группой. Увидев его, одни приветливо помахали, другие подняли бокалы.

— Это я, — сказал Грюм, показывая на себя пальцем, в чём не было никакой нужды. Грюм на снимке узнавался безошибочно — только волосы были чуть темней, и нос был ещё цел. — Рядом со мной Дамблдор, по другую сторону Дедалус Дингл… А это Марлин Маккиннон, её убили через две недели, её и всю её семью. Это Фрэнк и Алиса Долгопупсы…

При взгляде на Алису Долгопупс живот Гарри, где и так было не слишком уютно, свело судорогой. Хотя он ни разу её не видел, он очень хорошо знал это круглое приветливое лицо: её сын Невилл был её копией.

— Бедняги, — прорычал Грюм. — Лучше смерть, чем то, что с ними произошло… А это Эммелина Вэнс, ты её знаешь… Это, разумеется, Люпин… Бенджи Фенвик, ему тоже досталось, мы кусочки

только потом отыскали… Посторонитесь-ка чуть-чуть, — попросил он, ткнув в карточку пальцем, и фигурки на первом плане сдвинулись одни вправо, другие влево, сделав лучше видимыми тех, кто сидел дальше. — Это Эдгар Боунс, брат Амелии Боунс, его они тоже прикончили вместе с семьёй, выдающийся был волшебник… Стерджис Подмор — батюшки, какой молодой он здесь… Карадок Дирборн, исчез через полгода, тело мы так и не нашли… Хагрид — этот, конечно, какой был, такой и остался… Элфиас Дож, ты его видел, я и забыл, что он тогда носил эту дурацкую шляпу. Гидеон Пруэтт… чтобы расправиться с ним и с его братом Фабианом, понадобилось пять Пожирателей смерти, братья погибли как герои… Двигайтесь, двигайтесь…

Фигурки ещё раз перегруппировались, и вперёд вышли теперь самые задние.

— Аберфорт, брат Дамблдора, — это был единственный раз, когда я его видел, странный тип… Это Доркас Медоуз, Волан-де-Морт убил её лично… Сириус — он ещё не отрастил тогда длинные волосы… Ну, и… вот, я думаю, кто тебя заинтересует!

У Гарри перевернулось сердце. Сияя улыбками, на него смотрели отец и мать. Между ними сидел

малорослый человечек с водянистыми глазками, в котором Гарри мгновенно узнал Хвоста — того, кто выдал Волан-де-Морту их местонахождение и тем самым способствовал их гибели.

— Ну? — спросил Грюм.

Гарри перевёл взгляд на щербатое, исполосованное шрамами лицо Грюма, который, похоже, считал, что доставляет Гарри немалое удовольствие.

— Да, — сказал Гарри, опять пытаясь улыбнуться. — Э… вы знаете, я сейчас вспомнил, что не положил в чемодан…

От необходимости придумать, что именно он не положил, избавил его Сириус, который как раз подошёл со словами: «Что тут у тебя такое, Грюм?» Воспользовавшись тем, что Грюм повернулся к Сириусу, Гарри быстро, чтобы никто не успел окликнуть, пересёк кухню, выскользнул за дверь и поднялся в коридор.

Он не понимал, почему это так его потрясло: он и раньше видел снимки родителей, а Хвоста встречал живьём… Но разве можно вот так, с бухты-барахты, когда он совсем не готов… «Такое никому не может понравиться», — думал он в сердцах.

И потом, увидеть их в окружении всех прочих

радостных лиц… Бенджи Фенвик, от которого остались только кусочки, героически погибший Гидеон Пруэтт, Долгопупсы, которых мучениями довели до сумасшествия… Всё весело машут с фотографии и будут махать вечно, не ведая, какая судьба их ждёт. Если Грюм находит это интересным — на здоровье, но ему, Гарри, это тяжело…

Довольный, что наконец рядом никого нет, Гарри на цыпочках прошёл коридором и стал подниматься по лестнице мимо эльфийских голов. Но, приближаясь к площадке второго этажа, он услышал звуки. В гостиной кто-то рыдал.

— Кто здесь? — спросил Гарри.

Ответа не было. Рыдания продолжались. Прыгая через две ступеньки, Гарри взбежал на лестничную площадку, пересёк её и открыл дверь гостиной.

У тёмной стены, съёжившись, стояла женщина. В руке волшебная палочка, всё тело сотрясается от плача. На пыльном старом ковре в пятне лунного света, явно мёртвый, лежал Рон.

В лёгких у Гарри вдруг не стало воздуха. Ему показалось, он проваливается сквозь пол. Мозг точно заледенел — Рон погиб, нет, не может быть…

Но погодите — этого же действительно не мо-

жет быть… Рон внизу…

— Миссис Уизли? — хрипло спросил Гарри.

— *Р… р… ридикулус!* — прорыдала миссис Уизли, трясущейся рукой направляя волшебную палочку на тело Рона.

Хлоп.

Мёртвый Рон превратился в мёртвого, распластанного на спине Билла. Глаза пустые, остекленевшие. Миссис Уизли зарыдала ещё громче.

— *Р… ридикулус!* — крикнула она опять.

Хлоп.

Теперь на полу лежал уже не Билл, а мистер Уизли. Тоже мёртвый. Очки съехали, по лицу течёт струйка крови.

— Нет! — простонала миссис Уизли. — Нет… *Ридикулус! Ридикулус! РИДИКУЛУС!*

Хлоп. Мёртвые близнецы. Хлоп. Мёртвый Перси. Хлоп. Мёртвый Гарри…

— Миссис Уизли, выйдите отсюда! — закричал Гарри, глядя на свой собственный труп. — Пусть кто-нибудь другой…

— Что тут происходит?

В комнату вбежал Люпин, за ним, немного отстав, Сириус. Вдалеке послышались тяжёлые шаги Грюма. Люпин посмотрел на миссис Уизли, потом на безжизненное тело Гарри и мгновенно

всё понял. Вынув волшебную палочку, он очень твёрдым и ясным голосом произнёс:

— *Ридикулус!*

Мёртвый Гарри исчез. Над местом, где он лежал, в воздухе возник серебристый шар. Люпин ещё раз взмахнул волшебной палочкой, и шар пропал, сделавшись струйкой дыма.

— О… о… о! — давилась миссис Уизли. Потом, закрыв лицо руками, дала волю рыданиям.

— Молли, — сдержанно сказал, подойдя к ней, Люпин. — Молли, не надо…

Миг спустя она заливала слезами его плечо.

— Молли, это был всего-навсего боггарт, — успокаивал он её, гладя по голове. — Всего-навсего жалкий боггарт…

— Я т-т-то и дело вижу их мёртвыми! — горько жаловалась миссис Уизли. — То и д-д-дело! Мне в-в-всё время это снится…

Сириус разглядывал то место на ковре, где только что лежал боггарт, принявший вид мёртвого Гарри. Грюм смотрел на Гарри, но тот отводил глаза. У него было такое чувство, что волшебный глаз Грюма следил за ним всё время, пока он шёл из кухни.

— Н-н-не говорите Артуру, — всхлипывала миссис Уизли, яростно утирая глаза рукавом. —

Н-н-не хочу, чтобы он знал… вот ведь какая я глупая…

Люпин подал ей платок, и она высморкалась.

— Прости меня, Гарри. Что ты будешь теперь обо мне думать? — дрожащим голосом проговорила она. — От боггарта не могла избавиться…

— Ну что вы, — запротестовал Гарри, пытаясь улыбнуться.

— Просто я с-с-совсем извелась, — сказала она, и слёзы снова брызнули из глаз. — Половина с-с-семьи в Ордене, это б-б-будет чудо, если мы все уцелеем… А П-П-Перси с нами не разговаривает… Что, если случится к-к-какая-нибудь беда, а мы с ним т-т-так и не помиримся? А если мы с Артуром п-п-погибнем, кто позаботится о Роне и Джинни?

— Молли, перестань, — твёрдым голосом сказал Люпин. — Сейчас всё не так, как в тот раз. Орден лучше подготовлен, и мы начали вовремя, мы знаем, чего хочет Волан-де-Морт…

Услышав это имя, миссис Уизли в ужасе вскрикнула.

— Стыдно, Молли, когда же ты наконец привыкнешь… Пойми, я не обещаю, что никто не пострадает, никто никогда этого не может обещать, но мы в гораздо лучшем положении, чем в прошлый раз. Ты не понимаешь, потому что не

была тогда в Ордене. В прошлый раз на каждого из нас приходилось двадцать Пожирателей смерти, и они расправлялись с нами поодиночке.

Гарри снова пришла на ум фотография, сияющие лица родителей. Он знал, что Грюм по-прежнему наблюдает за ним.

— Насчёт Перси не беспокойся, — отрывисто сказал Сириус. — Он приползёт обратно. Это всего-навсего вопрос времени. Как только Волан-де-Морт выступит в открытую, Министерство полным составом запросит у нас прощения. И я лично не уверен, что прощу, — закончил он с горечью.

— А что касается судьбы Рона и Джинни, если вы с Артуром погибнете, — сказал Люпин, еле заметно улыбаясь, — ты что думаешь, мы дадим им умереть с голоду?

На лице миссис Уизли проступила дрожащая улыбка.

— Вот ведь какая я глупая, — повторила она, утирая глаза.

Но Гарри, закрывая минут через десять за собой дверь спальни, не мог согласиться с тем, что она глупая. Он всё ещё словно бы видел отца и мать, радостно улыбающихся ему с истрёпанной старой фотографии, не знающих, что их жизням, как

и жизням многих их товарищей, скоро придёт конец. Вдобавок перед глазами то и дело вспыхивал образ боггарта, прикидывающегося трупом каждого из членов семьи Уизли по очереди.

Внезапно шрам на лбу опять полоснуло болью, и в животе стало совсем нехорошо.

— Кончай с этим, ясно? — твёрдо сказал он, потирая шрам. Боль постепенно уходила.

— Разговоры с самим собой — первый признак сумасшествия, — ехидно подала голос со стены пустая картина.

Гарри пропустил её замечание мимо ушей. Он чувствовал себя намного старше, чем когда-либо, и ему трудно было поверить, что всего час назад его волновали магазин Фреда и Джорджа и назначение Рона старостой.

Глава 10
Полумна Лавгуд

Спал Гарри беспокойно. В сновидениях то и дело мелькали родители, не говорившие ни слова; миссис Уизли рыдала над мёртвым телом Кикимера, на неё смотрели Рон и Гермиона с коронами на головах; а потом Гарри в очередной раз очутился в коридоре, который упирался в запертую дверь. Он резко проснулся, в шраме покалывало, а Рон, уже одетый, говорил ему:

— Слушай, давай быстрей, мама уже на стенку лезет, говорит, опоздаем на поезд…

В доме всё бурлило. Одеваясь на предельной скорости, Гарри из того, что донеслось до его ушей, сделал вывод: Фред и Джордж опять набедокурили. Свои чемоданы, которые им лень было нести, они, применив колдовство, отправили вниз по воздуху. Чемоданы сбили с ног Джинни, которая шла по лестнице, и девочка проскользила на животе два марша. Теперь миссис Блэк и миссис Уизли наперебой надсаживали глотки.

— Могли нанести ей серьёзную травму, кретины!

— Грязные полукровки! Прочь из дома моих отцов!

Когда Гарри натягивал кроссовки, в комнату влетела взволнованная Гермиона. На плече у неё покачивалась Букля, в руках Гермиона держала извивающегося Живоглота.

— Букля только что вернулась от моих родителей. — Сова услужливо взмахнула крыльями и перелетела на свою клетку. — Ну что, ты готов?

— Почти. Как Джинни? — спросил Гарри, надевая очки.

— Миссис Уизли её подлатала, — сказала Гермиона. — Но теперь Грозный Глаз говорит, что мы не можем отправляться, пока нет Стерджиса Подмора, без него охрана будет недостаточная.

— Охрана? — не поверил Гарри. — Чтобы добраться до вокзала Кингс-Кросс, нам нужна охрана?

— Не *нам*, а *тебе* нужна охрана, — поправила его Гермиона.

— Зачем? — раздражённо спросил Гарри. — Как я понял, Волан-де-Морт сейчас ведёт себя тихо. Он что, может выскочить из-за мусорного бака и наброситься на меня?

— Не знаю, я просто передаю, что говорит Грозный Глаз, — рассеянно сказала Гермиона, глядя

на часы. — Так или иначе, если мы в ближайшее время не выйдем, мы точно опоздаем на поезд…

— Сию же минуту все идите вниз! — завопила миссис Уизли, и Гермиона выскочила из комнаты как ошпаренная. Гарри схватил Буклю, бесцеремонно запихнул её в клетку и, таща чемодан, двинулся вниз вслед за Гермионой.

Портрет миссис Блэк завывал от ярости, но занавесить старуху никто не считал нужным: всё равно шум в коридоре разбудил бы её опять.

— Гарри, ты пойдёшь со мной и Тонкс! — крикнула миссис Уизли поверх нескончаемого визга: «Грязнокровки! Отребье! Дрянь!» — Чемодан и сову оставь, багажом займётся Аластор… Ну как же так, Сириус, Дамблдор ведь ясно сказал: *нет!*

В этот момент Гарри, пробиравшийся к миссис Уизли среди чемоданов, которыми был заставлен весь коридор, увидел подле себя чёрного пса, похожего на медведя.

— Просто нет слов… — в отчаянии сказала миссис Уизли. — Учти, своей головой будешь отвечать!

Она рывком открыла входную дверь и вышла на слабенькое сентябрьское солнце. Гарри и пёс — за ней. Дверь за ними захлопнулась, и завывания миссис Блэк мгновенно утихли.

— А где Тонкс? — спросил Гарри, оглядываясь.

Едва они спустились с крыльца на тротуар, как дом номер двенадцать исчез.

— Вон она ждёт, — сухо ответила миссис Уизли, стараясь не смотреть на идущего рядом с Гарри чёрного пса.

На углу с ними поздоровалась старая дама. У неё были туго завитые седые букли, на которых покоилась фиолетовая шляпка с плоской тульёй и загнутыми кверху полями.

— Привет, Гарри, — подмигнула она. — Лучше бы, наверно, поторопиться, Молли, — добавила она, посмотрев на часы.

— Ещё бы, ещё бы, — простонала миссис Уизли, прибавляя шагу. — Но Грозный Глаз хотел, чтобы мы подождали Стерджиса. Если бы только Артур опять мог взять для нас машины в Министерстве… Но Фадж ему не одолжит сейчас даже пустую чернильницу… Как это маглы выдерживают путешествия без волшебства…

А громадный чёрный пёс, радостно гавкнув, принялся носиться вокруг них, гоняться за голубями и преследовать свой собственный хвост. Гарри не мог удержаться от смеха. Сириус явно засиделся взаперти. Миссис Уизли поджала губы почти как тётя Петунья.

Они дошли до вокзала Кингс-Кросс за двадцать минут. По пути не произошло ничего примечательного — разве что Сириус, к удовольствию Гарри, пугнул пару котов. Войдя внутрь вокзала, они стали вроде бы бесцельно прогуливаться у барьера, разделяющего девятую и десятую платформы. Улучив удобную минуту, каждый по очереди прислонялся к барьеру и без помех попадал на платформу номер девять и три четверти, около которой стоял, извергая чёрный дым и пыхтя паром, «Хогвартс-Экспресс». Перрон был полон школьников и провожающих. Гарри вдохнул знакомый запах и почувствовал, как расправляются крылья. Надо же — он возвращается…

— Только бы остальные не опоздали, — беспокоилась миссис Уизли, глядя назад, на железную арку, в которой они должны были появиться.

— Славная псина, Гарри! — крикнул высокий мальчик с дредами на голове.

— Спасибо, Ли, — улыбнулся Гарри. Сириус бешено завилял хвостом.

— Ну наконец-то, — с облегчением вздохнула миссис Уизли. — Вот Аластор с багажом, глядите…

В фуражке носильщика, низко нахлобученной на не подходящие друг к другу глаза, сквозь ар-

ку проковылял Грюм, толкавший тележку с их чемоданами.

— Полный порядок, — вполголоса сказал он миссис Уизли и Тонкс. — Никакой слежки…

Несколько секунд спустя на платформе появился мистер Уизли с Роном и Гермионой. Они уже почти разгрузили тележку Грюма, когда пришёл Люпин с Фредом, Джорджем и Джинни.

— Всё спокойно? — прорычал Грюм.

— Да, — ответил Люпин.

— Я всё равно буду жаловаться Дамблдору на Стерджиса, — сказал Грюм. — Уже второй раз за неделю его нет. Становится таким же ненадёжным, как Наземникус.

— Ну, друзья, не зевайте там, — сказал Люпин, пожимая всем руки. Гарри, с которым он прощался последним, Люпин хлопнул по плечу: — И ты тоже, Гарри. Будь осторожен.

— Это точно. Ушки на макушке, лишний раз не подставляться, — подхватил Грюм, тоже пожимая Гарри руку. — И помните, это ко всем относится, — поаккуратней с тем, что пишете в письмах. Сомневаетесь — вообще про это не пишите.

— Очень рада была со всеми вами познакомиться, — сказала Тонкс, обнимая Гермиону и

Джинни. — Надеюсь, скоро увидимся.

Машинист дал предупредительный свисток. Стоявшие на платформе школьники заторопились в вагоны.

— Быстрее, быстрее, — лихорадочно говорила миссис Уизли, обнимая всех без разбора. Гарри она по рассеянности схватила дважды. — Пишите… ведите себя хорошо… если что-нибудь забыли, мы пришлём… В поезд, в поезд, поторопитесь…

На мгновение громадный чёрный пёс встал на задние лапы и положил передние Гарри на плечи. Миссис Уизли, толкнув Гарри к двери вагона, прошипела:

— Ради всего святого, Сириус, веди себя как положено собаке!

— До свидания! — крикнул Гарри в открытое окно, когда поезд тронулся.

Рон, Гермиона и Джинни, стоявшие рядом с ним, махали провожающим. Фигуры Тонкс, Люпина, Грюма, мистера и миссис Уизли быстро уплыли вбок, но чёрный пёс, помахивая хвостом, вприпрыжку бежал и бежал рядом с окном. Нечётко видимые люди на платформе смеялись, глядя, как пёс гонится за поездом. Потом поезд сделал поворот, и Сириус пропал из виду.

— Он не должен был нас провожать, — обеспокоенно сказала Гермиона.

— Да ладно тебе, — возразил ей Рон. — Сколько месяцев бедняга не выходил на волю.

— Так, ребята, — сказал Фред, хлопнув в ладоши, — я не могу весь день тут стоять и лясы точить, мне надо поговорить с Ли по делу. Пока, до скорого. — И они с Джорджем быстро двинулись по коридору направо.

Поезд набрал скорость, за окном мелькали дома, и стоявшие у окна покачивались.

— Пошли, найдём купе? — предложил Гарри. Рон и Гермиона переглянулись.

— Э… — сказал Рон.

— Мы… ну… Нам с Роном надо в вагон старост, — смущённо призналась Гермиона.

Рон не смотрел на Гарри; его вдруг страшно заинтересовали ногти на его левой руке.

— А, — сказал Гарри, — понятно. Ну ладно.

— Нам не надо будет сидеть там всю дорогу, — торопливо продолжила Гермиона. — В письмах сказано, что мы должны получить инструкции от старост школы, а потом время от времени ходить по коридорам и смотреть за порядком.

— Понятно, — повторил Гарри. — Ну, что ж… Значит, увидимся позже.

— Само собой, — сказал Рон, бросив на Гарри быстрый беспокойный взгляд. — Не думай, что мне очень хочется туда идти, я предпочёл бы, конечно… но от нас требуют… Я в том смысле, что меня это не радует, я не Перси, — закончил он с вызовом.

— Ну, это-то я знаю, — улыбнулся Гарри. Но когда Гермиона и Рон потащили свои чемоданы, Живоглота и клетку с Сычиком к головному вагону, Гарри охватило непривычное чувство одиночества. Он ни разу ещё не ездил на «Хогвартс-Экспрессе» без Рона.

— Пошли, — сказала ему Джинни. — Займём им места.

— Да, — согласился Гарри и взял клетку с Буклей в одну руку, чемодан в другую. Они с трудом двинулись по коридору, заглядывая сквозь стеклянные двери в купе, которые все были уже полны. Гарри не мог не заметить, что многие смотрят на него с великим любопытством. Кое-кто даже толкал в бок соседа и показывал на него. Пройдя пять вагонов, Гарри вспомнил, что «Ежедневный пророк» всё лето втолковывал читателям, какой он врун и саморекламщик. В голове у него возник неприятный вопрос: верят ли газетчикам те, кто сейчас глазеет на него и

перешёптывается?

В последнем вагоне они увидели Невилла Долгопупса, соученика Гарри по Гриффиндору. Его круглое лицо горело от напряжения: одной рукой он тащил чемодан, другой держал Тревора, свою жабу, которая норовила вывернуться.

— Привет, Гарри, — пропыхтел он. — Привет, Джинни. Всюду забито, не могу место найти.

— Ничего не всюду, — возразила Джинни, которая уже успела протолкнуться мимо Невилла и заглянуть в ближайшее купе. — Здесь полно места, здесь только полоумная Лавгуд.

Невилл пробурчал что-то в том смысле, что не хочет никого беспокоить.

— Не будь дураком, — засмеялась Джинни. — Она ничего.

Она отодвинула дверь и впихнула в купе свой чемодан. Гарри и Невилл вошли следом.

— Привет, Полумна, — сказала Джинни. — Можно нам к тебе?

Девочка, сидевшая у окна, подняла на них глаза. Светлые волосы, довольно спутанные, доходили ей до пояса. У неё были очень бледные брови и глаза навыкате, всё время придававшие ей удивлённый вид. Гарри мгновенно понял, почему Невилл не хотел заходить в это купе. Полумна бы-

ла, похоже, слегка того. Волшебную палочку она засунула не куда-нибудь, а за левое ухо, на шее у неё висело ожерелье из пробок от сливочного пива, журнал, который она читала, был повёрнут вверх тормашками. Скользнув по Невиллу, её глаза остановились на Гарри. Она кивнула.

— Спасибо, — улыбнулась ей Джинни.

Гарри и Невилл положили три чемодана и клетку с Буклей на багажную сетку и сели. Полумна смотрела на них поверх перевёрнутого журнала, который назывался «Придира». Изредка она моргала, но гораздо реже, чем нормальные люди. Она всё таращилась и таращилась на Гарри, который сел напротив и теперь жалел об этом.

— Хорошо провела лето, Полумна? — спросила Джинни.

— Да, — потусторонним голосом ответила Полумна, не сводя глаз с Гарри. — Да, очень даже неплохо. А ты — Гарри Поттер, — добавила она.

— Я и сам об этом догадываюсь, — сказал Гарри. Невилл хихикнул. Полумна перевела на него бледные глаза.

— А кто *ты* такой, я не знаю.

— Я никто, — быстро сказал Невилл.

— Неправда, — резко вмешалась Джинни. — Невилл Долгопупс — Полумна Лавгуд. Полумна

на одном курсе со мной, но в Когтевране.

— Ума палата дороже злата, — сказала Полумна чуть нараспев.

Подняв перевёрнутый журнал так высоко, что её лица не стало видно, она замолчала. Гарри и Невилл, вскинув брови, переглянулись. Джинни подавила смешок.

Поезд, громыхая, ехал уже по открытой местности. День был странноватый, неустановившийся: то вагон был полон солнечного света, то набегали мрачные тучи.

— Угадай, что мне подарили на день рождения, — сказал Невилл.

— Ещё одну напоминалку? — спросил Гарри, вспомнив про шарик, который прислала Невиллу бабушка в надежде улучшить его никуда не годную память.

— Нет, — сказал Невилл. — Хотя она мне очень бы пригодилась, ту я давным-давно потерял… Нет, вот посмотри…

Он запустил свободную от Тревора руку в сумку и, немного пошарив, вынул маленькое растеньице в горшке, похожее на серый кактус, только не утыканное колючками, а покрытое волдырями.

— *Мимбулус мимблетония*, — гордо проговорил он.

Гарри стал разглядывать растение. Оно еле заметно пульсировало и выглядело несколько зловеще, напоминая больной внутренний орган.

— Очень-очень большая редкость, — сияя, сказал Невилл. — Не знаю даже, есть ли такое в теплицах Хогвартса. Жду не дождусь, когда можно будет показать профессору Стебль. Двоюродный дедушка Элджи раздобыл это для меня в Ассирии. Попробую вырастить новые экземпляры.

Гарри знал, что любимый предмет Невилла — травология. Что до него самого, он не представлял себе, что хорошего можно увидеть в этом чахлом уродце.

— Оно… э… что-нибудь делает? — спросил Гарри.

— Массу всего! — гордо ответил Невилл. — У него потрясающий защитный механизм. Подержи-ка Тревора.

Он положил жабу приятелю на колени и достал из сумки перо. Над верхним краем «Придиры» показались выпуклые глаза Полумны Лавгуд, которой захотелось посмотреть, что сделает Невилл. Подняв *Мимбулус мимблетония* к самым глазам и высунув от усердия кончик языка, Невилл выбрал точку и резко кольнул растение остриём пера.

Из каждого волдыря брызнула мощная струя жидкости — густой, вонючей, тёмно-зелёной. Она заляпала всё — потолок, окно, журнал Полумны Лавгуд; Джинни, вовремя успевшая закрыть лицо руками, выглядела так, словно надела шапку из ползущей тины. Что касается Гарри, чьи руки были заняты норовившим выскочить Тревором, он получил хороший заряд в лицо. Запах — тухлый, навозный.

Невилл, которому досталось больше всех, стал трясти головой, чтобы прочистить хотя бы глаза.

— И-извините, — выдохнул он. — Не пробовал раньше… Не знал, что так будет… Но не волнуйтесь, Смердящий сок не ядовит, — нервно добавил он, увидев, что Гарри выплюнул содержимое рта на пол.

В этот самый момент дверь купе отодвинулась.

— О… здравствуй, Гарри, — раздался взволнованный голос. — Я… не вовремя?

Свободной от Тревора рукой Гарри протёр очки. Всё ещё улыбаясь, в двери стояла очень хорошенькая девочка с длинными блестящими чёрными волосами. Это была Чжоу Чанг — ловец из команды Когтеврана по квиддичу.

— Э… здравствуй, — бесцветным тоном сказал Гарри.

— М-м… — выдавила из себя Чжоу. — Я просто заглянула поздороваться… Всего хорошего…

Изрядно покрасневшая, она захлопнула дверь. Гарри откинулся на спинку сиденья и издал стон. Он предпочёл бы, чтобы Чжоу увидела его в центре великолепной компании, хохочущей до упаду от шутки, которую он только что отмочил. Вместо этого она увидела его с Невиллом Долгопупсом и Полумной Лавгуд, с жабой в руках и со Смердящим соком на лице и груди.

— Ничего страшного, — подбодрила их Джинни. — Глядите, мы сейчас запросто от этого избавимся. — Она достала волшебную палочку. — *Экскуро!*

Смердящий сок исчез.

— Извините, — тихим голосом повторил Невилл. Рон и Гермиона явились только через час. К этому времени тележка с едой уже проехала. Гарри, Джинни и Невилл как раз покончили с тыквенным печеньем и обменивались карточками из шоколадных лягушек, когда дверь открылась и вошли гриффиндорские старосты: Гермиона — с Живоглотом, Рон — с громко ухающим Сычиком в клетке.

— Умираю с голоду, — заявил Рон, пристроив Сычика рядом с Буклей на багажной сетке, взяв

у Гарри шоколадную лягушку и рухнув на свободное место рядом с ним. Он сорвал обёртку, откусил лягушачью голову, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, точно у него было невесть какое изматывающее утро.

— У пятикурсников на каждом факультете по двое старост, — сообщила, садясь, Гермиона. Вид у неё был страшно недовольный. — Мальчик и девочка.

— Угадай теперь, кто староста Слизерина, — сказал Рон, не открывая глаз.

— Малфой, — мгновенно отозвался Гарри, не сомневаясь, что оправдается худшее из его опасений.

— Разумеется, — с горечью подтвердил Рон, запихивая в рот остаток лягушки и беря следующую.

— И эта жуткая корова Пэнси Паркинсон, — язвительно сказала Гермиона. — Какая из неё староста, если она толстая и медлительная, как тролль, которому дали по башке…

— А кто у Пуффендуя? — спросил Гарри.

— Эрни Макмиллан и Ханна Эббот, — хрипло ответил Рон.

— А у Когтеврана — Энтони Голдстейн и Падма Патил, — сказала Гермиона.

— Ты ходил с Падмой Патил на Святочный бал, — произнёс чей-то голос.

Все повернулись к Полумне Лавгуд, которая, не мигая, смотрела на Рона поверх своего «Придиры». Он проглотил шоколад, который был у него во рту.

— Да, я знаю, что ходил, — сказал он с лёгким удивлением.

— Ей не очень понравилось, — поведала ему Полумна. — Она говорит, ты неважно с ней обошёлся. Не стал с ней танцевать. Хотя для меня это было бы даже лучше, — добавила она глубокомысленно. — Не люблю танцы.

И она опять спряталась за журналом. Рон несколько секунд с отвисшей челюстью пялился на обложку, потом повернулся к Джинни, надеясь на какое-нибудь объяснение, но та, чтобы не расхохотаться, засунула в рот костяшки пальцев. Рон озадаченно покачал головой, потом посмотрел на часы.

— Нам надо время от времени патрулировать коридоры, — сказал он Гарри и Невиллу, — и мы можем наказывать людей за плохое поведение. Мне не терпится прищучить Крэбба и Гойла…

— Ты не должен злоупотреблять положением старосты, Рон! — резко сказала ему Гермиона.

— Малфой, конечно, ни капельки не будет им злоупотреблять, — саркастически откликнулся Рон.

— Ты что, намерен опуститься до его уровня?

— Нет, я просто намерен добраться до его дружков раньше, чем он доберётся до моих.

— Ну перестань же, Рон…

— Гойла я засажу за строчки, это его убьёт, он терпеть не может писать, — радостно сообщил Рон. Он понизил голос до хриплого хрюканья Гойла, наморщил лицо, изображая болезненную сосредоточенность, и принялся выводить в воздухе рукой: — Я… не… должен… выглядеть… как… задница… бабуина.

Все засмеялись, и громче всех — Полумна Лавгуд. Она испустила такой громкий, радостный визг, что Букля проснулась и негодующе захлопала крыльями, а Живоглот, шипя, прыгнул на багажную сетку. Полумна хохотала так, что выпустила из рук журнал, и он, скользнув по её ногам, упал на пол.

— Ой, я не могу!

Из её выпуклых глаз текли слёзы, она билась в судорогах, глядя на Рона. Придя в полное замешательство, он посмотрел на других, смеявшихся теперь из-за выражения его лица и долгого до

нелепости хохота Полумны Лавгуд, которая, схватившись за бока, раскачивалась взад и вперёд.

— Издеваешься, что ли? — нахмурясь, спросил её Рон.

— Задница… бабуина… — задыхалась она, всё ещё держась за бока.

Все смотрели на смеющуюся Полумну, но Гарри, бросив взгляд на упавший журнал, заметил нечто такое, из-за чего не поленился наклониться за ним. Когда Полумна читала его перевёрнутым, трудно было разобрать, что изображено на обложке, но теперь Гарри понял: там красовалась не слишком умело выполненная карикатура на Корнелиуса Фаджа. Его можно было узнать только по светло-зелёному котелку. Одной рукой Фадж сжимал мешок с золотом, другой душил гоблина. Подпись гласила:

> Как далеко зайдёт Фадж в стремлении присвоить банк «Гринготтс»?

Чуть ниже — краткое содержание других статей в этом номере:

> Коррупция в Лиге квиддича: какими методами «Торнадос» берёт верх?
>
> Раскрываются тайны древних рун.

— Можно взглянуть? — спросил Полумну заинтригованный Гарри.

Она кивнула, по-прежнему глядя на Рона и давясь от хохота.

Гарри открыл журнал и просмотрел перечень статей. До этой минуты он и не вспоминал про издание, которое мистер Уизли взял у Кингсли для Сириуса, но теперь он понял, что речь тогда шла именно об этом номере «Придиры».

Он нашёл нужную страницу и с волнением принялся за статью.

Она тоже была проиллюстрирована довольнотаки бездарной карикатурой. Если бы не подпись, Гарри в голову бы не пришло, что это Сириус. Его крёстный отец стоял на груде человеческих костей с волшебной палочкой в руке. Статья была озаглавлена так:

> СИРИУС БЛЭК — ЧЁРНЫЙ ПОД СТАТЬ ФАМИЛИИ? Кровожадный убийца или невинная звезда эстрады?

Лишь прочтя эти фразы несколько раз, Гарри убедился, что глаза его не обманывают. С каких это пор Сириус — звезда эстрады?

Вот уже четырнадцать лет Сириуса Блэка считают виновным в убийстве двенадцати ни в чём не повинных маглов и одного волшебника. Следствием дерзкого побега Блэка из Азкабана два года назад стал самый широкомасштабный розыск из всех, что когда-либо предпринимало Министерство магии. Все мы были на сто процентов уверены, что он заслуживает нового ареста и передачи дементорам.

НО ТАК ЛИ ЭТО?

Ошеломляющее обстоятельство, о котором мы узнали совсем недавно: Сириус Блэк, возможно, не совершал тех преступлений, за которые его отправили в Азкабан. Как утверждает Дорис Перкисс, проживающая по адресу: Литтл-Нортон, Акантовая улица, 18, Блэк в то время, когда произошло убийство, находился совсем в другом месте.

— Общественность не знает, что Сириус Блэк — вымышленное имя, — говорит миссис Перкисс. — Тот, кого считают Сириусом Блэком, — на самом деле не кто иной, как Коротышка Бордман, бывший эстрадный певец, в прошлом — солист

популярной группы «Гоп-гоблины», переставший выступать почти пятнадцать лет назад после того, как на концерте в Литтл-Нортоне репа, брошенная одним из зрителей, попала ему в ухо. Я узнала его в ту самую секунду, как увидела фотографию в газете. Коротышка никак не мог совершить эти преступления, потому что в тот день у нас с ним был романтический ужин наедине при свечах. Я уже написала министру магии и ожидаю, что со дня на день Коротышка, он же Сириус, будет полностью оправдан.

Дочитав, Гарри продолжал смотреть на страницу. Он глазам своим не верил. Может быть, это шутка, подумал он. Может быть, журнал специализируется на мистификациях. Он перевернул несколько страниц и нашёл статью о Фадже.

Корнелиус Фадж, министр магии, отвергает обвинения в том, что с момента своего избрания министром пять лет назад он вынашивал планы захвата Волшебного банка «Гринготтс». Фадж неизменно заявляет, что хочет только «мирно сотрудничать» с хранителями

нашего золота. НО ТАК ЛИ ЭТО?

Из источников, близких к министру, нам недавно стало известно, что заветное желание Фаджа — получить контроль над золотыми запасами гоблинов и что ради этого он, если понадобится, готов применить силу.

— Ему не привыкать, — утверждает сотрудник министерства. — Недаром в узком кругу Фаджа прозвали «грозой гоблинов». Послушали бы вы его, когда он уверен, что рядом исключительно свои. Он только и говорит, что о гоблинах, которых он уничтожил: одних по его приказу утопили, других выбросили из окна, третьих отравили, четвёртых запекли в пироге…

Дальше Гарри читать не стал. При всех дурных качествах Фаджа его очень трудно было вообразить отдающим распоряжение запечь гоблина в пироге. Он ещё немножко полистал журнал, останавливаясь через каждые несколько страниц. Ему попались: обвинение в адрес клуба «Татсхилл торнадос» в том, что он для победы в чемпионате по квиддичу использовал шантаж, махинации

с мётлами и пытки; интервью с волшебником, утверждавшим, что слетал на Луну на «Чистомете-6» и набрал там в доказательство мешок лунных лягушек; и, наконец, статья о древних рунах, объяснявшая, по крайней мере, почему Полумна читала «Придиру» перевёрнутым. Автор уверял, что если поставить руны с ног на голову, то получится заклинание, с помощью которого можно превратить уши недруга в лимоны. На этом фоне утверждение «Придиры», что Сириус был солистом группы «Гоп-гоблины», казалось чуть ли не правдоподобным.

— Что-нибудь интересное? — спросил Рон, когда Гарри закрыл журнал.

— Разумеется, ровно ничего, — язвительно сказала Гермиона, прежде чем Гарри успел ответить. — Всем известно, что этот журнал — макулатура.

— Прошу прощения, — вмешалась Полумна, чей голос вдруг перестал быть потусторонним. — Его редактор — мой отец.

— Я… э… — смущённо пробормотала Гермиона. — Там, конечно… есть кое-что… любопытное… в смысле…

— Можно, я его возьму? — холодно осведомилась Полумна и, наклонившись, вырвала

«Придиру» у Гарри из рук. Открыв пятьдесят седьмую страницу, она решительно перевернула журнал и снова исчезла за ним. В этот момент дверь купе открылась в третий раз.

Гарри повернул голову. Он, конечно, этого ожидал; и всё равно увидеть ухмыляющееся лицо Драко Малфоя между физиономиями его дружков Крэбба и Гойла — приятного мало.

— В чём дело? — недружелюбно спросил Гарри, не успел Малфой открыть рот.

— Повежливей, Поттер, иначе будешь наказан, — проговорил, растягивая слова, Малфой, чьи прилизанные светлые волосы и острый подбородок были точной копией отцовских. — Видишь ли, меня, в отличие от тебя, назначили старостой, и поэтому я, в отличие от тебя, имею право наказывать провинившихся.

— Может, и так, — отозвался Гарри, — но ты, в отличие от меня, гадина, поэтому вали отсюда и оставь нас в покое.

Рон, Гермиона, Джинни и Невилл засмеялись. Малфой скривил губы.

— А скажи-ка мне, Поттер, каково это — быть на втором месте после Уизли? — спросил он.

— Заткнись, Малфой! — резко сказала ему Гермиона.

— Кажется, я затронул больное место, — язвительно усмехнулся Малфой. — Ты смотри у меня, Поттер! Я как пёс, как пёс буду вынюхивать, где ты что сделаешь не так.

— Пошёл вон! — крикнула Гермиона, вскакивая.

Хихикнув, Малфой бросил напоследок на Гарри зловредный взгляд и удалился в сопровождении неуклюже топающих Крэбба и Гойла. Гермиона со стуком захлопнула за ними дверь купе и повернулась к Гарри, который мигом понял, что она, как и он, увидела в словах Малфоя скрытый смысл и очень обеспокоена.

— Кинь-ка нам ещё по лягушке, — сказал Рон. Он явно ничего не почувствовал.

При Невилле и Полумне Гарри не мог свободно говорить. Ещё раз обменявшись с Гермионой встревоженными взглядами, он стал смотреть в окно.

До этой минуты он думал, что Сириус, отправившись на вокзал его провожать, всех позабавил, и только. И вдруг вылазка крёстного отца представилась ему неосторожным, рискованным поступком… Гермиона была права… Не надо было Сириусу приходить. Что, если мистер Малфой заметил чёрного пса и сказал Драко? Что, если

он сообразил: муж и жена Уизли, Люпин, Тонкс и Грюм знают, где Сириус прячется? Или всё же то, что Малфой употребил слово «пёс», — случайное совпадение?

Погода, пока они ехали всё дальше на север, оставалась неустойчивой. То по вагонным стёклам вяло брызгал дождь, то показывалось бледное солнце, которое вскоре поглощали тучи. Когда стемнело и в вагоне зажглись лампы, Полумна скатала «Придиру» в трубку, аккуратно положила журнал в сумку и принялась разглядывать соседей по купе.

Гарри, сидевший у окна, прижал лоб к стеклу и пытался разглядеть вдалеке очертания Хогвартса, но вечер был безлунный, а стекло с дождевыми потёками — мутное от копоти.

— Пора, наверно, одеться, — сказала наконец Гермиона. Они с Роном аккуратно прикололи к груди значки старост. Гарри увидел, как Рон смотрит на своё отражение в чёрном стекле.

Поезд начал замедлять ход, и отовсюду стали долетать обычные звуки: ученики брали свои вещи и живность, готовились к выходу. Поскольку Рон с Гермионой должны были за всем этим приглядывать, они опять пошли по вагонам, оставив Живоглота и Сычика на попечение Гарри

и остальных.

— Давай я эту сову понесу, — предложила Гарри Полумна, протягивая руку за Сычиком, в то время как Невилл тщательно засовывал Тревора во внутренний карман.

— Э… хорошо, спасибо, — сказал Гарри и, дав ей клетку, поудобнее перехватил Буклю.

Мелкими шажками они вышли в коридор и, уже ощущая свежесть вечернего воздуха, медленно двинулись вместе с толпой к двери вагона. Гарри почувствовал запах сосен, росших вдоль дорожки, которая вела к озеру. Он сошёл на перрон и огляделся, ожидая услышать голос Хагрида:

«Первокурсники, сюда!.. Эй, первокурсники!..»

Но он не прозвучал. Вместо него — совсем другой голос, бодрый, женский:

— Первокурсники, прошу построиться здесь! Первокурсники, ко мне!

Качаясь, приблизился фонарь, и при его свете Гарри увидел выступающий подбородок и строгую причёску профессора Граббли-Дёрг — волшебницы, которая в прошлом году некоторое время преподавала вместо Хагрида уход за магическими существами.

— А где Хагрид? — громко спросил он.

— Не знаю, — сказала Джинни. — Давай-ка

отойдём, мы загораживаем дверь.

— Да, конечно…

Двигаясь по перрону и через здание вокзала, Гарри и Джинни разошлись. В толкучке Гарри всматривался во тьму — искал Хагрида. Он должен быть здесь, Гарри очень на это рассчитывал. Встреча с Хагридом была одной из главных радостей, которые он предвкушал. Но Хагрида не было.

«Не мог же он уйти из школы, — говорил себе Гарри, медленно протискиваясь в толпе сквозь узкую дверь и выходя к дороге. — Ну, простудился, мало ли что…»

Он огляделся в поисках Рона и Гермионы, желая спросить у них, что они думают о новом появлении профессора Граббли-Дёрг, но их рядом не было, так что он просто дал потоку вынести себя на обочину тёмной, мокрой от дождя дороги, которая шла мимо станции Хогсмид.

На ней стояло около сотни безлошадных карет, которые всегда возили в замок учеников начиная со второго курса. Гарри повернулся было, чтобы найти наконец Рона и Гермиону, но тут же вновь перевёл взгляд на кареты.

Сегодня они не были безлошадными. Между оглоблями стояли существа, которых Гарри, если

бы потребовалось подобрать для них имя, наверно, назвал бы лошадьми, хотя в них было и нечто от пресмыкающихся. Плоти — ровно никакой, только чёрная шкура, облегающая скелет, видимый до мельчайшей косточки. Головы как у драконов. Глаза белые, без зрачков, широко открытые. И вдобавок большие, растущие из холки чёрные кожистые крылья — ни дать, ни взять — крылья гигантских летучих мышей. Странно, зловеще выглядели во мраке эти существа, которые стояли совершенно неподвижно и беззвучно. Гарри не понимал, зачем вдруг понадобились эти жуткие лошади, — ведь кареты прекрасно могут двигаться сами.

— А где Сыч? — раздался у него за спиной голос Рона.

— Его эта Полумна взяла, — сказал, быстро обернувшись, Гарри, которому не терпелось поговорить с Роном насчёт Хагрида. — Слушай, где, по-твоему…

— Хагрид? — Не знаю, обеспокоенно ответил Рон. — Если с ним что случилось, это очень некстати…

Чуть поодаль Драко Малфой при поддержке Крэбба, Гойла, Пэнси Паркинсон и ещё двоих-троих расталкивал робких второкурсников, чтобы

карета целиком досталась его компании. Спустя несколько мгновений из толпы, тяжело дыша, появилась Гермиона.

— Малфой сейчас омерзительно обошёлся с одним первокурсником. Я точно буду на него жаловаться! И трёх минут ещё не носит значка, а уже обижает людей направо и налево… А где Живоглот?

— У Джинни, — ответил Гарри. — Вон она…

Джинни с извивающимся Живоглотом в руках только что возникла в поле зрения.

— Спасибо, — сказала Гермиона, забирая у Джинни кота. — Пошли найдём свободную карету, пока они ещё есть…

— Мне ещё Сыча надо взять! — возразил Рон, но Гермиона уже двинулась к ближайшему незанятому экипажу. Гарри остался с Роном.

— Что это за звери такие, как ты думаешь? — спросил он, кивком показывая на жутких лошадей, мимо которых как ни в чём не бывало потоком шли ученики.

— Какие звери?

— Ну лошади…

Появилась Полумна с Сычиком в клетке. Крохотная совушка, как обычно, взволнованно верещала.

— Вот, пожалуйста, — сказала Полумна. — Какой милый совеночек!

— Да, ничего, — угрюмо отозвался Рон. — Ну ладно, пошли сядем… Что ты говоришь, Гарри?

— Я спрашиваю, что это за чудо-лошади? — сказал Гарри, двинувшись с Роном и Полумной к экипажу, в котором уже сидели Гермиона и Джинни.

— Какие ещё лошади?

— Которые повезут кареты! — ответил Гарри с раздражением: ведь они проходили в каком-нибудь шаге от ближайшего из существ, которое разглядывало их пустыми белыми глазами. Рон, однако, был явно озадачен.

— Да о чём ты, никак не пойму?

— Вот о чём — посмотри!

Гарри схватил Рона за руку и повернул так, чтобы его лицо оказалось прямо перед мордой крылатого коня. Поглядев секунду-другую, Рон перевёл глаза на Гарри.

— На что ты предлагаешь мне смотреть?

— Да на эту, которая между оглобель! Которая в карету запряжена! Вот же она перед тобой…

Но Рон по-прежнему таращился на него с полным непониманием, и Гарри пришла в голову диковинная мысль.

— Ты… ты не можешь их видеть?

— Кого?

— Тех, которые запряжены в кареты.

Рон встревожился не на шутку.

— Да что с тобой, Гарри?

— Со мной? Ничего…

Гарри пришёл в смятение. Вот же она, перед ним, чёрная лошадь, гладкая шкура поблёскивает, отражая тусклый свет из вокзальных окон, из ноздрей в прохладном вечернем воздухе поднимается пар. И всё же, если только Рон не шутит — а шутка в этом случае была бы очень глупая, — Рон не видит её совсем.

— Ну что, может, сядем всё-таки? — неуверенно предложил Рон, глядя на Гарри с беспокойством.

— Да-да, — сказал Гарри. — Пошли…

— Не волнуйся, — произнёс вдруг призрачный голос, когда Рон исчез в тёмной карете. — Ты не сходишь с ума, ничего такого. Я тоже их вижу.

— Видишь? — в страшном волнении переспросил Гарри, поворачиваясь к Полумне. В её больших серебристых глазах он увидел отражения крылатых коней.

— Да, — сказала Полумна. — Вижу всякий раз, как сюда приезжаю. Они всегда везут эти кареты. Так что не беспокойся. Ты не больший псих,

чем я.

Она слабо улыбнулась и забралась вслед за Роном в затхлый кузов экипажа. Не успокоившись до конца, Гарри полез туда же.

Глава 11
Новая песня Распределяющей шляпы

Гарри не хотел сообщать остальным, что у него с Полумной одна и та же галлюцинация, если это действительно была галлюцинация. Поэтому, заняв своё место в карете и захлопнув за собой дверь, он уже не говорил о лошадях. Однако он невольно то и дело поглядывал в окно на тёмные лошадиные фигуры.

— Все видели эту Граббли-Дёрг? — спросила Джинни. — Что она, интересно, тут делает? Ведь не мог же Хагрид уйти из школы, правда?

— Я была бы рада, если бы он ушёл, — сказала Полумна. — По-моему, он не ахти какой учитель.

— Он отличный учитель! — хором возразили рассерженные Гарри, Рон и Джинни.

Гарри посмотрел на Гермиону. Она кашлянула и быстро сказала:

— Да… он очень хороший.

— А мы в Когтевране считаем, что на него без смеха нельзя смотреть, — не смутившись, сказала Полумна.

— Значит, у вас погано с чувством юмора! — рявкнул Рон. Карета тем временем, скрипя колёсами, поехала.

Полумну грубость Рона, казалось, не обеспокоила нисколько. Мало того — она некоторое время равнодушно смотрела на него, как смотрят не слишком интересную телепередачу.

Громыхая и покачиваясь, кареты цепочкой двигались по дороге. Когда их экипаж между двумя высокими колоннами, увенчанными фигурами крылатых вепрей, въезжал на территорию школы, Гарри прильнул к окну, надеясь увидеть огонёк в хижине Хагрида на краю Запретного леса. Но на всей территории было совершенно темно. Замок Хогвартс между тем нависал всё ближе — могучая громада башен, угольно-чёрная на фоне тёмного неба. Яркими прямоугольниками в ней там и сям светились окна.

У каменных ступеней, ведущих к дубовым входным дверям замка, кареты с лязгом остановились. Гарри вышел из экипажа первым. Он повернулся и опять стал искать глазами свет в домике на опушке леса, но там не было никаких признаков жизни. Боясь расстаться с призрачной надеждой на то, что лошади ему померещились, Гарри неохотно перевёл взгляд на кареты и,

конечно, снова увидел эти странные скелетоподобные существа. Они тихо стояли, овеваемые прохладным вечерним воздухом, и таращили пустые белые глаза.

Гарри и раньше видел однажды такое, чего Рон не видел, но то было отражение в зеркале — нечто куда менее материальное, чем сотня здоровенных тварей, достаточно сильных, чтобы везти тяжёлые кареты. Если верить Полумне, они всякий раз их везли, но были невидимы. Почему же он, Гарри, вдруг их увидел? И почему Рон — нет?

— Идёшь ты или нет? — прозвучал рядом голос Рона.

— А… да, — быстро сказал Гарри, и они влились в толпу, торопливо поднимающуюся к дверям по каменной лестнице.

Вестибюль был ярко освещён факелами, и шаги учеников по мощённому каменными плитами полу отдавались в нём эхом. Все двигались направо, к двустворчатой двери, которая вела в Большой зал. Предстоял пир по случаю начала учебного года.

В Большом зале школьники рассаживались по факультетам за четыре длинных стола. Вверху простирался беззвёздный чёрный потолок, неотличимый от неба, которое можно было видеть

сквозь высокие окна. Вдоль столов в воздухе плавали свечи, освещая серебристых призраков, во множестве сновавших по залу, и учеников, которые оживлённо переговаривались, обменивались летними новостями, выкрикивали приветствия друзьям с других факультетов, разглядывали друг у друга новые мантии и фасоны стрижки. И опять Гарри заметил, что, когда он идёт мимо, некоторые наклоняются друг к другу и перешёптываются. Он стиснул зубы и постарался вести себя так, словно ничего не замечает и ему ни до чего нет дела.

Полумна отделилась от них и отправилась за стол Когтеврана. Едва они дошли до стола Гриффиндора, как Джинни позвали друзья-четверокурсники, и она села с ними. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл нашли себе четыре места подряд у середины стола. По одну сторону от них сидел Почти Безголовый Ник, факультетский призрак Гриффиндора, по другую — Парвати Патил и Лаванда Браун, которые поздоровались с Гарри как-то нарочито беззаботно и дружелюбно, не оставив у него сомнений в том, что перестали перемывать ему косточки лишь мгновение назад. Впрочем, у него на уме были более важные вещи: через головы учеников он смотрел

на преподавательский стол, который шёл вдоль главной стены зала.

— Его тут нет.

Рон и Гермиона смотрели туда же, хотя особенно вглядываться не было нужды: рост Хагрида позволил бы сразу увидеть его в любой компании.

— Не мог же он совсем уйти из школы, — сказал Рон с лёгкой тревогой в голосе.

— Конечно не мог, — твёрдо проговорил Гарри.

— Может быть, с ним… случилось что-нибудь? — беспокойно спросила Гермиона.

— Нет, — мгновенно ответил Гарри.

— Где же он тогда?

После паузы Гарри очень тихо — так, чтобы не услышали Невилл, Парвати и Лаванда, — сказал:

— Может быть, ещё не вернулся. Ну, вы помните — после своей летней работы… После того, что он должен был сделать для Дамблдора.

— Да… да, пожалуй, — согласился Рон, вроде бы успокоившись. Но Гермиона, прикусив губу, всё оглядывала преподавательский стол, точно хотела найти там какое-то окончательное объяснение отсутствия Хагрида.

— А это кто? — резко спросила она, показывая на середину преподавательского стола.

Гарри посмотрел туда же, куда она. Первым он увидел профессора Дамблдора, сидевшего в центре длинного стола в своём золочёном кресле с высокой спинкой. На нём были тёмно-фиолетовая мантия с серебристыми звёздами и такая же шляпа. Дамблдор склонил голову к сидевшей рядом женщине, которая что-то говорила ему на ухо. Она выглядела, подумал Гарри, как чья-нибудь вечно незамужняя тётушка. Пухлая и приземистая, с короткими курчавыми мышино-каштановыми волосами, она повязала голову ужасающей ярко-розовой лентой под цвет пушистой вязаной кофточки, которую надела поверх мантии. Вот она чуть повернула голову, чтобы отпить, из кубка, и Гарри, к своему ужасу, узнал это бледное жабье лицо и выпуклые, с кожистыми мешками глаза.

— Это же Амбридж!

— Кто-кто? — спросила Гермиона.

— Она была на разбирательстве моего дела, она работает у Фаджа!

— Кофточка что надо! — ухмыльнулся Рон.

— Работает у Фаджа… — нахмурившись, повторила Гермиона. — И что, в таком случае, она делает здесь?

— Понятия не имею…

Гермиона, сощурив глаза, оглядывала преподавательский стол.

— Нет, — пробормотала она, — нет, конечно…

Гарри не понял, что она имеет в виду, но спрашивать не стал; его внимание переключилось на профессора Граббли-Дёрг, которая только что появилась позади преподавательского стола. Протиснувшись к дальнему его концу, она заняла место, где должен был сидеть Хагрид. Это значило, что первокурсники уже пересекли озеро и вошли в замок. И действительно, несколько секунд спустя дверь, которая вела в Большой зал из вестибюля, отворилась. В зал потянулась длинная вереница испуганных новичков, возглавляемая профессором МакГонагалл, которая несла табурет с древней Распределяющей шляпой, во многих местах заплатанной и заштопанной. На тулье Шляпы около сильно потрёпанных полей виднелся широкий разрез.

Разговоры в Большом зале разом умолкли. Первокурсники выстроились вдоль преподавательского стола лицом к остальным ученикам. Профессор МакГонагалл бережно поставила перед ними табурет и отступила.

Лица первокурсников, освещаемые огоньками свечей, казались очень бледными. Одного

мальчонку, стоявшего в середине шеренги, била дрожь. Гарри на миг вспомнилось, какой ужас испытывал он сам, стоя на их месте в ожидании неведомого испытания, которое должно было определить, на каком факультете он будет учиться.

Вся школа ждала, затаив дыхание. И вот разрез на тулье открылся, как рот, и Распределяющая шляпа запела:

В стародавние дни, когда я была новой,
Те, что с целью благой и прекрасной
Школы сей вчетвером заложили основы,
Жить хотели в гармонии ясной.

Мысль была у них общая — школу создать,
Да такую, какой не бывало,
Чтобы юным познанья свои передать,
Чтобы магия не иссякала.

«Вместе будем мы строить, работать, учить!» —
Так решили друзья-чародеи,
По-иному они и не думали жить,

Ссора — гибель для общей идеи.

Слизерин с Гриффиндором — вот были друзья!

Пуффендуй, Когтевран — вот подруги!

Процветала единая эта семья,

И равны были магов заслуги.

Как любовь несогласьем смениться могла?

Как содружество их захирело?

Расскажу я вам это — ведь я там была.

Вот послушайте, как было дело.

Говорит Слизерин: «Буду тех только брать,

У кого родовитые предки».

Говорит Когтевран: «Буду тех обучать,

Что умом и пытливы и метки».

Говорит Гриффиндор: «Мне нужны смельчаки,

Важно дело, а имя — лишь слово».

Говорит Пуффендуй: «Мне равно все близки,

Всех принять под крыло я готова».

Расхожденья вначале не вызвали ссор,
Потому что у каждого мага
На своём факультете был полный простор.

Гриффиндор, чей девиз был — отвага,
Принимал на учёбу одних храбрецов,
Дерзких в битве, работе и слове.
Слизерин брал таких же, как он, хитрецов,
Безупречных к тому же по крови.
Когтевран проницательность, сила ума,
Пуффендуй — это все остальные.

Мирно жили они, свои строя дома,
Точно братья и сёстры родные.
Так счастливые несколько лет протекли,
Много было успехов отрадных.

Но потом втихомолку раздоры вползли
В бреши слабостей наших досадных.

Факультеты, что мощной четвёркой опор
Школу некогда прочно держали,
Ныне, ярый затеяв о первенстве спор,
Равновесье своё расшатали.

И казалось, что Хогвартс ждёт злая судьба,
Что к былому не будет возврата.
Вот какая шла свара, какая борьба,
Вот как брат ополчился на брата.

И настало то грустное утро, когда
Слизерин отделился чванливо,
И, хотя поутихла лихая вражда,
Стало нам тяжело и тоскливо.

Было четверо — трое осталось. И нет
С той поры уже полного счастья.
Так жила наша школа потом много лет
В половинчатом, хрупком согласье.

Ныне древняя Шляпа пришла к вам опять,
Чтобы всем новичкам в этой школе

Для учёбы и жизни места указать, —
Такова моя грустная доля.

Но сегодня я вот что скажу вам, друзья,
И никто пусть меня не осудит:
Хоть должна разделить я вас, думаю я,
Что от этого пользы не будет.

Каждый год сортировка идёт, каждый год…
Угрызеньями совести мучась,
Опасаюсь, что это на нас навлечёт
Незавидную, тяжкую участь.

Подаёт нам история сумрачный знак,
Дух опасности в воздухе чую.
Школе «Хогвартс» грозит внешний бешеный враг,
Врозь не выиграть битву большую.

Чтобы выжить, сплотитесь — иначе развал,
И ничем мы спасенье не купим.
Всё сказала я вам. Кто не глух, тот внимал.

А теперь к сортировке приступим.

Шляпа умолкла и замерла. Раздались аплодисменты, но на этот раз — Гарри не помнил, чтобы такое случалось раньше, — они сопровождались тихим говором и перешептываниями. По всему Большому залу ученики обменивались репликами с соседями, и Гарри, хлопая вместе со всеми, прекрасно понимал, чем вызваны всеобщие толки.

— Разошлась она что-то в этом году, — сказал Рон, удивлённо вскинув брови.

— Не то слово, — согласился Гарри.

Обычно Распределяющая шляпа ограничивалась описанием качеств, которые требуются от новичка для зачисления на тот или иной факультет, и своей роли в решении его судьбы. Гарри не помнил, чтобы она пыталась давать Хогвартсу советы.

— Было раньше такое, чтобы она предостерегала школу? — спросила Гермиона с ноткой тревоги в голосе.

— Безусловно, было, — авторитетно ответил Почти Безголовый Ник, наклонясь к ней и пройдя при этом сквозь Невилла (Невилл вздрогнул — ощущение, прямо скажем, не из приятных). — Шляпа считает своим святым долгом выступить

с должным предостережением, когда она чувствует…

Но тут он увидел, что профессор МакГонагалл, которая должна была теперь выкликать первокурсников, смотрит на шепчущихся испепеляющим взором. Почти Безголовый Ник поднёс к губам прозрачный палец, благонравно выпрямился на стуле и замер. Шепотки разом утихли. Грозно окинув напоследок взглядом столы всех четырёх факультетов, профессор МакГонагалл опустила глаза к длинному свитку пергамента и назвала первое имя:

— Аберкромби, Юан.

Вперёд, спотыкаясь, вышел охваченный страхом мальчик, которого Гарри приметил чуть раньше. Он надел Шляпу, голова не утонула в ней целиком лишь благодаря большим оттопыренным ушам. Шляпа на мгновение задумалась, потом разрез в нижней части тульи снова зашевелился, и прозвучало:

— Гриффиндор!

Гарри, как и другие гриффиндорцы, громко зааплодировал, и Юан Аберкромби проковылял к их столу и сел; вид у него был такой, словно он мечтал провалиться сквозь пол и никогда больше не показываться никому на глаза.

Мало-помалу длинная шеренга новичков рассасывалась. В паузах между выкликанием имён и решениями Шляпы до Гарри доносилось громкое урчание в животе у Рона. Наконец Целлер Роза была зачислена в Пуффендуй, и профессор МакГонагалл, взяв табурет со Шляпой, вышла из зала. Встал директор школы профессор Дамблдор.

Какими бы горькими ни были чувства, которые Гарри в последнее время испытывал на его счёт, вид стоящего перед залом Дамблдора вселял некое успокоение. Отсутствие Хагрида и лошади-драконы стали неприятными сюрпризами, омрачившими прибытие в Хогвартс, которого он ждал с таким нетерпением. Словно фальшивые ноты в знакомой песне. Но по крайней мере в одном всё обстояло так, как и должно было: перед пиром по случаю начала учебного года директор встаёт и обращается к школе с приветственным словом.

— Нашим новичкам, — звучно заговорил Дамблдор, сияя улыбкой и широко распахнув объятия, — добро пожаловать! Нашей старой гвардии — добро пожаловать в насиженные гнёзда! Придёт ещё время для речей, но сейчас время для другого. Уплетайте за обе щёки!

Под общий смех и одобрительные аплодис-

менты Дамблдор аккуратно сел и перекинул длинную бороду через плечо, чтобы не лезла в тарелку. А тем временем в зале, откуда ни возьмись, появилась еда, и в таком количестве, что все пять длинных столов ломились от мяса, пирогов, овощных блюд, хлеба, соусов и кувшинов с тыквенным соком.

— Кла-асс, — простонал изголодавшийся Рон и, потянувшись к ближайшему блюду с отбивными котлетами, стал наваливать их себе на тарелку под тоскливым взором Почти Безголового Ника.

— Ты что-то начал говорить перед распределением, — напомнила призраку Гермиона. — Насчёт предостережений, которые высказывала Шляпа.

— Да-да, — сказал Ник, который был рад поводу отвернуться от Рона, уплетавшего жареную картошку с почти неприличным аппетитом. — Я несколько раз слышал её предостережения во времена, когда школе грозили большие беды. И всегда, конечно, она говорила одно и то же: сплотитесь, обретите силу изнутри.

— Окуа ляа моё на, шошое ози еда? — спросил Рон.

С таким набитым ртом, подумал Гарри, хоть что-то выговорить — уже достижение.

— Прошу прощения? — учтиво переспросил Почти Безголовый Ник.

Гермиона метнула в Рона негодующий взгляд; он сделал громадный глоток и сказал:

— Откуда Шляпа может знать, что школе грозит беда?

— Не имею понятия, — ответил Почти Безголовый Ник — Впрочем, разумеется, она живёт в кабинете Дамблдора, и могу предположить, что она улавливает там некие веяния.

— И она хочет, чтобы все факультеты жили в дружбе? — спросил Гарри, глядя на стол Слизерина, где властвовал Драко Малфой. — Держи карман шире.

— Ты не должен так думать, — упрекнул его Ник. — Мирное сотрудничество — это ключ ко всему. Хотя мы, привидения, тоже разделены на факультеты, мы поддерживаем между собой дружеские связи. Несмотря на борьбу за первенство между Гриффиндором и Слизерином, я ни за что не стал бы искать ссоры с Кровавым Бароном.

— Только потому, что ты жутко его боишься, — сказал Рон.

Почти Безголовый Ник был глубоко оскорблён.

— Я — боюсь? Смею утверждать, что сэр Николас де Мимси-Дельфингтон ни разу в жизни не

возбудил подозрения в трусости! Благородная кровь, текущая в моих жилах…

— Кровь? — переспросил Рон. — Разве у тебя есть…

— Фигура речи! — перебил его Почти Безголовый Ник, уязвлённый теперь настолько, что голова на почти разрубленной шее опасно задрожала. — Надеюсь, мне, которому недоступны радости еды и питья, всё же позволено употреблять те слова, какие я считаю нужным? Впрочем, заверяю вас: я давно уже привык к шуточкам учеников по поводу моей смерти!

— Ник, он же не смеялся над тобой! — воскликнула Гермиона, бросив на Рона уничтожающий взгляд.

К несчастью, рот Рона был опять набит так, что, казалось, вот-вот будет взрыв, и он смог произнести только: «Яэ хоэ иа оиеть», что Ник, судя по всему, не расценил как достаточное извинение. Взмыв в воздух, он поправил шляпу с пером и полетел от них к другому концу стола, где нашёл себе место между братьями Криви — Колином и Деннисом.

— Ну, Рон, ты даёшь! — гневно прошипела Гермиона.

— В чём дело? — возмутился Рон, проглотив на-

конец то, что у него было во рту. — Мне простой вопрос нельзя задать?

— Ладно, проехали, — раздражённо сказала Гермиона, и оба всю оставшуюся трапезу обиженно промолчали.

Гарри слишком привычны были перепалки Рона и Гермионы, чтобы пытаться их примирить. Куда разумнее было потратить время на бифштекс, запеканку с почками и большой кусок любимого пирога с патокой.

Когда ученики покончили с едой и гомон в зале опять сделался громче, Дамблдор вновь поднялся на ноги. Разговоры мгновенно умолкли. Все повернулись к директору. Гарри между тем ощущал приятную сонливость. Где-то наверху его ждала кровать с четырьмя столбиками, чудесно мягкая, тёплая…

— Теперь, когда мы начали переваривать этот великолепный ужин, я, как обычно в начале учебного года, прошу вашего внимания к нескольким кратким сообщениям, — сказал Дамблдор. — Первокурсники должны запомнить, что лес на территории школы — запретная зона для учеников. Некоторые из наших старших школьников, надеюсь, теперь уже это запомнили. (Гарри, Рон и Гермиона обменялись ухмылками.) Мистер

Филч, наш школьный смотритель, попросил меня — как он утверждает, в четыреста шестьдесят второй раз — напомнить вам, что в коридорах Хогвартса не разрешается применять волшебство. Действует и ряд других запретов, подробный перечень которых вывешен на двери кабинета мистера Филча.

У нас два изменения в преподавательском составе. Мы рады вновь приветствовать здесь профессора Граббли-Дёрг, которая будет вести занятия по уходу за магическими существами. Я также с удовольствием представляю вам профессора Амбридж, нашего нового преподавателя защиты от Тёмных искусств.

Прозвучали вежливые, но довольно вялые аплодисменты, во время которых Гарри, Рон и Гермиона обменялись взглядами, выражавшими лёгкую панику: Дамблдор не сказал, как долго Граббли-Дёрг будет преподавать. Дамблдор продолжал:

— Отбор в команды факультетов по квиддичу будет происходить…

Он умолк и с недоумением посмотрел на профессора Амбридж. Поскольку стоя она была лишь ненамного выше, чем сидя, все не сразу поняли, почему Дамблдор перестал говорить. Но тут по-

слышалось её негромкое «кхе, кхе» и стало ясно, что она поднялась на ноги и намерена держать речь.

Замешательство Дамблдора продлилось всего какую-нибудь секунду. Затем он проворно сел и уставил на профессора Амбридж пытливый взгляд, точно ничего на свете не желал сильнее, чем услышать её выступление. Но другие преподаватели не сумели так искусно скрыть своё изумление. Брови профессора Стебль исчезли под растрёпанными волосами, губы профессора МакГонагалл стали тоньше, чем Гарри когда-либо у неё видел. Ни разу ещё новый учитель не осмелился перебить Дамблдора. Многие школьники ухмыльнулись: эта особа явно не знала, как принято вести себя в Хогвартсе.

— Благодарю вас, директор, — жеманно улыбаясь, начала Амбридж, — за добрые слова приветствия.

Голосок у неё был высокий, девчоночий, с придыханием, и Гарри опять почувствовал сильнейший прилив необъяснимой неприязни. Он знал одно: что всё в ней, от глупого голоска до пушистой розовой кофточки, вызывает у него отвращение. Она ещё раз мелко откашлялась — «кхе, кхе» — и продолжала:

— Как приятно, доложу я вам, снова оказаться в Хогвартсе! — Она опять улыбнулась, обнажив очень острые зубы. — И увидеть столько обращённых ко мне счастливых маленьких лиц!

Гарри оглядел зал, но счастливых лиц что-то не приметил. Наоборот, все были неприятно удивлены тем, что к ним обращаются как к пятилетним.

— Я с нетерпением жду знакомства с каждым из вас и убеждена, что мы станем очень хорошими друзьями!

Школьники начали переглядываться, некоторые с трудом подавляли смех.

— Я согласна с ней дружить только до тех пор, пока мне не придётся позаимствовать у неё кофточку, — шепнула Парвати Лаванде, и обе они беззвучно захихикали.

Профессор Амбридж снова издала своё «кхе, кхе», но когда она опять заговорила, восторженного придыхания в голосе уже почти не слышалось. Он звучал куда более деловито. Слова были скучными и как будто вызубренными.

— Министерство магии неизменно считало обучение юных волшебников и волшебниц делом чрезвычайной важности. Редкостные дарования, с которыми вы родились, могут быть растрачены

впустую, если их не развивать и не оттачивать бережными наставлениями. Древние навыки, которые выделяют волшебное сообщество из всех прочих, должны передаваться из поколения в поколение — иначе мы потеряем их навсегда. Беречь, приумножать и шлифовать сокровища магических познаний, накопленные нашими предками, — первейшая обязанность тех, кто посвятил себя благородному делу преподавания.

Тут профессор Амбридж сделала паузу и легонько кивнула коллегам, ни один из которых на этот знак внимания не ответил. Профессор МакГонагалл так сурово нахмурила тёмные брови, что стала очень похожа на хищную птицу. Гарри явственно увидел, как она обменялась многозначительным взглядом с профессором Стебль. Амбридж между тем в очередной раз кхекхекнула и заговорила дальше:

— Каждый новый директор Хогвартса привносил в трудное дело руководства этой древней школой нечто новое, и так оно и должно быть, ибо без прогресса нашим уделом стали бы застой и гниение. Однако прогресс ради прогресса поощрять не следует, ибо большая часть наших проверенных временем традиций в пересмотре не нуждается. Итак, необходимо равновесие

между старым и новым, между постоянством и переменами, между традицией и новаторством…

Гарри почувствовал, что его внимание ослабевает: мозг то включался, то выключался. Тишины, которая всегда наполняла зал, когда слово брал Дамблдор, не было и в помине: школьники наклонялись друг к другу, шептались, хихикали. За столом Когтеврана Чжоу Чанг оживлённо болтала с подружками. Полумна Лавгуд, сидевшая недалеко от Чжоу, снова вынула своего «Придиру». За столом Пуффендуя Эрни Макмиллан был одним из немногих, кто по-прежнему смотрел на профессора Амбридж, но взгляд у него был остекленевший, и Гарри не сомневался, что он только притворяется, будто слушает: на груди у него блестел новенький значок старосты, и надо было вести себя соответственно.

Профессор Амбридж вольного поведения учеников как будто не замечала. Казалось, начнись под самым носом у неё буйный мятеж — она всё равно договорила бы до конца. Преподаватели, однако, по-прежнему слушали её очень внимательно. Гермиона, судя по всему, не упускала ни единого слова Амбридж, но по ней было видно, что слова эти ей совсем не по нутру.

— …потому что иные из перемен приносят

подлинное улучшение, в то время как другие с течением лет выявляют свою ненужность. Точно так же некоторые из старых обычаев подлежат сохранению, тогда как от тех из них, что обветшали и изжили себя, следует отказаться. Сделаем же шаг в новую эру — в эру открытости, эффективности и ответственности, сохраняя то, что заслуживает сохранения, совершенствуя то, что должно быть усовершенствовано, искореняя то, чему нет места в нашей жизни.

Она села. Дамблдор похлопал. Педагоги последовали его примеру, но Гарри заметил, что некоторые сомкнули ладони всего раз или два. Присоединился и кое-кто из учеников, но большей частью они просто прозевали конец речи, которой не слушали, и, прежде чем они могли зааплодировать по-настоящему, Дамблдор снова встал.

— Благодарю вас, профессор Амбридж, за чрезвычайно содержательное выступление, — сказал он с лёгким поклоном. — Итак, я продолжу. Отбор в команды по квиддичу будет происходить…

— Это точно, что содержательное, — вполголоса заметила Гермиона.

— Только не говори, что тебе понравилось, — тихо сказал Рон, повернув к Гермионе лоснящееся

от сытости лицо. — Одна из самых занудных речей, какие я слышал. А ведь я рос с Перси.

— «Содержательное» и «понравилось» — разные вещи, — сказала Гермиона. — Эта речь очень многое объясняет.

— Правда? — удивился Гарри. — А по мне, так вода водой.

— В этой воде растворено кое-что важное, — сумрачно проговорила Гермиона.

— Да что ты, — с недоумением сказал Рон.

— Как вам вот это: «Прогресс ради прогресса поощрять не следует»? Или ещё: «Искореняя то, чему нет места в нашей жизни»?

— Ну, и что это означает? — нетерпеливо спросил Рон.

— А я тебе скажу, что означает, — сказала Гермиона зловеще. — Означает то, что Министерство вмешивается в дела Хогвартса.

Тем временем все вокруг зашумели и засуетились. Дамблдор, пока они разговаривали, объявил торжество оконченным. Ученики начали вставать и двигаться к выходу. Гермиона взволнованно вскочила на ноги.

— Рон, мы же должны показать первокурсникам дорогу!

— Ах, да, — сказал Рон, который явно про это

забыл. — Эй! Эй, вы! Мелкота!

— Рон!

— А кто они, по-твоему? Великаны, что ли?

— Может, они и маленькие, но не смей называть их мелкотой! Первокурсники! — властно крикнула Гермиона через стол. — Сюда, пожалуйста!

Кучка новичков робко двинулась по проходу между столами Гриффиндора и Пуффендуя. Каждый мешкал как только мог, чтобы не идти первым. Все они действительно казались очень маленькими; Гарри был уверен, что он, когда приехал сюда в первый раз, выглядел всё же постарше. Он улыбнулся им. Светловолосый мальчик рядом с Юаном Аберкромби остановился как вкопанный, он толкнул Юана локтем и шепнул ему что-то на ухо. Юан Аберкромби сделался таким же испуганным и украдкой бросил на Гарри взгляд, полный ужаса. Гарри почувствовал, что улыбка сползает с лица, как Смердящий сок.

— Ну ладно, пока, — сказал он Рону и Гермионе и один двинулся к выходу из Большого зала, изо всех сил стараясь не замечать новых перешептываний, взглядов и кивков в его сторону. В вестибюле, пробираясь сквозь толпу, он не смотрел ни направо, ни налево; потом бегом по

мраморной лестнице, пара потайных проходов — и он оставил большую часть учеников позади.

Надо быть круглым идиотом, чтобы этого не ожидать, злился он на самого себя, идя гораздо менее людными верхними коридорами. Ещё бы все на него не уставились — ведь два месяца назад он вернулся из лабиринта Турнира Трёх Волшебников с трупом товарища и заявил, что видел возродившегося лорда Волан-де-Морта. До летних каникул тогда оставалось всего ничего, у него попросту не было времени дать людям объяснения, пусть даже он был бы тогда в силах подробно рассказать об ужасных событиях на кладбище.

Дойдя до конца коридора, который вёл к общей гостиной Гриффиндора, Гарри упёрся в портрет Полной Дамы и только тут сообразил, что не знает нового пароля.

— Э… — с тоской выдавил он из себя, глядя на Полную Даму, которая сурово смотрела на него, разглаживая складки на розовом атласном платье.

— Без пароля хода нет, — заявила она надменно.

— Гарри, я его знаю!

Сзади послышалось чьё-то пыхтение, и, обер-

нувшись, Гарри увидел бегущего к нему Невилла.

— Ни за что не угадаешь! А мне ничего не стоило запомнить. — Он помахал чахлым кактусом, который показывал в поезде. — *Мимбулус мимблетония!*

— Верно, — сказала Полная Дама, и её портрет повернулся в их сторону, как створка двери. За ним в стене открылся круглый проём, куда Гарри с Невиллом тут же влезли.

Общая гостиная Гриффиндора была всё такой же приветливой — уютная круглая комната в башне с мягкими вытертыми креслами и шаткими старинными столами. У камина, где весело потрескивал огонь, несколько человек грели руки, прежде чем идти в спальню. На противоположной стороне комнаты Фред и Джордж Уизли прикалывали что-то к доске объявлений. Гарри помахал всем и направился прямиком к двери, которая вела к спальням мальчиков. Заводить разговор у него настроения не было. Невилл последовал за ним.

Дин Томас и Симус Финниган, пришедшие в спальню первыми, были заняты оклеиванием стен подле своих кроватей плакатами и фотографиями. Перед тем как Гарри вошёл, они

разговаривали, но едва увидели его — тут же умолкли. Гарри вначале задался вопросом, не о нём ли они говорили, затем — не стал ли он законченным параноиком.

— Привет, — бросил он и, подойдя к своему чемодану, открыл его.

— Здорово, Гарри, — сказал Дин, надевая пижаму цветов футбольного клуба «Вест Хэм». — Как каникулы, ничего?

— Нормально, — ответил Гарри. Рассказывать о каникулах как следует значило бы потратить большую часть ночи, а сил на это у него не было. — А у вас?

— У меня более-менее, — ухмыльнулся Дин. — Уж точно лучше, чем у Симуса. Он сейчас как раз мне рассказывал.

— А что случилось, Симус? — спросил Невилл, заботливо ставя свой *Мимбулус мимблетония* на прикроватную тумбочку.

Симус ответил не сразу. Он что-то замешкался, проверяя, ровно ли приклеен плакат с изображением команды по квиддичу «Кенмарские коршуны». Потом, не поворачиваясь лицом к Гарри, сказал:

— Мать не хотела меня пускать.

— Что? — Гарри, снимавший мантию, замер.

— Мать не хотела меня пускать в Хогвартс.

Симус отвернулся наконец от плаката и стал вынимать из чемодана пижаму, по-прежнему не глядя на Гарри.

— Но почему? — изумлённо спросил Гарри. Он знал, что мать Симуса волшебница, и не мог взять в толк, что вдруг сделало её похожей на Дурслей.

Симус не отвечал, пока не кончил застёгивать пижаму.

— Ну, — сказал он с некой взвешенностью в голосе, — похоже, что… из-за тебя.

— Как так? — быстро спросил Гарри.

Сердце у него забилось. Ощущение — будто что-то на тебя надвигается.

— Ну, — опять произнёс Симус, всё ещё избегая взгляда Гарри, — она… э… нет, дело не только в тебе, ещё и в Дамблдоре…

— Она что, верит россказням «Ежедневного пророка»? — спросил Гарри. — Думает, что я лжец, а Дамблдор старый дурак?

Симус поднял на него взгляд.

— Да, что-то в этом роде.

Гарри ничего не сказал. Он бросил на тумбочку волшебную палочку, стянул мантию, рассерженно засунул её в чемодан и надел пижаму. Ему уже до смерти надоело быть тем, на кого всё время

таращатся, о ком всё время чешут языками. «И хоть бы один знал, хоть бы один имел малейшее представление, каково это — быть тем, с кем происходят такие вещи… Миссис Финниган, дура набитая, явно не имеет об этом понятия», — свирепо думал Гарри.

Он забрался в кровать и хотел уже задёрнуть полог, как вдруг Симус спросил:

— Слушай-ка… А что, собственно, случилось в тот вечер, когда… Ну, ты понимаешь… Когда погиб Седрик Диггори, и всё такое?

Голос у Симуса был и нервный, и любопытный. Дин, который до этого рылся в чемодане в поисках шлёпанца, вдруг странно замер — навострил уши, ясное дело.

— Меня-то зачем об этом спрашивать? — резко ответил Гарри. — Читай себе «Ежедневный пророк», как твоя мать, что тебе мешает? Там найдёшь всё, что тебе следует знать.

— Не смей так про мою мать! — рассердился Симус.

— Я буду так про всякого, кто называет меня лжецом, — сказал Гарри.

— Повежливей со мной, понял?

— Как хочу, так и буду с тобой говорить, — сказал Гарри. Злоба поднималась в нём очень

быстро, и он схватил с тумбочки волшебную палочку. — Не нравится ночевать со мной в одной комнате — поди попроси МакГонагалл тебя перевести. И мамаша меньше будет беспокоиться…

— Оставь мою мать в покое, Поттер!

— Что тут у вас случилось?

В двери показался Рон. Широко раскрытыми глазами он смотрел то на сжавшего кулаки Симуса, то на Гарри, который стоял на кровати на коленях, направив на Симуса волшебную палочку.

— Он про мою мать высказывается! — завопил Симус.

— Что? — не поверил Рон. — Да брось ты, не мог этого Гарри — мы же видели твою мать, она нам понравилась…

— Нравилась, пока не начала верить каждому слову, какое пишет про меня вонючий «Ежедневный пророк»! — крикнул Гарри срывающимся голосом.

— Вот оно что, — проговорил Рон, и на его веснушчатом лице проступило понимание. — А… ну ясно.

— Знаешь что? — разгоряченно сказал ему Симус, зло покосившись на Гарри. — Он прав, я не хочу больше с ним жить в одной комнате, он

сумасшедший!

— Так нельзя, Симус, — сказал Рон. У него уже начали пылать уши — недобрый знак.

— Нельзя? — заорал Симус, который, в противоположность Рону, стал весь бледный. — Значит, ты веришь всему этому бреду, который он несёт про Сам-Знаешь-Кого? Значит, по-твоему, он правду говорит?

— Да, правду! — сердито воскликнул Рон.

— Ну, тогда ты тоже сумасшедший, — с раздражением бросил Симус.

— Да? Но, к несчастью для тебя, дружок, я ещё и староста! — сказал Рон, ткнув пальцем в свой значок. — Так что если не хочешь в наказание сидеть после уроков, думай, что говоришь!

Несколько секунд Симус выглядел так, словно готов был даже ценой наказания произнести то, что вертелось на языке, но потом, презрительно хмыкнув, резко повернулся, кинулся на кровать и дёрнул полог с такой силой, что сорвал его, и ткань пыльным комком свалилась на пол. Рон метнув напоследок на Симуса негодующий взгляд, посмотрел на Дина и Невилла.

— У кого ещё родители имеют что-нибудь против Гарри? — угрожающе спросил он.

— Мои родители маглы, — пожал плечами

Дин. — Они про смерти в Хогвартсе и знать ничего не знают. Я не такой дурак, чтобы им рассказывать.

— Ты не знаешь мою мать, она у кого угодно что хочешь выведает! — резко сказал ему Симус. — И твои ведь не получают «Ежедневный пророк». Им невдомёк, что нашего директора выперли из Визенгамота и из Международной конфедерации магов, потому что у него уже не все дома…

— Моя бабушка говорит, что это всё чушь! — крикнул Невилл фальцетом. — Она говорит, это с «Пророком» неладно, а не с Дамблдором. Она даже подписку аннулировала. Мы верим Гарри, — бесхитростно сказал Невилл. Он забрался в кровать и натянул одеяло до подбородка, по-сонному глядя на Симуса. — Бабушка всегда говорила, что Сами-Знаете-Кто когда-нибудь вернётся. Она сказала: если Дамблдор говорит, что он здесь, значит, он здесь.

Гарри, слушая Невилла, почувствовал прилив благодарности. Больше никто ничего не сказал. Симус вынул волшебную палочку, поправил с её помощью полог и скрылся за ним. Дин лёг в кровать, повернулся и затих. Невилл, сказавший всё, что мог, влюблённо смотрел на свой кактус, освещённый луной.

Рон, готовясь ко сну, принялся складывать одежду. Гарри, чья кровать была соседняя, снова положил голову на подушку. Ссора с Симусом, который всегда ему нравился, очень сильно на него подействовала. От скольких ещё ему придётся услышать, что он врун или псих?

А Дамблдор? Испытывал ли он летом такие же страдания, когда сначала Визенгамот, а потом и Международная конфедерация магов изгнали его из своих рядов? Может быть, он потому избегал в эти месяцы встреч с Гарри, что сердит на него? То, что произошло, в какой-то мере объединило их: Дамблдор поверил Гарри и огласил его версию случившегося сначала перед всей школой, а потом и перед широкими кругами волшебников. Всякий, кто считает Гарри лжецом, должен считать, что и Дамблдор говорит неправду или что у него едет крыша…

Рон лёг в кровать и потушил последнюю свечу, а Гарри тем временем, чувствуя себя очень несчастным, думал: рано или поздно они всё равно увидят, что мы правы. Но сколько до той поры придётся вытерпеть атак, подобных сегодняшней?

Глава 12
Профессор Амбридж

Утром Симус стремительно оделся и пулей вылетел из спальни — Гарри даже носки не успел натянуть.

— Думает, что сам тронется умом, если слишком долго пробудет со мной в одной комнате? — громко спросил Гарри, едва край мантии Симуса скрылся из глаз.

— Да не бери ты в голову, Гарри, — пробормотал Дин, перекидывая сумку через плечо. — Он просто…

Но он явно не в состоянии был сказать, что именно Симус «просто», и после неловкой паузы вышел из комнаты следом за ним.

Невилл и Рон бросили на Гарри одинаковые взгляды, означавшие: «Это его проблемы, а не твои». Но Гарри не так-то легко было утешить. Сколько ещё такого придётся вынести?

— Что случилось, Гарри? — спросила через пять минут Гермиона, нагнав в гостиной Гарри и Рона, которые шли завтракать. — У тебя такой вид… А это ещё что такое?

Она уставилась на доску объявлений, где красовался большой новый Лист:

ГРЕБИ ГАЛЕОНЫ ГРАБЛЯМИ!

Приток карманных денег отстаёт от твоих расходов?

Хочешь маленько разжиться золотишком?

Свяжись через общую гостиную Гриффиндора с Фредом и Джорджем Уизли, готовыми предложить нетрудную и почти безболезненную работу с неполным рабочим днём (всю ответственность, однако, несёт нанимающийся).

— Нет, это уже ни в какие ворота! — грозно заявила Гермиона, снимая лист, приколотый Фредом и Джорджем поверх объявления о дате первой вылазки в Хогсмид, которая должна была состояться в октябре. — Надо будет поговорить с ними, Рон.

Рон всполошился.

— Почему?

— Потому что мы старосты! — сказала Гермиона, вылезая через портретный проём. — Кому, как не нам, останавливать это безобразие?

Рон ничего не ответил, но по его мрачному

виду Гарри понял: перспектива останавливать Фреда и Джорджа, когда они чем-то загорелись, совершенно его не радует.

— И всё-таки что с тобой, Гарри? — повторила вопрос Гермиона. — Ты страшно зол на кого-то.

Они начали спускаться по лестнице. Старые волшебники и волшебницы на висевших вдоль неё портретах были поглощены разговорами между собой и не обращали на школьников внимания.

— Симус считает, что Гарри врёт про Сама-Знаешь-Кого, — коротко объяснил Рон, когда стало ясно, что Гарри отвечать не желает.

Гарри надеялся, что Гермиона вспыхнет, возмутится, но она всего лишь вздохнула.

— Лаванда тоже так думает, — мрачно сказала она.

— Мило поболтали с ней о том, какой я гнусный врунишка и охотник до дешёвой славы? — громко спросил Гарри.

— Нет, — спокойно ответила Гермиона. — Я посоветовала ей не разевать по твоему поводу свой большой трепливый рот. И было бы очень мило, если бы ты перестал кидаться на нас с Роном. Не знаю, заметил ты или нет, но мы на твоей стороне.

— Извини, — тихо сказал Гарри после небольшой паузы.

— Всё в порядке, — отозвалась Гермиона с достоинством. Потом покачала головой. — Помните, что сказал Дамблдор на пиру перед летними каникулами?

Гарри и Рон озадаченно на неё посмотрели. Гермиона вздохнула ещё раз.

— Про Сами-Знаете-Кого. Дамблдор сказал, что он «славится способностью сеять раздор и вражду. Мы можем бороться с этим, создавая прочные связи, основанные на дружбе и доверии…»

— Как ты ухитряешься запоминать? — спросил Рон, глядя на неё с восхищением.

— Слушаю, Рон, только и всего, — холодновато ответила Гермиона.

— Я тоже, но я бы не мог слово в слово…

— А суть в том, — громко, с нажимом продолжала Гермиона, — что Дамблдор говорил как раз о таких вещах. Вы-Знаете-Кто возродился всего два месяца назад, а мы уже начали враждовать между собой. И Распределяющая шляпа — помните? — предостерегает: держитесь вместе, будьте едины…

— Но и Гарри вчера вечером в точку попал, — заметил Рон. — Если это означает, что нам надо

побрататься со Слизерином, — держи карман шире.

— А по-моему, очень жаль, что мы не пытаемся создавать связи между факультетами, — сердито возразила Гермиона.

Тем временем они добрались до подножия мраморной лестницы. Через вестибюль шло несколько четверокурсников из Когтеврана; увидев Гарри, они поспешно образовали плотную группу, как будто боялись, что на одиночку он может напасть.

— Ну-ну, давай, создавай вот с такими связи, — саркастически сказал Гарри.

Войдя вслед за когтевранцами в Большой зал, они инстинктивно посмотрели на преподавательский стол. Профессор Граббли-Дёрг была тут как тут, беседовала о чём-то с профессором Синистрой, учительницей астрономии. Хагрид, как и вчера, выделялся только своим отсутствием. Волшебный потолок в точности отражал настроение Гарри: унылая дождевая серость.

— Дамблдор не сказал даже, на сколько времени к нам пожаловала эта Граббли-Дёрг, — заметил он по пути к столу Гриффиндора.

— Может быть… — задумчиво проговорила Гермиона.

— Что? — одновременно спросили Гарри и Рон.

— Может быть… ну… он не хотел привлекать внимания к тому, что нет Хагрида.

— Как это — не привлекать внимания? — засмеялся Рон. — Разве мы могли не заметить?

Прежде чем Гермиона могла ответить, к Гарри подошла высокая чернокожая девушка с длинными косичками.

— Привет, Анджелина.

— Привет, — бодро бросила она. — Как лето? — И, не дожидаясь ответа: — Слушай, я теперь капитан команды Гриффиндора по квиддичу.

— Отличная новость, — улыбнулся ей Гарри. Можно было надеяться, что отныне не придётся выслушивать длинных наставлений, какими мучил игроков Оливер Вуд.

— Нам нужен другой вратарь вместо Оливера. Отборочные испытания в пятницу в пять часов, и я хочу, чтобы собралась вся команда, — надо посмотреть, как впишется новичок.

— Хорошо, — сказал Гарри. Анджелина улыбнулась ему и отошла.

— Я и забыла, что Вуд уже окончил школу, — рассеянно проговорила Гермиона, сев за стол рядом с Роном и потянув к себе тарелку с тостами. — Для команды, наверно, большая потеря.

— Это точно, — сказал Гарри, садясь напротив. — Он был хорошим вратарём…

— И тем не менее свежая кровь не помешает. Как по-вашему? — заметил Рон.

В верхние окна со свистом и стуком сотнями влетели совы с письмами и посылками. Каждая опустилась к своему владельцу, по пути окропив завтракающих дождевыми каплями, — снаружи явно лило вовсю. Букли не было, чему Гарри совершенно не удивился. Единственным, кто мог бы ему написать, был Сириус, но у того вряд ли за сутки появились какие-либо новости. Гермионе, однако, пришлось быстро отодвинуть стакан с апельсиновым соком, чтобы дать на столе место большой мокрой сове-сипухе с отсыревшим «Ежедневным пророком» в клюве.

— Зачем тебе это, скажи на милость? — раздражённо спросил Гарри, думая о Симусе и глядя, как Гермиона кладёт медный кнат в кожаный мешочек на ноге у совы и та улетает восвояси. — Мне такая макулатура даром не нужна.

— Надо знать, что пишет противник, — сумрачно сказала Гермиона и, развернув газету, исчезла за ней. Появилась она, лишь когда Гарри и Рон покончили с едой.

— Ничего нет, — сообщила она и, скатав газету

в трубочку, положила около своей тарелки. — Ни про тебя, ни про Дамблдора, ни про что.

Профессор МакГонагалл, идя вдоль стола, раздавала расписания.

— Ну и денёк сегодня! — простонал Рон. — История магии, сдвоенное зельеварение, прорицания и сдвоенная защита от Тёмных искусств… Бинс, Снегг, Трелони и эта Амбридж — всё в один день! Хорошо бы Фред и Джордж поторопились со своими Забастовочными завтраками…

— Что я слышу? Не обманывают ли меня уши? — спросил Фред, который как раз появился вместе с Джорджем. — Староста Хогвартса хочет прогуливать уроки?

Он втиснулся на скамейку рядом с Гарри.

— Вот, полюбуйся, что у нас сегодня, — хмуро сказал ему Рон, подвигая к Фреду своё расписание. — Худший понедельник в моей жизни.

— Я тебя понимаю, братишка, — кивнул Фред, просмотрев листок. — Ну что ж, могу по дешёвке уступить тебе Кровопролитную конфету.

— С какой стати вдруг по дешёвке? — с подозрением спросил Рон.

— С такой, что у тебя от неё как пойдёт носом кровь, так и не остановится. Противоядия у нас ещё нет, — объяснил Джордж, беря себе копчё-

ной рыбы.

— С чем вас и поздравляю, — угрюмо сказал Рон, засовывая расписание в карман. — Нет уж, лучше на уроках посижу.

— Кстати, о ваших Забастовочных завтраках, — сказала Гермиона, поочерёдно сверля глазами Фреда и Джорджа. — Вы не должны были помещать на доске Гриффиндора объявление о наборе испытуемых.

— Кто это берётся нам указывать? — с изумлением спросил Джордж.

— Я, — ответила Гермиона. — И Рон.

— Меня, пожалуйста, не припутывай, — поспешно сказал Рон.

Гермиона сверкнула на него глазами. Фред и Джордж хихикнули.

— Скоро ты, Гермиона, другие песни запоёшь, — проговорил Фред, густо намазывая маслом сдобную лепёшку. — У тебя пятый курс пошёл, скоро сама будешь выпрашивать у нас Забастовочные завтраки.

— Почему это на пятом курсе я вдруг начну их выпрашивать? — спросила Гермиона.

— На пятом курсе сдают СОВ, — объяснил Джордж.

— И что же?

— А то, что у вас впереди экзамены. Вас так нагрузят, что спины затрещат, — с удовлетворением сказал Фред.

— У половины нашего курса перед СОВ пошли неполадки с нервами, — радостно подхватил Джордж. — Ну, слёзы там, истерики… Патриция Стимпсон всё время в обморок падала…

— А Кеннет Таулер весь покрылся пузырями, было такое? — пустился вспоминать Фред.

— Это потому, что ты подсыпал ему в пижаму Волдырный порошок, — сказал Джордж

— Да, точно, — ухмыльнулся Фред. — Я и позабыл… Трудно, знаете, держать всё в голове.

— Так или иначе, пятый курс — это кошмар, — сказал Джордж. — По крайней мере для тех, кого волнуют результаты экзаменов. Мы-то с Фредом не унывали.

— Ага… Ну, и что у вас вышло? Всего по три балла каждому, — напомнил ему Рон.

— Подумаешь, — отмахнулся Фред. — Всё равно наша жизнь не будет иметь ничего общего с миром академических достижений.

— Мы всерьёз обсуждали вопрос, учиться ли на седьмом курсе, — бодро сообщил Джордж. — Ведь теперь, когда у нас есть…

Он осёкся, наткнувшись на предостерегающий

взгляд Гарри. Ещё чуть-чуть — и Джордж проговорился бы насчёт денежного приза за победу в Турнире Трёх Волшебников, который Гарри отдал ему и Фреду.

— …когда у нас есть баллы за СОВ, — мигом выкрутился Джордж, — зачем нам ещё ЖАБА? Но в конце концов мы решили, что для мамы это было бы слишком — наш уход из школы как раз в тот момент, когда Перси оказался самым вонючим дерьмом на свете.

— Но мы не собираемся тратить этот последний год зря, — сказал Фред, с нежностью оглядывая большой зал. — Мы используем его для того, чтобы провести небольшое исследование рынка. Выясним в точности, чего хочет средний ученик Хогвартса от магазина волшебных фокусов и трюков, тщательно обработаем результаты исследования и постараемся предложить товар, соответствующий спросу.

— Но где вы возьмёте начальный капитал? — скептически спросила Гермиона. — Вам нужна будет масса всяких ингредиентов, материалов — ну, и помещение, конечно…

Гарри не смотрел на близнецов. Его лицу стало жарко; он нарочно уронил вилку и наклонился под стол поднять. Над ним раздался голос Фреда:

— Меньше будешь спрашивать — меньше вранья услышишь, Гермиона. Пошли, Джордж, если поторопимся, может, успеем перед травологией поторговать Удлинителями ушей.

Вынырнув из-под стола, Гарри увидел спины уходящих близнецов. Каждый уносил с собой несколько тостов.

— Ну, и как это понимать? — спросила Гермиона, глядя то на Гарри, то на Рона. — «Меньше будешь спрашивать...» Выходит, у них уже есть золото, чтобы начать дело?

— Мне и самому хотелось бы знать, — задумчиво наморщил лоб Рон. — Этим летом они купили мне новую парадную мантию. Откуда у них столько галеонов, понятия не имею...

Гарри решил, что пора перевести разговор в менее опасное русло.

— Думаете, и правда из-за экзаменов будет трудный год?

— Ещё бы, — откликнулся Рон. — Это уж наверняка. СОВ — важная штука, от него зависит, какую работу ты можешь получить, и всякое такое. В этом году, Билл мне сказал, у нас будут ещё консультации по выбору профессии. Чтобы ты мог решить, какие предметы сдавать на последнем курсе.

— А вы уже поняли, что хотите делать после Хогвартса? — спросил Гарри Рона и Гермиону чуть погодя, когда они вышли из Большого зала и направились в класс истории магии.

— Я — ещё нет, наверно, — медленно проговорил Рон. — Разве что… ну…

На него вдруг напала застенчивость.

— Что? — не отступался Гарри.

— Ну, мракоборцем неплохо бы стать, — сказал Рон нарочито небрежным тоном.

— Это точно! — с жаром подтвердил Гарри.

— Но они — вроде как элита, — продолжил Рон. — Надо сильно постараться, чтобы туда попасть. Ну, а ты, Гермиона?

— Не знаю, — сказала она. — Хочется делать по-настоящему важное дело.

— Мракоборцы — это очень важно! — воскликнул Гарри.

— Да, но это не единственное важное дело на свете, — глубокомысленно заметила Гермиона. — Я могла бы, например, всерьёз заняться борьбой за права эльфов…

Гарри и Рон с трудом удержались от того, чтобы не переглянуться.

История магии была, по общему мнению, самым скучным предметом из всех, что когда-либо

преподавались в мире волшебников. Профессор Бинс, их учитель-призрак, говорил глухим монотонным голосом, который практически гарантировал тебе сильнейшую сонливость уже на десятой минуте урока, а в тёплую погоду — на пятой. Форма преподавания у него была ровно одна — бубнить и бубнить без перерыва, а ты сиди и записывай или, если невмоготу, тупо пялься в пространство. Гарри и Рону пока что худо-бедно удавалось получать по этому предмету проходные баллы, но только благодаря тому, что Гермиона давала им перед экзаменами свои конспекты. Из всех только она могла противостоять усыпляющей силе профессорского голоса.

Сегодня им надо было вытерпеть сорокапятиминутную лекцию о войнах с великанами. Первых десять минут Гарри хватило, чтобы понять: в изложении другого учителя эта тема могла бы представить некоторый интерес. Но затем его мозг отключился, и все последующие тридцать пять минут урока он играл с Роном в «виселицу» на уголке пергамента, Гермиона то и дело уничтожающе на них косилась.

— Что, по-вашему, будет, — спросила она их холодно, когда Бинс, кончив лекцию, уплывал сквозь классную доску, а они шли на перемену, —

если я в этом году не дам вам конспектов?

— Мы завалим СОВ, — ответил Рон. — Совесть твоя это выдержит, Гермиона?

— Получите по заслугам, — парировала она. — Ведь вы даже не пытаетесь его слушать!

— Ещё как пытаемся, — возразил Рон. — Просто у нас ни мозгов твоих нет, ни памяти, ни сосредоточенности. Не очень-то любезно с твоей стороны подчёркивать тот факт, что ты умнее нас.

— Не говори глупостей, — сказала Гермиона, но, первой выходя в сырой двор, она, судя по лицу, уже была настроена более миролюбиво.

С неба сыпалась мелкая туманная морось, и кучки школьников, жавшихся к стенам двора, выглядели словно бы чуточку смазанными. Гарри, Рон и Гермиона нашли уединённый уголок под балконом, с которого здорово капало, подняли воротники мантий, защищаясь от сентябрьской промозглости, и заговорили о том, какое задание на первом уроке года даст им Снегг. Едва они успели сойтись на том, что оно наверняка будет очень заковыристое — Снегг нарочно постарается застать их врасплох после двухмесячных каникул, — как увидели, что кто-то, выйдя из-за угла, направляется прямо к ним.

— Привет, Гарри!

Это была Чжоу Чанг — и, что необычно, опять одна. Такое случалось очень редко: Чжоу почти всегда была окружена стайкой хихикающих девочек. Гарри вспомнил, как трудно было улучить момент, чтобы пригласить её на Святочный бал.

— Здравствуй, — отозвался Гарри, чувствуя, как начинает гореть лицо. «По крайней мере не вымазан сейчас Смердящим соком», — сказал он себе. Чжоу, казалось, думала примерно о том же.

— Вижу, ты избавился от этой зелени.

— Ага, — сказал Гарри, постаравшись улыбнуться и сделать вид, что вспоминать об их последней встрече ему смешно, а не унизительно. — Ну, а ты как… э… хорошо провела лето?

Едва он произнёс эти слова, как уже в них раскаялся: ведь Чжоу была подружкой Седрика, и его смерть, должно быть, омрачила её каникулы почти так же сильно, как она омрачила каникулы Гарри. Что-то в её лице напряглось, но она ответила:

— Да, ты знаешь, очень даже неплохо…

— Это у тебя значок «Торнадос»? — вдруг спросил Рон, показывая на приколотый к мантии Чжоу небесно-голубой значок с красивым двойным золотым «Т», — Разве ты за эту команду болеешь?

— За эту, — ответила Чжоу.

— Ты всегда за неё болела или начала с тех пор, как она стала выигрывать первенство лиги? — спросил Рон совершенно неуместным, по мнению Гарри, прокурорским тоном.

— Я болею за неё с шести лет, — прохладно ответила Чжоу. — Ну ладно… пока, Гарри.

И она ушла. Подождав, пока Чжоу пересекла полдвора, Гермиона обрушилась на Рона:

— Верх бестактности с твоей стороны!

— Почему? Я только спросил её…

— Разве непонятно было, что она хочет говорить с Гарри, а не с тобой?

— Ну и говорила бы, разве я мешал?

— С какой стати ты напустился на неё из-за команды по квиддичу?

— Напустился? Ни на кого я не напускался, я только…

— Кому какое дело, если она болеет за «Торнадос»?

— А такое, что половина из тех, кто носит теперь эти значки, купили их только в прошлом сезоне…

— Ну и что?

— Это значит, что они не настоящие болельщики, а просто примазались…

— Пошли на урок, — безразличным голосом сказал Гарри: Рон и Гермиона спорили так громко, что не услышали звонка. Спор продолжался всю дорогу в подземелье Снегга, и у Гарри поэтому была масса времени на размышления о том, что с такими приятелями, как Невилл и Рон, ему трудно рассчитывать даже на две минуты разговора с Чжоу, о которых можно будет потом вспоминать без желания немедленно уехать за границу.

И всё-таки, подумал он, когда они встали в очередь, выстроившуюся у двери класса, ей же захотелось к нему подойти, поговорить с ним, разве нет? Она была подружкой Седрика и запросто могла возненавидеть его, Гарри, за то, что он живым покинул лабиринт Турнира Трёх Волшебников, тогда как Седрик погиб. Но нет, она разговаривала с ним очень дружелюбно, не так, как разговаривала бы с сумасшедшим, или лжецом, или человеком, каким-либо жутким образом виновным в смерти Седрика… И она ведь явно сама захотела подойти и заговорить с ним, второй раз уже за два дня… От этой мысли Гарри воспрял духом. Даже зловещий скрежет двери, ведущей в логово Снегга, не причинил вреда маленькому пузырьку надежды, который возник у него в груди. Войдя в класс, он двинулся

вместе с Роном и Гермионой к привычному столу в дальнем конце и уселся, не обращая внимания на гневные, раздражённые возгласы, которыми они всё ещё обменивались.

— Успокаиваемся, — холодно произнёс Снегг, закрывая за собой дверь.

Этот призыв к порядку был излишним: едва дверь захлопнулась, как безмолвие и неподвижность воцарились сами собой. Одного присутствия Снегга было, как правило, достаточно для поддержания тишины.

— Прежде чем начать сегодняшний урок, — сказал Снегг, быстро подойдя к столу и оглядев класс, — я бы счёл уместным напомнить, что в июне вы будете держать серьёзный экзамен, который покажет, насколько вы усвоили науку изготовления и использования волшебных зелий. Хотя изрядную часть из вас, несомненно, составляют кретины, я всё же надеюсь, что вы худо-бедно заработаете за СОВ хотя бы «удовлетворительно». Иначе вам придётся столкнуться с моим… неудовольствием.

Его взгляд в этот момент остановился на Невилле, который судорожно сглотнул.

— По окончании пятого курса многие из вас, разумеется, перестанут у меня учиться, — про-

должал Снегг. — По программе, нацеленной на подготовку к выпускным экзаменам, в моём классе зельеварения будут заниматься только лучшие из лучших, остальным же придётся со мной распрощаться.

Он посмотрел на Гарри, и рот его скривился. Гарри, глядя ему в глаза, испытывал мрачное удовлетворение от мысли о том, что после пятого курса с зельеварением, может быть, будет покончено.

— Но до приятной минуты расставания как-никак ещё год, — мягко сказал Снегг, — и потому, будете вы впоследствии претендовать на высшую аттестацию или нет, я советую всем собраться с силами и постараться получить те приличные баллы за СОВ, на какие я привык рассчитывать у своих учеников.

Сегодня мы будем готовить зелье, которое часто входит в экзаменационные задания для пятикурсников. Это — Умиротворяющий бальзам, он помогает бороться с тревогой и снимать беспокойство. Но осторожно: если переусердствовать с ингредиентами, пациент может погрузиться в глубочайший, а то и необратимый сон, поэтому пристально следите за тем, что делаете. (Слева от Гарри Гермиона чуть выпрямилась на стуле, лицо

её выражало чрезвычайную сосредоточенность.) Ингредиенты и способ приготовления, — Снегг взмахнул волшебной палочкой, — написаны на доске. (Они тотчас там появились.) Всё, что вам необходимо, — он опять взмахнул палочкой, — находится в шкафу. (Дверца шкафа распахнулась.) В вашем распоряжении полтора часа… Приступайте.

Как и предполагали Гарри, Рон и Гермиона, Снегг выбрал чрезвычайно трудное зелье, требующее кропотливой работы. Ингредиенты необходимо было добавлять в котёл в строго определённом порядке и строго определённых количествах. Помешивая состав, надо было совершить строго определённое число движений, сначала по часовой стрелке, потом против; перед добавлением последнего ингредиента температуру огня, на котором варится зелье, необходимо было уменьшить до определённого значения на определённое количество минут.

— От вашего зелья должен сейчас идти лёгкий серебристый пар, — сказал Снегг, когда до конца урока оставалось десять минут.

Гарри, весь взмокший от пота, в отчаянии оглядел подземелье. От его котла валил густой тёмно-серый пар; котёл Рона испускал зелено-

ватые искры. Симус лихорадочно тыкал в еле теплящийся огонь под своим котлом кончиком волшебной палочки. А вот над зельем Гермионы стоял мерцающий серебристый туман, и Снегг, быстро проходя мимо, ничего ей не сказал, даже не опустил крючковатого носа. Взглянул, и только. Это означало, что придраться не к чему. Но над котлом Гарри Снегг остановился и посмотрел в него с жуткой ухмылкой.

— Поттер, что это, по-вашему, такое?

Сидевшие в первых рядах слизеринцы с удовольствием подняли головы. Им очень нравились издёвки Снегга над Гарри.

— Умиротворяющий бальзам, — выдавил из себя Гарри.

— Скажите мне, Поттер, — мягко сказал Снегг, — вы читать умеете?

Драко Малфой засмеялся.

— Умею, — ответил Гарри, крепко стиснув волшебную палочку.

— Тогда прочтите, пожалуйста, третий пункт инструкции.

Гарри посмотрел на доску. Сквозь разноцветный пар, наполнявший теперь подземелье, разглядеть написанное было не так-то легко.

— «Добавить толчёного лунного камня, поме-

шать три раза против часовой стрелки, варить на слабом огне семь минут, затем добавить две капли сиропа чемерицы».

Его сердце упало. Он не добавил сиропа чемерицы. Просто варил семь минут, а потом перешёл к четвёртому пункту инструкции.

— Вы сделали всё, что написано в третьем пункте, Поттер?

— Нет, — очень тихо ответил Гарри.

— Простите, я не расслышал.

— Нет, — повторил Гарри громче. — Я забыл про чемерицу.

— Я знаю, что вы про неё забыли, Поттер, и это означает, что ваша работа яйца выеденного не стоит. *Эвнеско!*

Приготовленное Гарри зелье исчезло; он, как дурак, стоял над пустым котлом.

— Тех из вас, кто справился с чтением инструкции, прошу наполнить вашим зельем колбу, снабдить её наклейкой с разбочиво написанными именем и фамилией и поставить на мой стол для проверки, — сказал Снегг. — Домашнее задание на четверг: двенадцать дюймов пергамента о свойствах лунного камня и его использовании в зельеварении.

В то время как все кругом наполняли колбы,

Гарри, кипя, собирал вещи. Разве у него получилось хуже, чем у Рона, чьё зелье теперь воняло тухлыми яйцами, или у Невилла, который довёл его до консистенции свежего цементного раствора и вынужден был отскабливать от котла? Тем не менее только он, Гарри, получит за сегодняшнюю работу нулевую оценку. Он сунул волшебную палочку обратно в сумку и тяжело опустился на стул, а остальные между тем наливали зелье в колбы, затыкали их пробками и приносили Снеггу. Когда прозвенел наконец звонок, Гарри первым двинулся прочь из подземелья, и к тому времени, как Рон и Гермиона пришли в Большой зал, он уже приступил к обеду. Потолок в зале приобрёл за утро ещё более хмурый оттенок серого цвета. В высокие окна хлестал дождь.

— Страшная несправедливость со стороны Снегга, — принялась утешать его Гермиона, сев рядом и положив себе картофельной запеканки с мясом. — Твоё зелье уж во всяком случае было лучше, чем у Гойла. Когда он налил его в колбу, она разлетелась на куски, и мантия у него загорелась.

— Ничего нового, — сказал Гарри, не поднимая глаз от тарелки, — Разве Снегг был когда-нибудь ко мне справедлив?

Вопрос остался без ответа. Все трое знали, что сильнейшая взаимная неприязнь между Снеггом и Гарри началась с той минуты, когда Гарри впервые переступил порог Хогвартса.

— А я была почти уверена, что в этом году он не будет так зверствовать, — сказала Гермиона с недоумением. — Потому что… ну, вы понимаете… — Она огляделась по сторонам; и справа и слева от них было по нескольку пустых стульев, и мимо стола никто не проходил. — Теперь, когда он в Ордене…

— Какая разница-то? Поменяла поганка пятна… — глубокомысленно проговорил Рон. — Я всегда считал, что у Дамблдора не все дома, если он доверяет Снеггу. Где доказательства, что он и вправду перестал работать на Сами-Знаете-Кого?

— Я думаю, у Дамблдора хватает доказательств, пусть даже он не делится ими с тобой, Рон, — резко отозвалась Гермиона.

— Знаете что, заткнитесь вы оба, — устало сказал Гарри, когда Рон открыл рот, чтобы ответить. Гермиона и Рон так и застыли с обиженными лицами. — Надоело вас слушать. Вечно друг с другом цапаетесь, сил больше нет.

И, не доев запеканку, он рывком перекинул сумку через плечо и пошёл от них прочь.

Он двинулся вверх по мраморной лестнице, шагая через две ступеньки, навстречу потоку школьников, торопившихся на обед. Злость, которая так внезапно в нём вспыхнула, ещё не догорела, и ошеломлённый вид Рона и Гермионы, чьи лица всё ещё стояли у него перед глазами, доставлял ему немалое удовлетворение. «Поделом, — думал он, — самое время им заткнуться… только и делают, что лаются… кто угодно на стенку от этого полезет…»

На лестничной площадке он миновал большой портрет сэра Кадогана, рыцаря. Сэр Кадоган выхватил меч и яростно замахнулся на Гарри, но тот не удостоил его внимания.

— Назад, мерзкий пёс! Встань передо мной и сразись! — раздался приглушённый забралом вопль сэра Кадогана, но Гарри просто прошёл мимо, а когда рыцарь попытался последовать за ним и вбежал в соседнюю картину, его отогнал изображённый на ней большой и сердитый волкодав.

Оставшуюся часть большой перемены Гарри просидел один под люком, который вёл на вершину Северной башни. Неудивительно, что после звонка он первым поднялся по серебряной лесенке в класс Сивиллы Трелони.

Из школьных предметов, не считая зельеварения, прорицания нравились Гарри меньше всего — главным образом потому, что профессор Трелони имела обыкновение раз в несколько уроков предсказывать его, Гарри, безвременную смерть. Очень худая, в несколько слоёв закутанная в шали, поверх которых блестели бесчисленные бусы и цепочки, она благодаря очкам, многократно увеличивавшим глаза, всегда напоминала Гарри какое-то насекомое. Сейчас она раскладывала по круглым столикам на тонких ножках, которыми был заставлен класс, потёртые книги в кожаных переплётах. Лампы, обмотанные шарфами, и еле теплящийся камин, от которого шёл тяжёлый приторный аромат, давали такой тусклый свет, что она, судя по всему, не заметила, как он влез и уселся в тёмном углу. За последующие пять минут подтянулись остальные ученики. Рон, поднявшись через люк, внимательно огляделся, увидел Гарри и двинулся прямо к нему — вернее, настолько прямо, насколько можно было среди всех этих столиков, стульев и пухлых пуфов.

— Мы с Гермионой кончили ругаться, — сообщил Рон, садясь около Гарри.

— Поздравляю, — проворчал Гарри.

— Но Гермиона считает, что было бы очень мило, если бы ты перестал срывать на нас злость, — сказал Рон.

— Я не…

— Я просто передаю тебе её слова, — перебил его Рон. — Но я с ней согласен. Если Симус и Снегг тебя обижают, то при чём тут мы?

— Я и не говорю, что…

— Здравствуйте, — сказала профессор Трелони своим обычным голосом — глухим, потусторонним, и Гарри осёкся, снова чувствуя и раздражение, и лёгкий стыд. — Добро пожаловать в новом учебном году на урок прорицаний. Все каникулы я, конечно, внимательно следила за вашими судьбами, и мне приятно видеть, что вы благополучно вернулись в Хогвартс — о чём я, разумеется, знала заранее.

На столах перед вами лежат экземпляры «Оракула СНОВ» Иниго Имаго. Толкование сновидений — важнейший способ заглянуть в будущее, и вполне вероятно, что наше владение этим разделом ясновидения будет проверено на экзаменах по СОВ. Хотя, конечно же, я не считаю, что экзаменационные успехи или неудачи играют какую-либо роль, когда речь идёт о священном искусстве прорицания. Для тех, у кого есть Зрячее

Око, оценки и аттестаты значат очень мало. Но, поскольку директор считает нужным подвергнуть вас экзаменационным испытаниям…

Она позволила голосу мягко сойти на нет, давая всем понять, что, по мнению профессора Трелони, её предмет выше таких пошлых материй, как экзамены.

— Откройте, пожалуйста, предисловие и прочтите, что Имаго пишет об искусстве толкования сновидений. Затем разбейтесь на пары и, пользуясь «Оракулом снов», попробуйте истолковать самые последние сновидения друг друга. Приступайте.

Хорошего в этом уроке было только то, что он был одинарный, а не сдвоенный. К тому времени, как они кончили читать предисловие, на толкование сновидений осталось от силы минут десять. За столиком по соседству с Гарри и Роном пару составили Дин и Невилл, и Невилл немедленно пустился в пространное описание кошмара, где фигурировала выходная шляпа его бабушки, нахлобученная на гигантские ножницы. А Гарри с Роном сидели и мрачно смотрели друг на друга.

— Я снов никогда не запоминаю, — сказал Рон, — так что давай ты.

— Хоть один-то ты должен помнить, — раздражённо отозвался Гарри.

Он никому не собирался пересказывать свои сновидения. Что означает его обычный кошмар с кладбищем, он и так прекрасно знал, ему не нужны были для истолкования ни Рон, ни профессор Трелони, ни дурацкий «Оракул снов».

— Кажется, прошлой ночью мне приснилось, что я играю в квиддич, — сказал Рон, наморщив лицо в попытке вспомнить получше. — Ну, и что, по-твоему, это значит?

— Может быть, то, что тебя сожрёт какая-нибудь гигантская зефирина, — предположил Гарри, листая «Оракул» без всякого интереса. Выискивать в «Оракуле» фрагменты сновидений было очень скучно, и домашнее задание, состоявшее в том, чтобы месяц вести дневник сновидений, радости не добавило. Когда прозвенел звонок, Гарри и Рон первыми полезли вниз. Рон при этом громко ворчал:

— Это же надо — сколько всего назадавали! Бинс — письменную работу в полтора фута длиной о войнах с великанами, Снегг — фут об использовании лунного камня, а теперь ещё Трелони — месячный дневник сновидений! Значит, правду сказали Фред и Джордж про год перед

СОВ. Если ещё теперь эта Амбридж что-нибудь задаст…

Когда они вошли в класс защиты от Тёмных искусств, профессор Амбридж уже сидела за учительским столом.

На ней была та же, что и вчера вечером, пушистая розовая кофточка, макушку увенчивал чёрный бархатный бант. Невольно Гарри опять пришла на ум большая муха, по глупости усевшаяся на голову крупной жабе.

В классе все старались вести себя тихо: профессор Амбридж была пока что величиной неизвестной, и никто не знал, насколько строгим ревнителем дисциплины она окажется.

— Здравствуйте! — сказала она, когда ученики расселись по местам.

Несколько человек пробормотали в ответ:

— Здравствуйте.

— Стоп-стоп-стоп, — сказала профессор Амбридж. — Ну нет, друзья мои, это никуда не годится. Я бы просила вас отвечать так: «Здравствуйте, профессор Амбридж». Ещё раз, пожалуйста. Здравствуйте, учащиеся!

— Здравствуйте, профессор Амбридж! — проскандировал класс.

— Вот и хорошо, — сладким голосом пропела

профессор Амбридж. — Ведь совсем нетрудно, правда? Волшебные палочки уберём, перья вынем.

Услышав это, многие обменялись угрюмыми взглядами. Ни разу ещё интересный урок не начинался с приказа убрать волшебные палочки. Гарри засунул свою в сумку и вынул перо, чернила и пергамент. Профессор Амбридж, наоборот, достала из сумки волшебную палочку, которая была необычно короткой, и резко постучала ею по классной доске, где тут же возникли слова:

Защита от Тёмных искусств. Возвращение к основополагающим принципам.

— Отмечу для начала, что до сих пор ваше обучение этому предмету было довольно-таки отрывочным и фрагментарным. Не правда ли? — сказала профессор Амбридж, повернувшись к классу лицом и аккуратно сложив руки на животе. — Постоянно менялись учителя, и не все они считали нужным следовать какой-либо одобренной Министерством программе. Результатом, к сожалению, явилось то, что вы находитесь гораздо ниже уровня, которого мы вправе ожидать от вас в год, предшествующий сдаче СОВ.

Вам, однако, приятно будет узнать, что эти

недостатки мы теперь исправим. В нынешнем учебном году вы будете изучать защитную магию по тщательно составленной, теоретически выверенной, одобренной Министерством программе. Запишите, пожалуйста, цели курса.

Она опять постучала по доске. Слова, которые на ней были, исчезли, и взамен появилось:

ЦЕЛИ КУРСА:

1. Уяснение принципов, лежащих в основе защитной магии.

2. Умение распознавать ситуации, в которых применение защитной магии допустимо и не противоречит закону.

3. Включение защитной магии в общую систему представлений для практического использования.

Пару минут в классе раздавался только шорох перьев о пергамент. Когда все списали три поставленные профессором Амбридж цели курса, она спросила:

— У всех ли есть экземпляры «Теории защитной магии» Уилберта Слинкхарда?

По классу пробежало глухое утвердительное бормотание.

— Мне кажется, надо попробовать ещё разо-

чек, — сказала профессор Амбридж. — Когда я задаю вопрос, ответ я хотела бы слышать в такой форме: «Да, профессор Амбридж» или «Нет, профессор Амбридж». Итак: у всех ли есть экземпляры «Теории защитной магии» Уилберта Слинкхарда?

— Да, профессор Амбридж, — хором ответили ученики.

— Хорошо, — сказала профессор Амбридж. — Теперь попрошу вас открыть пятую страницу и прочесть первую главу — «Основы для начинающих». От разговоров можно воздержаться.

Профессор Амбридж отошла от доски и, сев за учительский стол, стала наблюдать за классом своими выпуклыми жабьими глазами. Гарри начал читать «Теорию защитной магии» с пятой страницы.

Это было неимоверно скучно — нисколько не лучше, чем слушать профессора Бинса. Гарри пытался сосредоточиться, но ничего не получалось. Вскоре он обнаружил, что вот уже который раз принимается за одну и ту же фразу, но не может продвинуться дальше первых пяти-шести слов. Так прошло несколько безмолвных минут. Рядом с ним Рон рассеянно крутил в пальцах перо, глядя в одну точку на странице. Гарри перевёл взгляд

направо — и удивился настолько, что оцепенения как не бывало. Гермиона свой экземпляр «Теории защитной магии» даже не открыла. Подняв руку, она сверлила глазами профессора Амбридж.

Гарри не мог припомнить случая, чтобы Гермиона отлынивала от предписанного педагогами чтения, да и вообще чтобы она воспротивилась соблазну открыть какую бы то ни было лежащую перед ней книгу. Он сделал вопросительное лицо, но она еле заметно покачала головой, давая понять, что не намерена вступать в разговоры, и продолжала пристально смотреть на профессора Амбридж, которая столь же упорно глядела в другую сторону.

Но спустя ещё несколько минут Гарри был уже не единственным, кто уставился на Гермиону. Глава, которую им велено было читать, оказалась такой нудной, что всё больше и больше народу вместо того, чтобы продираться сквозь «Основы для начинающих», принималось наблюдать за молчаливыми стараниями Гермионы привлечь к себе внимание профессора Амбридж.

Когда больше половины класса уже смотрело не в книгу, а на Гермиону, профессор Амбридж решила, что не может больше делать вид, будто ничего не происходит.

— Вы хотите задать вопрос по поводу главы, милая моя? — спросила она Гермиону, как будто только что её заметила.

— Вопрос, но не по поводу главы, — ответила Гермиона…

— Видите ли, сейчас мы читаем, — сказала профессор Амбридж, обнажив мелкие острые зубки. — Все прочие неясности мы можем разрешить с вами в конце урока.

— Мне неясны цели вашего курса, — сказала Гермиона. Профессор Амбридж вскинула брови.

— Ваше имя, будьте добры.

— Гермиона Грейнджер.

— Видите ли, мисс Грейнджер, цели курса, как мне кажется, должны быть совершенно понятны, если прочесть их внимательно, — нарочито ласковым голосом сказала профессор Амбридж.

— Мне они непонятны, — отрезала Гермиона. — Там ничего не говорится об *использовании* защитных заклинаний.

Последовала короткая пауза, во время которой многие ученики, наморщив лбы, перечитывали три цели курса, всё ещё остававшиеся на доске.

— Об *использовании* защитных заклинаний? — повторила профессор Амбридж с малюсеньким смешком. — Что-то я не могу представить себе

ситуацию в этом классе, мисс Грейнджер, когда вам понадобилось бы прибегнуть к защитному заклинанию. Или вы думаете, что во время урока на вас кто-то может напасть?

— Мы что, не будем применять магию? — громко спросил Рон.

— На моих уроках желающие что-либо сказать поднимают руку, мистер…

— Уизли, — сказал Рон, выбрасывая руку в воздух.

Профессор Амбридж, чуть расширив улыбку, повернулась к нему спиной. Мигом Гарри и Гермиона тоже вскинули руки. На секунду задержав на Гарри взгляд выпуклых глаз с кожистыми мешками, профессор Амбридж обратилась к Гермионе:

— Да, мисс Грейнджер. Вы хотите ещё что-нибудь спросить?

— Хочу, — сказала Гермиона. — Не в том ли весь смысл защиты от Тёмных искусств, чтобы научиться применять защитные заклинания?

— Вы кто у нас, мисс Грейнджер, эксперт Министерства по вопросам образования? — спросила профессор Амбридж всё тем же фальшиво-ласковым тоном.

— Нет, но…

— Тогда, боюсь, ваша квалификация недостаточна, чтобы судить, в чём состоит «весь смысл» моих уроков. Новая учебная программа разработана волшебниками постарше и поумнее вас. Вы будете узнавать о защитных заклинаниях безопасным образом, без всякого риска…

— Ну, и какой от этого толк? — громко спросил Гарри. — Если на нас нападут, то совсем не таким образом, не безо…

— Руку, мистер Поттер! — пропела профессор Амбридж.

Гарри выбросил вверх кулак. И опять профессор Амбридж мгновенно отвернулась от него — но тут поднялось ещё несколько рук.

— Ваше имя, будьте добры, — сказала профессор Амбридж Дину.

— Дин Томас.

— Итак, мистер Томас?

— Я согласен с Гарри, — заявил Дин. — Если на нас нападут, без риска не обойдётся.

— Я вынуждена повторить, — сказала профессор Амбридж, улыбаясь Дину выводящей из терпения улыбкой. — Вы что, ожидаете нападения во время моего урока?

— Нет, но…

Профессор Амбридж перебила его.

— Я бы не хотела подвергать критике порядки, установленные в этой школе, — сказала она, растягивая большой рот в улыбке, которой очень трудно было верить, — но вы в этом классе испытали воздействие весьма безответственных волшебников, поистине безответственных. Не говоря уже, — она издала недобрый смешок, — о чрезвычайно опасных полукровках.

— Если вы о профессоре Люпине, — возмутился Дин, — то он был самым лучшим…

— Руку, мистер Томас! Разрешите продолжить. Вас познакомили с заклинаниями, которые слишком сложны для вашей возрастной группы и потенциально представляют смертельную опасность. Вас запугали, внушая, будто вам следует со дня на день ждать нападения Тёмных сил…

— Ничего подобного, — сказала Гермиона, — мы просто…

— Ваша рука не поднята, мисс Грейнджер!

Гермиона подняла руку. Профессор Амбридж отвернулась от неё.

— Насколько я знаю, мой предшественник не только произносил перед вами запрещённые заклятия, но и применял их к вам.

— Он оказался сумасшедшим, разве не так? — горячо возразил Дин. — И даже от него мы массу

всего узнали.

— Ваша рука не поднята, мистер Томас! — проверещала профессор Амбридж. — По мнению Министерства, теоретических знаний будет более чем достаточно для сдачи вами экзамена, на что, в конечном счёте, и должно быть нацелено школьное обучение… Ваше имя, будьте добры? — спросила она, глядя на Парвати, чья рука только что взлетела вверх.

— Парвати Патил. Разве на экзамене по защите от Тёмных искусств не будет ничего практического? Мы не должны будем показать, что умеем применять контрзаклятия и тому подобное?

— При хорошем владении теорией не будет никаких препятствий к тому, чтобы вы под наблюдением, в экзаменационных условиях использовали некоторые заклинания, — либеральным тоном сказала профессор Амбридж.

— Без всякой практики, без тренировки? — спросила Парвати с недоумением. — Правильно я вас поняла, что первый раз, когда нам позволят применить заклинания, будет на экзамене?

— Повторяю: при хорошем владении теорией…

— Какая польза от этой теории в реальном мире? — громко подал голос Гарри, вновь поднимая в воздух кулак.

Профессор Амбридж взглянула на него.

— Здесь у нас школа, мистер Поттер, а не реальный мир, — сказала она мягко.

— Значит, нас не будут готовить к тому, что нас ожидает вне школы?

— Ничего страшного вас там не ожидает, мистер Поттер.

— Да неужели? — спросил Гарри. Неудовольствие, которое весь день копилось у него внутри, достигло высшей точки.

— Кто, скажите на милость, будет нападать на вас и на таких же детей, как вы? — спросила профессор Амбридж отвратительным медовым голоском.

— М-м-м, дайте сообразить… — произнёс Гарри издевательски-задумчивым тоном. — Может быть… лорд Волан-де-Морт?

У Рона перехватило дыхание. Лаванда Браун вскрикнула. Невилл съехал вбок со своей табуретки. Профессор Амбридж, однако, и бровью не повела. Она взглянула на Гарри с мрачным удовольствием.

— Минус десять очков Гриффиндору, мистер Поттер.

Класс сидел молча и неподвижно. Одни смотрели на Амбридж, другие на Поттера.

— Теперь я хотела бы сказать кое о чём прямо и откровенно. — Профессор Амбридж встала и подалась вперёд, распластав по столу короткопалые ладони. — Вам внушали, будто некий тёмный волшебник возродился из мёртвых…

— Он не был мёртвым, — сердито возразил Гарри, — Но что возродился — это правда!

— Мистер-Поттер-вы-уже-отобрали-у-вашего-факультета-десять-очков-не-вредите-теперь-самому-себе, — произнесла профессор Амбридж единым духом, не глядя на него. — Повторяю: вам было сказано, что некий Тёмный волшебник опять гуляет на свободе. *Это ложь*.

— Нет, это НЕ ЛОЖЬ! — крикнул Гарри. — Я видел его, я дрался с ним!

— Вы будете наказаны, мистер Поттер! — торжествующе воскликнула профессор Амбридж. — Завтра после уроков, в пять часов, в моём кабинете. Говорю вам всем ещё раз: *это ложь*. Министерство магии ручается, что никакие Тёмные волшебники вам не угрожают. Если вы всё же чем-то обеспокоены, не стесняйтесь, приходите ко мне во внеурочное время. Если кто-то тревожит вас россказнями о возродившихся Тёмных волшебниках, я хотела бы об этом услышать. Я здесь для того, чтобы помогать вам. Я ваш

друг. А теперь будьте добры, продолжите чтение. Страница пятая, «Основы для начинающих».

Профессор Амбридж села за свой стол. Гарри, наоборот, встал. Все глаза были устремлены на него. У Симуса лицо было наполовину испуганное, наполовину восторженное.

— Гарри, не надо! — предостерегающе прошептала Гермиона, хватая его за рукав, но Гарри выдернул руку.

— Значит, по-вашему, Седрик Диггори умер сам, никто его не убивал? — спросил Гарри срывающимся голосом.

Общий судорожный вдох. Никто в классе, кроме Рона и Гермионы, ещё не слышал от Гарри ничего о событиях того вечера, когда погиб Седрик. Все перевели напряжённые взгляды с Гарри на профессора Амбридж, которая подняла глаза и уставилась на него уже без следа фальшивой улыбки на лице.

— Смерть Седрика Диггори была результатом несчастного случая, — холодно сказала она.

— Это было убийство, — возразил Гарри. Он чувствовал, что весь дрожит. Он почти никому ещё об этом не говорил, и уж точно не говорил тридцати жадно слушающим одноклассникам. — Его убил Волан-де-Морт, и вы об этом знаете.

На лице профессора Амбридж не выразилось ровно ничего. На миг Гарри показалось, что она сейчас закричит на него. Но она промолвила своим мягчайшим, сладчайшим девчоночьим голоском:

— Подойдите-ка сюда, мой милый мистер Поттер.

Отшвырнув стул ногой, он мимо Рона и Гермионы прошёл к учительскому столу. Все — он чувствовал — затаили дыхание. В нём кипела такая злость, что было совершенно безразлично, чем это кончится.

Профессор Амбридж вынула из сумки маленький свиток розового пергамента, расправила его на столе, обмакнула перо в чернильницу и принялась писать записку, спиной закрывая её от Гарри. Все молчали. Спустя примерно минуту она скатала пергамент и волшебной палочкой без шва запечатала свиток, чтобы Гарри не смог его развернуть.

— Отнесите профессору МакГонагалл, — сказала профессор Амбридж, протягивая ему свиток.

Гарри взял у неё пергамент и, не сказав ни слова, вышел из класса и хлопнул дверью. На Рона и Гермиону даже не взглянул. Крепко сжимая послание к МакГонагалл, он очень быстро по-

шёл по коридору и, повернув за угол, налетел на полтергейста Пивза — большеротого маленького типчика, который плыл по воздуху на спине и жонглировал несколькими чернильницами.

— Фу-ты ну-ты, это же Поттер-обормоттер! — захихикал Пивз и уронил две чернильницы, которые, разбившись, забрызгали стены кляксами. Гарри едва успел отскочить.

— Да пошёл ты отсюда, Пивз!

— У-тю-тю, наш обормоттер оборзел, — сказал Пивз и полетел следом за Гарри по коридору, глядя на него искоса, — Что на этот раз, мой прекрасный обормотный друг? Слышим голоса? Видим видения? Говорим на… — Пивз испустил могучий неприличный звук, — неведомых языках?

— Оставь меня в покое, тебе говорят! — заорал Гарри и метнулся вниз по ближайшей лестнице, но Пивз просто-напросто съехал рядом с ним по перилам на спине.

Зря ты, Гарри, нос задрал,
Все ты врёшь, и все ты врал!
Никакой ты не герой,
А обычный псих дурной…

— ЗАТКНИСЬ!

Слева от Гарри распахнулась дверь, и с мрачным и слегка встревоженным видом из своего кабинета выглянула профессор МакГонагалл.

— Почему вы так оглушительно орёте, Поттер? — резко спросила она. — И почему вы не на занятиях?

Пивз тем временем радостно хихикнул и был таков.

— Меня направили к вам, — деревянным голосом ответил Гарри.

— Направили? Как это понимать — направили?

Он подал ей записку от профессора Амбридж. Взяв пергамент, профессор МакГонагалл нахмурилась, разрезала свиток прикосновением волшебной палочки и начала читать. Глаза под прямоугольными стёклами очков двигались то вправо, то влево, и чем дальше, тем сильней они щурились.

— Пошли со мной, Поттер.

Он последовал за ней в кабинет. Дверь закрылась за ним сама собой.

— Итак, — грозно обратилась к нему профессор МакГонагалл, — это правда?

— Что правда? — спросил Гарри чуть более агрессивным тоном, чем хотел. — Профессор, —

добавил он в попытке смягчить невежливость.

— Это правда, что вы повысили голос на профессора Амбридж?

— Да, — сказал Гарри.

— Вы обвинили её во лжи?

— Да.

— Вы сказали ей, что Тот-Кого-Нельзя-Называть возродился?

— Да.

Профессор МакГонагалл села за письменный стол и, хмуря брови, поглядела на Гарри. Потом сказала:

— Возьмите-ка печенье, Поттер.

— Что взять?

— Печенье, — раздражённо повторила она, показывая на коробку с шотландским клетчатым рисунком, лежащую на столе поверх многочисленных бумаг. — И сядьте.

На памяти у Гарри уже был случай, когда, вместо того чтобы наказать его, как он ожидал, профессор МакГонагалл включила его в команду Гриффиндора по квиддичу. Он сел напротив неё и взял имбирного тритона, испытывая такое же смущение и замешательство, как в тот раз.

Профессор МакГонагалл положила записку на стол и устремила на Гарри очень серьёзный

взгляд.

— Поттер, вы должны вести себя осторожнее.

Гарри проглотил кусок имбирного тритона и уставился на неё. Голос, которым она это произнесла, стал для него полной неожиданностью. Он не был ни сухим, ни жёстким, ни деловитым; он был тихим, встревоженным и куда более человечным, чем всегда.

— Плохое поведение на уроках Долорес Амбридж может обернуться для вас гораздо большими неприятностями, чем потеря факультетских очков и оставление после уроков.

— Я не понимаю…

— Подумайте хорошенько, Поттер! — отрывисто бросила профессор МакГонагалл, мгновенно вернувшись к своему обычному тону. — Вы знаете, откуда она пришла, и должны понимать, перед кем она отчитывается.

Прозвучал звонок на перемену. Над головой и повсюду вокруг раздался слоновий топот сотен вырвавшихся на свободу учеников.

— Здесь говорится, что вам надо будет оставаться после уроков каждый день на этой неделе, начиная с завтрашнего, — сказала профессор МакГонагалл, снова взглянув на записку от Амбридж.

— Каждый день на этой неделе! — в ужасе повторил Гарри. — Но профессор, не могли бы вы…

— Нет, не могла бы, — отрезала профессор МакГонагалл.

— Но…

— Она ваш преподаватель и имеет полное право вас наказывать. Завтра в пять вы должны быть в её кабинете. И запомните: с Долорес Амбридж шутки плохи.

— Но я же просто сказал правду! — возмущённо воскликнул Гарри. — Волан-де-Морт возродился, и вы это знаете. Профессор Дамблдор тоже это знает…

— Ради всего святого, Поттер! — сказала профессор МакГонагалл, сердито поправляя очки (при упоминании о Волан-де-Морте она содрогнулась всем телом). — Разве в том дело, правду вы сказали или нет? Дело в том, что вы должны сидеть тихо и держать себя в руках!

Она встала, раздув ноздри и сжав губы в ниточку. Гарри тоже встал.

— Ещё печенье возьмите, — раздражённо сказала она и толкнула к нему коробку.

— Нет, спасибо, — холодно отозвался Гарри.

— Да не валяйте вы дурака! — прикрикнула на него профессор МакГонагалл.

Он взял печенье.

— Спасибо, — нехотя сказал он.

— Вы что, не слушали речь Долорес Амбридж на пиру по случаю начала учебного года?

— Слушал, как же, — ответил Гарри. — Она сказала… прогресс надо искоренить… или… в общем, это значит, что Министерство магии хочет вмешаться в дела Хогвартса.

Профессор МакГонагалл ещё секунду-другую на него смотрела, потом хмыкнула, обошла свой стол и открыла перед ним дверь.

— Что ж, я рада по крайней мере тому, что вы слушаете Гермиону Грейнджер, — сказала она, провожая его из кабинета.

Глава 13
Вечера у Долорес

Ужин в Большом зале не доставил Гарри в тот день большого удовольствия, весть о его перебранке с Амбридж распространилась исключительно быстро даже по меркам Хогвартса. Пока он сидел за столом между Роном и Гермионой, до него отовсюду долетали шепотки. Забавно было, что шепчущиеся, похоже, считали: если Гарри слышит — тем лучше. Можно подумать, они надеялись, что он снова выйдет из себя и примется кричать, и тогда они получат его историю из первых рук.

— Он говорит, что видел, как Седрика Диггори убили…

— По его словам выходит, что он дрался Сами-Знаете-С-Кем…

— Да брось ты…

— Кому он мозги хочет запудрить?

— Ну не на-адо…

— Я вот чего не могу взять в толк, — сказал Гарри нетвёрдым голосом, положив нож и вилку, которые ему трудно было держать — так дрожали

руки. — Почему они все, как один, поверили этой истории два месяца назад, когда услышали её от Дамблдора?..

— Дело вот в чём, Гарри. Я совсем не убеждена, что они даже тогда ей поверили, — мрачно проговорила Гермиона. — Слушайте, пошли отсюда.

Она тоже положила нож и вилку, стукнув ими по столу; Рон, с тоской посмотрев на недоеденный кусок яблочного пирога, последовал её примеру. Пока они шли из зала, все смотрели на них.

— Как это ты не убеждена, что они поверили Дамблдору? — спросил Гарри Гермиону, когда они поднялись на площадку второго этажа.

— Ты не до конца понимаешь, как обстояли дела после того, что с тобой случилось, — тихо сказала Гермиона. — Ты появляешься посреди лужайки с телом Седрика… Что произошло в лабиринте, никто из нас не видел… О том, что Сам-Знаешь-Кто возродился, убил Седрика и дрался с тобой, Дамблдор сообщил нам на словах, и только.

— Но это правда! — воскликнул Гарри.

— Я знаю, Гарри, поэтому, *пожалуйста,* перестань на меня бросаться, — утомлённо попросила его Гермиона. — Я хочу сказать, что, когда все поехали на каникулы по домам, правда ещё не

улеглась в головах, а дома они два месяца читали, что ты идиот, а Дамблдор — выживший из ума старик.

Пока они шли по пустым коридорам в башню Гриффиндора, по окнам барабанил дождь. Гарри казалось, что первый школьный день длится уже неделю, но прежде чем ложиться спать, надо было ещё одолеть гору домашней работы. Над правым глазом угнездилась тупая пульсирующая боль. Когда они свернули к портрету Полной Дамы, Гарри посмотрел в мокрое от дождя окно на тёмный луг. В хижине Хагрида огонь по-прежнему не горел.

— *Мимбулус мимблетония,* — сказала Гермиона, не дожидаясь вопроса Полной Дамы. Портрет распахнулся, и друзья полезли в проём.

Общая гостиная была почти пуста — мало кто успел к этому времени покончить с ужином. Живоглот, лежавший клубком на одном из кресел, двинулся, громко мяукая, им навстречу, и когда трое друзей сели в свои любимые кресла у камина, он легко вспрыгнул Гермионе на колени и улёгся там, похожий на пушистую рыжую подушку. Гарри уставил взгляд в огонь, чувствуя себя усталым и выпотрошенным.

— Как мог Дамблдор это допустить? — вдруг

воскликнула Гермиона, заставив Гарри и Рона вздрогнуть; Живоглот с обиженным видом соскочил с её колен. Она с такой яростью стукнула кулаками по мягким подлокотникам кресла, что из швов посыпались кусочки подкладки. — Как он мог позволить этой ужасной тётке нас учить? Да ещё в год, когда нам сдавать СОВ!

— Ну, выдающихся учителей защиты от Тёмных искусств у нас пока ещё не было, — сказал Гарри. — Помните, что Хагрид говорил? Никто не хочет идти на эту должность, потому что она проклята.

— Да, но нанять такую, которая запрещает нам применять волшебство? Что Дамблдор делает? Не понимаю.

— И к тому же она будет вербовать доносчиков, — хмуро заметил Рон. — Помните её слова? Она хочет, чтобы к ней приходили и рассказывали про тех, кто говорит, что Сами-Знаете-Кто возродился.

— Ну ещё бы! Она сама здесь для того, чтобы за нами всеми шпионить. Это же очевидно — иначе зачем Фадж её сюда прислал? — резким тоном сказала Гермиона.

— Только не начинайте опять спорить, — обессиленно промолвил Гарри, когда Рон открыл рот,

чтобы ответить. — Может, мы просто… просто займёмся домашней работой, это хотя бы скинем…

Они взяли сумки, которые лежали в углу, и вернулись к креслам у камина. Гриффиндорцы уже начали возвращаться с ужина. Гарри старался не смотреть на портретный проём, но взгляды на себе всё равно чувствовал.

— Давайте сперва со Снеггом разберёмся, — предложил Рон, обмакнув перо в чернила. — «Свойства… лунного камня… и его использование… в зельеварении…» — бормотал он, выводя эти слова вдоль верхней кромки пергамента. — Так. — Он подчеркнул заголовок и с надеждой посмотрел на Гермиону.

— Ну, и какие же свойства у лунного камня и как он используется в зельеварении?

Но Гермиона не слушала его. Она смотрела в дальний угол гостиной, где сидели теперь Фред, Джордж и Ли Джордан, окружённые невинного вида первокурсниками, которые все до единого жевали нечто, взятое, судя по всему, из большого бумажного пакета в руках у Фреда.

— Нет, как хотите, но они зарвались, — сказала она, вставая с негодующим видом. — Пошли, Рон.

— Что?.. Куда пошли? — спросил Рон, явно пытаясь выиграть время. — Нет… Давай не будем, Гермиона… Как мы можем им запретить раздавать сладости?

— Ты прекрасно знаешь, что это не просто сладости, а Кровопролитные конфеты, Блевальные батончики или что там ещё…

— Обморочные орешки… — тихо подсказал Гарри.

Один за другим, точно их били по голове невидимым молотом, первокурсники обмякали в своих креслах, теряя сознание; некоторые сползали прямо на пол, другие, вывалив языки, повисали на подлокотниках. Те, кто на них смотрел, большей частью смеялись; Гермиона, однако, расправила плечи и решительным шагом двинулась к Фреду и Джорджу, которые стояли теперь с блокнотами в руках и пристально наблюдали за подопытными. Рон приподнялся со своего кресла, замер на секунду-другую в этом положении, не зная, как ему быть, потом, обращаясь к Гарри, буркнул: «Она сама справится» — и, сев обратно, съехал в кресле так низко, как только можно было при его внушительном росте.

— Хорошего понемножку! — громогласно заявила Гермиона Фреду и Джорджу; они подняли

на неё глаза с лёгким удивлением.

— Да, ты права, — кивнул Джордж. — Доза, кажется, немного великовата.

— Я, кажется, сказала вам утром: вы не имеете права испытывать на учениках эту дрянь!

— Мы же им платим! — возмутился Фред.

— Это не важно. Вы подвергаете их опасности!

— Глупости, — отрезал Фред.

— Уймись, Гермиона, с ними всё в полном порядке! — успокаивающе сказал Ли, который, переходя от первокурсника к первокурснику, засовывал им в открытые рты тёмно-красные конфетки.

— Вот, смотри, они приходят в себя, — сказал Джордж.

Некоторые первокурсники действительно зашевелились. Иные, почувствовав, что лежат на полу или висят на ручке кресла, были настолько этим напуганы, что Гарри понял: Фред и Джордж не предупредили их о действии, которое окажут на них «сладости».

— Как себя чувствуешь, нормально? — участливо спросил Джордж маленькую темноволосую девочку, лежащую у его ног.

— Я… да, кажется, — слабым голосом ответила она.

— Замечательно, — радостно сказал Фред, но миг спустя Гермиона выхватила у него из рук и блокнот, и пакет с Обморочными орешками.

— Ничего замечательного!

— Да ты что, ведь они остались живы! — сердито возразил Фред.

— Не смейте этого делать! Что, если кто-нибудь всерьёз заболеет?

— Никто не заболеет, мы всё уже проверили на себе, мы просто хотим убедиться, что они на всех действуют одинаково…

— Если вы не прекратите, я…

— Оставишь нас после уроков? — спросил Фред тоном, в котором слышалось: «Хотел бы я посмотреть, как ты попробуешь».

— Посадишь нас строчки писать? — ухмыльнулся Джордж.

По всей гостиной зазвучал смех. Гермиона словно бы стала чуть выше ростом; глаза её сузились, в пышных волосах, казалось, затрещало электричество.

— Нет, — заявила она вибрирующим от гнева голосом. — Я просто напишу вашей матери.

— Ты этого не сделаешь, — в ужасе проговорил Джордж, отступив на шаг.

— Ещё как сделаю, — мрачно сказала Гермио-

на. — Если вы сами хотите глотать эти идиотские штучки, глотайте сколько угодно, но давать их первокурсникам я не позволю!

Фреда и Джорджа как громом поразило. Было совершенно ясно, что угроза Гермионы — удар ниже пояса. Окинув их напоследок суровым взглядом, она швырнула Фреду обратно блокнот и пакет и вернулась к своему креслу у камина.

Рон сполз уже так низко, что нос был примерно на одном уровне с коленями.

— Спасибо за поддержку, Рон, — язвительно бросила Гермиона.

— Ты отлично разобралась с ними сама, — пробормотал Рон.

Поглядев несколько секунд на свой чистый лист пергамента, Гермиона раздражённо сказала:

— Без толку, не могу сейчас сосредоточиться. Я иду спать.

Она открыла сумку. Гарри думал, что она тут же уберёт туда книги, но вначале она достала из сумки два уродливых шерстяных предмета. Аккуратно положив их на столик у камина, она пристроила сверху несколько скомканных клочков пергамента и сломанное перо, после чего отступила, чтобы оценить впечатление.

— Именем Мерлина, что ты такое делаешь? —

спросил Рон, глядя на неё как на чокнутую.

— Это шапки для эльфов-домовиков, — бодро ответила она, начав наконец складывать в сумку книги. — Я летом их связала. Без волшебства я вяжу очень медленно, но в школе, думаю, дело пойдёт гораздо быстрее.

— Ты что, оставляешь им эти шапки? — медленно проговорил Рон. — А вначале посыпаешь их всяким мусором?

— Точно, — с вызовом подтвердила Гермиона и перекинула сумку через плечо.

— Так нельзя, — сердито сказал Рон. — Ты пытаешься всучить им эти шапки хитростью. Хочешь освободить их против их желания.

— Разумеется, они желают освободиться! — возразила Гермиона, но лицо её порозовело. — И не смей трогать шапки, понятно?

Она вышла. Рон подождал, пока за ней закрылась дверь, которая вела в спальни девочек, а потом смахнул с шерстяных шапок весь сор.

— Пусть по крайней мере видят, что берут, — твёрдо сказал он. — А что касается этого… — он скатал пергамент, на котором вывел заголовок заданной Снеггом письменной работы, — сейчас даже и пытаться бессмысленно. Без Гермионы я всё равно ничего не напишу, я понятия не имею

о лунных камнях. А ты?

Гарри покачал головой, чувствуя, что боль в правом виске усиливается. Мысль о длинной письменной работе про войны с великанами отозвалась там нестерпимой пульсацией. Прекрасно зная, что утром пожалеет о невыполненном домашнем задании, он запихнул учебники обратно в сумку.

— Я тоже пойду лягу.

По пути к двери, ведущей к спальням, он прошёл мимо Симуса, но даже не взглянул на него. У Гарри возникло мимолётное ощущение, что Симус открыл рот, желая заговорить, но он ускорил шаги и без приключений добрался до спиральной каменной лестницы с её успокаивающим безлюдьем.

* * *

Новое утро оказалось таким же свинцовым и дождливым, как предыдущее. Во время завтрака Хагрид за преподавательским столом опять не появился.

— Зато Снегга сегодня в расписании нет, — ободряюще заметил Рон.

Гермиона широко зевнула и налила себе кофе. Чем-то она была слегка обрадована, и, когда Рон

спросил, чем именно, она ответила:

— Шапок уже нет. Такое впечатление, что эльфы-домовики всё же хотят свободы.

— Не знаю, не знаю, — едко сказал Рон. — Они могли и не понять, что это головные уборы. По мне, так это никакие и не шапки — больше похоже на вязаные мочевые пузыри.

Гермиона не разговаривала с ним всё утро.

За сдвоенными заклинаниями в тот день шла сдвоенная трансфигурация. И профессор Флитвик, и профессор МакГонагалл первые пятнадцать минут урока говорили о важности СОВ.

— Вы должны помнить, — пропищал малорослый профессор Флитвик, взгромоздясь, как обычно, на стопку книг, чтобы голова оказалась выше поверхности стола, — что эти экзамены могут повлиять на вашу будущность на многие годы! Если вы ещё не задумывались всерьёз о выборе профессии, сейчас для этого самое время. А пока же нам с вами, боюсь, придётся работать больше обычного, чтобы вы все смогли показать себя с лучшей стороны!

После этого они час с лишним повторяли Манящие чары, без которых, сказал профессор Флитвик, на экзамене никак не обойдётся, а под конец урока он задал им такое большое домашнее

задание, какого по заклинаниям ещё не бывало.

То же самое, если не хуже, — на трансфигурации.

— Невозможно сдать СОВ, — сурово провозгласила профессор МакГонагалл, — без серьёзной практики, без прилежания, без упорства. Я не вижу причин для того, чтобы каждый в этом классе не добился успеха на экзамене по трансфигурации, — надо только потрудиться. (Невилл испустил тихий недоверчивый стон.) Да, и вы, Долгопупс, — сказала профессор МакГонагалл. — Вы работаете очень неплохо, вам не хватает только уверенности в себе. Итак, сегодня мы приступаем к Заклятию исчезновения. Оно проще, чем Чары восстановления, которые вам предстоит систематически изучать только при подготовке к ЖАБА, но оно принадлежит к числу труднейших актов волшебства из всех, что входят в программу по СОВ.

Она сказала сущую правду. Для Гарри Заклятие исчезновения оказалось чрезвычайно трудным. До конца сдвоенного урока ни ему, ни Рону так и не удалось заставить исчезнуть улитку, хотя Рон оптимистически заявил, что его улитка, кажется, стала чуточку бледнее. А вот Гермиона со своей улиткой успешно справилась уже с третьей

попытки, заработав для Гриффиндора десятиочковую премию от профессора МакГонагалл. Она единственная не получила домашнего задания; всем остальным было велено отрабатывать чары вечером и готовиться к завтрашнему новому сражению с улиткой.

В лёгкой панике из-за горы домашней работы, которая перед ними высилась, Гарри и Рон провели большую перемену в библиотеке, где читали об использовании лунного камня в зельеварении. Всё ещё сердитая на Рона из-за пренебрежения к её шерстяным шапкам, Гермиона к ним не присоединилась. К началу урока ухода за магическими существами у Гарри уже опять болела голова.

День немного разгулялся, было прохладно и ветрено, и, пока они шли вниз по луговому склону к хижине Хагрида, на лица им время от времени падали отдельные дождевые капли. Профессор Граббли-Дёрг, поджидая учеников, стояла шагах в десяти от двери хижины. Перед ней тянулся длинный стол на козлах, на котором были навалены какие-то ветки. Когда Гарри и Рон приблизились к столу, сзади раздался взрыв хохота; обернувшись, они увидели Драко Малфоя, который направлялся туда же в сопровождении своей обычной слизеринской свиты. Он явно

сказал сейчас что-то чрезвычайно забавное, поскольку Крэбб, Гойл, Пэнси Паркинсон и прочие, подтягиваясь к месту урока, всё никак не могли унять ржание. По тому, как они поглядывали на Гарри, предмет насмешки угадывался без труда.

— Все здесь? — гаркнула профессор Граббли-Дёрг, когда явились и слизеринцы, и гриффиндорцы. — Тогда поехали. Кто может сказать, как это называется?

Она показала на лежащую перед ней кучу веток. Рука Гермионы взвилась в воздух. За спиной у неё Малфой, скаля зубы, передразнивал её манеру подпрыгивать на месте, когда ей не терпится ответить на вопрос. Пэнси Паркинсон взвизгнула от смеха, но этот визг почти сразу же перешёл в пронзительный крик: веточки на столе подскочили, встали торчком и оказались крохотными деревянными существами, похожими на пикси, с коричневыми шишковатыми ручками и ножками, с двумя отросточками-пальчиками на конце каждой ручки, со смешными плоскими, покрытыми подобием коры, личиками, на каждом из которых блестели карие, клопиного цвета глазки.

— О-о-о-о-о! — воскликнули Парвати и Лаванда, чем изрядно раздосадовали Гарри. Можно поду-

мать, Хагрид никогда не показывал им ничего впечатляющего. Да, конечно, флоббер-черви были чуточку скучноваты, но про саламандр и гиппогрифов этого не скажешь, а соплохвосты — это уж и вовсе интереснейшие существа.

— А ну-ка, девочки, потише! — скомандовала профессор Граббли-Дёрг. Она бросила живым палочкам горсть какой-то коричневой крупы, и они тут же набросились на пищу. — Итак, кто мне скажет, как они называются? Мисс Грейнджер?

— Лукотрусы, — ответила Гермиона. — Это лесные сторожа, живут обычно на деревьях, чья древесина идёт на волшебные палочки.

— Пять очков Гриффиндору, — объявила профессор Граббли-Дёрг. — Да, это лукотрусы, и, как правильно сказала мисс Грейнджер, они чаще всего живут на деревьях тех пород, что ценятся изготовителями волшебных палочек. Кто-нибудь знает, чем они питаются?

— Мокрицами, — выпалила Гермиона, и Гарри стало понятно, почему то, что он принял за коричневую крупу, движется. — И яйцами фей-светляков, если могут их раздобыть.

— Очень хорошо, ещё пять очков. Итак, если вам нужна древесина или листва дерева, на котором обитает лукотрус, следует запастись порцией

мокриц, чтобы отвлечь или успокоить его. На вид они безобидны, но, если их разозлить, они пытаются выколоть человеку глаза пальцами, которые, как вы видите, очень остры и опасны для глазных яблок. А теперь подходите ближе, берите мокриц и лукотрусов — одного на троих — и изучайте их поподробнее. До конца урока каждый из вас должен зарисовать лукотруса и пометить на рисунке все части тела.

Ученики толпой двинулись к столу. Гарри нарочно обогнул его, чтобы оказаться рядом с профессором Граббли-Дёрг.

— А где Хагрид? — спросил он её, пока все выбирали лукотрусов.

— Не ваша забота, — жёстко сказала профессор Граббли-Дёрг. Примерно так же она ответила ему и в прошлом году, когда заменяла Хагрида. Между тем Драко Малфой с широкой ухмылкой на заострённом лице перегнулся через Гарри и схватил самого крупного лукотруса.

— Не исключено, — сказал Малфой вполголоса, так что слышать мог только Гарри, — что эта безмозглая орясина здорово покалечилась.

— Заткнись, а то я тебя покалечу так, что своих не узнаешь, — проговорил Гарри краем рта.

— Не исключено, что он связался с чем-то слиш-

ком большим для него, если ты понимаешь, к чему я клоню.

И, ухмыляясь через плечо, Малфой отошёл. Гарри вдруг стало нехорошо. Неужели Малфой что-то знает? Ведь его отец был Пожирателем смерти; что, если у него есть сведения о Хагриде, которые ещё не достигли Ордена Феникса? Гарри поспешно двинулся вокруг стола обратно, к Рону и Гермионе, которые сидели на траве на корточках чуть поодаль и пытались привести лукотруса в более или менее неподвижное состояние, чтобы его зарисовать. Гарри вынул пергамент и перо, опустился на корточки рядом с друзьями и шёпотом передал им то, что услышал от Малфоя.

— Если бы с Хагридом что-то случилось, Дамблдор был бы в курсе, — не долго думая, сказала Гермиона. — К тому же показывать, что мы обеспокоены, значит играть Малфою на руку. Он увидит, что мы не знаем точно, как обстоят дела. Не обращай внимания, Гарри. Подержи-ка лучше лукотруса, я лицо хочу зарисовать…

— Да, — донеслось до них от ближайшей группы учеников; манерно-медлительный выговор Малфоя узнавался безошибочно. — Мой отец пару дней назад беседовал с министром, и очень похоже, что Министерство всерьёз хочет положить

конец непрофессиональным методам обучения в Хогвартсе. Так что даже если это глупое бревно здесь ещё появится, его скорее всего тут же и пошлют куда подальше.

— О-ОХХ!

Гарри так крепко сжал лукотруса, что чуть не сломал, и тот в отместку со всей силы царапнул его острыми пальцами, оставив на руке две длинные глубокие раны. Гарри разжал руку. Крэбб и Гойл, уже расхохотавшиеся при мысли о предстоящем увольнении Хагрида, заржали ещё пуще, увидев, как человечек-палочка со всех ног улепётывает к лесу и скрывается среди древесных корней. Когда по лугу прокатился эхом дальний звонок, Гарри скатал свой испачканный кровью рисунок и с перевязанной Гермиониным платком рукой двинулся на травологию; в ушах у него ещё стоял издевательский смех Малфоя.

— Если он ещё раз посмеет назвать Хагрида бревном… — прорычал Гарри.

— Гарри, не связывайся с Малфоем, не забудь, что он староста, он может тебе устроить трудную жизнь…

— Интересно, что это такое — трудная жизнь? Может, попробовать для разнообразия? — саркастически сказал Гарри.

Рон засмеялся, но Гермиона нахмурилась. Втроём они не спеша шли мимо огородов. Небо по-прежнему словно бы ещё не решило, будет дождь или нет.

— Мне хочется, чтобы Хагрид поскорее вернулся, только и всего, — тихо сказал Гарри, когда они добрались до теплиц. — И не говорите мне, что эта Граббли-Дёрг преподаёт лучше! — добавил он с угрозой.

— Я и не собиралась, — спокойно заметила Гермиона.

— Потому что ей в жизни не сравняться с Хагридом, — твёрдо проговорил Гарри, прекрасно понимая, к немалой своей досаде, что урок заботы о магических существах, который она сейчас провела, был образцовым.

Дверь ближайшей теплицы открылась, и из неё вышло несколько четверокурсников, в том числе Джинни.

— Привет! — жизнерадостно сказала она, проходя мимо.

Некоторое время спустя появилась Полумна Лавгуд. Она плелась в хвосте своего класса. Нос у неё был запачкан землёй, длинные волосы собраны в узел на макушке. Когда она увидела Гарри, её выпуклые глаза от волнения вытаращились ещё

сильней, и она двинулась прямо к нему. Многие его одноклассники с любопытством повернули головы. Полумна набрала побольше воздуха и, не здороваясь, выпалила:

— Я верю, что Тот-Кого-Нельзя-Называть возродился, и я верю, что ты дрался с ним и спасся.

— Э… да, — неуклюже сказал Гарри.

Уши Полумны были украшены серьгами, похожими на оранжевые редиски, что явно не укрылось от внимания Парвати и Лаванды: они хихикали и показывали пальцами на её мочки.

— Смейтесь сколько хотите! — повысила голос Полумна, которой показалось, что они потешаются над её словами. — Было время, когда люди считали, что на свете нет таких существ, как бундящая шица и морщерогий кизляк.

— Так ведь они были правы, разве не так? — с раздражением сказала Гермиона. — На свете действительно нет и не было таких существ.

Полумна бросила на неё уничтожающий взгляд и метнулась прочь. Редиски в её ушах бешено раскачивались. Теперь уже не только Парвати и Лаванда покатывались со смеху.

— Сделай милость, перестань обижать единственного человека, который мне верит, — попросил Гарри Гермиону по дороге в класс.

— Не прибедняйся, Гарри, найдутся и другие, — возразила ему Гермиона. — А про эту Полумну Джинни мне всё рассказала. Она верит только тому, что ничем вообще не доказано. От дочки человека, который издаёт «Придиру», другого и ждать нельзя.

Гарри вспомнил зловещих крылатых лошадей, которых увидел в первый вечер. Полумна сказала, что тоже их видит. На душе у него стало ещё тяжелей. Неужели она лгала? Его размышления на эту тему прервал, подойдя к нему, Эрни Макмиллан.

— Я хочу, чтобы ты знал, Поттер, — произнёс он громким, звучным голосом, — что на твоей стороне не только сумасшедшие. Я лично верю тебе на все сто. Моя семья всегда стояла за Дамблдора, и я тоже буду за него стоять.

— Э… спасибо большое, Эрни, — сказал Гарри и удивлённо, и обрадованно. Хотя Эрни мог бы выразиться и не так торжественно, Гарри в его теперешнем настроении очень кстати пришлось заявление о поддержке со стороны человека, у которого в ушах не болтаются редиски. От слов Эрни улыбка с лица Лаванды Браун мигом исчезла, и, поворачиваясь к Рону и Гермионе, Гарри краем глаза заметил выражение лица Симуса —

смущённое и упрямое.

Профессор Стебль начала урок, конечно же, с наставлений по поводу важности СОВ. Гарри бы не возражал, если бы учителя уже и перестали им это вдалбливать; стоило ему вспомнить, сколько назадавали на дом, как внутренности словно скручивало жгутом. Это ощущение было особенно сильным в конце урока, когда Стебль задала очередную письменную работу. Утомлённые и крепко пахнущие драконьим навозом, который был любимым удобрением профессора Стебль, гриффиндорцы потянулись обратно в замок. Разговаривали мало. Позади был ещё один трудный день.

Гарри очень хотелось есть, и поскольку в пять у него был первый сеанс наказания, назначенного профессором Амбридж, он сразу же, даже не занося сумку в башню Гриффиндора, отправился на ужин. Перед тем неизвестным, что его ожидало, надо было подкрепиться. Но не успел он войти в Большой зал, как раздался громкий сердитый возглас:

— Эй, Поттер!

— Что ещё? — устало пробормотал он и, обернувшись, увидел Анджелину Джонсон, которая, похоже, была вне себя от гнева.

— Я тебе сейчас объясню, что ещё, — сказала она и, двинувшись прямо к нему, жёстко ткнула его в грудь пальцем. — Как это ты ухитрился заработать наказание на пять вечера в пятницу?

— Что? — спросил Гарри. — Не по… ах, да, вратарские испытания!

— Вспомнил! — возмущённо крикнула Анджелина. — Я же говорила, что мне нужна вся команда, что я хочу посмотреть, как впишется новый игрок! Разве ты не знаешь, что я специально заказала на это время поле? А теперь ты вздумал уклониться!

— Ничего я не вздумал! — возразил Гарри, обиженный этой явной несправедливостью. — Меня наказала Амбридж, потому что я сказал правду про Сама-Знаешь-Кого.

— Ну, так иди теперь к ней и проси освободить тебя в пятницу, — яростно потребовала Анджелина. — Как будешь её уговаривать — меня не касается. Можешь, если хочешь, сказать ей, что Сам-Знаешь-Кто — плод твоего воображения. Но в пятницу изволь быть!

Она резко повернулась и унеслась прочь.

— Знаете что? — сказал Гарри Рону и Гермионе, когда они вошли в Большой зал. — Надо бы узнать в «Паддлмир Юнайтед», не погиб ли

Оливер Вуд на тренировке. В Анджелину, похоже, вселился его дух.

— Ну, и какие, по-твоему, шансы, что Амбридж отпустит тебя в пятницу? — скептически спросил Рон, когда они сели за стол Гриффиндора.

— Меньше чем нулевые, — мрачно ответил Гарри, положив себе бараньи отбивные и взявшись за еду. — Но попытаться-то можно, чем я рискую? Предложу, к примеру, два дополнительных наказания потом отбыть… — Он прожевал и проглотил кусок картошки, потом добавил: — Хорошо бы она сегодня не слишком меня задержала. Нам же надо написать три письменные работы, отрабатывать Заклятие исчезновения для МакГонагалл, найти контрзаклятие для Флитвика, дорисовать лукотруса и начать этот дурацкий дневник сновидений для Трелони!

Ром застонал и почему-то поднял глаза к волшебному потолку.

— И кажется, собирается дождь.

— При чём тут дождь, когда мы говорим о домашней работе? — вскинула брови Гермиона.

— Ни при чём, — быстро ответил Рон, но уши у него покраснели.

Без пяти пять Гарри попрощался с друзьями и пошёл на четвёртый этаж в кабинет Амбридж.

Когда он постучал, она сахарным голоском откликнулась: «Входите». Он осторожно вошёл, оглядываясь по сторонам.

Он помнил этот кабинет при каждом из троих его прежних владельцев. Когда его занимал Златопуст Локонс, стены были оклеены его портретами. Придя к Люпину, почти наверняка можно было увидеть какое-нибудь диковинное Тёмное существо в клетке или аквариуме. При самозванце, выдававшем себя за Грюма, кабинет был набит разнообразными инструментами и приспособлениями для раскрытия тайных козней.

Теперь, однако, кабинет изменился до неузнаваемости. На все поверхности были наброшены ткани — кружевные или обычные. Стояло несколько ваз с засушенными цветами, каждая на своей салфеточке, а на одной из стен висела коллекция декоративных тарелочек с яркими цветными котятами, которые различались, помимо прочего, повязанными на шею бантиками. Котята были такие мерзкие, что Гарри ошеломлённо пялился на них и пялился, пока профессор Амбридж снова не заговорила.

— Добрый вечер, мистер Поттер.

Гарри вздрогнул и обернулся. Он потому не сразу её заметил, что её мантия с ярким цветочным

узором уж слишком хорошо гармонировала со скатертью на письменном столе.

— Добрый вечер, профессор Амбридж, — деревянным голосом отозвался Гарри.

— Ну что ж, садитесь, — сказала она, показывая на маленький столик, покрытый кружевной скатертью, у которого она заранее поставила стул с прямой спинкой. На столике, явно дожидаясь Гарри, лежал чистый пергамент.

— Э… — сказал Гарри, не двигаясь. — Профессор Амбридж, прежде чем мы начали, я… я хочу попросить вас об… одолжении.

Её выпуклые глаза сузились.

— Я вас слушаю.

— Видите ли, я вхожу в команду Гриффиндора по квиддичу. В пятницу в пять часов я должен быть на испытаниях кандидатов во вратари, и я… я подумал, может быть, вы освободите меня на этот вечер от наказания, я тогда… я тогда отбуду его в другой день…

Задолго до того, как он кончил, ему было ясно, что ничего не выйдет.

— Ну, что вы, — сказала Амбридж, улыбаясь так широко, словно только что проглотила на редкость сочную муху. — Нет-нет, что вы, что вы. Мистер Поттер, вы наказаны за распространение

скверных и вредных историй в целях саморекламы, и никто не будет ради вашего удобства ничего переносить. Нет, вы явитесь сюда в пять часов и завтра, и послезавтра, и в пятницу, все ваши наказания пройдут как намечено. Будет совсем неплохо, если вам придётся пропустить то, от чего вы не хотели бы отказываться. Это сделает урок, который я намерена вам преподать, ещё более поучительным.

Гарри почувствовал, как кровь приливает к голове, в ушах застучало молотом. Он в целях саморекламы рассказывает скверные и вредные истории?

Она смотрела на него, слегка склонив голову на сторону, и по-прежнему широко улыбалась, как будто в точности знала, о чём он думает, и хотела посмотреть, начнёт он снова кричать или нет. Сделав колоссальное усилие, Гарри отвёл от неё взгляд, уронил сумку на пол около стула с прямой спинкой и сел на него.

— Ну вот, — ласково сказала Амбридж, — мы уже лучше владеем собой, не правда ли? Теперь, мистер Поттер, вы напишете для меня некоторое количество строк. Нет, не вашим пером, — добавила она, когда Гарри потянулся к сумке. — Вы воспользуетесь моим пером, специальным. Вот,

пожалуйста.

Она протянула ему чёрное перо, длинное и тонкое, с необычно острым кончиком.

— Я попросила бы вас написать: «Я не должен лгать», — мягко сказала она.

— Сколько раз? — спросил Гарри, довольно убедительно имитируя вежливость.

— Столько, сколько понадобится, чтобы смысл *впечатался*, — ласково ответила Амбридж. — Приступайте.

Она отошла к своему столу, села и склонилась над стопкой пергаментов, которые скорее всего были сданными на проверку письменными работами. Гарри приподнял острое чёрное перо, но понял, что кое-чего не хватает.

— Вы не дали мне чернил, — сказал он.

— О, чернила вам не понадобятся, — заверила его профессор Амбридж с крохотнейшей смешинкой в голосе.

Гарри поднёс остриё пера к бумаге и вывел:

«Я не должен лгать».

Он испустил вздох боли. Слова, появившиеся на пергаменте, были написаны чем-то ярко-красным. Те же слова возникли и на тыльной стороне его правой руки, будто проведённые скальпелем;

но не успел он отвести взгляда от свежих надрезов, как их затянуло гладкой кожей — осталась лишь небольшая краснота.

Гарри оглянулся на Амбридж. Она смотрела на него, растянув в улыбке большой жабий рот.

— Да-да?

— Нет, ничего, — тихо сказал Гарри.

Он снова посмотрел на пергамент, поднёс к нему перо второй раз, написал: «Я не должен лгать» — и опять почувствовал жгучую боль в руке. Вновь слова были вырезаны на коже, и вновь надрезы затянулись секунды спустя.

И так пошло дальше. Раз за разом Гарри выводил на пергаменте эти слова, выводил, как ему стало понятно, не чернилами, а собственной кровью. Раз за разом невидимый скальпель вырезал эти слова на его коже, которая потом затягивалась, но только до того момента, как он опять касался пером пергамента.

За окном кабинета Амбридж стало темно. Гарри не спрашивал её, когда это кончится. Он ни разу даже не поглядел на часы. Он знал, что она смотрит на него, дожидаясь признаков слабости, и не собирался их выказывать, пусть даже придётся просидеть тут всю ночь, вспарывая этим пером собственную руку…

— Подойдите сюда, — сказала она наконец. По его ощущению, прошло несколько часов.

Он встал. Правую кисть сильно саднило. Опустив на неё взгляд, он увидел, что надрезы затянулись, но кожа всюду красная, воспалённая.

— Дайте руку, — промолвила профессор Амбридж.

Он протянул ей руку. Она взяла её в свою. Когда она дотронулась до него толстыми пальцами-обрубками, на которые были надеты уродливые старомодные перстни, он с трудом подавил судорогу.

— Увы, увы, увы, результаты пока скромные, — сказала она, улыбаясь. — Что ж, продолжим завтра вечером, не так ли? Можете идти.

Гарри без единого слова вышел из кабинета. В школе было совершенно безлюдно; наверняка уже перевалило за полночь. Он медленно двинулся по коридору, но, повернув за угол и зная, что отсюда она уже не услышит шагов, бросился бежать.

У него не осталось сил ни на отработку Заклятия исчезновения, ни на дневник сновидений, ни на изображение лукотруса, ни на письменные работы. Утром он не пошёл завтракать, чтобы накатать по-быстрому для прорицаний, которые

шли первым уроком, пару фальшивых сновидений. Что странно, компанию ему составил взъерошенный Рон.

— Вечером-то что тебе помешало? — спросил Гарри друга, чей взор дико блуждал по стенам гостиной в поисках вдохновения. Рон, который крепко спал, когда Гарри вернулся вчера от Амбридж, пробормотал, что «делал другое», и, низко склонившись над пергаментом, нацарапал несколько слов.

— Ладно, сойдёт, — сказал он, захлопывая дневник. — Написал, что мне приснилось, будто я покупаю новые ботинки. Вряд ли она отсюда что-нибудь этакое сможет вывести.

Вдвоём они быстро зашагали в Северную башню.

— А как у Амбридж? Что она заставила тебя делать?

Поколебавшись долю секунды, Гарри ответил:

— Строчки писать.

— Значит, ничего такого страшного? — спросил Рон.

— Да, ничего, — сказал Гарри.

— Кстати… вспомнил сейчас… отпустит она тебя в пятницу?

— Нет, — сказал Гарри.

Рон издал сочувственный стон.

День для Гарри опять выдался скверный. Не отработав Заклятие исчезновения, он в результате оказался одним из худших на трансфигурации. Всю большую перемену ему пришлось потратить на дорисовку лукотруса, а между тем МакГонагалл, Граббли-Дёрг и Синистра задали им новые домашние задания, выполнить которые вечером у него не было никаких шансов из-за наказания, наложенного Амбридж. В довершение всего Анджелина Джонсон за ужином снова его поймала и, узнав, что он всё-таки не сможет в пятницу прийти на вратарские испытания, сказала, что разочарована его отношением к делу и что игрок, который хочет остаться в команде, должен ставить тренировки выше всего остального.

— Я наказан, ясно тебе или нет? — заорал Гарри ей в спину, когда она зашагала прочь. — Ты думаешь, торчать у этой старой жабы мне приятнее, чем играть в квиддич?

— По крайней мере это строчки, ничего больше, — попыталась утешить его Гермиона, когда он опять опустился на своё место за столом и поглядел на бифштекс и пирог с почками, которых ему уже не хотелось доедать. — Не такое уж страшное наказание.

Гарри открыл рот, потом закрыл его и кивнул. Он не вполне понимал, почему утаивает от Рона и Гермионы, что произошло в кабинете Амбридж. Знал только, что не хочет видеть ужас на лицах друзей, что от этого ему стало бы ещё хуже, ещё труднее. И вдобавок он смутно чувствовал, что это должно остаться между ним и Амбридж, что идёт их личное состязание воль, и он намерен был лишить её удовольствия узнать, что он жаловался.

— Сколько домашней работы — это просто немыслимо, — несчастным голосом сказал Рон.

— Не понимаю, почему ты вчера вечером ничего не сделал? — спросила его Гермиона. — Где ты был, кстати?

— Я был… ну… прогуляться ходил, — уклончиво ответил Рон.

У Гарри возникло отчётливое ощущение, что не ему одному есть что скрывать.

* * *

Второй вечер у Амбридж прошёл не лучше, чем первый. Кожа на тыльной стороне руки раздражалась теперь быстрее и очень скоро покраснела и воспалилась. Вряд ли, подумал Гарри, она долго будет раз за разом так хорошо заживать. Скоро

слова врежутся ему в руку, и Амбридж, видимо, будет удовлетворена. Тем не менее он не позволил себе даже вздохнуть от боли и за всё время (она опять отпустила его только после полуночи) не произнёс ни слова, кроме «добрый вечер» и «спокойной ночи».

С домашним заданием, однако, положение уже было отчаянное, и, вернувшись в гриффиндорскую гостиную, он, хоть и устал до предела, не пошёл спать, а открыл учебники и принялся за письменную работу о лунном камне, которую задал им Снегг. Кончил к половине третьего ночи. Он знал, что написал не ахти как хорошо, но делать было нечего; по крайне мере он сдаст хоть что-то, иначе не миновать нового наказания, на этот раз от Снегга. Затем он кое-как нацарапал ответы на вопросы МакГонагалл, накатал что-то насчёт правильного обращения с лукотрусами для Граббли-Дёрг, с трудом доковылял до кровати, рухнул на неё не раздеваясь и мгновенно заснул.

* * *

Четверг прошёл в тумане неимоверной усталости. Рон тоже был очень сонный — Гарри не понимал почему. Третий сеанс наказания отличался от предыдущих только тем, что через два

часа слова «Я не должен лгать» уже не растаяли на руке, а остались нацарапанными на ней. Из букв капельками сочилась кровь. Перерыв в скрипе острого пера заставил профессора Амбридж поднять глаза.

— А, — мягко сказала она, выходя из-за стола, чтобы лично обследовать руку. — Хорошо. Это послужит вам напоминанием, не правда ли? На сегодня достаточно.

— Завтра мне приходить? — спросил Гарри, беря сумку левой рукой. Правая очень сильно болела.

— Ну конечно, — ответила профессор Амбридж, улыбаясь всё так же широко. — За следующий вечер мы, надеюсь, впечатаем поучение ещё чуть глубже.

До сих пор Гарри и представить себе не мог, что на свете найдётся преподаватель, которого он будет ненавидеть больше, чем Снегга. Но, идя в башню Гриффиндора, он должен был признать, что у Снегга появился достойный конкурент.

«Сволочь, — подумал он, поднимаясь по лестнице на восьмой этаж, — гнусная, сумасшедшая, старая…»

— Рон?

Он дошёл тем временем до верха лестницы,

повернул направо и едва не натолкнулся на Рона, который стоял за статуей Десмонда Долговязого и стискивал метлу. Увидев Гарри, он так и подскочил от неожиданности и попытался спрятать свой новый «Чистомет-11» за спиной.

— Что ты здесь делаешь?

— Я… ничего. А ты что здесь делаешь?

Гарри нахмурился.

— Да брось, мне-то ты можешь сказать! Чего ты тут спрятался?

— Я… я от Фреда и Джорджа, если уж тебе так нужно знать, — сказал Рон. — Они только что прошли тут с первокурсниками, наверняка опять что-то на них испытывают. Ведь в общей гостиной они не могут, там сейчас Гермиона.

Говорил он очень быстро и как-то лихорадочно.

— Но метла-то тебе зачем? Куда лететь собрался? — спросил Гарри.

— Я… ну… ну хорошо, скажу, только не смеяться, ладно? — слабо обороняясь, проговорил Рон, который с каждой секундой всё краснел и краснел. — Я подумал, может, теперь, когда у меня приличная метла, меня возьмут вратарём в команду Гриффиндора? Ну вот. Давай. Смейся.

— Никакого смеха, — сказал Гарри. Рон морг-

нул. — Отличная идея! Просто здорово будет, если ты попадёшь в команду! Ни разу не видел, как ты играешь вратарём. Хорошо играешь?

— Вроде бы неплохо, — ответил Рон, которому реакция Гарри явно принесла громадное облегчение. — Когда Чарли, Фред и Джордж тренировались в каникулы, я всегда был у них вратарём.

— Значит, сейчас отрабатывал вратарские приёмы?

— И сейчас, и каждый вечер со вторника… правда, сам по себе. Я пытался колдовством заставить квоффлы лететь на меня, но это оказалось трудно, и не уверен, что от этого было бы много пользы. — У Рона был нервный, встревоженный вид. — Фред и Джордж небось лопнут от смеха, когда я приду на испытания. С тех пор как меня назначили старостой, они постоянно меня дразнят.

— Жалко, что меня там не будет, — с горечью сказал Гарри, когда они вместе пошли в гостиную.

— Да, и мне… Гарри, что у тебя с рукой?

Гарри, который только что почесал нос свободной от сумки правой рукой, попытался спрятать её, но преуспел не больше, чем Рон со своим «Чистометом».

— Да ничего, порезал просто…

Рон схватил Гарри за запястье и поднял его кисть на уровень глаз, повернув к себе тыльной стороной. Довольно долго он молча пялился на слова, вырезанные на коже. Наконец отпустил руку. Ему явно стало нехорошо.

— Ты, кажется, сказал, что она просто велела тебе писать строчки.

Гарри заколебался было — но Рон-то ведь был с ним откровенен, и он рассказал Рону всю правду о часах, которые провёл в кабинете Амбридж.

— Вот старая стерва! — возмущённо прошептал Рон, когда они остановились у Полной Дамы, которая мирно дремала, уронив голову на грудь. — Да она просто сумасшедшая! Иди к МакГонагалл, скажи ей!

— Нет, — быстро ответил Гарри. — Этим я только обрадую Амбридж, это значило бы, что она меня достала. Не хочу.

— Достала? Но нельзя же ей это спускать!

— К тому же я не знаю, имеет ли МакГонагалл над ней власть, — сказал Гарри.

— Тогда иди к Дамблдору!

— Нет, — отрезал Гарри.

— Почему?

— У него и без меня много забот, — сказал Гарри,

хотя настоящая причина была другая. Он потому не хотел обращаться к Дамблдору за помощью, что Дамблдор с июня не говорил с ним ни разу.

— И всё-таки я считаю… — начал Рон, но его перебила Полная Дама, которая уже некоторое время смотрела на них сонным взором и теперь не выдержала:

— Вы намерены говорить пароль? Мне что, всю ночь не спать и дожидаться, пока вы кончите беседу?

* * *

В пятницу — такая же хмарь и сырость, как всю неделю. Хотя Гарри, входя в Большой зал, невольно бросил взгляд на преподавательский стол, по-настоящему он уже не надеялся увидеть Хагрида, и сознание его мигом переключилось на более насущные проблемы — такие, как гора домашних заданий и перспектива новых мучений в кабинете Амбридж.

Две мысли поддерживали Гарри в тот день. Одна — что завтра уже выходные, другая — что хотя последний вечер у Амбридж наверняка будет очень тяжёлым, в окно её кабинета хоть издали, но видно поле для квиддича и, если повезёт, он сможет посмотреть, как Рон справляется с испы-

таниями. Лучики света, прямо скажем, довольно слабые, но Гарри был рад всему, что хоть сколько-нибудь могло рассеять окружающий мрак; ни разу ещё учебный год в Хогвартсе не начинался у него с такой скверной недели.

В пять вечера Гарри в последний раз, как он от всей души надеялся, постучал в дверь кабинета Амбридж и услышал, что может войти. На покрытом кружевной скатертью столике его ждал чистый пергамент, рядом лежало чёрное заострённое перо.

— Вы знаете, что вам делать, мистер Поттер, — сладко улыбнулась ему Амбридж.

Гарри взял перо и бросил взгляд в окно. Если бы переместить стул вправо всего на какой-нибудь дюйм… Притворившись, что подвигается ближе к столу, он смог это сделать. Теперь ему видно было, как вдалеке летает над полем для квиддича команда Гриффиндора, видны были и полдюжины тёмных фигур, стоявших около трёх высоких шестов с кольцами. Это наверняка были кандидаты во вратари, ожидающие очереди показать, на что они способны. Понять, кто из них Рон, на таком расстоянии было невозможно.

«Я не должен лгать», — написал Гарри. Надрезы на тыльной стороне правой кисти открылись и

снова начали кровоточить.

«Я не должен лгать».

Надрезы углубились, руке стало горячо и больно.

«Я не должен лгать».

По запястью потекла кровь.

Он ещё раз улучил момент и посмотрел в окно. Кто бы ни защищал сейчас кольца, он делал это из рук вон плохо. За те считанные секунды, что Гарри осмелился глядеть, Кэти Белл забросила мяч дважды. Всей душой надеясь, что в роли вратаря выступает не Рон, он перевёл взгляд на закапанный кровью пергамент.

«Я не должен лгать».
«Я не должен лгать».

Он поднимал глаза всякий раз, когда ситуация казалась благоприятной, — когда, например, он слышал скрип пера Амбридж или шорох выдвигаемого ящика стола. Третий из испытуемых выглядел сносно, четвёртый ужасно, пятый уклонился от бладжера очень хорошо, но тут же

пропустил лёгкий мяч. Сумерки за окном быстро сгущались, и Гарри не знал, сможет ли разглядеть шестого и седьмого.

«Я не должен лгать».
«Я не должен лгать».

Уже весь пергамент был алый от крови из руки, которая очень сильно болела. Когда Гарри опять поднял голову, уже совсем стемнело и на поле для квиддича ничего не было видно.

— Давайте-ка мы с вами взглянем, усвоили ли вы урок, — прозвучал через полчаса мягкий голос Амбридж.

Она подошла к нему и протянула короткопалую, с перстнями, ладонь. Он подал ей руку, и она стала рассматривать слова, врезавшиеся в кожу. И тут его полоснула новая боль, уже не в руке, а в шраме на лбу. Одновременно возникло очень странное ощущение где-то под ложечкой.

Он выдернул руку и вскочил, глядя на Амбридж во все глаза. Она смотрела на него, растягивая в улыбке широкий и дряблый рот.

— Больно, не так ли? — мягко сказала она.

Он не ответил. Сердце стучало очень сильно и быстро. Что она имеет в виду — израненную руку или то, что он почувствовал сейчас во лбу?

— Что ж, я полагаю, вы получили необходимое внушение, мистер Поттер. Можете идти.

Он схватил сумку и, как мог, быстро вышел из кабинета.

«Спокойно, — говорил он себе, взбегая по лестнице. — Спокойно, это вовсе не обязательно значит то, что ты думаешь…»

— *Мимбулус мимблетония!* — выдохнул он перед портретом Полной Дамы, и тот в очередной раз распахнулся перед ним.

В гостиной его встретил радостный вопль. Рон, сияя и обливаясь сливочным пивом, бросился к нему бегом с кубком в руке.

— Гарри, я сумел, я в команде, я вратарь!

— Что? Ух ты, классно! — сказал Гарри, пытаясь изобразить улыбку, сердце между тем по-прежнему колотилось, рука кровоточила, и в ней мучительно пульсировало.

— Вот, хлебни сливочного пива. — Рон сунул ему бутылку. — Я всё никак поверить не могу… А куда Гермиона делась?

— Здесь она, здесь, — успокоил его Фред, тоже попивавший сливочное пиво, и показал на кресло у камина. Сидевшая в нём Гермиона задремала, кубок у неё в руке опасно наклонился.

— Когда узнала, сказала, что рада, — сообщил

Рон уже не таким торжествующим тоном.

— Пусть поспит, — торопливо сказал Джордж, и чуть погодя Гарри заметил у нескольких собравшихся вокруг первокурсников явные следы недавнего кровотечения из носа.

— Рон, иди сюда! Посмотрим, годится ли тебе старая игровая мантия Оливера, — позвала его Кэти Белл. — Можно будет убрать его фамилию и поставить твою…

Когда Рон отошёл, к Гарри решительными шагами приблизилась Анджелина.

— Прости, Поттер, я немного погорячилась, — коротко сказала она. — Нервное это дело — руководить командой. Я начинаю думать, что не всегда была справедлива к Вуду.

Слегка нахмурившись, она смотрела на Рона поверх края поднятого кубка.

— Я знаю, что он твой лучший друг, но должна сказать, что я от него не в восторге, — сообщила она без обиняков. — Хотя, надеюсь, потренируется — и дело пойдёт. Ведь у него в семье были хорошие игроки. Если честно, я взяла его только потому, что рассчитываю на большее, чем он показал сегодня. И Викки Фробишер, и Джеффри Хупер летали лучше, но Хупер самый настоящий нытик, он вечно на что-то жалуется, а Викки

состоит во всех обществах, какие есть. Она мне прямо сказала, что если тренировка совпадёт с собранием Клуба ворожбы, то она выберет клуб. Как бы то ни было, первая тренировка у нас завтра в два, так что изволь на этот раз быть. И очень тебя прошу, помогай Рону как только можешь, хорошо?

Гарри кивнул, и Анджелина вернулась к Алисии Спиннет. Гарри сел рядом с Гермионой. Когда он положил на пол сумку, она вздрогнула и проснулась.

— А, это ты, Гарри… Здорово, что Рона взяли, правда? — сказала она вяло. — А я что-то очень… очень устала, зевнула она. — Вчера до часу ночи вязала шапки. Они исчезают с дикой скоростью!

Оглядев гостинную, Гарри увидел, что шерстяные шапки рассованы по всем мыслимым местам, где неосмотрительные эльфы могли случайно их взять.

— Замечательно, — без энтузиазма сказал он, чувствуя, что лопнет, если не сообщит кому-нибудь немедленно. — Слушай, Гермиона, я был сейчас в кабинете у Амбридж, и когда она дотронулась до моей руки…

Гермиона слушала очень внимательно. Когда Гарри кончил, она медленно проговорила:

— Ты боишься, что Сам-Знаешь-Кто контролирует её, как Квиррелла?

— Согласись, — сказал Гарри тихо, — что такое возможно.

— Да, возможно, — отозвалась Гермиона, хоть и не слишком уверенным тоном. — Но я не думаю, что он владеет Амбридж, как владел Квирреллом, ведь он вполне живой сейчас, у него есть собственное тело, и ему не нужно вселяться в кого-то другого. Я скорей могу допустить, что он держит её под заклятием Империус…

Некоторое время Гарри смотрел, как Фред, Джордж и Ли Джордан жонглируют пустыми бутылками из-под сливочного пива. Потом Гермиона сказала:

— Но ведь шрам у тебя может теперь заболеть, даже когда никто тебя не трогает, и помнишь, как это объяснил Дамблдор? Причина в том, что чувствует в этот момент Сам-Знаешь-Кто. Я хочу сказать, что, может быть, это и не связано с Амбридж, может быть, это просто случайное совпадение.

— Она сволочь, — отрезал Гарри. — Гнусная сволочь.

— Да, она ужасная, но… Гарри, ты должен сказать Дамблдору, что у тебя болел шрам.

Уже второй раз за два дня ему советовали пойти к Дамблдору, но его ответ Гермионе был таким же, как Рону.

— Не буду докучать ему такими вещами. Ты сама сейчас сказала, что это не очень важно. Летом меня часто беспокоил шрам, сегодня чуть сильней, только и всего…

— Гарри, я уверена, Дамблдору надо, чтобы ему докучали такими вещами…

— Да, — вырвалось у Гарри прежде, чем он мог бы остановить себя, — это одно во мне его интересует. Мой шрам.

— Зря ты так говоришь, это неправда!

— Напишу-ка я об этом Сириусу, посмотрим, что он ответит…

— Гарри, в письмах про такое нельзя! — встревоженно воскликнула Гермиона. — Неужели ты забыл? Грюм велел нам быть насчёт этого очень аккуратными! Никто теперь не может гарантировать, что сов не перехватывают!

— Ладно, значит, не буду ему писать! — раздражённо пообещал Гарри и встал. — Пойду лягу спать. Поздравь Рона от моего имени, хорошо?

— Ну уж нет, — сказала Гермиона с облегчением. — Ты идёшь спать, значит, и я тоже могу, и совесть моя будет перед ним чиста. Я совершенно

вымотана, а завтра мне делать новые шапки. Слушай, может, и ты подключишься? Это очень увлекательно, у меня получается всё лучше и лучше, я могу вывязывать узоры, помпончики и всё, что угодно.

Гарри посмотрел на её светящееся от радости лицо и постарался сделать вид, что предложение его в какой-то мере соблазняет.

— Э… нет, я, наверно, не смогу, — сказал он. — Завтра уж точно не получится. Столько уроков…

И он устало потащился к лестнице, ведущей к спальням мальчиков. Гермиона поглядела ему вслед с лёгким разочарованием.

Глава 14
Перси и Бродяга

На другое утро Гарри проснулся первым в спальне. Он немного полежал, глядя, как плавает пыль в солнечном луче, проникшем через щель в пологе, и радуясь тому, что сегодня суббота. Первая неделя занятий казалась бесконечно долгой, как один сплошной урок истории магии.

Судя по сонной тишине и свежести солнечного луча, солнце взошло совсем недавно. Он раздвинул полог кровати, встал и начал одеваться. Кроме птичьего щебета вдали да мерного, глубокого дыхания соседей-гриффиндорцев, ничего не было слышно. Он тихо открыл свою сумку, вытащил пергамент и перо и пошёл в общую гостиную.

Направившись прямо к своему любимому мягкому креслу возле камина, давно погасшего, Гарри сел поудобнее, развернул пергамент и огляделся. Обычного мусора, накапливающегося здесь к концу дня — скомканных клочков пергамента, старых плюй-камней, конфетных обёрток и пустых пузырьков из-под ингредиентов, —

сегодня не было. Не было и шапок, связанных Гермионой для эльфов. Лениво подумав о том, сколько эльфов уже отпущено на свободу, хотели они её или нет, Гарри откупорил чернила, обмакнул перо и, занеся его над гладким желтоватым пергаментом, глубоко задумался. Он сидел, глядя в пустой камин, и решительно не знал, что ему написать.

Теперь он понял, насколько трудно было Рону и Гермионе писать ему летом письма. Как рассказать Сириусу обо всём, что случилось за неделю, и задать вопросы, не дававшие покоя, но так, чтобы не поняли те, кто может перехватить письмо?

Он долго сидел, уставясь в камин, но наконец пришёл к решению и, снова окунув перо, начал писать:

> Дорогой Нюхалз!
>
> Надеюсь, что ты здоров; первая неделя здесь была ужасной, и я рад, что она кончилась.
>
> У нас новый преподаватель защиты от Тёмных искусств, профессор Амбридж. Она почти такая же милая, как твоя мамочка. А пишу тебе потому, что то, про что писал тебе прошлым летом, опять

случилось вчера вечером, когда я отбывал наказание у Амбридж.

Скучаем по нашему самому большому другу, надеемся, что он скоро вернётся. Пожалуйста, ответь поскорее.

Всего хорошего.

Гарри.

Он несколько раз перечитал письмо, пытаясь увидеть его глазами постороннего. Кажется, из него нельзя понять, о чём здесь говорится и кому оно адресовано. Он надеялся, что Сириус поймёт намёк о Хагриде и сообщит, когда Хагрид может вернуться. Открыто спрашивать он не хотел — это могло привлечь внимание к тому, чем занят Хагрид, пока отсутствует в школе.

Письмо, хотя и очень короткое, писалось долго: за это время солнце обогнуло чуть не половину гостиной, а в спальнях наверху уже слышалось движение. Аккуратно запечатав пергамент, он выбрался через портретную дверь и пошёл к совятнику.

— На твоём месте я бы этой дорогой не шёл, — сказал Почти Безголовый Ник, смущённо выплывший перед ним из стены в коридоре. — Пивз задумал подшутить над первым, кто пройдёт

мимо бюста Парацельса по коридору.

— Шутка в том, что Парацельс упадёт ему на голову? — осведомился Гарри.

— Как ни смешно, да, — скучным голосом ответил Ник. — Остроумием Пивз никогда не отличался. Попробую найти Кровавого Барона. Может, он его урезонит… Пока, Гарри.

— Пока, — отозвался Гарри и свернул не направо, а налево, выбрав более длинную, но более безопасную дорогу к совятнику.

Настроение у него улучшалось: в одном окне за другим он видел яркое голубое небо; сегодня тренировка, и наконец-то он попадёт на поле для квиддича.

Что-то задело его лодыжку. Он посмотрел под ноги и увидел, что мимо шмыгнула тощая серая кошка смотрителя Миссис Норрис. Она глянула на него жёлтыми, как лампы, глазами и скрылась за статуей Уилфреда Унылого.

— Ничего такого не делаю, — крикнул ей вслед Гарри. У неё явно был вид кошки, намеревающейся донести на него хозяину, хотя с какой стати, Гарри не понимал — он имел полное право пойти субботним утром в совятник.

Солнце уже стояло высоко, и, когда Гарри вошёл в совятник, окна без стёкол ослепили его:

широкие серебристые снопы солнечного света насквозь пронизывали круглое помещение, где сидели на балках сотни сов, несколько обеспокоенных ярким светом, — некоторые, похоже, только что вернулись с охоты. Отыскивая глазами Буклю, Гарри шёл, задрав голову, и устланный соломой пол похрустывал под ногами, когда он наступал на косточки маленьких животных.

— Вот ты где, — сказал он, увидев её почти на самом верху сводчатого потолка. — Давай сюда. Тут у меня письмо.

Тихо ухнув, она расправила большие белые крылья и спустилась к нему на плечо.

— Ну да, тут написано: «Нюхалзу», — сказал он, вкладывая ей в клюв письмо, и, сам не зная зачем, шёпотом добавил: — Но оно для Сириуса, ясно?

Букля мигнула жёлтыми глазами, и это означало, что она поняла.

— Тогда счастливого полёта.

Гарри поднёс её к одному из окон, и, оттолкнувшись от его руки, Букля взмыла в ослепительно яркое небо. Он смотрел ей вслед, пока она не превратилась в чёрную точку и не исчезла, а потом перевёл взгляд на хижину Хагрида — домик был хорошо виден из этого окна и явно необитаем: занавески задёрнуты, дым из трубы не идёт.

Верхушки деревьев в Запретном лесу раскачивал ветерок. Гарри смотрел на них, радуясь свежему воздуху, обвевавшему лицо, думая, что скоро квиддич… И вдруг увидел: из чащи, словно громадная нелепая птица, поднялась большая крылатая лошадь-рептилия, с раскинутыми перепончатыми, как у птеродактиля, крыльями — в точности такая, как те, что были впряжены в хогвартские кареты. Она описала в воздухе большой круг и снова опустилась в чащу. Всё это произошло так быстро, что Гарри не мог поверить своим глазам; однако сердце у него бешено забилось.

Позади открылась дверь. Он вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел Чжоу Чанг с письмом и свёртком в руке.

— Привет, — машинально произнёс он.

— Ой… привет, — испуганно отозвалась она. — Я думала, тут никого не будет в такую рань… Только что вспомнила: сегодня мамин день рождения.

Она показала свёрток.

— Ага, — пробормотал Гарри. У него словно что-то заклинило в голове. Он хотел сказать что-нибудь забавное, но мысли были заняты ужасной крылатой лошадью. — Хорошая погода. — Он

показал на окно. Внутри у него всё съёжилось от растерянности. Погода. О погоде заговорил…

— Да. — Чжоу поискала взглядом подходящую сову. — В самый раз для квиддича. Я всю неделю не выходила. А ты?

— Тоже, — сказал Гарри.

Чжоу остановила выбор на одной из школьных сипух. Подманила её к себе на руку, и птица услужливо выставила лапу, чтобы к ней прикрепили посылку.

— А что, у Гриффиндора есть уже новый вратарь?

— Да. Мой друг Рон Уизли, знаешь его?

— Это который ненавидит «Торнадос»? — холодно осведомилась Чжоу. — А играть-то может?

— Да, — сказал Гарри. — Думаю, да. Хотя в игре его не видел. Отбывал наказание.

Чжоу перестала привязывать посылку к совиной лапе и подняла голову.

— Эта Амбридж подлая, — сказала она, понизив голос, — наказала тебя за то, что ты сказал правду про… про его смерть. Все об этом слышали, вся школа знает. Ты храбро поступил, что не поддался ей.

Гарри сразу ощутил такую лёгкость, что, казалось, вот-вот поднимется в воздух с заляпанного

помётом пола. Какое ему дело до этих дурацких летающих лошадей? Чжоу считает, что он вёл себя храбро. Он даже подумал, не показать ли ей — как бы случайно — порезанную руку, пока помогает привязывать посылку… но в ту секунду, когда возникла эта соблазнительная мысль, дверь совятника снова распахнулась.

Пыхтя, вошёл смотритель Филч. Его обвислые, с прожилками щёки были в красных пятнах, подбородок дрожал, жидкие седые волосы взъерошены — он явно бежал сюда. Миссис Норрис семенила следом, поглядывая на сов и алчно мяукая. Наверху беспокойно зашуршали крылья, и большая бурая сова угрожающе щёлкнула клювом.

— Ага, — сказал Филч, решительно шагнув к Гарри и гневно тряся дряблыми щеками. — Мне сообщили, что ты намерен послать большой заказ на навозные бомбы!

Гарри скрестил руки на груди и хмуро уставился на смотрителя.

— Кто вам сказал, что я заказываю навозные бомбы?

Чжоу, тоже нахмурясь, переводила взгляд с Гарри на Филча, и сипуха, устав стоять на одной ноге, укоризненно ухнула. Чжоу пропустила её

напоминание мимо ушей.

— У меня свои источники, — самодовольно прошипел Филч. — А ну-ка, дай сюда своё письмо.

Радуясь, что не замешкался с отправкой письма, Гарри сказал:

— Не могу, уже отправлено.

— Отправлено? — Лицо Филча исказилось от ярости.

— Отправлено, — невозмутимо подтвердил Гарри.

Филч захлопал ртом и стал обшаривать глазами мантию Гарри.

— А почём я знаю, что оно у тебя не в кармане?

— А потому…

— Я видела, как он отправил, — сердито вмешалась Чжоу.

Филч повернулся к ней:

— Видела?..

— Да, видела, — уже свирепо сказала она. Наступила пауза; Филч раздражённо смотрел на Чжоу, она отвечала ему таким же взглядом. Наконец он повернулся и зашаркал к двери. Взявшись за ручку, обернулся к Гарри:

— Если только учую навозную бомбу…

Он затопал вниз по лестнице. Миссис Норрис бросила последний жадный взгляд на сов и по-

спешила за ним. Гарри и Чжоу переглянулись.

— Спасибо, — сказал Гарри.

— Не за что. — Чжоу, покраснев, привязала наконец свёрточек к лапе сипухи. — Ты ведь не заказывал бомб, правда?

— Конечно, — сказал Гарри.

— С чего же он взял, что ты заказывал? — спросила она, неся птицу к окну.

Гарри пожал плечами. Он был озадачен не меньше её, но сейчас его это почему-то мало волновало.

Из совятника они вышли вместе. У входа в коридор, который вёл в левое крыло замка, Чжоу сказала:

— Мне сюда… Ну… до встречи, Гарри.

— До встречи.

Она улыбнулась ему и ушла. Окрылённый, Гарри двинулся дальше. На протяжении всего разговора с ней он ни разу не смутился. «Ты храбро поступил, что не поддался ей…» Чжоу назвала его храбрым… она не проклинает его за то, что он остался жив.

Конечно, она предпочла Седрика, это ясно. Хотя, если бы он пригласил её на бал раньше Седрика, всё могло бы обернуться иначе… Кажется, ей действительно было жаль, что приходится ответить

отказом на приглашение Гарри.

— Доброе утро, — весело сказал он Рону и Гермионе, усаживаясь за стол Гриффиндора в Большом зале.

— Чего это ты такой довольный? — удивился Рон.

— Ну… квиддич скоро, — радостно сказал Гарри, придвигая к себе большое блюдо яичницы с беконом.

— А-а… да. — Рон положил свой тост и глотнул тыквенного сока. — Слушай, ты не против пойти со мной чуть раньше? Немного погонять меня перед тренировкой? Чтобы я слегка пообвык.

— Давай, конечно, — сказал Гарри.

— Слушайте, по-моему, не стоит, — вмешалась Гермиона. — У вас обоих масса несделанных уроков, а вы…

Но она не закончила фразу: прибыла утренняя почта, и к Гермионе, как всегда, спускался «Ежедневный пророк» в клюве ушастой совы, которая приземлилась в опасной близости к сахарнице и протянула лапу. Гермиона сунула ей в кожаный мешочек кнат и, когда птица взлетела, критическим взглядом пробежала по первой странице.

— Что-нибудь интересное? — спросил Рон.

Гарри улыбнулся: понятно было, что Рон хо-

чет отвлечь её от неприятной темы домашних заданий.

— Нет, — вздохнула она. — Сплетня о бас-гитаристке «Ведуний» — выходит замуж.

Гермиона развернула газету и скрылась за ней целиком. Гарри занялся второй порцией яичницы. Рон с несколько озабоченным видом смотрел на высокие окна.

— Постойте, — вдруг сказала Гермиона. — Ох, что же это… Сириус!

— Что такое? — сказал Гарри и схватился за газету так порывисто, что она разорвалась надвое, и у него и Гермионы оказалось в руках по половине.

— «Министерство магии получило сведения из надёжного источника, что осуждённый за массовое убийство Сириус Блэк… ля-ля-ля… в настоящее время скрывается в Лондоне!» — Гермиона прочла это упавшим голосом.

— Люциус Малфой. Спорю на что угодно, — тихо и с яростью проговорил Гарри. — Он узнал Сириуса на платформе…

— Как? — встревожился Рон. — Ты хочешь сказать…

— Тс-с, — остановили его оба.

— «…Министерство предупреждает волшеб-

ное сообщество, что Блэк крайне опасен… убил тринадцать человек… совершил побег из Азкабана…» Обычный вздор, — заключила Гермиона, положив свою половину газеты и с испугом глядя на Гарри и Рона. — Значит, опять не сможет выходить из дома, вот и всё, — прошептала она. — Дамблдор предупреждал его, что нельзя.

Гарри хмуро посмотрел на свою половину разорванного «Пророка». Большая часть страницы была посвящена рекламе «мантий на все случаи жизни» от мадам Малкин, видимо, устроившей распродажу.

— Эй, — сказал он, шлёпнув газету на стол, чтобы видно было Гермионе и Рону, — посмотрите сюда!

— Мне своих мантий хватает, — сказал Рон.

— Да нет. Вот на эту маленькую заметку.

Рон и Гермиона нагнулись к газете. Заметка была в несколько строк и помещена в самом низу колонки.

НАРУШИТЕЛЬ В МИНИСТЕРСТВЕ

Стерджис Подмор, тридцати восьми лет, проживающий в Клэпеме, Лабурнум-Гарденс, 2, предстал перед Визенгамотом по обвинению во вторжении и попытке

ограбления, имевшим место в Министерстве магии 31 августа. Подмор был задержан в час ночи дежурным колдуном Министерства Эриком Манчем, который застиг его за попыткой проникнуть в совершенно секретное помещение. Подмор, отказавшийся от защитительной речи, признан виновным по обоим пунктам и приговорён к шести месяцам заключения в Азкабане.

— Стерджис Подмор? — медленно проговорил Рон. — Это у которого голова как будто покрыта соломой? Он тоже из Орд…

— Тсс! — испуганно озираясь, оборвала его Гермиона.

— Шесть месяцев в Азкабане! — прошептал потрясённый Гарри. — Только за то, что хотел войти в какую-то дверь!

— Не будь наивным, не в двери дело. С чего это он оказался в Министерстве магии в час ночи? — прошептала Гермиона.

— Думаешь, он что-то делал по заданию Ордена? — шёпотом спросил Рон.

— Подождите, — вмешался Гарри. — Ведь Стерджис должен был нас провожать, помните?

Оба уставились на него.

— Ну да, он тоже должен был охранять нас по дороге на вокзал, помните? И Грюм досадовал, что он не явился, — значит, он не мог пойти туда по их заданию, так?

— Ну, может, они не думали, что он попадётся, — сказала Гермиона.

— Его могли подставить! — воскликнул Рон. — Нет… слушайте! — Под угрожающим взглядом Гермионы он заговорщицки понизил голос. — Министерство подозревает, что он человек Дамблдора, и… не знаю… никуда он не хотел проникнуть — его заманили в Министерство. Просто придумали, как его схватить!

Наступило молчание. Гарри и Гермиона задумались. Гарри казалось, что версия эта притянута за уши. Гермиона же отнеслась к ней всерьёз.

— Знаете, нисколько не удивлюсь, если это в самом деле так.

Она задумчиво сложила свою половину газеты. Гарри положил вилку и нож, и тут она будто опомнилась.

— Так, по-моему, надо заняться этой статьёй для Стебль — о самоудобряющихся кустарниках, и, если быстро справимся, успеем до обеда поработать над заклинанием Инаниматус Коньюрус

для МакГонагалл.

При мысли о куче домашних заданий, дожидающихся его наверху, Гарри ощутил лёгкий укол совести, но небо было ясное, восхитительно голубое, а он уже неделю не садился на свою «Молнию»…

— Можно ведь и вечером, — сказал Рон, когда они с мётлами на плечах спускались по лужайке к полю для квиддича, и грозные предостережения Гермионы о том, что они завалят все свои СОВ, ещё звучали у них в ушах. — И ещё завтра целый день. Она чересчур заводится из-за работы — вот в чём её беда… — Он помолчал, а потом с лёгким беспокойством добавил: — По-твоему, она всерьёз сказала, что не даст списывать?

— По-моему, да, — ответил Гарри. — Но и потренироваться надо, если не хотим, чтобы нас выгнали из команды.

— Правильно, — повеселев, сказал Рон. — Времени у нас на всё хватит.

Подходя к полю для квиддича, Гарри посмотрел направо, туда, где колыхались тёмные вершины Запретного леса. Никто не взлетел оттуда, небо было пустынно, если не считать нескольких сов вдалеке, круживших около башни совятника. Забот у него и так хватало, от летающей лоша-

ди никакого вреда ему нет; он перестал о ней думать.

В раздевалке они достали из шкафа мячи и принялись за дело — Рон охранял три высоких шеста, а Гарри играл за охотника и пытался забросить квоффл в кольца. У Рона, на взгляд Гарри, получалось неплохо — он отразил три четверти бросков и с каждым разом действовал всё увереннее. Часа через два они вернулись в замок на обед, в ходе которого Гермиона ясно дала им понять, что считает их безответственными. После обеда пошли на общую тренировку. Вся команда, кроме Анджелины, была уже в раздевалке.

— Порядок, Рон? — спросил его Джордж и подмигнул.

— Ага, — сказал Рон, хотя по дороге к полю он заметно присмирел.

— Покажешь нам, где раки зимуют? — сказал с ехидной улыбкой Фред, высунув всклокоченную голову из ворота спортивного костюма.

— Заткнись, — с каменным лицом огрызнулся Рон, впервые надевавший форму. Костюм был Оливера Вуда и пришёлся ему почти впору, хотя Оливер был шире в плечах.

Анджелина, уже переодетая, появилась из капитанской комнаты и сказала:

— Внимание! Начинаем. Алисия и Фред, будьте добры, ящик с мячами. Да, тут будут наблюдать за нами кое-какие зрители — прошу не обращать на них внимания.

Произнесла она это безразличным тоном, но Гарри почему-то подумал, что ей известно, кто эти зрители. И в самом деле: когда они вышли из раздевалки на яркое солнце, их встретило улюлюканье и глумливые выкрики слизеринской команды и десятка болельщиков, сбившихся в кучку на пустой трибуне. Голоса их гулким эхом разносились по стадиону.

— Что это там оседлал Уизли? — насмешливо пропел Малфой. — Какими заклинаниями научили летать это гнилое старое полено?

Крэб, Гойл и Пэнси Паркинсон загоготали. Рон оседлал метлу и взлетел, Гарри следом; сзади было видно, как покраснели у Рона уши.

— Не обращай внимания, — сказал он, нагнав друга, — посмотрим, кто будет смеяться после матча.

— Вот правильное отношение, Гарри, — одобрила Анджелина, взмыв над ними с квоффлом под мышкой, и зависла перед своей командой. — Так, начинаем с перепасовки для разогрева, участвуют все…

— Эй, Джонсон, что за причёска? — завопила снизу Пэнси Паркинсон. — Кто это придумал, чтобы волосы выглядели как черви?

Анджелина откинула со лба заплетённые в косички волосы и спокойно скомандовала:

— Расходимся и посмотрим, на что мы годны.

Гарри отлетел назад к кромке поля, Рон — к шестам на другой стороне. Анджелина подняла квоффл одной рукой и с силой метнула Фреду, тот отпасовал Джорджу, Джордж — Гарри, Гарри — Рону, и Рон его выронил.

Слизеринцы, возглавляемые Малфоем, оглушительно заржали. Рон устремился вниз, чтобы поймать мяч до того, как он упадёт на землю, вышел из пике неудачно, завалившись набок, весь покраснел, но всё же снова поднялся на рабочую высоту. Гарри увидел, как переглянулись Джордж и Фред, однако, вопреки обыкновению, промолчали, за что он их мысленно поблагодарил.

— Бросай, Рон, — крикнула как ни в чём не бывало Анджелина.

Рон бросил квоффл Алисии, Алисия отпасовала Гарри, Гарри — Джорджу…

— Эй, Поттер, шрам не беспокоит? — крикнул Малфой. — Прилечь не хочешь? Пора уж — целую неделю как не был в больничном крыле. Личный

рекорд небось?

Джордж бросил квоффл Анджелине, она вернула его Гарри, который не ожидал этого, но всё же поймал мяч кончиками пальцев и сразу отправил Рону. Рон ринулся за мячом — и промахнулся.

— Давай повнимательнее, — сердито крикнула Анджелина вслед Рону, устремившемуся к земле за квоффлом.

Когда Рон вернулся на рабочую высоту, трудно было сказать, что краснее — его лицо или квоффл. Малфой и остальные слизеринцы задыхались от смеха.

С третьей попытки Рон поймал квоффл и, наверное, от радости так запустил им в Кэти, что мяч пролетел у неё между рук и ударил прямо в лицо.

— Извини! — простонал он и бросился к ней посмотреть, силён ли ушиб.

— Вернись на место, она цела! — рявкнула Анджелина. — Но когда пасуешь своему, постарайся не сбить его с метлы! Для этого есть бладжеры!

У Кэти шла кровь из носа. Слизеринцы на трибуне топали ногами и улюлюкали. Фред и Джордж подлетели к Кэти.

— На-ка, — сказал Фред, вынув из кармана что-то маленькое малинового цвета, — остановит

мигом.

— Ладно, — крикнула Анджелина. — Фред и Джордж, берите биты и бладжер. Рон — к шестам. Гарри, когда скажу, выпускай снитч. Начинаем забрасывать Рону.

Гарри помчался за близнецами.

— У Рона всё через пень-колоду, — буркнул Джордж, когда они приземлились возле ящика с мячами.

— Просто волнуется, — сказал Гарри. — Утром мы упражнялись вдвоём, и он играл нормально.

— Будем надеяться, он не прошёл пик формы, — угрюмо сказал Фред.

Они поднялись в воздух. Анджелина дала свисток, Гарри освободил снитч, а Фред с Джорджем отпустили бладжер. С этой минуты Гарри почти не замечал, что делают остальные. Его задача — поймать трепетный золотой мячик, приносящий команде сто пятьдесят очков, а это требовало исключительной быстроты и сноровки. Он ускорялся, с креном закладывал виражи, подлетал к охотникам и удалялся; тёплый осенний воздух бил в лицо, в ушах звенели далёкие бессмысленные крики слизеринцев… но недолго — его остановил свисток.

— Стоп… стоп… СТОП! — крикнула Анджели-

на. — Рон, ты не прикрываешь средний шест!

Гарри оглянулся на Рона: тот парил перед левым кольцом, оставив без присмотра остальные два.

— Ой, извини.

— Ты всё время смещаешься, следя за охотниками! — сказала Анджелина. — Или стой в центре, пока не надо прикрыть боковое кольцо, или циркулируй между ними, а не дрейфуй в сторону — из-за этого ты пропустил три последних гола!

— Извини, — повторил Рон, и лицо его горело на фоне голубого неба, как красный бакен.

— А ты, Кэти, не можешь как-нибудь остановить кровь?

— Она только хуже идёт, — хрипло сказала Кэти, утираясь рукавом.

Гарри оглянулся на Фреда: тот встревоженно шарил в карманах. Потом вытащил что-то малиновое, осмотрел и с нескрываемым ужасом обернулся к Кэти.

— Ну, попробуем ещё раз, — сказала Анджелина. Она не обращала внимания на слизеринцев, затянувших нараспев: «Гриффиндор — сапожники, Гриффиндор — сапожники», но посадка её на метле стала несколько скованной.

На этот раз свисток Анджелины остановил их через каких-нибудь три минуты. Гарри как раз заметил снитч у противоположных шестов и был раздосадован остановкой.

— Ну что опять? — раздражённо спросил он Алисию, ближайшую к нему.

— Кэти, — кратко ответила она.

Гарри повернулся и увидел, что Анджелина, Фред и Джордж мчатся к Кэти. Вместе с Алисией он устремился туда же. Ясно было, что Анджелина вовремя остановила игру: Кэти, белая как мел, обливалась кровью.

— Её надо в больницу, — сказала Анджелина.

— Мы её доставим, — сказал Фред. — Она… это… по ошибке проглотила Кровяной Волдырняк.

— Продолжать без загонщиков и одного охотника нет смысла, — мрачно сказала Анджелина, когда Фред и Джордж, поддерживая Кэти с двух сторон, полетели к замку. — Всё, переодеваемся.

Слизеринцы проводили их до раздевалки глумливыми выкриками.

Получасом позже Гарри и Рон вошли через портретную дверь в общую гостиную Гриффиндора.

— Как прошла тренировка? — холодно спросила Гермиона.

— Тренировка? — начал Гарри.

— Совсем паршиво, — глухим голосом закончил Рон, опустившись рядом с ней в кресло.

Гермиона посмотрела на него и немного оттаяла.

— Первый блин комом, — утешила она Рона. — Надо втянуться…

— Кто сказал, что из-за меня паршиво? — огрызнулся Рон.

— Никто, — растерянно сказала она. — Я думала…

— Ты думала, я ни на что не годен?

— Да нет же! Ты сказал: «паршиво» — ну я и…

— Я намерен заняться уроками, — сердито объявил Рон и затопал к лестнице в спальню.

— Он паршиво играл?

— Нет, — ответил Гарри, как и положено другу. Гермиона подняла брови. — Ну, наверное, он мог и лучше сыграть, но ты правильно сказала: всё-таки первая тренировка…

В тот вечер и Рон, и Гарри не сильно продвинулись с уроками. Гарри понимал, что Рон огорчён своей плохой игрой, да и у самого него до сих пор гремело в ушах: «Гриффиндор — сапожники!»

Всё воскресенье они просидели в гостиной, зарывшись в книги, между тем как комната то

наполнялась народом, то пустела. День опять был погожий, и большинство однокашников-гриффиндорцев проводили его на воздухе, последний раз в году наслаждаясь ярким солнцем. К вечеру Гарри почувствовал себя так, как будто его мозгом колотили изнутри по черепной коробке.

— Знаешь, наверное, надо поплотнее засесть за уроки на неделе, — сказал он Рону, когда они наконец отложили длинную работу о заклинании Инаниматус Коньюрус для МакГонагалл и уныло взялись за такое же длинное сочинение о спутниках Юпитера для профессора Синистры.

— Да, — согласился Рон, бросив пятый испорченный обрывок пергамента в камин, и потёр покрасневшие глаза. — Может, попросим Гермиону показать, что она сделала?

Гарри посмотрел в её сторону: она сидела с Живоглотом на коленях, весело болтала с Джинни, и в руках у неё мелькали спицы — вязался очередной бесформенный носок для домового эльфа.

— Нет, — твёрдо сказал он, — ты же знаешь, она не покажет.

И они продолжали работать, пока не потемнело за окнами. Гостиная потихоньку пустела. В половине двенадцатого к ним, зевая, подошла Гермиона.

— Заканчиваете?

— Нет, — лаконично ответил Рон.

— Самый большой спутник Юпитера — Ганимед, а не Каллисто, — она показала пальцем на строчку в сочинении Рона, — а вулканы — на Ио.

— Благодарю, — буркнул Рон, зачёркивая ошибку.

— Извини, я просто…

— Ну да, приходишь только критиковать…

— Рон…

— Некогда мне слушать нотации, ясно? У меня тут работы по горло.

— Ой, посмотри!

Гермиона показала на ближнее окно. Снаружи на подоконнике стояла красивая сипуха и смотрела на Рона.

— Не Гермес ли это? — изумилась Гермиона.

— Ух ты, он! — тихо сказал Рон и вскочил, бросив перо. — С чего это Перси мне пишет?

Он открыл окно, Гермес влетел в гостиную, опустился на сочинение Рона и протянул лапу с привязанным письмом. Рон снял письмо, и птица тотчас улетела, оставив чернильные следы на рисунке Ио.

Рон прочёл надпись на свитке: «Рональду Уизли, Гриффиндор-Хаус, Хогвартс» — и сел в

кресло.

— Почерк Перси. — Он поднял глаза на Гарри и Гермиону. — Ну, что?

— Открывай! — нетерпеливо сказала Гермиона, и Гарри кивнул.

Рон развернул свиток и начал читать. Чем дальше скользили его глаза по свитку, тем сильнее он хмурился. И когда закончил, на лице его было написано отвращение. Он бросил письмо Гарри и Гермионе, и они, наклонившись друг к другу, прочли его вместе.

Дорогой Рон!

Я только что услышал (не от кого иного, как от самого министра магии, который узнал это от твоей новой преподавательницы, профессора Амбридж), что ты стал старостой Хогвартса.

Я был приятно удивлён этой новостью и раньше всего хочу тебя поздравить. Должен признаться, я всегда опасался, что ты пойдёшь, если можно так выразиться, «дорожкой Фреда и Джорджа», а не по моим стопам, поэтому можешь вообразить, с каким чувством я воспринял известие о том, что ты перестал пренебре-

гать требованиями руководства и взял на себя реальную ответственность.

Но хочу не только поздравить тебя, Рон, я хочу дать тебе некоторые советы — почему и посылаю это письмо ночью, а не, как обычно, утренней почтой. Надеюсь, ты прочтёшь его вдали от любопытных глаз и избежишь неудобных вопросов.

Из того, что говорил мне министр, сообщая о твоём назначении, я заключил, что ты по-прежнему часто общаешься с Гарри Поттером. Должен сказать тебе, Рон: ничто не угрожает тебе потерей значка больше, чем продолжающееся братание с этим учеником. Не сомневаюсь, мои слова тебя удивят, и ты, безусловно, возразишь, что Поттер всегда был любимцем Дамблдора, — но должен сказать тебе, что Дамблдор, вероятно, недолго будет оставаться во главе Хогвартса, и влиятельные люди совсем иначе — и, наверное, правильнее — оценивают поведение Поттера. Распространяться не буду, но если ты просмотришь завтрашний «Ежедневный пророк», то получишь хорошее представление о том, куда дует

ветер… и, быть может, наткнёшься на имя твоего покорного слуги!

Серьёзно, Рон, нельзя, чтобы считали, будто вы с Поттером одного поля ягода. Это может очень повредить тебе в будущем — я имею в виду и карьеру после школы. Как тебе должно быть известно, поскольку в суд его провожал наш отец, этим летом у Поттера было дисциплинарное слушание перед Визенгамотом в полном составе, и прошло оно для него не лучшим образом. Его оправдали чисто формально, если хочешь знать моё мнение, и многие, с кем я говорил, по-прежнему убеждены в его виновности.

Возможно, ты боишься порвать отношения с Поттером — я знаю, что он бывает неуравновешен и даже буен, но, если ты обеспокоен этим или заметил ещё что-то тревожащее в его поведении, настоятельно рекомендую тебе обратиться к Долорес Амбридж. Эта замечательная женщина, я знаю, будет только рада помочь тебе советом.

Перехожу ко второй части. Как я уже заметил выше, режиму Дамблдора в Хо-

гвартсе, возможно, скоро придёт конец. Ты должен быть предан не ему, а школе и Министерству. Я с огорчением услышал, что в своих попытках произвести в Хогвартсе необходимые изменения, которых горячо желает Министерство, профессор Амбридж встречает очень мало поддержки со стороны персонала (впрочем, с будущей недели ей станет легче — смотри опять-таки завтрашний номер «Ежедневного пророка»!). Скажу ещё: ученик, выказавший готовность помочь профессору Амбридж сегодня, года через два получит очень хорошие шансы стать старостой школы!

Жалею, что редко виделся с тобой этим летом. Мне больно критиковать родителей, но боюсь, что не смогу жить под их кровом, пока они связаны с опасной публикой из окружения Дамблдора. (Если надумаешь писать матери, можешь сообщить ей, что некий Стерджис Подмор, близкий друг Дамблдора, недавно заключён в Азкабан за незаконное проникновение в Министерство. Может быть, это откроет ей глаза на подлинную

сущность мелких преступников, с которыми они теперь якшаются.) Считаю большой удачей для себя, что избежал позорного общения с такими людьми — министр проявил ко мне величайшую снисходительность, — и надеюсь, Рон, что семейные узы не помешают и тебе понять всю ошибочность взглядов и поступков наших родителей. Я искренне надеюсь, что со временем они сами осознают, насколько они заблуждались, и, если настанет такой день, с готовностью приму их извинения.

Пожалуйста, обдумай хорошенько всё, что я здесь написал, в особенности о Гарри Поттере, и ещё раз поздравляю тебя с назначением старостой.

Твой брат Перси.

Гарри повернулся к Рону.

— Ну что ж, — сказал он так, словно воспринял всё это как шутку, — если хочешь… Что там у него? — Он заглянул в письмо. — Ага, порвать со мной отношения, клянусь, я не буду буянить.

— Дай. — Рон протянул руку. — Он… (Рон разорвал письмо пополам)… самый большой

(разрывая на четыре части)… гад (разорвав на восемь)… на свете.

Он бросил обрывки в камин.

— Давай, до утра надо с этим закончить. — Он подтянул к себе сочинение по астрономии.

Гермиона смотрела на него со странным выражением.

— Дай-ка сюда, — вдруг сказала она.

— Что? — удивился Рон.

— Дай мне. Я их посмотрю и исправлю.

— Серьёзно? Гермиона, ты наша спасительница, — сказал Рон. — Что я могу для тебя?..

— Ты можешь сказать: «Мы обещаем, что больше не будем волынить с домашними заданиями до ночи». — Она протянула обе руки за их сочинениями, но вид у неё был весёлый.

— Спасибо большое, — слабым голосом сказал Гарри. Он отдал ей сочинение, снова опустился в кресло и потёр глаза.

Было уже за полночь, гостиная опустела, остались только они трое и Живоглот. Скрипело перо Гермионы, исправлявшей их сочинения, шуршали страницы справочников, по которым она проверяла факты. Гарри очень устал. А в животе было странное, противное ощущение пустоты, вызванное отнюдь не усталостью, а письмом, в

виде чёрных хлопьев догоравшим в камине.

Он знал, что половина народа в Хогвартсе считает его странным, если не сумасшедшим; он знал, что «Ежедневный пророк» из месяца в месяц поливал его грязью, но, прочтя то же самое в письме Перси, прочтя, что Рону советуют порвать с ним и даже доносить на него профессору Амбридж, он осознал своё положение с небывалой ясностью, он четыре года учился с Перси, жил у него в доме во время летних каникул, делил с ним палатку на чемпионате мира по квиддичу. Перси даже поставил ему высший балл за второе испытание на Турнире Трёх Волшебников — а теперь Перси считает его психически неуравновешенным и, возможно, буйным.

Волна сочувствия к крёстному захлестнула его: среди его знакомых Сириус, наверное, единственный, кто мог бы действительно понять его чувства — он сам в таком же положении. В волшебном мире чуть ли не все считают Сириуса страшным убийцей, приспешником Волан-де-Морта, и с этим ему пришлось жить четырнадцать лет…

Гарри заморгал. Ему привиделось в огне что-то, чего там не могло быть. Мелькнуло и исчезло. Нет… невозможно… померещилось, потому что

думал о Сириусе…

— Перепиши это, — сказала Гермиона Рону, толкнув к нему сочинение и исписанный ею самой листок. — И добавь заключение, которое я написала.

— Гермиона, честно, ты самый прекрасный человек на свете, — пролепетал Рон, — и если я когда-нибудь опять буду с тобой груб…

— Я пойму, что ты снова стал самим собой, — докончила Гермиона. — Гарри, у тебя всё нормально, кроме этого вот, в конце. Ты, наверное, не расслышал профессора Синистру. Европа была покрыта льдами, а не львами… Что с тобой?

Гарри сполз с кресла и, стоя коленями на вытертом, в подпалинах каминном коврике, глядел в огонь.

— Эй, Гарри, — неуверенно окликнул его Рон, — ты почему там?

— Потому что увидел в огне голову Сириуса.

Гарри ответил совершенно спокойно. В конце концов, он видел здесь же голову Сириуса в прошлом году и говорил с ней; и всё же он не был уверен, что действительно увидел её сейчас, — она исчезла мгновенно.

— Голову Сириуса? — повторила Гермиона. — Как в тот раз, когда он захотел поговорить с тобой

на Турнире Трёх Волшебников? Но не сейчас же — это было бы слишком… — И, глядя в огонь, вскрикнула: — Сириус?

Рон выронил перо. Посреди пляшущего пламени была голова Сириуса, и длинные чёрные волосы спадали на его улыбающееся лицо.

— Я уж подумал, вы уйдёте спать раньше, чем остальные разойдутся, — сказал он. — Каждый час заглядывал.

— Каждый час залезал в камин? — со смехом спросил Гарри.

— На несколько секунд — проверить, чисто ли на горизонте.

— А если бы тебя увидели? — испуганно спросила Гермиона.

— Кажется, одна девочка, первокурсница, как будто видела мельком. Но не волнуйся, — сказал Сириус, заметив, что Гермиона поднесла ладонь ко рту, — я тут же скрылся. Наверняка приняла меня за странное полено или что-нибудь вроде.

— Но это же громадный риск… — начала Гермиона.

— Ты говоришь прямо как Молли, — сказал Сириус. — Это был единственный способ ответить на письмо Гарри, не прибегая к шифру. А шифры расшифровываются.

При упоминании о письме Гермиона и Рон разом повернулись к Гарри.

— Сам написал, а нам — ни слова, — с упрёком сказала Гермиона.

— Забыл, — ответил Гарри, и это было правдой. Встреча с Чжоу в совятнике вытеснила всё из головы. — Не смотри на меня так. Никаких секретов из письма нельзя было извлечь, верно, Сириус?

— Да, очень хорошо составлено, — улыбнулся тот. — Однако поторопимся, а то, чего доброго, помешают… Твой шрам…

— А что?.. — начал Рон, но Гермиона его перебила:

— Потом объясним. Дальше, Сириус.

— Понимаю, когда шрам болит, удовольствия мало. Но, по-моему, беспокоиться пока не из-за чего. Ведь он весь прошлый год болел?

— Да, и Дамблдор сказал, что это происходит, когда Волан-де-Морта обуревают сильные чувства, — сказал Гарри, как всегда не обращая внимания на то, что Рон и Гермиона вздрогнули. — Так что не знаю, может, он был зол или ещё что нибудь в тот вечер, когда я отбывал наказание.

— Да, теперь он вернулся, и болеть будет чаще, — сказал Сириус.

— Так, по-твоему, это не из-за того, что Амбридж дотронулась до меня, когда я отбывал у неё наказание?

— Вряд ли, — сказал Сириус. — Я знаю её репутацию и уверен, что она не из Пожирателей смерти.

— По подлости своей вполне может быть, — мрачно заметил Гарри, а Рон и Гермиона энергично закивали.

— Да, но человечество не делится на хороших людей и Пожирателей смерти, — с невесёлой улыбкой возразил Сириус. — Хотя знаю, существо она преотвратное… Послушали бы, что о ней говорит Римус.

— А Люпин её знает? — быстро спросил Гарри, вспомнив её замечание об опасных полукровках на первом занятии.

— Нет, — сказал Сириус, — но два года назад она составила законопроект против оборотней, и теперь он не может получить работу.

Гарри вспомнил, что Люпин теперь совсем обносился, и Амбридж стала ему ещё противнее.

— Чем же ей не угодили оборотни? — сердито спросила Гермиона.

— Боится их, я думаю. — Сириуса забавляло её негодование. — Должно быть, не переносит

полулюдей: в прошлом году агитировала за то, чтобы отловить водяной народ и навесить всем бирки. Представляешь, тратить на это время и энергию, когда такая рвань, как Кикимер, гуляет без ярлыка.

Рон рассмеялся, а Гермиона огорчилась.

— Сириус, — сказала она с укоризной, — если бы ты немного поработал с Кикимером, он наверняка переменился бы. Как-никак ты последний член его семьи, и профессор Дамблдор сказал…

— Ну, а что на уроках у Амбридж? — перебил Сириус. — Обучает вас убивать полукровок?

— Нет, — сказал Гарри, не обращая внимания на обиженную Гермиону которой не дали защитить Кикимера. — Она вообще не позволяет нам прибегать к магии!

— Читаем дурацкие учебники, и больше ничего, — сказал Рон.

— Всё понятно, — сказал Сириус. — По нашим сведениям из Министерства, Фадж не хочет, чтобы вас обучали борьбе.

— Обучали борьбе? — изумился Гарри. — Он думает, мы что, собираем тут какую-то армию магов?

— Именно так он и думает, — подтвердил Сириус. — А вернее, боится, что этим занят Дам-

блдор — формирует свою личную армию, чтобы захватить Министерство магии.

Молчание. Потом заговорил Рон:

— В жизни не слышал ничего глупее, включая рассуждения Полумны Лавгуд.

— Значит, нам не дают изучать защиту от Тёмных искусств потому, что Фадж боится, как бы мы не использовали заклинаний против Министерства магии? — возмутилась Гермиона.

— Точно, — подтвердил Сириус. — Фадж решил, что Дамблдор готов на всё ради захвата власти. С каждым днём он всё больше превращается в параноика. Того и гляди, Дамблдора арестуют по какому-нибудь сфабрикованному обвинению.

Тут Гарри вспомнил о письме Перси.

— Не знаешь, в завтрашнем «Ежедневном пророке» будет что-нибудь о Дамблдоре? Брат Рона Перси пишет, что да.

— Не знаю, — сказал Сириус. — В выходные никого из Ордена не видел — заняты. Мы тут одни с Кикимером.

В голосе Сириуса прозвучала обида.

— Так и о Хагриде ничего не слышно?

— А… ему полагалось бы уже вернуться, — сказал Сириус, — никто не знает, что с ним. — И, увидев их огорчённые лица, добавил: — Но Дам-

блдор не беспокоится, и вы не дёргайтесь. Уверен, Хагрид жив-здоров.

— Но если он должен был уже вернуться… — слабым голосом сказала Гермиона.

— С ним была мадам Максим, мы связались с ней, и она говорит, что они распрощались по дороге домой. Но нет никаких оснований думать, что он пострадал или с ним что-то не так.

Ребят это не убедило, они встревоженно переглянулись.

— И не задавайте слишком много вопросов о Хагриде, — поспешил добавить Сириус, — так вы только привлечёте внимание к его отсутствию, а Дамблдор этого не хочет. Хагрид сильный, он не пропадёт. — Видя, что их это не успокоило, он спросил: — Когда вас опять отпустят в Хогсмид? Думаю, эта маскировка под собаку на станции нам удалась, а? Я решил…

— НЕТ! — в один голос воскликнули Гермиона и Гарри, а Гермиона спросила:

— Сириус, ты видел «Ежедневный пророк»?

— А, это, — ухмыльнулся он, — они всё время гадают, где я, и всё невпопад.

— Да, но на этот раз, может быть, угадали, — возразил Гарри. — Малфой в поезде как-то странно выразился и, похоже, догадался, что это ты. И его

отец был на станции — знаешь, Люциус Малфой. Так что ты тут лучше не появляйся. Если Малфой опять тебя узнает…

— Ладно, ладно, понял, — сказал Сириус. — Я просто думал, вам захочется повидаться…

— Да, только не хочется, чтобы тебя опять упрятали в Азкабан! — сказал Гарри.

Сириус молча смотрел из огня на Гарри, между бровей у него залегла глубокая складка.

— Ты меньше похож на отца, чем я думал, — сказал он наконец с холодком в голосе. — Отец радовался бы риску.

— Слушай…

— Мне, пожалуй, пора. Слышу, Кикимер спускается по лестнице, — сказал Сириус, но Гарри ему не поверил. — Значит, когда снова соберусь к вам в камин, сообщить тебе время? Если для тебя это не слишком рискованно.

Лёгкий хлопок, и там, где была голова, осталось только пляшущее пламя.

Глава 15
Генеральный инспектор Хогвартса

Они собирались проштудировать «Ежедневный пророк» Гермионы от первой до последней полосы в поисках статьи, о которой упомянул в письме Перси. Но не успела почтовая сова снять-ся с молочного кувшина, как Гермиона, громко охнув, расстелила на столе газету с большой фотографией Долорес Амбридж, которая широко улыбалась и моргала им из-под заголовка.

МИНИСТЕРСТВО ПРОВОДИТ РЕФОРМУ ОБРАЗОВАНИЯ
ДОЛОРЕС АМБРИДЖ НАЗНАЧЕНА НА НОВУЮ ДОЛЖНОСТЬ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА

— Амбридж — генеральный инспектор? — хмуро произнёс Гарри, выронив недоеденный тост. — Что это значит?

Гермиона прочла вслух:

— «Вчера вечером Министерство ма-

гии приняло неожиданную меру, издав декрет, предоставляющий ему беспрецедентный контроль над Школой чародейства и волшебства „Хогвартс“.

„Последнее время министр с растущим беспокойством следил за деятельностью Хогвартса, — сообщил нам младший помощник министра Перси Уизли. — Нынешнее решение принято в связи с озабоченностью родителей, считающих, что школа движется в нежелательном направлении“.

За последнее время это не первый случай, когда министр Корнелиус Фадж использует новые законы для совершенствования образовательного процесса в Школе волшебства. Не далее как 30 августа был принят Декрет об образовании № 22, согласно которому в случае, если нынешний директор не в состоянии подыскать кандидата на преподавательскую должность, Министерство само подберёт подходящего человека.

„Именно так и получила назначение в Хогвартс профессор Амбридж, — заявил вчера вечером Уизли. — Дамблдор ни-

кого не нашёл, и в результате министр назначил Амбридж. Выбор чрезвычайно удачный…“»

— КАКОЙ выбор? — громко сказал Гарри.

— Подожди, это ещё не всё, — угрюмо отозвалась Гермиона.

— «„…удачный. Коренным образом изменилось обучение защите от Тёмных искусств, а кроме того, министр обеспечен теперь текущей информацией о том, что на самом деле происходит в Хогвартсе.“

Этой последней функции Министерство придало официальный характер своим Декретом об образовании № 23, учреждающим должность генерального инспектора Хогвартса.

„Это очередной решительный шаг министра в его стремлении остановить то, что многие считают упадком Хогвартса, — заявил Уизли. — Инспектор уполномочен инспектировать работу коллег-преподавателей, с тем чтобы поддерживался высокий уровень учебного процесса. Этот пост был предложен

профессору Амбридж в дополнение к её преподавательским обязанностям, и мы рады, что она согласилась“.

Родители учеников Хогвартса восприняли этот шаг с энтузиазмом.

„Узнав, что деятельность Дамблдора поставлена под объективный контроль, я испытал большое облегчение, — заявил вчера вечером в своём уилтширском особняке мистер Люциус Малфой. — В последние годы многие из нас, кому небезразличны судьбы наших детей, были обеспокоены отдельными эксцентрическими решениями Дамблдора, и мы рады услышать, что Министерство намерено отслеживать ситуацию в школе“.

К числу этих эксцентрических решений, безусловно, относятся спорные кадровые назначения, о которых уже писала газета; так, были зачислены в штат оборотень Римус Люпин, полувеликан Рубеус Хагрид и страдающий паранойей бывший мракоборец „Грозный Глаз“ Грюм.

Широко ходят слухи, что Альбус Дамблдор, в прошлом Верховный чародей Ви-

зенгамота и президент Международной конфедерации магов, уже не в состоянии выполнять обязанности руководителя престижной школы „Хогвартс“.

„Считаю, что назначение генерального инспектора — первый шаг к тому чтобы Хогвартс получил директора, которому мы можем полностью доверять“, — заявил вчера вечером осведомлённый сотрудник Министерства.

В знак протеста против учреждения должности инспектора старейшины Визенгамота Гризельда Марчбэнкс и Тиберий Огден подали в отставку.

„Хогвартс — школа, а не филиал учреждения Корнелиуса Фаджа, — сказала мадам Марчбэнкс. — Это очередная возмутительная попытка дискредитировать Альбуса Дамблдора“.

(Подробно о предполагаемых связях мадам Марчбэнкс с подрывными организациями гоблинов — на стр. 17)».

Гермиона кончила читать и посмотрела на друзей.

— Теперь понятно, как нам досталась Амбридж.

Фадж провёл этот декрет и навязал её! И ещё дал ей право инспектировать других преподавателей! — Гермиона часто дышала, и у неё блестели глаза. — Невероятно! Безобразие!

— Согласен, — сказал Гарри. Он посмотрел на свой правый кулак и увидел белые очертания слов, которые заставила его врезать в руку Амбридж.

А Рон между тем ухмылялся.

— Ты что? — хором спросили его двое.

— Жду не дождусь, когда она станет инспектировать МакГонагалл. Амбридж даже не поймёт, что на неё рухнуло.

— Ладно, пошли. — Гермиона вскочила. — Может, она уже инспектирует урок Бинса, нам нельзя опаздывать…

Но профессор Амбридж не инспектировала урок истории магии, такой же скучный, как в прошлый понедельник. Не было её и в подземелье Снегга на сдвоенном уроке зельеварения, где работа Гарри о лунном камне была возвращена ему с жирным «О» в верхнем углу.

— Я проставил вам такие оценки, какие вы получили бы за свои работы на СОВ, — с самодовольной усмешкой объявил Снегг, раздавая работы. — Дабы у вас было реальное представле-

ние о том, чего вам ожидать на экзамене.

Он круто повернулся и стал лицом к классу.

— В целом, уровень работ кошмарный. На экзамене большинство из вас провалились бы. Надеюсь, что вы проявите гораздо больше усердия в работе над следующим заданием: о видах противоядий против животных ядов. Иначе болваны, удостоенные неудовлетворительной оценки, будут вдобавок оставлены после уроков.

Малфой заржал и театральным шёпотом произнёс:

— Ха, кое-кто схлопотал нолик.

Гарри увидел, что Гермиона скосила глаза и силится разглядеть его отметку, поэтому быстро засунул сочинение в сумку: о своём достижении он предпочёл умолчать.

Твёрдо решив, что не даст Снеггу повода унизить его на этом уроке, он трижды перечёл каждую строчку указаний на доске, прежде чем приняться за дело. Его Укрепляющий раствор получился не таким прозрачно-бирюзовым, как у Гермионы, но, по крайней мере, голубым, а не розовым, как у Невилла. В конце урока он понёс колбу к столу Снегга с чувством облегчения, окрашенным некоторой воинственностью.

— Ну, на этот раз вышло не так плохо, как на

прошлой неделе? — сказала Гермиона, когда они поднялись по лестнице в вестибюль и пошли обедать. — И с домашним заданием благополучно?

Ни Рон, ни Гарри не ответили, но Гермиона не отставала:

— Я и не ожидала высшей оценки, раз он ставил их, как на СОВ, но проходные на этой стадии тоже неплохо, правда?

Гарри неопределённо хмыкнул.

— Конечно, до экзаменов многое может измениться, времени ещё достаточно, мы подтянемся, но сегодняшние оценки можно рассматривать как исходный рубеж, правда? И двигаться дальше…

Они сели за стол Гриффиндора.

— Если бы мне поставили «П», я была бы в восторге.

— Гермиона! — взорвался Рон. — Если хочешь узнать, сколько мы получили, так и скажи.

— Да нет… почему? Если не хотите говорить…

— Я получил «С», — сказал Рон, наливая половником суп в тарелку. — Довольна?

— Стыдиться нечего, — вмешался Фред. Он только что подошёл к столу вместе с Джорджем и Ли Джорданом и сел справа от Гарри. — Ничего плохого в честной крепкой «С».

— Но разве «С» — не «слабо»? — удивилась Гермиона.

— Да, «слабо», — подтвердил Ли Джордан. — Но всё-таки лучше, чем «О» — «отвратительно».

Гарри почувствовал, что у него вспыхнуло лицо, и притворно закашлялся. Закончив это маленькое представление, с огорчением обнаружил, что Гермиона так и не слезла с темы оценок СОВ.

— Значит, высшая «П» — «превосходно», — говорила она, — затем идёт «У»...

— Нет, «В», — поправил Джордж, — «выше ожидаемого». И я всегда считал, что нам с Фредом должны ставить «В» по каждому предмету — мы превзошли все ожидания хотя бы потому, что явились на экзамен.

Все засмеялись, кроме Гермионы, а она тянула своё:

— Значит, после «В» идёт «У» — «удовлетворительно», и это последняя проходная оценка, да?

— Да, — сказал Фред и, окунув булочку в суп, сунул в рот и проглотил целиком. — Затем «С» — «слабо»... — Рон воздел руки, изображая ликование, — и «О» — «отвратительно».

— И ещё «Т», — напомнил ему Джордж.

— «Т»? — с ужасом переспросила Гермиона. —

Что ещё за «Т»?

— «Тролль», — живо откликнулся Джордж.

Гарри снова засмеялся, хотя не понял, шутка это или нет. Он вообразил, как пытается скрыть от Гермионы свои «Т» на всех экзаменах, и тут же решил, что отныне будет заниматься прилежнее.

— У вас, ребята, уже был урок с инспекцией? — спросил Фред.

— Нет, — сказала Гермиона. — А у вас?

— Только что, перед обедом, — сказал Джордж. — Заклинания.

— Ну и как? — одновременно спросили Гарри и Гермиона.

Фред пожал плечами:

— Ничего особенного. Амбридж сидела в углу и что-то записывала в блокноте. Вы же знаете Флитвика — обращался с ней как с гостьей, как будто она ему совсем не мешала. А она говорила мало. Задала Алисии пару вопросов насчёт того, как обычно проходят занятия, Алисия сказала: «Очень хорошо». На том и кончилось.

— Не думаю, что у Флитвика будут неприятности, — сказал Джордж. — У него все хорошо сдают экзамен.

— А у вас что после обеда? — спросил у Гарри Фред.

— Трелони…

— Вот уж «Т» так «Т»!

— …и сама Амбридж.

— Будь паинькой там и сдерживайся, — сказал Джордж. — Если пропустишь ещё одну тренировку, Анджелина сойдёт с ума.

Но Гарри не пришлось дожидаться защиты от Тёмных искусств, чтобы повидаться с Амбридж. Когда он вытаскивал свой дневник сновидений в сумрачном классе прорицаний, Рон толкнул его локтем, и он, оглянувшись, увидел, что из люка в полу поднимается генеральный инспектор собственной персоной. Класс, весело гомонивший до этого, разом умолк. Внезапная тишина заставила оглянуться и профессора Трелони, которая раздавала в это время экземпляры «Оракула снов».

— Добрый день, профессор Трелони, — с широкой улыбкой сказала Амбридж. — Полагаю, вы получили мою записку с датой и временем инспекции?

Трелони кивнула с недовольным видом, повернулась спиной к гостье и продолжала разносить учебники. По-прежнему улыбаясь, Амбридж взялась за спинку ближайшего кресла, подтащила его вперёд и поставила прямо позади кресла Трелони. Уселась, вынула большой блокнот из

цветастой сумки и подняла голову, ожидая начала.

Профессор Трелони стянула на груди шаль слегка дрожащими руками и сквозь толстые увеличивающие очки оглядела класс.

— Сегодня мы продолжим изучение вещих снов, — сказала она, стараясь говорить, как всегда, таинственно, хотя голос у неё немного дрожал. — Разбейтесь, пожалуйста, на пары и с помощью «Оракула» попробуйте истолковать последнее ночное видение партнёра.

Она хотела было сесть в своё кресло, но, увидев позади него Амбридж, свернула влево, к Парвати и Лаванде, которые уже обсуждали последний сон Парвати.

Исподтишка наблюдая за Амбридж, Гарри раскрыл свой «Оракул снов». Она уже писала в блокноте. Через несколько минут она поднялась и стала ходить по пятам за Трелони, прислушиваясь к её разговорам с учениками и время от времени задавая вопросы. Гарри поспешно склонился над книгой.

— Быстро придумывай сон, — сказал он Рону. — Старая жаба вот-вот подойдёт.

— Я в прошлый раз придумывал, — запротестовал Рон. — Твоя очередь.

— Ой, не знаю… — с отчаянием шепнул Гарри. Он не мог вспомнить ни одного сна за последние ночи. — Скажем, мне приснилось, что я утопил Снегга в моём котле. Сойдёт…

Рон фыркнул и раскрыл «Оракул».

— Так, надо сложить твой возраст с датой, когда ты видел сон, и прибавить количество букв в теме сна… Какая у нас?

— «Утопил», «котёл» или «Снегг»?

— Неважно. Бери любую, — оглянувшись с опаской, сказал Гарри.

Трелони расспрашивала Невилла о его дневнике сновидений, Амбридж стояла у неё за плечом и делала пометки в блокноте.

— Так в какую ночь тебе это снилось? — спросил Рон, занятый вычислениями.

— Не знаю… в прошлую… да в какую хочешь. — Гарри прислушивался к тому, что говорит Амбридж. Сейчас их с Роном отделял от профессоров всего один стол.

Амбридж записала ещё что-то в блокноте, а Трелони выглядела совсем расстроенной.

— Так, — сказала Амбридж. — Как долго занимаете вы эту должность?

Профессор Трелони нахмурилась, скрестила руки на груди, свела плечи, словно хотела как

можно лучше закрыться от позорного допроса. Она помолчала, но, видимо решив, что вопрос не слишком унизителен и можно на него ответить, с большим недовольством сказала:

— Почти шестнадцать лет.

— Изрядный срок, — сказала профессор Амбридж и сделала пометку в блокноте. — И на работу вас взял профессор Дамблдор?

— Да, — последовал лаконичный ответ. Профессор Амбридж записала.

— И вы праправнучка знаменитой ясновидящей Кассандры Трелони?

— Да, — подтвердила Трелони, слегка выпрямившись. Очередная пометка в блокноте.

— Но, по-моему, — поправьте меня, если ошибаюсь, — после Кассандры вы в семье первая, кто наделён ясновидением?

— Это… м-м… часто передаётся лишь через три поколения.

Жабья улыбка на лице Амбридж сделалась ещё шире.

— Разумеется, — произнесла она сладким тоном и сделала ещё пометку. — Так, может быть, вы и мне что-нибудь предскажете? — И по-прежнему с улыбкой испытующе уставилась на Трелони.

Та оцепенела, словно не веря своим ушам.

— Не понимаю вас. — Она судорожно стянула шаль на тощей шее.

— Я прошу вас сделать мне предсказание, — раздельно проговорила Амбридж.

Теперь не только Рон и Гарри украдкой поглядывали на них из-за книг. Почти весь класс замер, глядя на Трелони, которая выпрямилась во весь рост, так что зазвенели бусы и браслеты.

— Внутреннее Око не зрит по приказу, — оскорблённо сообщила она.

— Понятно, — проворковала профессор Амбридж и записала что-то в блокноте.

— Я… но… но… подождите! — Профессор Трелони пыталась говорить, как всегда, потусторонним голосом, но эффект таинственности был несколько подпорчен тем, что голос дрожал от гнева. — Кажется, я что-то вижу… что-то, вас касающееся… да, я чувствую что-то… что-то тёмное… большую угрозу…

Профессор Трелони наставила дрожащий палец на профессора Амбридж, а та, подняв брови, продолжала любезно улыбаться.

— Боюсь… боюсь, вам грозит большая опасность! — драматически возвестила профессор Трелони.

Пауза. Профессор Амбридж, по-прежнему под-

няв брови, смотрела на профессора Трелони.

— Ну что ж, — мягко произнесла она после очередной заметки в блокноте. — Если это всё, что вы можете сообщить…

Она отошла, а профессор Трелони, с вздымающейся грудью, будто приросла к полу. Гарри перехватил взгляд Рона и понял, что они думают об одном и том же: оба знали, что профессор Трелони — старая мошенница, но Амбридж вызывала такое отвращение, что они были всецело на стороне Трелони — вернее, те несколько секунд, пока она не нависла над ними.

— Ну? — с непривычной резкостью сказала она и щёлкнула длинными пальцами перед носом Гарри. — Дайте-ка посмотреть, как вы начали дневник сновидений.

И к тому времени, когда она закончила толковать в полный голос сны Гарри (все до единого, даже те, где он ел овсянку, сулили горькую безвременную кончину), от его сочувствия к ней не осталось и следа. Всё это время профессор Амбридж стояла в двух шагах, писала в блокноте, а после звонка первой спустилась по серебряной лестнице.

Через десять минут, когда они пришли на защиту от Тёмных искусств, Амбридж уже ждала их

в классе. Она напевала под нос и чему-то своему улыбалась. Достав учебники «Теория защитной магии», Гарри и Рон рассказали Гермионе (она пришла с урока нумерологии) о том, что было на уроке у Трелони. Гермиона собралась что-то спросить, но тут профессор Амбридж призвала класс к порядку, и воцарилась тишина.

— Волшебные палочки убрать, — с улыбкой распорядилась она, и оптимисты, вынувшие свои палочки, с сожалением спрятали их обратно в сумки. — На прошлом уроке мы закончили главу первую. Прошу раскрыть книги на странице девятнадцать — приступаем к главе второй: «Общие теории защиты и их происхождение». От разговоров можно воздержаться.

Всё с той же широкой самодовольной улыбкой она села за стол. Ученики с громким вздохом разом раскрыли книги. Гарри лениво подумал, хватит ли глав в книге на все уроки до конца года, и хотел уже открыть страницу с оглавлением, но тут заметил, что Гермиона опять подняла руку.

Профессор Амбридж тоже это заметила, но, похоже, у неё была выработана тактика именно на такой случай. Она не притворилась, будто не видит поднятой руки, а, наоборот, встала, прошла вдоль переднего ряда и, остановившись перед

Гермионой, наклонилась к ней и шёпотом, чтобы не слышали остальные, спросила:

— Что на этот раз, мисс Грейнджер?

— Я уже прочла вторую главу.

— Тогда переходите к главе третьей.

— Её я тоже прочла. Я прочла всю книгу.

Профессор Амбридж моргнула, но быстро овладела собой.

— В таком случае вы можете сказать мне, что говорит Слинкхард в главе пятнадцатой о контрзаклятиях.

— Он говорит, что это неправильное наименование. Он говорит, «контрзаклятием» люди называют свои заклятия для того, чтобы это звучало более приемлемо.

Профессор Амбридж подняла брови, и Гарри понял, что это произвело на неё впечатление.

— Но я не согласна, — продолжала Гермиона. Брови у Амбридж поползли ещё выше, и взгляд стал ещё более холодным.

— Не согласны?

— Да. — Гермиона, в отличие от Амбридж, не шептала, а говорила звонким голосом, так что теперь их слушал весь класс. — Мистер Слинкхард не любит заклятий, правда? Но, думаю, они могут быть очень полезны, если ими пользоваться для

защиты.

— Вы так думаете? — Профессор Амбридж перестала говорить шёпотом и выпрямилась. — Боюсь, что в этом классе нас интересует мнение мистера Слинкхарда, а не ваше, мисс Грейнджер.

— Но… — хотела возразить Гермиона.

— Довольно, — Амбридж отошла и повернулась лицом к классу. От весёлости её не осталось и следа. — Мисс Грейнджер, я снимаю с Гриффиндора пять очков.

По классу пробежал шумок.

— За что? — сердито спросил Гарри.

— Только не задирайся, — шёпотом взмолилась Гермиона.

— За неоправданное нарушение хода занятий, — спокойно произнесла профессор Амбридж. — Я здесь для того, чтобы внедрить одобренную Министерством методику, не поощряющую учеников высказывать своё мнение о предметах, в которых они мало смыслят. Ваши прошлые преподаватели этой дисциплины, по-видимому, давали вам больше воли, но ни один из них — за исключением, возможно, профессора Квиррелла, который хотя бы ограничивался темами, проверенными на протяжении веков, — не удовлетворил бы министерскую инспекцию.

— Да, Квиррелл был чудесный учитель, — громко сказал Гарри, — только с одним маленьким недостатком: у него Волан-де-Морт торчал из затылка.

Оглушительная тишина, какой никогда ещё не слышал Гарри. Затем:

— Я думаю, ещё одна неделя дополнительных занятий принесёт вам пользу, мистер Поттер, — вкрадчиво проговорила Амбридж.

Порезы на руке Гарри, только-только зажившие, наутро снова кровоточили. Отбывая вечером наказание у Амбридж, он не жаловался — решил, что не доставит ей такого удовольствия. Снова и снова писал он: «Я не должен лгать», но ни звука не слетало с его губ, хотя порезы с каждой буквой углублялись.

Самым худшим во второй неделе наказания была, как и предсказывал Джордж, реакция Анджелины. Во вторник, когда он пришёл на завтрак, она набросилась на него с таким криком, что профессор МакГонагалл прибежала к ним от преподавательского стола.

— Мисс Джонсон, как вы смеете поднимать такой шум в Большом зале? Минус пять очков Гриффиндору!

— Профессор, ведь он опять оставлен после

уроков.

МакГонагалл повернулась к нему:

— Что ещё, Поттер? Наказаны? Кем?

— Профессором Амбридж, — промямлил Гарри, боясь взглянуть в глаза за прямоугольными очками.

— То есть как? — Она понизила голос, чтобы не услышали любопытные когтевранцы позади. — Несмотря на предупреждение в прошлый понедельник, вы опять не сдержались на уроке профессора Амбридж?

— Да, — потупясь, сказал Гарри.

— Поттер, вы должны держать себя в руках! Вы напрашиваетесь на серьёзные неприятности! Снимаю ещё пять очков с Гриффиндора!

— Но… почему?.. Профессор! — Гарри был взбешён этой несправедливостью. — Меня уже она наказала, почему ещё вы отнимаете пять очков?

— Потому что наказания на вас, очевидно, совсем не действуют, — едко ответила она. — Никаких возражений, Поттер! А что до вас, мисс Джонсон, впредь прошу упражнять голос на стадионе, если намерены остаться капитаном команды!

Профессор МакГонагалл зашагала обратно к преподавательскому столу. Анджелина награ-

дила Гарри взглядом, полным отвращения, и удалилась, а он, кипя, сел на скамью рядом с Роном.

— Оштрафовала Гриффиндор за то, что мне каждый вечер взрезают руку! Это что, честно?

— Нет, — сочувственно сказал Рон и положил на тарелку Гарри ломоть бекона. — Да она не в себе.

Гермиона же только листала «Ежедневный пророк».

— По-твоему, МакГонагалл права? — сердито обратился Гарри к портрету Корнелиуса Фаджа, скрывавшему лицо Гермионы.

— Мне жаль, что она оштрафовала тебя, но, по-моему, она правильно предупредила, чтобы ты не сцеплялся с Амбридж, — раздался голос Гермионы позади Фаджа, который энергично жестикулировал на первой странице и явно произносил какую-то речь.

На заклинаниях Гарри не разговаривал с Гермионой, но, когда они пришли на трансфигурацию, вмиг забыл свою обиду. В углу с блокнотом сидела Амбридж, и при виде неё всякое воспоминание о завтраке выветрилось.

— Отлично, — шепнул Рон, когда они заняли свои места. — Тут уж Амбридж своё получит.

Профессор МакГонагалл вошла в класс твёрдым шагом и так, как будто не заметила присутствия Амбридж.

— Успокоимся, — сказала она, и все сразу утихли. — Мистер Финниган, будьте добры подойти и раздать домашние работы. Мисс Браун, пожалуйста, возьмите этот ящик с мышами… без глупостей, милая, они вас не съедят… и раздайте по одной каждому…

— Кхе, кхе…

Тем же дурацким покашливанием профессор Амбридж прервала в первый вечер Дамблдора. Профессор МакГонагалл предпочла её не услышать. Симус передал Гарри его сочинение. Гарри взял его, не взглянув на Симуса, и с облегчением увидел, что ему поставили «У».

— Итак, прошу внимания. Дин Томас, если вы ещё раз поступите так с мышью, я оставлю вас после уроков… Большинство из вас добилось исчезновения улиток, и даже те, у кого сохранились заметные остатки раковины, уловили принцип превращения. Сегодня мы будем…

— Кхе, кхе…

— Да? — Профессор МакГонагалл обернулась; брови её сошлись в прямую жёсткую черту.

— Я хотела узнать, профессор, получили ли

вы мою записку с датой и часом инспекции вашего…

— Очевидно, получила — в противном случае спросила бы вас, что вы делаете на моём уроке, — сказала профессор МакГонагалл и решительно повернулась спиной к профессору Амбридж. Ученики обменялись злорадными взглядами. — Повторяю: сегодня мы будем упражняться в гораздо более трудном исчезновении — мыши. Заклятие исчезновения…

— Кхе, кхе…

— Интересно, — МакГонагалл с холодной яростью повернулась к профессору Амбридж, — как вы собираетесь ознакомиться с моим методом преподавания, если намерены ежеминутно меня прерывать? Видите ли, я обычно не позволяю разговаривать в классе, когда говорю сама.

У профессора Амбридж сделался такой вид, как будто ей залепили пощёчину. Она промолчала, но раскрыла блокнот и принялась с остервенением писать.

Даже не взглянув в её сторону, МакГонагалл снова обратилась к классу:

— Как я уже сказала, Заклятие исчезновения тем сложнее, чем сложнее строение животного, которое мы хотим подвергнуть исчезновению.

Улитка, беспозвоночное, не представляет трудной задачи. Мышь — млекопитающее, и работать с ней гораздо труднее. Поэтому магическое действие такого рода нельзя осуществить, мечтая об ужине. Итак, заклинание мы знаем, а теперь посмотрим, что у нас получится…

— Как она может отчитывать меня за несдержанность с Амбридж! — шепнул Гарри Рону. Но он уже улыбался, злость на МакГонагалл прошла.

Профессор Амбридж не ходила за профессором МакГонагалл по классу, как за профессором Трелони, — наверное, поняла, что МакГонагалл этого не потерпит. Зато гораздо больше писала, сидя в углу, и, когда МакГонагалл отпустила класс, поднялась с мрачным видом.

— Вот для начала, — сказал Рон, подняв длинный извивающийся мышиный хвост, и бросил его в ящик, подставленный Лавандой.

Ученики потянулись из класса, а Гарри, увидев, что Амбридж подошла к учительскому столу, толкнул Рона, Рон — Гермиону, и все трое нарочно отстали, чтобы послушать.

— Как долго вы преподаёте в Хогвартсе? — спросила профессор Амбридж.

— В декабре будет тридцать девять лет, — от-

рывисто сказала МакГонагалл, защёлкнув сумку.

Амбридж записала.

— Очень хорошо, — сказала она, — результаты инспекции вы узнаете через десять дней.

— Жду с нетерпением, — холодно ответила МакГонагалл и направилась к двери. — Не задерживайтесь, молодые люди, — сказала она, подгоняя сзади Гарри, Гермиону и Рона.

Гарри, не выдержав, чуть улыбнулся ей и мог поклясться, что в ответ получил улыбку.

Он думал, что теперь увидит Амбридж только после уроков, но ошибся. Когда они спустились по лужайке к лесу на урок по уходу за магическими существами, их ждала уже не только профессор Граббли-Дёрг, но и Амбридж со своим блокнотом.

— Не вы обычно ведёте эти занятия? — услышал Гарри её вопрос, когда они подошли к длинному столу, где несколько пленных лукотрусов, похожих на ожившие прутики, скреблись в поисках мокриц.

— Совершенно верно, — ответила профессор Граббли-Дёрг, сцепив руки за спиной и время от времени поднимаясь на цыпочки. — Я заменяю профессора Хагрида.

Гарри обеспокоенно переглянулся с Роном

и Гермионой. Малфой шептался с Крэббом и Гойлом — он будет рад накапать на Хагрида посланнице Министерства.

— Хм-м… — Амбридж понизила голос, но Гарри всё равно её слышал, — интересно… директор не спешит объяснить мне причину… А вы не могли бы сказать, почему так затянулся отпуск профессора Хагрида?

Гарри увидел, что Малфой тоже навострил уши.

— Боюсь, не смогу, — живо отозвалась Граббли-Дёрг. — Знаю об этом не больше вашего. Дамблдор прислал сову: не соглашусь ли я недели две поработать. Я согласилась. Вот и всё, что я знаю. Так что… может быть, начнём?

— Да, будьте любезны, — сказала профессор Амбридж и сделала запись в блокноте.

Здесь она избрала другую тактику — стала ходить между учениками и задавать вопросы о волшебных существах. По большей части отвечали они хорошо, и настроение у Гарри немного улучшилось — по крайней мере, Хагрида не подведут.

— В целом, — сказала Амбридж, вернувшись к профессору Граббли-Дёрг после того, как долго допрашивала Дина Томаса, — как вы — временный

член коллектива и, можно думать, объективный наблюдатель, — как вы находите Хогвартс? Ощущаете ли поддержку со стороны руководства?

— О да, Дамблдор великолепен, — горячо откликнулась Граббли-Дёрг. — Мне очень нравится, как поставлено дело в школе. Очень!

Выразив лицом вежливое сомнение, Амбридж поставила закорючку в блокноте и продолжала:

— И что вы намерены пройти в этом году с классом, предполагая, конечно, что профессор Хагрид не вернётся?

— А мы займёмся существами, которые чаще всего даются на СОВ. Осталось не так много — они уже изучили единорогов и нюхлеров. Я думаю, мы займёмся глиноклоками и жмырами, научимся распознавать шишуг и нарлов. Словом…

— Что ж, вы, очевидно, знаток своего дела, — сказала Амбридж, ставя очень заметную галочку в блокноте.

Гарри не понравилось, что она с нажимом произнесла «вы», и ещё меньше понравился вопрос, адресованный Гойлу:

— Я слышала, в классе были травмы.

Гойл глупо ухмыльнулся. С ответом выскочил Малфой:

— У меня. Меня полоснул гиппогриф.

— Гиппогриф? — повторила профессор Амбридж, деловито записывая.

— Из-за его же глупости: надо было слушаться Хагрида, — сердито вставил Гарри.

Рон и Гермиона застонали. Амбридж медленно повернулась к Гарри.

— Ещё один вечер после уроков, — нежно сказала она. — Ну что ж, большое спасибо, профессор Граббли-Дёрг, думаю, мне всё ясно. Вам сообщат результаты инспекции в течение десяти дней.

— Прекрасно, — сказала Граббли-Дёрг, и Амбридж отправилась по лужайке к замку.

* * *

Гарри вышел из кабинета Амбридж около полуночи; рука кровоточила так, что пропитался шарф, которым он её обвязал. Он думал, что в гостиной уже никого не будет, но его ждали там Рон и Гермиона. Он обрадовался, тем более что Гермиона была настроена не критически, а сочувственно.

— На, — взволнованно сказала она, подвинув к нему мисочку с жёлтой жидкостью. — Это процеженная настойка маринованных щупальцев растопырника, должна помочь.

Гарри опустил окровавленную руку в миску

и ощутил чудесное облегчение: боль прошла. Живоглот с громким мурлыканьем вился вокруг его ног, потом вспрыгнул на колени и улёгся.

— Спасибо, — с чувством сказал Гарри, почёсывая левой рукой кота между ушей.

— Всё-таки ты должен пожаловаться на это, — тихо сказал Рон.

— Нет, — отрезал Гарри.

— МакГонагалл взбесилась бы, если б узнала.

— Да, наверное, — согласился Гарри. — И сколько, ты думаешь, времени понадобится Амбридж, чтобы издать ещё один декрет: кто пожалуется на генерального инспектора, будет немедленно исключён?

Рон открыл было рот, чтобы возразить, но не нашёлся и немного погодя закрыл.

— Страшная женщина, — пискнула Гермиона. — Страшная. Я как раз говорила Рону перед твоим приходом — надо с этим что-то делать.

— Я предложил яд, — угрюмо сказал Рон.

— Нет… Объяснить, что она никудышный преподаватель, что мы не научимся у неё защите.

— Да что мы можем? — Рон зевнул. — Поздно. Она получила место, и её не уберут. Фадж этого не допустит.

— Знаете… — нерешительно начала Герми-

она, — я сегодня подумала… — она с опаской взглянула на Гарри, — я подумала, что, может быть, пора нам самим… самим этим заняться.

— Чем заняться? — подозрительно спросил Гарри, продолжая купать руку в настойке растопырника.

— Самим учиться защите от Тёмных искусств.

— Да брось ты, — заныл Рон. — Не хватало нам работы. Ты понимаешь, что мы с Гарри опять отстали с домашними заданиями, а ведь только вторая неделя идёт.

— Но это поважнее домашних заданий! — сказала Гермиона.

Гарри и Рон вытаращились на неё.

— А я-то думал, важнее ничего на свете нет! — сказал Рон.

— Глупости. Конечно, есть, — сказала Гермиона, и Гарри увидел с испугом, что лицо её вспыхнуло такой же страстью, с какой она говорила об освобождении эльфов. — Гарри правильно сказал на первом уроке у Амбридж: мы должны подготовиться к тому, что нас ждёт за стенами школы. Мы должны уметь защитить себя. Если мы ничему не научимся за год…

— Много ли мы можем сами? — устало возразил Рон. — Ну ладно, пойдём в библиотеку, посмот-

рим заклятия, попробуем упражняться, и что?..

— Нет, я согласна, мы уже прошли ту стадию, когда можно учиться только по книгам, — сказала Гермиона. — Нам нужен учитель, настоящий, чтобы показал нам, как пользоваться заклинаниями, и поправил, если будем ошибаться.

— Если вы о Люпине… — начал Гарри.

— Нет, нет, не о Люпине, — сказала Гермиона. — Он занят в Ордене, да и часто встречаться с ним мы не сможем — только в Хогсмиде по выходным.

— Тогда кто же? — нахмурясь, сказал Гарри. Гермиона глубоко вздохнула:

— Разве не ясно? Ты, Гарри.

Наступило молчание. Ночной ветерок шевельнул окна за спиной Рона, пламя в камине качнулось.

— Что — я?

— Ты будешь учить нас защите от Тёмных искусств.

Гарри уставился на неё. Потом повернулся к Рону, ожидая встретить такой же раздражённый взгляд, какими они порой обменивались, когда Гермиона начинала рассуждать о громадных проектах вроде защиты прав эльфов. Но, к своему ужасу, в глазах Рона он не прочёл досады, Рон

нахмурился и напряжённо думал. Потом сказал:

— Это мысль.

— Какая мысль? — спросил Гарри.

— Чтобы ты нас учил.

— Но…

Гарри заулыбался — он решил, что над ним подшутили.

— Я же не учитель. Я не могу…

— Гарри, в этом году ты лучший по защите от Тёмных искусств, — сказала Гермиона.

— Я? — Улыбка на его лице стала ещё шире. — Ты же обошла меня на всех испытаниях…

— На самом деле нет, — спокойно возразила Гермиона. — На третьем курсе ты был лучшим — это были первые настоящие испытания, и первый учитель, который знал предмет. Но я не об уроках говорю! Вспомни что ты сделал!

— Что я сделал?

— Я не уверен, что хочу такого тупого учителя, — с ехидной улыбкой сказал Рон Гермионе. И, повернувшись к Гарри: — Давай подумаем. — Он изобразил задумавшегося тупицу Гойла. — Ага, в первый год ты спас от Сам-Знаешь-Кого философский камень.

— Просто повезло, — сказал Гарри, — не от умения…

— Во второй год ты убил василиска и уничтожил Реддла.

— Да, но если бы не явился Фоукс…

— В третий год, — Рон повысил голос, — ты отразил сотню дементоров…

— Ты же знаешь — по чистой случайности, если бы не маховик времени…

— В прошлом году, — Рон почти кричал, — ты снова схватился с Сам-Знаешь-Кем.

— Да послушай же. — Гарри начал сердиться, потому что улыбалась уже и Гермиона. — Вы можете послушать? Всё это звучит очень красиво, но мне просто везло — половину времени я сам не понимал, что делаю, ничего не планировал, действовал вслепую и почти всегда мне помогали.

Рон и Гермиона по-прежнему улыбались, и Гарри сердился всё больше, хотя сам не понимал, почему так сердится.

— Что вы смеётесь, как будто лучше меня знаете? Я там был или кто? Я знаю, что там было, понятно? И выпутался не потому, что блестяще владею защитой от Тёмных искусств, а потому… потому, что помощь приходила вовремя или правильно угадывал… всё делал наобум, не соображая… КОНЧАЙТЕ РЖАТЬ!

Миска с настойкой растопырника упала на пол

и разбилась. Гарри только теперь осознал, что стоит, — он даже не заметил, как встал. Живоглот юркнул под диван.

Друзья уже не улыбались.

— Вы не знаете, что это такое! Вы никогда с ним не сталкивались! Думаете, просто запомнил пяток заклинаний и пустил в него, как на уроке? Ты всё время знаешь, что между тобой и смертью — ничего, кроме… твоих мозгов, или смелости, или чего там ещё, — когда не теряешь рассудка, сознавая, что через микросекунду — конец или пытка… Или друзья умирают у тебя на глазах… Ничему такому нас в классах не учили, не объясняли, как с этим быть, а вы тут сидите с таким видом, как будто перед вами умненький мальчик, а Диггори был глуп, всё не так сделал… Вы просто не понимаете, это вполне мог быть я, и так и было бы, если бы не нужен был Волан-де-Морту.

Рон опешил:

— Ничего такого мы не говорили. И Диггори никто не винил, ты всё неправильно… — Он беспомощно посмотрел на Гермиону тоже изумлённую.

— Гарри, — робко сказала она, — неужели ты не понимаешь? Ведь именно поэтому мы и просим

тебя… Мы хотим знать, каково это — очутиться лицом к лицу с Во… Волан-де-Мортом.

Она впервые произнесла имя Волан-де-Морта, и это больше, чем её слова, охладило Гарри. Всё ещё тяжело дыша, он опустился в кресло и только тут почувствовал, что рука опять страшно разболелась. Он пожалел, что разбил миску с настойкой растопырника.

— Подумай об этом, — тихо сказала Гермиона. — Ладно?

Гарри не знал, что сказать. Ему уже было стыдно за свою вспышку. Он кивнул, хотя и плохо понимал, на что соглашается.

Гермиона поднялась и, стараясь, чтобы это прозвучало как можно естественнее, сказала:

— Ну, я пошла спать.

Рон тоже встал.

— Идём? — неуверенно обратился он к Гарри.

— Да… Сейчас. Только уберу.

Гарри показал на разбитую миску. Рон кивнул и ушёл.

— *Репаро,* — Гарри направил волшебную палочку на осколки. Они соединились, как будто ничего и не разбивалось, но вернуть настойку в миску было невозможно.

Он вдруг ощутил такую усталость, что захоте-

лось снова упасть в кресло и уснуть. Но он себе этого не позволил и пошёл наверх вслед за Роном. Ночью его опять тревожили сны с длинными коридорами и запертыми дверьми, и, когда он проснулся утром, шрам саднил.

Глава 16
В «Кабаньей голове»

Две недели Гермиона не заводила разговора о том, чтобы Гарри учил их защите от Тёмных искусств. Наказания у Амбридж закончились (он сомневался, что врезавшиеся в руку слова когда-нибудь сотрутся полностью). Рон побывал ещё на четырёх тренировках, и на последних двух на него не кричали. Все трое сумели добиться исчезновения мышей на трансфигурации (Гермиона научилась даже убирать котят). Но бурным ветреным вечером в конце сентября, когда они втроём сидели в библиотеке, подбирая ингредиенты для зелья у Снегга, тема эта всплыла снова.

— Слушай, Гарри, — вдруг сказала Гермиона, — ты больше не думал о защите от Тёмных искусств?

— Думал, конечно, — сварливо отозвался Гарри. — Как тут не думать, когда нас учит эта карга.

— Нет, насчёт того, о чём мы с Роном тебя…

Рон бросил на неё тревожный, угрожающий взгляд. Она в ответ нахмурилась.

— Ладно, о чём я тебя просила, — учить нас.

Гарри медлил с ответом. Он сделал вид, будто вчитывается в страницу «Азиатских противоядий», — ему не хотелось делиться своими мыслями.

А передумал он за две недели немало. Порой — как и в первую ночь, когда об этом заговорила Гермиона, — идея казалась ему безумной. Но иногда начинал думать о заклинаниях, которые помогли ему больше всего при встречах с Тёмными существами и Пожирателями смерти, и подсознательно строил планы уроков…

— Да, — сказал он наконец, когда уже нельзя было притворяться, что занят «Азиатскими противоядиями», — немного думал.

— И что?

— Не знаю, — сказал Гарри, оттягивая решительный разговор. Он взглянул на Рона.

— Мне эта мысль с самого начала понравилась, — охотно вступил в разговор Рон, убедившись, что Гарри не намерен ругаться.

Гарри поёрзал в кресле.

— Вы же слышали: во многом это было везение, правильно?

— Да, Гарри, — мягко сказала Гермиона, — но всё равно, нет смысла отрицать, что ты владеешь

защитой от Тёмных искусств. В прошлом году ты был единственным, кто смог противостоять заклятию Империус, мог вызвать Патронуса и сделать то, чего не могут взрослые волшебники. Виктор всегда говорил…

Рон обернулся к ней так резко, что чуть не вывихнул шею. Он потёр затылок.

— Да? Что сказал Вики?

— Хо-хо, — скучающим тоном отозвалась Гермиона. — Он сказал: Гарри делает то, чего он не умеет. А он был на последнем курсе Дурмстранга.

Рон посмотрел на неё с подозрением.

— Ты что, до сих пор поддерживаешь с ним связь?

— Ну и что из того? — невозмутимо ответила Гермиона, хотя лицо у неё чуть порозовело. — Можно ведь дружить по переписке.

— Он не только по переписке хотел дружить.

Гермиона раздражённо тряхнула головой и, не обращая внимания на Рона, который продолжал есть её взглядом, сказала Гарри:

— Ну, что? Будешь нас учить?

— Только тебя и Рона, да?

— Ну… — Гермиона как будто опять заробела. — Только ты не бесись. Гарри, я правда думаю, ты

должен научить всех, кто захочет учиться. Мы же хотим защититься от В… Волан-де-Морта. Рон, не будь смешным. Будет нечестно, если мы не дадим такой возможности остальным.

Гарри на минуту задумался.

— Хорошо, но сомневаюсь, что кто-нибудь, кроме вас, захочет у меня учиться. Я же чокнутый, помнишь?

— Думаю, ты удивишься, когда узнаешь, сколько ребят хотят тебя послушать. — Она наклонилась к Гарри, и Рон, всё ещё хмурившийся, тоже придвинулся поближе. — А что, если скажем: все, кто хочет, встретимся в первый октябрьский выходной в Хогсмиде и обсудим это дело?

— Почему там, а не в школе? — спросил Рон.

— Потому что, — сказала Гермиона, снова взявшись за рисунок Китайской жующей капусты, который копировала из книги, — потому что Амбридж вряд ли обрадуется, если узнает, что мы задумали.

* * *

Гарри с нетерпением ждал вылазки в Хогсмид, но кое-что его беспокоило.

С начала сентября, с тех пор, как Сириус появился в камине, о нём не было ни слуху ни духу.

Гарри знал, что они рассердили его, попросив больше не рисковать, и всё же иногда пугался, что Сириус наплюёт на осторожность и заявится снова. И как им быть, если здоровенный чёрный пёс подбежит к ним в Хогсмиде прямо на глазах у Драко Малфоя?

— Нельзя же упрекать его за то, что ему охота проветриться, — сказал Рон, когда Гарри поделился с ним и Гермионой своими опасениями. — Ведь он в бегах уже два года — счастье, конечно, небольшое, но, по крайней мере, он был на воле, правда? А сейчас сидит взаперти с этим жутким эльфом.

Гермиона посмотрела на него с осуждением, но не ответила на выпад против Кикимера.

— Беда в том, — сказала она Гарри, — что пока Вол… Волан-де-Морт — да успокойся, Рон, — не объявится, Сириус должен скрываться, так? В дурацком Министерстве не поймут, что Сириус невиновен, покуда не признают, что Дамблдор всегда говорил о нём правду. И когда эти дураки начнут ловить настоящих Пожирателей смерти, станет ясно, что Сириус не из них. Во-первых, на нём нет метки…

— Не думаю, что у Сириуса хватит глупости опять прийти, — успокоил их Рон. — Дамблдор

будет страшно недоволен, а Сириус прислушивается к Дамблдору даже когда это ему поперёк.

Но вид у Гарри по-прежнему был озабоченный, и Гермиона попыталась его отвлечь:

— Слушай, мы с Роном прикинули, кто из ребят захотел бы учиться настоящей защите, поспрашивали их, и кое-кто проявил интерес. Мы назначили им встречу в Хогсмиде.

— Хорошо, — рассеянно согласился Гарри, всё ещё думавший о Сириусе.

— Не беспокойся, — тихо сказала Гермиона, — у тебя и без Сириуса забот невпроворот.

Она была права: он едва успевал с домашними заданиями, хотя теперь, когда ежевечерние отсидки у Амбридж кончились, ему стало гораздо легче. Рон даже больше отстал: помимо тренировок дважды в неделю вместе с Гарри, время отнимали и обязанности старосты. Гермиона же, изучавшая больше предметов, чем они, не только справлялась с домашними заданиями, но и успевала вязать одежду для эльфов. Надо сказать, она совершенствовалась: ещё чуть-чуть, и носки уже можно будет отличить от шапок.

Утро вылазки в Хогсмид выдалось ясное, но ветреное. После завтрака они выстроились в очередь перед Филчем, а он сверялся с длинным

списком учеников, получивших разрешение родителей или опекунов посещать деревню. Если бы не Сириус, виновато подумал Гарри, ему не попасть бы туда.

Когда он подошёл к Филчу, смотритель сильно втянул носом воздух, словно ожидая что-то унюхать. Потом кивнул, отчего его щёки задрожали, и Гарри прошёл дальше на каменные ступени, под яркое, прохладное солнце.

— Чего это Филч тебя обнюхивал? — спросил Рон, когда они втроём зашагали по широкой дорожке к воротам.

Гарри усмехнулся:

— Проверка на навозные бомбы. Я забыл вам сказать…

И он поведал о том, как отправил письмо Сириусу, а через минуту ворвался Филч и потребовал показать письмо. К его удивлению, Гермиону заинтересовало это происшествие — и гораздо больше, чем его самого.

— Ему донесли, что ты заказываешь навозные бомбы? Но кто мог донести?

— Не знаю. — Гарри пожал плечами. — Может, Малфой решил подшутить.

Они прошли между высокими каменными колоннами с крылатыми вепрями и свернули

влево, на дорогу к деревне. Ветер трепал им волосы, бросал на глаза.

— Малфой? — усомнилась Гермиона. — Да… может быть.

И до самой деревни пребывала в задумчивости.

— Куда пойдём? — спросил Гарри. — В «Три метлы»?

— Ну нет, — очнувшись, сказала Гермиона. — Там всегда битком народу и шумно. Я сказала остальным: встречаемся в «Кабаньей голове» — этот трактир не на главной дороге… По-моему, подозрительное место, но ученики туда обычно не ходят, и нас не подслушают.

Они прошли по Главной улице мимо магазина волшебных шуток «Зонко», увидев там, естественно, Фреда и Джорджа с Ли Джорданом, мимо почты, откуда через правильные интервалы вылетали совы, и завернули в переулок, в конце которого стоял трактирчик. На ржавой скобе над дверью висела облезлая деревянная вывеска с изображением отрубленной головы кабана, с которой текла кровь на белую скатерть. Вывеска скрипела на ветру. Троица остановилась перед дверью в нерешительности.

— Идём? — робея, сказала Гермиона. Гарри

шагнул первым.

Внутри было совсем не так, как в «Трёх мётлах», большом баре, тёплом и сияющем чистотой. Трактир «Кабанья голова» представлял собой убогую, грязную комнатку, чем-то насквозь пропахшую, скорее всего, козлами. Окна эркера покрывал такой слой сальной грязи, что дневной свет едва просачивался в комнату, и освещалась она огарками свечей, расставленными на грубых деревянных столах. Пол, на первый взгляд земляной, оказался каменным, с вековыми наслоениями грязи. Гарри вспомнил первый год и рассказ Хагрида о том, как он выиграл здесь драконье яйцо у незнакомца в капюшоне. «В „Кабаньей голове“ встретишь много всякого чудного народа», — сказал он тогда. Гарри ещё удивился, почему Хагриду не показалось странным, что незнакомец прятал лицо, но теперь он увидел, что здесь, похоже, принято его прятать. У одного голова была вся обмотана грязными бинтами с щелью на месте рта, куда он вливал стакан за стаканом какую-то жгучую дымящуюся жидкость. У окна двое в капюшонах — и если бы они не разговаривали с сильным йоркширским акцентом, Гарри, пожалуй, принял бы их за дементоров. А в тёмном углу возле очага сидела колдунья в густой

чёрной вуали, доставшей до туфель, и виден был только кончик её носа, поскольку выпирал из-под вуали.

— Не знаю, Гермиона, — пробормотал Гарри, когда они шли к стойке. Особенно его заинтересовала колдунья. — Тебе не приходит в голову, что под вуалью может прятаться Амбридж?

Гермиона кинула на неё оценивающий взгляд.

— Амбридж меньше ростом. И если даже придёт сюда, она никак не сможет нам помешать. Я дважды и трижды перечла правила школы. Мы ничего не нарушили. Специально спросила профессора Флитвика, можно ли ученикам бывать в «Кабаньей голове», и он сказал «да», но очень советовал приходить со своими стаканами. Я просмотрела всё, что говорится об учебных кружках и группах домашних заданий, — они разрешены. Просто не стоит, по-моему, делать это демонстративно.

— Ну да, — сухо подтвердил Гарри, — тем более что ты затеваешь не группу по домашним заданиям.

Из задней комнаты к ним подошёл бармен, склочного вида старик с длинными седыми волосами и бородой. Он был высок и худ и показался Гарри смутно знакомым.

— Ну? — буркнул он.

— Три сливочных пива, пожалуйста, — сказал Гарри. Бармен достал откуда-то снизу три очень грязных, очень пыльных бутылки и со стуком поставил на стойку.

— Шесть сиклей.

— Я заплачу, — быстро сказал Гарри и отдал ему серебро.

Взгляд бармена скользнул по нему и задержался на шраме. Потом старик отвернулся и скинул деньги в старинную деревянную кассу, ящик которой открылся сам собой. Гарри, Рон и Гермиона ушли к самому дальнему столу, сели там и огляделись. Забинтованный постучал костяшками по стойке и получил ещё стакан дымящегося питья.

— Знаете что? — Рон окинул бар восторженным взглядом. — Мы можем заказать здесь всё, что захотим. Старикан подаст нам что угодно, ему плевать. Я всегда хотел попробовать огненного виски.

— Ты же староста! — возмутилась Гермиона.

— Ах, да. — Улыбка его погасла.

— Так кто, говоришь, собирался прийти? — Гарри сковырнул ржавую крышку с бутылки и сделал глоток.

— Да два-три человека. — Гермиона взглянула

на часы и с нетерпением обернулась к двери. — Я просила их прийти в это время, и место они должны знать… О, смотрите, это, наверное, они.

Дверь распахнулась. Сноп пыльного солнечного света разрезал комнату надвое и потух — дверной проём загородила целая толпа.

Первыми вошли Невилл с Дином и Лавандой, за ними сразу — Парвати и Падма Патил вместе с Чжоу (желудок у Гарри сделал сальто) и одной из её вечно хихикающих подруг, потом одна и с мечтательным видом, словно забрела сюда случайно, Полумна Лавгуд; потом Кэти Белл, Алисия Спиннет и Анджелина Джонсон, Колин и Деннис Криви, Эрни Макмиллан, Джастин Финч-Флетчли, Ханна Эббот, девочка из Пуффендуя с длинной косой — Гарри не знал её имени; три парня из Когтеврана — насколько помнил Гарри, их звали Энтони Голдстейн, Майкл Корнер и Терри Бут; Джинни, а за ней высокий курносый блондин, в котором Гарри узнал игрока команды Пуффендуя. Замыкали процессию Фред и Джордж Уизли со своим другом Ли Джорданом — у всех троих были большие бумажные мешки с товарами от «Зонко».

— Два-три человека? — севшим голосом передразнил Гарри. — Два-три человека?

— Ну, идея оказалась привлекательной, — радостно сообщила Гермиона. — Рон, не подтащишь стулья?

Бармен, вытиравший стакан тряпкой, такой грязной, как будто её никогда не стирали, прервал свою деятельность. Наверное, он в жизни не видел столько посетителей.

— Здравствуйте, — сказал Фред, первым подошедший к стойке. Он быстро пересчитал спутников. — Можно нам… двадцать пять сливочного пива?

Бармен уставился на него, потом, с досадой бросив тряпку, словно помешали какому-то важному его занятию, начал таскать из-под стойки пыльные бутылки.

Фред передавал их ребятам.

— Угощайтесь. И раскошеливайтесь. У меня золота на всех не хватит.

Гарри оцепенело наблюдал, как гости, весело болтая, разбирают пиво и достают из мантий монеты. Он всё ещё не мог поверить, что собрались тут ради него, и вдруг, похолодев, подумал: от него ждут речи. Он повернулся к Гермионе:

— Что ты им наговорила? Чего они ждут?

— Я же тебе сказала: просто хотят тебя послушать, — успокоила его Гермиона. Но Гарри

продолжал испепелять её взглядом, и она торопливо добавила: — От тебя пока ничего не требуется, я сперва сама скажу.

— Привет, Гарри, — сияя, сказал Невилл и сел напротив. Гарри улыбнулся в ответ, но ничего не сказал — во рту у него пересохло. Чжоу только улыбнулась и села справа от Рона. Её подруга, кудрявая рыжеватая блондинка, не улыбалась, она наградила Гарри недоверчивым взглядом, словно говоря: моя бы воля, я бы вообще сюда не пришла.

По двое, по трое вновь прибывшие рассаживались вокруг Гарри, Рона и Гермионы, кто взволнованно, кто с любопытством. Полумна Лавгуд мечтательно глядела в пространство. Когда все расселись, разговоры стихли. Все взгляды обратились на Гарри.

— Так, — сказала Гермиона; от возбуждения её голос звучал выше обычного. — Ну, значит…

Теперь всеобщее внимание было приковано к ней, хотя ребята то и дело поглядывали на Гарри.

— Так вот… хм… вы знаете, зачем мы собрались. Так вот… у Гарри возникла идея… То есть (Гарри свирепо посмотрел на неё) у меня возникла идея, что тем, кто хочет учиться защите от Тёмных искусств, было бы полезно… То есть по-настоящему

ей учиться, а не той ерунде, которую преподносит Амбридж… — Голос её зазвучал сильнее и увереннее. — Потому что это никакая не защита, а пустые разговоры. («Вот именно», — сказал Энтони Голдстейн, и Гермиона заговорила ещё смелее.) Ну, и я подумала, что стоит взять это дело в свои руки. — Искоса взглянув на Гарри, она продолжала: — В смысле, учиться защите как следует, не теоретически, а настоящими заклинаниями…

— Но сдать защиту от Тёмных искусств на СОВ ты, надеюсь, тоже хочешь? — сказал Майкл Корнер.

— Конечно хочу. Но не только. Я хочу действительно овладеть защитой, потому что… потому что… — она набрала в грудь воздуха, — потому что лорд Волан-де-Морт вернулся.

Реакция была мгновенной и предсказуемой. Подруга Чжоу взвизгнула и пролила на себя пиво, Терри Бут вздрогнул, Падма Патил поёжилась, а Невилл как-то странно тявкнул и попытался выдать это за кашель. Все при этом выжидательно уставились на Гарри.

— Такой, по крайней мере, план, — сказала Гермиона. — Если хотите участвовать, надо решить, как нам это…

— Где доказательство, что Вы-Знаете-Кто вернулся? — воинственным тоном сказал светловолосый игрок Пуффендуя.

— Ну, Дамблдор в это верит, — ответила Гермиона.

— Хочешь сказать: ему верит? — Он кивнул на Гарри.

— А ты кто такой? — грубо осведомился Рон.

— Захария Смит. И по-моему, мы вправе услышать, почему он решил, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

— Слушай, — вмешалась Гермиона, — вообще-то мы не для этого тут собрались.

— Ничего, Гермиона, — сказал Гарри.

До него только что дошло, почему здесь столько народа. Гермионе следовало этого ожидать. Некоторые из них — может быть, большинство — пришли, чтобы услышать историю от него самого.

— Почему я решил, что Сами-Знаете-Кто вернулся? — сказал он, глядя Захарии в глаза. — Я его видел. Дамблдор рассказал всей школе, что произошло в прошлом году, и если вы ему не поверили, то не поверите и мне. А я не собираюсь тратить день на то, чтобы убеждать вас.

Все слушали его, затаив дух. Ему показалось,

что даже бармен навострил уши. Он вытирал тряпкой всё тот же стакан, чем ещё больше его пачкал.

Захария не был удовлетворён:

— В прошлом году Дамблдор сказал только, что Седрика Диггори убил Сами-Знаете-Кто и что ты принёс его тело в Хогвартс. Без подробностей. Как именно убили Диггори, он не сказал, а нам хотелось бы знать…

— Если вы пришли послушать, как именно убивает Волан-де-Морт, то ничем не могу быть полезен, — сказал Гарри. Нервы его последнее время были на пределе, и сейчас он опять вспылил. Он избегал смотреть на Чжоу и не сводил глаз с агрессивного лица Захарии. — Не хочу говорить о Седрике Диггори, ясно? Так что если ради этого явились, можете убираться.

Он рассерженно взглянул на Гермиону. Это она виновата: решила сделать из него какое-то чудо-юдо, и все повалили слушать диковинную историю. Однако никто не ушёл, даже Захария Смит, хотя продолжал недоверчиво смотреть на Гарри.

— Так вот, — сказала Гермиона тонким голосом, — я говорю: если хотите учиться защите, тогда надо решить, как мы это устроим, как часто

будем встречаться и где.

— Это правда, что ты можешь вызвать Патронуса? — спросила девочка с длинной косой.

Заинтересованный шепоток среди слушателей.

— Да, — с некоторым вызовом сказал Гарри.

— Телесного Патронуса?

У Гарри что-то шевельнулось в памяти.

— Ты, случайно, не знаешь мадам Боунс? — спросил он. Девочка улыбнулась:

— Она моя тётя. Я Сьюзен Боунс. Она рассказывала мне о слушании в Министерстве. Так это правда? Ты вызвал Патронуса-оленя?

— Да.

— Ёлки! — воскликнул Ли. — А я и не знал!

— Мама велела Рону не болтать об этом, — объяснил Фред, улыбнувшись Гарри. — Сказала, что ты и так не обделён вниманием.

— Это точно, — буркнул Гарри, и кое-кто засмеялся. Колдунья в вуали чуть передвинулась на стуле.

— И ты убил василиска мечом из кабинета Дамблдора? — спросил Терри Бут.

— Ну… убил, да.

Джастин Финч-Флетчли присвистнул, братья Криви обменялись испуганно-восхищёнными

взглядами, а Лаванда Браун тихо сказала: «Ух». Гарри чувствовал, что краснеет, и старательно избегал смотреть на Чжоу.

— А на первом курсе, — объявил Невилл, — он спас филологический камень от…

— Философский, — прошипела Гермиона.

— Да, от Вы-Знаете-Кого, — закончил он.

Глаза у Ханны Эббот сделались круглыми, как галеоны.

— Не говоря уже о всех заданиях, с которыми он справился на Турнире Трёх Волшебников в прошлом году, — сказала Чжоу. (Гарри невольно взглянул на неё — Чжоу смотрела на него и улыбалась, его желудок снова сделал сальто.) — Одолел дракона, русалок, паука…

Пронёсся почтительный шумок. Гарри внутренне сжался. Он изо всех сил старался придать лицу такое выражение, чтобы оно не показалось самодовольным. Из-за её похвалы ему стало гораздо труднее сказать то, что он должен был сказать непременно и даже дал себе в этом клятву.

— Слушайте, — и все сразу смолкли. — Я не хочу изображать тут скромность и вообще ломаться… но мне очень сильно во всём этом помогали.

— С драконами — нет, — живо откликнулся Майкл Корнер. — Ты шикарно летал.

— Ну… допустим. — Гарри чувствовал, что отрицать это было бы ребячеством.

— И летом никто не помогал тебе прогнать дементоров, — сказала Сьюзен Боунс.

— Да, — сказал Гарри. — Да. Ладно. Кое-что действительно я сделал без посторонней помощи, но я вот что хочу сказать…

— Хочешь отвертеться и не показывать нам своих номеров? — сказал Захария Смит.

— У меня мысль, — вмешался Рон прежде, чем Гарри успел ответить. — Может, тебе заткнуться?

Наверное, сильнее всего подействовало на Гарри слово «отвертеться». Во всяком случае, сейчас он смотрел на Захарию так, как будто больше всего на свете хотел заехать ему по физиономии. Захария покраснел, но не унимался:

— Мы пришли у него поучиться, а он объясняет нам, что на самом деле ничего не умеет.

— Он этого не говорил! — рявкнул Фред.

— Тебе что, уши прочистить? — поинтересовался Джордж, вытаскивая из бумажного мешка от «Зонко» длинный, устрашающего вида металлический инструмент.

— Или другой какой орган? — сказал Фред. — Мы куда хочешь его вставим.

— Ну, хорошо, — вмешалась Гермиона. — Идём дальше. Мы согласны в том, что хотим брать уроки у Гарри?

Собравшиеся ответили одобрительным шумом. Захария сложил руки на груди и молчал — должно быть, потому, что очень внимательно следил за инструментом в руке у Фреда.

— Так, — сказала Гермиона, обрадованная тем, что наконец до чего-то договорились. — Теперь второй вопрос: как часто будем заниматься? По-моему, реже, чем раз в неделю, не имеет смысла…

— Подожди, — сказала Анджелина, — важно, чтобы это не совпало с нашими тренировками.

— И с нашими, — подхватила Чжоу.

— И с нашими, — добавил Захария Смит.

— Думаю, мы сумеем выбрать вечер, который устроит всех, — с лёгким нетерпением отозвалась Гермиона. — Всё-таки это важное дело, мы хотим защищаться от Пожирателей смерти, слуг Во… Волан-де-Морта.

— Дело говоришь! — рявкнул Эрни Макмиллан, чьей реплики Гарри давно дожидался. — Я считаю, это важно, наверное, поважнее всего остального в нынешнем году, важнее даже, чем СОВ! — Он грозно оглядел компанию, словно ожи-

дая криков «нет!». Но все молчали. — Я лично не могу понять, почему в такое критическое время Министерство навязало нам эту никчёмную преподавательницу. Ладно, оно не желает признать, что Сами-Знаете-Кто вернулся, но подсовывать нам учителя, который намеренно не даёт овладеть защитными заклинаниями…

— Мы думаем, Амбридж не позволяет нам учиться защите от Тёмных искусств потому, — сказала Гермиона, — что у неё возникла безумная идея, будто… будто Дамблдор хочет организовать из учеников личную армию. И выставить её против Министерства.

Почти все были огорошены этой новостью — все, кроме Полумны Лавгуд, которая пропищала:

— Похоже на то. Ведь у Корнелиуса Фаджа есть личная армия.

— Что? — изумился Гарри, ошеломлённый этой неожиданной информацией.

— Да, у него своя армия Гелиопатов, — торжественно объявила Полумна.

— Не может быть! — сказала Гермиона.

— Может, — отрезала Полумна.

— Кто такие Гелиопаты? — недоумённо спросил Невилл.

— Духи огня. — Выпуклые глаза Полумны ещё

больше расширились, отчего вид у неё стал ещё более безумный, чем всегда. — Огромные пылающие создания, они носятся по земле и сжигают всё перед собой, и…

— И они не существуют, Невилл, — насмешливо вставила Гермиона.

— Нет, существуют! — рассердилась Полумна.

— Извини, но где доказательства?

— Есть сколько угодно свидетелей. А если ты такая ограниченная, что пока тебе не сунут под нос…

— Кхе-кхе, — произнесла Джинни, так похоже изобразив Амбридж, что некоторые испуганно оглянулись и только потом засмеялись. — Кажется, мы хотели решить, как часто должны быть уроки защиты?

— Да, Джинни, ты права, — сказала Гермиона.

— Раз в неделю, по-моему, нормально, — сказал Ли Джордан.

— Только чтобы… — начала Анджелина.

— Знаем, знаем: не мешать квиддичу, — закончила Гермиона. — Теперь давайте решим где.

Это оказалось труднее. Все молчали.

— В библиотеке? — предложила Кэти Белл.

— Не думаю, что мадам Пинс будет в восторге, если мы займёмся там заклинаниями, — сказал

Гарри.

— Может, в пустом классе? — предложил Дин.

— Ага, — сказал Рон, — Может, МакГонагалл пустит в свой, пускала же Гарри, когда он практиковался перед Тремя Волшебниками.

Но Гарри был почти уверен, что на этот раз МакГонагалл не проявит гостеприимства. Хотя Гермиона сказала, что учебные кружки и группы по домашним заданиям разрешены, такой кружок вполне могут счесть бунтарским.

— Ладно, попробуем что-нибудь придумать, — сказала Гермиона. — Когда решим насчёт времени и места первого занятия, всех оповестим.

Она порылась в сумке, достала перо и пергамент и помешкала, словно собираясь с духом перед тем, как сделать важное заявление.

— Хорошо бы, все написали свои имена, чтобы мы знали, кто присутствовал. И ещё я думаю, — она сделала глубокий вздох, — нам не стоит кричать об этом на каждом углу. Так что, если вы подпишетесь, это значит, вы обязались не говорить о наших планах ни Амбридж, ни остальным.

Фред сразу взял перо и с удовольствием расписался, но Гарри заметил, что перспектива внести себя в список кое-кого не обрадовала.

— Э-э, — протянул Захария, не взяв пергамент, который протягивал ему Джордж. — Эрни мне скажет, когда собираемся.

Но Эрни и сам не решался подписаться. Гермиона вздёрнула брови.

— Понимаешь… мы — старосты. Если список найдут… ты же сама сказала: если Амбридж прознает…

— Ты минуту назад согласился, что это самое важное в нынешнем году, — напомнил ему Гарри.

— Я… да. Да, я так считаю… Просто…

— Эрни, ты правда думаешь, что я буду оставлять его где попало? — язвительно спросила Гермиона.

— Нет. Конечно нет. — Эрни немного успокоился. — Ну, конечно, я подпишу.

После Эрни никто не протестовал, хотя Гарри заметил, что подруга Чжоу посмотрела на неё с укоризной перед тем, как поставить подпись. Когда записался последний — Захария, Гермиона забрала пергамент и аккуратно засунула в сумку. Присутствующими владело странное чувство. Теперь они как будто были связаны круговой порукой.

— Ну, время бежит, — бодро сказал Фред. —

А нам с Джорджем и Ли ещё надо приобрести предметы довольно щекотливого свойства. До встречи.

По двое, по трое ребята стали расходиться. Прежде чем уйти, Чжоу устроила долгую возню с застёжкой сумки; густые чёрные волосы её свесились вперёд, совершенно заслонив лицо. Но подруга стояла у неё над головой, скрестив руки и цокая языком, и Чжоу ничего другого не оставалось, как уйти с ней. У двери, подталкиваемая подругой, она оглянулась напоследок и помахала Гарри.

— По-моему, неплохо прошло, — сказала довольная Гермиона, когда они втроём вышли из «Кабаньей головы» на солнечный свет. Гарри и Рон ещё не расстались со своими бутылками сливочного пива.

— Этот Захария — хмырь, — сказал Рон, злобно глядя в спину удалявшегося Смита.

— Мне он тоже не очень нравится, — сказала Гермиона. — Понимаешь, он слышал, как я сговаривалась с Эрни и Ханной у стола пуффендуйцев, и тоже захотел прийти — что я могла сделать? Но чем больше народу, тем лучше. Вот и Майкл Корнер с друзьями не пришёл бы, если бы не гулял с Джинни…

Рон, допивавший последние капли из своей бутылки, поперхнулся и пролил сливочное пиво себе на грудь.

— Он что? — Уши у Рона приняли цвет сырого мяса. — Она гуляет… моя сестра гуляет… ты что говоришь? С Майклом Корнером?

— Ну, поэтому он с друзьями и пришёл, я думаю. Конечно, он тоже не прочь поучиться защите, но если бы Джинни не сказала Майклу о нашем плане…

— Когда это… когда она с ним…

— Они познакомились на Святочном балу и подружились в конце прошлого года, — спокойно сообщила Гермиона.

Троица свернула на Верхнюю улицу и остановилась перед магазином перьев Писарро, в витрине которого красовался роскошный набор фазаньих перьев.

— Хм, не отказалась бы от нового пера.

Гермиона вошла в магазин, Гарри и Рон — следом.

— Майкл Корнер — это который? — свирепо спросил Рон.

— Черноволосый.

— Он мне не понравился.

— Тоже мне, удивил, — пробормотала Герми-

она.

— Но я думал, она сохнет по Гарри, — сказал Рон, продвигаясь за ней вдоль ряда медных чернильниц с перьями.

Гермиона посмотрела на него с некоторой жалостью и покачала головой.

— Джинни сохла по нему, но уже много месяцев, как отсохла. Это не значит, что ты ей разонравился, — деликатно пояснила она Гарри, разглядывая длинное, чёрное с золотом перо.

Гарри, всё ещё занятому мыслями о прощальном жесте Чжоу, эта тема не казалась такой интересной, как Рону, — тот буквально трясся от негодования. Однако до него вдруг дошло то, на что он не обратил внимания в баре.

— Так вот почему она теперь разговаривает? — сказал он Гермионе. — Раньше она при мне не разговаривала.

— Ну да, — ответила она. — Пожалуй, я возьму вот это.

Она подошла к прилавку и выложила пятнадцать сиклей и два ната. Рон по-прежнему дышал ей в затылок.

— Рон, — строго сказала она, повернувшись и наступив ему на ногу, — именно поэтому Джинни и не сказала тебе, что встречается с Майклом.

Знала, что ты плохо это воспримешь. Так что кончай нудить, я тебя умоляю.

— Что это значит? Кто плохо воспринял? Кто тут нудит? — продолжал ворчать на улице Рон.

Гермиона скосилась на Гарри и вполголоса, чтобы не услышал Рон, призывавший проклятья на голову Корнера, сказала:

— Оставим в покое Майкла и Джинни. А что у тебя с Чжоу?

— В каком смысле?

Внутри у него будто вскипела и поднялась вода, лицо вспыхнуло, несмотря на холод. Неужели всё это так заметно?

Гермиона слегка улыбнулась:

— Просто глаз с тебя не сводила.

Гарри никогда прежде не замечал, как красива деревня Хогсмид.

Глава 17
Декрет об образовании № 24

Весь остаток выходных Гарри пребывал в прекрасном настроении — такого у него ни разу не было за весь семестр. Большую часть воскресенья они с Роном опять подгоняли домашние задания. Конечно, удовольствием это трудно назвать, но последнее осеннее солнце продержалось весь день, и, вместо того чтобы корпеть за столом в гостиной, они перебрались с работой под раскидистый бук на берегу озера. Гермионе, разумеется, нагонять было нечего — она принесла туда шерсть, заговорила спицы, и теперь они сами позвякивали и поблёскивали в воздухе перед ней, изготовляя всё новые носки и шарфики.

При мысли, что они затеяли бунт против Амбридж и Министерства, что у него в этом главная роль, Гарри испытывал громадное удовлетворение. То и дело вспоминалась субботняя сходка: столько ребят хочет учиться у него защите от Тёмных искусств… и с какими лицами они слушали разговоры о его схватках… и Чжоу похвалила его поведение на Турнире Трёх Волшебников…

Сознание, что эти люди считают его не вруном и психом, а человеком, заслуживающим уважения, вселило такую бодрость, что даже в понедельник утром, несмотря на перспективу самых нелюбимых занятий, он проснулся в отличном настроении.

Они с Роном спустились из спальни, обсуждая предложенную Анджелиной новую фигуру пилотажа — Вялый Кистевой Крен, который предстояло отрабатывать вечером на тренировке, и только на середине залитой солнцем гостиной заметили новый предмет: вокруг него стояла кучка учеников.

К доске объявлений был пришпилен большой лист, закрывавший собой все остальные — списки предлагаемых подержанных книг по чарам, регулярные напоминания Аргуса Филча о правилах школы, расписание тренировок по квиддичу, предложения об обмене карточками от шоколадных лягушек, последние объявления о контрольных, даты вылазок в Хогсмид и объявления о потерянных и найденных вещах. Новое было напечатано жирным чёрным шрифтом, внизу красовалась официального вида печать и подпись с завитушками.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА ХОГВАРТСА

Все ученические организации, общества, команды, кружки и клубы настоящим упраздняются.

Организацией, обществом, командой, кружком и клубом считается регулярно собирающаяся группа из трёх и более учеников.

За разрешением на реорганизацию обращаться к генеральному инспектору (профессору Амбридж).

Никакие организации, общества, команды, кружки и клубы учеников не могут существовать без ведома и санкции генерального инспектора.

Всякий ученик, уличённый в принадлежности к организации, обществу, команде, кружку или клубу, не санкционированным генеральным инспектором, будет исключён.

Основанием, настоящего приказа является Декрет об образовании № 24.

Подписано: Долорес Джейн Амбридж, генеральный инспектор.

Гарри и Рон прочли объявление, стоя позади кучки озадаченных второкурсников.

— Значит, закроют клуб «Плюй-камни»? — спросил один другого.

— Думаю, с вашими плюй-камешками обойдётся, — мрачно заметил Рон, отчего второкурсник вздрогнул и устремился прочь. — А нам, похоже, не так повезёт, а, Гарри?

Гарри перечитывал приказ. От радости, переполнявшей его, не осталось и следа. В нём закипал гнев.

— Это не случайное совпадение. — Руки у него сами собой сжались в кулаки. — Она пронюхала.

— Да как? — возразил Рон.

— Нас слышали в баре. И, если честно, знаем разве, скольким из пришедших можно доверять? Любой мог побежать с доносом к Амбридж.

А он-то думал, ему верят, им восхищаются!

— Захария Смит! — выпалил Рон, стукнув кулаком о ладонь. — Или этот скользкий тип… Майкл Корнер.

— А Гермиона видела? — Гарри оглянулся на дверь в девичьи спальни.

— Надо ей сказать. — Рон бросился к двери и стал подниматься по винтовой лестнице.

Когда он достиг шестой ступеньки, раздался

громкий вой, будто клаксона, и лестница слилась в гладкий каменный скат. Какую-то секунду Рон ещё пытался бежать вверх, размахивая руками, как ветряная мельница, но повалился и съехал вниз, под ноги Гарри.

— Кажется, нам нельзя к девочкам в спальню, — сказал Гарри, помогая ему встать и с трудом удерживаясь от смеха.

По каменному жёлобу с радостным хохотом скатились две четверокурсницы. Они вскочили на ноги и уставились на Гарри и Рона.

— О-о, кто это к нам прорывался?

— Я, — сказал взъерошенный Рон. — Кто бы мог подумать? Это несправедливо, — обратился он к Гарри. — Гермионе к нам в спальню можно, а нам почему-то нельзя…

— Это старинное правило, — сообщила Гермиона, плавно съехав на коврик перед ними и поднимаясь на ноги. — В «Истории Хогвартса» сказано: основатели посчитали, что мальчики менее порядочны, чем девочки. А зачем вам туда понадобилось?

— К тебе. Посмотри на это! — сказал Рон, увлекая её к доске объявлений.

Гермиона скользнула взглядом по приказу. Лицо у неё стало каменным.

— Кто-то ей сболтнул, — сердито сказал Рон.

— Никто не мог, — тихо ответила она.

— Не будь наивной: если ты такая порядочная, это не значит, что все…

— Не могли они, потому что я заколдовала пергамент с подписями, — угрюмо настаивала Гермиона. — Будь спокоен: если кто-то донёс Амбридж, мы точно узнаем кто, и он сильно об этом пожалеет.

— А что ему сделается? — заинтересовался Рон.

— Ну, скажем так: прыщи Элоизы Миджен покажутся рядом с этим милыми веснушками. Пошли завтракать и посмотрим, что остальные думают. Интересно, это на всех факультетах развесили?

Как только они вошли в Большой зал, стало ясно, что приказ появился не только в башне Гриффиндора. Возбуждённые разговоры, больше обычного суеты и хождения вдоль столов: все обсуждают прочитанное. Гарри, Рон и Гермиона едва сели за стол, как на них накинулись Невилл, Дин, Фред, Джордж и Джинни.

— Вы видали?

— Думаете, она узнала?

— Что будем делать?

Все смотрели на Гарри. Он огляделся — нет ли поблизости преподавателей.

— Мы всё равно это сделаем, — тихо сказал он.

— Я знал, что ты так скажешь. — Сияющий Джордж хлопнул его по плечу.

— Старосты с нами? — сказал Фред, насмешливо глядя на Рона и Гермиону.

— Разумеется, — холодно ответила она. Рон оглянулся:

— Вон идёт Эрни с Ханной Эббот. И эти, из Когтеврана, и Смит… и никто вроде не пятнистый.

Вид у Гермионы был встревоженный.

— Это ничего не значит. Идиоты не пойдут сюда — побоятся вызвать подозрения… Сядьте! — выговорила она одними губами и замахала рукой, показывая, чтобы они вернулись за стол Когтеврана. — Потом! Поговорим — с вами — потом!

— Я скажу Майклу, — засуетилась Джинни и вскочила со скамьи, — вот дурак, честное слово…

Она устремилась к столу Когтеврана. Гарри смотрел ей вслед. Чжоу сидела неподалёку и разговаривала с кудрявой подругой, которую привела в «Кабанью голову». Придёт ли она на следующее собрание или испугается приказа?

Но вся злодейская сила приказа открылась им только тогда, когда они пошли из Большого зала на историю магии.

— Гарри! Рон!

К ним бежала с отчаянным видом Анджелина.

— Всё нормально, — тихо сказал ей Гарри, когда она приблизилась. — Мы не раздумали…

— Вы понимаете, что к квиддичу это тоже относится? Мы должны идти к ней и согласовывать состав команды Гриффиндора!

— Что? — сказал Гарри.

— Ты шутишь? — ужаснулся Рон.

— Вы же читали приказ, там написано: «команды»! Слушай, Гарри, последний раз тебя прошу: пожалуйста, пожалуйста, не задирайся с Амбридж, иначе она вообще не даст нам играть!

— Хорошо, хорошо, — сказал Гарри, потому что Анджелина чуть не плакала. — Не беспокойся, я буду держать себя в руках.

— Амбридж сегодня на истории магии, — хмуро сказал Рон. — Она ещё не инспектировала Бинса. Спорить могу, она уже там.

Но он ошибся: когда они вошли, в классе был только профессор Бинс — он, по обыкновению, парил в нескольких дюймах над своим креслом, готовясь продолжить нудную повесть о войнах с великанами. Гарри даже не пытался следить за лекцией, что-то рисовал на пергаменте, не обращая внимания на грозные взгляды Гермионы,

толкавшей его в бок, пока один особенно болезненный толчок не вынудил его поднять глаза.

— Что тебе? — недовольно спросил он.

Она показала на окно. Гарри обернулся. Снаружи сидела Букля и смотрела на него сквозь толстое стекло; к ноге её было привязано письмо. Непонятно: только что завтракали, почему не доставила письмо туда, как обычно? Ребята тоже показывали друг другу на Буклю.

— Я обожаю эту сову, такая красивая, — шепнула Лаванда соседке Парвати.

Гарри взглянул на профессора Бинса, который безмятежно бубнил, не замечая, что внимания ему уделяют ещё меньше, чем всегда. Гарри тихонько слез со стула, пригнувшись, пробрался вдоль ряда, поднял задвижку на окне и бесшумно его открыл.

Он ожидал, что Букля протянет ему лапу с письмом, а потом улетит в совятник, но, как только окно приоткрылось, она печально ухнула и прыгнула на подоконник. Оглянувшись на профессора, Гарри пригнулся и с Буклей на плече шмыгнул на своё место. Посадил Буклю на колени и отвязал письмо.

И только тут заметил, что Букля какая-то встрёпанная — некоторые перья стоят торчком и одно

крыло не складывается.

— Она ранена! — Гарри склонился над совой. Рон и Гермиона вытянули шеи, а Гермиона даже уронила перо. — Смотрите, у неё что-то с крылом.

Букля дрожала. Когда Гарри дотронулся до крыла, все перья у неё встали дыбом, как будто её надули, и она посмотрела на него с упрёком.

— Профессор Бинс, — громко сказал Гарри, и все обернулись на его голос, — я плохо себя чувствую.

Профессор оторвался от своих записей и поднял голову, как всегда изумляясь тому, что перед ним полный народу класс.

— Плохо себя чувствуете? — рассеянно повторил он.

— Совсем нехорошо, — подтвердил Гарри и встал, спрятав за спиной Буклю. — Наверное, мне надо в больничное крыло.

— Да, — сказал профессор, явно не понимая, о чём речь, — да, больничное крыло… ступайте, Перкинс.

Гарри вышел в коридор, посадил Буклю на плечо и, только удалившись на безопасное расстояние от двери, остановился, чтобы подумать. Конечно, первым делом он обратился бы за по-

мощью к Хагриду, но где Хагрид — неизвестно. Оставалось только найти профессора Граббли-Дёрг, может быть, она полечит Буклю.

Он посмотрел из окна на сумрачный, прочёсанный ветром луг. Возле хижины Хагрида никого не было. Если Граббли-Дёрг не на уроке, то, может быть, в учительской. Гарри пошёл вниз, Букля слабо ухала, покачиваясь у него на плече.

По сторонам от двери в учительскую торчали две горгульи. Одна из них прохрипела:

— Почему не на уроке, сынок?

— Срочное дело, — кратко ответил Гарри.

— Ах, срочное? — пронзительным голосом отозвалась вторая. — Нас поставили на место, так, кажется?

Гарри постучался. Шаги за дверью, дверь распахнулась: перед ним стояла профессор МакГонагалл. Прямоугольные очки грозно блеснули.

— Вы опять наказаны?

— Нет, профессор, — поспешил оправдаться Гарри.

— Тогда почему не в классе?

— Видимо, срочное дело, — ехидно вставила вторая горгулья.

— Я ищу профессора Граббли-Дёрг. Моя сова ранена.

— Ранена сова, говорите?

За плечом МакГонагалл возникла профессор Граббли-Дёрг с «Ежедневным пророком» в руке, дымя трубкой.

— Да. — Гарри бережно снял с плеча Буклю. — Она прилетела позже других почтовых сов и у неё что-то с крыльями, смотрите…

Профессор Граббли-Дёрг сунула трубку в зубы и взяла Буклю.

— Хм-м. — Трубка при этом качнулась во рту. — Судя по всему, на неё напали. Не понимаю, кто это мог быть. Фестралы, конечно, иногда нападают на птиц, но здешних Хагрид приучил не трогать сов.

Гарри не знал, кто такие фестралы, и не желал знать — он хотел знать, поправится ли Букля. Но профессор МакГонагалл пристально посмотрела на Гарри и спросила:

— Поттер, не знаете, далеко ли летала эта сова?

— Ну, наверное, в Лондон.

Он встретил её взгляд, и по тому, как сошлись её брови, понял: ей ясно, что «Лондон» означает «площадь Гриммо, двенадцать».

Профессор Граббли-Дёрг достала из мантии монокль, ввинтила в глаз и внимательно осмотрела крыло Букли.

— Если вы оставите её мне, я, вероятно, смогу кое-что сделать. Во всяком случае, несколько дней она не должна совершать дальних перелётов.

— Хорошо… спасибо, — сказал Гарри, и тут же раздался звонок на перемену.

— Не за что, — грубо ответила Граббли-Дёрг и пошла в учительскую.

— Минутку, Вильгельмина, — сказала МакГонагалл. — Письмо Поттера!

— Ой, да! — Гарри совсем забыл о привязанном к лапе письме.

Граббли-Дёрг дала Гарри письмо и ушла с Буклей в комнату. Сова смотрела на Гарри так, словно не могла поверить, что он отдаёт её в чужие руки.

Чувствуя себя виноватым, он пошёл прочь, но МакГонагалл окликнула его:

— Поттер!

— Да, профессор.

Она посмотрела налево и направо: с обеих сторон по коридору шли ученики.

— Имейте в виду, — тихо и быстро сказала она, глядя на пергаментную трубочку у него в руке, — каналы связи в Хогвартсе могут быть под наблюдением, понятно?

— Я… — хотел ответить Гарри, но гурьба учени-

ков была уже в двух шагах.

Профессор МакГонагалл кивнула ему и скрылась в учительской, а его толпа вынесла во двор. Спрятавшись в углу от ветра, с поднятыми воротниками, его уже ждали там Рон и Гермиона. Гарри развернул письмо и по дороге к ним прочёл семь слов, написанных рукой Сириуса:

Сегодня, там же, в тот же час.

— Как Букля? — встретила его вопросом Гермиона.

— Куда ты её отнёс? — спросил Рон.

— К Граббли-Дёрг. И видел МакГонагалл. Слушайте…

Он повторил слова МакГонагалл. Как ни странно, они не были удивлены. Наоборот, многозначительно переглянулись.

— Что такое? — спросил Гарри, переводя взгляд с Рона на Гермиону и обратно.

— Я как раз говорила Рону: что, если кто-то перехватит Буклю? Ведь раньше на неё никто не нападал в пути?

— А от кого письмо-то? — спросил Рон, забирая у Гарри пергамент.

— От Нюхалза, — тихо сказал Гарри.

— «Там же, в тот же час?» То есть в камине

гостиной?

— Очевидно, — сказала Гермиона, пробежав записку. Лицо у неё было озабоченное. — Надеюсь, больше никто его не прочёл…

— Но оно было запечатано и вообще, — сказал Гарри, пытаясь убедить скорее себя, чем её. — Да и никто бы не понял, если не знать, где мы в прошлый раз разговаривали.

— Не знаю, — усомнилась Гермиона и вскинула сумку на плечо, потому что прозвенел звонок. — Не так уж трудно снова запечатать пергамент с помощью магии… И если кто-то следит за Сетью летучего пороха… Только не представляю, как мы предупредим его, чтобы не появлялся, — ведь и наше письмо могут перехватить!

Они ломали голову над этой задачей, спускаясь по каменным ступеням в подземелье к Снеггу. Но внизу их вернул к действительности голос Драко Малфоя, который стоял перед дверью класса, размахивал официального вида пергаментом и говорил гораздо громче, чем требовалось — так, чтобы каждое слово донеслось до них:

— Да, Амбридж сразу дала разрешение слизеринской команде по квиддичу — мы продолжаем играть. Я прямо с утра отправился к ней. Всё прошло как по маслу — она отлично знает отца,

он часто наведывается в Министерство… А вот позволят ли Гриффиндору играть — это мы ещё посмотрим…

— Не заводитесь, — взмолилась Гермиона, потому что Рон и Гарри уже смотрели на него свирепо, сжав кулаки. — Он только этого и добивается…

— Тут главное — связи в Министерстве, — ещё громче продолжал Малфой, злобно поглядывая в сторону Гарри и Рона. — А у этих, я думаю, шансов мало. Отец говорит, там давным-давно ищут повода уволить Артура Уизли… А что касается Поттера, отец говорит, это только вопрос времени — Министерство твёрдо решило сдать его в больницу святого Мунго — там есть специальное отделение для тех, кто спятил на магии.

Малфой скорчил идиотскую мину — отвесил губу и закатил глаза. Крэбб и Гойл, по обыкновению, загоготали, а Пэнси Паркинсон залилась визгливым смехом.

Что-то толкнуло Гарри в плечо, отбросив в сторону. Мгновением позже он увидел, что это Невилл чуть не сшиб его, ринувшись на Малфоя.

— Невилл, стой!

Гарри бросился за ним и схватил его сзади за мантию. Невилл махал кулаками и рвался к

остолбеневшему Малфою.

— Рон, помоги! — крикнул Гарри.

Ему удалось обхватить Невилла одной рукой вокруг шеи и удержать от атаки. Крэбб и Гойл уже приняли боевую стойку, загородив собой Малфоя. Рон схватил Невилла за руки, и вдвоём с Гарри они оттащили его от слизеринцев. Лицо у него стало багровым, рука на горле мешала говорить, но отдельные слова всё же выскакивали.

— Не… смешно… не сметь… Мунго… покажу… ему.

Дверь класса открылась. Появился Снегг. Его чёрные глаза обежали цепочку гриффиндорцев и остановились на Гарри и Роне, сдерживавших Невилла.

— Поттер, Уизли, Долгопупс — драка? — раздался его холодный, надменный голос. — Десять очков штрафа Гриффиндору. Отпустите Долгопупса, Поттер, или останетесь после уроков. Все в класс.

Гарри отпустил Невилла. Тот пыхтел и испепелял его взглядом.

— Я должен был тебя остановить, — тяжело дыша, сказал Гарри и поднял сумку. — Крэбб и Гойл оставили бы от тебя мокрое место.

Невилл не ответил, только схватил сумку и

вошёл в класс.

— Из-за чего скандал? — протянул Рон.

Гарри промолчал. Он знал, почему так болезнен для Невилла любой разговор о людях, помещённых в больницу святого Мунго из-за магических повреждений мозга, но поклялся Дамблдору не выдавать секрет Долгопупса. Даже Невилл не подозревал, что ему об этом известно.

Гарри, Рон и Гермиона заняли свои привычные места в заднем ряду, достали пергамент, перья и книги «Тысяча магических трав и грибов». В классе шёпотом обсуждали выходку Невилла, но, когда Снег с громким стуком захлопнул дверь, все разом смолкли.

— Прошу заметить, у нас сегодня гость, — с обычной презрительной интонацией обратился к ним Снегг.

Он показал на тёмный угол подземелья, и Гарри увидел Амбридж с блокнотом на коленях. Подняв брови, он искоса взглянул на друзей. Снегг и Амбридж — самые ненавистные учителя, и даже трудно решить, кому он желает бóльших неприятностей от этой встречи.

— Сегодня мы продолжим работу над Укрепляющим раствором. Ваши смеси вы найдёте в том состоянии, в каком оставили их на прошлом

уроке. Если они были составлены правильно, то за выходные дни созрели. Инструкции, — он указал палочкой, — на доске. Выполняйте.

Первые полчаса Амбридж только писала в блокноте. Гарри было любопытно, как она станет допрашивать Снегга — настолько любопытно, что он опять невнимательно отнёсся к зелью.

— Саламандрову кровь, Гарри! — застонала Гермиона, схватив его за руку, чтобы он в третий раз не налил неправильный ингредиент. — Не гранатовый сок!

— Угу, — рассеянно отозвался Гарри, продолжая наблюдения за углом.

Амбридж как раз встала и направилась между рядами столов к Снеггу, склонившемуся над котлом Дина Томаса.

— Что ж, для своего уровня класс, кажется, неплохо подготовлен. Хотя не уверена, что ему стоит работать над таким зельем, как Укрепляющий раствор. Думаю, Министерство предпочло бы исключить его из курса.

Снегг медленно выпрямился и повернул к ней голову.

— Как долго вы преподаёте в Хогвартсе? — спросила она, занеся перо над блокнотом.

— Четырнадцать лет. — Лицо Снегга было

непроницаемо.

Гарри, продолжая следить за ним, добавил несколько капель в зелье. Оно угрожающе зашипело и из бирюзового превратилось в оранжевое.

— Сначала, кажется, вы подавали на должность преподавателя защиты от Тёмных искусств?

— Да, — тихо ответил Снегг.

— Но безуспешно?

Снегг скривил губы:

— Как видите.

Она записала в блокноте.

— И после поступления в Хогвартс регулярно предлагали себя на эту должность, не так ли?

— Да. — Снегг едва шевельнул губами. Он был очень сердит.

— Не представляете себе, почему Дамблдор вам упорно отказывал в этом?

— Вам лучше спросить у него, — буркнул Снегг.

— Непременно, — сказала она со сладкой улыбкой.

— Полагаю, это имеет отношение к делу?

— Прямое, — сказала профессор Амбридж. — Министерство желает досконально знать… э-э… послужной список преподавателей.

Она отошла к Пэнси Паркинсон и стала расспрашивать её о занятиях. Снегг оглянулся на Гарри, и глаза их встретились. Гарри сразу опустил взгляд: его зелье противно свёртывалось, издавая сильный запах жжёной резины.

— Вновь без оценки, Поттер, — с удовольствием сказал Снегг и мановением волшебной палочки опорожнил его котёл. — Напишете мне работу о правильном составе этого зелья с указанием, где и почему вы ошиблись. Сдать на следующем уроке, вам понятно?

— Да, — с яростью отозвался Гарри.

Снегг дал им задание на дом. Вечером у него тренировка по квиддичу и это значит, ещё две ночи без сна. Он уже представить себе не мог, что проснулся утром в хорошем настроении. Теперь мечтал только об одном: поскорее бы кончился этот день.

— Я, наверно, прогуляю прорицания, — уныло сказал он после обеда, когда они стояли во дворе и ветер трепал их мантии и поля шляп. — Скажусь больным, а сам напишу для Снегга, тогда не надо будет сидеть полночи.

— Тебе нельзя пропускать прорицания, — строго сказала Гермиона.

— Кто бы говорил! Ты сама ушла с прорицаний,

ненавидишь Трелони! — возмутился Рон.

— Вопрос не в ненависти, — напыщенно изрекла она. — Просто я считаю её отвратительным преподавателем и старой мошенницей. Но Гарри уже прогулял историю магии, и, по-моему, сегодня больше ничего пропускать нельзя.

Замечание было справедливое, и получасом позже Гарри, злой на весь мир, занял своё место в душном, пропахшем благовониями классе прорицаний. Профессор Трелони снова раздала «Оракул снов». Гарри подумал, что с гораздо большей пользой провёл бы время, делая штрафную работу для Снегга, вместо того чтобы отыскивать смысл выдуманных снов.

Однако, видимо, не он один пребывал в скверном настроении. Профессор Трелони шлёпнула экземпляр «Оракула» на стол между Роном и Гарри и отошла, поджав губы. Потом швырнула книгу Симусу и Дину, чуть не угодив первому в голову, а ещё один экземпляр сунула Невиллу в грудь с такой силой, что он съехал с пуфика.

— Продолжайте! — выкрикнула она с надрывом. — Вам известно, что надо делать! Или я такой слабый учитель, что вы до сих пор не умеете раскрыть книгу?

Ребята недоумённо уставились на неё, потом

друг на друга. Гарри же догадывался, в чём дело. Глаза у Трелони за толстыми очками были полны слёз, и, когда она стремительно вернулась к своему креслу с высокой спинкой, он наклонился к Рону и прошептал:

— Наверное, получила результаты инспекции.

— Профессор, — робко произнесла Парвати Патил (она и Лаванда восхищались профессором Трелони), — профессор, что-то случилось?

— Случилось?! — дрожащим голосом выкрикнула та. — Разумеется, нет! Меня оскорбили, разумеется… на меня возводят наветы, предъявляют беспочвенные обвинения — а в остальном ничего не случилось, ровно ничего!

Она судорожно вздохнула, отвернулась от Парвати, и из-под очков заструились слёзы.

— Не буду говорить о шестнадцати годах беспорочной службы… очевидно, они прошли незамеченными… но я не позволю себя оскорблять — не позволю!

— Кто же вас оскорбил, профессор? — пролепетала Парвати.

— Власть имущие, — глухим рыдающим голосом возвестила Трелони. — Те, чьи глаза застит земное и низменное, кто не Видит так, как я Вижу, не Знает того, что я Знаю… Конечно, нас,

Ясновидящих, всегда боялись, всегда травили… такова, увы, наша доля.

Она всхлипнула, вытерла мокрые щёки краем шали, потом вытащила из рукава вышитый платок и оглушительно — звук получился такой же неприличный, как у Пивза — продула нос.

Рон хихикнул, Лаванда наградила его уничижительным взглядом.

— Профессор, — сказала Парвати, — может быть, это профессор Амбридж?

— Не упоминайте при мне эту женщину! — Профессор Трелони вскочила с кресла, звеня бусами и сверкая очками. — Будьте добры продолжать работу!

И до конца урока расхаживала между столами, проливая слёзы из-под очков и бормоча, по-видимому, какие-то угрозы.

— …вполне могу уволиться… унизительное положение… с испытательным сроком… ещё посмотрим… как она смеет…

— У вас с Амбридж есть кое-что общее, — сказал Гермионе Гарри, когда они снова встретились на защите от Тёмных искусств. — Она тоже считает её старой обманщицей и, похоже, оставила её с испытательным сроком.

В это время вошла Амбридж со своим чёрным

бантом и самодовольной улыбкой на лице.

— Здравствуйте, учащиеся.

— Здравствуйте, профессор Амбридж, — безрадостно ответили они.

— Волшебные палочки убрать.

На этот раз никакой возни не было: никто и не потрудился их вынуть.

— Откройте, пожалуйста, страницу тридцать четыре «Теории защитной магии» и прочтите главу третью «Основания для неагрессивного ответа на магическое нападение». От разговоров…

— Можно воздержаться, — шёпотом подхватили трое друзей.

* * *

— Тренировки не будет, — хмуро объявила Анджелина, когда они вошли после ужина в общую гостиную.

— Но я не пререкался с ней. — Гарри был в ужасе. — Ни слова не сказал, клянусь тебе, Анджелина.

— Знаю. Знаю. Она сказала, ей надо разобраться.

— В чём разобраться? — возмутился Рон. — Слизеринцам дала разрешение. А нам почему нет?

Но Гарри представлял себе, насколько приятно

Амбридж держать их в неизвестности, угрожая роспуском команды, и почему она не хочет расстаться с этим оружием против них.

— А ты взгляни на это с приятной стороны, — сказала Гермиона, — у тебя, по крайней мере, будет время написать работу для Снегга.

Рон посмотрел на неё с изумлением, а Гарри огрызнулся:

— Приятной? «Больше Снегга, меньше квиддича»?

Он повалился в кресло, вытащил из сумки свою писанину о зельях и принялся за работу. Сосредоточиться было трудно, хотя он знал, что Сириус должен появиться в огне ещё не скоро. Тем не менее он каждые пять минут поглядывал в огонь — на всякий случай. К тому же в гостиной стоял невообразимый шум: Фред с Джорджем усовершенствовали свой Забастовочный завтрак и по очереди демонстрировали его под одобрительные крики публики.

Сперва Фред откусывал от оранжевого конца батончика, после чего картинно блевал в принесённое ведро. Затем кусал с тёмно-красного конца, и рвота мгновенно прекращалась. Ли Джордан, ассистировавший при показе, каждый раз лениво убирал рвоту с помощью того же За-

клятия исчезновения, которое применял Снегг к зельям Гарри.

Регулярные звуки рвоты, весёлые выкрики зрителей, заказывающих Фреду и Джорджу новинку, — всё это сильно мешало Гарри восстановить в памяти правильный состав Укрепляющего раствора. От Гермионы тоже было мало помощи: при звуках льющейся в ведро массы она всякий раз брезгливо и громко шмыгала носом, и почему-то это тоже действовало Гарри на нервы.

— Так пойди и прекрати это! — не выдержал он, в четвёртый раз зачёркивая неправильно указанную весовую долю молотых когтей грифона.

— Не могу. Формально они всё делают правильно, — процедила она сквозь зубы. — Они вправе есть любую пакость, и я не знаю правила, запрещающего идиотам её покупать, если не доказана её опасность, — чего в данном случае, кажется, нет.

— Не понимаю, почему Фред и Джордж сдали только по три СОВ, — сказал Гарри, наблюдая, как они с Джорданом собирают золото с довольных покупателей. — Они мастера своего дела.

— Мастера эффектных штучек, от которых никакой пользы, — отрезала Гермиона.

— Никакой пользы? — звенящим голосом пере-

спросил Рон. — Они заработали двадцать шесть галеонов.

Толпа вокруг близнецов Уизли рассеялась не сразу. Потом они втроём с Ли долго считали выручку, так что гостиная опустела только за полночь. Фред, хвастливо встряхивая коробку с монетами к недовольству Гермионы, наконец закрыл дверь в мужские спальни. Гарри, очень мало продвинувшийся в своей работе, решил на сегодня закончить. Когда он складывал книги, Рон, дремавший в кресле, тихонько замычал, проснулся и, с трудом разлепив глаза, посмотрел на камин.

— Сириус! — сказал он.

Гарри резко обернулся и увидел в огне лохматую голову Сириуса.

— Привет, — с улыбкой сказал Сириус.

— Привет, — откликнулись они хором и опустились на колени перед камином. Живоглот громко мурлыкнул, подошёл к камину и, несмотря на жар, сунулся мордой к Сириусу.

— Как жизнь? — сказал Сириус.

— Не очень, — сказал Гарри, а Гермиона потянула Живоглота назад, чтобы он не спалил усы. — Министерство издало ещё один декрет, и теперь ни команды по квиддичу…

— Ни кружка по защите от Тёмных искусств? — подхватил Сириус.

Пауза.

— Как ты узнал? — изумился Гарри.

— Надо умнее выбирать места для встречи, — с широкой улыбкой ответил крёстный. — «Кабанья голова», видите ли.

— Но лучше же, чем в «Трёх мётлах»! — возразила Гермиона. — Там всегда полно народу.

— Значит, меньше шансов, что вас подслушают. Тебе ещё учиться и учиться, Гермиона.

— Кто нас подслушал? — спросил Гарри.

— Наземникус, кто же ещё.

Все трое разинули рты, и Сириус засмеялся:

— Это он был колдуньей в вуали.

— Наземникус? — Гарри не верил своим ушам. — Что он делал в «Кабаньей голове»?

— Ну что он мог делать, по-твоему? — сказал Сириус. — За тобой наблюдал, конечно.

— За мной до сих пор следят? — рассердился Гарри.

— Да, следят. И отнюдь не напрасно, раз ты не придумал ничего лучше, чем собрать нелегальный кружок по защите.

Но он явно не был сердит или обеспокоен. Наоборот, смотрел на Гарри с гордостью.

— А почему Наземникус от нас прятался? — разочарованно спросил Рон. — Мы были бы рады ему.

— Отлучён от «Кабаньей головы» двадцать лет назад, — объяснил Сириус. — А у этого бармена хорошая память. Мы лишились Грюмовой мантии-невидимки, когда арестовали Стерджиса, так что последнее время Наземникус часто наряжается ведьмой… Впрочем, первое дело к тебе, Рон: я поклялся передать тебе материнский наказ.

— Вон что? — сказал Рон, предчувствуя недоброе.

— Она сказала: ни в коем случае не участвовать в тайном кружке по защите от Тёмных искусств. Сказала: тебя непременно исключат, и твоя жизнь будет загублена. Сказала: у тебя полно времени впереди, чтобы научиться самозащите, а сейчас тебе об этом беспокоиться рано. Кроме того (он перевёл взгляд на Гарри и Гермиону), она советует Гарри и Гермионе не затевать это дело, хотя признаёт, что приказывать им не вправе, и поэтому просто просит помнить, что заботится только об их благе. Она всё это написала бы, но сову могут перехватить, что грозит вам крупными неприятностями. А сказать это лично не может — сегодня она на дежурстве.

— На каком дежурстве? — удивился Рон.

— Неважно, в Ордене. Так что на меня легла обязанность сообщить тебе это, а от тебя передать подтверждение, что тебе всё сказано, — потому что мне она, кажется, тоже не доверяет.

Снова наступила пауза, в продолжение которой Живоглот, мяукая, пытался зацепить голову Сириуса, а Рон ковырял дырку в каминном коврике.

— Так ты хочешь, чтобы я сказал, что не буду участвовать в кружке по защите? — пробормотал он наконец.

— Я? Конечно нет! — изумился Сириус. — По-моему, это чудесная мысль!

— Правда? — обрадовался Гарри.

— Ну конечно! Думаешь, мы с твоим папой распластались бы перед этой старой каргой Амбридж?

— Но в прошлом семестре ты без конца твердил: не рискуй, будь осторожен!

— В прошлом году, Гарри, по всем признакам кто-то в Хогвартсе замышлял тебя убить! — уже с нетерпением отвечал Сириус. — В этом году, мы знаем, убить тебя хочет кое-кто вне Хогвартса, поэтому считаю, что научиться самозащите — мысль хорошая.

— А если нас исключат? — не без насмешки спросила Гермиона.

— Гермиона, — сказал Гарри, — это же была твоя идея!

— Знаю. Просто мне интересно, что думает Сириус.

— Ну, лучше вылететь отсюда, умея защищаться, чем смирно сидеть в школе беззащитными.

— Золотые слова! — с энтузиазмом подтвердили Рон и Гарри.

— Ну, и как вы организуете группу? Где собираетесь?

— В этом вся загвоздка, — сказал Гарри. — Не знаем, где встречаться.

— А если в Визжащей хижине? — предложил Сириус.

— О, это идея! — воскликнул Рон, но Гермиона скептически хмыкнула.

Остальные трое, включая Сириуса в огне, повернули к ней головы.

— Вас, Сириус, когда вы собирались в Визжащей хижине, было только четверо, — сказала Гермиона, — и все умели превращаться в животных, и при желании, наверное, уместились бы под одной мантией-невидимкой. А нас двадцать восемь, и ни одного анимага, и нам не мантия-

невидимка нужна, а хороший шатёр…

— Справедливо, — сказал Сириус, несколько потухнув. — Ну, уверен, вы что-нибудь придумаете. Был довольно просторный потайной ход за большим зеркалом на пятом этаже, можно там попрактиковаться в заклятиях.

Гарри покачал головой:

— Фред с Джорджем говорят, что он заблокирован, не то обвалился.

— А-а, — нахмурясь, сказал Сириус. — Я подумаю, и ещё…

Он не закончил. Лицо его вдруг стало напряжённым. Оно повернулось в сторону, упёрлось взглядом в глухую кирпичную стену топки.

— Сириус? — встрепенулся Гарри.

Но тот уже исчез. Гарри обескуражено посмотрел в огонь, потом на Рона и Гермиону.

— Чего он вдруг?..

Гермиона испуганно охнула и вскочила на ноги, глядя в камин.

В огне появилась рука и словно пыталась что-то схватить — пухлая короткопалая рука с уродливыми старомодными перстнями.

Ребята бросились наутёк. Перед дверью в мужские спальни Гарри оглянулся. Рука Амбридж в огне всё ещё делала хватательные движения,

словно знала, где были минуту назад волосы Сириуса, и во что бы то ни стало хотела в них вцепиться.

Глава 18
Отряд Дамблдора

— Амбридж читала твою почту, Гарри. Другого объяснения нет.

— Думаешь, это она напала на Буклю? — с бешенством сказал он.

— Почти уверена, — мрачно ответила Гермиона. — Смотри за своей лягушкой, она удирает.

Лягушка радостно скакала к другому краю стола. Гарри направил на неё волшебную палочку:

— *Акцио!* — И лягушка покорно перелетела к нему в руки.

Заклинания были самым удобным уроком для того, чтобы посекретничать: такая кругом колготня и гам, что вряд ли тебя кто-нибудь подслушает. Сегодня в классе, оглашаемом кваканьем лягушек и хриплыми криками воронов, под стук дождя по оконным стёклам Гарри, Рон и Гермиона без помех перешёптывались о том, как Амбридж чуть не поймала Сириуса.

— Я заподозрила это ещё тогда, когда Филч обвинил тебя, что ты заказываешь навозные бомбы. Глупее не выдумать, — шептала Гермиона. —

Ведь если твоё письмо прочли, тогда ясно, что ты их не заказывал. И зачем к тебе приставать ради дурацкой шутки? А потом я подумала: что, если кому-то нужен повод, чтобы прочесть твою почту? Амбридж легко это устроить: накапает Филчу, тот сделает чёрную работу, конфискует письмо, а она его выкрадет или потребует показать. Филч возражать не станет: когда это он вступался за права учеников? Гарри, ты раздавишь лягушку.

Гарри посмотрел на свою руку: действительно, он так сжал лягушку, что у неё вылезли глаза. Он быстро положил её на стол.

— Вчера вечером всё висело на волоске, — сказала Гермиона. — Интересно, Амбридж знает, как близка она была к успеху? *Силенцио.*

Лягушка, на которой она отрабатывала Заклятие немоты, онемела на полукваке и посмотрела на неё с укором.

— Если бы она поймала Нюхалза…

— Сегодня утром он был бы уже в Азкабане, — закончил за неё Гарри.

Он рассеянно взмахнул волшебной палочкой; лягушка его раздулась в зелёный шар и издала тонкий свист.

— *Силенцио,* — быстро сказала Гермиона, на-

правив палочку на лягушку, и та безмолвно выпустила воздух. — Он больше не должен так делать, вот и всё. Не знаю только, как его предупредить. Сову посылать нельзя.

— Думаю, он сам не рискнёт, — сказал Рон. — Он не дурак. Он понимает, что чуть не попался. *Силенцио!*

Большой уродливый ворон презрительно каркнул ему в лицо.

— *Силенцио. СИЛЕНЦИО!*

Ворон каркнул ещё громче.

— Ты неправильно действуешь палочкой, — сказала Гермиона, критически наблюдая за его манипуляциями. — Не маши, а делай выпад.

— Вороны упрямей лягушек, — с досадой сказал Рон.

— Отлично. Меняемся. — Она схватила его ворона и заменила своей толстой лягушкой. — *Силенцио!*

Ворон продолжал разевать острый клюв, но из него не выходило ни звука.

— Очень хорошо, мисс Грейнджер! — раздался у них за спиной писклявый голосок профессора Флитвика, отчего все трое вздрогнули. — А теперь попробуйте вы, мистер Уизли.

— А?.. Да, да, сейчас, — встрепенулся Рон, мгно-

венно залившись краской. — Э-э… *Силенцио!*

От усердия он ткнул лягушку в глаз, и она, оглушительно квакнув, спрыгнула на пол.

Так что их нисколько не удивило, когда Рону и Гарри было велено поупражняться в заклятии немоты ещё и в свободное время.

Из-за ливня им разрешили провести перемену в помещении. Они отыскали свободное местечко в шумном переполненном классе на втором этаже, где Пивз мечтательно парил у люстры, время от времени плюя через трубку чернильными пульками в чью-нибудь макушку. Едва они сели, как сквозь гомонящую толпу к ним протиснулась Анджелина Джонсон.

— Я получила разрешение. Можем собирать команду!

— Замечательно! — воскликнули Рон и Гарри.

— Да. — Анджелина сияла. — Я пошла к МакГоногалл, и, думаю, она поговорила с Дамблдором. В общем, Амбридж должна была уступить. Ха! Жду вас на поле в семь часов — нам надо навёрстывать. Вы понимаете, что первый матч у нас всего через три недели?

Она отошла от них, увильнув от чернильной пульки Пивза, угодившей в первокурсника рядом, и скрылась.

Рон взглянул на окно, по которому барабанил дождь, и улыбка его увяла.

— Надеюсь, к вечеру перестанет. Что с тобой, Гермиона?

Она тоже смотрела в окно, но так, будто не видела его. Взгляд её был несфокусированным, и она хмурилась.

— Да вот подумала… — ответила она, по-прежнему глядя в сторону окна.

— Про Сири… Нюхалза? — спросил Гарри.

— Нет… не совсем… — медленно проговорила она. — Скорее… Правильно ли мы делаем… Как по-вашему?

Гарри и Рон переглянулись.

— Ага, это сильно проясняет дело, — сказал Рон. — А ты не могла бы выразиться членораздельнее?

Гермиона посмотрела на него так, словно только что вспомнила о его присутствии.

— Я просто подумала, — голос её окреп, — правильно ли мы поступаем, затевая этот кружок по защите от Тёмных искусств.

— Что? — сказали Гарри и Рон хором.

— Это же была твоя идея! — возмутился Рон.

— Знаю. — Гермиона переплела пальцы. — Но после разговора с Нюхалзом…

— Он целиком за это, — сказал Гарри.

— Да, — сказала она, снова уставясь в окно. — Поэтому я и засомневалась, так ли хорошо мы придумали.

Пивз парил над ними с трубкой наготове; все трое инстинктивно подняли сумки над головой, дожидаясь, чтобы он улетел.

— Давай начистоту, — сердито сказал Гарри, когда они поставили сумки на пол. — Сириус нас поддержал, и поэтому ты думаешь, что нам надо отказаться?

Вид у Гермионы был довольно несчастный. Глядя на свои руки, она сказала:

— А ты доверяешь его мнению, если честно?

— Да, доверяю. Он всегда давал замечательные советы.

Чернильная пулька пролетела мимо них и попала точно в ухо Кэти Белл. Кэти вскочила и стала бросаться в Пивза всем, что попадало под руку. Понаблюдав за ней, Гермиона заговорила, тщательно выбирая слона:

— Вам не кажется, что он стал… ну… опрометчивым с тех пор, как его упрятали в дом на площади Гриммо? Вам не кажется, что он… как бы… живёт через нас?

— Что значит «живёт через нас»? — удивился

Гарри.

— В смысле… конечно, он будет в восторге, что под носом у Министерства устраиваются тайные общества по защите… По-моему, он в отчаянии от того, что сам ничего не может, сидя взаперти… и, по-моему, как бы сказать… подстрекает нас.

Рон был в полном недоумении.

— Сириус прав, — сказал он, — ты в самом деле рассуждаешь, как моя мать.

Гермиона прикусила губу и не ответила. Прозвенел звонок, и в ту же секунду Пивз, спикировав, вылил весь пузырёк с чернилами на голову Кэти Белл.

День клонился к вечеру, а погода не улучшалась, так что в семь часов, отправившись к спортивному полю, Рон и Гарри сразу вымокли до нитки и то и дело оскальзывались на мокрой траве. Небо было тёмно-серое, грозовое, и они вошли в тёплую светлую раздевалку с чувством облегчения, хотя знали, что облегчение это ненадолго. Фред и Джордж обсуждали уже, не прибегнуть ли к Забастовочному завтраку, чтобы отмотаться от тренировки.

— Да она сразу догадается, — вполголоса говорил Фред. — Эх, зачем я предложил ей купить вчера Блевальные батончики?

— Может, попробуем Лихорадный леденец? — сказал Джордж. — Его ещё никто не видел.

— А он действует? — с надеждой спросил Рон, поскольку дождь забарабанил по крыше ещё настойчивее, а ветер за окном завыл ещё злее.

— Вообще да, — сказал Фред, — температура подскакивает.

— А ещё выскакивают гнойные чирьи, — сказал Джордж, — и мы пока не придумали, как от них избавиться.

— Никаких чирьев не вижу, — сказал Рон, глядя на близнецов.

— И не увидишь, — мрачно ответил Фред. — Они на том месте, которое народу обычно не показывают.

— Но на метлу сесть — всё равно что…

Из капитанской комнаты вышла Анджелина.

— Слушай меня, команда. Я знаю, погода не идеальная, но не исключено, что нам придётся играть со Слизерином в таких же условиях. Поэтому стоит проверить, как мы к ним приноровимся. Гарри, ты ничего не сделал с очками, чтобы их не слепил дождь, как в прошлой игре с Пуффендуем?

— Гермиона сделала. — Гарри вынул волшебную палочку, постучал по очкам и сказал: — *Им-*

первиус!

— Давайте все попробуем, — сказала Анджелина. — Если сможем не допускать дождь до лица, это очень улучшит видимость. Ну, вместе: *ИМПЕРВИУС.* Всё. Пошли.

Они убрали палочки во внутренние карманы, взяли мётлы на плечо и вышли за Анджелиной из раздевалки.

По глубокой грязи добрели до середины поля. Несмотря на заклинание Импервиус, видимость была плохая; день гас, и полотнища дождя охлёстывали землю.

— Ну, по свистку! — крикнула Анджелина.

Гарри оттолкнулся от земли и взмыл в воздух; ветер немного сбивал его с курса. Он не представлял себе, как можно углядеть снитч при такой погоде. Даже единственный бладжер, который они взяли на тренировку, он заметил в самый последний момент и, чтобы не быть сбитым, вынужден был прибегнуть к Вялому Кистевому Крену. Жаль, этого не увидела Анджелина. Впрочем, она вообще ничего не видела — ни один из них не имел представления о том, что делают остальные. Ветер усиливался; даже издали Гарри слышал шипение дождя, падавшего на озеро.

Анджелина прогоняла их почти час, прежде

чем смириться с поражением. Уводя промокшую и недовольную команду в раздевалку, она твердила, что тренировка не прошла впустую, но убеждённости в её голосе не было. Особенно удручёнными выглядели Фред и Джордж: оба шли враскоряку и гримасничали при каждом движении. Вытирая голову полотенцем, Гарри слушал их сетования.

— У меня вроде несколько штук прорвалось, — глухо говорил Фред.

— У меня нет, — морщась, отвечал Джордж. — Дёргает по-страшному… похоже, ещё больше вздулись.

— Уй! — вырвалось у Гарри.

Он зажмурился от боли и прижал полотенце к лицу. Шрам на лбу обожгло огнём — такого не было уже несколько недель.

— Что с тобой? — раздались голоса.

Гарри отнял полотенце, раздевалка расплывалась перед глазами: он был без очков, но всё же почувствовал, что все лица обращены к нему.

— Ничего. Ткнул себя в глаз.

Но он со значением посмотрел на Рона, и, когда команда выходила из раздевалки, кутаясь в мантии и нахлобучив шляпы на самые уши, оба нарочно отстали.

— Что случилось? — спросил Рон, как только Алисия скрылась за дверью. — Шрам?

Гарри кивнул.

— Но он не может быть где-то рядом, правда? — с испугом спросил Рон, подойдя к окну и вглядываясь в дождливую темень.

— Нет. — Гарри сел на скамью и потёр лоб. — Он, наверное, за много миль отсюда. А заболело… потому что… он злится.

Гарри совсем не собирался это говорить — слова прозвучали у него в ушах так, будто их произнёс посторонний. И однако, он сразу понял, что они верны. Неизвестно, почему понял, но понял. Где бы ни был сейчас Волан-де-Морт, чем бы ни занимался, в эту минуту он испытывал гнев.

— Ты его увидел? — с ужасом спросил Рон. — У тебя было видение или что?

Гарри сидел неподвижно, глядел на ноги, приходя в себя после приступа боли.

Путаница смутных форм, наплыв воющих голосов…

— Он хочет, чтобы что-то сделали, но делается это слишком медленно.

И опять с удивлением услышал от себя эти слова, и опять почувствовал, что они верны.

— Но… откуда ты знаешь? — сказал Рон.

Гарри помотал головой, закрыл ладонями глаза и нажал так сильно, что поплыли огненные точки. Он почувствовал, что Рон сел рядом и смотрит на него.

— И в прошлый раз было из-за этого? — слабым голосом спросил Рон. — Когда заболело в кабинете у Амбридж. Сам-Знаешь-Кто злился?

Гарри помотал головой.

— А что же тогда?

Гарри попытался вспомнить, как это было. Он смотрел на лицо Амбридж… шрам болел… в животе странное ощущение… как бы подёргивания… радостного… Но тогда, конечно, он этого не понял — он чувствовал себя несчастным.

— Нет, в прошлый раз потому, что он был доволен. Он думал… произойдёт что-то приятное. А в ночь накануне отъезда в школу… — Гарри вспомнил, как заболел тогда шрам в их с Роном спальне на площади Гриммо, — Волан-де-Морт был в бешенстве.

Гарри повернулся к Рону, тот смотрел на него, вытаращив глаза.

— Друг, тебя вместо Трелони пора нанимать.

— Я ничего не предсказываю.

— Нет, знаешь, что ты делаешь? — испуганно и в то же время с почтением сказал Рон. — Гарри,

ты читаешь мысли Сам-Знаешь-Кого!

Гарри покачал головой:

— Нет. Скорее… настроения. И приходит как бы вспышками — в каком он настроении. Дамблдор сказал, что в прошлом году происходило примерно то же. Сказал, что, когда Волан-де-Морт был совсем близко или испытывал ненависть, я это чувствовал. Вот, а теперь ещё чувствую, когда он доволен.

Наступило молчание. Ветер и дождь ломились в здание.

— Ты должен кому-то рассказать.

— В прошлый раз сказал Сириусу.

— Скажи и теперь.

— Интересно, как? — угрюмо ответил Гарри. — Амбридж следит за совами и за камином — забыл?

— Ну, тогда Дамблдору.

— Говорю же тебе: он знает. — Гарри встал, снял мантию с крючка и закутался. — Зачем говорить ещё раз?

Рон, задумчиво глядя на Гарри, запахнул мантию:

— Дамблдор захотел бы об этом узнать.

Гарри пожал плечами:

— Пойдём, надо ещё поупражняться в Заклятии

немоты.

Они торопливо пошли по тёмному лугу, спотыкаясь и оскальзываясь на мокрой траве. Оба молчали. Гарри напряжённо думал. Что такое понадобилось Волан-де-Морту, если он злится на задержку?

> У него есть и другие планы… которые он надеется осуществить без всякого шума… То, чем он может завладеть только исподтишка… некое… подобие оружия. То, чего у него не было в прошлый раз.

Гарри давно не задумывался над этими словами — слишком поглощён был делами в Хогвартсе, слишком много душевных сил отбирала война с Амбридж, несправедливое вмешательство Министерства, — но теперь они вспомнились и заставили задуматься. Гнев Волан-де-Морта объясним, если он никак не может добраться до оружия, неизвестно какого. Орден помешал ему, расстроил его планы? Где оно хранится? У кого оно сейчас?

— *Мимбулус мимблетония,* — раздался голос Рона.

Гарри опомнился и следом за ним прошёл через портретный проём в общую гостиную.

Видимо, Гермиона отправилась спать пораньше, а Живоглот лежал, свернувшись в кресле возле камина, перед столом, заваленным нескладными вязаными шапочками для эльфов. Гарри даже обрадовался, что её нет, — ему не хотелось продолжать разговоры о шраме и слушать, как его посылают к Дамблдору. Рон беспокойно поглядывал на него, а он вынул книги по заклинаниям и принялся дописывать сочинение. Но только изображал сосредоточенность и к тому времени, когда Рон пошёл спать, едва ли написал несколько строк.

Наступила и прошла полночь, а он всё читал и перечитывал страницу об использовании ложечницы, любистока и чихотной травы и не усваивал ни слова.

> «Сии травы наипаче способны к воспалению ума и посему употребляемы для Смутительных и Дурманных Настоев, ежели волхв пожелал наградить кого Горячностью и Опрометчивостью…»

Гермиона сказала, что Сириус сделался опрометчив, сидя взаперти на площади Гриммо.

> «…наиболее способны к воспалению

ума и посему употребляемы…»

…В «Ежедневном пророке» сочтут, что у него воспаление ума, если пронюхают, что он чувствует настроения Волан-де-Морта…

«…употребляемы для Смутительных и Дурманных Настоев…»

«Смутительных» — подходящее слово; почему ему ведомы чувства Волан-де-Морта? Что за жуткая связь между ними, и почему Дамблдор не может её толком объяснить?

«…ежели волхв пожелал…»

И до чего спать хочется…

«…наградить кого Горячностью…»

А в кресле у камина так тепло и уютно, когда дождь хлещет по стёклам, мурлычет Живоглот, потрескивают в огне поленья…

Книга выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на коврик перед камином. Голова у Гарри свесилась набок.

Он снова шёл по коридору без окон, и шаги его гулко отдавались в тишине. Всё ближе дверь в

конце прохода, всё чаще удары сердца… если бы открыть её… войти туда…

До неё рукой подать… Он протянул…

— Гарри Поттер, сэр!

Он вздрогнул и проснулся. Свечи в гостиной уже не горели, но что-то двигалось рядом с ним.

— Кто там? — Гарри выпрямился в кресле. Камин почти погас, в гостиной тьма.

— У Добби ваша сова, сэр! — раздался писклявый голос.

— Добби? — прохрипел Гарри, вглядываясь в темноту. Добби, домовый эльф, стоял у стола, где Гермиона оставила полдюжины вязаных шапок. Его большие остроконечные уши торчали, кажется, из-под полной коллекции шапок, сотворённых Гермионой: одна на другой, одна на другой, так что голова удлинилась на два или три фута, и на самом верхнем помпоне, мирно ухая, сидела совершенно здоровая Букля.

— Добби вызвался отнести Гарри Поттеру сову, — с обожанием на лице пропищал эльф. — Профессор Граббли-Дёрг говорит, что она в полном здравии, сэр.

Он отвесил глубокий поклон, ткнувшись карандашным своим носом в вытертый коврик, а Букля возмущённо ухнула и перепорхнула на

подлокотник кресла.

— Спасибо, Добби!

Гарри гладил Буклю по голове и моргал, пытаясь прогнать видение двери… уж больно оно было ярким. Присмотревшись к Добби, он обнаружил, что на эльфе к тому же несколько шарфов и без счёта носков — ноги похожи на тумбы.

— Ты что же, всю одежду забрал, которую оставляет Гермиона?

— О нет, сэр, — радостно сообщил эльф. — Добби и для Винки брал.

— Как поживает Винки?

— Винки по-прежнему выпивает, сэр, — печально ответствовал эльф, потупив круглые зелёные глаза, большие, как теннисные мячики. — И совсем не интересуется одеждой, сэр Гарри Поттер. Как и остальные домовые эльфы. Никто из них больше не хочет прибирать в башне Гриффиндора, когда всюду рассованы шапки и носки. Они находят это оскорбительным, сэр. А Добби не возражает, сэр, он всегда надеется повстречать Гарри Поттера, и сегодня ночью, сэр, его желание сбылось! — Добби снова отвесил поклон. — Но сэр Гарри Поттер, кажется, опечален, — продолжал он, выпрямившись и робко глядя на собеседника. — Добби слышал, как он разговаривал во сне.

Гарри Поттер видел плохой сон?

— Не самый плохой, — сказал Гарри, зевнув и протирая глаза. — Бывали похуже.

Добби наставил на него свои зелёные шары. Потом, свесив уши, сказал с чувством:

— Добби очень хотел бы помочь Гарри Поттеру, потому что Гарри Поттер освободил Добби, и теперь Добби гораздо, гораздо счастливее.

Гарри улыбнулся:

— Помочь ты не в силах, Добби, но спасибо за предложение.

Он нагнулся и подобрал книгу по зельям. Завтра надо дописать. Он закрыл книгу, при этом тусклый огонь камина осветил белые рубцы на тыльной стороне руки — следы отсидок у Амбридж…

— Подожди-ка, Добби. Кое с чем ты можешь мне помочь, — медленно проговорил он.

Эльф радостно обернулся:

— Только скажите, сэр Гарри Поттер!

— Мне надо подыскать место, где могли бы упражняться в защите от Тёмных искусств двадцать восемь человек — и так, чтобы не знали преподаватели. Особенно, — рука его сама собой сжалась на книге, — профессор Амбридж.

Он ожидал, что улыбка исчезнет с лица эльфа и

уши повиснут; ожидал услышать в ответ, что это невозможно или что Добби попробует поискать, хотя надежды на успех мало. Но, к его удивлению, Добби подпрыгнул, весело тряхнул ушами и хлопнул в ладоши.

— Добби знает чудесное помещение, сэр! Добби услышал о нём от других эльфов, когда прибыл в Хогвартс. Оно называется Комната Так-и-Сяк, сэр, иначе — Выручай-комната.

— Почему? — полюбопытствовал Гарри.

— Потому что в эту комнату можно войти, только когда по-настоящему в ней нуждаешься. Иногда она есть, а иногда её нет, но когда она появляется, то обставлена так, как требуется нуждающемуся. Добби воспользовался ей, — с виноватым видом сказал эльф, понизив голос, — когда Винки сильно напилась. Он спрятал её в Выручай-комнате и нашёл там опохмелители от сливочного пива и хорошую кровать размера эльф, на которой Винки отсыпалась. И Добби знает, сэр, что мистер Филч нашёл там чистящие средства, когда у него кончился запас, и…

— И если вам очень нужно в туалет, — перебил Гарри, вспомнив, что сказал на прошлогоднем Святочном балу Дамблдор, — она будет уставлена ночными горшками?

— Добби полагает, что да, — серьёзно ответил эльф. — Это весьма удивительная комната.

— Сколько народу о ней знает?

— Очень мало, сэр. Люди натыкаются на неё, когда очень нужно, но потом не могут её найти — им невдомёк, что она всегда есть и только ждёт, когда её призовут на службу.

— Блестяще, если так. — Сердце у Гарри забилось учащённо. — То, что нужно, Добби. Когда ты мне её покажешь?

— В любое время, сэр Гарри Поттер, — сказал Добби, обрадованный его энтузиазмом. — Если хотите, можно пойти сейчас же!

Гарри подмывало так и сделать. Он уже приподнялся из кресла, чтобы бежать в спальню за мантией-невидимкой, но тут впервые у него в ушах зазвучал тихий голос, очень похожий на голос Гермионы: «Опрометчиво». Всё-таки час был поздний, и он очень устал.

— Не сегодня, — сказал он скрепя сердце. — Это серьёзное дело. Я не хотел бы напортачить. Надо всё хорошенько продумать. Слушай, ты можешь для начала сказать мне, где именно находится эта Выручай-комната и как туда попасть?

* * *

По раскисшим огородам они шлёпали на сдвоенную травологию; ветер раздувал и трепал их мантии. Речь профессора Стебль была едва слышна — дождь барабанил по крыше теплицы так, что граду впору позавидовать.

Буря продолжалась и после обеда; уход за магическими существами перенесли с воздуха в свободный класс на втором этаже, а в обед, к всеобщему облегчению, Анджелина объявила членам команды, что тренировка отменяется.

— Отлично, — тихо сказал ей в ответ Гарри, — нашлось место для первого занятия по защите. Сегодня в восемь, восьмой этаж, напротив гобелена с Варнавой Вздрюченным, которого лупят тролли. Можешь передать Кэти и Алисии?

Она слегка удивилась, но пообещала известить остальных. Гарри набросился на сосиски с пюре. Оторвавшись на секунду, чтобы взять тыквенный сок, он увидел, что на него смотрит Гермиона.

— Что? — спросил он с полным ртом.

— Затеи Добби не всегда безопасны. Помнишь, он оставил тебя без костей в руке?

— Эта комната — не просто дикая выдумка Добби; Дамблдор тоже знает о ней, он сказал при

мне на Святочном балу.

Лицо у Гермионы посветлело:

— Дамблдор сказал о ней?

— Вскользь. — Гарри пожал плечами.

— А, тогда хорошо, — бросила она и больше не возражала.

Большую часть дня они с Роном разыскивали ребят, записавшихся в «Кабаньей голове», чтобы сообщить им место встречи. Гарри был несколько огорчён тем, что Чжоу и её подругу нашла Джинни, а не он; но к концу ужина все двадцать пять человек, пришедших в «Кабанью голову», были оповещены.

В половине седьмого Гарри, Рон и Гермиона вышли из гостиной; у Гарри в руке был старый лист пергамента. Пятикурсникам дозволялось ходить до девяти часов, но все трое, поднимаясь на восьмой этаж, нервно озирались.

— Стоп, — сказал Гарри, когда они одолели последний марш лестницы. Он развернул пергамент, постучал по нему волшебной палочкой и произнёс: — Торжественно клянусь, что замышляю шалость, и только шалость.

На пустом листе появилась карта Хогвартса. Чёрные точки с именами показывали, где находятся разные люди.

— Филч на третьем этаже, — сказал Гарри, поднеся карту к глазам, — а Миссис Норрис на пятом.

— Амбридж? — взволнованно спросила Гермиона. Гарри показал.

— У себя в кабинете. Порядок. Пошли.

Они заторопились к тому месту, которое указал Добби, — голой стенке напротив громадного гобелена с изображением Варнавы Вздрюченного и его дурацкой затеи обучить троллей балету.

— Так, — сказал Гарри, когда траченный молью тролль перестал дубасить палкой учителя танцев и оглянулся на них. — Добби сказал: три раза пройти мимо этой стенки, сильно сосредоточившись на том, что нам нужно.

Так они и сделали, поворачивая назад у первого окна, а на обратном пути — у вазы вышиной в человеческий рост. Рон от напряжения сделался косым; Гермиона что-то бормотала себе под нос; Гарри смотрел прямо перед собой, сжав кулаки.

«Мы должны уметь сражаться, — думал он. — Дай нам место, где мы сможем учиться… где нас не найдут».

— Гарри! — вскрикнула Гермиона, когда они повернули после третьего прохода.

В стене появилась полированная дверь. Рон

смотрел на неё с опаской. Гарри схватился за медную ручку, открыл дверь и первым вошёл в просторную комнату, освещённую факелами вроде тех, что горели в подземелье восемью этажами ниже.

Вдоль стен тянулись книжные полки, на полу лежали большие шёлковые подушки — вместо стульев. На стеллаже в дальнем конце стояли приборы — вредноскопы, стервовизоры, детекторы лжи и большой треснутый Проявитель врагов — тот самый, был уверен Гарри, который висел год назад в кабинете Лжегрюма.

— Эти пригодятся, когда будем делать Оглушение. — Рои с энтузиазмом пнул подушку.

— А сколько книг! — воскликнула Гермиона, водя пальцем по кожаным корешкам. «Путеводитель по практическим проклятиям»… «Как превзойти Тёмные искусства»… «Самооборона чарами»… Ух! — Сияя, она обернулась к Гарри и стало ясно, что книжные сокровища наконец-то убедили Гермиону в правильности задуманного дела. — Чудо, Гарри! Здесь всё, что нам нужно!

И без дальнейших разговоров сняв с полки «Прочь от порчи», уселась с ней на ближайшую подушку.

В дверь тихо постучали. Гарри обернулся. При-

шли Джинни, Невилл, Лаванда, Парвати и Дин.

— Ого! — сказал, озираясь, Дин. — Что это за комната?

Гарри начал объяснять, но кончить не успел — явились новые, и пришлось начинать сначала. К восьми часам все подушки были заняты. Гарри подошёл к двери и повернул торчавший в замке ключ. Замок успокоительно щёлкнул, все умолкли, повернувшись к Гарри. Гермиона педантично отметила свою страницу в «Прочь от порчи» и отложила книгу.

— Ну, — слегка волнуясь, заговорил Гарри, — мы подыскали место для занятий, и, кажется, вам оно подошло.

— Изумительно! — сказала Чжоу, и несколько человек отозвались одобрительным ропотом.

— Чудно! — недоверчиво озираясь, сказал Фред. — Однажды мы прятались тут от Филча, помнишь, Джордж? И тогда это был чулан с вениками.

— Гарри, а что это за штуки? — спросил из дальнего конца Дин, показав на Проявитель врагов и вредноскопы.

— Детекторы Тёмных сил, — объяснил Гарри, направляясь туда между подушками. — В принципе, все они показывают приближение врагов

и Тёмных магов, но на них нельзя чересчур полагаться — их можно обмануть.

Он заглянул в Проявитель врагов: там двигались смутные фигуры, но узнать их было нельзя. Он отвернулся.

— Я вот думаю, с чего бы нам начать и… — Он заметил поднятую руку. — Да, Гермиона.

— Я думаю, надо избрать руководителя.

— Гарри — руководитель, — немедленно откликнулась Чжоу и посмотрела на Гермиону как на сумасшедшую.

Желудок Гарри сделал очередное обратное сальто.

— Да, но надо проголосовать по всей форме, — не смутилась Гермиона. — Тогда его полномочия будут официальными. Итак, кто за то, чтобы руководителем был Гарри?

Все подняли руки, даже Захария Смит, хотя и сделал это с видимой неохотой.

— Ну ладно, спасибо, — сказал Гарри, чувствуя, что краснеет. — И… что, Гермиона?

— Ещё я думаю, нам нужно название, — бодро сказала она, по-прежнему с поднятой рукой. — Это укрепит дух коллективизма, правда?

— Может, назовёмся Лигой против Амбридж? — с надеждой сказала Анджелина.

— Или группа «Министерство Магии — Маразматики»? — предложил Фред.

— Я думала, скорее, о таком названии, — сказала Гермиона, бросив косой взгляд на Фреда, — которое ничего не скажет посторонним, и мы сможем спокойно упоминать его вне занятий.

— Оборонное Движение? — сказала Чжоу. — Сокращённо ОД, никто ничего не поймёт.

— Да, ОД — подходяще, — ответила Джинни. — Только пусть оно означает «Отряд Дамблдора», раз Министерство боится этого больше всего на свете.

Ответом ей был одобрительный шум и смех.

— Все за ОД? — важно спросила Гермиона и стала коленями на подушку, чтобы подсчитать голоса. — Большинство «за». Принято!

Она приколола пергамент с их подписями к стене и сверху написала крупными буквами:

ОТРЯД ДАМБЛДОРА

— Хорошо, — сказал Гарри, когда все уселись. — Может быть, начнём? Я подумал, стоит начать с обезоруживающего заклинания Экспеллиармус. Знаю, оно довольно элементарное, но мне оно помогало…

— Я тебя умоляю, — сказал Захария Смит, за-

катив глаза и сложив ладони. — Неужели ты думаешь, что Экспеллиармус поможет нам против Сам-Знаешь-Кого?

— Я применял его против него, — спокойно ответил Гарри. — Оно спасло мне жизнь в июне.

Захария разинул рот. Все молчали.

— Но если считаешь, что ты выше этого, можешь уйти.

Смит не пошевелился. Остальные тоже.

— Хорошо, — сказал Гарри, ощущая сухость во рту оттого, что на него устремлены все взгляды. — Давайте разобьёмся на пары и приступим.

Очень непривычно было давать инструкции и ещё непривычнее видеть, что их выполняют. Все немедленно встали и разделились. Как и следовало ожидать, Невилл остался без партнёра.

— Давай со мной, — сказал Гарри. — Так, на счёт три… Ну — раз, два, три…

Комнату огласили крики *«Экспеллиармус»*. Волшебные палочки полетели во всех направлениях; шальные заклятия попадали в книги, и те взвивались с полок. Невилл не успевал за Гарри — палочка вырвалась у него из руки, ударилась в потолок, вызвав дождь искр, и со стуком упала на книжную полку, откуда Гарри извлёк её Манящими чарами. Оглядев комнату, он решил,

что поступил правильно, начав с основ; очень много происходило вокруг неопрятного чародейства, многим вообще не удавалось обезоружить оппонентов — те только отлетали на несколько шагов или вздрагивали, когда слабые чары ширкали мимо.

— *Экспеллиармус,* — сказал Невилл, и Гарри, пойманный врасплох, почувствовал, как палочка вырвалась у него из руки.

— ПОЛУЧИЛОСЬ! — вскричал Невилл. — Первый раз получилось!

— Молодец, — поощрил его Гарри, не добавив, что в реальном поединке противник вряд ли будет глазеть по сторонам и держать волшебную палочку у колена. — Слушай, Невилл, можешь поработать по очереди с Роном и Гермионой минуты три? А я пока пройдусь, посмотрю, как идут дела у других.

Он отошёл на середину комнаты. С Захарией Смитом происходило что-то странное. Всякий раз, когда он хотел обезоружить Энтони Голдстейна, палочка вылетала у него из руки, хотя Энтони не издавал ни звука. Гарри недолго пришлось ломать голову над этой загадкой: в нескольких шагах от Смита стояли Фред и Джордж и по очереди нацеливались волшебными палочками ему

в спину.

— Извини, Гарри, — сказал Джордж, поймав его взгляд. — Не мог удержаться.

Гарри обходил другие пары и пытался поправить тех, кто действовал неправильно. Джинни стояла против Майкла Корнера; у неё получалось очень хорошо, а Майкл либо был слаб, либо не хотел обезоруживать её. Эрни Макмиллан чересчур размахивал волшебной палочкой, так что противник успевал проникнуть под его защиту. Братья Криви сражались увлечённо, но бестолково — книги прыгали с полок по большей части их стараниями. Полумна тоже действовала неуверенно: иногда у Джастина Финч-Флетчли палочка вылетала из рук, а иногда только волосы вставали дыбом.

— Всё, стоп! — крикнул Гарри. — Стоп! СТОП!

«Мне нужен свисток», — подумал он и сразу увидел его на ближайшей полке с книгами. Он схватил его и громко свистнул. Все опустили свои волшебные палочки.

— Это было неплохо, — сказал Гарри, — но до совершенства ещё далеко.

Захария Смит смотрел на него недовольно.

— Попробуем ещё раз.

Он снова прошёл по комнате, время от време-

ни останавливаясь, чтобы дать совет. Действия ребят постепенно становились более чёткими. Поначалу Гарри избегал подходить к Чжоу и её подруге, но, обойдя всех два раза, больше не мог её игнорировать.

— Ох, нет! — всполошилась Чжоу при его приближении. — *Экспеллиармиос!* То есть *Экспеллимеллиус!* Ой, извини, Мариэтта!

Рукав её кудрявой подруги загорелся: Мариэтта погасила его своей волшебной палочкой и гневно воззрилась на Гарри, словно это была его ошибка.

— Я из-за тебя занервничала, — виновато сказала Чжоу. — До этого всё получалось.

— И сейчас неплохо, — соврал Гарри, но, увидев, что она подняла брови, поправился: — Нет, паршиво, конечно, но я знаю, что у тебя получается нормально. Я издали наблюдал.

Чжоу рассмеялась. Мариэтта посмотрела на них с кислым видом и отвернулась.

— Не обращай внимания, — сказала Чжоу. — Она вообще-то не хочет ходить — я её уговорила. Родители велели ей не раздражать Амбридж. Понимаешь, её мама работает в Министерстве.

— А твои родители?

— Мои тоже не велели вступать с ней в кон-

фликт, — сказала Чжоу и гордо выпрямилась. — Но если они думают, что я не буду драться Сам-Знаешь-с-Кем после того, что он сделал с Седриком…

Она запнулась; повисла неловкая пауза; мимо уха Гарри просвистела волшебная палочка Терри Бута и стукнула Алисию Спиннет прямо в нос.

— А мой папа очень поддерживает всё, что против Министерства! — с достоинством сказала Полумна Лавгуд. Видимо, она слушала их разговор, пока Джастин Финч-Флетчли выпутывался из мантии, взвившейся выше головы. — Он говорит, что Фадж способен на всё — взять хотя бы, сколько гоблинов он убил! А в Отделе тайн ему разрабатывают страшные яды, и он травит всех, кто с ним не согласен. И ещё у него этот Чертохолопый Головосек…

Чжоу открыла рот от удивления.

— Не спрашивай, — шепнул ей Гарри, и она хихикнула.

— Гарри, — окликнула его из дальнего конца комнаты Гермиона, — ты следишь за временем?

Гарри взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что уже десять минут десятого — значит, надо немедленно возвращаться в гостиную, если они не хотят попасться Филчу и быть наказанны-

ми за нарушение режима.

— В целом, очень неплохо, — сказал Гарри. — Но мы запаздываем, надо уходить. Через неделю тут же, в то же время?

— Пораньше бы! — взмолился Дин Томас, и многие закивали.

Но их осадила Анджелина:

— Начинается игровой сезон, тренироваться тоже надо!

— Тогда давайте вечером в среду, — сказал Гарри, — и выберем дополнительный день. А сейчас пошли.

Он взял Карту Мародёров и проверил, нет ли на восьмом этаже преподавателей. Потом стал выпускать их по трое и по четверо, напряжённо следя за движением чёрных точек. Он хотел убедиться, что они благополучно следуют к своим спальням: пуффендуйцы — на втором этаже в коридоре, ведущем к кухне; когтевранцы — в Западной башне замка, гриффиндорцы — по коридору с портретом Полной Дамы.

— Всё прошло очень хорошо, — сказала Гермиона, когда они наконец остались втроём.

— Потрясающе! — подхватил Рон. Они выскользнули в коридор; дверь тотчас же слилась с каменной стеной. — Ты видел, как я обезоружи-

вал Гермиону?

Гермиона была уязвлена.

— Всего раз. Я доставала тебя гораздо больше.

— Не раз, а по крайней мере три.

— Ну, если считать тот раз, когда ты споткнулся о собственную ногу и вышиб у меня палочку…

Они спорили всю дорогу до гостиной, но Гарри их не слышал. Он поглядывал на Карту Мародёров, а сам думал о том, что сказала Чжоу: что она из-за него нервничает.

Глава 19
Лев и змея

Две недели у Гарри было такое чувство, что он носит в груди талисман, пламенную тайну, помогавшую ему терпеть занятия у Амбридж и даже вежливо улыбаться, глядя в её жуткие выпуклые глаза. ОД и он под самым носом у неё делали то, чего она и Министерство больше всего страшились, и, вместо того чтобы читать у неё на уроках Уилберта Слинкхарда, он с удовольствием вспоминал последние собрания кружка, вспоминал, как Невилл разоружил Гермиону, как Колин Криви после усердной практики на трёх занятиях овладел Чарами помех; как Парвати Патил так хорошо овладела Уменьшающим заклятием, что превратила стол со всеми вредноскопами в пыль.

Выделить определённый день для собраний ОД оказалось невозможно: надо было приноравливаться к отдельным тренировкам трёх команд по квиддичу, а их нередко переносили из-за плохой погоды. Но Гарри об этом не сожалел: наверное, даже выгодней собираться не по расписанию.

Если за ними слежка, её это скорее запутает.

Гермиона вскоре придумала очень остроумный способ оповещать всех участников о времени и дате собрания, когда надо было неожиданно его перенести. Если бы ученики с разных факультетов стали слишком часто ходить по Большому залу и сговариваться, это выглядело бы подозрительно. Всем членам ОД Гермиона дала по фальшивому галеону (Рон чрезвычайно возбудился, когда увидел корзинку и решил, что раздают золото).

— Видите цифры по ребру монеты? — сказала она, показывая образец в конце четвёртого занятия. Монета зажиточно блестела золотом при свете факелов. — На настоящих галеонах это серийный номер, указывающий, каким гоблином она отчеканена. На этих фальшивых цифры будут меняться — они показывают дату и час следующего собрания. Когда дата меняется, монета делается горячей, так что, если вы носите её в кармане, вы это почувствуете. Все берём по одной; когда Гарри назначает дату, он меняет цифры на своей, и, поскольку я навела на них Протеевы чары, с вашими произойдёт то же самое.

Ответом ей было недоумённое молчание. Гермиона обвела взглядом смущённых слушателей.

— Я подумала, это хороший способ, — неуверенно пояснила она. — В смысле, если Амбридж прикажет вывернуть карманы, то ничего подозрительного не увидит. Ну… если вам не хочется…

— Ты умеешь наводить Протеевы чары? — спросил Терри Бут.

— Да.

— Но это ведь… это уровень ЖАБА, — сказал он слабым голосом.

— Ну… — Гермиона старалась держаться скромно, — может быть… наверное…

— Почему ты не в Когтевране? — допытывался он почти удивлённо. — С твоими мозгами?

— На распределении Волшебная шляпа всерьёз подумывала отправить меня в Когтевран, — весело сказала Гермиона, — и всё-таки остановилась на Гриффиндоре. Так мы воспользуемся галеонами?

Послышались одобрительные голоса, и все стали подходить к корзинке. Гарри повернул к ней голову:

— Знаешь, что мне это напоминает?

— Нет, что?

— Шрамы Пожирателей смерти. Волан-де-Морт прикасается к одному, и шрамы у всех жжёт.

Это — сигнал, что он их призывает.

— Ну… да, — тихо сказала Гермиона, — это и навело меня на мысль… Но заметь: я решила вырезать дату на металлических вещах, а не на коже членов отряда.

— Ага, твой способ гуманней. — Гарри улыбнулся и опустил монету в карман. — Единственное опасение — мы можем потратить их невзначай.

— Чёрта с два, — сказал Рон, с некоторой скорбью разглядывая свой негодный денежный знак. — Мне-то не с чем его спутать.

Приближался первый матч сезона: Гриффиндор — Слизерин. Анджелина требовала чуть ли не ежедневных тренировок, и в собраниях ОД наступил перерыв. Из-за того, что Кубок по квиддичу давно не разыгрывался, предстоящую игру ожидали с повышенным интересом и даже волнением. Живо интересовались ею и пуффендуйцы с когтевранцами — и тем и другим, понятно, предстояло сразиться с обеими этими командами. Деканы факультетов, пытаясь сохранять приличествующую им беспристрастность, на самом деле горячо желали победы своих. Насколько важен для профессора МакГонагалл выигрыш у Слизерина, Гарри понял по тому, что за неделю до матча она перестала давать им задания на дом.

— Полагаю, в ближайшие дни у вас и без этого достаточно дел, — торжественно произнесла она, и они не поверили своим ушам. Но тут она посмотрела в упор на Гарри и Рона и сурово добавила: — Я привыкла видеть Кубок по квиддичу у себя в кабинете и вовсе не хочу уступать его профессору Снеггу, так что потренируйтесь лишний раз, если не затруднит.

Снегг проявлял не менее горячую заботу о своей команде. Он так часто заказывал поле для слизеринцев, что команде Гриффиндора иногда не удавалось потренироваться. Он пропускал мимо ушей жалобы на то, что слизеринцы пытаются вывести соперников из строя в коридорах. В больничное крыло пришла Алисия Спиннет — брови у неё стали расти так быстро и густо, что совершенно закрыли и глаза и рот. И хотя четырнадцать свидетелей доказывали, что её заколдовал сзади слизеринский вратарь Майлс Блетчли, когда она занималась в библиотеке, Снегг не пожелал их слушать и сказал, что она, наверное, сама пыталась применить чары для ращения волос.

Гарри считал, что у Гриффиндора хорошие шансы на победу: как-никак они ни разу не проиграли команде Малфоя. Конечно, Рон не дотягивал до уровня Вуда, но тренировался с огромным усерди-

ем. Самым большим его недостатком было то, что после ошибки он терял уверенность; пропустив гол, начинал суетиться и легче пропускал новые. С другой стороны, он брал поразительные мячи, когда был в ударе. Однажды на тренировке он, спрыгнув с метлы, повис на одной руке и отбил квоффл ногой так сильно, что мяч пролетел всё поле и угодил в среднее кольцо на противоположной стороне. Вся команда сочла, что рядом с этим бледнеет даже недавний подвиг вратаря ирландской сборной Барри Райана, отразившего бросок Ладислава Замойского, лучшего польского охотника. Даже Фред сказал, что они с Джорджем, пожалуй, ещё будут гордиться Роном и серьёзно подумывают о том, чтобы признать своё с ним родство, от которого якобы открещивались все эти четыре года.

Одно беспокоило Гарри: не выведет ли Рона из равновесия предматчевая тактика слизеринцев. Сам он за четыре года притерпелся к их издевательствам, так что замечания наподобие «Эй, Поттер, Уоррингтон поклялся сшибить тебя с метлы в субботу» не пугали его, а только смешили.

«Уоррингтон тот ещё снайпер, — отвечал он, — если бы он целил в соседа, вот тут бы я струхнул». Рон и Гермиона хохотали, а с лица Пэнси Паркин-

сон слезала дурацкая ухмылка.

Рон же не привык к тому, чтобы его систематически изводили насмешками, оскорблениями, угрозами. Когда слизеринцы, порой семикурсники и значительно крупнее его, шептали ему в коридоре:

«Зарезервировал себе койку в больничном крыле?» — он не смеялся, и лицо его принимало нежный салатный оттенок. Когда Драко Малфой изображал, как Рон роняет квоффл (а делал он это при каждой встрече), уши у Рона загорались, а руки тряслись так, что действительно выронили бы любую вещь.

Октябрь скончался в проливных дождях и вое ветра, и с железным холодом пришёл ноябрь, с заморозками по утрам и ледяными бурями, обжигавшими лицо и руки. Небо на потолке Большого зала затянула жемчужно-серая мгла, горы вокруг Хогвартса надели снежные шапки, а в замке стало так холодно, что между занятиями ученики ходили по коридорам в толстых защитных перчатках из драконьей кожи.

Утро матча выдалось холодным и ясным. Гарри проснулся и увидел, что Рон сидит на кровати, обхватив колени и глядя в одну точку.

— Не заболел?

Рон не ответил, только помотал головой. Гарри живо вспомнил тот день, когда Рон по случайности наколдовал себе слизняковую рвоту: он был такой же бледный и потный и так же боялся раскрыть рот.

— Надо позавтракать, — бодро сказал Гарри. — Пошли.

Большой зал быстро наполнялся народом, настроение было приподнятое, голоса звучали громче обычного. Когда они проходили мимо стола слизеринцев, там зашумели. Гарри обернулся и увидел, что, помимо зелёных с серебром шарфов и шляп, у каждого ещё серебряный значок, как будто бы в форме короны. Многие из них почему-то замахали Рону и оглушительно захохотали. Гарри попытался разглядеть по дороге, что написано на значках, но не успел — надо было поскорее увести Рона.

Гриффиндорский стол встретил их горячими приветствиями; на всех было красное с золотом, но приветствия не только не ободрили Рона, а, наоборот, как будто лишили последних душевных сил. Он плюхнулся на ближайшую скамью с таким видом, словно это последний завтрак в его жизни.

— Я, наверно, спятил, когда напросился в ко-

манду, — хрипло прошептал он. — Спятил!

— Не дури, — одёрнул его Гарри, придвигая к нему хлопья. — Ты хорошо сыграешь. А волнение — это нормально.

— Я пустое место. Вратарь — дырка. Сыграть не смогу, хоть убей. Чем я думал?

— Возьми себя в руки, — сурово сказал Гарри. — Вспомни, какой ты отбил на днях. Даже Фред с Джорджем сказали: класс.

Рон повернул к нему несчастное лицо.

— Это вышло нечаянно, — пробормотал он жалким голосом. — Я не собирался… соскользнул с метлы, вы просто не видели, а когда пытался влезть обратно, случайно пнул мяч.

— Ничего, — сказал Гарри, быстро поборов неприятное чувство, вызванное неожиданной новостью, — ещё парочка таких случайностей, и игра у нас в кармане.

Напротив сели Гермиона и Джинни в красно-золотых шарфах и перчатках, с красно-золотыми розетками.

— Как самочувствие? — спросила Джинни.

Рон смотрел на остатки молока в своей тарелке с таким выражением, как будто не прочь был в них утопиться.

— Он волнуется, — сказал Гарри.

— Это хороший знак, — успокоила Гермиона. — Я заметила: лучше всего сдаёшь экзамены, когда немного волнуешься.

— Привет, — протянул у них за спиной сонный голос. Гарри поднял голову. Это пришла к ним от стола когтевранцев Полумна Лавгуд. Множество лиц смотрело в их сторону, кое-кто смеялся и показывал пальцами. Она соорудила шляпу в виде львиной головы в натуральную величину и только каким-то чудом ухитрялась удерживать её на своей.

— Я болею за Гриффиндор, — сообщила Полумна, показав на шляпу, что было уже излишне. — Посмотрите, что мы умеем…

Она постучала по шляпе волшебной палочкой; шляпа разинула пасть и издала весьма правдоподобный рёв, заставивший всех поблизости вздрогнуть.

— Неплохо, а? — радостно сказала Полумна. — Я хотела, чтобы она ещё жевала змею, представляющую Слизерин, но времени не хватило. В общем, желаю удачи, Рон.

Она побрела прочь. Не успели они оправиться от удивления, вызванного её шляпой, как подбежала Анджелина Джонсон в сопровождении Кэти и Алисии, избавившейся от сверхбровей

стараниями милосердной мадам Помфри.

— Когда закончите, — сказала Анджелина, — идём прямо на поле, выясняем погодные условия — и в раздевалку.

— Скоро будем, — сказал Гарри. — Рону надо позавтракать.

Однако через десять минут стало ясно, что Рон больше ничего съесть не сможет, и Гарри счёл за лучшее сразу вести его в раздевалку. Когда они встали из-за стола, Гермиона тоже поднялась и за руку отвела Гарри в сторону.

— Постарайся, чтобы Рон не увидел слизеринских значков, — шепнула она.

Гарри посмотрел на неё вопросительно, а она предостерегающе покачала головой: Рон уже шёл к ним, потерянный и безутешный.

— Удачи, Рон, — сказала Гермиона и, встав на цыпочки, поцеловала его в щёку. — И тебе, Гарри.

Рон немного приободрился, пока они шли по Большому залу. Озадаченно, словно не понимая, что произошло, он дотронулся до того места, куда его поцеловала Гермиона. Вид у него был отсутствующий, он почти ничего не замечал. А Гарри, проходя мимо стола слизеринцев, с любопытством глянул на их значки и на этот раз сумел

прочесть вырезанные на них слова:

«Уизли — наш король».

Чувствуя, что ничего хорошего это не сулит, Гарри поспешил вывести Рона в вестибюль, а оттуда по каменным ступеням на морозный луг.

Замёрзшая трава похрустывала под ногами, пока они спускались к стадиону. Безветрие, небо затянуто жемчужно-серой мутью, видимость хорошая, и солнце не будет слепить глаза. Гарри объяснял это Рону по дороге, но тот вряд ли его слышал.

Анджелина уже переоделась и, когда они вошли, давала последние указания команде. Гарри и Рон сменили мантии (Рон несколько минут пытался надеть свою задом наперёд, пока над ним не сжалилась Алисия) и сели, чтобы выслушать установку на игру.

Гомон снаружи усиливался — зрители валили из замка на матч.

— Только что выяснила окончательный состав Слизерина, — сказала Анджелина Джонсон, заглядывая в пергамент. — Прежние загонщики Деррик и Боул выбыли, но Монтегю взял на их место обычных горилл, а не тех, кто умеет летать. Их зовут Крэбб и Гойл, я о них мало знаю.

— Мы знаем, — хором откликнулись Гарри и Рон.

— Вид у них такой, что вряд ли отличат один конец метлы от другого, — сказала Анджелина, убирая пергамент в карман. — Впрочем, всегда удивлялась, как это Деррик и Боул не заблудятся на поле без дорожных указателей.

— Крэбб и Гойл из той же породы, — заверил её Гарри. Слышно было шарканье сотен ног, поднимавшихся по лестницам трибун. Доносилось пение, но Гарри не мог разобрать слова. Он тоже волновался, но знал, что его волнение — пустяк по сравнению со страхом Рона, который держался за живот, с серым лицом и сжатыми губами уставясь в пустоту.

— Пора, — вполголоса сказала Анджелина, взглянув на часы. — Идём… Ни пуха, ни пера.

Команда встала, мётлы на плечо, и цепочкой вышла на стадион. Рёв зрителей и пение, заглушаемое приветственными выкриками.

Команда Слизерина уже построилась и ждала их — тоже с серебряными значками в виде короны. Их новый капитан Монтегю сложением походил на Дадли Дурсля — руки, как волосатые окорока. Позади стояли Крэбб и Гойл, почти такие же здоровенные, и тупо щурились на небо,

помахивая битами. Малфой стоял сбоку; бледное солнце освещало его белёсые волосы. Он поймал взгляд Гарри и, осклабясь, постучал по значку у себя на груди.

— Капитаны, пожмите руки, — приказала судья мадам Трюк, когда Анджелина приблизилась к строю слизеринцев. Гарри видел, что Монтегю больно сдавил ей пальцы, но она даже не моргнула. — Седлайте мётлы…

Свисток судьи. Мячи выпущены, и четырнадцать игроков взвились в воздух. Краем глаза Гарри увидел, как Рон устремился к своим кольцам. Сам он поднялся выше, увильнул от бладжера и полетел вдоль боковой линии поля, высматривая, не блеснёт ли где золотом снитч. В точности то же проделывал Малфой на другой стороне поля.

— С мячом Джонсон, Джонсон овладела квоффлом, какой игрок эта девушка, я годами это твержу, а она не хочет со мной встречаться…

— ДЖОРДАН! — крикнула профессор МакГонагалл.

— Биографический факт, профессор, для оживления репортажа… Она уходит от Уоррингтона, обводит Монтегю, она… ох… её настигает бладжер от Крэбба, Монтегю перехватывает квоффл,

Монтегю устремляется к кольцам соперников… Отличный бладжер Джорджа Уизли, точно в голову Монтегю, Монтегю выпускает квоффл, мяч у Кэти Белл… гриффиндорка Кэти Белл продвигается с мячом, пас назад Алисии Спиннет…

Комментарий Ли Джордана разносился над стадионом, и Гарри напряжённо прислушивался к нему — насколько позволял свист ветра в ушах, общий гам, улюлюканье, крики и пение.

— Спиннет обходит Уоррингтона, уклоняется от бладжера — ещё бы чуть-чуть, Спиннет… Зрители в восторге, вы только послушайте, что они поют?

Он прервался, чтобы послушать. Песня зазвучала громко и отчётливо над зелёно-серебряной секцией слизеринских болельщиков:

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами дырой
Так всегда и стой!

Квоффл Рон поймать не может,
Победить он нам поможет,
На помойке он родился,
Слизерину пригодился.

— …Алисия возвращает квоффл Анджелине! — закричал Ли. Гарри круто повернул, в ярости от услышанного. Он понимал, что Ли пытается заглушить слова песни: — Анджелина… перед ней один только голкипер… БРОСОК… а-а-а!

Голкипер слизеринцев взял мяч; он бросил его Уоррингтону, и тот помчался зигзагом между Алисией и Кэти.

Пение становилось всё громче по мере того, как он приближался к Рону.

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами дырой
Так всегда и стой!

Гарри не удержался; перестав высматривать снитч, развернул «Молнию», чтобы посмотреть на Рона — одинокая фигура парила перед тремя кольцами, и пушечным снарядом мчался к ним массивный Уоррингтон.

— С квоффлом Уоррингтон, Уоррингтон приближается к кольцам, он уже недосягаем для бладжеров, перед ним только голкипер…

Трибуна Слизерина загрохотала:

Перед кольцами дырой

Так всегда и стой!

— ...это первое испытание для нового голкипера Гриффиндора, брата загонщиков Фреда и Джорджа Уизли, талантливого новичка команды... Держись, Рон!

Восторженный рёв на трибуне Слизерина: Рон спикировал, растопырив руки, и квоффл пролетел между ними прямо в среднее кольцо.

— Слизерин выходит вперёд! — раздался голос Ли среди воплей и свиста болельщиков. — Десять — ноль, ведёт Слизерин... Не унывай, Уизли!

Слизеринцы запели ещё громче.

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ,
СЛИЗЕРИНУ ПРИГОДИЛСЯ...

— Мяч у Гриффиндора, и Кэти Белл стремительно продвигается вперёд, — мужественно выкрикивал Ли, хотя голос его тонул в оглушительном пении.

КВОФФЛ РОН ПОЙМАТЬ НЕ МОЖЕТ,
ПОБЕДИТЬ ОН НАМ ПОМОЖЕТ.

— Гарри, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? — крикнула Анджелина, пролетая мимо, чтобы поддержать атаку Кэти Белл. — ДВИГАЙСЯ!

До Гарри только сейчас дошло, что он уже ми-

нуту висит в воздухе, наблюдая за ходом игры и начисто забыв о снитче. В ужасе он ринулся вниз и закружился над полем, не обращая внимания на хор слизеринцев.

РОНАЛЬД УИЗЛИ — НАШ КОРОЛЬ,
РОНАЛЬД УИЗЛИ — НАШ ГЕРОЙ…

Снитча нигде не было видно; Малфой тоже кружил над полем. Они пролетели навстречу друг другу над серединой, и Гарри услышал, что он громко поёт:

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ…

— И снова Уоррингтон, — орал Ли, — пасует Пьюси, Пьюси обходит Спиннет… Давай, Анджелина, ты можешь его перехватить… не удалось — отличный бладжер Фреда Уизли… нет, Джорджа, какая разница — одного из них, и Уоррингтон роняет квоффл, его подхватывает Кэти Белл… эх, тоже упускает… с квоффлом Монтегю, капитан Слизерина. Монтегю несёт квоффл, летит к кольцам… Блокируй его, Гриффиндор, ну же!

Гарри пронёсся за кольцами Слизерина, не позволяя себе оглянуться на Рона. Поравнялся с голкипером и услышал, что Блетчли поёт вместе с болельщиками:

ПЕРЕД КОЛЬЦАМИ ДЫРОЙ…

— И Пьюси снова уходит от Анджелины и устремляется к кольцам… Внимание, Рон!

Гарри не пришлось оглядываться, и так всё ясно: тяжкий стон на трибуне Гриффиндора, аплодисменты и крики слизеринцев. Он посмотрел вниз: Пэнси Паркинсон с лицом мопса стояла перед трибунами и дирижировала хором болельщиков, оравшим:

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ,
СЛИЗЕРИНУ ПРИГОДИЛСЯ.

Двадцать — ноль. Не страшно, можно отыграть или поймать снитч. Несколько голов, и они будут впереди, как обычно, успокаивал себя Гарри, ныряя и маневрируя между игроками в погоне за блеснувшим предметом, который оказался браслетом от часов на руке Монтегю.

Но Рон пропустил ещё два гола. Теперь поиски снитча были окрашены лёгкой паникой. Поймать бы его поскорее и закончить игру.

— Кэти Белл из Гриффиндора финтом оставляет позади Пьюси, уходит под Монтегю — отличный вираж, Кэти! Обводит Уоррингтона, она мчится к кольцам, вперёд, Анджелина… ГОЛ! Сорок — десять в пользу Слизерина, мяч у Пьюси…

Среди гриффиндорских криков Гарри расслышал рык нелепого льва Полумны и воспрял духом: всего тридцать очков отрыв, пустяки, спокойно можно нагнать. Он увильнул от бладжера, пущенного Крэббом, и возобновил охоту за снитчем, поглядывая на Малфоя — вдруг тот заметит первым. Но Малфой, как и он, всё летал вокруг поля, тщетно высматривая золотой мячик.

— …Пьюси отдаёт Уоррингтону, Уоррингтон — Монтегю, Монтегю возвращает его Пьюси… Джонсон перехватывает квоффл, пас на Белл, прекрасно… но нет, её настиг бладжер Гойла, и вновь мяч у Пьюси…

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ,
СЛИЗЕРИНУ ПРИГОДИЛСЯ.
РОНАЛЬД УИЗЛИ — НАШ КОРОЛЬ…

Но Гарри увидел его наконец — крохотный крылатый золотой мячик парил в футе над землёй, поблизости от слизеринских шестов.

Он спикировал…

А слева, прильнув к метловищу, серебристо-зелёным пятном нёсся к земле Малфой…

Снитч обогнул подножие одного шеста и полетел к противоположным трибунам; эта перемена курса была на руку Малфою — теперь он нахо-

дился ближе. Гарри развернул свою «Молнию», и вот уже они летят голова в голову.

В трёх футах от земли Гарри оторвал правую руку от метловища и потянулся за снитчем… А справа к мячу тянется рука Малфоя, растопыренными пальцами загребает воздух…

Две отчаянные секунды с замиранием сердца и свист ветра в ушах — и всё кончено. Пальцы Гарри схватили маленький, рвущийся на волю снитч, ногти Малфоя запоздало скребанули его по руке, Гарри направил метлу вверх, сжимая в руке непокорный мячик, и болельщики Гриффиндора разразились ликующими криками. Игра спасена, неважно, сколько голов пропустил Рон, завтра никто этого не вспомнит, главное — Гриффиндор победил…

БАХ.

Бладжер ударил его точно в крестец, и он свалился с метлы. К счастью, высота была всего пять-шесть футов — Гарри поймал снитч у самой земли, однако упал он на замёрзшее поле спиной, и ему сбило дыхание. Он успел услышать пронзительный свисток судьи, возмущённые крики и свист с трибун, потом глухой удар своего тела о землю и панический голос Анджелины:

— Ты цел?

— Цел, конечно, — проворчал он и взял её за руку, чтобы она помогла ему подняться.

Мадам Трюк реяла над одним из слизеринских игроков, но отсюда ему не было видно над кем.

— Это бандит Крэбб, — гневно сказала Анджелина, — он запустил в тебя бладжером, когда ты уже поймал снитч. Но мы выиграли, Гарри, выиграли!

За спиной у Гарри послышалось сопение, и он обернулся, всё ещё сжимая в руке снитч: рядом приземлился Драко Малфой. Белый от ярости, с деланной улыбкой на лице.

— Спас Уизли от позора? — сказал он. — Хуже вратаря я не видел… но он же на помойке родился. Тебе понравились мои стишки, Поттер?

Гарри не ответил. Он повернулся к своим игрокам: они приземлялись один за другим с ликующими криками, молотили кулаками по воздуху — все, кроме Рона, который слез с метлы возле шестов и в одиночестве поплёлся к раздевалке.

— Мы хотели сочинить ещё пару строк! — крикнул Малфой, глядя, как Алисия и Кэти обнимают Гарри. — Но рифм не нашли к «толстой» и «уродине», хотели и про маму его спеть…

— Спой про «зелен виноград», — с отвращением

бросила ему Анджелина.

— …и к «бездарному тупице» — это про его отца…

Фред и Джордж, пожимая руку Гарри, услышали эти слова и напряглись. Они повернулись к Малфою.

— Бросьте! — сказала Анджелина и схватила Фреда за руку. — Брось, пусть его орёт. Злится, что проиграл, ничтожество…

— Но ты ведь любишь эту семейку, а, Поттер? — издевался Малфой. — Каникулы у них проводишь? Как только вонь эту выносишь, не пойму. Хотя, пожив у маглов, небось и помойке рад?

Гарри вцепился в Джорджа. Анджелина, Алисия и Кэти втроём удерживали Фреда, рвавшегося к Малфою, а тот смеялся им в лицо. Гарри поискал глазами мадам Трюк, но она всё ещё выговаривала Крэббу за нечестную атаку бладжером.

— А может, ты помнишь, как воняло в доме у твоей матери, — пятясь, продолжал Малфой, — и в свинарнике Уизли узнаёшь родной запах?

Гарри не заметил, как отпустил Джорджа; секунду спустя они уже оба мчались к Малфою. Он совершенно забыл, что это происходит на глазах у всех преподавателей; было только одно

желание: сделать Малфою как можно больнее. Вынуть волшебную палочку было уже некогда, кулаком, в котором был зажат снитч, он изо всей силы ударил врага в живот.

— Гарри! ГАРРИ! ДЖОРДЖ! СТОЙТЕ!

Он слышал крики девочек, вопль Малфоя, пронзительный свисток судьи, рёв трибун, но ему было всё равно. Пока кто-то рядом не выкрикнул: *«Импедимента!»* — и его не отбросило назад силой заклятия, он молотил кулаками Малфоя.

— Что вы делаете! — крикнула мадам Трюк.

Гарри встал на ноги. Видимо, это она сшибла его заклятием: в одной руке у неё был свисток, в другой волшебная палочка, а метла её валялась в нескольких шагах. Малфой скорчился на земле, он стонал и хныкал, из носа текла кровь. У Джорджа вспухла губа; Фреда насилу удерживали три охотницы, а позади хихикал Крэбб.

— Никогда в жизни не видела такого поведения! Марш в замок, вы двое, и немедленно в кабинет декана. Отправляйтесь! Ну!

Гарри с Джорджем молча пошли с поля; оба тяжело дышали. Вой и улюлюканье зрителей постепенно затихали позади, и, когда они вошли в вестибюль, не слышно стало ничего, кроме звука их шагов. Гарри ощутил, что в правой руке у него

происходит какое-то копошение; костяшки её он разбил о челюсть Малфоя. Он посмотрел на руку: серебряные крылышки снитча высовывались между пальцами и трепыхались — мячику хотелось на волю.

Профессор МакГонагалл нагнала их уже перед дверью своего кабинета. На ней был шарф Гриффиндора; бледная, трясущимися руками она сорвала его с шеи и скомандовала, указывая на дверь: «Идите!»

Она зашла за свой стол, дрожа от ярости, и швырнула шарф на пол.

— Ну? С подобным безобразием я ещё не сталкивалась. Двое на одного! Объяснитесь!

— Малфой спровоцировал нас, — выдавил из себя Гарри.

— Спровоцировал? — выкрикнула она и так хватила кулаком по столу, что клетчатая жестянка соскочила с него и высыпала имбирных тритонов на пол. — Он только что потерпел поражение! Конечно, он хотел вас спровоцировать! Но что такое он мог сказать, чтобы вы вдвоём…

— Он оскорбил моих родителей, — прорычал Джордж. — И мать Гарри.

— И вместо того чтобы предоставить мадам Трюк разбираться с этим, вы решили потешить

публику магловским мордобоем? Да вы представляете себе, что вы…

— Кхе-кхе.

Гарри и Джордж разом обернулись. В дверях стояла Долорес Амбридж, закутанная в зелёную твидовую мантию, которая довершала её сходство с гигантской жабой. На лице у неё была гнусная улыбка, не сулившая Гарри ничего, кроме беды.

— Не могу ли я вам помочь, профессор МакГонагалл? — спросила она самым ядовитым и ласковым тоном.

Лицо МакГонагалл налилось кровью.

— Помочь? — сдавленным голосом повторила она. — Что значит «помочь»?

Всё с той же мерзкой улыбкой Амбридж вошла в кабинет.

— Я думала, вы с благодарностью примете помощь ещё одного представителя руководства.

— Вы неправильно думали. — МакГонагалл повернулась к ней спиной. — А вы двое слушайте внимательно. Мне безразлично, как вас провоцировал Малфой, пусть даже оскорбил каждого члена ваших семей; ваше поведение отвратительно, я на неделю оставляю вас после уроков! И не смотрите на меня так, Поттер, вы это заслу-

жили! И если вы когда-нибудь ещё раз…

— Кхе-кхе.

Профессор МакГонагалл закрыла глаза, словно моля небо о терпении, и повернулась к Амбридж.

— Да?

— Я думаю, они заслуживают более сурового наказания, — сказала та, и улыбка её стала ещё шире.

МакГонагалл раскрыла глаза.

— К сожалению, — сказала она, пытаясь ответить ей такой же улыбкой, которая получилась похожей скорее на судорогу, — здесь существенно, что думаю я, коль скоро они на моём факультете, Долорес.

— Вынуждена вас огорчить, Минерва, — просюсюкала Амбридж, — сейчас вы убедитесь, что существенно моё мнение. Где же он? Корнелиус только что прислал… — С фальшивым смешком она порылась в сумке. — Министр прислал… ах, вот…

Она вытащила пергамент, развернула, неизвестно зачем откашлялась и начала читать:

— Кхе-кхе.

«Декрет об образовании номер два-

дцать пять…»

— Неужели ещё один! — с досадой воскликнула МакГонагалл.

— Да-да, — с улыбкой подтвердила Амбридж. — И в сущности, Минерва, именно вы убедили меня, что мы нуждаемся в дополнении… Помните, как вы настояли на своём, когда я не хотела утвердить состав гриффиндорской команды? Вы апеллировали к Дамблдору, и он дал разрешение команде играть. Я не могла с этим примириться. Тотчас связалась с министром, и он согласился со мной, что генеральный инспектор уполномочена лишать любого ученика привилегий, иначе она — то есть я — будет иметь меньше власти, чем рядовой преподаватель! Теперь вы видите, Минерва, насколько права я была, отказываясь утвердить состав гриффиндорской команды? Чудовищные характеры… Впрочем, читаю дополнение… кхе-кхе…

«Отныне генеральному инспектору принадлежит решающее слово в определении наказаний, санкций, а также лишении привилегий, данных ученикам Хогвартса, и право изменять таковые наказания, санкции и ограничения привилегий, определённые преподавателями».

Подписано: Корнелиус Фадж, министр магии, кавалер ордена Мерлина первой степени и т. д. и т. д.

Она свернула пергамент и, не переставая улыбаться, спрятала в сумку.

— Итак… я полагаю, нам придётся навсегда запретить этим двоим играть в квиддич, — объявила она, глядя поочерёдно на Гарри и на Джорджа.

Гарри почувствовал, как снитч исступлённо забился у него в руке.

— Запретить нам? — Он слышал свой голос будто издалека. — Навсегда?

— Да, мистер Поттер, я думаю, пожизненная дисквалификация будет вам наукой. — Наблюдая, как он пытается осознать сказанное, она улыбалась во весь рот. — И вам, и мистеру Уизли. И, полагаю, для надёжности близнецу этого моло-

дого человека тоже следует запретить. Уверена, если бы товарищи по команде не удержали его, он тоже напал бы на мистера Малфоя. Я потребую, чтобы их мётлы были конфискованы; храниться они будут в моём кабинете, дабы не возникло искушения обойти запрет. Но я не фанатичка, профессор, — снова обратилась она к МакГонагалл, застывшей, как ледяное изваяние. — Остальные члены команды могут продолжать играть. Они не проявили склонности к насилию. Ну… всего хорошего.

И с чрезвычайно довольным видом Амбридж вышла из кабинета, где воцарилась мёртвая тишина.

* * *

— Запретили, — простонала Анджелина, когда они собрались вечером в гостиной. — Запретили. Без ловца и без загонщиков… что же за команда?

Победного настроения как не бывало. Куда бы ни посмотрел Гарри, всюду расстроенные или злые лица, а сами члены команды, как выпотрошенные, валялись в креслах перед камином. Все, кроме Рона, который так и не появлялся после конца матча.

— Это просто несправедливо, — говорила уби-

тая горем Алисия. — Крэбб запустил бладжером после свистка, и хоть бы хны!

— Да, — уныло подтвердила Джинни (они с Гермионой сидели по бокам от Гарри). — Его только пожурили, я слышала, как Монтегю смеялся над этим за ужином.

— А Фреду запретить, когда он ничего не сделал! — Алисия стукнула кулаком по колену.

— Не по своей вине не сделал, — ощерился Фред. — Я этого гадёныша размазал бы, если б вы втроём меня не держали.

Гарри удручённо смотрел в окно. Падал снег. Отпущенный снитч кружил и кружил по гостиной, ребята следили за ним, как заворожённые, а Живоглот прыгал с кресла на кресло, пытаясь его сцапать.

Анджелина с усилием встала.

— Иду спать. Может, завтра окажется, что всё это было дурным сном… Завтра проснусь, а мы, оказывается, и не играли.

За ней вскоре ушли Алисия и Кэти. Чуть позже поплелись в спальню Фред с Джорджем, свирепо глядя на всех, мимо кого пролегал их путь, а потом отправилась на боковую и Джинни. У камина остались только Гермиона и Гарри.

— Рона видел? — тихо спросила она. Гарри

покачал головой.

— По-моему, он нас избегает, — сказала она. — Как думаешь, где он?

В эту секунду позади послышался скрип — Полная Дама повернулась, и в портретном проёме появился Рон, бледный, волосы в снегу. Увидев друзей, он остановился как вкопанный. Гермиона вскочила.

— Где ты был?

— Гулял, — буркнул Рон. Он всё ещё был в спортивной форме.

— У тебя замёрзший вид, — сказала Гермиона. — Садись к камину!

Не глядя на Гарри, Рон подошёл и сел в самое дальнее от него кресло. Беспризорный снитч просвистел над их головами.

— Извини, — промямлил Рон, глядя в пол.

— За что? — спросил Гарри.

— Я думал, что могу играть в квиддич. Завтра с утра откажусь.

— Откажешься, — разозлился Гарри, — от команды останется три человека. — И в ответ на недоумённый взгляд Рона объяснил: — Нас выгнали навсегда. Меня, Фреда и Джорджа.

— Что? — задохнулся Рон.

Ему рассказала Гермиона. Гарри был не в силах

повторять эту историю. После рассказа вид у Рона стал совсем несчастный.

— Я во всём виноват…

— Не ты заставил меня налететь на Малфоя, — сердито ответил Гарри.

— …если бы я не опозорился на квиддиче…

— При чём здесь это?

— Я из-за песни завёлся…

— Любой бы завёлся…

Гермиона встала, отошла к окну, подальше от спорщиков, и смотрела, как вьётся снег за стеклом.

— Слушай, кончай! — взорвался Гарри. — И так тошно, а тут ещё ты со своими угрызениями!

Рон умолк, мрачно уставясь на мокрый подол своей мантии. Немного погодя он сказал:

— Мне никогда ещё не было так паршиво.

— Зато ты теперь не один, — со злостью отозвался Гарри.

— Кажется, могу вас немного утешить, — слегка дрожащим голосом сказала Гермиона.

— Чем, интересно? — проворчал Гарри.

— А вот чем. — Она отвернулась от чёрного окна с налипшими снежинками, и лицо её осветилось улыбкой. — Хагрид вернулся.

Глава 20
Рассказ Хагрида

Гарри побежал наверх, в спальню, чтобы взять из чемодана мантию-невидимку и Карту Мародёров; они с Роном обернулись так быстро, что, по крайней мере, пять минут ещё ждали Гермиону из спальни девочек — она пришла в шарфе, перчатках и одной из эльфовских нескладных шапок.

— Там же холод! — извиняющимся тоном сказала она, когда Рон нетерпеливо щёлкнул языком.

Они выбрались через портретный проём, спешно накинули мантию-невидимку — Рон так вырос, что шёл на полусогнутых, иначе высовывались бы их ноги, — и медленно, осторожно двинулись дальше. Спуститься надо было по многим лестницам, они то и дело останавливались и проверяли по карте, нет ли поблизости Филча и Миссис Норрис. Повезло: встретился только Почти Безголовый Ник — он парил под потолком, рассеянно напевая что-то, ужасно напоминавшее «Уизли — наш король». Они пересекли вестибюль и вышли на безмолвный заснеженный луг.

Сердце у Гарри радостно забилось: впереди квадраты золотого света и дымок над трубой Хагрида. В волнении он прибавил шагу, Рон и Гермиона толкались позади него. По хрусткому снегу они добрались наконец до деревянной двери. Гарри трижды постучал кулаком, собака в доме исступлённо залаяла.

— Хагрид, это мы! — крикнул Гарри в замочную скважину.

— А то не знаю, — отозвался грубый голос.

Трое под мантией радостно повернулись друг к другу — по голосу было ясно, что Хагрид доволен.

— Порог переступить не успел… с дороги, Клык… уйди ты, сонная псина…

Отодвинулся засов, скрипнула дверь, и в щели показалась голова Хагрида. Гермиона вскрикнула.

— Тихо, Мерлин тебя научи! — Хагрид ошалело поглядел поверх их голов. — В мантии, что ли? Заходите живей!

— Извини, — шепнула Гермиона, когда они протиснулись мимо Хагрида в дом и стащили с себя мантию, чтобы он наконец увидел гостей. — Я просто… Ой, Хагрид!

— Ерунда! Ерунда! — Хагрид захлопнул дверь и

заторопился опускать шторы.

Гермиона в ужасе провожала его глазами. Волосы у Хагрида свалялись от запёкшейся крови, левый глаз заплыл и превратился в щёлку, окружённую лиловыми и чёрными синяками. Лицо и руки в порезах, некоторые ещё кровоточат. И двигался он скособочась. Наверное, из-за сломанных рёбер, решил Гарри. Очевидно, он вернулся только что: на спинке стула висел плотный чёрный дорожный плащ, а к стене возле двери был прислонён большой рюкзак, в котором могли спрятаться несколько детей. Сам Хагрид, ростом с двух взрослых мужчин, прихромал к очагу и поставил на огонь медный чайник. Клык скакал вокруг них и норовил лизнуть в лицо.

— Что с тобой случилось? — спросил Гарри.

— Говорят тебе: ничего. — Хагрид выпрямился и радостно повернулся к ним, правда, при этом морщась. — До чего же рад вас видеть. Летом хорошо жилось?

— Хагрид, на тебя напали! — сказал Рон.

— Сколько раз говорить — ерунда!

— А если бы кто из нас пришёл с фунтом фарша на месте лица, тоже сказал бы «ерунда»? — не отставал Рон.

— Ты бы сходил к мадам Помфри, — сказала

Гермиона. — Раны нехорошие.

— Без докторов обойдёмся, ясно? — отрезал Хагрид.

Он подошёл к громадному деревянному столу, стоявшему посреди хижины, и сдёрнул с него посудное полотенце. Под ним оказался кровавый с прозеленью бифштекс размером чуть больше автомобильной шины.

— Уж не кушать ли ты это собрался? — спросил Рон, наклонившись к мясу. — Выглядит ядовитым.

— А как ещё ему выглядеть? Драконье мясо. Не для кушанья принесено.

Он схватил его, пришлёпнул к левой стороне лица и закряхтел от удовольствия; по бороде потекла зеленоватая кровь.

— Уже полегчало. Жжёт, а помогает.

— Так расскажешь нам, что случилось? — спросил Гарри.

— Не могу, Гарри. Большой секрет. Рассказать — так не то что с работы уволят…

— Скажи, это тебя великаны отделали? — тихо спросила Гермиона.

— Великаны? — Хагрид поймал бифштекс, сползший почти до пояса, и снова пришлёпнул к лицу. — Кто тебе сказал «великаны»? Ты с кем

говорила? Кто тебе наплёл, где я… кто сказал, что я… а?

— Мы догадались, — извиняющимся тоном ответила Гермиона.

— Ага, догадались. — Хагрид сурово взирал на неё тем глазом, который не был закрыт бифштексом.

— Это… вроде очевидно, — сказал Рон.

Гарри кивнул. Хагрид сердито оглядел их, шмякнул мясо на стол и подошёл к засвистевшему чайнику.

— Сроду не видал таких досужих ребят, — бурчал он, разливая кипяток по трём кружкам в форме вёдер. — Не в похвалу вам говорится, учтите. Любопытны не в меру. Нос суёте куда не надо.

Но в бороде как будто мелькнула улыбка.

— Так ты великанов искал? — с улыбкой сказал Гарри, усаживаясь за стол.

Хагрид поставил перед ними чай, сел, подобрал свой бифштекс и опять пришлёпнул к лицу.

— Ну. Искал.

— И нашёл? — спросила полушёпотом Гермиона.

— Правду сказать, найти-то не больно трудно. Не карлики, понимаешь.

— А где они? — спросил Рон.

— В горах, — последовал невразумительный ответ.

— А что же, маглы их не…

— Да встречают, — мрачно перебил Хагрид. — Только говорится всегда: несчастный случай в горах. С альпинистами.

Он переместил немного бифштекс, чтобы полечить самый большой синяк.

— Давай, Хагрид, рассказывай, чем занимался, — сказал Рон. — Расскажи, как повздорил с великанами, а Гарри тебе расскажет, как на него напали дементоры.

Хагрид поперхнулся с кружкой у рта и одновременно уронил свой драконий компресс. Слюни, чай и драконья кровь обильно оросили стол, и, пока он кашлял, мясо сползло со стола и с мягким шлепком упало на пол.

— Как это напали дементоры?

— А ты не знал? — Гермиона широко раскрыла глаза.

— Ничего я не знал, пока меня не было. Я был на секретном задании, нельзя, чтобы совы ко мне летали всё время. Дементоры, шут их возьми! Вы правду говорите?

— Ну да. Они появились в Литтл-Уингинге, напали на нас с двоюродным братом, а потом

Министерство магии исключило меня…

— ЧЕГО?

— …и вызвало на разбирательство, но расскажи сперва про великанов.

— Тебя исключили?

— Расскажи, как ты провёл лето, тогда расскажу я.

Хагрид уставился на него здоровым глазом. Гарри выразил лицом простодушие, но взгляд Хагрида выдержал твёрдо. Хагрид уступил.

— Ну, так и быть. — Он нагнулся и выдернул у Клыка из пасти драконье мясо.

— Хагрид, это не гигиенично, — сказала Гермиона, но тот уже приложил мясо к подбитому глазу и, подкрепившись основательным глотком чая, начал:

— Отправились мы, значит, как семестр кончился…

— И мадам Максим с тобой? — перебила Гермиона.

— Ну да. — Не закрытые зелёным мясом несколько дюймов лица сразу как-то смягчились. — Ага, вдвоём отправились. И я вам скажу, она не неженка, Олимпия. Ну да, красивая, нарядная женщина… Я-то знал, куда идём, думаю, каково ей покажется по скалам карабкаться да

в пещерах ночевать, а она хоть бы раз пожаловалась.

— Ты знал, куда идёте? — спросил Гарри. — Знал, где живут великаны?

— Дамблдор знал, он и сказал нам.

— Они прячутся? — спросил Рон. — Это тайна, где они живут?

— Да какая тайна, — сказал Хагрид, встряхнув косматой головой. — Просто волшебникам до них дела нет, лишь бы подальше где были. Но где они есть, добраться туда трудно, особенно для людей. Потому и надо было получить от Дамблдора направление. Месяц добирались…

— Месяц? — сказал Рон, словно в жизни не слышал о таких бессмысленно долгих путешествиях. — А взял бы и через портал?

Целый глаз Хагрида уставился на него со странным выражением — как бы даже жалости.

— Следили за нами, Рон, — грубо сказал он.

— Как это?

— Никак не скумекаешь. Шпионит Министерство за Дамблдором и за всеми, кто с ним в сговоре, по-ихнему.

— Это мы знаем, — вставил Гарри. Ему не терпелось услышать продолжение истории. — Мы знаем, Министерство следит за Дамблдором.

— Значит, волшебным транспортом ты не мог до них добраться? — допытывался потрясённый Рон. — Весь путь проделал, как магл?

— Ну не так уж прямо весь, — уклончиво ответил Хагрид. — Но осторожность не мешает — мы-то с Олимпией, как бы сказать, заметные…

Рон издал непонятный звук — то ли хрюкнул, то ли чихнул — и поспешно глотнул чаю.

— …за нами-то легче следить. Прикинулись, будто вместе едем в отпуск. Прибыли, значит, во Францию и будто бы в школу Олимпии направляемся. Знаем, таскается кто-то за нами хвостом из министерских. Вот и ехали потихоньку — мне же магией пользоваться нельзя, а Министерство только и ждёт, за что бы нас закатать. Но хвост мы свой сбросили возле Ди-Джона…

— У-у, в Дижоне? — обрадовалась Гермиона. — Я там была на каникулах. А ты видел?.. — И замолкла под взглядом Рона.

— А после этого рискнули малость поколдовать и добрались благополучно. Наткнулись на пару сумасшедших троллей на польской границе, и в минской пивной с вампиром малость повздорил, а так всё прошло как по маслу.

Добрались до места и пошли в горы, искать их… Магию, значит, побоку, раз они близко — они

волшебников ох как не любят, а нам их злить ни к чему. Дамблдор предупредил, что Сами-Знаете-Кто тоже станет искать великанов. И скорее всего, уже отрядил к ним посла. Сказал: осторожнее, внимание к себе не привлекайте, когда подойдёте близко — вдруг они там уже, Пожиратели смерти.

Хагрид умолк и отхлебнул чаю.

— Дальше! — нетерпеливо сказал Гарри.

— Нашли их. Ночью поднялись на гору — они внизу под нами. Костерки горят и большущие тени… будто гор куски передвигаются.

— Какого они роста? — спросил притихший Рон.

— Да футов двадцать, — небрежно уронил Хагрид. — Которые побольше, так, может, и двадцать пять.

— А сколько их было? — спросил Гарри.

— Десятков, думаю, семь или восемь.

— И всё? — сказала Гермиона.

— Да, — печально сказал Хагрид, — восемьдесят осталось, а было их пропасть сколько. Одних племён, почитай, сотня по всему свету. Они веками вымирали. Конечно, и волшебники кое-каких убили, но больше сами они друг друга, а теперь особенно быстро мрут. Это против их

природы — кучей жить. Дамблдор говорит, мы виноваты — волшебники их прогнали от себя подальше, вот и пришлось им собраться вместе, для защиты.

— Ну, вы увидели их, и что потом? — поторопил Гарри.

— Дождались утра, не хотели в темноте приближаться, опасно. Часа в три ночи они заснули, прямо где сидели. А мы боялись спать. Во-первых, мало ли кто там проснётся и к нам подойдёт, а потом храп такой, что представить нельзя. Под утро из-за этого лавина случилась. В общем, как рассвело, пошли к ним.

— Прямо так и пошли? — благоговейно произнёс Рон. — Прямо в лагерь великанов?

— Ну, Дамблдор сказал нам, как к ним подступиться. Принести подарки гургу, уважение оказать, одним словом.

— Кому подарки? — спросил Гарри.

— А-а, гургу — вождю то есть.

— А как понять, кто там гург? — спросил Рон. Хагрида вопрос позабавил.

— Проще простого. Самый здоровый, самый уродливый и ленивый. Сидит, и чтобы жратву ему таскали. Мёртвых козлов и прочее. Зовут Каркусом. Фута, чтобы не соврать, двадцать два —

двадцать три, а весом — с пару взрослых слонов. Шкура как у носорога.

— И ты к нему подошёл? — с трепетом спросила Гермиона.

— Ну… спустился к нему. Он в ложбине лежал, между четырьмя довольно-таки высокими горами, возле горного озера. Лежит этот Каркус и орёт остальным, чтобы харч таскали ему и его жене. Мы с Олимпией спустились по склону…

— И они не захотели убить вас, когда увидели? — изумился Рон.

— Кое-кто там точно об этом подумал, — Хагрид пожал плечами, — но мы сделали, как велел Дамблдор — подарок поднять повыше и ни на кого не смотреть, только на гурга. Так и сделали. Остальные там держались смирно, смотрели, как мы идём, а мы подошли к ногам Каркуса, поклонились и положили перед ним подарок.

— Что вы поднесли великану? — спросил Рон. — Еду?

— Нет, еды у него сколько влезет. Мы ему волшебство принесли. Великаны любят волшебство, не любят, чтоб его против них применяли. Короче, в первый день мы дали ему ветку Губрайтова огня.

Гермиона тихо охнула, а Гарри и Рон недоумён-

но нахмурились.

— Ветку чего?

— Вечного огня, — раздражённо пояснила Гермиона. — Пора бы знать. Профессор Флитвик, как минимум, два раза говорил о нём на занятиях!

— Короче, — поспешил вмешаться Хагрид, не дав Рону огрызнуться, — Дамблдор заколдовал эту ветку, чтобы она всегда горела, — а это не всякий волшебник умеет. Я, значит, кладу её в снег к ногам Каркуса и говорю: «Подарок гургу великанов от Альбуса Дамблдора, который шлёт ему почтительные приветствия».

— И что сказал Каркус? — поинтересовался Гарри.

— Ничего. Не знает по-английски.

— Да ну?

— Подумаешь, какое дело, — невозмутимо ответил Хагрид. — Дамблдор предупреждал нас, что может так случиться. Смекалки у Каркуса хватило кликнуть парочку великанов, которые разумели по-нашему — толмачей, значит.

— А подарок ему понравился? — спросил Рон.

— Ещё как — чуть не запрыгали, когда поняли, что за штука. — Хагрид перевернул свой драконий бифштекс, чтобы приложить к подбитому глазу холодной стороной. — О-очень были до-

вольны. И я говорю:

«Альбус Дамблдор просит гурга поговорить с его посланцем завтра, когда он придёт с новым подарком».

— А почему сразу нельзя было поговорить? — удивилась Гермиона.

— Дамблдор велел нам подъезжать потихоньку. Пусть, мол, видят, что мы держим слово. «Завтра придём ещё с одним подарком», — и приходим с ещё одним. Производит хорошее впечатление, поняла? А они пока что первый испробуют, поймут, что вещь хорошая, и ещё захотят. В общем, великаны вроде Каркуса, если их мозги чересчур нагружать новостями, они тебя убьют, чтобы думать было проще. Короче, откланялись мы, нашли себе уютную пещерку для ночлега, а наутро пришли обратно, и на этот раз Каркус уже сидел, ждал нас прямо с нетерпением.

— И ты поговорил с ним?

— Ну да. Сперва мы поднесли ему ладный боевой шлем, ну, гоблинской работы, непрошибаемый, а потом сели потолковать.

— Что он сказал?

— Немного. Больше слушал. Но признак хороший. Про Дамблдора он слышал, слышал, что Дамблдор был против того, чтобы убивали по-

следних великанов в Британии. И вроде Каркусу было интересно, с чем к нему пожаловали гонцы от Дамблдора. И ещё сколько-то ихних, в особенности которые знают по-английски, подошли и тоже слушают. Так что уходили мы в тот день обнадёженные. Обещали назавтра прийти, опять с подарком. А ночью всё поломалось.

— Почему же? — спросил Рон.

— Я же говорю: они не приспособлены жить сообща, — грустно сказал Хагрид. — Такой большой компанией. Не могут с норовом своим совладать — у них прямо смертоубийство. Мужчины друг с другом дерутся, женщины друг с дружкой дерутся, остатки старых племён стенка на стенку идут — и не то чтобы харч не поделили, или костры какие получше, или место для ночлега. Казалось бы, коль весь род твой почти перевёлся, ну не долби ты друг друга, так нет же… — Хагрид грустно вздохнул. — В ту ночь завязалась драка. Мы сверху видели, из пещеры. И час за часом дерутся, шум невообразимый. А когда солнце встало — снег кругом красный, голова его на дне озера.

— Чья голова? — ужаснулась Гермиона.

— Каркуса, — внушительно произнёс Хагрид. — И у них новый гург, Голгомаф. Мы-то не ждали,

что будет новый гург — два дня только, как с первым в дружелюбные сношения вошли, — и чувствуем, этот Голгомаф не так уж захочет нас слушать. Но деваться некуда.

— И вы пошли с ним говорить? — изумился Рон. — После того, как на ваших глазах он оторвал голову другому великану?

— Пошли, конечно… Что же мы в такую даль тащились, и через два дня на попятный? Пошли с подарком, который Каркусу приготовили. Я ещё рта не успел открыть, а понял уже, что толку не будет. Он сидел в шлеме Каркуса, а как подошли, оскалился. Здоровущий, из самых больших там. Чёрные волосы, зубы им в тон и ожерелье из костей. Частью вроде бы человеческие. Я, однако, попробовал: протягиваю большой рулон драконьей кожи и говорю: «Подарок гургу великанов…» Оглянуться не успел, как повис вниз головой: двое его приятелей меня за ноги держат.

Гермиона закрыла ладонями рот.

— Как же ты от них освободился? — спросил Гарри.

— Да без Олимпии ни за что бы. Вынула палочку — такой быстрой волшебной работы я сроду не видел. Чудо, иначе не скажешь. Обоих, что держали меня, стеганула по глазам заклятием

Конъюнктивитус, и они меня сразу выронили. Но теперь совсем беда — против них магию употребили, а они за это и ненавидят волшебников. Пришлось удирать, и обратно к ним на стоянку нам теперь ход заказан.

— Дела, — прошептал Рон.

— Почему же вы так долго добирались домой, если пробыли там всего три дня? — спросила Гермиона.

— Мы не три дня там были! — с негодованием ответил Хагрид. — Дамблдор положился на нас!

— Но ты же сам сказал: пути обратно не было.

— Днём не было, верно. Пришлось заново всё обдумывать. Дня на два притаились, сидим в пещере, наблюдаем. И то, что увидели, нам не понравилось.

— Он ещё кому-то головы отрывал? — скривив лицо, спросила Гермиона.

— Нет. Похуже.

— Это как?

— Увидели, что он не против всех волшебников настроен — только против нас.

— Пожиратели смерти? — догадался Гарри.

— Да, — угрюмо подтвердил Хагрид. — Парочка их каждый день к нему ходила, таскали подарки гургу, и вверх тормашками он их не вешал.

— А как вы поняли, что они Пожиратели смерти? — спросил Рон.

— Я узнал одного, — прорычал Хагрид. — Макнейра помните? Его прислали казнить Клювокрыла. Форменный маньяк. Убивать любит не меньше Голгомафа; немудрено, что они поладили.

— Значит, Макнейр уговорил великанов присоединиться к Ты-Знаешь-Кому?

— Придержи своих гиппогрифов, я ещё не кончил! — рявкнул Хагрид. Притом, что вначале он совсем ничего не хотел рассказывать, сейчас явно получал от этого удовольствие. — Мы с Олимпией обсудили и решили: если гург благоволит Сами-Знаете-Кому, это не значит, что остальные тоже. Надо потолковать с другими, которые не хотели Голгомафа в гурги.

— А как вы поняли, которые из них? — спросил Рон.

— Да их же измордовали, — терпеливо пояснил Хагрид. — А у кого немного соображения в голове, те от Голгомафа убрались подальше, отсиживались в пещерах вокруг долины, как мы. И мы решили сунуться к ним ночью — не удастся ли кого уговорить.

— Ночью лазили по пещерам, искали велика-

нов? — с благоговением спросил Рон.

— Мы не великанов больше опасались. Мы больше беспокоились насчёт Пожирателей смерти. Когда собирались, Дамблдор велел не связываться с ними, если можно без этого обойтись, но в том беда, что они про нас знали — Голгомаф, я думаю, рассказал. Ночью, когда великаны спали и мы хотели полазить по пещерам, Макнейр и другой шастали по горам, нас разыскивали. Насилу удержал Олимпию, чтобы на них не бросилась, — сказал Хагрид, и видно было сквозь косматую бороду, как поднялись у него углы рта. — Прямо рвалась… это надо видеть, когда её рассердят, Олимпию… Огонь… Верно, французская кровь сказывается.

Хагрид растроганно глядел в огонь. Гарри дал ему тридцать секунд на воспоминания, после чего громко кашлянул.

— Ну и как? Добрались вы до этих других великанов?

— А?.. Что?.. Да, добрались. В третью ночь после того, как убили Каркуса, вылезли мы из своей пещеры и стали спускаться в долину. Ушки на макушке — не попасться бы Пожирателям. В одну пещеру залезли, в другую — пусто. В шестой уж, наверное, нашли-таки трёх великанов.

— Небось тесновато там было, — вставил Рон.

— Жмыра посадить некуда.

— Они на вас не напали, когда увидели? — спросила Гермиона.

— Может, и напали бы, если бы силы нашлись, но все трое были очень избиты. Голгомафова свора избила их до бессознательного состояния, а когда очнулись, заползли в самое ближнее укрытие. Один из них немного понимал по-английски и переводил остальным, и, похоже, им было по душе, что мы говорили. Словом, стали мы ходить к раненым. И одно время шестерых или семерых удалось убедить.

— Шестерых или семерых? — обрадовался Рон. — Неплохо. Значит, согласились прийти сюда и сражаться против Ты-Знаешь-Кого вместе с нами?

А Гермиона спросила:

— Хагрид, почему ты сказал «одно время»?

Хагрид печально посмотрел на неё:

— Голгомафовские сделали налёт на пещеры. Те, что живы остались, после этого не хотели иметь с нами дела.

— Значит… значит, великаны не придут, — разочарованно протянул Рон.

— Нет. — С тяжёлым вздохом Хагрид пере-

вернул свой бифштекс и приложил его к лицу холодной стороной. — Но мы сделали, что должны, передали им слова Дамблдора, и кое-кто из них слышал нас и, думается, запомнит. Может статься, те, которые с Голгомафом не хотят жить, уйдут с гор и, кто их знает, может, вспомнят, что Дамблдор им дружбу предлагал… Глядишь, и придут.

Снег лепился к окну. Гарри почувствовал, что ноги у него намокли — Клык всё время держал у него на коленях голову и пускал слюни.

Немного погодя Гермиона робко сказала:

— Хагрид?

— М-м?

— А ты не… ты не слышал… тебе там никто не говорил… о твоей матери?

Незагороженный глаз Хагрида остановился на Гермионе, и ей стало неловко за свой вопрос.

— Извини… я забыла…

— Умерла, — буркнул Хагрид. — Давно уже. Они мне сказали.

— Ой, мне очень жаль, правда, — слабым голосом сказала она.

Хагрид пожал широкими плечами.

— Не убивайся. Плохо её помню. Неважная была мать.

Они опять замолчали. Гермиона нервно поглядывала на Гарри и Рона — надеялась, что они заговорят.

— Но ты так и не объяснил, Хагрид, где тебя разукрасили. — Рон показал на его разбитое лицо.

— И почему ты так долго не возвращался, — добавил Гарри. — Сириус говорит, мадам Максим сто лет назад вернулась.

— Кто на тебя напал? — спросил Рон.

— Да не нападали на меня! — с жаром воскликнул Хагрид. — Я…

Но речь его прервал внезапный стук в дверь. Гермиона охнула, кружка выпала у неё из рук и разбилась. Клык залаял. За тонкой занавеской маячила приземистая тень.

— Это она! — прошептал Рон.

— Залезайте! — быстро сказал Гарри. Схватив мантию-невидимку, он накинул её на себя и Гермиону; Рон бросился к ним с другой стороны стола и нырнул под мантию. Кучкой они отступили в угол. Клык исступлённо лаял на дверь. Хагрид выглядел совершенно растерянным.

— Хагрид, спрячь наши кружки!

Хагрид схватил кружки Рона и Гарри и засунул под подстилку в корзине Клыка. А сам Клык

прыгал на дверь. Хагрид отодвинул Клыка ногой и открыл её.

Там стояла профессор Амбридж в зелёном твидовом плаще и такой же шапке с наушниками. Она поджала губы и отклонилась назад, чтобы видеть лицо Хагрида — головой она едва доставала ему до пупа.

— Та-ак, — громко произнесла она, словно обращалась к глухому. — Вы Хагрид, так?

И, не дожидаясь ответа, вошла в дом, шныряя своими выпученными глазами.

— Пшёл, — рявкнула она, замахнувшись сумкой на Клыка, который бросился к ней, норовя лизнуть в лицо.

— Э… не хочу быть невежливым, но кто вы, шут побери?

— Меня зовут Долорес Амбридж.

Взгляд её обшаривал комнату. Дважды он задерживался на том углу, где стоял Гарри, зажатый между Роном и Гермионой.

— Долорес Амбридж? — с глубоким недоумением повторил Хагрид. — Я думал, вы из этих, министерских. Вы разве не у Фаджа работаете?

— Да, я была первым заместителем министра, — сказала Амбридж, расхаживая по всей комнате и пристально разглядывая каждую вещь

в ней — от рюкзака у стены до брошенного дорожного плаща. — Теперь я преподаватель защиты от Тёмных искусств…

— Смелая женщина, — сказал Хагрид, — на эту должность нынче мало охотников.

— …и генеральный инспектор Хогвартса, — закончила Амбридж так, будто и не слышала его.

— Это что такое? — нахмурясь, сказал Хагрид.

— Именно этот вопрос я и собиралась задать, — сказала Амбридж, показывая пальцем на рассыпанные по полу фаянсовые черепки, которые ещё недавно были кружкой Гермионы.

— А… — сказал Хагрид, весьма некстати бросив взгляд в тот угол, где спрятались гости, — а-а, это… Это Клык. Разбил кружку. Вот, пришлось другую взять.

Он показал на кружку, из которой пил чай, другой рукой прижимая к глазу драконье мясо. Теперь Амбридж стояла лицом к нему и рассматривала уже не помещение, а все детали его внешности.

— Я слышала голоса.

— Я с собакой разговаривал, — решительно сказал Хагрид.

— И она вам отвечала?

— Ну… можно и так сказать, — без убеждённо-

сти согласился он. — Я иной раз думаю, что Клык прямо почти уже человек.

— На снегу три цепочки следов, от двери замка до вашей двери, — вкрадчиво произнесла Амбридж.

Гермиона ахнула, Гарри зажал ей рот ладонью. К счастью, Клык шумно обнюхивал подол профессора Амбридж, и она ничего не услышала.

— Я только что вернулся. — Хагрид махнул громадной рукой в сторону рюкзака. — Может, кто и заходил, да я их не застал.

— А от вашего дома следы никуда не ведут.

— Ну, уж не знаю… почему это, — сказал Хагрид, нервно подёргав бороду, и снова бросил взгляд в угол, где стояли ребята, словно ждал от них помощи. — Хм…

Амбридж повернулась кругом и прошла по всей комнате, внимательно её оглядывая. Нагнулась, заглянула под кровать. открыла буфеты. Прошла в двух дюймах от ребят, прижавшихся к стене; Гарри даже втянул живот при её приближении. Изучила внутренность исполинского котла, в котором Хагрид готовил еду, снова сделала поворот кругом и сказала:

— Что с вами произошло? Как вы получили эти увечья?

Хагрид поспешно отнял драконий компресс от лица, что, на взгляд Гарри, было ошибкой — лиловые и чёрные выпуклости открылись во всей своей красоте, не говоря уже о большом количестве свежей и запёкшейся крови.

— Да так… небольшая авария, — неубедительно объяснил он.

— Какого рода авария?

— Я… я споткнулся.

— Вы споткнулись, — ледяным тоном повторила она.

— Так. Об… об метлу приятеля. Сам-то я не летаю. Видите, какого я размера — вряд ли какая метла меня выдержит. Приятель мой разводит Абраксанских коней — не знаю, встречались ли вам — здоровые такие зверюги с крыльями. Я на одном прокатился и вот…

— Где вы были? — холодно прервала его бормотание Амбридж.

— Я где?..

— Да, были? Семестр начался два месяца назад. Вас пришлось подменять другому преподавателю. Никто из ваших коллег не мог сообщить мне, где вы находитесь. Вы не оставили адреса. Где вы были?

Наступила пауза, в продолжение которой Ха-

грид глядел на Амбридж освободившимся глазом. Гарри почти слышал, с каким напряжением работает его мозг.

— Уезжал. Для поправки здоровья.

— Для поправки здоровья. — Взгляд её пробежал по его распухшему чёрно-лиловому лицу; драконья кровь тихо капала ему на жилет. — Понимаю.

— Да, — сказал Хагрид, — маленько подышать свежим воздухом, понимаете.

— Да, у лесника, разумеется, свежий воздух в дефиците, — ласково сказала Амбридж.

Та небольшая часть лица, которая не была лиловой и чёрной у Хагрида, сделалась красной.

— Ну… переменить обстановку, что ли…

— И горный воздух? — быстро сказала Амбридж. «Она знает», — с отчаянием подумал Гарри.

— Горный? — повторил Хагрид. Было видно, как он старается соображать побыстрее. — Нет, я больше по югу Франции. Солнышко, море…

— В самом деле? Загара что-то не видно.

— Да… это… кожа чувствительная. — Хагрид заискивающе улыбнулся — насколько позволяло состояние его лица.

Гарри заметил, что двух зубов у него не хватает. Амбридж смотрела на него ледяным взглядом;

улыбка его увяла. Она подтянула повыше сумку на локте и сказала:

— Я, разумеется, проинформирую министра о вашем позднем возвращении.

Хагрид кивнул:

— Правильно.

— Вам следует знать, что моя неприятная, но непременная обязанность как генерального инспектора — инспектировать моих коллег-преподавателей. Так что, полагаю, мы вскоре увидимся.

Она круто повернулась и пошла к двери.

— Вы нас инспектируете? — недоумённо сказал Хагрид, глядя ей вслед.

— О да, — мягко произнесла она, оглянувшись на него и взявшись за ручку двери. — Министерство полно решимости очистить школу от некомпетентных преподавателей, Хагрид. Спокойной ночи. — И захлопнула за собой дверь.

Гарри хотел снять мантию-невидимку, но Гермиона схватила его за руку.

— Подожди, — шепнула она ему на ухо. — Может, ещё не ушла.

Хагрид, видимо, подумал о том же. Он подошёл к двери и чуть отодвинул занавеску.

— К замку пошла, — тихо сообщил он. — Вот те

на… людей инспектирует, а?

— Да, — сказал Гарри. — Трелони уже оставили с испытательным сроком.

— Хагрид, а что мы будем с тобой проходить на занятиях? — спросила Гермиона.

— Об этом не беспокойся, я много чего наметил, — с энтузиазмом сказал Хагрид и схватил со стола драконье мясо, чтобы снова приложить его к глазу. — Держу тут пару зверьков для вашего СОВ. Увидишь, это что-то особенное.

— Слушай, Хагрид, — Гермиона заговорила настойчиво, отбросив вежливость, — профессор Амбридж будет рада, если ты принесёшь на занятия кого-нибудь опасного.

— Опасного? — искренне удивился Хагрид. — Глупости какие — ничего опасного я вам сроду не принесу. Ну, конечно, они могут за себя постоять…

— Хагрид, ты должен благополучно пройти инспекцию, и лучше всего, если ты нас поучишь ухаживать за глипоклоками, отличать нарлов от ежей, чему-нибудь в этом роде.

— Но это не шибко интересно, Гермиона. У меня для вас кое-кто позадорнее. Я их не первый год ращу, думается, единственная ручная стая в Британии.

— Хагрид, прошу тебя, — сказала Гермиона с подлинным отчаянием в голосе. — Амбридж ищет любого предлога, чтобы избавиться от учителей, которых считает близкими Дамблдору. Прошу тебя, Хагрид, учи нас чему-нибудь скучному, что могут дать на СОВ.

Но Хагрид только зевнул во весь рот и мечтательно скосил глаз на огромную кровать в углу.

— Слушай, день был долгий, поздно уже, — сказал он, ласково потрепав Гермиону по плечу, отчего колени у неё подогнулись и стукнулись об пол. — Ох, извини… — Он поднял её за шиворот. — Ты за меня не беспокойся, теперь я вернулся и для ваших уроков таких славных животных припас, честное слово… А вы, ребятки, давайте-ка в замок, да не забудьте следы за собой замести!

— Не знаю, дошло ли до него, что ты говорила, — сказал немного погодя Рон, когда убедился, что горизонт чист, и они возвращались к замку по глубокому снегу, не оставляя следов — их убирала Стирающими чарами Гермиона.

— Тогда я завтра опять к нему пойду, — решительно сказала она, — и, если надо, составлю для него план уроков. Мне всё равно, если уволят Трелони, но Хагрида ей не удастся выжить!

Глава 21
Глазами змеи

В воскресенье утром, утопая по колено в снегу, Гермиона снова побрела к хижине Хагрида. Рон и Гарри хотели пойти с ней, но гора домашних заданий достигла у них пугающей высоты, и они неохотно остались в гостиной, стараясь не обращать внимания на весёлые крики, доносившиеся снизу, где ребята катались на коньках по замёрзшему озеру, ездили на санках и — самое обидное — заговаривали снежки, чтобы они долетали до самого верха гриффиндорской башни и ударялись в окна. В конце концов Рон потерял терпение, высунулся в окно и заорал:

— Эй! Я староста. Если ещё хоть один снежок попадёт в окно… Уй! — Он быстро убрал голову, лицо было залеплено снегом. — Это Фред и Джордж. Уроды. — И захлопнул окно.

Гермиона вернулась от Хагрида только к обеду, слегка дрожа, в промокшей до колен одежде.

— Ну? — сказал Рон, подняв голову при её появлении. — Составила ему программу занятий?

— Попыталась, — уныло ответила она и опу-

стилась в кресло рядом с Гарри. Потом вытащила палочку, произвела ею замысловатое движение, так что из конца хлынул горячий воздух, и направила её на свою мантию, от которой сразу пошёл пар. — Его даже дома не было, когда я пришла, — чуть не полчаса стучалась. Потом притопал из леса…

Гарри застонал. Запретный лес кишел созданиями, из-за которых Хагрида скорее всего и уволят.

— Кого он там держит? Не сказал?

— Нет. Говорит, что хочет сделать нам сюрприз. Я пыталась объяснить ему про Амбридж, но он просто не понимает. Говорит, что только ненормальный предпочтёт изучать нарлов вместо химер… Нет, не думаю, что он завёл химеру, — поспешила сказать она, увидев испуг на лицах Гарри и Рона. — Это не значит, что он не пробовал; как я поняла из его слов, их яйца трудно достать. Не знаю, сколько раз я ему сказала, что лучше ему следовать программе Граббли-Дёрг. По-моему, он половины сказанного не пожелал услышать. Он в каком-то странном настроении. Не желает говорить, где поранился.

Появление Хагрида за столом преподавателей во время завтрака не все ученики встретили с

восторгом. Некоторые, как Фред, Джордж и Ли, с радостными криками побежали между столами Гриффиндора и Пуффендуя пожимать его огромную лапу; другие, как Парвати и Лаванда, обменивались хмурыми взглядами и качали головами. Гарри знал, что многие из них предпочитают уроки профессора Граббли-Дёрг, и, хуже того, в глубине души понимал, что для этого есть основания. Интересное занятие в представлении Граббли-Дёрг не обязательно должно быть связано с риском, что кому-то откусят голову.

И во вторник, основательно закутавшиеся от холода, трое друзей шли на урок к Хагриду с тяжестью на сердце. Гарри беспокоился не только из-за сюрприза, приготовленного Хагридом, — он не знал, как поведут себя остальные ученики, в особенности Малфой с приспешниками, если урок будет проходить под наблюдением Амбридж.

Однако, пока они брели по глубокому снегу, генерального инспектора видно не было. Хагрид один ждал их на опушке Запретного леса. Зрелище он представлял собою неутешительное: ушибы, лиловые в субботу вечером, окрасились в зелёные и жёлтые тона, некоторые раны попрежнему кровоточили. Гарри недоумевал: что за ядовитое создание напало на него, если раны

до сих пор не заживают? И в довершение зловещей картины на плече у Хагрида лежало нечто, похожее на половину коровьей туши.

— Сегодня занимаемся здесь! — радостно встретил Хагрид учеников, кивнув головой в сторону тёмных деревьев. — Поукромнее будет. Да и они больше любят темноту.

— Кто это там любит темноту? — услышал Гарри голос Малфоя, в котором звучали панические нотки. Малфой обращался к Крэббу и Гойлу. — Кто, он сказал, любит темноту — не слышали?

Гарри помнил только один случай, когда Малфой вошёл в Запретный лес, и показал он себя тогда не очень большим храбрецом. Гарри усмехнулся — после матча по квиддичу он не против любой неприятности для Малфоя.

— Готовы? — весело спросил Хагрид, обводя взглядом учеников. — Лесную прогулку приберегал для вашего пятого года. Ну, теперь пойдём посмотрим на этих животных в естественной среде обитания. Значит, кого мы изучаем сегодня, — они довольно редкие. Я, думается, только один в Британии сумел их приручить.

— А вы уверены, что приручили? — совсем уже испуганно спросил Малфой. — А то ведь вы не раз уже давали нам диких животных.

Среди слизеринцев пробежал одобрительный шумок, да и у некоторых гриффиндорских было такое выражение на лицах, как будто Малфой высказал их опасения.

— Конечно, приручил, — насупясь, сказал Хагрид и поправил на плече сползшую коровью тушу.

— Что же тогда у вас с лицом? — допытывался Малфой.

— Не твоё дело! — рявкнул Хагрид. — Если кончили с дурацкими вопросами, идите за мной.

Он повернулся и зашагал в лес. Ребята явно не горели желанием следовать за ним. Гарри посмотрел на Рона и Гермиону; они вздохнули, но ответили на его взгляд кивком, и втроём они первыми двинулись за Хагридом.

Шли минут десять и остановились перед чащей, такой густой, что под деревьями царили вечные сумерки и совсем не было снега. Крякнув, Хагрид свалил тушу на землю, отступил назад и повернулся лицом к ребятам. Многие ещё плелись, переходя от дерева к дереву, и нервно озирались, словно в любую минуту на них могли напасть.

— Собирайтесь, собирайтесь, — подбадривал Хагрид. — Их привлечёт запах мяса, но я всё

равно позову — им приятно слышать, что это я пришёл.

Он повернулся, тряхнул косматой головой, чтобы отбросить волосы с лица, и издал странный пронзительный вопль, огласивший дебри, словно крик какой-то чудовищной птицы. Никто не засмеялся, большинство ребят просто онемели от испуга.

Хагрид снова завопил. Ребята робко озирались, заглядывали за деревья, ожидая появления чего-то неведомого. И когда Хагрид третий раз тряхнул головой и набрал воздуху в исполинскую грудь, Гарри толкнул локтем Рона и показал на черноту между корявыми тисами.

Из сумрака к ним приближалась пара белых светящихся глаз, потом обозначилась драконья морда, шея и, наконец, скелетообразное тело громадной чёрной крылатой лошади. Секунду она оглядывала ребят, взмахивая длинным чёрным хвостом, потом наклонила голову и острыми клыками стала отрывать куски от коровьей туши.

Гарри вздохнул с глубоким облегчением. Наконец-то подтверждение тому, что они ему не померещились: Хагрид тоже о них знает. Он с любопытством обернулся к Рону, но тот по-прежнему вглядывался в чащу, а через несколько

секунд прошептал:

— Почему он больше не зовёт?

У большинства учеников на лицах было такое же недоумённое и настороженное выражение, как у Рона, и смотрели они куда угодно, только не на лошадь. Лишь двое её увидели: тощий слизеринский парень позади Гойла с отвращением смотрел, как она ест, да Невилл, наблюдавший за взмахами длинного чёрного хвоста.

— А вот идёт ещё один! — с гордостью объявил Хагрид, и между деревьями появилась вторая чёрная лошадь, прижала к телу перепончатые крылья, наклонила голову и стала рвать мясо. — Ну-ка, поднимите руки, кто их видит!

Радуясь, что наконец-то ему откроется тайна этих лошадей, Гарри поднял руку. Хагрид кивнул.

— Да… да, я знал, что ты увидишь. И ты тоже, Невилл, да? И…

— Извините, — злобно сказал Малфой, — но что именно, по-вашему, мы должны увидеть?

Вместо ответа Хагрид показал на коровью тушу. Несколько секунд все смотрели на неё, потом кто-то ахнул, а Парвати завизжала. Гарри понял почему: куски мяса отрывались от костей и растворялись в воздухе — картина действительно

необычная.

— Отчего это происходит? — Парвати в ужасе отступила за ближайшее дерево. — Кто его ест?

— Фестралы, — гордо сказал Хагрид, и Гермиона тихо охнула за плечом у Гарри: ей это слово что-то говорило. — У Хогвартса здесь целый табун. Ну, кто знает?..

— Они же очень, очень несчастливые! — перебила его испуганная Парвати. — Приносят всякие ужасные несчастья тем, кто их увидел. Профессор Трелони сказала мне однажды…

Хагрид усмехнулся:

— Нет, нет, нет, это просто суеверие, не приносят они несчастья, они страсть какие умные. И полезные! Конечно, эта порода не очень-то рабочая, только школьные кареты возит туда-сюда. Да если Дамблдору надо куда-то подальше, а переноситься не хочет… Глядите, вот ещё пара…

Ещё две лошади тихо вышли из чащи, одна прошла совсем близко к Парвати. Та вздрогнула и прижалась к дереву со словами:

— Кажется, я что-то почувствовала, кажется, он рядом!

— Ты не бойся, он тебя не обидит, — терпеливо сказал Хагрид. — А теперь кто мне скажет, почему одни их видят, а другие — нет?

Гермиона подняла руку.

— Ну, говори, — обрадовался Хагрид.

— Фестралов могут видеть только те, кто видел смерть.

— Правильно, молодец, — торжественно произнёс Хагрид. — Десять очков Гриффиндору. Фестралы, значит…

— Кхе-кхе.

— А, здрасьте! — с улыбкой сказал Хагрид, обнаружив источник звука.

— Вы получили записку, которую я послала утром к вам на дом? — как и в прошлый раз, громко и раздельно произнесла Амбридж, словно обращалась к иностранцу, причём тупому. — С уведомлением, что буду инспектировать ваше занятие?

— Да-да, — бодро подтвердил Хагрид. — Рад, что вы нашли нас. Вы это… не знаю… вы их видите? Сегодня у нас фестралы.

— Простите? — громко сказала Амбридж, приставив к уху ладонь. — Что вы сказали?

Хагрид немного смутился.

— Ну… фестралы! — гаркнул он. — Ну, знаете… такие большие лошадки с крыльями!

Для наглядности он помахал своими ручищами. Профессор Амбридж подняла брови и стала

писать в блокноте, сопровождая это бормотанием:

— «Вынужден… прибегать… к примитивному… языку… жестов».

— Ну, так… это… — Хагрид, несколько волнуясь, снова обратился к ученикам: — Хм… о чём я говорил?

— «По-видимому… легко… теряет… нить… изложения», — бубнила Амбридж, но достаточно громко, чтобы слышали все.

Драко Малфой маслился так, словно Рождество наступило на месяц раньше; Гермиона же, напротив, побагровела от гнева.

— Ага, ну да. — Хагрид бросил виноватый взгляд в сторону блокнота, но мужественно продолжал: — Я хотел вам рассказать, как мы обзавелись этим табунком. Начали мы с одного самца и пяти самочек. Этот, значит, — он потрепал по холке лошадь, которая появилась первой, — зовётся Тенебрусом, он мой главный любимец, первый родился здесь, в лесу…

— Вам известно, — громко перебила его Амбридж, — что Министерство магии отнесло фестралов к разряду «опасных»?

Сердце у Гарри упало камнем, но Хагрид только засмеялся:

— Фестралы не опасные! Конечно, куснуть тебя могут, если ты им сильно досадишь…

— «Проявляет… признаки… одобрительного… отношения… к насилию», — бормотала Амбридж, чиркая в блокноте.

— Да полно вам! — Теперь Хагрид немного встревожился. — Ведь и собака вас укусит, не ровён час… А у фестралов плохая репутация из-за всяких разговоров про смерть, люди держали их за дурную примету. Просто не понимали. Верно я говорю?

Амбридж не ответила. Она кончила писать в блокноте, потом посмотрела снизу на Хагрида и опять очень громко и медленно проговорила:

— Пожалуйста, продолжайте занятие… Я похожу, — она изобразила ходьбу (Малфой и Пэнси Паркинсон задохнулись от беззвучного смеха), — среди учеников (она показала на некоторых пальцем) и задам им несколько вопросов. — Она показала на свой рот, изображая разговор.

Хагрид уставился на неё, не в силах уразуметь, почему она ведёт себя так, как будто он не понимает нормальной речи. У Гермионы от ярости выступили слёзы.

— Ведьма, старая злая ведьма! — прошептала она, когда Амбридж подошла к Пэнси Паркин-

сон. — Я понимаю, что ты задумала, гнусная, злобная, испорченная…

— Ну так вот… — Хагрид изо всех сил старался поймать потерянную мысль, — да, фестралы. Да. У них много хороших качеств…

— Как вам кажется, — громко спросила Амбридж у Пэнси Паркинсон… — вы в состоянии понимать речь профессора Хагрида?

У Пэнси Паркинсон, как и у Гермионы, были слёзы на глазах — только она давилась от смеха и поэтому едва смогла выговорить:

— Нет… потому что… это… большей частью… похоже… на рычание.

Амбридж записала в блокноте. Неповреждённая часть лица у Хагрида побагровела, но он старался вести себя так, как будто не слышал ответа Пэнси Паркинсон.

— Да… Хорошие качества фестралов. Когда ты их приручил, как этих, ты уже никогда не заблудишься. Изумительно ориентируются — только скажи им, куда тебе надо…

— Ну да, если они понимают твою речь, — громко заметил Малфой, и Пэнси Паркинсон снова согнулась пополам от смеха.

Амбридж посмотрела на них снисходительно и повернулась к Невиллу.

— Вы видите фестралов, не так ли, Долгопупс?

Невилл кивнул.

— Кто при вас умирал? — равнодушно спросила она.

— Мой… мой дедушка.

— И что вы о них думаете? — Она показала короткопалой рукой на лошадей, которые уже обглодали половину коровьей туши почти до костей.

— Ну… — нерешительно начал Невилл и оглянулся на Хагрида. — Ну… они хорошие…

— «Ученики… запуганы… настолько… что… не признаются… в своём страхе», — декламировала свою запись Амбридж.

— Нет! — Невилл был явно расстроен. — Нет, я их не боюсь!

— Ничего, ничего, — сказала Амбридж, похлопав Невилла по плечу и изобразив понимающую улыбку, которая показалась Гарри злобной гримасой. Она повернулась к Хагриду и опять заговорила громко и раздельно: — Ну что ж. Я достаточно тут увидела. Вы получите (с таким жестом, как будто взяла что-то из воздуха) результаты инспекции (показала на блокнот) через десять дней. — Она растопырила десять кургузых пальцев и с широкой, ещё более жабьей, чем

прежде, улыбкой двинулась прочь, оставив позади себя хохочущих Малфоя и Пэнси Паркинсон, трясущуюся от ярости Гермиону и растерянного, огорчённого Невилла.

— Подлая, лживая, старая горгулья, — бушевала полчаса спустя Гермиона, когда они возвращались в замок по коридорам, ими же протоптанным в снегу. — Вы поняли, к чему она клонит? Это её помешательство на полукровках — хочет представить Хагрида каким-то безмозглым троллем, а всё потому, что у него мать была великанша… Нечестно — урок был совсем не плохой… Конечно, если бы опять соплохвосты… а фестралы славные — в смысле, для урока то, что надо.

— Амбридж сказала, они опасны, — возразил Рон.

— Хагрид и сам сказал, что они умеют за себя постоять. Думаю, обычный преподаватель, вроде Граббли-Дёрг, не показал бы их нам раньше, чем к экзаменам на ЖАБА, а они ведь интересные, правда? Кто-то их видит, а кто-то — нет. Хотела бы я их увидеть.

— Неужели? — тихо сказал Гарри.

До неё только теперь дошёл страшный смысл её слов.

— Ой, Гарри… извини… конечно, нет, какую

глупость я сморозила.

— Бывает, не огорчайся.

— Я удивляюсь, сколько народу их видит, — сказал Рон. — Смотри, у нас целых трое.

— И мы удивляемся, Уизли, — раздался позади злорадный голос. Неслышно ступая по снегу, позади них шли Малфой, Крэбб и Гойл. — Если бы при тебе кто откинул копыта, может, ты и квоффл увидел бы?

Они с гоготом прошли вперёд и через несколько минут затянули: «Уизли — наш король». Уши у Рона стали алыми.

— Не обращай внимания, не обращай внимания, — приговаривала Гермиона.

Она вынула волшебную палочку и заклинанием включила горячий воздух, чтобы растопить в снежной целине тропинку к теплицам.

* * *

Пришёл декабрь со снегопадами и целой лавиной домашних заданий для пятикурсников. С приближением Рождества обременительнее стали и обязанности старост для Рона и Гермионы. Они надзирали за украшением замка («Ты вешаешь мишуру, а Пивз взялся за другой конец и пробует ею же тебя задушить», — говорил Рон),

следили за первокурсниками и второкурсниками, чтобы на переменах они не выбегали на мороз («До чего же нахальные сопляки — мы на первом курсе не были такими грубыми», — говорил Рон) и посменно патрулировали коридоры с Аргусом Филчем, решившим, что предпраздничное настроение приведёт к массовым дуэлям юных волшебников («У этого навоз вместо мозгов», — негодовал Рон). Они были настолько заняты, что Гермиона даже перестала вязать шапочки эльфам и огорчалась, что ещё три недоделаны.

— Сколько бедняг я ещё не освободила, и они должны просидеть тут Рождество из-за того, что не хватает шапок!

А у Гарри не хватало духу сказать ей, что все её шапки забирает Добби; он только ниже склонялся над своим сочинением по истории магии. О Рождестве ему вообще не хотелось думать. Впервые за годы учения он очень хотел провести каникулы вне Хогвартса. После исключения из команды и из-за того, что Хагриду угрожал испытательный срок, школа его тяготила. Единственное, что обрадовало бы его — собрания ОД, но в каникулы их не будет — почти все ребята разъедутся по домам. Гермиона собиралась кататься на лыжах. Идея такого отдыха позабавила Рона, впервые услы-

шавшего, что маглы нацепляют на ноги дощечки и катаются по горам. Рон уезжал домой, в «Нору». Несколько дней Гарри снедала зависть, пока в ответ на его вопрос, как Рон поедет домой, тот не сказал: «Ты ведь тоже едешь! Разве я не говорил? Мама месяц назад написала мне и велела тебя пригласить!»

Гермиона сделала большие глаза, но Гарри воспрял духом. Перспектива провести праздники в «Норе» была чудесной, только одно её омрачало — виноватое чувство, что с ним не будет Сириуса. Он даже подумал, не уговорить ли миссис Уизли, чтобы она пригласила крёстного. Но вряд ли Дамблдор позволит Сириусу покинуть площадь Гриммо, да и миссис Уизли может не захотеть — уж больно часто они с Сириусом препираются. Сириус не подавал о себе вестей с тех пор, как последний раз появился в камине, и, хотя Гарри понимал, что Амбридж настороже и связываться с ним рискованно, ему неприятно было думать о том, как Сириус сидит один в старом материнском доме и бесится, коротая время с Кикимером.

На последний перед праздником сбор ОД Гарри пришёл в Выручай-комнату рано. И был очень рад этому, потому что, когда вспыхнули факелы,

оказалось, что Добби взял на себя труд украсить к Рождеству помещение. Ясно было, что это дело его рук — никому больше в голову не пришло бы развесить под потолком сотню золотых игрушек с изображением Гарри и подписью:

«ГАРРИ, ГАРРИ, МОЯ ЗВЕЗДА!»

Едва он успел сорвать последнюю, как дверь со скрипом отворилась и вошла Полумна Лавгуд, мечтательная, как всегда.

— Здравствуй, — задумчиво сказала она, оглядывая то, что осталось от украшений. — Красиво. Это ты развесил?

— Нет. Добби, эльф-домовик.

— Омела. — Она сонно показала на большую гроздь белых ягод почти над самой головой Гарри. Он выскочил из-под неё. — Правильно сделал, — серьёзно сказала Полумна. — Она часто бывает заражена нарглами.

От необходимости спросить, что такое нарглы, Гарри был избавлен приходом Анджелины, Кэти и Алисии. Все три запыхались и выглядели замёрзшими. Анджелина сняла плащ, кинула в угол и хмуро сказала:

— Мы наконец нашли тебе замену.

— Мне замену? — с недоумением повторил он.

— И тебе, и Джорджу, и Фреду, — сердито уточнила она. — Взяли нового ловца.

— Кого?

— Джинни Уизли.

Гарри смотрел на неё ошалело.

— Сама знаю. — Анджелина вынула волшебную палочку, согнула и разогнула руку. — Но она ничего, оказывается. Не ты, конечно, — Анджелина одарила его очень недобрым взглядом, — но коль скоро ты недоступен…

Его так и подмывало сказать: «Неужели ты думаешь, что я не жалею в сто раз больше тебя о своём исключении?» Но он удержался и по возможности ровным голосом спросил:

— А кто загонщики?

— Эндрю Керк, — без восторга сообщила Анджелина, — и Джек Слоупер. Звёзд с неба не хватают, но по сравнению с идиотами, которые вызывались…

С приходом Рона, Гермионы и Невилла этот гнетущий разговор оборвался, а ещё через пять минут в комнате стало так людно, что Гарри стал недосягаем для горящего, укоризненного взгляда Анджелины.

— Хорошо, — сказал он, и собрание утихло. — Я думаю, сегодня мы повторим то, чем занимались

в прошлые разы. Это последняя встреча перед каникулами, и не имеет смысла начинать что-то новое, если впереди перерыв в три недели…

— Ничего нового не будет? — шёпотом, слышным всей комнате, недовольно спросил Захария Смит. — Знал бы, не пришёл.

— Эх, жалко, Гарри тебя не предупредил, — сказал Фред.

Несколько человек засмеялись, среди них Чжоу, и у Гарри опять что-то оборвалось внутри, словно под ногой не оказалось очередной ступеньки.

— Будем работать парами, — сказал он. — Для начала десять минут — Чары помех. Потом разложим подушки и — Оглушающее заклятие.

Разделились. Гарри, как всегда, стал против Невилла. Комнату огласили резкие выкрики *«Импедимента»*. Один застынет на минуту, другой в это время вертит головой, смотрит, как идут дела у остальных пар. Потом первый приходит в себя, и теперь его очередь наводить чары.

Невилл усовершенствовался до неузнаваемости. После того как он трижды заморозил Гарри, тот, по обыкновению, передал его Рону и Гермионе, а сам пошёл смотреть, что получается у других. Когда он поравнялся с Чжоу, она радостно улыбнулась ему; он поборол искушение пройти

мимо неё ещё несколько раз.

Поупражнявшись десять минут в Чарах помех, они разложили по полу подушки и занялись Оглушением. Пространства было слишком мало, чтобы всем заниматься одновременно; половина группы наблюдала за другой, а потом они менялись. Гарри смотрел на их работу, и его буквально распирало от гордости. Правда, Невилл оглушил вместо Дина, в которого целился, его соседку Падму Патил, но промах был гораздо меньше обычного, и все остальные тоже действовали успешнее, чем прежде.

Через час Гарри скомандовал: «Стоп».

— У вас уже очень хорошо получается, — сказал он, обводя их довольным взглядом. — Когда вернёмся с каникул, попробуем что-нибудь покрепче, может, даже Патронуса.

В ответ — взволнованный гомон. Стали расходиться, как всегда, по двое, по трое. Прощаясь, желали Гарри счастливого Рождества. Весёлый, он собирал вместе с Роном и Гермионой подушки и аккуратно складывал. Рон с Гермионой ушли, а он остался, потому что задержалась Чжоу и он надеялся услышать от неё: «Счастливого Рождества».

— Нет, ты иди, — сказала она своей подруге

Мариэтте, и сердце у него радостно подпрыгнуло чуть не до самого кадыка.

Гарри сделал вид, что поправляет стопку подушек. Теперь они остались вдвоём, и он ожидал, что Чжоу заговорит. Вместо этого услышал громкое шмыганье.

Он обернулся и увидел, что Чжоу стоит посреди комнаты и по щекам её текут слёзы.

— Что такое?

Он не знал, как поступить. Чжоу стояла и беззвучно плакала.

— Что случилось? — беспомощно спросил он.

Она покачала головой, утёрла слёзы рукавом и хрипло сказала:

— Извини… наверное… мы тут учим эти заклинания… и я подумала… если бы он их знал… то остался бы жив.

Сердце у Гарри ухнуло вниз и остановилось где-то на уровне пупка. Какой же недогадливый. Она хотела поговорить о Седрике.

— Он всё это знал. И очень даже хорошо, иначе не дошёл бы до центра лабиринта. Но если Волан-де-Морт решил тебя убить, у тебя нет никаких шансов.

При имени Волан-де-Морта Чжоу икнула, но глаз от Гарри не отвела.

— А ты не умер, хотя был ещё младенцем, — тихо сказала она.

— Ну… да, — устало отозвался он и пошёл к двери. — Не знаю почему, и никто не знает. Так что гордиться тут нечем.

— Нет, не уходи! — сказала она со слезами в голосе. — Извини, что я тут распустилась… Я не собиралась…

Она опять икнула. Даже с красными опухшими глазами Чжоу была красива. Гарри чувствовал себя несчастным. Насколько было бы приятнее, если бы она просто пожелала счастливого Рождества.

— Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, — сказала она и опять вытерла рукавом слёзы. — Я заговорила о Седрике, а он умирал у тебя на глазах. Ты, наверное, хочешь всё это забыть?

Гарри не ответил. Она правильно его поняла, но было бы чёрствостью с его стороны признаться в этом.

— Ты правда хороший учитель. — Чжоу улыбнулась сквозь слёзы. — До сих пор я никого не могла оглушить.

— Спасибо, — смущённо сказал он.

Они смотрели друг другу в глаза. Гарри сгорал от желания выскочить из комнаты, но ноги его

приросли к полу. Чжоу показала на потолок над его головой.

— Омела.

— Да. — Во рту у него пересохло. — Но, наверное, кишит нарглами.

— Кто такие нарглы?

— Понятия не имею. — Чжоу подошла ближе. Он сам как будто был оглушён. — Лучше спроси Полоумну Лавгуд. В смысле — Полумну.

Чжоу издала странный звук — не то хихикнула, не то всхлипнула. Теперь она стояла совсем близко. Он мог пересчитать веснушки у неё на носу.

— Ты мне очень нравишься, Гарри.

Он не мог думать. Во всём теле странно покалывало, руки и ноги отнялись, мозг тоже бездействовал.

Она была слишком близко. Он видел каждую слезинку на её ресницах…

Получасом позже вернувшись в гостиную, он застал там Рона и Гермиону на лучших местах перед камином; почти все уже разошлись по спальням. Гермиона писала длиннющее письмо; исписана была половина свитка, конец которого свешивался со стола. Рон валялся на коврике и домучивал сочинение по трансфигурации.

— Ты чего там застрял? — спросил он, когда

Гарри уселся в кресло рядом с Гермионой.

Гарри не ответил. Он был в шоке. Половина его жаждала поведать друзьям о том, что с ним произошло, другая половина желала унести эту тайну в могилу.

— Ты нездоров? — спросила Гермиона, глядя на него поверх своего пера.

Гарри неопределённо пожал плечами. По правде, он сам не понимал, здоров он или нет.

— В чём дело? — сказал Рон и приподнялся на локте, чтобы лучше его видеть. — Что случилось?

Гарри не знал, как к этому подступиться, да и не был уверен, что хочет рассказать. И как раз когда решил ничего не говорить, Гермиона сама взялась за дело.

— Это Чжоу? — деловито спросила она. — Она зацепила тебя после урока?

Ошеломлённый Гарри кивнул. Рон засмеялся было и сразу осёкся под взглядом Гермионы.

— Так… э-э… что ей надо? — спросил он с напускным равнодушием.

— Она… — вдруг осипнув, начал Гарри, потом откашлялся и начал снова. — Она…

— Целовались? — всё так же деловито спросила Гермиона.

Рон сел так порывисто, что чернильница покатилась по коврику. Не обратив на неё внимания, он алчно вперился в Гарри.

— Ну?

Гарри перевёл взгляд с его насмешливо-любопытного лица на сосредоточенную Гермиону и кивнул.

— ХА!

Рон ликующе вскинул кулак и разразился громовым хохотом, заставившим вздрогнуть двух робких второкурсников у окна. Глядя, как Рон катается по ковру, Гарри невольно расплылся в улыбке.

— Ну? — выговорил наконец Рон. — Как это было?

Гарри немного задумался и честно ответил:

— Сыро.

Рон отреагировал непонятным звуком, который мог означать и торжество, и отвращение.

— Потому что она плакала, — серьёзно объяснил Гарри.

— Ну? — Улыбка Рона притухла. — Так плохо целуешься?

— Не знаю. — Гарри эта мысль не приходила в голову, и он несколько встревожился. — Может быть.

— Да нет, конечно, — рассеянно сказала Гермиона, не отрываясь от письма.

— А ты-то почём знаешь? — с некоторой настороженностью спросил Рон.

— Потому что Чжоу теперь всё время плачет, — рассеянно сказала Гермиона, — и за едой, и в туалете, повсюду.

— Надо думать, поцелуи её немного развеселят, — ухмыльнулся Рон.

— Рон, — назидательно сказала Гермиона, погрузив перо в чернильницу. — Ты самое бесчувственное животное, с каким я имела несчастье познакомиться.

— Это что же такое? — вознегодовал Рон. — Кем надо быть, чтобы плакать, когда тебя целуют?

— Да, — сказал Гарри с лёгким отчаянием в голосе, — почему так?

Гермиона посмотрела на друзей чуть ли не с жалостью.

— Вам непонятно, что сейчас переживает Чжоу?

— Нет, — ответили они хором. Гермиона вздохнула и отложила перо.

— Ну, очевидно, что она глубоко опечалена смертью Седрика. Кроме того, я думаю, она растеряна, потому что ей нравился Седрик, а теперь

нравится Гарри, и она не может решить, кто ей нравится больше. Кроме того, она испытывает чувство вины — ей кажется, что, целуясь с Гарри, она оскорбляет память о Седрике, и её беспокоит, что будут говорить о ней, если она начнёт встречаться с Гарри. Вдобавок она, вероятно, не может разобраться в своих чувствах к Гарри: ведь это он был с Седриком, когда Седрик погиб. Так что всё это очень запутанно и болезненно. Да, и она боится, что её выведут из когтевранской команды по квиддичу, потому что стала плохо летать.

Речь была встречена ошеломлённым молчанием. Затем Рон сказал:

— Один человек не может столько всего чувствовать сразу — он разорвётся.

— Если у тебя эмоциональный диапазон, как у чайной ложки, это не значит, что у нас такой же, — сварливо произнесла Гермиона и взялась за перо.

— Она сама начала, — сказал Гарри. — Я бы не… вроде подошла ко мне, а потом смотрю, чуть ли не всего слезами залила… Я не знал, что делать.

— Не вини себя, сынок, — сказал Рон, видимо вообразив эту тревожную картину.

Гермиона оторвалась от письма:

— Ты должен был отнестись к ней чутко. Наде-

юсь, так и было?

— Ну, — Гарри ощутил неприятный прилив жара к лицу, — я вроде… похлопал её по спине.

Ещё бы чуть-чуть, и Гермиона, кажется, возвела бы глаза к небу.

— Могло быть и хуже, — сказала она. — Ты намерен с ней встречаться?

— Придётся, наверное. У нас же собрания ОД, правда?

— Ты знаешь, о чём я, — в сердцах сказала Гермиона. Гарри ничего не ответил. Слова Гермионы раскрыли перед ним пугающую перспективу. Он пытался вообразить, как идёт куда-то с Чжоу — например, в Хогсмид — и проводит наедине с ней многие часы. Конечно, она ожидает от него приглашения после того, что сегодня произошло… От этой мысли внутри у него что-то болезненно сжалось.

— Ну что ж, — сухо сказала Гермиона, с головой уйдя в своё письмо, — у тебя будет масса возможностей пригласить её.

— А если он не хочет её приглашать? — сказал Рон, наблюдавший за Гарри с несвойственной ему пристальностью.

— Не говори глупостей. Она давным-давно ему нравится.

Гарри промолчал. Да, Чжоу давным-давно ему нравилась, но, когда он представлял себя с ней вдвоём, Чжоу в этой сцене была радостной, а не той Чжоу, которая проливала слёзы у него на плече.

— А кому ты вообще пишешь этот роман? — спросил Рон у Гермионы, пытаясь прочесть ту часть пергамента, которая свесилась уже на пол.

Гермиона отдёрнула её.

— Виктору.

— Краму?

— А сколько ещё у нас Викторов?

Рон ничего не сказал, но вид у него был недовольный. Двадцать минут они провели в молчании: Рон дописывал сочинение по трансфигурации, то и дело раздражённо крякая и зачёркивая фразы; Гермиона неутомимо писала письмо и, исписав пергамент до конца, свернула его и запечатала; Гарри смотрел в огонь и мечтал о том, чтобы там появилась голова Сириуса и дала ему какой-нибудь совет насчёт девушек. Но пламя только потрескивало и оседало, покуда красные угли не обратились в золу, и тогда, оглянувшись, Гарри увидел, что они опять остались последними в гостиной.

— Ну, спокойной ночи. — Гермиона широко

зевнула и ушла по лестнице в девичью спальню.

— И что она нашла в Краме? — сказал Рон, когда они поднимались по лестнице.

Гарри подумал и сказал:

— Наверное, он старше… и играет за сборную страны в квиддич.

— Ну, а кроме? — досадовал Рон. — Мрачный тип, и всё.

— Да, мрачноват, — согласился Гарри, целиком занятый мыслями о Чжоу.

Молча они разделись и надели пижамы; Дин, Симус и Невилл видели уже десятый сон. Гарри снял очки, положил на тумбочку и лёг, но полог не задёрнул и стал смотреть на квадрат звёздного неба в окне возле кровати Невилла. Мог ли он подумать прошлой ночью, что через двадцать четыре часа поцелует Чжоу Чанг…

— Спокойной ночи, — буркнул справа Рон.

— Спокойной ночи.

Может, в следующий раз — если до этого дойдёт — она будет не такой печальной. Надо было пригласить её, она, наверно, этого ждала и теперь очень сердита на него… или лежит и всё ещё плачет по Седрику… Он не знал, что думать. Объяснения Гермионы не внесли никакой ясности, только ещё больше всё усложнили.

«Вот чему нас должны здесь учить, — думал он, повернувшись набок, — как работает голова у девочек… это было бы полезней прорицаний…»

Невилл засопел во сне. Где-то в ночи ухнула сова.

Гарри снилось, что он в Выручай-комнате. Чжоу обвиняла его в том, что он заманил её сюда под фальшивым предлогом, что он обещал ей сто пятьдесят карточек от шоколадных лягушек, если она придёт. Гарри протестовал… Чжоу закричала: «Седрик дал мне кучу карточек от шоколадных лягушек!» — и стала горстями вытаскивать карточки из мантии и швырять в воздух. Потом она превратилась в Гермиону, которая сказала: «Ты же обещал ей, Гарри… Я думаю, ты должен дать ей вместо них что-нибудь другое… может, твою „Молнию“». А он стал говорить, что не может дать Чжоу свою «Молнию», потому что она у Амбридж, и вообще всё это чушь — он пришёл в Выручай-комнату только развесить шарики в виде головы Добби…

Сон переменился…

Тело у него стало сильным, гибким, гладким. Он скользил между блестящими металлическими перекладинами, по тёмному холодному камню… Он скользил по полу на животе… было темно, но

он видел вокруг мерцающие предметы странной переливчатой окраски… поворачивал голову туда и сюда… На первый взгляд коридор был пуст… но нет… впереди сидел человек, его подбородок отвис, и фигура его слабо светилась во тьме…

Гарри высунул язык… он ощущал запах человека… тот был жив, но дремал… он сидел перед дверью в конце коридора…

Гарри желал укусить человека… и нельзя поддаться желанию… его ждёт более важное дело…

Но человек зашевелился, серебряный плащ свалился с его ног, и он вскочил. Его неясная мерцающая фигура надвигалась, нависала, он вынул из-за пояса волшебную палочку… и у Гарри не было выбора… он взвился с пола и раз, другой, третий всадил зубы в тело человека, чувствуя, как захрустели рёбра и хлынула тёплая кровь…

Человек кричал от боли… потом умолк… съехал по стене… кровь растекалась по полу…

Нестерпимая головная боль… голова раскалывается…

— Гарри! ГАРРИ!

Он открыл глаза. Всё тело покрылось холодным потом; простыни опутывали его, как смирительная рубашка, и казалось, что к голове приложили раскалённую добела кочергу.

— Гарри!

Над ним стоял перепуганный Рон. В ногах кровати маячили ещё чьи-то фигуры. Он схватился за голову: боль застилала глаза… Он свесился с кровати, и его вырвало.

— Он заболел, — послышался испуганный голос. — Надо кого-то позвать.

— Гарри! Гарри!

«Надо сказать Рону, во что бы то ни стало сказать…» Хватая ртом воздух, полуослепший от боли, Гарри сел. Он с трудом сдерживал подступающую рвоту.

— Твой папа, — пропыхтел он. — На него напали…

— Что? — не понял Рон.

— Твой отец! Его кто-то укусил, это серьёзно, повсюду была кровь.

— Пойду позову помощь, — раздался тот же испуганный голос, и кто-то выбежал из спальни.

— Гарри, друг, — неуверенно сказал Рон, — тебе приснилось.

— Нет! — Очень важно было, чтобы Рон его понял. — Это был не сон… не обычный сон. Я был там, я это видел… Я это сделал.

Он слышал тихие голоса Симуса и Дина и не прислушивался к их словам. Боль во лбу понемно-

гу ослабевала, но он всё ещё потел и его трясло как в лихорадке. Снова подкатила тошнота, и Рон отскочил назад.

— Гарри, ты нездоров, — проговорил он дрожащим голосом. — Невилл пошёл за помощью.

— Я здоров! — Гарри закашлялся и вытер рот пижамой. Его била неудержимая дрожь. — Я в порядке, ты об отце беспокойся, мы должны выяснить, где он. Он истекал кровью… я был… я был огромной змеёй.

Он попытался встать с кровати, но Рон толкнул его назад. Где-то рядом перешёптывались Дин и Симус. Одна минута прошла, или десять, Гарри не знал. Он сидел, дрожал, чувствовал, что боль потихоньку уходит из шрама… Потом послышались торопливые шаги на лестнице и голос Невилла:

— Сюда, профессор.

Профессор МакГонагалл — в халате из шотландки, очки на костистой переносице перекошены — торопливо вошла в спальню.

— Что случилось, Поттер? Где болит?

Гарри никогда ещё так ей не радовался — сейчас ему нужен был кто-то из Ордена Феникса, а не тот, кто будет хлопотать над ним и потчевать ненужными зельями.

— Отец Рона. — Он сел. — На него напала змея,

и ему плохо, я видел, как это случилось.

— Что значит «видел»? — спросила МакГонагалл, сведя брови.

— Не знаю, я спал, а потом очутился там…

— Хотите сказать, вам это снилось?

— Да нет же! (Неужели никто из них не поймёт?) Сперва мне снилось что-то совсем другое, какая-то глупость… а потом вмешалось это. Это было на самом деле, не в моём воображении. Мистер Уизли спал на полу, на него напала гигантская змея, он истекал кровью, он упал, надо выяснить, где он.

Профессор МакГонагалл смотрела на него сквозь перекошенные очки так, словно увидела нечто ужасное.

— Я не вру, и я не сумасшедший. — Голос Гарри взвился до крика. — Говорю вам, я видел, как это случилось!

— Я верю вам, Поттер. Надевайте халат — мы идём к директору.

Глава 22
Больница святого Мунго

От радости, что она восприняла его всерьёз, Гарри мигом спрыгнул с постели, натянул халат и нацепил очки.

— Уизли, вам тоже надо пойти, — сказала профессор МакГонагалл.

Мимо безмолвных Невилла, Дина и Симуса они вышли за ней из спальни, спустились по винтовой лестнице в гостиную, откуда через портретную дверь вышли в освещённый луной коридор Полной Дамы. Гарри боялся, что паника его в любую секунду может прорваться наружу; ему хотелось бежать, звать Дамблдора. Мистер Уизли истекает кровью, а они степенно шагают по коридору. Что, если эти зубы (он старался не думать: «Мои зубы») ядовиты? Они прошли мимо Миссис Норрис, которая обратила на них свои глаза-лампы и тихо зашипела, но профессор МакГонагалл сказала: «Брысь!» — и кошка шмыгнула в темноту. Через несколько минут они остановились перед каменной горгульей, сторожившей вход в кабинет Дамблдора.

— Летучая шипучка, — сказала профессор МакГонагалл.

Горгулья ожила и отскочила в сторону, стена позади неё разошлась, открыв каменную лестницу, непрерывно бегущую вверх наподобие спирального эскалатора. Они стали на движущиеся ступени, стена за ними закрылась с глухим стуком, и лестница понесла их наверх тугими кругами. И вот блестящая дубовая дверь с латунным молотком в виде грифона.

Хотя было уже за полночь, за дверью слышался многоголосый гомон. Как будто Дамблдор принимал не меньше дюжины гостей.

Профессор МакГонагалл трижды стукнула молотком-грифоном, и голоса разом смолкли, словно их выключили. Дверь сама собой открылась, и следом за МакГонагалл Гарри и Рон вошли в кабинет.

В комнате царил полумрак; непонятные серебряные приборы не жужжали и не пыхали дымом, как обычно, а стояли неподвижно и безмолвно; портреты прежних директоров и директрис дремали в своих рамах. Спрятав голову под крыло, спала на своём шестке за дверью чудесная красно-золотая птица, большая, как лебедь.

— А, это вы, профессор МакГонагалл… и…

Дамблдор сидел за письменным столом в кресле с высокой спинкой; он наклонился вперёд, и на него упал свет свечей, освещавших разложенные на столе документы. На нём был великолепно расшитый пурпурно-золотой халат, надетый поверх белоснежной ночной рубашки, но выглядел Дамблдор нисколько не сонным. Пронзительный взгляд голубых глаз остановился на профессоре МакГонагалл.

— Профессор Дамблдор, — сказала она, — у Поттера был… был кошмар. Он говорит…

— Это не кошмар, — перебил Гарри.

Профессор МакГонагалл обернулась к нему и слегка нахмурилась.

— Хорошо, Поттер, сами расскажите директору.

— Я… я правда спал, — сказал Гарри. Притом, что он был в ужасе и отчаянно хотел всё объяснить Дамблдору, его задело, что тот смотрит не на него, а на переплетённые пальцы своих рук. — Но это был не обычный сон… это было на самом деле… я видел, как это произошло… — Он глубоко вздохнул. — Отец Рона, мистер Уизли — на него набросилась гигантская змея.

Произнесённые слова как будто ещё отдавались в комнате и звучали немного нелепо, даже

смешно. Наступила пауза; Дамблдор откинулся в кресле и задумчиво смотрел в потолок. Бледный, потрясённый Рон переводил взгляд с Гарри на Дамблдора.

— Как вы это увидели? — спокойно спросил Дамблдор, по-прежнему не глядя на Гарри.

— Не знаю… — сердито ответил он (не всё ли равно?). — Ну, мысленно, что ли…

— Вы меня не поняли, — всё так же спокойно сказал Дамблдор. — Я спрашиваю, помните ли вы, откуда наблюдали за этим нападением. Стояли рядом с жертвой или видели сцену сверху?

Вопрос поразил Гарри, он изумлённо уставился на директора — как будто всё уже знает…

— Я был змеёй. Я видел её глазами.

Стало тихо. Потом Дамблдор, глядя теперь на побелевшего Рона, резко спросил:

— Артур серьёзно ранен?

— Да, — с силой произнёс Гарри. Почему они никак не раскачаются, неужели непонятно, сколько крови потерял человек, если бок ему прокусили такие длинные зубы? И почему Дамблдор не удостоит его взглядом?

Но Дамблдор встал с такой внезапностью, что Гарри вздрогнул. Директор обратился к одному из портретов, висевшему под самым потолком.

— Эдвард! — властно произнёс он. — И вы, Дайлис!

Волшебник с землистым лицом и короткой чёрной чёлкой и его соседка, пожилая ведунья с длинными серебряными локонами, как будто бы крепко спавшие, мгновенно открыли глаза.

— Вы слушали? — спросил Дамблдор. Волшебник кивнул, волшебница сказала:

— Естественно.

— Он рыжий, в очках, — сказал Дамблдор. — Эдвард, вам надо поднять тревогу, позаботьтесь, чтобы его нашли наши люди…

Оба кивнули и боком ушли из своих рам, но не появились на соседних портретах (как это обычно бывало в Хогвартсе), а просто исчезли. На одной картине остался только задник — чёрный занавес, а на другой — красивое кожаное кресло. Гарри заметил, что другие директора и директрисы, мирно дремавшие и похрапывавшие самым натуральным образом, нет-нет да и поглядывали на него украдкой из-под полуопущенных век. Теперь стало ясно, кто здесь разговаривал перед их приходом.

— Эдвард и Дайлис были самыми прославленными директорами Хогвартса, — сказал Дамблдор, стремительно пройдя мимо гостей к

великолепной птице, спавшей возле двери. — Настолько знаменитыми, что их портреты висят во многих важных учреждениях волшебников. Они свободно перемещаются между своими портретами и поэтому могут сообщить нам, что происходит в других местах.

— Но мистер Уизли мог быть где угодно! — сказал Гарри.

— Садитесь, пожалуйста, все трое, — сказал Дамблдор, словно не слыша его. — Эдвард и Дайлис могут на несколько минут задержаться. Профессор МакГонагалл, будьте любезны, вызовите стулья.

Профессор МакГонагалл вынула из кармана халата волшебную палочку и взмахнула ею. Из воздуха возникли три деревянных стула с прямыми спинками, совсем не такие, как уютные ситцевые кресла, которые наколдовал Дамблдор в Министерстве, когда слушалось дело Гарри. Гарри сел и через плечо наблюдал за Дамблдором. Тот гладил пальцем Фоукса по золотой хохлатой голове. Феникс сразу проснулся, поднял красивую голову и блестящими тёмными глазами смотрел на Дамблдора.

— Нам будет нужно предупреждение, — очень спокойно сказал Дамблдор птице.

Вспышка пламени, и феникс исчез.

Дамблдор стремительно подошёл к одному из тонких серебряных приборов (назначения которых Гарри до сих пор не знал), перенёс его на стол, сел и легонько постучал по нему концом волшебной палочки.

С ритмичным позвякиванием прибор ожил, из серебряной трубочки наверху стали выходить маленькие клубы бледно-зелёного дыма. Директор внимательно вглядывался в дым, между бровей у него залегла глубокая морщина. Через несколько секунд дым пошёл ровной струёй, она сгущалась и закручивалась в воздухе… и вот уже вылепилась из неё змеиная голова с разинутой пастью.

«Не подтверждение ли это моего рассказа», — подумал Гарри и посмотрел на Дамблдора в надежде увидеть по его лицу, что это так. Но Дамблдор не поднимал головы.

— Конечно, конечно, — бормотал он, по-прежнему наблюдая за дымом без малейшего удивления. — Но сущности разделены?

Вопрос прозвучал для Гарри загадкой. Между тем дымная змея немедленно превратилась в две змеи, обе сворачивались и извивались в полутьме. С видом мрачного удовлетворения Дамблдор слегка постучал по прибору палочкой:

позвякивание замедлилось и стихло, дымные змеи побледнели, расплылись в воздухе и пропали.

Дамблдор перенёс аппарат обратно на узенький столик. Гарри увидел, что многие прежние директора на портретах проводили его глазами, но, заметив, что Гарри смотрит на них, тут же прикинулись спящими. Гарри хотел спросить, для чего предназначен странный серебряный прибор, но в это время справа под потолком раздался крик: волшебник по имени Эдвард, слегка запыхавшийся, снова появился в своей раме.

— Дамблдор!

— Какие новости? — сразу откликнулся тот.

— Я кричал, пока кто-то не прибежал, — сообщил волшебник, вытирая мокрый лоб о висевший сзади занавес. — Сказал, что слышал внизу какое-то движение… Они не сразу мне поверили, но спустились посмотреть… вы знаете, внизу наблюдать некому — портретов там нет. Короче говоря, через несколько минут его принесли. Вид неважный, весь в крови. Когда они ушли, я перебежал в портрет Эльфриды Крэгг, чтобы разглядеть получше…

— Хорошо, — сказал Дамблдор, а Рон в это время судорожно приподнялся. — Значит, Дайлис

увидит, когда его доставят…

Через минуту на своём портрете появилась волшебница с серебряными локонами, она села в кресло, откашлялась и сказала:

— Да, его доставили в больницу святого Мунго… пронесли мимо моего портрета… выглядит плохо…

— Благодарю вас, — сказал Дамблдор. Он повернулся к МакГонагалл: — Минерва, надо разбудить остальных детей Уизли.

— Конечно…

Профессор МакГонагалл встала и быстро пошла к двери. Гарри скосился на Рона — на лице у того застыл ужас.

— Дамблдор, как быть с Молли? — задержавшись у двери, спросила МакГонагалл.

— Этим займётся Фоукс, когда проверит, нет ли поблизости незваных гостей. Но, возможно, она уже знает… благодаря этим превосходным часам…

Гарри понял, что речь идёт о её часах, показывавших не время, а местонахождение и состояние каждого члена семейства Уизли, и с болью подумал, что стрелка мистера Уизли до сих пор показывает на *смертельную опасность*. Но время было позднее. Миссис Уизли, наверное, спит и

не следит за часами. Гарри похолодел, вспомнив, что боггарт у миссис Уизли принял вид её мужа, бездыханного и окровавленного, в съехавших набок очках… Но мистер Уизли не умрёт… он не может умереть…

Дамблдор тем временем рылся в буфете поблизости от Гарри и Рона. Наконец он извлёк оттуда закопчённый старый чайник и осторожно поставил на письменный стол. Поднял волшебную палочку и тихо сказал: *«Портус!»* Чайник задрожал, оделся странным голубым сиянием, а потом успокоился, чёрный, как прежде.

Дамблдор подошёл к другому портрету — волшебнику с умным лицом и остроконечной бородкой. Этот был одет в цвета Слизерина — серебряный и зелёный — и спал, по-видимому, так крепко, что не слышал Дамблдора, пытавшегося его разбудить.

— Финеас, Финеас.

Люди на портретах перестали притворяться спящими, они зашевелились в своих рамах, чтобы лучше видеть происходящее. Умный с бородкой-клинышком по-прежнему изображал спячку, и некоторые тоже стали выкрикивать его имя:

— Финеас! Финеас! ФИНЕАС!

Прикидываться дальше было невозможно, он нарочито вздрогнул и широко раскрыл глаза.

— Кто-то звал?

— Надо, чтобы вы ещё раз посетили свой другой портрет, Финеас, — сказал Дамблдор. — У меня новое сообщение.

— Посетить мой другой портрет? — скрипучим голосом сказал Финеас с притворным зевком (при этом взгляд его обежал комнату и остановился на Гарри). — Ну, нет, Дамблдор, я сегодня ужасно устал.

Что-то знакомое почудилось Гарри в его голосе. Где он его слышал? Но вспомнить ему помешали другие портреты на стенах — слова Финеаса вызвали бурю негодования.

— Нарушение субординации, сэр! — взревел дородный красноносый волшебник, потрясая кулаком. — Неисполнение приказа!

— Честь обязывает нас служить нынешнему главе Хогвартса! — воскликнул дряхлый волшебник, в котором Гарри признал Армандо Диппета, предшественника Дамблдора. — Стыдно, Финеас!

— Внушить ему, Дамблдор? — спросила остроглазая ведьма и подняла необыкновенно толстую волшебную палочку, смахивавшую на трость.

— Ну, хорошо, — согласился волшебник по

имени Финеас, глядя на её палочку с некоторой опаской. — Хотя вполне возможно, что он уже ликвидировал мой портрет так же, как разделался с большинством предков…

— Сириус знает, что не должен уничтожать ваш портрет, — сказал Дамблдор, и Гарри сразу вспомнил, где он слышал голос Финеаса: этот голос шёл из пустой рамы в его спальне на площади Гриммо. — Вы передадите ему, что Артур Уизли тяжело ранен и что его жена, дети и Гарри Поттер скоро прибудут к нему в дом. Вы поняли?

— Артур Уизли ранен, жена, дети и Гарри Поттер остановятся у него, — скучающим голосом повторил Финеас. — Да, да… хорошо.

Он нырнул за раму портрета и скрылся из виду; в ту же секунду дверь кабинета открылась. Профессор МакГонагалл ввела Фреда, Джорджа и Джинни, встрёпанных и ошарашенных, в ночной одежде.

— Гарри, что происходит? — с испугом спросила Джинни. — Профессор МакГонагалл говорит, ты видел, как ранили папу…

— Ваш отец был ранен при выполнении задания для Ордена Феникса, — опередил его Дамблдор. — Его доставили в клинику магических недугов и травм — в больницу святого

Мунго. Я отправляю вас в дом Сириуса, это ближе к больнице, чем «Нора». Там вы встретитесь с матерью.

— Как мы доберёмся туда? — спросил Фред. Сейчас он был не похож на себя. — Летучим порохом?

— Нет, — сказал Дамблдор. — Сейчас это небезопасно, за Сетью ведётся слежка. Вы отправитесь через портал. — Он показал на невыразительный старый чайник, стоявший на столе. — Мы ждём сообщения от Финеаса Найджелуса… Прежде чем отправить вас, я хочу убедиться, что путь свободен.

Посреди кабинета на миг вспыхнуло пламя, от него осталось золотое перо, медленно опускавшееся на пол.

— Это предупреждение Фоукса, — сказал Дамблдор, поймав его на лету. — Профессор Амбридж узнает, что вас нет в спальнях… Минерва, идите и отвлеките её — придумайте что угодно.

В развевающемся халате МакГонагалл устремилась к двери.

— Он сказал, что будет рад, — раздался скучающий голос за спиной Дамблдора: волшебник Финеас снова появился у себя, на фоне слизеринского знамени. — У моего праправнука всегда

был странный вкус по части гостей.

— Тогда подойдите сюда, — обратился Дамблдор к Гарри и всем Уизли. — Быстро, пока не появились провожатые.

Они сгрудились возле его стола.

— Вы все уже пользовались порталом?

Они кивнули, и каждый протянул руку к закопчённому чайнику.

— Хорошо. На счёт три: раз… два…

Всё случилось в одно мгновение — раньше, чем Дамблдор произнёс «три». Гарри посмотрел на него — они были совсем рядом, — и ясные голубые глаза Дамблдора остановились на его лице.

Сразу же шрам на лбу обожгло страшной болью, словно открылась старая рана, и неожиданная, беспричинная ненависть вспыхнула в его душе, такая лютая, что больше всего на свете ему захотелось броситься на этого человека, впиться в него зубами, терзать…

— …три.

Гарри ощутил сильный толчок пониже пупа, пол ушёл из-под ног, рука намертво прилипла к чайнику, и, стукаясь друг о друга, увлекаемые чайником, все пятеро понеслись куда-то в вихре красок и шуме ветра…

— Прочь отсюда, отродье, предавшее свою

кровь. Это правда, что ваш отец умирает?

— ВОН! — рявкнул другой голос.

Гарри вскочил на ноги и огляделся. Они прибыли на кухню в цокольном этаже дома двенадцать на площади Гриммо. Единственными источниками света были камин и оплывшая свеча, освещавшие объедки чьего-то ужина. К двери в прихожую убегал Кикимер; перед тем, как скрыться, он злобно оглянулся на них и поддёрнул набедренную повязку. А к ним уже спешил встревоженный Сириус. Он был небрит и в дневной одежде; от него пахнуло перегаром, как от Наземникуса.

— Что случилось? — Он протянул руку и помог Джинни встать. — Финеас Найджелус сказал, что Артур Уизли тяжело ранен.

— Спроси у Гарри, — сказал Фред.

— Да, и я хочу услышать, — сказал Джордж. Близнецы и Джинни повернулись к нему. Шаги Кикимера на лестнице стихли.

— Это было… — заговорил Гарри. Им рассказывать оказалось ещё труднее, чем Дамблдору и МакГонагалл. — У меня было… вроде… видение.

Он рассказал всё, что видел, но изменил рассказ так, как если бы наблюдал за нападением змеи со стороны, а не смотрел на это её глазами. Рон, по-

прежнему белый как простыня, глянул на него, но ничего не сказал. Когда Гарри кончил, Фред, Джордж и Джинни продолжали молча смотреть на него. Он не понимал, мерещится это ему или нет, но в их глазах он прочёл осуждение. Ну, если он виноват в том, что был свидетелем нападения, хорошо хоть, не сказал, что был при этом внутри змеи. Фред повернулся к Сириусу:

— Мама здесь?

— Она, может быть, ещё ничего не знает. Важно было переправить вас до того, как вмешается Амбридж. А сейчас, я думаю, Дамблдор даст ей знать.

— Нам надо сейчас же в больницу святого Мунго, — сказала Джинни. Она оглянулась на близнецов: оба ещё в пижамах. — Сириус, одолжишь нам плащи или что-нибудь?

— Подождите, нельзя вам мчаться в больницу! — сказал он.

— Нет, нам надо, и мы пойдём, — упёрся Фред. — Это наш отец!

— А как вы объясните, откуда узнали про несчастье, если больница даже жене ещё не сообщила?

— Какая разница? — вскинулся Джордж.

— Такая! — сердито ответил Сириус. — Мы не

хотим привлекать внимание к тому, что у Гарри видения и он видит вещи, которые происходят за сотни миль! Вы представляете, какие выводы сделает из этого Министерство?

Фред и Джордж смотрели на него так, как будто им плевать на любые выводы Министерства. Рон был бледен и молчал. Джинни сказала:

— Нам мог кто-то другой сказать… Не обязательно Гарри.

— Кто, например? — обозлился Сириус. — Слушайте, ваш отец пострадал, выполняя задание Ордена, обстоятельства и без того подозрительные — не хватало ещё, чтобы дети узнали об этом через минуту после происшествия. Это может серьёзно повредить Ордену…

— Плевать нам на ваш дурацкий Орден! — выкрикнул Фред.

— Наш отец умирает — о чём мы тут говорим! — заорал Джордж.

— Ваш отец знал, на что идёт, и он не поблагодарит вас, если вы навредите Ордену! — с таким же жаром ответил Сириус. — Вот как обстоит дело… вот почему вы не в Ордене… вы не понимаете… есть дело, ради которого стоит умереть.

— Тебе легко говорить, тут сидя! — взревел Фред. — Не вижу, чтоб ты рисковал своей шку-

рой!

Лицо Сириуса, и прежде бледное, стало пепельным. Казалось, он готов ударить Фреда, но, когда он заговорил, голос его был предельно спокоен:

— Я знаю, это тяжело, но сейчас мы должны вести себя так, как будто нам ещё ничего не известно. Должны сидеть тихо — по крайней мере пока нет известий о вашей матери.

Фреда и Джорджа это не успокоило. Джинни подошла к ближайшему креслу и села. Гарри посмотрел на Рона: тот сделал непонятное движение — не то кивнул, не то пожал плечами, и оба они сели одновременно. Близнецы ещё минуту жгли глазами Сириуса, но потом уселись по бокам от Джинни.

— Ну, хорошо, — с облегчением сказал Сириус. — Давайте… давайте теперь выпьем, пока ждём. *Акцио, сливочное пиво!*

С этими словами он поднял волшебную палочку, и из кладовой вылетело полдюжины бутылок; они заскользили по столу, раскидав остатки хозяйского ужина, и аккуратно остановились — по одной перед каждым. Пили молча; только потрескивали поленья в камине да изредка стукала по столу поставленная бутылка.

Гарри взял бутылку просто для того, чтобы чем-

то занять руки. Чувство вины жгло его, разрывало нутро. Если бы не он, они не сидели бы здесь, спокойно спали бы в своих постелях. И бесполезно было убеждать себя, что, не подними он тревогу, мистера Уизли не скоро бы нашли — некуда было деться от жуткой мысли, что он же сам и напал на их отца.

«Не дури, у тебя не змеиные зубы, — говорил он себе, пытаясь успокоиться, но бутылка всё равно дрожала у него в руке. — Ты лежал на кровати, ты ни на кого не нападал».

«Но тогда что случилось в кабинете Дамблдора? — спрашивал он себя. — Ведь и на него хотел наброситься?»

Он опустил бутылку чуть резче, чем хотел, и навалился на стол. Никто не обратил на это внимания. А затем в воздухе вспыхнуло пламя, осветив грязные тарелки перед ними. Все вскрикнули, на стол шлёпнулся пергаментный свиток, а вслед за ним опустилось золотое перо из хвоста феникса.

— Фоукс! — воскликнул Сириус и схватил пергамент. — Почерк не Дамблдора — это, наверное, от вашей матери. Держи.

Он сунул письмо Джорджу, тот развернул его и вслух прочитал:

— «Отец ещё жив. Я отправляюсь в больницу. Оставайтесь на месте. Как только смогу, извещу вас.

Мама».

Джордж обвёл взглядом стол.

— Ещё жив… — медленно проговорил он. — Это надо понимать так, что…

Не было нужды договаривать до конца. Для Гарри эта фраза из письма тоже прозвучала так, что мистер Уизли одной ногой в могиле. Рон, по-прежнему без кровинки в лице, смотрел на письмо не отрываясь, будто ожидал услышать от него слова утешения. Фред выхватил пергамент у Джорджа и прочёл про себя, а потом посмотрел на Гарри. Рука, державшая бутылку тряслась, и Гарри сжал её покрепче, чтобы унять дрожь.

Никогда ещё ночь не тянулась для него так долго. В какой-то момент Сириус без особой убеждённости в голосе предложил всем лечь спать, но отвращение на лицах Уизли было достаточно ясным ответом. Сидели за столом по большей части молча, смотрели, как фитилёк свечи всё ниже опускается над расплавленным воском, изредка подносили бутылку ко рту, изредка кто-то спрашивал время, или вслух гадал, что сейчас

происходит в больнице, или пытался успокоить других, говоря, что, если бы были плохие новости, они бы знали — миссис Уизли давно уже там.

Фред задремал, свесив голову на плечо. Джинни калачиком свернулась в кресле, но глаза её были открыты.

Гарри видел в них отражение огня. Рон сидел, опустив лицо на ладони — спал или нет, понять было нельзя. Гарри и Сириус время от времени обменивались взглядами — непрошеные свидетели семейного горя. Ждали… Ждали…

В десять минут шестого дверь распахнулась, и в кухню вошла миссис Уизли. Она была бледна, но, когда все повернулись к ней, а Гарри, Фред и Рон привстали, слабо улыбнулась.

— Он поправится, — сказала она усталым голосом. — Попозже пойдём навестим его. Сейчас с ним сидит Билл, утром он не пойдёт на работу.

Фред упал в кресло и закрыл лицо руками. Джордж и Джинни бросились к матери и обняли её. Рон неуверенно засмеялся и разом опорожнил бутылку.

— Завтрак! — весело и громко объявил Сириус и вскочил на ноги. — Где этот проклятый эльф? Кикимер! КИКИМЕР!

Но Кикимер не откликнулся на зов.

— Ладно, без тебя обойдёмся. — Он пересчитал гостей. — Итак, завтрак на… семерых, яичница с беконом, чай, тосты…

Гарри кинулся помогать у плиты. Он не хотел смущать обрадованных Уизли и страшился минуты, когда миссис Уизли попросит рассказать о его видении. Но едва он вынул тарелки из буфета, миссис Уизли отняла их и заключила его в объятия.

— Не представляю, что было бы, если бы не ты, Гарри, — тихо сказала она. — Не знаю, через сколько часов его нашли бы, — и было бы уже поздно. Он жив благодаря тебе. А Дамблдор сочинил правдоподобную историю для объяснения, почему Артур оказался там. Не представляешь, какие нас ждали бы неприятности — вспомни беднягу Стерджиса…

Гарри мучительно было выслушивать слова благодарности, но, к счастью, она отпустила его и стала благодарить Сириуса за то, что приютил на ночь детей. Сириус ответил, что рад был оказаться полезным и надеется, что они поживут у него, пока мистер Уизли в больнице.

— Сириус, я так тебе признательна… они хотели бы тут побыть… ближе к больнице… значит, наверно, останемся и на Рождество.

— Чем больше нас, тем веселее! — Сириус так искренне обрадовался этому, что она просияла.

Она надела фартук и занялась завтраком.

— Сириус, — тихо сказал Гарри, не в силах терпеть дальше, — можно тебя на два слова? Прямо сейчас.

Он ушёл в тёмную кладовку, и Сириус за ним. Без всяких предисловий Гарри подробно рассказал крёстному о своём видении, не умолчав и о том, что сам был змеёй, напавшей на мистера Уизли. Когда он остановился, чтобы перевести дух, Сириус спросил:

— Ты сказал об этом Дамблдору?

— Ну, да. Но он не объяснил, что это значит. Теперь он мне вообще ничего не говорит.

— Уверен, он сказал бы тебе, если были бы причины для тревоги, — успокоил его Сириус.

— И это ещё не всё, — вполголоса сказал Гарри. — Сириус, по-моему, я схожу с ума. У него в кабинете, прямо перед тем, как отправиться через портал, я на секунду опять подумал, что я змея. Почувствовал себя змеёй, и шрам обожгло, когда посмотрел на Дамблдора… Сириус, я хотел броситься на него!

Гарри видел только край его лица, остальное терялось в тени.

— Должно быть, последствия твоего видения и больше ничего, — сказал Сириус. — Ты вспомнил сон или как его там назвать, и…

— Нет, не то. — Гарри затряс головой. — Во мне как будто что-то поднялось, как будто змея сидела у меня внутри.

— Тебе надо выспаться. Позавтракаешь, потом отправляйся наверх спать, а после обеда навестишь с ними Артура. У тебя был шок, Гарри. Ты обвиняешь себя в том, что только наблюдал, — и счастье, что наблюдал, иначе Артур мог погибнуть. Перестань себя мучить.

Он хлопнул Гарри по плечу и вышел из кладовки. Гарри остался стоять в темноте.

Утро все, кроме Гарри, проспали. Он поднялся в комнату, где они с Роном ночевали в последние недели лета, но если Рон сразу забрался в постель и через минуту уснул, то Гарри продолжал сидеть одетый, привалившись к металлическим прутьям кровати. Он нарочно сохранял неудобную позу, чтобы не задремать; боялся, что во сне опять станет змеёй, а проснувшись, обнаружит, что искусал Рона или прополз по дому и напал на кого-то ещё.

Когда Рон проснулся, Гарри сделал вид, что тоже хорошо выспался. Во время обеда прибы-

ли их чемоданы из Хогвартса — теперь можно было одеться маглами и пойти в больницу святого Мунго. Все, кроме Гарри, были счастливы и болтали без передышки, пока переодевались в фуфайки и джинсы. Провожать их в больницу явились Тонкс и Грозный Глаз. Ребята встретили их радостными криками, смеялись над котелком Грюма, лихо надвинутым на бровь, чтобы скрыть волшебный глаз, и на полном серьёзе уверяли его, что в метро гораздо менее заметной будет Тонкс, которая снова обзавелась короткими ярко-розовыми волосами.

Тонкс очень интересовалась видением Гарри, хотя обсуждать эту историю он не имел ни малейшего желания.

— У тебя в роду не было ясновидящих? — допытывалась она в гремучем вагоне метро, мчавшем их к центру Лондона.

— Нет, — сказал Гарри, оскорблённый этим вопросом, поскольку вспомнил профессора Трелони.

— Нет? — задумчиво повторила Тонкс. — Хотя, и в самом деле, ты ведь не предсказывал. То есть видел не будущее, а настоящее… странно, правда? Но полезно.

Гарри не ответил. К счастью, подъехали к сво-

ей станции в самом сердце Лондона, и в общей суматохе Гарри ухитрился пропустить между собой и Тонкс, шедшей впереди, Фреда и Джорджа. Следом за ней они стали на эскалатор, а позади всех стучал деревянной ногой Грюм в нахлобученном котелке, держа за пазухой покалеченную руку с волшебной палочкой. У Гарри было такое ощущение, что спрятанный глаз пристально следит за ним. Чтобы избежать новых вопросов о своём видении, Гарри спросил, где скрывается больница святого Мунго.

— Недалеко уже, — прохрипел Грюм, когда они вышли на морозный воздух.

Перед ними была широкая улица, сплошь в магазинах, запруженная предрождественской толпой покупателей. Грюм подтолкнул Гарри вперёд, а сам топал за ним по пятам. Гарри знал, что глаз под надвинутой шляпой вращается сейчас во всех направлениях.

— Нелегко было найти хорошее место для больницы. В Косом переулке тесно, а под землю упрятать, как Министерство, не годится — для здоровья вредно. В конце концов удалось приобрести здесь здание. Расчёт таков, что хворые волшебники смогут приходить и уходить незаметно, смешавшись с толпой.

Он схватил Гарри за плечо, чтобы их не разделила стая покупателей, ринувшихся к магазину, набитому электрическими штуковинами.

— Пришли, — сказал он минуту спустя.

Они стояли перед старым кирпичным универмагом «Чист и Лозоход лимитед». Дом был запущенный, невзрачный, в витринах — несколько облупленных манекенов в съехавших париках и нарядах, лет десять как вышедших из моды. На пыльных дверях большие вывески: «Закрыто на ремонт». Гарри отчётливо услышал, как крупная женщина, увешанная пластиковыми пакетами, сказала спутнице: «Вечно у них закрыто».

— Сюда, — сказала Тонкс, подзывая их к витрине, где стоял одинокий и очень уродливый манекен женского пола. Искусственные ресницы у неё отклеились, а из одежды был только зелёный нейлоновый фартучек.

Все собрались вокруг Тонкс. Грюм снова подтолкнул Гарри в спину, чтобы он стал поближе, а Тонкс, глядя на манекен, наклонилась к витрине вплотную, так что от её дыхания запотело стекло.

— Стрём, — сказала она, — мы к Артуру Уизли. Гарри подумал: какая нелепость — рассчитывать, что манекен расслышит её тихий голос

сквозь стекло, когда на улице грохочут автобусы и галдит народ. Правда, тут же сообразил, что манекены вообще не слышат. А через секунду разинул рот от изумления: манекен чуть заметно кивнул, поманил суставчатым пальцем, и Тонкс, схватив под руки Джинни и её мать, вошла прямо в стекло и исчезла.

За ними вошли Фред, Джордж и Рон. Гарри оглянулся на озабоченную толпу — никто и головы не повернул в сторону безобразных витрин «Чист и Лозоход лимитед», никто не заметил, как шестеро человек растворились в воздухе.

— Иди, — шепнул Грюм, снова подтолкнул Гарри в спину, и сквозь что-то, похожее на холодную водяную завесу, сухие и тёпленькие, они вошли внутрь.

Ни безобразного манекена, ни самой витрины не было и в помине. Они очутились, судя по всему, в приёмном отделении, где на шатких деревянных стульях сидели рядами волшебники и волшебницы; иные, совершенно нормальные с виду, читали старые номера «Магического еженедельника», иные — с неприятными уродствами, вроде слоновьего хобота или лишней руки, торчащей из груди. Здесь едва ли было тише, чем на улице, — многие пациенты издавали

очень оригинальные звуки: колдунья с потным лицом, энергично обмахивавшаяся экземпляром «Ежедневного пророка» в середине первого ряда, то и дело давала тонкий свисток, причём изо рта у неё шёл пар; неопрятный кудесник в углу при каждом движении брякал, как бубенчик, и голова его начинала трястись так, что остановить её он мог, только схватив себя за уши.

Между рядами сновали волшебники и волшебницы в лимонных халатах, задавали вопросы и делали записи в больших отрывных блокнотах, как у Амбридж. На груди у них Гарри увидел вышитую эмблему: скрещённые волшебная палочка и кость.

— Это доктора? — тихо спросил он у Рона.

— Доктора? — изумился тот. — Ты про этих чокнутых маглов, которые режут людей? Не-е, это целители.

— Сюда! — позвала миссис Уизли под возобновившееся бряканье кудесника в углу, и они встали с ней в очередь к пухлой блондинке — волшебнице, сидевшей за столом с табличкой «Справки».

Стена позади неё была увешана объявлениями и плакатами типа:

«ЧИСТЫЙ
КОТЁЛ НЕ ДАСТ ПРЕВРАТИТЬСЯ ВАШЕМУ
ЗЕЛЬЮ В ЯД»,
«САМОЛЕЧЕНИЕ —
ЭТО САМООБОЛЬЩЕНИЕ».

Ещё висел большой портрет волшебницы с длинными серебряными локонами, под ним подпись:

Дайлис Дервент
Целитель больницы св. Мунго (1722–1741)
Директор Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» (1741–1768)

Дайлис присматривалась к гостям Артура Уизли и как будто пересчитывала их. Когда Гарри поймал её взгляд, она чуть заметно подмигнула и ушла за раму.

Тем временем в голове очереди молодой волшебник отплясывал на месте странную джигу и, ежесекундно вскрикивая от боли, пытался объяснить характер своего недуга блондинке за столом.

— Эти туфли… ой… их дал мне брат… уй… они грызут мне… Ай… ноги… взгляните, они, навер-

но… УРРР… заколдованы… МА-ММА… снимите их. — Он прыгал с ноги на ногу, словно танцевал на раскалённых углях.

— Туфли, кажется, не мешают читать? — раздражённо спросила блондинка, указывая на большое объявление слева от стола. — Вам нужно в «Недуги от заклятий», пятый этаж, видите поэтажный указатель? Следующий!

Молодой отковылял в сторону, посетители Уизли продвинулись на шаг, и Гарри смог прочесть указатель:

ТРАВМЫ
ОТ РУКОТВОРНЫХ ПРЕДМЕТОВ — 1 этаж
Взрыв котла, обратное срабатывание волшебной палочки, поломка метлы и проч.
РАНЕНИЯ ОТ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ — 2 этаж
Укусы, ужаления, ожоги, застрявшие шипы и проч.
ВОЛШЕБНЫЕ ВИРУСЫ — 3 этаж
Инфекционные заболевания, как то: драконья оспа, болезнь исчезновения, грибковая золотуха и проч.
ОТРАВЛЕНИЯ

РАСТЕНИЯМИ И ЗЕЛЬЯМИ — 4 этаж

Сыпи, рвота, неудержимый смех и проч.

НЕДУГИ ОТ ЗАКЛЯТИЙ — 5 этаж

Наговор, не совместимый с жизнью, порча, неправильно наложенные чары и проч.

БУФЕТ
ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И БОЛЬНИЧНАЯ ЛАВКА — 6 этаж

ЕСЛИ
ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, КУДА ОБРАТИТЬСЯ, НЕ В СОСТОЯНИИ НОРМАЛЬНО ГОВОРИТЬ ИЛИ НЕ ПОМНИТЕ, ЗАЧЕМ ПРИШЛИ, НАША ПРИВЕТ-ВЕДЬМА С УДОВОЛЬСТВИЕМ ВАМ ПОМОЖЕТ.

Теперь к столу подошёл старый сгорбленный волшебник со слуховой трубкой:

— Я к Бродерику Боуду! — просипел он.

— Сорок девятая палата. Но боюсь, вы напрасно потратите время. Он в полном затмении — всё ещё воображает себя чайником. Следующий!

Измученный волшебник крепко держал свою маленькую дочь за щиколотку, а она вилась у него над головой, хлопая громадными оперён-

ными крыльями, проросшими прямо сквозь комбинезончик.

— Пятый этаж, — равнодушно сказала блондинка, не задавая вопросов, и он ушёл через двойную дверь недалеко от стола, держа дочь как воздушный шарик. — Следующий!

Миссис Уизли подошла к столу.

— Здравствуйте, — сказала она. — Моего мужа Артура Уизли утром должны были перевести в другую палату. Вы не скажете?..

— Артур Уизли? — Блондинка провела пальцем по длинному списку. — Да, второй этаж, вторая дверь справа, палата Дай Луэллин.

— Спасибо. Пошли, ребята.

Они прошли через двойную дверь, затем по узкому коридору, увешанному портретами знаменитых целителей и освещённому хрустальными шарами, полными свеч и плававшими под потолком наподобие гигантских мыльных пузырей. Из дверей по сторонам выходили и входили в палаты волшебники и волшебницы в светло-зелёных халатах. Из одной двери потёк жёлтый, дурно пахнущий газ; время от времени откуда-то доносилось приглушённое подвывание и стоны. Они поднялись по лестнице и вошли в отделение для раненых магическими существами. На

второй двери справа была табличка: «Опасно. Палата Дай Луэллин, серьёзные укусы». Под ней карточка в латунном держателе, и на карточке от руки надпись: «Дежурный целитель Гиппократ Сметвик. Целитель-стажёр Август Сепсис».

— Молли, мы подождём снаружи, — сказала Тонкс. — Мистеру Уизли ни к чему так много гостей разом… Сначала родные.

Грозный Глаз одобрительно буркнул и прислонился спиной к стене коридора, вращая волшебным глазом во все стороны. Гарри тоже попятился, но миссис Уизли поймала его и втолкнула в дверь со словами:

— Не глупи, Гарри. Артур хочет тебя поблагодарить.

Палата была маленькая и невзрачная, с одним узким окошком наверху в стене напротив двери. Больше света давала гроздь хрустальных шаров под потолком в центре. Стены в дубовых панелях, на одной — портрет довольно свирепого волшебника с подписью: «Уркхарт Ракплуг, изобретатель Кишечно-опорожнительного заклятия».

Тут было всего трое больных. Мистер Уизли занимал койку в дальнем конце, возле окошка. Гарри с облегчением увидел, что он полусидит, опершись на несколько подушек, и читает

«Ежедневный пророк» под единственным лучом солнечного света, падавшим как раз на его кровать. Он оторвался от газеты и, увидев, кто к нему идёт, весело заулыбался.

— Привет! — сказал он, отбросив газету. — Молли, Билл только что ушёл, ему надо на службу, но обещал заглянуть к вам попозже.

— Ну, как ты, Артур? — Миссис Уизли наклонилась, поцеловала его в щёку и озабоченно посмотрела на его лицо. — Вид у тебя ещё неважный.

— Отлично себя чувствую, — бодро ответил он и протянул здоровую руку, чтобы обнять Джинни. — Если бы сняли повязки, я бы домой пошёл.

— А почему не снимают? — спросил Фред.

— Когда снимают, кровь идёт со страшной силой, — весело объяснил мистер Уизли и протянул руку за волшебной палочкой, лежавшей на тумбочке. Он взмахнул ею, и появилось шесть стульев. — Видимо, в зубах у этой змеи был довольно необычный яд — не даёт закрыться ранам. Но они уверены, что найдут противоядие, а пока что велят каждый час принимать крововосполняющее зелье. А вот сосед, бедняга, — он понизил голос и кивнул на кровать напротив, где лежал мужчина с болезненным зеленоватым лицом и

глядел в потолок, — его покусал оборотень. От этого нет средств.

— Оборотень? — с тревогой переспросила миссис Уизли. — А ничего, что он в общей палате? Разве его не должны изолировать?

— До полнолуния ещё две недели, — тихо напомнил ей мистер Уизли. — Сегодня они с ним беседовали, целители. Пытались убедить его, что он сможет вести почти нормальную жизнь. Я сказал ему — без имён, конечно, — что лично знаю оборотня, милейший человек и прекрасно справляется в такой же ситуации.

— И что он ответил? — спросил Гарри.

— Что, если не заткнусь, буду второй раз укушен, — с грустью сказал мистер Уизли. — А та вон женщина, — он показал на третью занятую кровать у самой двери, — не признаётся, кто её укусил, и мы подозреваем, что она могла держать недозволенное существо. Так или иначе, оно отхватило у неё изрядную часть ноги — очень неприятный запах, когда меняют повязку.

— Так ты расскажешь нам, что случилось? — спросил Фред, придвигая свой стул к кровати.

— Ну, вы уже знаете, правда? — Мистер Уизли со значением улыбнулся Гарри. — Всё очень просто. Я устал за день, задремал на дежурстве,

подкралась ко мне и укусила.

— В «Пророке» уже есть об этом? — Фред показал на брошенную отцом газету.

— Нет, конечно, — сказал мистер Уизли с улыбкой, в которой сквозила лёгкая горечь. — Министерство не желает доводить до сведения публики, что здоровенная гнусная змея…

— Артур! — предостерегла его миссис Уизли.

— …добралась до меня, — поспешно закончил он, но Гарри почувствовал, что хотел он сказать совсем другое.

— Где же ты был, когда это случилось? — спросил Джордж.

— Это моё дело, — отрезал отец, слегка улыбнувшись. Он схватил «Ежедневный пророк», развернул и сказал: — Когда вы пришли, я как раз читал об аресте Уилли Уиддершинса. Оказывается, эта летняя история с извергающими унитазами — его рук дело. Однажды его заклятие дало осечку, унитаз взорвался, и его нашли без сознания среди осколков, с головы до ног в…

— Когда ты говоришь, что был «на дежурстве», — тихо перебил его Фред, — ты чем был занят?

— Ты слышал отца, — прошептала миссис Уизли. — Здесь мы это не обсуждаем! Так что там с

Уиддершинсом, Артур?

— Не спрашивайте меня, как, но от обвинения по туалетному делу он отвертелся, — хмуро сказал мистер Уизли. — Нетрудно догадаться, что кое-кого подмазали.

— Ты охранял его? — тихо спросил Джордж. — Оружие? За которым охотится Сам-Знаешь-Кто?

— Замолчи, Джордж! — прикрикнула мать.

— Словом, — продолжал мистер Уизли, повысив голос, — на этот раз Уилли поймали на продаже кусающихся дверных ручек, и теперь он вряд ли выпутается — в газете пишут, что двое маглов лишились пальцев и помещены сюда для восстановления костей и изменения памяти. Подумать только, маглы у святого Мунго! Интересно, в какой они палате? — Он оглянулся, словно надеясь увидеть указатель.

— Гарри, ты вроде говорил, что у Сам-Знаешь-Кого есть змея? — спросил Фред, глядя при этом на отца (как он отреагирует?) — Большая. Ты видел её в ту ночь, когда он вернулся, верно?

— Довольно об этом, — рассердилась миссис Уизли. — Грозный Глаз и Тонкс ждут в коридоре, Артур, и хотят тебя видеть. А вы, ребята, постойте снаружи. Потом зайдёте попрощаться. Ну?

Они высыпали в коридор. Грозный Глаз и Тонкс

вошли в палату и закрыли за собой дверь. Фред поднял брови.

— Прекрасно, — сказал он и полез в карманы. — Пожалуйста. Можете ничего нам не говорить.

— Эти ищешь? — сказал Джордж, демонстрируя что-то похожее на пучок шнуров телесного цвета.

— Читаешь мои мысли, — ухмыльнулся Фред. — Поглядим, наложил ли святой Мунго Заклятие недосягаемости на двери палат.

Вдвоём они распутали пучок, отделили один от другого пять Удлинителей ушей и раздали остальным. Гарри заколебался: брать ли?

— Бери, Гарри! Ты спас папе жизнь. Кто-кто, а уж ты имеешь право послушать.

Невольно улыбнувшись, Гарри взял шнур и засунул конец в ухо, как близнецы.

— Ну, двигайтесь! — шепнул Фред.

Шнуры телесного цвета, извиваясь, как длинные тонкие червяки, проползли под дверь. Сначала Гарри ничего не слышал, а потом даже вздрогнул от неожиданности — шёпот Тонкс зазвучал так явственно, как будто она стояла рядом.

— Обыскали всё вокруг, но змею не нашли. Будто исчезла после того, как напала на тебя, Артур…

Но Ты-Знаешь-Кто не мог ведь рассчитывать, что она туда проберётся, правда?

— Думаю, он послал её на разведку, — прорычал Грюм, — до сих пор ему ничего не удавалось, так ведь? Нет, думаю, он хочет получить представление о том, с чем имеет дело, и если бы не Артур, эта гадина успела бы как следует оглядеться. Значит, Поттер говорит, что всё видел?

— Да, — отозвался мистер Уизли. Голос его звучал напряжённо. — Знаете, Дамблдор почти ожидал, что Гарри увидит нечто подобное.

— Есть что-то странное в парне, мы все это знаем.

— Когда я утром говорила с Дамблдором, он, по-моему, тревожился за Гарри, — прошептала миссис Уизли.

— Ещё бы не тревожился, — проворчал Грюм. — Малый видит глазами Сами-Знаете-Чьей змеи. Сам он, очевидно, не понимает, что это может значить, но если Вы-Знаете-Кто овладел им…

Гарри выдернул Удлинитель из своего уха, сердце у него бешено колотилось, в голову бросилась кровь. Он оглянулся на ребят. Все смотрели на него — шнуры по-прежнему вставлены в уши, а в глазах — страх.

Глава 23
Рождество в изоляторе

Так вот почему Дамблдор не смотрит ему в глаза! Боится увидеть в них взгляд Волан-де-Морта, боится, что зелёные вдруг станут красными, а зрачки превратятся в щели, как у кошки? Гарри вспомнил, как змеиная морда Волан-де-Морта высунулась из затылка профессора Квиррелла, и провёл ладонью по своему затылку, пытаясь представить себе, что он почувствует, если Волан-де-Морт вылезет из его головы.

А сейчас он чувствовал себя нечистым, заразным, словно носил в себе смертельный микроб и недостоин был сидеть в одном вагоне с чистыми, непорочными людьми, чьи мозги и тела не заражены отравой Волан-де-Морта… Он не просто видел змею, он был змеёй, теперь он это знает…

Ужасная мысль пришла ему в голову, всплыло кошмарное воспоминание, и внутри у него словно зашевелились змеи.

Что ему нужно, кроме сторонников?
То, чем он может завладеть только ис-

подтишка… некое… подобие оружия. То, чего у него не было в прошлый раз.

«Я — это оружие, — подумал Гарри, и будто яд потёк по его жилам, и весь он покрылся холодным потом в мчащемся по тёмному тоннелю вагоне. — Я — то, что хочет использовать Волан-де-Морт, вот почему ко мне приставляют охрану всюду, куда бы я ни пошёл — не меня защищают, а других людей, только это не помогает, они не могут постоянно держать кого-то при мне в Хогвартсе… Это я напал вчера ночью на мистера Уизли. Я. Волан-де-Морт меня заставил и, может быть, сейчас сидит во мне, и слушает мои мысли…»

— Гарри, милый, что с тобой? — шёпотом спросила миссис Уизли в грохочущем вагоне, перегнувшись через Джинни. — Ты плохо выглядишь. Тебе нездоровится?

Он яростно замотал головой и стал смотреть на рекламу страхования недвижимости.

— Гарри, ты правда не заболел, милый? — озабоченно спросила она, когда они огибали нестриженую травяную площадку посреди площади Гриммо. — Ты такой бледный… ты хотя бы выспался утром? Иди сейчас же в спальню и часика два поспи до ужина, хорошо?

Он кивнул. Вот и удобный повод не разговаривать с остальными, как раз то, о чём он мечтал. Поэтому, когда она открыла парадную дверь, он быстро прошёл мимо подставки для зонтиков в форме ноги тролля и поднялся в их с Роном спальню.

Тут он стал ходить взад-вперёд мимо двух кроватей и пустой рамы Финеаса Найджелуса, снова и снова возвращаясь к тем же вопросам и строя всё более ужасные предположения.

Как он сделался змеёй? Может быть, он анимаг?.. Нет, он знал бы. Может, Волан-де-Морт анимаг? Да, это похоже на правду, Волан-де-Морт запросто может превратиться в змею…

«А когда он мною овладевает, — думал Гарри, — тогда превращаемся мы оба… Но это не объясняет, каким образом я попал в Лондон и вернулся в свою постель за пять минут… Хотя Волан-де-Морт чуть ли не самый могущественный волшебник на земле после Дамблдора, ему ничего не стоит вот так перенести человека. — И тут он похолодел от ужаса. Но ведь это безумие: если Волан-де-Морт владеет мною, он видит через меня штаб Ордена Феникса! В эту самую минуту! Он узнает, кто в Ордене и где Сириус… и я столько всего услышал, чего не следовало — всё, что рассказал мне Сири-

ус в тот первый вечер, когда я сюда попал…»

Выход был только один: немедленно покинуть площадь Гриммо. Рождество он проведёт в Хогвартсе, хотя бы на праздники обезопасит своих… нет, не годится, там масса людей. Что, если они будут изувечены или убиты? Что, если следующим окажется Симус, или Дин, или Невилл? Он остановился перед пустым портретом Финеаса Найджелуса. Тело его наливалось свинцом. Выбора нет: вернуться на Тисовую улицу, напрочь отрезать себя от всех волшебников.

«Раз так, — подумал он, — нечего тут торчать». Стараясь не думать о том, как отреагируют Дурсли, увидев его у себя на пороге шестью месяцами раньше положенного, он подошёл к чемодану, захлопнул и запер его, огляделся, по привычке ища взглядом Буклю, вспомнил, что она ещё в Хогвартсе — хорошо, одной вещью меньше, клетку не надо тащить, — схватился за чемодан и поволок к двери. Но на полпути его остановил ехидный голос:

— Удираем, кажется?

Он обернулся. На портрете снова возник Финеас Найджелус: прислонясь к раме, он насмешливо наблюдал за Гарри.

— Не удираем, нет, — кратко ответил Гарри и

протащил чемодан ещё шага на два.

— Я думал, — сказал Финеас Найджелус, поглаживая остроконечную бородку, — что принадлежность к Гриффиндору предполагает в человеке смелость. Сдаётся мне, что вы уместнее были бы на моём факультете, Слизерине. Мы, слизеринцы, смелы, но не глупы. В частности, когда есть выбор, мы всегда предпочитаем спасти свою собственную жизнь.

— Я не свою жизнь спасаю, — отрезал Гарри, волоча чемодан по особенно неровному месту изъеденного молью ковра, уже перед самой дверью.

— Ах, понимаю, — сказал Финеас Найджелус, всё так же поглаживая бородку. — Это не трусливое бегство — вы хотите быть благородным.

Гарри не пожелал ответить и уже взялся за ручку двери, но тут Финеас Найджелус лениво произнёс:

— У меня для вас послание от Альбуса Дамблдора.

Гарри повернулся кругом.

— Какое?

— Оставайтесь на месте.

— Я и стою! — сказал Гарри, не отпуская ручку. — Так какое послание?

— Я только что передал его вам, болван, — хладнокровно ответил Финеас Найджелус. — Дамблдор говорит: «Оставайтесь на месте».

— Почему? — Гарри опустил чемодан. — Почему он хочет, чтобы я остался? Что ещё он сказал?

— Ничего абсолютно, — ответил Финеас Найджелус и вздёрнул тонкую чёрную бровь, словно показывая, что считает Гарри нахалом.

Злость поднялась в душе Гарри, как змея из высокой травы. Он был измучен, совершенно растерян, он пережил ужас, облегчение и новый ужас за эти двенадцать часов — и всё равно Дамблдор не желает с ним говорить!

— Вот как, значит? — громко сказал он. — «Оставайтесь на месте»? И это всё, что могут мне сказать после того, как на меня ещё и дементоры напали! Сиди тихо, Гарри, взрослые без тебя разберутся? Чего тебе объяснять — всё равно не поймёшь своим маленьким умишком!

— Знаете, — ещё громче него заговорил Финеас Найджелус, — именно из-за этого я ненавидел преподавание. Молодые нечеловечески убеждены, что абсолютно правы во всём! Вам не приходило в голову, мой бедный надутый индючок, что у главы Хогвартса есть веские причины не делиться с вами мельчайшими деталями

своих планов? Лелея свои обиды, вы ни разу не задумались о том, что приказы Дамблдора никогда не приносили вам вреда? Нет. Нет, как все молодые люди, вы совершенно уверены в том, что только вы способны думать и чувствовать, вы один чуете опасность, у вас одного достанет ума проникнуть в замыслы Тёмного Лорда…

— Значит, он замышляет как-то использовать меня? — быстро спросил Гарри.

— Разве я это сказал? — вопросом на вопрос ответил Финеас Найджелус, праздно разглядывая свои шёлковые перчатки. — А теперь извините, но у меня есть дела поинтереснее, чем выслушивать жалобы подростков. Всего наилучшего.

И вышел за край портрета.

— Ну и идите! — заорал Гарри пустому холсту. — И передайте Дамблдору мою благодарность ни за что.

Холст хранил молчание. Разъярённый Гарри подтащил чемодан обратно к изножью кровати и повалился ничком на изъеденное молью покрывало.

Он закрыл глаза, всё тело налилось тяжестью и ныло. Ощущение было такое, как будто он прошёл пешком сотни миль… Казалось невероятным, что меньше суток назад Чжоу Чанг

подходила к нему под омелой… он так устал… он боялся уснуть… но не знал, долго ли сможет бороться со сном… Дамблдор велел остаться. Значит, наверное, можно спать… но страшно. Что, если это стучится снова?

Он погружался во тьму…

И, словно только этого дожидавшийся, в голове начал крутиться фильм. Он шёл по пустынному коридору к чёрной двери, между грубых каменных стен и факелов, мимо дверного проёма, за которым каменная лестница уходила влево и вниз…

Он подошёл к чёрной двери, но не может её открыть. И стоит, глядит на неё в отчаянии… за ней то, чего он жаждет всей душой… несказанная награда… Если бы только перестало дёргать шрам… тогда бы он мог отчётливее соображать…

— Гарри, — послышался где-то вдалеке голос Рона, — мама говорит, ужин готов, но если ты не хочешь вставать, она для тебя оставит.

Гарри открыл глаза, но Рона уже не было в комнате.

«Он не хочет оставаться со мной наедине, — подумал Гарри. — После того, что услышал от Грюма».

Да никто не захочет терпеть его в этом доме,

зная, что у него внутри.

Он не пойдёт ужинать, не станет обременять их своим обществом. Он повернулся на другой бок и вскоре опять уснул. Спал долго, проснулся только ранним утром, с голодной болью в животе. На другой кровати храпел Рон. Едва разлепив глаза, Гарри увидел тёмные очертания Финеаса Найджелуса на портрете и подумал, что Финеас, наверное, послан Дамблдором — проследить, чтобы он на кого-нибудь ещё не напал.

Ощущение осквернённости стало ещё сильнее. Он готов был пожалеть, что послушался Дамблдора. Если такая жизнь ожидает его теперь на площади Гриммо, уж лучше было бы действительно убраться на Тисовую улицу.

* * *

Утром все развешивали рождественские украшения. Гарри никогда ещё не видел Сириуса в таком хорошем настроении — он распевал рождественские гимны и был несказанно рад тому, что встретит Рождество не один, а в компании. Голос его доходил до Гарри сквозь пол холодной гостиной, где он сидел один, смотрел, как белеет небо за окном, набрякая снегом, и испытывал какую-то свирепую радость от того, что дал воз-

можность остальным посудачить о нём — чем они, конечно, и заняты. В обед миссис Уизли тихо позвала его снизу, но он не откликнулся и ушёл на самый верх.

Около шести вечера в дверь позвонили, и миссис Блэк опять принялась вопить. Решив, что это пришёл Наземникус или кто-нибудь ещё из Ордена, Гарри только поудобнее устроился у стены в комнате Клювокрыла. Теперь он прятался здесь и подкармливал гиппогрифа дохлыми крысами, стараясь забыть о собственном голоде. Когда в дверь к нему сильно постучали через несколько минут, его это порядком удивило.

— Я знаю, что ты здесь, — раздался голос Гермионы. — Выйди, пожалуйста. Я хочу с тобой поговорить.

Гарри открыл дверь.

— А ты что тут делаешь?

Клювокрыл разгребал солому на полу, отыскивая случайно обронённые кусочки крысы.

— Я думал, ты на лыжах катаешься с мамой и папой.

— Честно говоря, лыжи — не самое любимое моё занятие. Приехала на Рождество сюда. — В волосах у неё был снег, лицо раскраснелось от мороза. — Только не говори Рону. Он надо мной

смеялся, а я без конца доказывала ему, что кататься на лыжах — большое удовольствие. Папа с мамой немного огорчились, но я сказала, что все, кто ответственно относится к экзаменам, остаются в Хогвартсе заниматься. Они хотят, чтобы я хорошо сдала, они поняли. Короче, — бодро сказала она, — идём в твою спальню, мама Рона растопила там камин и прислала сандвичи.

Гарри спустился за ней на второй этаж. К его удивлению, в спальне были Рон и Джинни — оба сидели на кровати Рона.

— Я приехала на автобусе «Ночной рыцарь», — беззаботно сообщила Гермиона, снимая куртку. — Дамблдор ещё вчера утром сказал мне, что случилось, но пришлось дождаться официального окончания семестра. Амбридж и так вся позеленела от того, что вы улизнули у неё из-под носа. Правда, Дамблдор ей объяснил, что мистер Уизли в больнице святого Мунго и он дал вам разрешение навестить его. Так что…

Она села рядом с Джинни, и теперь смотрели на Гарри все трое.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Гермиона.

— Прекрасно, — сухо ответил Гарри.

— Только не ври. Рон и Джинни говорят, что

ты от всех прячешься с тех пор, как вернулись из больницы.

— Говорят? Да? — сказал Гарри, сердито глядя на брата и сестру.

Рон рассматривал свои ботинки, а Джинни нисколько не смутилась.

— Да, прячешься, — сказала она. — И смотреть ни на кого не хочешь.

— Это вы не хотите на меня смотреть!

— Может, вы друг на друга по очереди смотрите, просто не совпадаете по времени? — предположила Гермиона, причём уголки рта у неё слегка поднялись.

— Очень остроумно, — огрызнулся Гарри и стал смотреть в сторону.

— Ах, как приятно чувствовать себя непонятым, — съязвила Гермиона. — Знаешь, они мне сказали, что вы подслушали вчера через Удлинители ушей.

— Да ну? — Засунув руки в карманы, Гарри смотрел на снегопад за окном. — Всё обо мне говорили? Ничего, я привыкаю.

— Мы с тобой хотели поговорить, — сказала Джинни, — но ты всё время от нас прячешься…

— А я не хочу, чтоб со мной говорили, — сказал Гарри, всё больше и больше раздражаясь.

— Ну, это глупо с твоей стороны, — сказала Джинни. — Из твоих знакомых я одна знаю, каково это, когда ты одержим Сам-Знаешь-Кем, и могу тебе рассказать.

Гарри на секунду застыл, ошеломлённый этими словами.

— Я забыл.

— Поздравляю, — холодно откликнулась Джинни.

— Прости, — сказал Гарри и правда почувствовал стыд. — Так думаешь… думаешь, и я одержим?

— А ты можешь вспомнить всё, что ты делал? Или были такие провалы в сознании, когда ты не понимал, что делаешь?

Гарри стал мучительно припоминать.

— Нет.

— Тогда Сам-Знаешь-Кто не завладел тобой, — твёрдо сказала Джинни. — Когда это было со мной, у меня вылетало из памяти то, что я делала в предыдущие часы. Окажусь где-то, и сама не знаю, как сюда попала.

Гарри боялся ей поверить, но на душе у него всё-таки стало легче.

— А как же этот сон с твоим папой и змеёй?

— Гарри, у тебя и раньше бывали такие сны, —

вмешалась Гермиона. — В прошлом году ты тоже иногда чувствовал, что замышляет Волан-де-Морт.

Гарри покачал головой.

— В этот раз было не так. Я был внутри змеи. Как будто сам был змеёй… А вдруг это Волан-де-Морт перенёс меня в Лондон?

— Когда-нибудь, Гарри, — с большим раздражением сказала Гермиона, — ты всё-таки прочтёшь «Историю Хогвартса», и, может быть, она напомнит тебе, что с территории Хогвартса нельзя трансгрессировать. Даже Волан-де-Морт не в силах заставить тебя вылететь из спальни.

— Ты не покидал своей постели, понял? — сказал Рон. — Ты сучил ногами во сне не меньше минуты, пока мы тебя будили.

Гарри снова заходил по комнате. То, что они говорили, было не только утешительно, но и звучало здраво. Не отдавая себе отчёта, он схватил с тарелки сандвич и чуть не целиком запихнул в рот.

«Всё-таки, я не оружие», — подумал он. Сердце его наполнилось радостью, и он готов был присоединиться к Сириусу, который протопал мимо их двери к лестнице наверх, распевая во весь голос:

«Храни тебя Господь, весёлый гиппогриф».

* * *

И что ему взбрело справлять Рождество на Тисовой улице? Радость Сириуса от появления гостей, и особенно Гарри, была заразительна. Он уже не был хмурым гостеприимцем, как летом, — теперь он был полон решимости подарить ребятам не меньше, а то и больше удовольствий, чем доставил бы им праздник в Хогвартсе. Он трудился без устали, с их помощью убирая и украшая дом, и к сочельнику дом стал неузнаваем. Потускневшие люстры опутаны были теперь не паутиной, а гирляндами из остролиста, золотой и серебряной канителью, на вытертых коврах искрились сугробы волшебного снега, большая ёлка, добытая Наземникусом и украшенная живыми феями, заслонила от глаз родословное дерево Сириуса, на сушёные головы эльфов нацепили красные колпаки и белые бороды, как у Санта-Клауса.

Проснувшись рождественским утром, Гарри увидел горку подарков, а Рон уже разворачивал свои, тоже из порядочной горки.

— Отменный улов в этом году, — сообщил он из-за вороха бумаги. — Спасибо за метловый компас — получше подарка от Гермионы. Видал? Планировщик домашних заданий.

Гарри разобрал свои и тоже нашёл свёрток, надписанный рукой Гермионы. В нём оказалась книжка, похожая на дневник, только когда ты раскрывал его на любой странице, она громко возвещала что-нибудь вроде «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят».

Сириус и Люпин подарили ему превосходную книжную серию под названием «Практическая защитная магия и её использование против Тёмных искусств» с прекрасными движущимися иллюстрациями всех контрзаклятий и заговоров. Гарри с интересом пролистал первый том — очень нужная вещь для занятий ОД. Хагрид прислал коричневый меховой бумажник с клыками — задумано, вероятно, как устройство против карманников, но, увы, Гарри не мог положить туда деньги ввиду неизбежной потери пальцев. Тонкс подарила маленькую действующую модель «Молнии», и, глядя, как она летает по комнате, Гарри пожалел, что у него нет полноразмерного варианта. От Рона он получил колоссальную коробку Всеароматного горошка, от четы Уизли — как всегда, джемпер ручной вязки и пирожки с изюмом и орехами, а от Добби — ужасающую картину, судя по всему, собственной работы. Только он перевернул

её — посмотреть, не лучше ли она выглядит с изнанки, — как с громким хлопком перед кроватью возникли Фред и Джордж.

— Весёлого Рождества, — сказал Джордж. — Погодите спускаться.

— Почему? — спросил Рон.

— Мама опять плачет, — угрюмо ответил Фред. — Перси вернул ей рождественский джемпер.

— Без записки, — добавил Джордж. — Ни об отце не спросил, ни сам к нему не сходил — ничего.

— Мы пробовали её утешить, — сказал Фред, пройдя вдоль кровати, чтобы взглянуть на портрет Гарри. — Объяснили ей, что Перси — просто большой кулёк крысиного помёта.

— Не помогло, — сказал Джордж, угощаясь шоколадной лягушкой. — Теперь Люпин нас сменил. Так что лучше подождать с завтраком, пока он её развлекает.

— А это что вообще такое? — сказал Фред, прищурясь на картину Добби. — Похоже на гиббона с двумя фингалами.

— Это Гарри! — сказал Джордж, тыча пальцем. — Так на обороте сказано.

— Ну, вылитый, — улыбнулся Фред.

Гарри запустил в него новым дневником. Тот врезался в стену, упал на пол и радостно изрёк: «Кончил дело — гуляй смело».

Рон и Гарри оделись. Слышно было, как по всему дому обитатели поздравляют друг друга с Рождеством. По дороге вниз они встретили Гермиону.

— Спасибо за книгу, Гарри, — сказала она. — Сто лет мечтала об этой «Новой теории нумерологии»! И духи твои, Рон, необыкновенные.

— Пустяки. А это для кого? — Рон кивнул на свёрток у неё в руках.

— Для Кикимера!

— Смотри, если одежда... — предостерёг он. — Сириус что сказал? «Кикимер слишком много знает, мы не можем отпустить его на свободу».

— Это не одежда. Хотя, будь моя воля, я дала бы ему что-нибудь вместо его грязной тряпки. Нет, это лоскутное покрывало, пусть немного оживит его спальню.

— Какую спальню? — спросил Гарри, понизив голос, потому что они проходили мимо портрета матери Сириуса.

— Ну, Сириус говорит, это не то чтобы спальня, а скорее нора, — сказала Гермиона. — Видимо, он спит под котлом, в чулане возле кухни.

Когда они спустились вниз, там не было никого, кроме миссис Уизли. Она стояла у плиты и пожелала им весёлого Рождества таким голосом, как будто у неё был насморк. Они отвели глаза.

— Так здесь спальня Кикимера? — сказал Рон, подойдя к невзрачной двери в углу напротив кладовки. Гарри ни разу не видел её открытой.

— Да, — сказала Гермиона несколько неуверенно. — Пожалуй, лучше постучать.

Рон постучался, но ответа не было.

— Наверху где-нибудь шастает, — сказал Рон и без дальнейших рассуждений распахнул дверь. — Фу-у!

Гарри заглянул в чулан. Большую часть его занимал старинный отопительный котёл, но в невысоком пространстве под трубами Кикимер устроил себе что-то вроде гнезда. На полу были навалены разные тряпки, вонючие одеяла и небольшая ямка в них указывала, где спит по ночам, свернувшись крендельком, Кикимер. Там и сям среди тряпья валялись хлебные корки и заплесневелые кусочки сыра. В углу блестели мелкие предметы и монетки, которые он перетаскал к себе, как сорока, спасая от генеральной уборки, затеянной Сириусом. Кроме того, он собрал фамильные фотографии, которые Сириус

повыбрасывал летом. Стекло на иных было разбито, что не мешало маленьким чёрно-белым людишкам надменно глядеть на Гарри, в частности — у него ёкнуло в животе — темноволосой даме с тяжёлыми веками, суд над которой он видел в Омуте памяти Дамблдора: Беллатриса Лестрейндж. Похоже, это была любимица Кикимера: её фото он поставил перед остальными, неуклюже склеив стекло чудо-скотчем.

— Пожалуй, оставлю подарок здесь. — Гермиона аккуратно положила свёрток в углубление постели и прикрыла дверь. — Найдёт его позже, ничего страшного.

— Между прочим, — сказал Сириус, выйдя в это время из кладовой с большой индейкой, — кто-нибудь видел Кикимера в последнее время?

— Я не видел его с тех пор, как мы сюда прибыли, — сказал Гарри. — Ты ещё выгонял его из кухни.

Сириус нахмурился:

— Да… Знаете, по-моему, я тоже с тех пор его не видел… Прячется где-нибудь наверху.

— А уйти он не мог? — спросил Гарри. — Когда ты сказал «вон», он мог так понять, что вон из дома.

— Нет, нет, домовые эльфы не могут уйти, пока

им не дали одежду. Они привязаны к семейному дому.

— Если очень захотят, то могут, — возразил Гарри. — Три года назад Добби ушёл от Малфоев, чтобы меня предупредить. После он должен был наказать себя, но уйти всё-таки смог.

На лице Сириуса промелькнуло озабоченное выражение, но он тут же сказал:

— Ладно, потом его поищу. Где-нибудь наверху сидит, льёт слёзы над панталонами моей мамаши или ещё чем. Конечно, мог заползти в вентиляционный шкаф и умереть… Но надеяться на это не смею.

Фред, Джордж и Рон рассмеялись, Гермиона же посмотрела на него с укоризной.

Покончив с рождественским обедом, семейство Уизли, Гарри и Гермиона собрались навестить мистера Уизли в сопровождении Люпина и Грозного Глаза. К пудингу и бисквиту со сливками подоспел Наземникус с «позаимствованным» автомобилем, поскольку в Рождество метро не работало. Гарри сомневался, что машина позаимствована с согласия владельца. Заклинанием её увеличили, как в своё время форд «Англию», и, хотя снаружи она выглядела обычно, в ней удобно разместились вдесятером, включая водителя

Наземникуса. Миссис Уизли долго колебалась перед тем, как залезть, — Гарри понимал, что подозрения насчёт Наземникуса борются в ней с нелюбовью к путешествиям без магии, но в конце концов мороз на улице и мольбы детей взяли верх, и она соизволила сесть между Фредом и Биллом.

До больницы святого Мунго доехали быстро: движение на улицах было маленькое. Редкой цепочкой, крадучись, по безлюдной улице двигались к больнице волшебники и волшебницы. Гарри вылез с остальными из машины. А Наземникус отъехал за угол, чтобы ждать их там. С незаинтересованным видом подошли к витрине, где стоял манекен в зелёном передничке, и по одному прошли сквозь стекло.

Приёмное отделение выглядело по-праздничному уютно: хрустальные шары, освещавшие больницу, окрасились в красный и золотой цвет и превратились в огромные сияющие рождественские игрушки; во всех углах искрились ёлки, усыпанные волшебным снегом, обвешанные сосульками, и каждая была увенчана золотой звездой. Сегодня тут было не так людно, как в прошлый раз, хотя на полпути к дверям Гарри оттолкнула в сторону волшебница с японской

чашкой в левой ноздре.

— Семейный спор, а? — усмехнулась блондинка за столом. — Сегодня вы у меня третья. «Недуги от заклятий», пятый этаж.

Мистер Уизли сидел в постели с подносом на коленях, только что кончив ужинать индейкой, и на лице у него было слегка виноватое выражение.

— Всё налаживается, Артур? — спросила миссис Уизли после того, как они поздоровались с ним и вручили подарки.

— Всё отлично, — сказал мистер Уизли как-то чересчур бодро. — Ты… э-э… не виделась с целителем Сметвиком?

— Нет. А что? — насторожилась она.

— Ничего, ничего, — беспечно ответил он и стал разворачивать подарки. — Хорошо провели день? А вам что подарили? Ох, Гарри, это просто чудо! — Он развернул подарок — электрический шнур и набор отвёрток.

Миссис Уизли не вполне удовлетворил ответ мужа. Когда он наклонился, чтобы пожать Гарри руку, она взглянула на повязку под ночной рубашкой.

— Артур, — отрывисто сказала она, и это было похоже на хлопок защёлкнувшейся мышелов-

ки, — тебе сменили повязку. Почему её сменили на день раньше? Мне сказали, что до завтра это не понадобится.

— Что? — сказал мистер Уизли довольно испуганно. — Да нет… это так… это просто…

Он как будто даже съёжился под пронзительным взглядом жены.

— Ну… только не расстраивайся, Молли, у Августа Сепсиса идея… он целитель-стажёр, знаешь? Приятнейший парень и очень интересуется… ну… дополнительной медициной… в смысле старыми магловскими средствами… Это называется «швы», Молли, они очень хорошо заживляют раны у маглов.

Миссис Уизли издала угрожающий звук, нечто среднее между визгом и рычанием. Люпин отошёл от кровати к оборотню, который тоскливо смотрел на толпу, окружавшую Уизли, — самого его никто не навещал. Билл пробормотал, что не прочь выпить чаю. Фред и Джордж вскочили, улыбаясь, и сказали, что проводят его.

— Не хочешь ли ты сказать, — заговорила миссис Уизли, с каждым словом повышая голос и не обращая внимания на то, что её спутники начинают разбегаться, — что балуешься магловскими лекарствами?

— Молли, дорогая, это не баловство, — умоляющим голосом произнёс мистер Уизли, — это просто… просто мы с Августом решили попробовать… но, к сожалению, при такого рода ранах… этот метод не так хорошо действует, как мы надеялись…

— То есть?

— Видишь ли… не знаю, известно ли тебе, что такое… что такое швы?

— Ты пробовал сшить на себе кожу. Так я поняла? — со свистящим грозным смехом сказала миссис Уизли. — Нет, даже ты, Артур, не до такой степени глуп!

— Я бы тоже выпил чаю, — сказал Гарри и вскочил со стула.

Гермиона, Рон и Джинни чуть ли не бегом устремились за ним к двери. Когда она захлопнулась за ними, они услышали крик миссис Уизли: «Что значит „это просто общая идея?“»

— Типичный папин заскок, — качая головой, сказала Джинни. — Швы… Надо же…

— Если рана не магическая, они очень помогают, — рассудительно заметила Гермиона. — Видимо, что-то в яде этой змеи растворяет их. Интересно, где тут буфет?

— На шестом, — сказал Гарри, вспомнив указа-

тель над столом привет-ведьмы.

Они прошли по коридору, потом через несколько двойных дверей и очутились перед ветхой лестницей, с портретами весьма сурового вида целителей. По пути наверх целители окликали их, ставили им странные диагнозы и предлагали жутковатые способы лечения. Рон всерьёз оскорбился, когда средневековый волшебник крикнул, что у него тяжёлая форма обсыпного лишая, и проследовал за ним ещё через шесть портретов, отпихивая с дороги их обитателей.

— Что ещё за новость? — не выдержал наконец Рон.

— Тяжелейшее поражение кожи, мой юный лорд, оно оставит вас рябым и ещё более безобразным, нежели сейчас…

— Полегче там насчёт «безобразных»! — сказал Рон с побагровевшими ушами.

— …единственное средство — взять печень жабы, туго привязать к горлу и при полной луне стать голым в бочку с глазами угрей…

— Нет у меня обсыпного!

— Но неприглядные пятна на вашем лице, мой юный лорд…

— Это веснушки! — заорал Рон. — Возвращайся на свой портрет и оставь меня в покое!

Он обернулся к спутникам, изо всех сил старавшимся сохранить невозмутимость.

— Это какой этаж?

— Я думаю, шестой, — сказала Гермиона.

— Нет, пятый, — сказал Гарри. — Нам выше.

Но, ступив на лестничную площадку, он остановился как вкопанный: взгляд его упёрся в дверь с табличкой «НЕДУГИ ОТ ЗАКЛЯТИЙ», за которой начинался коридор отделения. Через оконце в двери, прижавшись носом к стеклу, на них смотрел светловолосый кудрявый мужчина с ярко-голубыми глазами и улыбался бессмысленной лучезарной улыбкой во весь свой белозубый рот.

— Ух ты! — сказал Рон, уставясь на это лицо.

— Не может быть! — задохнулась Гермиона. — Профессор Локонс!

Их бывший преподаватель защиты от Тёмных искусств толкнул дверь и вышел на площадку в длинном сиреневом халате.

— Приветствую вас! Вы, я вижу, хотите получить мой автограф?

— Не сильно изменился, — шепнул Гарри, а Джинни, стоявшая рядом, улыбнулась.

— О-о… как ваше здоровье, профессор? — слегка виноватым тоном осведомился Рон.

Это его неисправная палочка так повредила

память профессора, что он угодил в больницу святого Мунго. Но поскольку произошло это в тот момент, когда он пытался полностью стереть память у Гарри и Рона, Гарри не был преисполнен сочувствия.

— Я совершенно здоров, благодарю вас! — восторженно сообщил Локонс, доставая из кармана довольно облезлое павлинье перо. — Итак, сколько вам нужно автографов? Знаете, теперь я умею писать письменными буквами!

— Спасибо, сейчас нам не нужно, — сказал Рон и обернулся к Гарри, сделав большие глаза.

А Гарри спросил:

— Профессор, ничего, что вы ходите по коридору? Разве вам не надо лежать в палате?

Улыбка Локонса увяла. Несколько мгновений он вглядывался в лицо Гарри, после чего сказал:

— Мы с вами не встречались?

— Да… было такое. Вы учили нас в Хогвартсе, помните?

— Учил? — чуть-чуть забеспокоился Локонс. — Я? В самом деле?

А затем улыбка возникла вновь — с такой внезапностью, что стало даже страшновато.

— Научил вас всему, что вы знаете, не так ли? Так что с автографами? Дать вам ровно дюжину,

чтобы вы могли подарить вашим маленьким друзьям и никто не остался в накладе?

Но в это время из двери в дальнем конце коридора высунулась голова, и голос, полный материнской заботливости, сказал:

— Златопустик, шалунишка, куда это ты убежал?

Добродушного вида целительница с мишурным веночком в волосах торопливо шла к ним по коридору и приветливо улыбалась.

— Ах, Златопустик, у тебя гости! Как мило — да ещё в Рождество. Бедный ягнёночек, вы знаете, его никто не навещает, не понимаю почему, ведь он такая душка!

— Мы раздаём автографы, — сообщил ей Локонс с ослепительной улыбкой. — Они потребовали много, могу ли я отказать? Надеюсь, у нас хватит фотографий?

— Только послушайте его, — сказала целительница, взяв Златопуста под руку и растроганно улыбаясь ему, словно двухлетнему малышу. — Несколько лет назад он был известным человеком, и вот опять полюбил давать автографы — мы очень надеемся, что это признак выздоровления, что к нему возвращается память. Пожалуйста, пройдите сюда. Понимаете, он содержится в

изоляторе, видимо, выскользнул, пока я разносила рождественские подарки. Обычно дверь на запоре… Не потому, что он опасен! Но… — она понизила голос до шёпота, — он немножко опасен для самого себя, бедненький… не помнит, кто он, уходит и не знает, как вернуться… Как мило, что вы пришли его навестить.

— Да мы… — Рон беспомощно показал на потолок, — вообще-то мы…

Но целительница выжидательно улыбалась им, и растерянное бормотание Рона «хотели выпить чаю» повисло в пустоте. Они грустно переглянулись и поплелись за Локонсом и целительницей по коридору.

— Только недолго, — шепнул Рон.

Целительница направила волшебную палочку на дверь палаты Януса Тики и произнесла:

— *Алохомора.*

Дверь распахнулась, и, крепко держа Златопуста под руку она ввела его в палату и усадила в кресло возле кровати.

— Здесь пациенты на длительном лечении, — тихо объяснила она ребятам. — Непоправимые повреждения от заклятий. Конечно, с помощью сильных лекарственных зелий и чар в удачных случаях мы добиваемся некоторого улучшения.

Златопуст, кажется, понемногу приходит в себя, а у мистера Боуда налицо значительное улучшение: к нему возвращается дар речи, хотя пока что он разговаривает на языке, который нам не известен. Хорошо, мне надо ещё раздать рождественские подарки, а вы пока поболтайте.

Гарри огляделся. По всем признакам палата была постоянным обиталищем её пациентов. Здесь около кроватей скопилось гораздо больше их личных вещей, чем в палате мистера Уизли; стена над изголовьем у Локонса была сплошь обклеена его фотографиями. Он ослепительно улыбался с каждой и приветственно махал посетителям. Многие из них он подписал самому себе, детскими печатными буквами. Как только целительница поместила его в кресло, Златопуст подтянул к себе новую пачку фотографий, схватил перо и стал лихорадочно их подписывать.

— Можете положить их в конверты, — посоветовал он Джинни, бросая ей на колени одну за другой по мере подписания. — Знаете, меня не забыли, нет, я получаю кучу писем от поклонников… Глэдис Гаджен пишет каждую неделю… Хотел бы знать почему… — Он замолк в лёгком недоумении, потом опять расцвёл улыбкой и с новой энергией принялся за автографы. — Види-

мо, причиной моя прекрасная внешность…

Напротив лежал траурного вида, с землистым лицом волшебник и смотрел в потолок; он что-то бормотал себе под нос и как будто не замечал окружающего. Через одну кровать от него располагалась женщина; вся голова у неё обросла шерстью. Гарри вспомнил, как на втором курсе нечто похожее произошло с Гермионой. К счастью, тогда это явление оказалось временным. В дальнем конце палаты две кровати были отгорожены цветастыми занавесками, чтобы больные и их посетители могли отдохнуть от посторонних глаз.

— А это тебе, Агнес, — весело сказала целительница, вручая шерстистой женщине маленькую стопку рождественских подарков. — Видишь, тебя не забывают. И сын прислал сову — пишет, что навестит тебя вечером. Как приятно!

Агнес несколько раз гавкнула.

— А тебе, Бродерик, смотри, прислали цветок в горшке и красивый календарь с разными забавными гиппогрифами на каждый месяц. С ними будет веселее, правда?

Целительница подошла к бормотуну, поставила на тумбочку довольно уродливое растение с длинными качающимися щупальцами и волшеб-

ной палочкой прикрепила к стене календарь.

— О, миссис Долгопупс, вы уже уходите?

Гарри крутанул головой. Занавески в дальнем конце были раздвинуты и по проходу между кроватями шли двое посетителей: могучего вида старуха в длинном зелёном платье с изъеденной молью лисой и в остроконечной шляпе, украшенной не чем иным, как чучелом стервятника, и позади неё, нога за ногу, удручённый Невилл.

И тут Гарри осенило, кто эти двое в дальнем конце палаты. Он стал озираться — чем бы отвлечь друзей, чтобы Невилл вышел незамеченным, чтобы к нему не пристали с расспросами, но Рон тоже оглянулся, услышав фамилию Долгопупс, и, прежде чем Гарри успел остановить его, крикнул: «Невилл!»

Невилл вздрогнул и съёжился, словно мимо просвистела пуля.

— Невилл, это мы! — Рон вскочил. — Ты видел? Локонс здесь! Ты к кому приходил?

— Твои друзья, Невилл, дорогой? — любезно сказала его бабушка, направляясь к компании.

У Невилла был такой вид, будто он предпочёл бы провалиться сквозь землю. Пухлое лицо его налилось багровой краской, и он старался ни на кого не смотреть.

— Ах, да, — сказала бабушка, приглядевшись к Гарри. И подала ему морщинистую и как бы когтистую руку, — да, да, конечно. Я знаю, кто ты, Невилл очень тебя ценит.

— Спасибо, — сказал Гарри и пожал ей руку. Невилл не смотрел на него, он потупился и ещё больше потемнел лицом.

— А вы, несомненно, Уизли, — продолжала старуха, царственно подавая руку сначала Рону, а потом Джинни. — Да, я знаю ваших родителей — не близко, конечно, — достойнейшие, достойнейшие люди. А ты, должно быть, Гермиона Грейнджер?

Гермиона была поражена тем, что старой даме известно её имя, но руку исправно подала.

— Да, Невилл про тебя рассказывал. Выручала его не раз, правда? Он хороший мальчик, — старуха кинула на внука сурово-оценивающий взгляд, — но, боюсь, не унаследовал отцовского таланта.

Она кивнула в сторону дальних кроватей; при этом чучело стервятника у неё на голове угрожающе заколыхалось.

— Что? — изумился Рон (Гарри хотел наступить ему на ногу, но сделать это незаметно в джинсах гораздо труднее, чем в мантии). — Это твой

папа там?

— Что я слышу, Невилл? — строго сказала старая дама. — Ты не рассказал друзьям о родителях?

Невилл глубоко вздохнул, посмотрел на потолок и помотал головой. Гарри не помнил, чтобы кого-нибудь ещё ему было так жалко, но помочь сейчас Невиллу ничем не мог.

— Тут нечего стыдиться, — сердито сказала миссис Долгопупс. — Ты должен гордиться ими, Невилл, гордиться! Не для того они пожертвовали душевным и физическим здоровьем, чтобы их стыдился единственный сын!

— Я не стыжусь, — пролепетал Невилл, по-прежнему не глядя ни на кого из друзей.

Рон привстал на цыпочки, чтобы увидеть больных в том конце.

— Интересно же ты это демонстрируешь, — сказала старая дама. — Моего сына и его жену, — продолжала она, величественно повернувшись к Гарри и остальным, — пытками довели до безумия сторонники Вы-Знаете-Кого.

Джинни и Гермиона прижали ладони ко рту, Рон перестал тянуть шею в направлении родителей Невилла и мгновенно скис.

— Они были мракоборцами и очень уважаемы-

ми людьми в волшебном сообществе, — продолжала старая дама. — Чрезвычайно одарённые, оба. Я… Да, Алиса? Что такое, дорогая?

К ним незаметно подошла мать Невилла в ночной рубашке. Совсем не та круглолицая счастливая женщина с фотографии первоначального Ордена Феникса, которую Грюм показывал тогда Гарри. Лицо у неё исхудало и состарилось, глаза на нём казались огромными, а волосы поседели, стали жидкими и тусклыми. Она как будто не хотела заговорить, а может, вообще не могла и только делала какие-то робкие движения, протягивая что-то Невиллу.

— Опять? — с лёгкой усталостью в голосе сказала её свекровь. — Очень хорошо, дорогая, очень хорошо… Невилл, возьми, всё равно, что это.

Но Невилл уже протянул руку, и мать уронила в неё пустую обёртку от «Лучшей взрывающейся жевательной резинки Друбблс».

— Это прелесть, дорогая, — сказала бабушка Невилла наигранно весёлым голосом и погладила невестку по плечу.

А Невилл тихо сказал:

— Спасибо, мама.

Алиса засеменила к своей кровати, напевая без слов. Невилл с вызовом посмотрел на ребят: да-

вайте, мол, смейтесь, а Гарри подумал, что за всю свою жизнь не видел ничего менее смешного.

— Ну что ж, пора нам и восвояси, — вздохнула миссис Долгопупс, натягивая длинные зелёные перчатки. — Рада была познакомиться с вами, молодые люди. Невилл, брось обёртку в урну, она тебе их столько надавала, что впору уже комнату обклеивать.

Но Гарри заметил, как перед выходом Невилл незаметно сунул обёртку в карман. Дверь за ними закрылась.

— Я не знала, — сказала Гермиона, чуть не плача.

— И я, — хрипло отозвался Рон.

— Я тоже, — прошептала Джинни. Все смотрели на Гарри.

— Я знал, — сказал он угрюмо, — Дамблдор мне рассказал, но я пообещал, что буду молчать… За это Беллатрису Лестрейндж отправили в Азкабан — она пытала их заклятием Круциатус, пока они не сошли с ума.

— Беллатриса Лестрейндж? — с ужасом прошептала Гермиона. — Та, чья фотография у Кикимера в берлоге?

Наступило долгое молчание. Нарушил его сердитый голос Локонса:

— Слушайте, я зря, что ли, учился писать письменными буквами?!

Глава 24
Окклюменция

Кикимер, как выяснилось, прятался на чердаке. Нашёл его Сириус; домовик весь был в пыли и, несомненно, искал там семейные реликвии Блэков, чтобы перетащить к себе в чулан. Сириус удовлетворился этим объяснением, но Гарри ощущал беспокойство. Настроение у Кикимера как будто улучшилось, ворчать он стал реже и не так злобно, приказы выполнял послушнее, чем обычно, но несколько раз Гарри замечал на себе его жадный взгляд, причём он тут же отводил глаза, увидев, что Гарри на него смотрит.

Гарри не делился своими смутными подозрениями с Сириусом, тем более что после Рождества весёлость крёстного быстро испарялась. По мере того как приближался день их отъезда в Хогвартс, на него всё чаще нападали «приступы мрачности», как называла их миссис Уизли, он становился молчалив и раздражителен, часами сидел один в комнате гиппогрифа. Его уныние расползалось по дому, просачивалось под двери, как ядовитый газ, заражало остальных.

Гарри не хотелось снова оставлять Сириуса в обществе одного Кикимера; мало того, он впервые не радовался возвращению в Хогвартс. Приехать в школу значило снова попасть под тиранию Амбридж, которая в их отсутствие наверняка протащила ещё десяток декретов; квиддича он лишён, домашних заданий навалят гору — дело идёт к экзаменам; Дамблдор по-прежнему чурается его. Если бы не ОД, думал Гарри, он вообще попросил бы разрешения у Сириуса бросить школу и остаться на площади Гриммо.

А в последний день каникул произошло такое, отчего Гарри стал думать о школе просто с ужасом.

— Гарри, дорогой, — сказала миссис Уизли, просунув голову в дверь их спальни, когда они с Роном играли в волшебные шахматы, а за игрой наблюдали Джинни, Гермиона и Живоглот. — Можешь спуститься в кухню? С тобой хочет поговорить профессор Снегг.

До Гарри не сразу дошёл смысл её слов: его ладья вступила в бурную схватку с пешкой Рона, и Гарри её усердно науськивал:

— Дави её, дави, идиотка, это же только пешка. Извините, миссис Уизли, что вы сказали?

— Профессор Снегг, милый. На кухне. Хочет

поговорить.

От испуга Гарри даже рот разинул. Он оглянулся на Рона, на Джинни с Гермионой — они тоже смотрели на него во все глаза. Живоглот, последние четверть часа удерживаемый Гермионой, радостно вспрыгнул на доску, и фигуры с громкими воплями бросились врассыпную.

— Снегг? — тупо повторил Гарри.

— Профессор Снегг, — поправила миссис Уизли. — Иди скорее, он говорит, у него мало времени.

— Чего ему надо от тебя? — обескураженно спросил Рон, когда мать вышла из комнаты. — Ты вроде ничего не сделал.

— Нет! — с возмущением сказал Гарри, тщетно пытаясь сообразить, какое им совершено преступление, если Снегг гнался за ним аж до площади Гриммо.

Минутой позже он толкнул дверь кухни и увидел Сириуса и Снегга за длинным столом, напряжённо глядящих в разные стороны. Молчание их было наэлектризовано взаимной неприязнью. Перед Сириусом на столе лежало раскрытое письмо.

Гарри кашлянул, чтобы объявить о своём присутствии.

Снегг обернулся к нему: лицо в рамке сальных чёрных волос.

— Сядьте, Поттер.

— Знаешь, Снегг, — громко сказал Сириус, отвалив свой стул на задние ножки и глядя в потолок, — я предпочитаю, чтобы ты не отдавал здесь приказов. Это мой дом, понимаешь ли.

Бледное лицо Снегга некрасиво потемнело. Гарри сел рядом с Сириусом, глядя на Снегга через стол.

— Предполагалось, что мы поговорим с глазу на глаз, Поттер, — сказал Снегг со знакомой кривой усмешкой, — но Блэк…

— Я его крёстный, — громче прежнего сказал Сириус.

— Я здесь по распоряжению Дамблдора, — Снегг же, наоборот, говорил всё тише и ядовитее, — но, ради всего святого, оставайся, Сириус. Я знаю, ты любишь чувствовать себя… причастным.

— Это как прикажешь понимать? — С громким стуком Сириус опустил свой стул на все четыре ноги.

— Да, я понимаю, ты должен быть… ах… расстроен тем, что не делаешь ничего полезного, — с лёгким нажимом на последнее слово, — для Ордена.

Теперь побагровел Сириус. Снегг, злорадно усмехнувшись, обратился к Гарри:

— Директор послал меня передать вам его желание, Поттер, чтобы в этом семестре вы изучали окклюменцию.

— Что изучать? — не понял Гарри. Снегг ещё больше скривил рот.

— Окклюменцию, Поттер. Магическую защиту ума от проникновения извне. Малоизвестный раздел магии, но крайне полезный.

Сердце у Гарри бешено застучало. Защита от проникновения извне? Но ведь он не одержим, все на этом сошлись…

— Почему я должен изучать окклю… как её? — выпалил он.

— Потому что так считает нужным директор, — хладнокровно ответил Снегг. — Вы будете получать индивидуальные уроки раз в неделю, но никому не скажете об этом, в первую очередь Долорес Амбридж. Вам понятно?

— Да. Кто будет меня учить?

— Я.

У Гарри возникло отвратительное ощущение, что внутренности его плавятся. Дополнительные уроки у Снегга — чем он заслужил такое наказание?

— Почему Дамблдор не может его учить? — воинственно спросил Сириус. — Почему ты?

— Потому, видимо, что привилегия директора — поручать наименее приятные дела другим, — вкрадчивым голосом ответил Снегг. — Уверяю тебя, я не напрашивался. — Он встал. — Жду вас в понедельник, в шесть вечера, Поттер. В моём кабинете. Если спросят — вы изучаете лекарственные зелья. Всякий, кто видел вас на моих занятиях, не усомнится, что вам это необходимо.

Он двинулся к двери, чёрный дорожный плащ вздулся за его спиной.

— Постой, — сказал Сириус и выпрямился на стуле.

— Я спешу, Блэк. В отличие от тебя, у меня нет бездны свободного времени.

— Тогда к делу, — сказал, поднимаясь, Сириус. Он был значительно выше Снегга, который сжал в кармане кулак, — Гарри не сомневался, что в кулаке у него волшебная палочка. — Если услышу, что эти свои уроки окклюменции ты используешь для того, чтобы притеснять Гарри, будешь иметь дело со мной.

— Как трогательно, — осклабился Снегг. — Но ты, полагаю, заметил, что Гарри пошёл в отца?

— Заметил, — с гордостью сказал Сириус.

— Тогда ты догадываешься, насколько он высокомерен. Критика отскакивает от него, как от стенки горох.

Сириус оттолкнул стул в сторону и двинулся вокруг стола к Снеггу, на ходу вытащив волшебную палочку. Снегг выхватил свою. Оба изготовились: Сириус, пышущий яростью, Снегг, расчётливый и хладнокровный; глаза перебегают с палочки Сириуса на лицо и обратно.

— Сириус! — громко сказал Гарри, но Сириус будто не слышал.

— Я тебя предупредил, Нюниус! — сказал он, сунувшись к самому лицу Снегга. — Мне плевать, что Дамблдор считает тебя исправившимся. Я тебя лучше знаю!

— Так почему ты ему не скажешь? — прошептал Снегг. — Или боишься, что он не воспримет всерьёз совет человека, который полгода прячется в материнском доме?

— Скажи мне, как поживает нынче Люциус Малфой? Поди, доволен, что его верный пёсик работает в Хогвартсе?

— Кстати, о пёсиках, — нежно сказал Снегг. — Ты знаешь, что Люциус Малфой узнал тебя, когда ты в последний раз рискнул прошвырнуться? Ловко придумано, Блэк, — показаться на закры-

той платформе. Железное оправдание, чтобы больше не высовывать нос из норы.

Сириус поднял волшебную палочку.

— НЕТ! — закричал Гарри и, опершись рукой на стол, перелетел через него, чтобы встать между ними. — Не надо, Сириус!

— Ты назвал меня трусом! — взревел Сириус и свободной рукой попытался оттолкнуть Гарри, но тот устоял.

— О, кажется, так, — сказал Снегг.

— Гарри… не лезь… под ноги! — рычал Сириус, отталкивая его в сторону.

Дверь кухни открылась, и вошла вся семья Уизли вместе с Гермионой, совершенно счастливые. Посреди группы гордо шагал сам мистер Уизли в макинтоше, надетом поверх полосатой пижамы.

— Исцелён! — объявил он, адресуясь ко всей кухне в целом. — Абсолютно здоров!

Он и остальные Уизли замерли у двери, глядя на разыгравшуюся сцену, которая тоже прервалась в самом разгаре: Сириус и Снегг смотрели на вошедших, направив волшебные палочки друг другу в лицо, а Гарри, пытавшийся их развести, так и застыл с раскинутыми руками.

— Разорви меня горгулья, — сказал мистер Уизли, перестав улыбаться, — что здесь происходит?

Сириус и Снегг опустили волшебные палочки; Гарри переводил взгляд с одного на другого. Лица обоих выражали крайнее презрение, но неожиданный приход многочисленных свидетелей как будто привёл их в чувство. Снегг убрал волшебную палочку в карман и, ни слова не сказав семейству, направился к выходу. В дверях он оглянулся:

— Понедельник, шесть вечера, Поттер.

Он ушёл. Сириус смотрел ему вслед, опустив палочку.

— Что тут происходит? — снова спросил мистер Уизли.

— Ничего, Артур. — Сириус тяжело дышал, словно после долгого бега. — Просто дружеская беседа двух старых однокашников. — С заметным усилием он улыбнулся. — Значит, ты вылечился? Это прекрасная новость. Прекрасная новость.

— Правда же? — сказала миссис Уизли, подводя мужа к стулу. — Целитель Сметвик всё-таки совершил чудо — нашёл противоядие, а Артур получил урок — будет знать, как баловаться с магловской медициной. Правда, Артур? — спросила она с некоторой угрозой.

— Да, дорогая, — покорно сказал мистер Уизли.

Ужину полагалось быть весёлым в этот вечер —

мистер Уизли снова в кругу семьи. И Гарри видел, что Сириус очень старается поддержать общее настроение, но, когда он не принуждал себя смеяться шуткам Фреда и Джорджа и не подкладывал гостям еду, лицо его приобретало задумчивое, угрюмое выражение. Между ним и Гарри сидели Наземникус и Грюм, пришедшие поздравить Артура с выздоровлением. Гарри хотел поговорить с ним, сказать, чтобы он не слушал Снегга, что Снегг нарочно подзуживает его, что никто не считает его трусом: ведь это Дамблдор велел ему скрываться на площади Гриммо. Но у него не было такой возможности, да и, глядя на мрачное лицо Сириуса, он сомневался, что отважится об этом заговорить, даже если бы представилась такая возможность. Он только шепнул Рону и Гермионе, что должен брать уроки окклюменции у Снегга.

— Дамблдор хочет, чтобы ты перестал видеть сны о Волан-де-Морте, — сразу догадалась Гермиона. — Ты же не будешь по ним скучать?

— Дополнительные уроки у Снегга, — ужаснулся Рон. — Мне, пожалуйста, кошмары!

Завтра им предстояло вернуться в Хогвартс на автобусе «Ночной рыцарь» в сопровождении Тонкс и Люпина. Утром, когда Гарри, Рон

и Гермиона спустились на кухню, эти двое уже завтракали. У взрослых шёл какой-то разговор вполголоса, и, увидев Гарри в дверях, они сразу замолчали.

Наскоро поев, надели куртки и шарфы — январское утро, на дворе мороз. Гарри ощущал неприятное стеснение в груди, ему не хотелось прощаться с Сириусом. Он уезжал отсюда с тяжёлым чувством: неизвестно, когда они снова свидятся, и он обязан как-то предупредить крёстного, чтобы тот не делал глупостей. Гарри опасался, что обвинение в трусости, брошенное Снеггом, глубоко уязвило Сириуса, и, может быть, он уже сейчас затевает какую-то безрассудную вылазку с площади Гриммо. Но пока он раздумывал, Сириус сам поманил его.

— Я хочу, чтобы ты это взял, — сказал он и сунул ему в руку неаккуратный свёрток размером с небольшую книжку.

— Что это?

— Это для того, чтобы ты дал мне знать, если Снегг начнёт тебя тиранить. — Сириус настороженно оглянулся на миссис Уизли, которая уговаривала близнецов надеть вязаные варежки. — Сомневаюсь, что Молли меня одобрит, но обязательно воспользуйся, если я понадоблюсь.

Договорились?

— Ага, — сказал Гарри, засовывая свёрток во внутренний карман куртки.

Но он знал, что никогда не воспользуется этой вещью. Как бы ни изводил его Снегг на уроках окклюменции, он, Гарри, не станет выманивать Сириуса из убежища.

— Тогда идём. — С хмурой улыбкой Сириус хлопнул его по плечу.

Гарри не успел ничего сказать, и через минуту, поднявшись по лестнице в окружении Уизли, они уже стояли перед парадной дверью, запертой на тяжёлую цепь и засов.

— До свидания, Гарри. Береги себя, — обняв его, сказала миссис Уизли.

— Будь здоров и приглядывай там за змеями, — добродушно сказал мистер Уизли и пожал ему руку.

— Ладно, — рассеянно отозвался Гарри.

Это была последняя возможность попросить Сириуса, чтобы он не рисковал. Гарри повернулся, посмотрел на крёстного и хотел уже заговорить, но не успел. Сириус быстро обхватил его одной рукой за плечи и отрывисто сказал:

— Держи ухо востро, Гарри.

В следующее мгновение его вытолкнули на

морозный воздух, и Тонкс (сегодня принявшая вид высокой седой дамы в твиде) поторапливала его с крыльца.

Дверь дома двенадцать захлопнулась за ними. Вслед за Люпином они спустились на тротуар. Гарри посмотрел назад. Дом двенадцать быстро сжимался, теснимый с обеих сторон соседями. Миг, и он исчез.

— Пошли, чем скорее сядем в автобус, тем лучше, — сказала Тонкс, и во взгляде, которым она окинула площадь, Гарри почувствовал нервозность.

Люпин выбросил правую руку. БАХ!

Ярко-фиолетовый трёхэтажный автобус возник перед ними из воздуха, чуть не сбив фонарный столб, который вовремя успел отскочить.

Худой, прыщавый, лопоухий малый в фиолетовой форме спрыгнул на землю и сказал:

— Добро пожа…

— Да, да, знаем, — нетерпеливо сказала Тонкс. — Залезайте, залезайте…

Она толкнула Гарри к ступенькам мимо кондуктора, который вытаращился на него.

— А-а… да это Гарри!..

— Ещё раз выкрикнешь его имя — насмерть заколдую, — пообещала Тонкс, подталкивая уже

Гермиону и Джинни.

— Всю жизнь мечтал прокатиться на этой штуке, — радостно сказал Рон, присоединившись к Гарри и оглядывая салон.

В прошлый раз Гарри ехал на «Ночном рыцаре» вечером, и все три этажа были забиты медными кроватями. Теперь, ранним утром, тут теснились разномастные кресла, беспорядочно составленные вблизи окон. Некоторые попадали, когда автобус резко затормозил на площади Гриммо; кое-кто из волшебников и волшебниц, ворча, ещё только поднимался на ноги. Чей-то пакет проехал по всему полу, разбросав неаппетитную смесь лягушачьей икры, тараканов и заварного крема.

— Похоже, нам надо разделиться, — сказала Тонкс, оглядев свободные кресла. — Фред, Джордж и Джинни, вы сядьте там сзади… Римус с вами.

Сама она вместе с Гарри, Роном и Гермионой поднялась на самый верхний этаж, где было два свободных кресла впереди и два в заднем конце. Кондуктор Стэн Шанпайк с энтузиазмом проследовал за Гарри и Роном назад. По дороге головы пассажиров поворачивались в их сторону, но, когда Гарри сел, всё моментально вернулись в исходное положение.

Гарри и Рон отдали Стэну по одиннадцать

сиклей, и автобус снова пришёл в движение, угрожающе виляя. Он прогрохотал по площади Гриммо, где по тротуару, где по мостовой, а затем с новым оглушительным «БАХ!» их всех бросило назад. Кресло Рона опрокинулось, Сыч, располагавшийся у него на коленях, вырвался из клетки, с громким писком пролетел вперёд и там сел на плечо Гермионы. Гарри не упал только потому, что схватился за канделябр. Он выглянул в окно: сейчас они мчались как будто по автостраде.

— Уже под Бирмингемом, — радостно сообщил Стэн в ответ на незаданный вопрос Гарри, пока Рон поднимался с пола. — Ты сам-то как? Летом про тебя много писали в газете, только хорошего ничего. Я говорю Эрну: не похож был, говорю, на психа, когда с нами ехал, — было бы видать, правильно?

Он вручил им билеты и продолжал восхищённо глазеть на Гарри. Очевидно, Стэну было всё равно, псих перед ним или нет, главное, что знаменитый и про него пишут в газете. «Ночной рыцарь» опасно вилял, обгоняя поток автомобилей по внутренней полосе. Гарри увидел, что Гермиона закрыла глаза ладонями, довольный Сыч качался у неё на плече.

БАХ!

Кресла снова поехали назад — «Ночной рыцарь» перескочил с Бирмингемской автострады на тихий извилистый просёлок. Живые изгороди по обе стороны резво отскакивали от дороги, когда автобус брал очередной поворот. Затем они ввалились на центральную улицу людного городка, оттуда выскочили на обдуваемую всеми ветрами дорогу на возвышенности — и каждый раз это сопровождалось оглушительным «БАХ!».

— Я передумал, — проворчал Рон, в шестой раз поднимаясь с пола, — больше не хочу кататься на этой штуке.

Мотаясь по проходу, к ним двигался Стэн:

— Слышь, следующая остановка — Хогвартс. Эта важная тётка, что с вами, велела подбросить вас вне очереди. Сейчас, только высадим мадам Марш… — Снизу донёсся звук рвотных потуг и наконец жуткий плеск. — Ей малость нехорошо.

Через несколько минут «Ночной рыцарь» затормозил перед маленьким баром, проворно уклонившимся от тарана. Слышно было, как Стэн помогает спуститься незадачливой мадам Марш и как с облегчением переговариваются её соседи на втором этаже. Автобус рванул с места, набрал скорость и…

БАХ!

Они уже катят по заснеженному Хогсмиду. В переулке мелькнула «Кабанья голова» с отрубленной головой на скрипучей вывеске. Снежные хлопья лепятся к ветровому стеклу. Вот и ворота Хогвартса.

Люпин и Тонкс помогли им вынести вещи, потом вышли попрощаться. Гарри кинул взгляд на автобусные этажи — со всех трёх на них смотрели пассажиры, прижавшись носами к окнам.

— На территории вы будете в безопасности, — сказала Тонкс, проверив взглядом пустынную дорогу. — Удачного семестра.

— Будьте здоровы, — говорил Люпин, по очереди пожимая руку ребятам. Последним был Гарри, остальные уже прощались с Тонкс. — Слушай, — он понизил голос, — я знаю, ты не любишь Снегга, но он превосходный окклюменист, и все мы, включая Сириуса, хотим, чтобы ты научился защищать себя. Так что старайся, ладно?

— Хорошо, постараюсь, — невесело ответил Гарри, глядя на преждевременно изрезанное морщинами лицо. — До встречи.

Вшестером, волоча чемоданы, они побрели по скользкой дорожке к замку. Гермиона уже говорила о том, что к вечеру надо связать несколько шапок для эльфов. Когда подошли к дубовым

дверям замка, Гарри оглянулся назад: «Ночного рыцаря» и след простыл, и он, подумав о завтрашнем вечернем уроке, почти пожалел, что не остался в автобусе.

* * *

Весь следующий день Гарри со страхом ожидал вечернего занятия. Утренний сдвоенный урок зельеварения отнюдь не рассеял его тревоги: Снегг был враждебен, как всегда. Ещё больше испортили ему настроение члены ОД, непрерывно подходившие с вопросом, соберёт ли он их сегодня вечером.

— Сообщу вам обычным способом, когда будет сбор, — снова и снова повторял он. — Сегодня не могу. Мне надо… короче, на лекарственные зелья.

— Ты проходишь лекарственные зелья? — презрительно спросил Захария Смит, поймав его после обеда в вестибюле. — Да ты, наверно, вообще ни бум-бум. Снегг никогда не давал дополнительных уроков.

Он чванливо отошёл, и Рон, прожигавший глазами его спину, поднял волшебную палочку и, нацелившись между лопаток, спросил:

— Колдануть его? Отсюда ещё достану.

— Да брось, — грустно сказал Гарри. — Сейчас все так будут думать. Что совсем глупый…

— Привет, Гарри, — раздался голос у него за спиной. Он повернулся: Чжоу.

— А, — внутри у него что-то подпрыгнуло. — Привет.

— Гарри, мы будем в библиотеке, — решительно сказала Гермиона, схватив Рона за локоть и направляя к мраморной лестнице.

— Как встретил Рождество? — спросила Чжоу.

— Неплохо.

— А у нас прошло как-то тихо. — Вид у неё был почему-то смущённый. — Тут… в будущем месяце нас отпустят в Хогсмид — читал объявление?

— Что? А, нет, я ещё не смотрел на доску.

— Ну да, в Валентинов день.

— Понятно, — сказал Гарри, не понимая, зачем она ему это говорит. — Ты, наверное, хочешь…

— Только если ты, — живо ответила она.

Гарри растерялся и чуть не сказал: «Ты, наверно, хотела узнать, когда будет сбор ОД?» — но речь шла явно не об этом.

— Я… не знаю…

— Конечно, если не хочешь… — удручённо сказала она. — Не расстраивайся… Ещё увидимся.

Она отошла. Гарри смотрел ей вслед, лихора-

дочно соображая. И вдруг до него дошло. Чжоу! Эй… Чжоу! Он побежал за ней, догнал на полпути к лестнице.

— Ты хочешь пойти со мной в Хогсмид в Валентинов день?

— Да-а-а! — Чжоу заулыбалась и покраснела.

— Хорошо, тогда договорились. — От радости, что день всё-таки не пропал зря, он буквально взлетел наверх, чтобы перехватить перед вечерними уроками Рона и Гермиону.

Однако к шести часам тепло, согревавшее его с тех пор, как он назначил встречу Чжоу, уже не могло одолеть озноба, усиливавшегося с каждым шагом, который приближал его к кабинету Снегга.

Он постоял перед дверью, самой ненавистной сейчас на земле, набрал в грудь воздуха, постучался и вошёл.

Сумрачная комната была уставлена полками с сотнями стеклянных банок, где плавали в разноцветных зельях слизистые кусочки животных и растений. В одном углу стоял шкаф с ингредиентами, в краже которых Снегг — не без оснований — заподозрил когда-то Гарри. Внимание его, однако, привлёк стол, на котором стояла освещённая свечой мелкая каменная чаша, с

резными рунами и символами. Гарри узнал её сразу: Омут памяти Дамблдора. Зачем она здесь? Из сумрака донёсся холодный голос Снегга. Он вздрогнул.

— Закройте за собой дверь, Поттер.

Гарри исполнил приказ с ощущением, что сам запирает себя в тюрьме. Когда он вернулся в комнату, Снегг вышел на свет и молча указал на кресло перед столом. Гарри сел, Снегг тоже сел и, не мигая, смотрел на Гарри холодными чёрными глазами; каждая чёрточка его лица выражала неудовольствие.

— Итак, Поттер, вы знаете, зачем вы здесь, — сказал он. — Директор попросил меня обучать вас окклюменции. Могу только надеяться, что к ней вы обнаружите больше способностей, чем к зельям.

— Понятно, — сказал Гарри.

— Возможно, это не обычные занятия, Поттер, — злобно прищурясь, сказал Снегг, — тем не менее я по-прежнему ваш преподаватель, и, обращаясь ко мне, вы всякий раз будете именовать меня «сэр» или «профессор».

— Да… сэр, — сказал Гарри.

Снегг продолжал смотреть на него, сузив глаза.

— Итак, окклюменция. Как я уже объяснил

вам на кухне у вашего любезного крёстного, этот раздел магии позволяет оградить сознание от магического вторжения и влияния.

— А почему профессор Дамблдор считает, что мне это нужно, сэр? — спросил Гарри, глядя Снеггу в глаза, но сомневаясь, что получит ответ.

Снегг помолчал, а затем презрительно произнёс:

— Наверняка вы уже догадались сами, Поттер? Тёмный Лорд весьма сведущ в легилименции…

— А это что такое? Сэр.

— Это умение извлекать чувства и воспоминания из чужого ума…

— Он умеет читать мысли? — спросил Гарри, услышав в этом подтверждение своих страхов.

— В вас нет тонкости, Поттер. — Тёмные глаза Снегга блеснули. — Вы не понимаете тонких различий. Это одна из причин ваших плачевных успехов в зельеварении.

Снегг помолчал, смакуя это оскорбление, и продолжал:

— Только маглы рассуждают о «чтении мыслей». Ум — не книга, которую можно раскрыть, когда заблагорассудится. Мысли не напечатаны внутри черепа, чтобы их мог изучить всякий любопытный. Мозг — сложный и многослойный

орган — по крайней мере, у большинства людей, Поттер. — Он усмехнулся. — Верно, однако, что те, кто овладел легилименцией, способны при определённых условиях проникнуть в сознание своих жертв и правильно интерпретировать добытые сведения. В частности, Тёмный Лорд почти всегда знает, когда ему кто-то лжёт. Только искушённые в окклюменции способны подавить чувства и воспоминания, противоречащие лжи, и, таким образом, говорить неправду в его присутствии, не опасаясь разоблачения.

Что бы там ни говорил Снегг, легилименция смахивала на чтение мыслей, и Гарри это совсем не нравилось.

— Значит, он может узнать, что мы сейчас тут думаем? Сэр.

— Тёмный Лорд находится на значительном удалении, а территория Хогвартса ограждена многими древними заклятиями и чарами, дабы обеспечить физическую и духовную безопасность тех, кто на ней находится. Время и пространство в магии существенны, Поттер. Для легилименции часто необходим зрительный контакт.

— Хорошо, зачем же тогда мне изучать окклюменцию?

Снегг смотрел на Гарри, проводя по губам длин-

ным тонким пальцем.

— Обычные законы на вас, по-видимому, не распространяются, Поттер. Заклятие, которое не смогло вас убить, кажется, создало некую связь между вами и Тёмным Лордом. По всем признакам, в те периоды, когда ваш ум наиболее расслаблен и уязвим — например, во сне, — вы улавливаете мысли и эмоции Тёмного Лорда. Директор полагает, что этому надо положить конец. Он хочет, чтобы я научил вас закрывать свой ум от Тёмного Лорда.

Сердце у Гарри опять зачастило. Что-то тут не вяжется.

— Но почему профессор Дамблдор хочет это прекратить? Мне это не особенно нравится, но ведь оказалось полезно — разве нет? В смысле… я увидел, как змея напала на мистера Уизли, а если бы не увидел, профессор Дамблдор не смог бы его спасти — так ведь, сэр?

С минуту Снегг смотрел на него, всё так же водя по губам пальцем. Потом заговорил медленно и раздельно, взвешивая каждое слово:

— Судя по всему, до последнего времени Тёмный Лорд не подозревал о связи, существующей между вами. До сих пор вы, по-видимому, воспринимали его чувства и улавливали его мысли

неведомо для него. Однако видение, случившееся у вас незадолго до Рождества…

— Со змеёй и мистером Уизли?

— Не перебивайте, Поттер, — угрожающим тоном сказал Снегг. — Продолжаю: видение, случившееся у вас незадолго до Рождества, столь сильно затронуло сознание Тёмного Лорда…

— Но я смотрел из змеи, не из него…

— Кажется, я сказал вам, чтобы вы не перебивали?

Но Гарри уже не пугал гнев профессора; наконец-то он подбирается к сути дела. Он подался вперёд, не замечая, что сидит на самом краешке кресла, и весь напрягся, словно приготовясь взлететь.

— Как же я видел глазами змеи, если мысли у меня — Волан-де-Морта?

— Не смейте произносить имя Тёмного Лорда! — рявкнул Снегг.

Наступило гнетущее молчание. Взгляды их скрестились над Омутом памяти.

— Профессор Дамблдор произносит его имя, — тихо сказал Гарри.

— Дамблдор — чрезвычайно могущественный волшебник. Он может себе это позволить без опасения… мы же… — Снегг машинально потёр

левое предплечье — Гарри знал, что там выжжена на коже Чёрная метка.

— Я просто хочу понять, — Гарри старался говорить как можно вежливее, — почему…

— Вероятно, вы проникли в мозг змеи потому, что там находился в это время Тёмный Лорд, — прорычал Снегг. — В это время он владел змеёй, и поэтому вам приснилось, что вы тоже внутри неё.

— И Вол… он… понял, что я там?

— Вероятно, — сухо ответил Снегг.

— Откуда вы знаете? — допытывался Гарри. — Это только догадка Дамблдора или…

— Я же сказал вам, — Снегг выпрямился в кресле, глаза превратились в щёлки, — обращайтесь ко мне: «сэр».

— Да, сэр, — нетерпеливо сказал Гарри. — Но откуда вы знаете…

— Мы знаем, этого достаточно, — отрезал Снегг. — Тёмному Лорду теперь известно, что вы имеете доступ к его мыслям и чувствам — вот что главное. Кроме того, он сделал вывод, что этот процесс — обоюдный. Иначе говоря, он понял, что сам может иметь доступ к вашим мыслям и чувствам…

— И может заставить меня делать то, что ему

надо? — Спросил Гарри и поспешно добавил: — Сэр.

— Возможно, — произнёс Снегг без всякого выражения. — И это возвращает нас к окклюменции.

Он вынул из внутреннего кармана мантии волшебную палочку, и Гарри напрягся. Но Снегг только поднёс её к своему виску и уткнул кончик в корни сальных волос. Когда отнял палочку, к ней прилипло какое-то серебристое вещество и сперва потянулось за ней толстой невесомой прядью, а потом оборвалось, легко опустилось в Омут памяти и закружилось там, серебристо-белое — ни газ, ни жидкость. Ещё дважды подносил Снегг палочку к виску и сбрасывал серебристое вещество в каменный сосуд, после чего без объяснений поднял Омут, перенёс на полку и снова сел напротив Гарри с палочкой на изготовку.

— Встаньте, Поттер, и возьмите вашу волшебную палочку.

Гарри, слегка нервничая, встал. Они смотрели друг на друга через стол.

— Можете с её помощью обезоружить меня или защититься каким угодно иным образом, — сказал Снегг.

— А что вы собираетесь делать? — спросил

Гарри, с беспокойством глядя на его палочку.

— Я попытаюсь проникнуть в ваше сознание, — тихо ответил Снегг. — Посмотрим, как вы сопротивляетесь. Я слышал, что вы уже проявили способность сопротивляться заклинанию Империус. Вы увидите, что подобные усилия требуются и здесь… Теперь соберитесь. *Легилименс!*

Гарри не успел приготовиться, собраться с силами — Снегг не стал ждать. Кабинет поплыл перед глазами, исчез; образы замелькали в его мозгу, словно в ускоренном фильме, такие яркие, что полностью заслонили окружающее.

Ему пять лет, Дадли едет перед ним на новом красном велосипедике, сердце его лопается от зависти… Ему девять, бульдог Злыдень загнал его на дерево, а Дурсли стоят внизу и смеются… Он сидит в Волшебной шляпе, и она говорит ему, что он преуспел бы в Слизерине… Гермиона лежит в больничном крыле, всё лицо у неё покрыто густой чёрной шерстью… Сотня дементоров надвигается на него около тёмного озера… Под омелой к нему подходит Чжоу Чанг…

«Нет, — раздался голос у него в голове, когда воспоминание о Чжоу стало ярче, — *ты этого не увидишь, ты этого не увидишь, это только моё».*

Гарри почувствовал острую боль в колене. Пе-

ред глазами снова возник кабинет Снегга, и он понял, что упал на пол; колено больно ударилось о ножку профессорского стола. Он посмотрел снизу на Снегга, тот опустил волшебную палочку и тёр запястье. На запястье был красный рубец, как от ожога.

— Вы хотели защититься Обжигающими чарами? — невозмутимо спросил Снегг.

— Нет, — со злостью ответил Гарри, поднимаясь с пола.

— Я так и подумал, — презрительно сказал Снегг. — Вы впустили меня слишком далеко. Потеряли контроль.

— Вы видели всё, что я видел? — спросил Гарри, хотя не был уверен, что жаждет услышать ответ.

— Мельком, — с кривой усмешкой сказал Снегг. — Кому принадлежал бульдог?

— Тётушке Мардж, — сказал Гарри, ненавидя Снегга.

— Для первого раза не так плохо, как можно было ожидать, — сказал Снегг и снова поднял палочку. — Под конец вам удалось остановить меня, хотя вы понапрасну тратили время и энергию на крики. Вы должны сфокусироваться. Отражайте меня мысленно, и вам не понадобится прибегать к помощи палочки.

— Я пытаюсь, — сердито возразил Гарри, — но вы не объясняете мне как!

— Не распускайтесь, Поттер, — сказал Снегг с угрозой. — А теперь я хочу, чтобы вы закрыли глаза.

Гарри злобно поглядел на него, прежде чем выполнить приказ. Вовсе не хотелось стоять с закрытыми глазами под нацеленной на него палочкой Снегга.

— Очистите сознание, Поттер! — скомандовал холодный голос. — Освободитесь от всех эмоций.

Но гнев разливался по жилам Гарри, как змеиный яд. Освободиться от гнева? Легче оторвать себе ноги…

— Вы не слушаетесь, Поттер… вам не хватает дисциплины… Ну, сосредоточиться…

Гарри попытался прогнать все мысли — не думать, не вспоминать, не чувствовать.

— Давайте ещё раз. На счёт три! Раз… два… три… *Легилименс!*

Перед ним взметнулся огромный чёрный дракон… Отец и мать махали ему из зачарованного зеркала… Седрик Диггори лежал на земле, глядя на него пустыми глазами…

— Н-Е-Е-Е-Т!

Гарри опять стоял на коленях, обхватив лицо

ладонями; в черепе такая боль, будто с него сдирают скальп.

— Встать! — скомандовал Снегг. — Встать! Вы не стараетесь, не прилагаете усилий. Вы впускаете меня в воспоминания, которых страшитесь, вы сами даёте мне оружие!

Гарри встал. Сердце колотилось так, словно он въявь увидел Седрика, мёртвого на кладбище. Снегг был бледнее обычного и сердит, но и вполовину не так сердит, как Гарри.

— Я… стараюсь… сопротивляться, — выдавил Гарри сквозь стиснутые зубы.

— Я сказал вам: освободиться от эмоций!

— Да? Сейчас это затруднительно, — огрызнулся Гарри.

— Тогда вы станете лёгкой добычей для Тёмного Лорда! — в бешенстве выкрикнул Снегг. — Дураки, у которых душа нараспашку, которые не владеют своими чувствами, упиваются грустными воспоминаниями и так легко позволяют себя спровоцировать — одним словом, слабые люди, — у них нет никаких шансов противостоять ему! Он войдёт в ваш ум, Поттер, как нож в масло!

— Я не слабый, — глухим голосом сказал Гарри. Ярость бушевала в нём так, что он готов был

наброситься на Снегга.

— Так докажите это! Возьмите себя в руки! — рявкнул Снегг. — Подавите гнев, владейте собою! Пробуем ещё раз! Приготовиться! *Легилименс!*

Дядя Вернон забивает почтовый ящик гвоздями… Сотня дементоров движется к нему через озеро… По коридору без окон он бежит с мистером Уизли… Они приближаются к чёрной двери в конце коридора… Гарри думает войти в неё, но мистер Уизли уводит его налево, вниз по каменной лестнице…

— Я ЗНАЮ! Я ЗНАЮ!

Он опять стоял на четвереньках в кабинете Снегга, шрам покалывало, но в словах, только что сорвавшихся с его уст, звучало торжество. Он встал под взглядом Снегга, волшебная палочка была поднята. Похоже, в этот раз Снегг снял заклятие ещё до того, как Гарри начал сопротивляться.

— Так что случилось, Поттер? — спросил он, пронзительно глядя на Гарри.

— Я видел… я вспомнил, — задыхаясь, ответил Гарри. — Теперь я понял…

— Что поняли?

Гарри ответил не сразу; он тёр лоб, всё ещё наслаждаясь этим мигом ослепительного про-

зрения.

Коридор без окон, утыкавшийся в запертую дверь, снился ему месяцами, и он не понимал, что это — реальное место. Теперь же, увидев его в воспоминании, он понял, что всё это время ему снился коридор, по которому он бежал с мистером Уизли двенадцатого августа, когда они спешили в зал министерского суда: коридор вёл к Отделу тайн, и это в нём сидел мистер Уизли, когда на него напала змея Волан-де-Морта.

Гарри поднял глаза на Снегга.

— Что находится в Отделе тайн?

— Что вы сказали? — тихо произнёс Снегг, и Гарри с удовольствием увидел, что он занервничал.

— Я спросил: что находится в Отделе тайн, сэр?

— Чем, интересно, вызван такой вопрос? — протянул Снегг.

— Коридор, который я сейчас видел, — сказал Гарри, внимательно наблюдая за лицом Снегга, — он снится мне несколько месяцев… и я только что его узнал. Он ведёт в Отдел тайн, и Волан-де-Морту что-то оттуда нуж…

— Я запретил вам произносить имя Тёмного Лорда!

Они смотрели друг на друга с яростью. Шрам

у Гарри снова задёргало, но ему было всё равно. Снегг был взволнован, но заговорил нарочито равнодушным тоном:

— В Отделе тайн много всякого, Поттер, но мало такого, что вы в состоянии понять, и совсем ничего, что вас касалось бы. Я ясно выразился?

— Да, — сказал Гарри, потирая шрам, который болел всё сильнее.

— Явитесь в среду, в то же время. Мы продолжим работу.

— Хорошо, — сказал Гарри. Ему не терпелось покинуть кабинет Снегга и найти Рона с Гермионой.

— Каждую ночь перед сном вы должны освобождаться от всех эмоций. Вы должны очистить и опустошить сознание, добиться полного покоя. Понятно?

— Да, — сказал Гарри, хотя почти не слушал.

— И предупреждаю, Поттер: если вы не упражнялись, от меня это не укроется.

— Хорошо.

Гарри поднял сумку, перекинул через плечо и заторопился к выходу. Открыв дверь, он оглянулся на Снегга: тот стоял спиной к нему, подцеплял из Омута палочкой свои мысли и аккуратно вкладывал их в голову. Гарри молча вышел и прикрыл

за собой дверь. В шраме пульсировала боль.

Рона и Гермиону он нашёл в библиотеке — они трудились над громоздким домашним заданием Амбридж. Небо за окнами темнело. Остальные ученики, большей частью пятикурсники, сидели под лампами, уткнувшись носом в учебники, и лихорадочно царапали перьями. Их скрипу вторил скрип одной туфли мадам Пинс — библиотекарша ходила между столами, угрожающе дыша в затылки, склонённые над её драгоценными книгами.

Гарри познабливало, шрам всё ещё болел, состояние было такое, как будто начиналась лихорадка. Сев напротив друзей, он увидел своё отражение в окне: лицо бледное, шрам заметнее, чем обычно.

— Как прошло? — шёпотом спросила Гермиона, и тут же с озабоченным видом: — Ты как себя чувствуешь?

— Хорошо… не знаю. — Гарри поморщился, шрам опять задёргало. — Слушай, я кое-что сообразил…

И он рассказал им о том, что увидел в кабинете у Снегга и что из этого вывел.

— Так ты говоришь… — прошептал Рон, потому что мимо со скрипом прошла мадам Пинс, — это

оружие, за которым гоняется Сам-Знаешь-Кто, оно в Министерстве магии?

— В Отделе тайн, должно быть, там, — шёпотом ответил Гарри. — Я видел эту дверь, когда твой отец вёл меня вниз на слушание — её он и охранял, когда на него напала змея.

Гермиона глубоко, протяжно вздохнула.

— Ну конечно.

— Что «конечно»? — нетерпеливо спросил Рон.

— Ты сам подумай… Стерджис Подмор пытался проникнуть за секретную дверь в Министерстве магии… должно быть, за эту самую. Не слишком ли много совпадений?

— Зачем Стерджису туда понадобилось, если он на нашей стороне? — сказал Рон.

— Тоже не понимаю, — призналась Гермиона. — Это немного странно…

— Так что там, в Отделе тайн? — спросил Гарри у Рона. — Отец тебе никогда не говорил?

— Знаю только, что людей, которые там работают, прозвали невыразимцами. — Рон нахмурился. — По-моему, никто не знает, чем они занимаются. Странное место, чтобы держать там оружие.

— Ничего не странное. Самое подходящее, — сказала Гермиона. — Наверное, в Министерстве

разрабатывают что-то сверхсекретное, так я думаю… Гарри, ты правда не заболел?

Гарри в это время сильно провёл обеими ладонями по лбу, словно пытаясь его разгладить.

— Нет… всё нормально. — Гарри опустил руки, они дрожали. — Просто немного… Мне не очень понравилась окклюменция.

— Думаю, любой бы ослаб, если в его ум вторгаются раз за разом, — посочувствовала Гермиона. — Давайте пойдём в гостиную, там всё-таки уютнее.

Но в гостиной было полно народу, раздавался громкий смех: Фред и Джордж демонстрировали новейший товар своего магазина розыгрышей.

— Безголовая! Шляпа! — выкрикивал Джордж, а Фред размахивал остроконечной шляпой, украшенной розовым пышным пером, — Два галеона штука! Следите за Фредом.

Сияющий Фред нахлобучил её на голову. Первую секунду у него был просто глупый вид; затем и шляпа, и голова исчезли.

Несколько девочек вскрикнули, остальная публика разразилась хохотом.

— А теперь снимаем! — объявлял Джордж, и рука Фреда шарила в воздухе над плечом, после чего в ней появлялась шляпа, а на плечах — голова.

— А как эти шляпы действуют? — заинтересовалась Гермиона, оторвавшись от своего урока. — Понятно, что это какие-то чары невидимости, но интересно, что они распространяются за границы заколдованного объекта… Думаю, эти чары не долговременного действия.

Гарри не ответил, ему нездоровилось.

— Пожалуй, займусь этим завтра. — Он запихнул только что вынутые книги обратно в сумку.

— Тогда запиши в свой планировщик домашних заданий. Чтобы не забыть! — посоветовала Гермиона.

Друзья переглянулись, Гарри залез в сумку, достал планировщик и неуверенно раскрыл.

— Всё на завтра отложил — понапрасну день прожил! — наставительно пропела книжечка, когда Гарри стал записывать домашнее задание Амбридж. Гермиона ликовала.

— Пойду-ка спать, — сказал Гарри и засунул планировщик в сумку, решив, что при первом же удобном случае надо отправить его в камин.

Он прошёл через гостиную, увильнул от Джорджа, попытавшегося надеть на него Безголовую шляпу, и наконец-то очутился один на тихой прохладной лестнице в спальню. Его тошнило, как в ту ночь, когда приснилась змея. Но если

лечь, думал он, может быть, всё пройдёт.

Он открыл дверь спальни, сделал шаг, и его пронзила такая боль, как будто ему раскроили череп. Он не понимал, где он, стоит он или лежит, не помнил даже своего имени.

В ушах у него гремел маниакальный смех… давно уже он не был так счастлив… он торжествовал, он был в восторге… произошло нечто чудесное, чудесное…

— Гарри? ГАРРИ!

Кто-то ударил его по лицу. Сквозь безумный смех прорвался крик боли. Радость покидала его, но смех продолжался.

Он открыл глаза и понял, что этот дикий смех вырывался из его рта. И как только понял, смех прекратился.

Гарри лежал на полу, тяжело дыша, и смотрел в потолок, шрам на лбу горел невыносимо. Над ним склонился испуганный Рон.

— Что случилось?

— Не знаю… — выдохнул Гарри и сел. — Он счастлив… просто счастлив…

— Тот-Кого-Нельзя-Называть?

— Произошло что-то хорошее, — пролепетал Гарри. Его трясло, как после видения змеи и мистера Уизли, и ужасно тошнило. — На что он

надеялся.

Так же как в раздевалке Гриффиндора, эти слова вырвались у него помимо воли, как будто его устами говорил посторонний, но он знал, что это — правда. Он делал глубокие вздохи, чтобы его не стошнило на Рона. И радовался, что на этот раз его хотя бы не видят Симус и Дин.

— Гермиона попросила пойти посмотреть, как ты, — тихо сказал Рон, помогая ему встать. — Говорит, твои защитные силы сейчас на спаде — после того как Снегг покопался в твоём сознании… Но, думаю, потом это принесёт пользу, а?

Он с сомнением посмотрел на Гарри и подвёл его к кровати. Гарри неуверенно кивнул и повалился на подушки. Шрам ещё покалывало, всё тело болело — многочисленные падения дали себя знать. Он не мог не чувствовать, что первый опыт окклюменции не укрепил его сопротивляемость, а, наоборот, ослабил, и с большой тревогой спрашивал себя, что же такое могло произойти, если за четырнадцать лет Волан-де-Морт ещё ни разу не был так счастлив.

Глава 25
Жук на ниточке

Ответ был получен на следующее же утро. Когда пришёл «Ежедневный пророк» Гермионы, она развернула его, посмотрела на первую полосу и ойкнула так, что обернулись все, сидевшие неподалёку.

— Что? — спросили в один голос Рон и Гарри.

Вместо ответа она положила газету перед ними и показала на десять чёрно-белых фотографий, занявших всю первую полосу; на девяти — лица волшебников, на десятой — ведьма. Одни безмолвно скалились, другие нагло барабанили пальцами по рамкам своих фотографий. Под каждой значилось имя и преступление, за которое этот человек был посажен в Азкабан.

Антонин Долохов, —

гласила подпись под фотографией волшебника с длинной, бледной, искривлённой физиономией, насмешливо смотревшего на Гарри. —

Осуждён за зверское убийство Гидеона

и Фабиана Пруэттов.
Август Руквуд, —

значилось под изображением рябого мужчины с жирными волосами, который стоял со скучающим видом, прислонясь к краю фотографии. —

Осуждён за передачу секретных сведений Министерства магии Тому-Кого-Нельзя-Называть.

Но внимание Гарри было приковано к ведьме. Она бросилась ему в глаза, как только перед ними положили газету. Длинные нечёсаные волосы — в прошлый раз, когда он её видел, они были густые и блестящие. Она смотрела на него из-под тяжёлых век, на тонких губах играла надменная улыбка. Как и Сириус, она сохранила остатки былой красоты, хотя время или Азкабан сильно над ней поработали.

Беллатриса Лестрейндж, осуждена за пытки, нанёсшие непоправимый вред здоровью Фрэнка и Алисы Долгопупс.

Гермиона толкнула Гарри локтем и показала на заголовок над фотографиями, которого Гарри,

вперившись в Беллатрису, не успел прочесть.

> Массовый побег из Азкабана
>
> Министерство опасается, что «душа заговора» старых пожирателей смерти — Блэк

— Блэк? — громко сказал Гарри. — Откуда?..

— Тс-с! — шепнула Гермиона. — Тихо. Читай про себя!

> Вчера поздно вечером Министерство магии сообщило, что из Азкабана совершён массовый побег.
>
> В ходе беседы с репортёрами у себя в кабинете министр магии Корнелиус Фадж подтвердил, что несколько часов назад из камер строгого содержания совершили побег десять заключённых, о чём, ввиду особой опасности беглецов, он уже проинформировал премьер-министра маглов.
>
> — К великому сожалению, повторилась ситуация, с которой мы столкнулись два с половиной года назад, когда из тюрьмы бежал убийца Блэк, — заявил вчера вечером Фадж. — И между этими происшествиями нельзя не усмотреть

взаимосвязи. Побег подобного масштаба предполагает помощь извне, и следует помнить, что Блэк, первым в истории вырвавшийся из Азкабана, идеально подходит для роли такого помощника. Мы считаем весьма вероятным, что бежавшие преступники, в числе которых кузина Блэка Беллатриса Лестрейндж, группировались вокруг своего вожака Блэка. Тем не менее мы прилагаем все силы к задержанию преступников и просим волшебное сообщество проявлять бдительность и осторожность. Ни в коем случае нельзя приближаться к этим лицам.

— Вот тебе и разгадка, Гарри, — сказал потрясённый Рон. — Вот почему он вчера так радовался.

— Поверить не могу, — сказал Гарри. — Фадж винит в побеге Сириуса.

— А что ему остаётся? — с горечью спросила Гермиона. — Сказать: «Извините, господа, Дамблдор предупреждал меня, что это может случиться — стража Азкабана переметнулась к лорду Волан-де-Морту (перестань ойкать, Рон)... а теперь на свободе и самые опасные его союз-

ники»? Понимаете, он полгода твердил, что ты и Дамблдор — лжецы.

Она перевернула страницу и стала читать дальше, а Гарри окинул взглядом Большой зал. Он не мог понять, почему не испуганы и не обсуждают эту ужасную новость все остальные, но на самом деле очень немногие получали газету ежедневно, как Гермиона. Болтают о домашних заданиях, о квиддиче и неизвестно ещё о какой ерунде, когда за этими стенами к воинству Волан-де-Морта присоединились ещё десять Пожирателей смерти.

Он посмотрел на преподавательский стол. Тут картина была совсем другая. Дамблдор был поглощён разговором с МакГонагалл, у обоих озабоченные лица. Профессор Стебль, подперев «Пророк» бутылкой кетчупа, читала первую полосу с такой сосредоточенностью, что не замечала, как с её ложки, застывшей в воздухе, капает на колени яичный желток. А на дальнем конце стола профессор Амбридж поедала овсянку. Раз в кои веки её выпученные жабьи глаза не обшаривали зал в поисках нарушителей дисциплины. Насупясь, она метала в рот ложку за ложкой и время от времени злобно поглядывала на занятых беседой Дамблдора и МакГонагалл.

— Кошмар, — сказала Гермиона, продолжав-

шая читать газету.

— Что ещё? — встрепенулся Гарри. — Нервы у него были напряжены.

— Это ужасно. — Гермиона сложила газету на десятой странице и пододвинула к Гарри и Рону.

ТРАГИЧЕСКАЯ
КОНЧИНА МИНИСТЕРСКОГО РАБОТНИКА

Больница святого Мунго пообещала вчера вечером провести детальное расследование обстоятельств гибели сорокадевятилетнего Бродерика Боуда, сотрудника Министерства магии, задушенного в своей постели «комнатным» растением. Вызванные на место происшествия целители не смогли вернуть его к жизни. Мистер Боуд пострадал от несчастного случая на рабочем месте за несколько недель до смерти.

Целительница Мириам Страут, дежурившая по палате во время этого происшествия, отстранена от работы с сохранением содержания и была недоступна для журналистов, однако представитель больницы заявил:

— Больница глубоко сожалеет о смерти

мистера Боуда, уже поправлявшегося перед этим трагическим происшествием.

У нас установлены строгие правила касательно украшения палат, но, по предварительным данным, целительница Страут, перегруженная работой в связи с Рождеством, не обратила внимания на опасный характер растения на тумбочке мистера Боуда. Поскольку речь и подвижность у мистера Боуда уже восстанавливались, целительница Страут доверила ему уход за растением, упустив из виду, что это не невинная цветокрылка, а отросток дьявольских силков. При первом же прикосновении к нему растение моментально задушило выздоравливавшего мистера Боуда.

Больница пока не может объяснить, каким образом растение оказалось в палате, и просит всех волшебников и волшебниц, располагающих какой-либо информацией, сообщить об этом.

— Боуд… — сказал Рон. — Что-то знакомое…

— Мы его видели, — прошептала Гермиона. — В больнице, помнишь? Кровать напротив Локон-

са — он лежал и смотрел в потолок. И видели, как принесли дьявольские силки. Она — целительница — сказала, что это рождественский подарок.

Гарри ещё раз посмотрел на статью. Ужас сжимал ему горло.

— Как это мы не узнали дьявольские силки? Мы ведь видели их раньше… могли помешать…

— Кто же думал, что дьявольские силки появятся в больнице под видом комнатного растения? — сказал Рон. — Это не мы виноваты, а тот тип, что их прислал. Тоже мне, лопух — не видит, что покупает.

— Да ну тебя, Рон, — дрожащим голосом сказала Гермиона. — Не верю я, что кто-то сажал дьявольские силки в горшок и не знал, что они стараются удавить всякого, кто прикоснётся. Это… это было убийство… притом хитроумное. Если растение прислано анонимно, как узнать, кто это сделал?

Но Гарри думал не о дьявольских силках. Он вспоминал, как они спускались в лифте на девятый уровень Министерства в день слушания и на уровне атриума в лифт вошёл мужчина с землистым лицом.

— Я знаю Боуда, — медленно сказал он. — Мы с твоим отцом встретили его в Министерстве.

У Рона округлились глаза.

— Я помню, отец говорил о нём дома! Он был невыразимец, он работал в Отделе тайн!

С минуту они глядели друг на друга, потом Гермиона притянула к себе газету, закрыла её, свирепо посмотрела на первую страницу с портретами беглых Пожирателей смерти и вскочила.

— Ты куда? — опешил Рон.

— Отправить письмо. — Гермиона вскинула сумку на плечо. — Не знаю, получится ли… но надо попробовать… а кроме меня, некому.

— Терпеть не могу, когда она себя так ведёт, — проворчал Рон. Они тоже направились к выходу из Большого зала, только не так быстро. — Умрёт, что ли, если скажет, в чём дело? Ну, потеряла бы десять секунд… А-а, Хагрид.

Хагрид стоял у двери в вестибюль, дожидаясь, когда пройдёт толпа когтевранцев. Он по-прежнему был в кровоподтёках, как в день возвращения из командировки к великанам, а на переносице у него красовалась свежая рана.

— Как жизнь, приятели? — спросил он, причём вместо улыбки у него получилась болезненная гримаса.

— А ты как, Хагрид? — спросил Гарри, шагая рядом с ним через вестибюль к парадной двери.

— Хорошо, хорошо, — ответил Хагрид, с на-

игранной весёлостью; он помахал рукой, едва не контузив проходившую мимо профессора Вектор. — Всё дела, понимаешь… к занятиям готовиться… у пары саламандр чешуйная парша… у меня испытательный срок.

— У тебя испытательный срок? — громким голосом переспросил Рон, так что многие ребята с любопытством обернулись. — Извини… Правда испытательный срок? — повторил он шёпотом.

— Да… Правду сказать, я другого не ждал. Вы, может, не заметили — инспекция-то не больно хорошо прошла… вот как, значит… — Он тяжело вздохнул. — Пойду-ка натру этих саламандр красным перчиком, не то, глядишь, и хвосты отвалятся. Пока, ребятки.

Он вышел в дверь, спустился с каменной лестницы и зашагал по мокрому лугу. Гарри смотрел ему вслед и думал, хватит ли у него сил перенести хотя бы ещё одну плохую новость.

* * *

Известие о том, что Хагрид оставлен с испытательным сроком, разнеслось по всей школе, но, к возмущению Гарри, почти никто не расстроился, а некоторые — и в первую голову, конечно, Драко Малфой — просто обрадовались. Что же

до диковинной смерти какого-то министерского служащего в больнице святого Мунго, то знали о ней и были огорчены, кажется, только они трое. Разговоры в коридорах были только об одном: о десяти сбежавших Пожирателях смерти — новость распространили те немногие, кто читал газеты. Поползли слухи, что кое-кто из беглых замечен в Хогсмиде, что они прячутся в Визжащей хижине и намерены прорваться в Хогвартс, как когда-то Сириус Блэк.

Ребята, выросшие в семьях волшебников, с детства знали имена этих Пожирателей смерти — их произносили почти с таким же страхом, как имя самого Тёмного Лорда; преступления их, совершённые в годы волан-де-мортовского террора, стали легендой. А по коридорам Хогвартса ходили юные родственники их жертв, и теперь на них падали вовсе нежеланные отсветы их мрачной славы. Сьюзен Боунс, чьи дядя, тётя и двоюродные братья пали от руки одного из злодеев, с горечью сказала на уроке травологии, что теперь она поняла, каково оказаться на месте Гарри.

— Не знаю, как ты с этим живёшь. Это ужас, — выпалила она, подсыпая слишком много драконьего навоза саженцам визгоперки, отчего они недовольно запищали и заёрзали.

Да и Гарри снова стал предметом повышенного внимания и оживлённых пересудов в коридорах, правда, в интонациях шептунов он уловил некоторую перемену. Теперь в них слышалось любопытство, а не враждебность, и несколько раз до него долетели обрывки разговоров, из которых явствовало, что ребят не устраивает версия «Пророка» насчёт того, как и почему удалось Пожирателям смерти вырваться из крепости Азкабан. Недоумение и страх вынуждали этих усомнившихся обратиться к единственному объяснению, которое было им доступно — к тому, о чём твердили с прошлого года Гарри и Дамблдор.

Изменилось не только настроение учеников. То и дело можно было встретить в коридорах двух-трёх профессоров, шёпотом ведущих напряжённую беседу, — завидя приближающихся учеников, они немедленно её обрывали.

— Должно быть, больше не могут свободно разговаривать в учительской, — тихо сказала Гермиона, когда они втроём прошли мимо стоявших тесной группой перед кабинетом заклинаний МакГонагалл, Флитвика и Стебль. — Если там Амбридж.

— Думаете, они узнали что-то новое? — спросил

Рон, оглянувшись на трёх профессоров.

— Если и узнали, мы об этом не услышим, — сердито сказал Гарри. — После этого декрета — какой там у него номер?..

Дело в том, что после побега из Азкабана на доске объявлений появилось такое:

> ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА ХОГВАРТСА
>
> Преподавателям запрещается сообщать ученикам информацию, не относящуюся непосредственно к предмету, для обучения которому они наняты.
>
> Основание: Декрет об образовании № 26.
>
> ***Подписано: Долорес Джейн Амбридж, генеральный инспектор.***

Этот последний декрет стал предметом многочисленных шуток. Ли Джордан указал Амбридж, что в соответствии с новым правилом она не вправе выгонять Фреда и Джорджа из класса за то, что они играли сзади со взрыв-кусачкой.

— Профессор, взрыв-кусачка не связана с защитой от Тёмных искусств. Эта информация не имеет отношения к вашему предмету.

Когда Гарри увидел Джордана в следующий

раз, рука у того сильно кровоточила. Гарри порекомендовал настойку растопырника.

Гарри думал, что после побега преступников из Азкабана Амбридж чуточку присмиреет, смутится оттого, что это безобразие случилось под самым носом у её возлюбленного Фаджа. Но нет, это как будто только утвердило её в неистовом желании взять под свой контроль все стороны жизни Хогвартса. Она была полна решимости уволить в скором времени, как минимум, одного преподавателя; вопрос состоял только в том, кого первого — профессора Трелони или Хагрида.

Каждое занятие по прорицаниям и уходу за магическими существами проходило теперь в присутствии Амбридж и её блокнота. Она маячила у камина в пропахшей благовониями комнате на башне, прерывала становившиеся всё более истерическими вещания Трелони трудными вопросами о птицегадании и гептомологии, утверждала, что Трелони предугадывает ответы учеников раньше, чем они ответят, требовала, чтобы та продемонстрировала своё умение работать с хрустальным шаром, гадать на кофейной гуще или по рунам. Гарри думал, что Трелони скоро сломается под этим давлением. Несколько раз он встречал её в коридорах — что само по

себе было необычно, ибо профессор предпочитала сидеть у себя в башне, — и Трелони что-то лихорадочно бормотала, заламывала руки и испуганно оглядывалась через плечо, издавая при этом сильный запах кулинарного хереса. Если бы он не так беспокоился за Хагрида, то пожалел бы её, но уж коли одному из них быть выгнанным, то кому остаться — такого вопроса для Гарри не существовало.

К сожалению, нельзя было сказать, что Хагрид на уроках выглядит убедительнее Трелони. Правда, он последовал совету Гермионы и не показывал им никого более страшного, чем шишуга (существо, неотличимое от терьера Джека Рассела, если не считать раздвоенного хвоста), — видимо, к Рождеству и у него сдали нервы. На занятиях он был непривычно рассеян и взвинчен, то и дело терял нить рассуждений, на вопросы учеников отвечал невпопад и всё время тревожно оглядывался на Амбридж. Кроме того, он стал держаться отчужденнее с Гарри, Роном и Гермионой и прямо запретил им приходить к нему после наступления темноты.

— Если она вас поймает, нам всем крышка, — сказал он им без обиняков, и, не желая ставить его под удар, они перестали ходить к нему по

вечерам в гости.

Гарри видел, что Амбридж постепенно лишает его всего, ради чего стоило жить в Хогвартсе: общения с Хагридом, писем Сириуса, «Молнии» и квиддича. Отыграться он мог только одним способом — удвоенным усердием на занятиях ОД.

Он с радостью замечал, что известие о побеге десяти Пожирателей смерти прибавило рвения всем членам отряда, даже Захарии Смиту. Но ни на ком это не сказалось так сильно, как на Невилле. Известие о том, что палачи его родителей гуляют на свободе, вызвало в нём странную и даже пугающую перемену. Он ни разу не упомянул о своей встрече с Гарри, Роном и Гермионой в изоляторе больницы святого Мунго, и они, следуя его примеру, тоже помалкивали. Ни словом не обмолвился он и о побеге Беллатрисы Лестрейндж с сообщниками.

Теперь он вообще почти не разговаривал на сборах ОД и неутомимо отрабатывал каждое заклятие и контрзаклятие, с которыми знакомил их Гарри, — закусив губу от усердия, не обращая внимания на осечки и ушибы. Успехи он делал стремительные. Когда Гарри преподал им Щитовые чары — способ отражать несильные заклятия так, чтобы они отскакивали в самого

нападающего, — быстрее Невилла ими овладела только Гермиона.

Гарри много бы отдал за то, чтобы так же преуспеть в окклюменции, как Невилл на занятиях ОД. Уроки у Снегга, начавшиеся столь неудачно, в лучшую сторону не изменились. Наоборот, он чувствовал, что с каждым уроком слабеет.

До того, как он начал учиться окклюменции, шрам дёргало изредка, обычно по ночам или когда до него доходили вспышками настроения и мысли Волан-де-Морта. Теперь эти подёргивания сделались почти постоянными, и часто им овладевали приступы раздражения или веселья, никак не связанные с тем, что происходило с ним на самом деле; всякий раз при этом шрам обжигало болью. У него было отвратительное чувство, что он превращается в антенну, настроенную на тончайшие смены настроения Волан-де-Морта, и он не сомневался, что чувствительность эта начала расти с первого же урока окклюменции у Снегга. Мало того — теперь ему каждую ночь снилось, как он идёт по коридору ко входу в Отдел тайн, и сон завершался тем, что он мучительно хочет проникнуть за эту голую чёрную дверь.

— Может быть, это вроде болезни, — сказала Гермиона, озабоченно глядя на него, когда он

поделился своими страхами с ней и Роном. — Как лихорадка. Сначала должно стать хуже, чтобы потом отпустило.

— От уроков со Снеггом становится только хуже, — твёрдо сказал Гарри. — Мне надоело, что шрам болит, осточертело ходить каждую ночь по этому коридору. — Он сердито потёр лоб. — Хоть бы дверь эта открылась. Надоело торчать перед ней и глазеть.

— Не выдумывай. Дамблдор хочет, чтобы тебе перестала сниться эта дверь, иначе не велел бы Снеггу учить тебя окклюменции. Просто надо больше стараться.

— Я стараюсь! — обозлился Гарри. — Попробовала бы сама разок… Снегг лезет тебе в мозги — то ещё удовольствие!

— А что, если… — медленно проговорил Рон.

— Что — «если»? — вскинулась Гермиона.

— Если не Гарри виноват, что не может закрыться, — мрачно пояснил Рон.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Гермиона.

— Ну, может, Снегг вовсе не хочет помочь Гарри…

Гарри и Гермиона уставились на него. Рон мрачно и со значением посмотрел на Гарри, по-

том на неё.

— Может, — он понизил голос, — Снегг на самом деле хочет ещё больше раскрыть сознание Гарри — облегчить Сами-Знаете…

— Замолчи, Рон, — сказала Гермиона. — Сколько раз ты подозревал Снегга, и хоть раз оказался прав? Дамблдор ему доверяет, он работает для Ордена, этого достаточно.

— Он был Пожирателем смерти, — упёрся Рон. — Где доказательства, что он в самом деле перешёл на нашу сторону?

— Дамблдор ему доверяет, — повторила Гермиона. — И если мы не можем верить Дамблдору, тогда мы никому не можем верить.

* * *

За всеми этими тревогами и делами — домашними заданиями, которых наваливали столько, что пятикурсники засиживались за полночь, тайными собраниями ОД и регулярными уроками у Снегга — январь пролетел незаметно. Гарри оглянуться не успел, как наступил февраль с сырыми оттепелями и перспективой второй за год вылазки в Хогсмид. С тех пор как Гарри условился с Чжоу о встрече в деревне, им редко удавалось поговорить. И вот предстояло провести

весь Валентинов день в её обществе.

Утром четырнадцатого февраля Гарри оделся с особой тщательностью. Они с Роном пришли на завтрак как раз к прилёту почтовых сов. Букли среди них не было — да он её и не ждал, — зато Гермиона выдёргивала какое-то письмо из клюва незнакомой бурой совы.

— Очень вовремя. Если бы сегодня не пришло… — Она нетерпеливо разорвала конверт и вынула клочок пергамента. Глаза её бегали взад и вперёд по листку, и на лице постепенно проступало хмурое удовлетворение. Она подняла глаза на Гарри. — Слушай, это очень важно. Можешь со мной встретиться в «Трёх мётлах» около полудня?

— Да не знаю, — нерешительно сказал он. — Чжоу, наверное, рассчитывала, что я весь день проведу с ней. Мы не договаривались, что будем делать.

— Ну, раз так, и её возьми. Но ты придёшь?

— Хорошо, ладно. А что такое?

— Сейчас некогда объяснять. Надо срочно ответить. — И с письмом в одной руке и тостом в другой она выбежала из Большого зала.

— А ты пойдёшь? — спросил Гарри у Рона. Тот уныло покачал головой:

— Я вообще не могу пойти. Анджелина хочет весь день тренироваться. Как будто это поможет. Хуже нашей команды я ничего не видел. Ты бы посмотрел на Слоупера и Керка — жалкое зрелище, ещё хуже меня. — Он тяжело вздохнул. — Не понимаю, почему Анджелина меня держит?

— Когда ты в форме, ты хорошо играешь, вот почему.

Трудно было сочувствовать горю Рона, когда сам он отдал бы всё на свете, чтобы сыграть в предстоящем матче с Пуффендуем. Рон, должно быть, понял его состояние, потому что до конца завтрака о квиддиче больше не заговаривал, и распрощались они суховато. Рон отправился в раздевалку стадиона, а Гарри попытался пригладить волосы, глядя на себя в перевёрнутую чайную ложку, после чего проследовал в вестибюль, где должен был встретиться с Чжоу. Шёл он с некоторым замиранием сердца, ибо не знал, о чём ему говорить с Чжоу.

Она ждала его сбоку от дубовых дверей, очень хорошенькая, с забранными в конский хвост волосами. Собственные ноги вдруг показались ему непомерно большими, и он с ужасом представил себе, как комично выглядят его руки, болтающиеся вдоль боков.

— Привет, — сказала Чжоу, как бы слегка запыхавшись.

— Привет.

Несколько секунд они смотрела друг на друга, потом Гарри сказал:

— Ну что, пойдём?

— Пойдём.

Они встали в очередь к Филчу, который отмечал уходивших. Время от времени они переглядывались, обменивались беглыми улыбками, но не разговаривали. Когда наконец вышли на воздух, Гарри с облегчением вздохнул — гораздо легче было молчать на ходу, чем стоя в очереди, когда чувствуешь себя нелепо. День был свежий, ветреный. Когда проходили мимо стадиона, Гарри увидел летающих над трибунами Рона и Джинни, и ему стало больно оттого, что он не может быть с ними.

— Очень скучаешь по игре? — спросила Чжоу.

Он повернулся и увидел, что она внимательно смотрит на него.

— Да. — Он вздохнул. — Очень.

— Помнишь, как мы первый раз играли друг против друга на третьем курсе?

— Да, — с улыбкой сказал Гарри. — Ты всё время меня преследовала.

— А Вуд крикнул тебе: «Не время быть джентльменом! Сбрось её с метлы, если надо!» — тоже улыбаясь, сказала Чжоу. — Я слышала, его взяли в «Первенцы Портри», это правда?

— Нет, в «Паддлмир Юнайтед». Я видел его в прошлом году на первенстве мира.

— О, я тебя тоже видела, помнишь? Мы жили в одном лагере. Хорошо было, да?

Тема мирового первенства растянулась на всю дорогу, до самых ворот. Гарри только удивлялся, до чего легко с ней разговаривать — не труднее, чем с Роном и Гермионой, и уже успокоился, повеселел, как вдруг их обогнала целая стайка слизеринских девочек, среди них — Пэнси Паркинсон.

— Поттер и Чанг, — завопила Пэнси, и в ответ раздался издевательский смех остальных. — Фу, Чанг, я думала, ты разборчивее… Диггори хотя бы выглядел ничего себе!

Они промчались дальше, преувеличенно громко болтая и вскрикивая, и всё время оглядывались на Гарри и Чжоу, которые смущённо замолчали. Гарри не знал, что бы ещё сказать о квиддиче, а Чжоу, слегка покраснев, смотрела под ноги.

— Куда ты хочешь пойти? — спросил Гарри, когда они миновали ворота.

По Верхней улице прогуливались ученики, заглядывали в витрины, кучками собирались на тротуарах. Чжоу пожала плечами.

— Не знаю… Может, походим по магазинам?

Они дошли до «Дэрвиша и Бэнгса». В витрине был вывешен большой плакат, и его разглядывали несколько местных жителей. Когда подошли Гарри и Чжоу, они отодвинулись в сторону, и Гарри снова увидел портреты десяти беглых Пожирателей смерти. На плакате «Приказом Министерства магии» назначалось вознаграждение в тысячу галеонов волшебнику или волшебнице, давшим сведения, ведущие к поимке любого из разыскиваемых преступников.

— Странно, — тихим голосом сказала Чжоу, глядя на портреты Пожирателей смерти, — помнишь, когда сбежал Сириус Блэк, его по всему Хогсмиду искали дементоры? А теперь на волю вырвались десять Пожирателей смерти, и никаких дементоров в помине нет…

— Да, — сказал Гарри, с трудом оторвав взгляд от лица Беллатрисы Лестрейндж и озирая Верхнюю улицу. — Да, чудно́.

Он не жалел, что дементоров рядом нет, но их отсутствие, если подумать, было весьма знаменательно. Пожирателей смерти не только упустили,

но и разыскивают не слишком рьяно… Похоже, дементоры уже не подчиняются Министерству.

Десять беглых Пожирателей смерти глядели из каждой витрины на их пути. Когда Гарри и Чжоу поравнялись с магазином Писарро, пошёл дождь, холодные тяжёлые капли зашлёпали по лицу и затылку. Дождь усиливался, и Чжоу неуверенно спросила:

— Не хочешь выпить кофе?

— Давай, — сказал Гарри и огляделся. — А где?

— Тут подальше есть славное место. Ты никогда не был у мадам Паддифут?

По переулку Чжоу привела его к маленькому кафе — раньше Гарри его не замечал. Оно оказалось тесным и полным пара, и всё было украшено какими-то оборочками и бантиками. Это неприятно напомнило ему кабинет Амбридж.

— Правда, мило? — сказала радостная Чжоу.

— А… да, — неискренне согласился Гарри.

— Видишь, она украсила его к Валентинову дню! — Чжоу показала на золотых херувимчиков, паривших над каждым круглым столиком и время от времени сыпавших на посетителей конфетти.

— О-о-о…

Они заняли последний свободный столик возле

запотевшего окна. В каком-нибудь шаге от них сидел с хорошенькой блондинкой Роджер Дэвис, капитан когтевранской команды по квиддичу. Они держались за руки. При виде их Гарри почувствовал себя неловко, тем более когда, оглядевшись кругом, увидел, что всё кафе занято только парочками — и все держатся за руки. Может быть, и Чжоу ждёт, чтобы он взял её за руку?

— Чем мне вас угостить, мои дорогие? — с трудом протиснувшись между их столиком и столиком Роджера Дэвиса, спросила миссис Паддифут, очень полная женщина с чёрными блестящими волосами, собранными в узел.

— Два кофе, пожалуйста, — сказала Чжоу.

Пока им готовили кофе, Роджер Дэвис и его девушка начали целоваться над сахарницей. Гарри предпочёл бы, чтобы они обошлись без этого: получалось так, что Дэвис подаёт пример, и Чжоу, вероятно, ждёт, когда Гарри ему последует. Он почувствовал, что в лицо ему бросилась кровь, и попробовал смотреть в окно, но сквозь запотевшее стекло улицу не было видно. Чтобы оттянуть момент, когда придётся посмотреть на Чжоу, он уставился на потолок, как бы изучая качество окраски, и получил в лицо заряд конфетти от херувима.

Так прошло несколько мучительных минут, и наконец Чжоу сказала что-то об Амбридж. Гарри с облегчением ухватился за эту тему, и они с удовольствием поругали профессора, но длилось это недолго — тема была исхожена вдоль и поперёк на собраниях ОД. Снова наступило молчание. Чмоканье за соседним столом очень беспокоило слух Гарри, и он лихорадочно придумывал, что бы ещё сказать.

— Слушай, хочешь сходить со мной в «Три метлы» к обеду? У меня там встреча с Гермионой Грейнджер.

Чжоу подняла брови:

— Встреча с Гермионой Грейнджер? Сегодня?

— Да. Она меня попросила, и я пообещал. Хочешь пойти со мной? Она сказала, можем прийти вместе.

— А… ну что ж… очень мило с её стороны.

Но, судя по тону, ничего милого Чжоу в этом не находила. Реплика её прозвучала холодно, и она вмиг посуровела.

Ещё несколько минут прошло в полном молчании. Гарри так быстро пил кофе, что скоро должна была потребоваться новая чашка. А рядом Роджер Дэвис и его девушка как будто склеились губами.

Рука Чжоу лежала на столе около чашки, и

Гарри всё сильнее хотелось взяться за неё.

«Возьмись же, — говорил он себе, ощущая прилив возбуждения, смешанного с паникой, — протяни руку и возьмись». Удивительно, насколько труднее было протянуть руку через столик и дотронуться до её руки, чем поймать на лету стремительный снитч.

Но только его рука поползла по столу, как Чжоу убрала свою. Теперь она с вежливым интересом наблюдала за тем, как Роджер Дэвис целуется со своей подружкой.

— Знаешь, он меня приглашал, — тихо сказала она. — Недели две назад. Роджер. Но я отказалась.

Гарри, схватившись за сахарницу, чтобы както оправдать, продвижение своей руки вперёд, недоумевал, зачем она говорит ему об этом. Если жалеет, что сидит сейчас не за соседним столом и не её целует Роджер, почему согласилась пойти с ним?

Он ничего не сказал. Херувимчик бросил в них ещё горсть конфетти, и часть их попала в чашку с остатками кофе, который Гарри как раз собирался допить.

— В прошлом году я была здесь с Седриком, — сказала Чжоу.

Смысл её слов дошёл до него не сразу, а, может быть, через секунду, но за это время он весь похолодел. Невероятно: она хочет говорить о Седрике, когда вокруг целуются парочки и над головами порхают херувимы.

Чжоу снова заговорила, на этот раз громче.

— Я давно хотела тебя спросить… Седрик… он вспоминал меня перед смертью?

Меньше всего на свете хотелось ему обсуждать эту тему, в особенности с Чжоу.

— Нет… — тихо сказал он. — Там… тогда… он вообще не успел ничего сказать… А ты… в каникулы… ну… собираешься ходить на квиддич? Ты ведь болеешь за «Торнадос», да?

Он сам слышал, как фальшиво звучит его бодрый голос. И с ужасом увидел, что глаза её наполнились слезами, в точности как тогда, после собрания ОД накануне Рождества.

— Знаешь, — с отчаянием сказал он, подавшись к ней, чтобы никто не услышал, — давай не будем сейчас говорить о Седрике… давай поговорим о чём-нибудь другом.

Но это, очевидно, была неправильная просьба.

— Я думала, — сказала она, и слёзы пролились уже на стол, — ты по… поймёшь! Мне надо говорить об этом! И тебе ведь… тебе тоже надо! Ты

видел, как это произошло… ведь правда?

Получался какой-то кошмар, всё шло не так, как надо. Девушка Роджера Дэвиса даже отлепилась от него, чтобы оглянуться на плачущую Чжоу.

— Ну… я говорил об этом, — шёпотом ответил Гарри, — с Роном и Гермионой говорил, но…

— Ты говоришь с Гермионой Грейнджер — ну как же! — Голос её зазвучал пронзительно, и лицо блестело от слёз.

Ещё несколько целующихся пар распались, чтобы поглядеть на них.

— А со мной не хочешь говорить! М-м… может, лучше, если мы сейчас… сейчас расплатимся и ты пойдёшь к Г-Гермионе Грейнджер, раз тебе так надо!

Гарри в полной растерянности смотрел, как она берёт оборчатую салфетку и промокает залитое слезами лицо.

— Чжоу! — сказал он умоляющим тоном. Ему очень хотелось, чтобы Роджер снова обнял и поцеловал свою девушку, и она перестала на них пялиться.

— Ну так иди! — сказала Чжоу. Теперь она плакала в салфетку. — Не понимаю, зачем ты вообще меня пригласил, если после меня назначил другим свидание… Скольким ещё после Гермионы?

— Да не в этом дело! — поняв наконец причину её обиды, он почувствовал такое облегчение, что даже рассмеялся. И уже через секунду увидел, что это тоже было ошибкой. Но поздно.

Чжоу вскочила. Все в комнате умолкли и повернулись к ним.

— Всего хорошего, Гарри, — драматически произнесла она, после чего, слегка икая, ринулась к двери, распахнула её и выскочила под проливной дождь.

— Чжоу! — крикнул он ей вдогонку, но дверь уже захлопнулась с мелодичным звоном.

В кафе стояла мёртвая тишина. Все смотрели на Гарри. Он бросил на стол галеон, стряхнул конфетти с волос и вышел в переулок.

Дождь лил вовсю, а Чжоу исчезла бесследно. Он не мог взять в толк, что произошло, — полчаса назад всё было так мирно.

— Женщины! — сердито бормотал он, засунув руки в карманы и шлёпая по мокрой улице. — И чего ей понадобилось говорить о Седрике? Зачем всегда вытаскивает тему, из-за которой превращается в ходячий пожарный шланг?

Гарри повернул направо и побежал, разбрызгивая лужи. Через несколько минут он уже входил в дверь бара «Три метлы». Гермионы там быть не

могло — слишком рано, но он надеялся встретить кого-нибудь из знакомых и скоротать с ним время. Откинув со лба мокрые волосы, он огляделся. В углу, одинокий и печальный, сидел Хагрид. Гарри пробрался к нему между тесно стоящих столов, подтащил стул и сказал:

— Хагрид, привет!

Хагрид вздрогнул и посмотрел на него так, словно не сразу узнал. Гарри увидел на его лице две свежие раны и несколько новых кровоподтёков.

— А, это ты, Гарри. Как жив?

— Хорошо, — соврал Гарри, но рядом с избитым, печальным Хагридом и жаловаться-то было вроде не на что. — А ты как?

— Я? Ну, я прекрасно, Гарри, прекрасно.

Он заглянул в свою оловянную пивную кружку величиной с хорошее ведро и вздохнул. Гарри не знал, что сказать ему. Минуту-другую они посидели молча. Потом Хагрид неожиданно сказал:

— Похожие мы с тобой, а, Гарри?

— Ну…

— Ну да… я уж говорил… оба, что ли, неприкаянные. — Хагрид задумчиво кивнул. — Оба сироты. Да… оба сироты.

Он глотнул из кружки.

— Большое дело, когда есть порядочная семья.

Папа у меня был порядочный. А у тебя и папа, и мама порядочные. Были бы живы, и жизнь по-другому бы пошла, так ведь?

— Да… наверное, — осторожно согласился Гарри. Непривычно было видеть Хагрида в таком настроении.

— Семья… — грустно сказал Хагрид. — Что ни говори, а кровь, она сказывается. — И он стёр струйку под глазом.

— Хагрид, — сказал Гарри, не в силах удержаться, — где ты всё время ранишься?

— А? — Хагрид как будто удивился. — Как это ранюсь?

— Да вот как. — Гарри показал на его лицо.

— А-а… обыкновенные синяки да шишки. — Хагрид отмахнулся. — Работа у меня грубая.

Он допил свою кружку, поставил на стол и поднялся.

— Ну, до свиданья, Гарри. Будь здоров.

С несчастным видом он вышел из бара и скрылся в проливном дожде. Гарри проводил его огорчённым взглядом. Хагрид несчастен, что-то скрывает и решительно не хочет никакой помощи. Что происходит? Но Гарри не успел об этом задуматься — его тут же окликнули.

— Гарри! Гарри, сюда!

Из другого конца зала ему махала Гермиона. Он поднялся и стал пробираться к ней через запруженный народом бар. За несколько столов от неё он увидел, что она не одна, а в самой неожиданной компании собутыльниц, какую только можно себе представить: с ней сидели Полумна Лавгуд и одна из наименее симпатичных для Гермионы личностей на свете, бывшая сотрудница газеты «Ежедневный пророк» Рита Скитер.

— Ты рано! — сказала Гермиона, отодвигаясь, чтобы освободить для него место. — Я думала, ты с Чжоу придёшь не раньше, чем через час!

— Чжоу? — сразу всполошилась Рита и хищным взглядом впилась в Гарри. — Девушка?

Она схватила свою крокодиловую сумочку и запустила туда руку.

— Пусть он был хоть с сотней девушек, вас это не касается, — ледяным тоном одёрнула её Гермиона. — Так что можете сразу убрать.

Рита уже вытаскивала из сумочки ядовито-зелёное перо. С таким видом, как будто её заставили выпить ложку Смердящего сока, она защёлкнула сумочку.

— Что ты придумала? — спросил Гарри, усевшись за стол и глядя поочерёдно на Риту и Полумну.

— Наша юная кудесница как раз собиралась мне объяснить перед твоим приходом, — сказала Рита, шумно отхлебнув из стакана. — Полагаю, мне позволено с ним разговаривать? — язвительно обратилась она к Гермионе.

— Полагаю, позволено, — холодно ответила та. Положение безработной не красило Риту. Волосы, прежде тщательно завитые, висели нечёсаными прядями. Алый лак на длиннющих ногтях местами облупился, и нескольких фальшивых камешков на широких дужках очков не хватало. Она опять хлебнула из стакана и, почти не разжимая губ, спросила:

— Она хорошенькая, Гарри?

— Ещё одно слово об интимной жизни Гарри, и сделка отменяется, — пригрозила Гермиона.

— Какая сделка? — сказала Рита, утирая рот тыльной стороной ладони. — Ты ещё не предложила сделки, моя благонравненькая, ты только просила меня прийти. Ничего, когда-нибудь… — Она судорожно вздохнула.

— Ну да, когда-нибудь вы сочините новые гнусные истории про нас с Гарри.

— В этом году печаталось немало гнусных историй о Гарри — без моего участия. — Она искоса взглянула на него, держа стакан у рта, и свистя-

щим шёпотом спросила: — С каким чувством ты их читал? Ты чувствовал себя непонятым, оболганным, опозоренным?

— Конечно, он сердит, — отчётливо и громко сказала Гермиона. — Он сказал министру магии правду, но министр такой идиот, что не поверил ему.

— Так ты по-прежнему настаиваешь, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся? — Рита опустила стакан и устремила на Гарри испытующий взгляд, причём её палец сам собой пополз к застёжке крокодиловой сумочки. — Поддерживаешь эти россказни Дамблдора о якобы возвращении Ты-Знаешь-Кого и о тебе, якобы единственном свидетеле.

— Я был не единственным свидетелем, — с бешенством ответил Гарри. — Там была дюжина с лишним Пожирателей смерти. Хотите их имена?

— Счастлива буду услышать. — Она снова стала рыться в сумочке и смотрела на Гарри с таким восторгом, словно ничего прекраснее не видела в жизни. — Крупным шрифтом заголовок «Поттер обвиняет». Подзаголовок: «Гарри Поттер называет притаившихся Пожирателей смерти». А ниже — твоя большая фотография и подпись: «Потрясённый подросток, переживший нападение

Того-Кого-Нельзя-Называть, пятнадцатилетний Гарри Поттер вызвал вчера фурор, обвинив почитаемых членов волшебного сообщества в том, что они являются Пожирателями смерти».

Прытко Пишущее Перо было уже у неё в руке и на полпути ко рту, как вдруг восторженное выражение исчезло с её лица.

— Но наша маленькая кудесница, — Рита опустила перо и волком глянула на Гермиону, — конечно, не захочет, чтобы это напечатали?

— Наоборот, — нежным голосом проговорила Гермиона, — именно этого ваша маленькая кудесница и хочет.

Рита удивлённо уставилась на неё. Гарри тоже. Полумна же рассеянно напевала вполголоса «Уизли — наш король» и помешивала свой напиток коктейльной луковицей на палочке.

— Ты хочешь, чтобы я опубликовала его рассказ о Том-Кого-Нельзя-Называть? — тихо спросила Рита у Гермионы.

— Да, — сказала Гермиона. — Подлинную историю. Все факты. В точности так, как сообщит их Гарри. Он расскажет вам все подробности, назовёт имена неразоблачённых Пожирателей смерти, которых там видел, опишет, как выглядит теперь Волан-де-Морт… Возьмите же себя в

руки, — презрительно сказала она, бросив через стол салфетку, потому что при имени Тёмного Лорда Рита чуть не свалилась со стула и пролила на себя полстакана огненного виски.

Не сводя глаз с Гермионы, Рита промокнула салфеткой свой заношенный плащ и сказала прямо:

— «Пророк» этого не напечатает. Ты, возможно, не заметила, но его россказням никто не верит. Все считают, что он свихнулся. Но если позволишь дать эту историю с такой точки зрения…

— Нам не нужна ещё одна история о том, что Гарри спятил! — отрезала Гермиона. — Благодарю, с нас хватит! Я хочу, чтобы ему позволили сказать людям правду!

— На такую историю не будет спроса, — сухо сообщила Рита.

— Вы хотите сказать, «Пророк» не напечатает её, потому что не позволит Фадж? — с досадой спросила Гермиона.

Рита ответила долгим холодным взглядом. Потом наклонилась к ней через стол и заговорила деловито:

— Да, Фадж оказывает нажим на газету, но не в этом суть. «Пророк» не напечатает статью, где Гарри представлен в хорошем свете. Никто не станет её читать. Публика настроена иначе. Её

уже достаточно встревожил нынешний побег из Азкабана. Люди просто не хотят поверить, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся.

— Значит, «Ежедневный пророк» считает нужным говорить людям только то, что они желают услышать? — язвительно спросила Гермиона.

Рита выпрямилась, подняв брови, и одним глотком осушила стакан.

— «Пророк» считает нужным, чтобы его покупали, глупенькая.

— Папа говорит, что это жуткая газета, — неожиданно вмешалась в беседу Полумна. Обсасывая коктейльную луковицу, она смотрела на Риту своими огромными, выпуклыми, слегка безумными глазами. — Он печатает важные статьи о том, что люди должны знать, по его мнению. Он не интересуется деньгами.

Рита посмотрела на неё пренебрежительно.

— Надо думать, твой папа держит какую-нибудь захудалую деревенскую газетёнку? Типа «Двадцать пять способов завязать сношения с маглами» с датой следующей распродажи «Приноси и улетай».

— Нет, — сказала Полумна, опустив луковицу в свой стакан с «горной водой», — он редактор «Придиры».

Рита фыркнула так громко, что сидевшие за соседним столом обернулись.

— Важные статьи о том, что люди должны знать, а? — произнесла она с издёвкой. — Содержимым этого журнальчика я могла бы удобрять свой садик.

— Так вот вам шанс немного поднять его уровень, — любезно посоветовала Гермиона. — Полумна говорит, её папа с радостью напечатает интервью с Гарри. Вот и публикуйте.

С секунду Рита смотрела на обеих девочек, а потом оглушительно расхохоталась.

— «Придира», — выговорила она со смехом. — Думаете, люди воспримут его серьёзно, если это будет в «Придире»?

— Некоторые — нет, — спокойно ответила Гермиона. — Но в сообщении «Пророка» о побеге из тюрьмы не сходятся концы с концами. И наверное, многие думают: нет ли этому более убедительного объяснения? Если им предложат другое, пусть даже в… — она искоса глянула на Полумну, — ну, в необычном журнале, думаю, многие прочтут его с интересом.

Рита довольно долго молчала и оценивающе глядела на Гермиону, наклонив голову набок.

— Ладно, допустим на минуту, что я напишу, —

неожиданно сказала она. — Сколько мне за это заплатят?

— Кажется, папа не платит людям, которые пишут в его журнал, — мечтательно проговорила Полумна. — Они пишут, потому что это почётно и, конечно, им хочется видеть своё имя в печати.

Лицо у Риты снова приняло такой вид, будто её угостили Смердящим соком, и она повернулась к Гермионе:

— Я, что же, буду писать бесплатно?

— Ну да, — хладнокровно подтвердила Гермиона, отпив из стакана. — Иначе, как вы понимаете, я сообщу властям, что вы незарегистрированный анимаг. Конечно, «Пророк» вам неплохо заплатит за репортаж из камеры о жизни Азкабана.

Рита посмотрела на неё так, как будто больше всего ей хотелось сейчас выдернуть бумажный зонтик из стакана Гермионы и засунуть Гермионе в нос.

— Кажется, у меня нет выбора, я правильно поняла? — сказала Рита дрожащим голосом. Она опять открыла сумочку, достала кусок пергамента и Прытко Пишущее перо.

— Папа будет рад, — весело пообещала Полумна. На челюсти у Риты вздулся желвак Гермиона повернулась к Гарри:

— Ну, Гарри, готов рассказать людям правду?

— Пожалуй, — сказал он, глядя на Риту, наставившую на лист пергамента Прытко Пишущее Перо.

— Строчите, Рита, — безмятежно произнесла Гермиона, выуживая со дна своего стакана вишенку.

Глава 26
Новые неожиданности

Полумна уклончиво сказала, что не знает, скоро ли интервью Риты с Гарри появится в «Придире»: её отец рассчитывает получить шикарную большую статью о недавних наблюдениях за морщерогими кизляками. «Конечно, это очень важная статья, так что Гарри, скорее всего, придётся подождать до следующего выпуска», — пояснила Полумна.

Гарри обнаружил, что ему очень нелегко рассказывать о дне возвращения Волан-де-Морта. Рита заставляла его вспоминать малейшие подробности тех событий, и он, понимая, что ему наконец представился отличный шанс поведать миру правду, рассказал ей всё, что смог вспомнить. Он не знал, как люди воспримут его историю. Наверное, большинство из них утвердится во мнении, что он законченный безумец, — в немалой степени потому, что его интервью появится вслед за бредовой статьёй о морщерогих кизляках. Но побег Беллатрисы Лестрейндж и других Пожирателей смерти вызвал

у Гарри жгучее желание сделать хоть что-то — неважно, подействует это или нет…

— Интересно, как Амбридж отнесётся к твоему публичному выступлению, — сказал Дин за ужином в понедельник. В его голосе звучал благоговейный страх. Симус по другую сторону от него за обе щеки уплетал курицу и пирог с ветчиной, однако Гарри знал, что он прислушивается к их разговору.

— Ты правильно сделал, Гарри, — сказал Невилл, сидевший напротив. Он побледнел, но всё же спросил, понизив голос: — Наверно, трудно было… говорить об этом, да?

— Трудно, — тихо откликнулся Гарри. — Но люди должны знать, на что способен Волан-де-Морт, разве не так?

— Так, — кивнул Невилл, — и его Пожиратели смерти тоже… люди должны знать…

Невилл не закончил фразы и вернулся к своей печёной картошке. Симус поднял глаза, но, встретившись взглядом с Гарри, тут же снова уткнулся в тарелку. Вскоре Дин, Симус и Невилл отправились в гостиную, а Гарри с Гермионой остались за столом ждать Рона, который ещё не успел поужинать из-за тренировки по квиддичу.

В зал вошла Чжоу Чанг со своей подружкой

Мариэттой. У Гарри в животе что-то нехорошо повернулось, но Чжоу даже не взглянула на гриффиндорский стол и села спиной к нему.

— Кстати, я забыла спросить, — жизнерадостно сказала Гермиона, покосившись на стол когтевранцев, — как прошло твоё свидание с Чжоу? Почему ты вернулся так рано?

— Э… ну, я… — пробормотал Гарри, подвигая к себе пирог с ревенем и беря второй кусок — В общем, всё прошло хуже некуда.

И он рассказал ей, что случилось в кафе мадам Паддифут.

— И тут, — закончил он несколько минут спустя, когда с блюда исчезли последние крошки пирога, — она вскакивает на ноги, заявляет: «Всего хорошего, Гарри» — и убегает сломя голову! — Он положил ложку и посмотрел на Гермиону. — Растолкуй мне, пожалуйста, что всё это значит? Что с ней стряслось?

Гермиона поглядела на затылок Чжоу и вздохнула.

— Ах, Гарри, — грустно сказала она. — Прости, но тебе немного не хватило такта.

— Мне не хватило такта? — возмутился Гарри. — Сначала всё шло замечательно, а потом она вдруг начинает рассказывать мне, как Роджер Дэ-

вис приглашал её на прогулку и как она таскала Седрика целоваться в это идиотское кафе, — по-твоему, мне это приятно?

— Понимаешь, — сказала Гермиона с терпеливым видом человека, пытающегося втолковать излишне эмоциональному малышу, что один плюс один равняется двум, — тебе не надо было говорить ей посреди свидания, что ты должен встретиться со мной.

— Но… — захлебнулся Гарри, — но ты же просила меня встретиться с тобой в двенадцать и привести её с собой — и как я, по-твоему, мог это сделать, если бы ничего ей не сказал?

— Надо было сказать по-другому, — пояснила Гермиона с тем же раздражающе терпеливым видом. — Ты должен был сказать, что это ужасно досадно, но я заставила тебя пообещать, что ты явишься в «Три метлы», и хотя ты совсем не хочешь туда идти и мечтал провести целый день с ней, похоже, что тебе, к несчастью, всё-таки придётся со мной встретиться, и не составит ли она тебе компанию — тогда, может быть, удастся отделаться от меня поскорее. А ещё, пожалуй, было бы неплохо упомянуть, что ты считаешь меня уродиной, — поразмыслив, добавила Гермиона.

— Но я не считаю тебя уродиной, — опешил

Гарри. Гермиона усмехнулась.

— Гарри, ты хуже Рона… впрочем, нет, — вздохнула она, поскольку в этот момент в зал ввалился сам Рон, забрызганный грязью и явно очень недовольный. — Пойми: ты расстроил Чжоу, когда сказал про нашу с тобой встречу, и она пыталась заставить тебя ревновать. Таким образом она хотела выяснить, насколько ты к ней неравнодушен.

— Ах вот оно что! — сказал Гарри, когда Рон плюхнулся на скамью напротив и стал придвигать к себе все блюда, до которых мог дотянуться. — А разве не легче было бы просто спросить меня, кто мне больше нравится — она или ты?

— Девочки не часто задают такие вопросы…

— Ну и напрасно! Тогда я просто сказал бы, что мне нравится она, и ей не пришлось бы снова лить слёзы из-за Седрика!

— Я и не говорю, что она вела себя разумно, — сказала Гермиона, когда к ним присоединилась Джинни, такая грязная, как Рон, и такая же насупленная. — Я только пытаюсь объяснить тебе, что она чувствовала.

— Напиши книжку, — посоветовал Гермионе Рон, разрезая картофелину, — и растолкуй в ней, что чувствуют девочки, когда делают глупости.

Тогда мальчики наконец смогут их понимать!

— Точно, — с жаром сказал Гарри, посмотрев на когтевранский стол. Чжоу только что поднялась с места и, по-прежнему не глядя на него, вышла из Большого зала. Гарри уныло повернулся обратно к Рону и Джинни. — Ну, как тренировка?

— Кошмар, — буркнул Рон.

— Перестань, — сказала Гермиона, взглянув на Джинни. — Я уверена, что всё не так уж…

— Именно так, — вздохнула Джинни. — Это было ужасно. Анджелина под конец чуть не расплакалась.

После ужина Рон с Джинни отправились в душ, а Гарри и Гермиона вернулись в гостиную Гриффиндора к своей обычной горе домашних заданий. Через полчаса, убитых Гарри на борьбу с новой звёздной картой для урока астрономии, на пороге комнаты возникли Фред и Джордж.

— Рона с Джинни нету? — спросил Фред, озираясь и придвигая к себе стул. Гарри покачал головой. — Вот и хорошо. Мы смотрели, как они тренируются. На матче их разнесут в пух и прах. Без нас они ровным счётом никуда не годятся.

— Брось, Джинни не так уж плоха, — великодушно заметил Джордж, садясь рядом с ним. — Честно говоря, я вообще не понимаю, где она

научилась так играть, — ведь мы никогда не брали её с собой на тренировки.

— Да она с шести лет лазит в сарай у вас в саду и таскает оттуда ваши мётлы по очереди, стоит вам только зазеваться, — сказала Гермиона из-за шаткого штабеля учебников по древним рунам.

— Правда? — с невольным уважением сказал Джордж. — Ну, тогда всё понятно.

— А Рон? Взял он хоть один мяч? — поинтересовалась Гермиона, глядя на близнецов поверх «Магических иероглифов и логограмм».

— Он способен на это лишь в тех случаях, когда думает, что никто на него не смотрит, — сказал Фред, закатывая глаза. — Поэтому нам нужно попросить зрителей, чтобы в субботу они отворачивались и начинали беседовать между собой, как только квоффл полетит в его сторону.

Ему не сиделось на месте; он подошёл к окну и вгляделся в сумерки.

— По мне, квиддич был единственным, ради чего стоило торчать в этой школе.

Гермиона бросила на него суровый взор.

— У вас же скоро аттестация!

— Я ведь тебе говорил, аттестация нас мало волнует, — сказал Фред. — А вот Забастовочные завтраки пора выпускать в продажу: мы

выяснили, как избавиться от этих фурункулов. Достаточно нескольких капель настойки растопырника — спасибо Ли за идею…

Джордж широко зевнул и вперил мрачный взгляд в затянутое облаками ночное небо.

— Даже не знаю, хочу ли я идти на этот матч. Если Захария Смит нас побьёт, как бы мне не пришлось наложить на себя руки.

— Лучше уж на него, — твёрдо сказал Фред.

— Вот чем плох квиддич, — рассеянно произнесла Гермиона, уткнувшись в рунический текст. — Он сеет вражду и непонимание между нашими факультетами.

Она оторвалась от перевода, чтобы заглянуть в «Словник чародея», и увидела, что Гарри, Фред и Джордж смотрят на неё с одинаковой гримасой отвращения, смешанного с недоверием.

— А что? — с вызовом сказала она. — В конце концов, это только игра!

— Гермиона, — сказал Гарри, покачав головой, — тебе, конечно, виднее, что к чему, когда речь идёт о всяких там чувствах, но ты просто не понимаешь, что такое квиддич.

— Возможно, — сердито ответила она, возвращаясь к своему переводу, — но моё счастье, по крайней мере, не зависит от умения Рона ловить

мяч.

И хотя Гарри скорее спрыгнул бы с Астрономической башни, чем признался в этом Гермионе, в следующую субботу наблюдая за игрой, он готов был отдать целую гору галеонов за то, чтобы тоже сделаться равнодушным к квиддичу.

Единственным достоинством матча оказалась его краткость — мучения гриффиндорских зрителей длились всего двадцать две минуты. На звание худшего игрока, по мнению Гарри, с равным правом претендовали трое: Рон, совершенно по-идиотски пропустивший четырнадцатый мяч, Слоупер, который целился в бладжер, но врезал Анджелине битой по лицу, и Керк, который завопил и свалился с метлы, когда на него понёсся Захария Смит с квоффлом в руках. Каким-то чудом Пуффендуй победил с перевесом всего лишь в десять очков: Джинни изловчилась выхватить снитч прямо из-под носа у пуффендуйского ловца Саммерби, так что конечный счёт составил двести сорок против двухсот тридцати.

— Отличный рывок, — сказал Гарри своей рыжеволосой преемнице в гостиной, где царила такая унылая атмосфера, какая бывает разве что на похоронах.

— Повезло. — Джинни пожала плечами. —

Снитч летел не очень быстро, а у Саммерби простуда: он чихнул и зажмурился в самый неподходящий момент. В любом случае, когда ты вернёшься в команду…

— Джинни, мне запретили играть навсегда.

— Ты не будешь играть, пока в школе остаётся Амбридж, — поправила его Джинни. — Есть разница. В любом случае, когда ты вернёшься, я попробую себя в охотниках. И Анджелина, и Алисия учатся последний год, а мне больше нравится забивать голы, чем ловить снитч.

Гарри посмотрел на Рона, который сгорбился в углу, уставившись на свои колени и сжимая в руке бутылку сливочного пива.

— Анджелина всё равно не хочет его отпускать, — сказала Джинни, словно прочитав мысли Гарри. — Она уверена, что у него есть потенциал.

Гарри был благодарен Анджелине за такую стойкую веру в Рона, но в то же время считал, что милосерднее было бы разрешить ему уйти из команды. Рон покинул поле под очередной куплет песни «Уизли — наш король», которую с большим подъёмом распевали слизеринцы, ставшие теперь фаворитами в борьбе за Кубок. Приблизились Фред и Джордж.

— Язык не поворачивается над ним шутить, —

сказал Фред, глядя на скорбную фигуру Рона. — Хотя… как он прошляпил четырнадцатый… — Он отчаянно заболтал руками, изображая тонущего щенка. — Ладно, прибережем шутки до лучших времен.

Вскоре Рон потащился в спальню. Из уважения к его чувствам Гарри не сразу пошёл за ним следом, чтобы Рон, если захочет, мог притвориться спящим. И действительно, когда Гарри поднялся в комнату, Рон храпел чуть громче, чем надо; если бы не это, и впрямь можно было бы подумать, что он спит.

Гарри лёг в постель, размышляя о матче. Смотреть его с трибуны было ужасно. Ему очень понравилась игра Джинни, но он знал, что мог бы поймать снитч быстрее… был момент, когда крохотный мяч порхал около лодыжки Керка; если бы Джинни не промедлила, она могла бы выцарапать для Гриффиндора победу.

Амбридж сидела несколькими рядами ниже Гарри и Гермионы. Раз-другой она грузно повернулась, чтобы посмотреть на него; её широкий жабий рот был растянут, как ему показалось, в злорадной торжествующей усмешке. Едва вспомнив об этом сейчас, в темноте, он загорелся гневом. Но уже спустя несколько минут

спохватился, что перед сном ему следует освобождать сознание от всего лишнего: Снегг не уставал повторять это в конце каждого урока окклюменции.

Он попытался успокоиться, но мысль о Снегге вдобавок к воспоминанию об Амбридж только усилила снедавшее его негодование, и через некоторое время Гарри обнаружил, что думает только о том, как он ненавидит их обоих. Храп Рона постепенно сошёл на нет, сменившись глубоким, медленным дыханием спящего. Гарри не мог заснуть гораздо дольше товарища; его тело устало, но мозг никак не хотел отключаться.

Ему приснилось, что Невилл с профессором Стебль кружат в вальсе по Выручай-комнате, а профессор МакГонагалл играет им на волынке. Сначала он с удовольствием наблюдал за ними, а потом решил отправиться на поиски других членов ОД.

Но, выйдя из комнаты, он увидел перед собой не портрет Варнавы Вздрюченного, а горящий факел, укреплённый на каменной стене. Он медленно повернул голову направо. Там, в дальнем конце глухого коридора без окон, была простая чёрная дверь.

Он двинулся к ней; в груди его нарастало вол-

нение. У него было очень странное чувство, что на сей раз ему наконец повезёт и он отыщет способ открыть эту дверь… до неё оставалось всего несколько шагов, и он с внезапным приливом восторга заметил под её правой створкой слабый голубой свет… дверь была чуть приотворена… он протянул руку, чтобы распахнуть её, и…

Рон громко, истово, неподдельно всхрапнул, и Гарри тут же проснулся — его рука была протянута вперёд в темноте, готовая толкнуть дверь, находящуюся в сотнях миль отсюда. Он уронил руку со смешанным чувством вины и разочарования. Он знал, что не должен был видеть эту дверь, но в то же время не мог побороть разбиравшее его любопытство и волей-неволей досадовал на Рона, который помешал ему за неё заглянуть… Ну что ему стоило потерпеть со своим всхрапом ещё полминутки!

* * *

Утром в понедельник они явились в Большой зал одновременно с почтовыми совами. Гермиона была не единственной, кто с нетерпением ждал свежего номера «Ежедневного пророка»: почти всем не терпелось узнать новости о сбежавших Пожирателях смерти, которые, несмотря

на многочисленные сообщения людей, якобы видевших их в разных местах, до сих пор не были пойманы. Гермиона отдала сове кнат и торопливо развернула газету, пока Гарри наливал себе апельсинового сока; за весь прошлый год ему прислали только одну записку, и поэтому, когда перед ним на стол бухнулась первая сова, он ни на секунду не усомнился в том, что произошла ошибка.

— Ты к кому? — спросил он, лениво отодвигая у неё из-под клюва стакан с соком, и, наклонившись, прочёл имя и адрес получателя:

Гарри Поттеру
Большой зал
Школа «Хогвартс»

Нахмурясь, он протянул руку, но не успел взять у совы письмо, как ещё три, четыре, пять сов сели на стол рядом с ней и принялись теснить друг друга, наступая в масло и опрокидывая солонки: каждой хотелось вручить своё послание раньше других.

— Это ещё что такое? — изумился Рон. Все гриффиндорцы обернулись посмотреть, что происходит, и тут на стол, ухая и хлопая крыльями, опустились ещё семь летучих почтальонов.

Гарри разорвал жёлтый конверт. Из него выпал плотно сложенный мартовский номер «Придиры». Гарри развернул его и увидел своё лицо, робко ухмыляющееся с обложки. Поперёк фотографии большими красными буквами шла надпись:

ГАРРИ ПОТТЕР НАКОНЕЦ ЗАГОВОРИЛ: ПРАВДА О ТОМ-КОГО-НЕЛЬЗЯ-НАЗЫВАТЬ И О ЕГО ВОЗВРАЩЕНИИ, КОТОРОЕ Я ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ

— Неплохо, правда? — сказала Полумна, подходя к гриффиндорскому столу и втискиваясь на скамейку между Фредом и Роном. — Он вышел вчера, и я попросила отца выслать тебе бесплатный экземпляр. Думаю, всё это письма читателей, — она кивнула на сов, которые по-прежнему бродили по столу перед Гарри.

— Я тоже так подумала, — нетерпеливо сказала Гермиона. — Гарри, ты не будешь возражать, если мы…

— Пожалуйста, — сказал Гарри, слегка озадаченный.

Рон с Гермионой сразу же принялись вскрывать конверты.

— Этот малый считает, что ты совсем съехал с

катушек, — сказал Рон, проглядывая письмо. — Так-так…

— А эта женщина советует тебе пройти курс лечения Шоковыми заклятиями в больнице святого Мунго, — разочарованно сказала Гермиона, комкая второе письмо.

— Зато тут вроде бы ничего плохого, — медленно произнёс Гарри, читая длинное письмо от колдуньи из Пейсли. — Ого! Она говорит, что верит мне!

— А этот колеблется, — сказал Фред, с энтузиазмом взявшийся распечатывать письма вместе с ними. — Говорит, что ты вроде не похож на сумасшедшего, но лично он не хочет верить, что Сам-Знаешь-Кто возродился, поэтому не знает, как ему теперь быть. Тьфу ты, только пергамент зря перевёл!

— А вот ещё один, которого ты убедил, Гарри! — возбуждённо воскликнула Гермиона. — «Прочтя Вашу версию этой истории, я был вынужден заключить, что „Пророк“ обошёлся с Вами крайне несправедливо… Хотя мне очень не хочется верить в возвращение Того-Кого-Нельзя-Называть, я вынужден признать, что Вы говорите правду…» Да это же просто чудесно!

— Ещё одна думает, что ты просто гонишь

волну, — сказал Рон, выбрасывая за плечо скомканное письмо, — зато эта пишет, что ты обратил её в свою веру и теперь она считает тебя настоящим героем… даже фотографию свою приложила, ого!

— Что здесь происходит? — раздался позади тонкий, фальшиво-приторный голосок. Гарри поднял взгляд от вороха конвертов, которые держал в руках. За Фредом и Полумной стояла профессор Амбридж — её жабьи глаза навыкате озирали разгром, учинённый совами на столе перед Гарри. Позади неё он увидел толпу жадно наблюдающих за ними учеников.

— Кто это прислал вам столько писем, мистер Поттер? — вкрадчиво спросила Амбридж.

— А что, разве это преступление — получать письма? — громко осведомился Фред.

— Поосторожнее, мистер Уизли, не то останетесь после уроков, — предупредила Амбридж. — Ну, мистер Поттер?

Гарри помедлил, но он не видел возможности скрыть содеянное; было ясно, что рано или поздно «Придира» попадётся ей на глаза.

— Люди пишут мне потому, что я дал интервью, — сказал Гарри. — О том, что случилось со мной в прошлом июне.

Произнося эти слова, он невольно скользнул взглядом по столу для преподавателей: у Гарри возникло страннейшее чувство, что секунду назад Дамблдор наблюдал за ним, но, посмотрев на директора, он убедился, что тот поглощён разговором с профессором Флитвиком.

— Интервью? — повторила Амбридж ещё более тонким и мерзким голосом, чем обычно. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что репортёр задавала мне вопросы, а я на них отвечал, — сказал Гарри. — Вот…

И он кинул ей номер «Придиры». Она поймала его и уставилась на обложку. На её бледном, рыхлом лице проступили отвратительные фиолетовые пятна.

— Когда вы это сделали? — спросила она чуть севшим голосом.

— В последний выходной в Хогсмиде, — сказал Гарри. Она посмотрела на него, вне себя от ярости; журнал дрожал в её коротких толстых пальцах.

— Больше у вас не будет выходных в Хогсмиде, мистер Поттер, — прошептала она. — Как вы осмелились… как вы могли… — Она сделала глубокий вдох. — Я снова и снова пыталась отучить вас лгать. Видимо, вы до сих пор не усвоили моего

урока. Минус пятьдесят очков Гриффиндору и ещё неделя штрафных занятий.

Она зашагала прочь, прижимая «Придиру» к груди, и многие ученики проводили её взглядом.

Не прошло и часа, как по всей школе расклеили гигантские объявления — они появились не только на факультетских стендах, но и в коридорах, и в классных комнатах.

> ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА ХОГВАРТСА
>
> Любой учащийся, уличённый в хранении журнала «Придира», будет немедленно исключён.
>
> Основанием настоящего приказа является Декрет об образовании № 27.
>
> ***Подписано: Долорес Джейн Амбридж, генеральный инспектор.***

Всякий раз, когда Гермионе попадалось на глаза одно из этих объявлений, она прямо-таки расцветала от удовольствия.

— Да что тебя так радует? — не выдержал Гарри.

— Неужели ты не понимаешь? — удивилась Гермиона. — Даже если бы она сама захотела, чтобы в школе не осталось ни единого человека,

который не читал бы твоего интервью, она не могла бы придумать ничего лучше, чем запретить его!

Похоже, Гермиона была права. Хотя Гарри ни разу даже мельком не видел в школьных помещениях запретного журнала, к концу дня все только и делали, что цитировали друг другу его интервью. Гарри слышал, как о нём шептались в коридорах перед занятиями, за обедом и на задних партах во время урока, а Гермиона, заглянув в туалет для девочек перед лекцией по древним рунам, сообщила, что во всех кабинках только об этом и судачат.

— А потом они заметили меня — очевидно, они знают, что я тебя знаю, — и налетели с вопросами, — сказала Гермиона с сияющими глазами, — и по-моему, Гарри, они тебе верят, честное слово, — думаю, ты их всё-таки убедил!

Тем временем профессор Амбридж курсировала по школе, останавливая учеников на выбор и заставляя их вынимать из сумок книжки и выворачивать карманы; Гарри знал, что она ищет запрещённый номер «Придиры», но ученики всегда на несколько шагов опережали её. Они успевали заколдовать страницы с интервью Гарри так, что любой посторонний видел в них

только выдержки из учебников, или волшебным образом превращали их в чистые, снимая заклятие лишь тогда, когда им хотелось перечитать статью снова.

Преподавателям, разумеется, запрещалось упоминать интервью согласно Декрету об образовании номер двадцать шесть, однако они всё равно находили способ выразить свои чувства. Профессор Стебль наградила гриффиндорцев двадцатью очками, когда Гарри передал ей лейку; лучезарно улыбающийся профессор Флитвик под конец урока заклинаний впихнул ему в руки коробку попискивающих сахарных мышек, сказал «тс-с!» и поспешил прочь, а профессор Трелони на своих занятиях вдруг истерически разрыдалась и заявила изумлённому классу и очень недовольной Амбридж, что Гарри вовсе не умрёт в юном возрасте, а доживёт до преклонных лет и станет министром магии и отцом двенадцати детей.

Но по-настоящему счастливым Гарри почувствовал себя на следующий день, Когда Чжоу нагнала его в коридоре перед самым уроком трансфигурации. Не успел он опомниться, как её рука оказалась в его, а её губы шепнули ему на ухо: «Прости меня, пожалуйста. Дать такое интервью — это было очень смело… я прямо

расплакалась».

Его огорчило то, что ей пришлось пролить ещё одну порцию слёз, но очень обрадовало, что они снова начали разговаривать, а когда она быстро чмокнула его в щёку и поспешила дальше, он ощутил себя на вершине блаженства. А едва он добрался до класса трансфигурации, как произошло ещё нечто столь же замечательное и невероятное: навстречу ему из толпы однокашников выступил Симус.

— Я только хотел сказать, — промямлил он, косясь на левое колено Гарри, — что я тебе верю. И послал этот журнал маме.

Если Гарри и нужно было что-то ещё для полного счастья, этой мелочью стала реакция на происшедшее Малфоя, Крэбба и Гойла. В тот же день, ближе к вечеру, он увидел их в библиотеке: сдвинув головы, они тихо переговаривались. С ними был ещё один худосочный мальчишка; Гермиона шепнула, что его зовут Теодор Нотт. Они оглянулись на Гарри, когда он искал на полках книгу с инструкциями по частичному исчезновению. Гойл угрожающе затрещал суставами пальцев, а Малфой стал что-то яростно нашёптывать Крэббу. Гарри прекрасно знал, почему они так себя ведут: он назвал их отцов в числе

Пожирателей смерти.

— И самое смешное, — ликующе сказала Гермиона, когда они вышли из библиотеки, — что они даже возразить тебе не могут: ведь это значило бы, что они прочли запрещённую статью!

В довершение всего Полумна сказала ему за ужином, что никогда ещё выпуск «Придиры» не расходился так быстро.

— Папа печатает дополнительный тираж! — сообщила она, возбуждённо выкатив глаза. — Ему в это просто не верится: похоже, что ты интересуешь людей даже больше, чем морщерогие кизляки!

В этот вечер в гостиной факультета Гарри чествовали как героя. Фред и Джордж дерзко увеличили обложку «Придиры», заколдовали её и вывесили на стену, так что гигантская голова Гарри озирала присутствующих, время от времени выдавая громогласные сентенции вроде «В МИНИСТЕРСТВЕ ОДНИ ИДИОТЫ!» или «НАЕШЬСЯ УДОБРЕНИЙ, АМБРИДЖ!» Гермиона сочла это не слишком забавным: она сказала, что ей не дают сосредоточиться, и, раздражённая, рано отправилась спать. Через час-другой шутка приелась и Гарри — особенно когда колдовство стало сходить на нет, так что его голова

на плакате просто выкрикивала отдельные слова вроде «АМБРИДЖ!» или «ИДИОТЫ!» с постепенно уменьшающимися интервалами и всё более и более высоким голосом. В конце концов у Гарри заболела его собственная голова, а шрам стало неприятно покалывать. Под разочарованные возгласы ребят, которые сидели вокруг и заставляли его в сотый раз переживать тот достопамятный день в Хогсмиде, он объявил, что ему тоже необходимо лечь пораньше.

Когда Гарри вошёл в спальню, она была пуста. Чтобы унять жжение на месте шрама, он на минутку прижался лбом к прохладному оконному стеклу. Потом разделся и лёг, мечтая, чтобы головная боль скорее прошла. Вдобавок его слегка мутило. Он повернулся на бок, закрыл глаза и почти мгновенно уснул…

Он стоял в тёмной, затянутой портьерами комнате, где горел единственный канделябр со свечами. Его руки сжимали спинку стула, на который он опирался. Руки были белые, с длинными пальцами, словно много лет не видевшие дневного света — на фоне тёмной бархатной обивки они казались большими бледными пауками.

Впереди, в пятне света под канделябром, преклонил колени человек в чёрной мантии.

— Значит, меня плохо информировали, — сказал Гарри высоким холодным голосом, в котором пульсировала ярость.

— Хозяин, я молю вас о прощении, — прогнусавил человек, стоящий на коленях. Его макушка блестела на скудном свету. Похоже, он дрожал.

— Я не виню тебя, Руквуд, — сказал Гарри тем же холодным, жестоким голосом.

Отпустив стул, он обошёл его, приблизившись к съёжившемуся на полу человеку, и остановился в темноте прямо над ним, глядя вниз с гораздо большей высоты, чем обычно.

— Ты уверен, что дело обстоит именно так, Руквуд? — спросил Гарри.

— Да, милорд, да… Я ведь сам работал в этом отделе…

— Эйвери говорил мне, что Боуд сможет взять его оттуда.

— Боуд никогда не смог бы взять его, хозяин… Он должен был понимать это… без сомнения, именно поэтому он так упорно сопротивлялся наложенному Малфоем заклятию Империус…

— Встань, Руквуд, — шепнул Гарри. Коленопреклонённый едва не упал, спеша выполнить приказание. Его лицо было изрыто оспой — рябины чётко выделялись в свете канделябра. Даже

поднявшись на ноги, он не выпрямился до конца, а замер в полупоклоне, украдкой бросая вверх, на лицо Гарри, полные ужаса взгляды.

— Ты хорошо сделал, что сказал мне об этом, — произнёс Гарри. — Что ж… Похоже, я потратил многие месяцы на пустые усилия… впрочем, неважно… теперь мы начнём всё заново. Ты удостоился благодарности лорда Волан-Де-Морта, Руквуд…

— О, милорд… спасибо, милорд! — выдавил из себя Руквуд голосом, хриплым от облегчения.

— Мне понадобится твоя помощь. Мне понадобится вся информация, какую ты сможешь добыть.

— Конечно, милорд, конечно… всё, что угодно…

— Очень хорошо… ты можешь идти. И пришли ко мне Эйвери.

Руквуд попятился, кланяясь, и исчез за дверью.

Оставшись один в тёмной комнате, Гарри повернулся к стене. На ней, в тени, висело зеркало с трещиной, всё в каких-то древних пятнах. Гарри шагнул к нему. Его отражение выросло и яснее обозначилось в полумраке… лицо белее черепа… красные глаза с щелями вместо зрачков…

— НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

— Что? — взвизгнул чей-то голос рядом.

Гарри отчаянно замахал руками, запутался в пологе и упал с кровати. Несколько секунд он не мог понять, где находится: он был уверен, что на него из темноты вот-вот снова глянет белое, похожее на череп лицо, и тут, совсем близко, раздался голос Рона.

— Если ты перестанешь барахтаться как псих, я тебя вытащу!

Рон сорвал материю, и Гарри уставился на него в лунном свете. Он лежал на спине, и его шрам раздирало болью. Рон, по-видимому, собирался лечь спать: он уже выпростал одну руку из-под мантии.

— Опять на кого-то напали? — спросил Рон, рывком поднимая Гарри на ноги. — На отца? Снова эта змея?

— Нет… все целы… — пробормотал Гарри. Его лоб горел как в огне. — Правда… не знаю, что будет с Эйвери… он дал ему ложную информацию… Волан-де-Морт в ярости…

Гарри застонал и без сил опустился на постель, дрожа и потирая шрам.

— Но Руквуд собирается ему помочь… теперь он снова на верном пути…

— О чём ты говоришь? — испуганно спросил

Рон. — Ты хочешь сказать… ты только что видел Сам-Знаешь-Кого?

— Я был им, — ответил Гарри, вытянул в темноте руки и поднёс их к лицу: он хотел убедиться, что они уже не те, смертельно-бледные, с длинными пальцами. — Он говорил с Руквудом — это Пожиратель смерти, он тоже сбежал из Азкабана, помнишь? Руквуд сейчас сказал ему, что Боуд не мог этого сделать.

— Чего «этого»?

— Что-то взять… он сказал, Боуд должен был знать, что не сможет… На Боуда наложили заклятие Империус… По-моему, он сказал, что это дело рук отца Малфоя.

— Боуда заколдовали, чтобы он взял какую-то вещь? — сказал Рон. — Но… Гарри, это наверняка…

— То самое оружие, — закончил за него Гарри. — Знаю.

Дверь спальни открылась; вошли Дин и Симус. Гарри снова лёг на кровать, поджав под себя ноги. Поскольку Симус совсем недавно перестал считать его чокнутым, не стоило давать им понять, что здесь произошло что-то необычное.

— Ты сказал, — пробормотал Рон, наклонившись к нему и для прикрытия наливая себе воды

из кувшина, стоявшего на тумбочке, — что ты был Сам-Знаешь-Кем?

— Да, — тихо ответил Гарри.

Рон судорожно глотнул из стакана; Гарри видел, как вода пролилась ему на подбородок и грудь.

— Гарри, — прошептал он, пока Дин с Симусом шумно готовились ко сну, снимая мантии и переговариваясь, — ты должен рассказать…

— Ничего я не должен, — решительно возразил Гарри. — Если бы я освоил окклюменцию, я бы вообще ничего этого не увидел. Они же хотели, чтобы я научился изолировать своё сознание.

Под словом «они» Гарри разумел Дамблдора. Повернувшись спиной к Рону, он услышал, как скрипнула кровать товарища: Рон тоже улёгся. Скоро шрам Гарри опять запылал, и ему пришлось закусить уголок подушки, чтобы подавить стон. Он знал, что где-то карают Эйвери.

* * *

На следующее утро Гарри и Рон дождались перемены, чтобы рассказать обо всём Гермионе: они хотели быть абсолютно уверены, что их не подслушают. Отведя Гермиону в их любимый угол прохладного, продуваемого ветерком двора, Гарри во всех подробностях описал ей

свой вчерашний сон. Когда он закончил, она некоторое время молчала, с болезненной сосредоточенностью глядя на Фреда и Джорджа в противоположном углу двора: оба безголовые, они торговали своими волшебными шляпами, доставая их из-под мантий.

— Так вот почему они его убили, — тихо сказала она, наконец оторвав взгляд от близнецов. — Когда Боуд попытался украсть это оружие, с ним что-то случилось. Я думаю, на этом оружии или вокруг него были какие-то оборонительные заклятия и его нельзя было трогать. Поэтому Боуд и очутился в больнице святого Мунго — память отшибло и язык отнялся. Но помните, что сказала нам целительница? Что он поправляется. А они не могли допустить его выздоровления, правда? Шок, который он испытал, коснувшись этого оружия, мог разрушить чары, наложенные Малфоем. Если бы к нему вернулся дар речи, он рассказал бы, что делал, так ведь? И все бы узнали, что его посылали украсть оружие. Конечно, Люциусу Малфою ничего не стоило наложить на него заклятие. Он же днюет и ночует в Министерстве!

— Он был там даже в день моего слушания, — заметил Гарри. — Постой-ка… Да ведь он стоял тогда в коридоре Отдела тайн! Твой отец сказал,

что он, наверное, хотел разнюхать, чем кончилось разбирательство моего дела, но что, если…

— Стерджис! — ахнула Гермиона, точно поражённая громом.

— О чём ты? — озадаченно спросил Рон.

— Стерджиса Подмора арестовали за попытку проникнуть через запертую дверь! — торопливо пояснила Гермиона. — Наверно, Люциус и его заколдовал! Готова поспорить, что он сделал это в тот день, когда ты видел его там, Гарри. У Стерджиса была мантия-невидимка Грюма, так? Что, если он стоял на часах у этой двери невидимый, а Малфой услышал, как он пошевелился… или догадался, что там кто-то есть… или просто наложил заклятие Империус на всякий случай — вдруг сработает? И когда у Стерджиса опять появилась возможность… наверное, когда снова наступила его очередь сторожить дверь, тут-то он и попытался проникнуть в Отдел, чтобы украсть оружие для Волан-де-Морта… спокойно, Рон… но его поймали и отправили в Азкабан… — Она посмотрела на Гарри широко раскрытыми глазами. — А теперь Руквуд объяснил Волан-де-Морту, как заполучить это оружие?

— Всего разговора я не слышал, но похоже на то, — сказал Гарри. — Руквуд ведь там работал…

Может быть, теперь Волан-де-Морт пошлёт за оружием именно его?

Гермиона кивнула, по-прежнему поглощённая своими мыслями. Потом вдруг резко сказала:

— Но ты не должен был видеть всего этого, Гарри.

— Что? — ошеломлённо спросил он.

— Тебе велели научиться ограждать своё сознание от таких вещей, — сказала Гермиона, внезапно посуровев.

— Я знаю, — ответил Гарри, — но…

— Так что, я полагаю, нам надо постараться забыть всё, что ты видел, — твёрдо заявила Гермиона. — А тебе нужно усердней трудиться на занятиях окклюменцией.

Следующие дни не принесли ничего хорошего. Гарри схлопотал ещё два «О» по зельеварению, по-прежнему мучился неизвестностью, думая о судьбе Хагрида, и никак не мог избавиться от размышлений о сне, в котором он был Волан-де-Мортом, хотя и не обсуждал его больше с Роном и Гермионой: ему не хотелось получить от Гермионы очередной нагоняй. Он очень хотел обсудить его с Сириусом, но это было совершенно невозможно, и Гарри пытался загнать эту мысль на задворки сознания.

К несчастью, задворки его сознания перестали быть тем надёжным тайником, каким они были ещё совсем недавно.

— Встаньте, Поттер.

Через неделю-другую после сна о Руквуде Гарри вновь обнаружил, что стоит на коленях в кабинете Снегга, пытаясь собраться с мыслями. Снегг только что разбудил в нём целую вереницу очень ранних воспоминаний, которые оказались неприятным сюрпризом для самого Гарри: большинство из них было связано с унижениями, пережитыми им в начальной школе по вине Дадли и его банды.

— Ваше последнее воспоминание, — сказал Снегг. — О чём оно?

— Не знаю, — ответил Гарри, устало поднимаясь на ноги. Ему становилось всё труднее и труднее выделить связные картины из потока звуков и образов, который обрушивался на него после взмаха палочки Снегга. — Вы имеете в виду то, где мой двоюродный брат запирал меня в туалете?

— Нет, — мягко сказал Снегг. — Я имею в виду человека на коленях посреди тёмной комнаты…

— Ах, это… ни о чём, — сказал Гарри.

Тёмные глаза Снегга впились в него. Памятуя

слова самого профессора о том, что зрительный контакт играет в легилименции решающую роль, Гарри моргнул и отвёл взгляд в сторону.

— Как этот человек и эта комната очутились в вашем сознании, Поттер? — спросил Снегг.

— Это… — сказал Гарри, стараясь смотреть куда угодно, только не на Снегга, — это просто… сон, который я видел.

— Сон? — повторил Снегг.

Наступила пауза. Гарри упорно не сводил глаз с большой мёртвой лягушки, плавающей в банке с пурпурной жидкостью.

— Вы ведь знаете, почему мы здесь, не правда ли, Поттер? — сказал Снегг тихим, угрожающим голосом. — Знаете, почему я жертвую своими вечерами ради этой скучной работы?

— Да, — напряжённо ответил Гарри.

— Напомните мне, почему мы здесь, Поттер.

— Потому что я должен научиться окклюменции, — сказал Гарри, уставившись вместо лягушки на мёртвого угря.

— Правильно, Поттер. И даже такой тугодум, как вы (Гарри не выдержал и посмотрел на Снегга с ненавистью), за два с лишним месяца занятий, пожалуй, мог бы чему-нибудь научиться. Сколько ещё снов о Тёмном Лорде вы видели?

— Только этот, — солгал Гарри.

— Возможно, — сказал Снегг, чуть сузив свои холодные тёмные глаза, — возможно, вам просто нравятся эти сны и видения, Поттер. Может быть, благодаря им вы чувствуете себя особенным — этакой важной шишкой, а?

— Нет, не чувствую, — сказал Гарри сквозь зубы, крепко сжимая в руке волшебную палочку.

— Вот и славно, Поттер, — холодно сказал Снегг, — потому что в вас и вправду нет ничего особенного, и совсем не ваше дело слушать, что Тёмный Лорд говорит своим Пожирателям смерти.

— Нет, это ваше дело, не так ли? — выпалил Гарри.

Он вовсе не хотел произносить эти слова, они вырвались у него помимо воли — уж очень он был раздражён. Долгое время они сверлили друг друга взглядом; Гарри чувствовал, что зашёл слишком далеко. Но когда Снегг наконец ответил ему, на его лице было странное, почти что удовлетворённое выражение.

— Да, Поттер, — сказал он, поблёскивая глазами. — Это моё дело. А теперь, если вы готовы, мы начнём снова. — Он поднял палочку. — Раз… два… три… *Легилименс!*

Сотня дементоров летела к Гарри над поверхностью школьного озера… он мучительно пытался сконцентрироваться… они приближались… уже видны были тёмные дыры под капюшонами… но в то же время он видел и Снегга, который стоял перед ним, устремив взгляд на его лицо и бормоча себе под нос… и почему-то Снегг вырисовывался всё яснее, а дементоры словно таяли…

Гарри поднял свою палочку.

— *Протего!*

Снегг пошатнулся — конец его палочки взлетел вверх, она больше не указывала на Гарри, — и вдруг в сознание Гарри хлынули воспоминания, которые не принадлежали ему: крючконосый мужчина кричал на съёжившуюся женщину, а черноволосый мальчонка плакал в углу… подросток с сальными волосами сидел один в тёмной спальне, направив палочку в потолок и сбивая мух… какая-то девочка смеялась над худощавым пареньком, который пытался оседлать брыкающуюся метлу…

— ДОВОЛЬНО!

Гарри будто изо всех сил толкнули в грудь; попятившись назад, он ударился о полки, которые тянулись по стенам в кабинете Снегга, и услышал, как что-то треснуло. Снегг едва заметно

дрожал и был страшно бледен.

Мантия на спине у Гарри промокла. Когда он наткнулся на полки, одна из банок лопнула; теперь внутри неё, в убывающем растворе, медленно вращалась какая-то слизистая тварь.

— *Репаро,* — прошипел Снегг, и трещина на банке мгновенно исчезла. — Что ж, Поттер… похоже, мы сдвинулись с мёртвой точки… — Тяжело дыша, Снегг поправил Омут памяти, где перед началом урока снова спрятал несколько своих мыслей, словно проверяя, там ли они ещё. — Не помню, советовал ли я вам применять Щитовые чары… однако они, без сомнения, оказались эффективными…

Гарри молчал: он чувствовал, что говорить сейчас было бы опасно. Он был уверен, что ему удалось прорваться в память Снегга и что он видел сцены из его детства. Было очень тревожно сознавать, что тот самый маленький мальчик, который плакал, глядя, как его родители кричат друг на друга, сейчас стоит перед ним с такой откровенной ненавистью во взоре.

— Попробуем ещё раз, ладно? — сказал Снегг.

На Гарри накатил прилив ужаса: он понимал, что Снегг хочет заставить его расплатиться за случившееся. Они снова заняли места по обе

стороны от профессорского стола. Гарри не сомневался, что в этот раз ему будет гораздо трудней освободить сознание от посторонних мыслей.

— Итак, на счёт три, — сказал Снегг, вновь поднимая палочку. — Раз… два…

Не успел Гарри сосредоточиться, чтобы очистить голову от лишних мыслей, как Снегг уже выкрикнул:

— *Легилименс!*

Он пулей нёсся по коридору к Отделу тайн, мимо голых каменных стен, мимо факелов… простая чёрная дверь вырастала на глазах: казалось, он вот-вот в неё врежется, до неё оставался всего шаг-другой, и он снова увидел тонкую полоску слабого голубого света…

И дверь распахнулась! Наконец-то он очутился за нею, в круглой комнате с чёрными стенами и чёрным потолком; здесь синим пламенем горели свечи, а вокруг было множество новых дверей… ему нужно было двигаться дальше… Но какую дверь выбрать?..

— Поттер!

Гарри открыл глаза. Он лежал навзничь, не имея ни малейшего понятия о том, как оказался на полу; вдобавок он ещё и задыхался, как будто и вправду пробежал весь коридор Отдела тайн,

проскочил в чёрную дверь и нашёл круглую комнату.

— Объяснитесь! — выкрикнул Снегг; он стоял над ним с разъярённым видом.

— Я… не знаю, что случилось, — честно сказал Гарри, подымаясь на ноги. На затылке у него вскочил большой желвак, перед глазами всё плыло. — Я никогда раньше этого не видел. То есть я уже говорил вам, что мне снилась эта дверь… но она ещё никогда не открывалась…

— Вы небрежны в работе!

По неведомой причине Снегг рассвирепел даже больше, чем две минуты назад, когда Гарри вломился к нему в память.

— Вы ленивы и расхлябанны, Поттер! Неудивительно, что Тёмный Лорд…

— Позвольте спросить вас, сэр, — вспыхнув, перебил его Гарри, — почему вы называете Волан-де-Морта Тёмным Лордом? На моей памяти его называли так только Пожиратели смерти.

Снегг открыл рот, собираясь злобно осадить его, — но тут где-то вдалеке раздался женский крик.

Подбородок Снегга взлетел вверх, он уставился в потолок.

— Что за… — пробормотал он.

Гарри слышал какой-то невнятный шум, доносящийся оттуда, где, по его представлениям, находился вестибюль. Нахмурясь, Снегг перевёл взгляд на него.

— Вы видели что-нибудь необычное по пути сюда, Поттер?

Гарри покачал головой. Где-то над ними снова вскрикнула женщина. Снегг шагнул к двери, по-прежнему держа палочку наготове, и скрылся из виду. Гарри немного помедлил, затем двинулся следом.

Крики и впрямь доносились из вестибюля; подбегая к каменной лестнице, ведущей из подземелья, Гарри слышал их всё отчётливее. Выскочив наверх, он обнаружил, что в вестибюле полно народу — взбудораженные ученики кучей вывалили туда из Большого зала, где ещё не кончился ужин, и на мраморной лестнице тоже стояла плотная толпа. Гарри протолкался через компанию высоких слизеринцев и увидел, что ребята образовали в середине огромный круг — у кого-то были взволнованные лица, а у кого-то даже испуганные. Прямо напротив себя, с другой стороны вестибюля, Гарри заметил профессора МакГонагалл; она выглядела так, словно сцена, открывшаяся её глазам, вызывала у неё лёгкую

дурноту.

Посреди вестибюля, с палочкой в одной руке и пустой бутылкой из-под хереса в другой, стояла профессор Трелони, и вид у неё был абсолютно сумасшедший. Волосы её встали дыбом, очки перекосились, так что левый глаз казался больше правого, а бесчисленные шали и шарфы хаотически свисали с плеч, создавая впечатление, что она расползается по швам. На полу рядом с прорицательницей лежали два огромных чемодана, один вверх ногами — похоже было, что его спустили по лестнице вслед за ней. Профессор Трелони в ужасе смотрела на кого-то, находившегося у подножия лестницы, но скрытого от Гарри.

— Нет! — выкрикнула она. — НЕТ! Это невозможно… так нельзя… я отказываюсь в это верить!

— Вы не знали, что всё к этому шло? — сказал тонкий голосок, в котором слышалось жестокое удовлетворение, и Гарри, чуть сместившись влево, увидел, что человек, повергший Трелони в такой ужас, — не кто иной, как профессор Амбридж. — Хоть вы и не в силах предсказать даже погоду на завтра, вы, конечно же, не могли не понимать, что ваш убогий стиль работы и неодобрение, которое я ясно продемонстрирова-

ла вам во время моих инспекций, делают ваше увольнение неизбежным!

— Вы н-не можете! — взвыла профессор Трелони; из-под её огромных очков струились слёзы. — Вы… н-не можете меня уволить! Я п-провела здесь шестнадцать лет! Х-хогвартс — м-мой родной д-дом!

— Он был вашим домом, — сказала профессор Амбридж, и Гарри с отвращением заметил, что её жабье лицо растянулось в злорадной усмешке при виде того, как профессор Трелони, безудержно рыдая, рухнула на один из чемоданов, — но перестал им быть час назад, когда министр магии подписал приказ о вашем увольнении. А теперь будьте добры покинуть замок. Вы нам мешаете.

С жадным наслаждением она смотрела, как профессор Трелони содрогается и стонет, в приступе отчаяния раскачиваясь на своём чемодане взад и вперёд. Гарри услышал приглушённые рыдания и оглянулся: Лаванда и Парвати, обнявшись, тихо плакали друг у дружки на плече. Потом он услыхал шаги. Отделившись от зрителей, профессор МакГонагалл подошла к Трелони и стала утешать прорицательницу, легонько похлопывая её по спине и одновременно вынимая из складок мантии большой носовой платок.

— Ну-ну, Сивилла… успокойся… вот, вытри слёзы… всё не так плохо, как ты думаешь… тебе не придётся покидать Хогвартс…

— Неужели, профессор МакГонагалл? — ледяным тоном осведомилась Амбридж, сделав несколько шагов вперёд. — И кто же уполномочил вас сделать подобное…

— Я, — раздался звучный голос.

Дубовые парадные двери распахнулись. Стоявшие рядом с ними ученики посторонились, освобождая путь Дамблдору, только что появившемуся на пороге. Гарри понятия не имел, что на ночь глядя понадобилось директору под открытым небом, но его фигура на фоне туманных сумерек казалась весьма внушительной. Оставив двери широко распахнутыми, он двинулся через ряды зрителей к заплаканной, дрожащей Трелони, которая по-прежнему сидела на чемодане, и замершей около неё МакГонагалл.

— Вы, профессор Дамблдор? — спросила Амбридж с каким-то особенно неприятным коротким смешком. — Боюсь, вы не понимаете ситуации. У меня имеется, — и она вытащила из складок мантии свиток пергамента, — приказ об увольнении, подписанный мною и министром магии. Согласно Декрету об образовании номер

двадцать три, генеральный инспектор Хогвартса обладает правом присутствовать на занятиях, назначать испытательные сроки, а также увольнять любого преподавателя, чьи методы работы она — то есть я — сочтёт не соответствующими нормам, установленным Министерством магии. Я решила, что профессор Трелони профессионально некомпетентна. Я освободила её от должности.

К огромному удивлению Гарри, Дамблдор продолжал улыбаться. Он опустил взгляд на профессора Трелони, которая всё ещё бурно всхлипывала, сидя на чемодане, и сказал:

— Разумеется, вы совершенно правы, профессор Амбридж. Как генеральный инспектор, вы имеете полное право увольнять моих преподавателей. Однако у вас нет права выгонять их из замка. Боюсь, — продолжал он с коротким вежливым поклоном, — что подобные решения по-прежнему находятся во власти директора, и мне угодно, чтобы профессор Трелони осталась жить в Хогвартсе.

При этих словах профессор Трелони не то икнула, не то истерически хихикнула:

— Н-нет, я п… пойду, Дамблдор! Я ос… оставлю Хогвартс и п… поищу счастья ещ… ещё где-ни-

будь…

— Нет, — отрезал Дамблдор. — Мне угодно, чтобы вы остались, Сивилла. — Он повернулся к МакГонагалл. — Могу я попросить вас проводить Сивиллу обратно наверх, профессор МакГонагалл?

— Конечно, — ответила та. — Поднимайся, Сивилла…

Из толпы поспешно вышла профессор Стебль и взяла Трелони под другой локоть. Вместе они провели её мимо Амбридж и двинулись вверх по мраморной лестнице. За ними суетливо побежал профессор Флитвик; вынув по дороге палочку, он скомандовал:

«Локомотор, Чемоданы!» — и багаж профессора Трелони, всплыв в воздух, тронулся вслед за ней. Сам Флитвик замыкал процессию.

Профессор Амбридж застыла на месте, не сводя глаз с Дамблдора, который по-прежнему благожелательно улыбался.

— И что, — сказала она шёпотом, разнёсшимся по всему вестибюлю, — что вы будете с ней делать, когда я назначу нового учителя прорицаний и ему понадобится её комната?

— Это не проблема, — вежливо ответил Дамблдор. — Видите ли, я уже нашёл нового учителя

прорицаний, а он предпочитает жить на первом этаже.

— Вы нашли?.. — пронзительно воскликнула Амбридж. — Вы? Позвольте напомнить вам, Дамблдор, что, согласно Декрету номер двадцать два…

— Министерство имеет право утвердить подходящего кандидата в том — и только в том — случае, если директор не сумеет найти такового, — сказал Дамблдор. — Но я рад сообщить вам, что в данном случае мне это удалось. Позвольте представить…

Он повернулся к раскрытым входным дверям, в которые затекала лёгкая ночная дымка. Гарри услышал стук копыт. В толпе учеников раздалось встревоженное шушуканье, и те, кто был ближе всех к дверям, торопливо попятились. Некоторые даже споткнулись, стремясь как можно скорее очистить дорогу новому преподавателю.

В туманной дымке появилось лицо, которое Гарри уже видел однажды глухой, страшной ночью в Запретном лесу, — снежно-белые волосы и поразительной синевы глаза, голова и торс человека на теле пегой лошади.

— Это Флоренц, — с беспечной улыбкой сказал Дамблдор остолбенелой Амбридж. — Надеюсь, он

вас устроит.

Глава 27
Кентавр и ябеда

— Небось жалеешь теперь, что отказалась от прорицаний, а, Гермиона? — с ухмылочкой спросила Парвати.

Было время завтрака — после увольнения профессора Трелони прошло уже два дня, — и Парвати завивала себе ресницы волшебной палочкой, любуясь своим отражением на выпуклой стороне ложки. Нынче утром им предстоял первый урок с Флоренцем.

— Да не особенно, — равнодушно сказала Гермиона. В руках у неё был свежий номер «Ежедневного пророка». — Никогда не любила лошадей.

Она перевернула страницу и принялась бегло проглядывать рубрики.

— Это не лошадь, а кентавр! — возмущённо воскликнула Лаванда.

— И какой кентавр… — вздохнула Парвати.

— Всё равно, ноги у него четыре, — холодно сказала Гермиона. — И вообще — мне казалось, что уход Трелони вас огорчил!

— Конечно, огорчил! — заверила её Лаванда. — Мы её навестили, принесли ей нарциссов — не тех гуделок, которые выращивает Стебль, а нормальных.

— И как она? — спросил Гарри.

— Горюет, бедняжка, — сочувственно сказала Лаванда. — Плачет и говорит, что скорее навсегда уедет из замка, чем останется здесь вместе с Амбридж, и я её не виню — ведь Амбридж обошлась с ней просто ужасно, правда?

— Сдаётся мне, это ещё только цветочки, — мрачно заметила Гермиона.

— Трудно поверить, — сказал Рон, наваливший себе полную тарелку яичницы с беконом. — По-моему, у Амбридж вряд ли получится вести себя хуже, чем теперь.

— Попомните мои слова, она захочет отомстить Дамблдору за то, что он назначил нового преподавателя, не посоветовавшись с ней, — сказала Гермиона, складывая газету. — Да ещё получеловека. Видели, какое у неё было лицо, когда вошёл Флоренц?

После завтрака Гермиона отправилась на свою нумерологию, а Гарри с Роном вышли в вестибюль следом за Парвати и Лавандой.

— Разве нам не в Северную башню? — уди-

вился Рон, когда Парвати обогнула мраморную лестницу.

Парвати презрительно оглянулась на него через плечо.

— Как, по-твоему, Флоренц поднялся бы на эту лестницу? Нам теперь в одиннадцатый кабинет — вчера на доске было объявление.

Кабинет номер одиннадцать находился на первом этаже — туда вёл коридор, начинающийся в вестибюле напротив дверей в Большой зал. Гарри знал, что это одна из комнат, где занятия проводятся нерегулярно, и потому она выглядит слегка запущенной, как чулан или кладовая. Однако, войдя туда вслед за Роном, он с изумлением обнаружил, что очутился на настоящей лесной лужайке.

— Ну и ну!

Под его ногами пружинил мох, вокруг росли деревья; их густая листва затеняла окна и потолок, и сквозь неё лишь кое-где пробивались косые лучи света, так что в комнате царил мягкий зеленоватый полумрак. Опередившие их ученики расселись на земляном полу, опершись спиной о валуны и стволы деревьев, сложив руки на груди или крепко обхватив ими колени; видно было, что всем им немножко не по себе. Посреди лужай-

ки, на самом открытом месте, стоял Флоренц.

— Гарри Поттер! — сказал он, увидев Гарри, и протянул ему руку.

— Э… здрасьте, — сказал тот и обменялся рукопожатием с кентавром, который пристально, но без улыбки глядел на него своими ярко-синими глазами. — Э… очень рад вас видеть.

— Я тоже, — ответил кентавр, склонив белокурую голову. — Было предсказано, что мы встретимся вновь.

Гарри заметил на груди у Флоренца уже почти сошедший синяк в форме следа от копыта. Повернувшись, чтобы сесть вместе с остальными, он увидел, что однокашники смотрят на него с благоговейным трепетом: их поразил факт его знакомства с Флоренцем, которого они явно опасались.

Когда дверь закрылась и последний ученик уселся на пенёк рядом с мусорной корзиной, Флоренц повёл рукой, приглашая всех ещё раз оглядеть комнату.

— Профессор Дамблдор, — сказал Флоренц, когда все утихли, — любезно оборудовал этот класс в духе моей привычной среды обитания. Я предпочёл бы учить вас в Запретном лесу, который до понедельника был моим домом… однако теперь

это уже невозможно.

— Простите… э… сэр… — робко спросила Парвати, подняв руку, — а почему? Мы ходили туда с Хагридом, мы не боимся!

— Дело не в вашей смелости, а в моём положении, — сказал Флоренц. — Мне нельзя вернуться в лес. Моё стадо изгнало меня.

— Стадо? — смущённо повторила Лаванда, и Гарри понял, что она подумала о коровах. — То есть… а-а! — Её лицо просветлело. — Так значит, вас много? — недоверчиво спросила она.

— Вас тоже вырастил Хагрид, как фестралов? — жадно спросил Дин.

Флоренц очень медленно повернул к нему голову, и Дин сразу понял, что сморозил страшную глупость.

— Я не… не хотел… извините, — выдавил из себя он и умолк.

— Кентавры — не слуги и не игрушки людей, — спокойно сказал Флоренц. Наступила пауза, затем Парвати снова подняла руку.

— Простите, сэр… а за что другие кентавры вас прогнали?

— За то, что я согласился стать вашим учителем по просьбе Дамблдора, — ответил Флоренц. — Они считают это предательством.

Теперь Гарри вспомнил, как почти четыре года назад кентавр Бейн кричал на Флоренца, усадившего Гарри к себе на спину; тогда он обозвал своего сородича «безмозглым мулом». «Уж не Бейн ли, — подумал Гарри, — лягнул Флоренца в грудь?»

— Давайте начнём, — сказал Флоренц. Он взмахнул длинным белым хвостом, поднял руку к лиственному пологу над головой, затем медленно опустил её. Свет в комнате ещё больше померк, так что они очутились как бы в вечернем лесу, и на потолке зажглись звёзды. По классу прокатился вздох изумления, а Рон отчётливо прошептал: «Неслабо!»

— Лягте на спину, — спокойным голосом сказал Флоренц, — и посмотрите на небо. Те, кто умеет видеть, могут прочесть там судьбы наших народов.

Гарри растянулся на мху и уставился в потолок. Ему подмигнула оттуда маленькая красная звёздочка.

— Я знаю, что вы проходили названия планет и их спутников по астрономии, — снова раздался невозмутимый голос Флоренца, — и что вы составляли карты передвижения звёзд по небу. Кентавры много веков пытались разгадать

тайны этих перемещений. Наш опыт учит, что иногда по небесным картинам можно прозревать будущее…

— Профессор Трелони занималась с нами астрологией! — возбуждённо сказала лежащая на спине Парвати, вытянув руку вверх. — Марс вызывает катастрофы, ожоги и всякое такое, а когда он стоит под углом к Сатурну, как сейчас, — она начертила над собой прямой угол, — это значит, что мы должны быть особенно осторожны в обращении с горячими предметами…

— Всё это чепуха, выдуманная людьми, — спокойно промолвил Флоренц.

Рука Парвати бессильно шлёпнулась на пол.

— Мелкие травмы, крошечные человеческие беды, — сказал Флоренц, с мягким постукиванием перебирая копытами. — Для огромной вселенной это не больше, чем муравьиная суета, и движение планет никак на них не влияет.

— Профессор Трелони… — снова начала Парвати уязвлённо и негодующе.

— Всего лишь человек, — просто сказал Флоренц. — И потому не может избавиться от шор и оков, мешающих вашему роду.

Гарри чуть-чуть повернул голову, чтобы посмотреть на Парвати. Она и несколько учеников,

лежащих по соседству с ней, выглядели глубоко оскорблёнными.

— Возможно, у Сивиллы Трелони и вправду есть дар предвидения, — продолжал Флоренц, прохаживаясь перед ними; Гарри слышал, как его хвост с лёгким свистом рассекает воздух, — но по большей части она напрасно тратит своё время на глупую ворожбу, порождение человеческого самодовольства. Я же пришёл сюда, чтобы обучить вас мудрости кентавров, беспристрастной и объективной. Мы ищем в небесах признаки великих перемен, приливов и отливов зла, которые порой отражаются там. Иногда понять то, что мы видим, удаётся только спустя десяток лет.

Флоренц указал на красную звёздочку прямо над Гарри.

— В прошлом десятилетии приметы говорили о том, что в волшебном мире наступил всего лишь краткий перерыв между двумя войнами. Марс, вестник битвы, ярко светит над нами, а это значит, что вскоре борьба должна разразиться снова. Когда именно, кентавры пробуют предсказать, сжигая специально подобранные травы и листья и наблюдая за их дымом и пламенем…

Это был самый необычный из всех уроков, на которых довелось побывать Гарри. Они и впрямь

жгли на классном полу шалфей и листья мальвы, и Флоренц велел им вглядеться в едкий дым и попытаться различить там определённые формы и образы, но при этом, похоже, совершенно не огорчился, когда никто из них не увидел ни одного из описанных им знаков, — он сказал, что людям редко удаётся овладеть этим искусством, что кентавры осваивают его годами, а напоследок заявил, что слишком уж доверять таким вещам тоже глупо, поскольку в них порой ошибаются и сами кентавры. Он не походил ни на кого из знакомых Гарри преподавателей. Казалось, главное для него — не научить их тому, что знал он сам, а втолковать им, что никакое знание, даже нечеловеческое, не может быть абсолютным.

— Не скажешь, что он хоть в чём-то уверен по-настоящему, — тихонько сказал Рон, когда они тушили свой костерок из листьев мальвы. — Я в том смысле, что неплохо бы узнать что-нибудь более конкретное об этой скорой войне, как по-твоему?

В коридоре, прямо над классной дверью, прозвенел звонок, и все подскочили; Гарри совершенно забыл, что они по-прежнему в замке, а вовсе не в глухом лесу. Ученики потянулись наружу — вид у них был такой, словно они ещё не успели толком

очнуться.

Гарри с Роном уже собрались выйти вслед за ними, как вдруг Флоренц сказал:

— Пожалуйста, Гарри Поттер, на два слова.

Гарри обернулся, и кентавр шагнул к нему. Рон замешкался.

— Вам тоже можно остаться, — сказал ему Флоренц. — Только закройте дверь.

Рон поспешил выполнить просьбу.

— Вы ведь друг Хагрида, Гарри Поттер? — сказал кентавр.

— Да, — ответил Гарри.

— Тогда предупредите его от меня. Его план не работает. Лучше ему оставить свои попытки.

— Оставить попытки? — тупо повторил Гарри.

— Да, потому что его план не работает, — кивнув, подтвердил Флоренц. — Я бы и сам предупредил Хагрида, но я изгнанник — теперь мне было бы неразумно приближаться к Лесу… У Хагрида и так немало хлопот — не хватает ему ещё битвы кентавров.

— Но… что Хагрид пытается сделать? — тревожно спросил Гарри.

Флоренц бесстрастно посмотрел на него.

— Недавно Хагрид оказал мне большую услугу, — ответил он, — да и прежде я искренне

уважал его за любовь ко всем живым существам. Я не выдам его тайны. Но Хагрида нужно привести в чувство. Его план не работает. Скажите ему это, Гарри Поттер. Желаю вам удачи.

* * *

Радость, которую испытал Гарри после опубликования в «Придире» своего интервью, давным-давно испарилась. Скучный март сменился ветреным апрелем, и его жизнь опять превратилась в нескончаемую череду забот и проблем.

Амбридж по-прежнему посещала все занятия по уходу за магическими существами, поэтому выполнить поручение Флоренца было очень трудно. Наконец Гарри умудрился сделать это, притворившись, что забыл свою книжку «Фантастические звери и места их обитания», и вернувшись назад после урока. Когда он передал Хагриду предостережение Флоренца, лесничий воззрился на него заплывшими, подбитыми глазами, явно растерянный, однако вскоре, похоже, снова пришёл в себя.

— Славный малый этот Флоренц, — хрипло сказал он, — только не знает он, чего говорит. Всё у меня получается, вот оно как.

— Что ты задумал, Хагрид? — серьёзно спро-

сил Гарри. — Тебе ведь надо быть осторожным: Амбридж уже выгнала Трелони, и это, по-моему, только начало. Если ты сделаешь что-нибудь запрещённое, она тебя…

— Есть вещи поважней, чем сохранить работу, — сказал Хагрид, хотя руки его при этом слегка задрожали и тазик с помётом нарлов грохнулся на пол. — Ты насчёт меня того, не волнуйся; иди себе, он парень-то ничего.

Гарри волей-неволей пришлось оставить Хагрида, который принялся убирать рассыпанный помёт, но на душе у него по дороге к замку скребли кошки.

А тем временем, как ни уставали напоминать им преподаватели и Гермиона, СОВ неуклонно приближались. Все пятикурсники в разной степени страдали от стресса, однако Ханна Эббот первой получила от мадам Помфри успокаивающую настойку, когда вдруг ударилась в слёзы на травологии и заявила в промежутках между всхлипами, что она слишком тупа, в жизни не сдаст экзаменов и потому хочет сейчас же бросить школу.

Если бы не ОД, Гарри пришлось бы совсем туго. Иногда ему казалось, что он живёт только ради этих часов в Выручай-комнате, ради этого

изнурительного труда, который тем не менее приносил ему истинное удовлетворение: всякий раз, глядя на своих товарищей и видя, как далеко они продвинулись, Гарри ощущал прилив гордости. Порой он гадал, как поведёт себя Амбридж, когда все члены ОД получат на экзамене по защите от Тёмных искусств отметку «превосходно».

Они наконец приступили к работе над Патронусами, о чём все мечтали уже давно, хотя Гарри старался почаще напоминать ребятам, что создать Патронуса посреди ярко освещённой классной комнаты гораздо проще, чем вызвать его при встрече, например, с тем же дементором.

— Да брось ты занудствовать! — весело воскликнула Чжоу, любуясь тем, как её Патронус, серебристый лебедь, парит под потолком Выручай-комнаты — дело было накануне Пасхи. — Они такие милашки!

— Важно не то, что они милашки, а то, что они способны защитить тебя, — терпеливо сказал Гарри. — Нам бы сюда боггарта или кого-нибудь вроде него: я сам впервые вызвал Патронуса, когда боггарт притворился дементором, и благодаря этому научился…

— Но это было бы страшно! — сказала Лаванда, палочка которой испускала клубы серебряного

дыма. — И у меня… до сих пор… не получается! — сердито добавила она.

У Невилла тоже не всё ладилось. Он скривился от напряжения, но из кончика его палочки вылетали только слабые струйки серебристого пара.

— Ты должен думать о чём-нибудь очень хорошем, — напомнил ему Гарри.

— Я стараюсь, — несчастным голосом ответил Невилл; он и впрямь так старался, что его лицо блестело от пота.

— По-моему, у меня получилось, Гарри! — завопил Симус, которого Дин сегодня привёл на занятия по ОД в первый раз. — Смотри-ка… Ах ты, ушёл! Но это точно было что-то волосатое, Гарри!

Патронус Гермионы, отливающая серебром выдра, весело скакал вокруг неё.

— Они и правда симпатичные, — сказала она, с удовольствием наблюдая за выдрой.

Дверь Выручай-комнаты открылась и снова закрылась. Гарри оглянулся посмотреть на вошедшего, но никого не увидел. Лишь через несколько секунд он заметил, что те, кто был ближе к двери, притихли, и сразу же почувствовал, как его дёргают за мантию примерно на высоте коленки. Он опустил взгляд и, к своему огромно-

му изумлению, увидел домовика Добби, который, как обычно, таращился на него из-под восьми шерстяных шапок.

— Привет, Добби! — сказал он. — Что ты здесь… что стряслось?

Глаза эльфа ещё больше выкатились от испуга, и он весь дрожал. Ребята, обступившие Гарри, молчали; вся комната следила за Добби. Несколько Патронусов, вызванных самыми удачливыми из них, растаяли серебристой дымкой, и в комнате стало гораздо темнее, чем раньше.

— Гарри Поттер, сэр… — пропищал эльф, дрожа с головы до пят. — Гарри Поттер, сэр… Добби пришёл предупредить вас… но всем домовым эльфам велели молчать…

Он ринулся в стену головой вперёд. Гарри, уже знакомый со страстью Добби к самобичеванию, сделал попытку поймать его, но восемь шапок эльфа спружинили, и он мячиком отскочил от каменной стены. Гермиона и ещё несколько девочек вскрикнули от испуга и жалости.

— Что случилось, Добби? — спросил Гарри, хватая эльфа за крошечную ручку и удерживая его подальше от всего, с помощью чего он мог бы нанести себе увечье.

— Гарри Поттер… она… она…

Свободным кулачком Добби изо всех сил треснул себя по носу. Гарри схватил и его тоже.

— Кто «она», Добби?

Но он сразу всё понял: ведь только одна женщина могла повергнуть эльфа в такую панику. Добби взглянул на него чуть окосевшими глазами и беззвучно что-то пробормотал.

— Амбридж? — спросил Гарри, и внутри у него всё похолодело.

Добби кивнул и попытался размозжить себе голову о колени Гарри. Тот отодвинул его на расстояние вытянутой руки.

— И что она? Добби… неужели она узнала про это… про нас… про ОД?

Он прочёл ответ на искажённом от страха личике эльфа. Поскольку Гарри держал его за руки, он попытался лягнуть сам себя и упал на колени.

— Она идёт сюда? — тихо спросил Гарри.

— Да, Гарри Поттер! — взвыл Добби. — Она сейчас будет здесь!

Гарри распрямился и оглядел неподвижных, поражённых ужасом ребят, не сводивших взгляда с бьющегося у него в руках эльфа.

— ЧЕГО ВЫ ЖДЁТЕ? — заорал он. — БЕГИТЕ!

Они тут же бросились к выходу; у двери образовалась пробка, но потом кто-то первым выскочил

наружу. Гарри слышал их топот в коридоре и понадеялся, что у них хватит смекалки не бежать прямиком в свои спальни. Было всего только без десяти девять. Если им удастся отсидеться в библиотеке или совятнике поблизости…

— Бежим, Гарри! — взвизгнула Гермиона из кучи народа у двери.

Он сгрёб в охапку Добби, который по-прежнему пытался нанести себе травму потяжелее, и пристроился в конец очереди на выход.

— Добби! Это приказ: возвращайся обратно на кухню к другим эльфам, а если она спросит, не предупреждал ли ты меня, соври, что нет! — сказал Гарри. — И я запрещаю тебе себя истязать! — добавил он и отпустил эльфа, наконец-то переступив порог и захлопнув за собой дверь.

— Спасибо вам, Гарри Поттер! — пропищал Добби и пустился наутёк. Гарри посмотрел по сторонам — его друзья убегали так быстро, что он успел заметить в обоих концах коридора лишь чьи-то мелькнувшие пятки, — и кинулся направо: там был туалет для мальчиков, и если он успеет туда добежать, можно будет притвориться, что он был там всё время…

— А-АХ!

Кто-то словно схватил его за ноги, и он с разбегу эффектно грохнулся на пол, проехав на животе футов шесть, прежде чем остановиться совсем. Сзади захихикали. Он перекатился на спину и увидел Малфоя, который прятался в нише под безобразной вазой в форме дракона.

— Заклятье-подножка, Поттер! — сказал он. — Эй, профессор! ПРОФЕССОР! Один есть!

Из-за дальнего угла выскочила Амбридж — запыхавшаяся, но с победоносной улыбкой.

— Это он! — радостно воскликнула она, едва завидев лежащего на полу Гарри. — Прекрасно, Драко, прекрасно! Просто великолепно — пятьдесят очков Слизерину! Я сама его заберу… Встать, Поттер!

Гарри поднялся на ноги, исподлобья глядя на них обоих. Он ещё никогда не видел Амбридж такой счастливой. Она схватила Гарри за руку, сжав его локоть точно тисками, и широко улыбнулась стоящему рядом Малфою.

— Вы бегите и попробуйте изловить ещё кого-нибудь, Драко, — сказала она. — Пусть ваши проверят библиотеку… пусть ловят всех, кто тяжело дышит… надо заглянуть в туалеты, мисс Паркинсон возьмёт на себя те, что для девочек… ну, вперёд… а вы, — добавила она самым вкрад-

чивым, самым зловещим тоном, на какой только была способна, — вы, Поттер, пойдёте со мной в кабинет директора.

Малфой отправился прочь, а Гарри с Амбридж через несколько минут очутились у каменной горгульи. Гарри гадал, сколько его товарищей попало в плен. Он подумал о Роне — миссис Уизли его убьёт — и о том, что будет с Гермионой, если её выгонят прямо перед СОВ. А Симус вообще пришёл к ним в первый раз… А у Невилла всё стало так хорошо получаться…

— Летучая шипучка, — сказала Амбридж. Каменная горгулья отскочила в сторону, стена за ней разошлась, и они ступили на движущуюся винтовую лестницу. Когда они добрались до двери с молотком в виде грифона, Амбридж не дала себе труда постучать — не выпуская Гарри, она сразу же устремилась внутрь.

В кабинете было полным-полно народу. Дамблдор с безмятежным видом сидел за своим столом, соединив вместе кончики пальцев. Профессор МакГонагалл застыла рядом с ним — на лице её было очень напряжённое выражение. Корнелиус Фадж, министр магии, покачивался с пятки на носок перед камином, явно весьма довольный сложившейся ситуацией; Кингсли Бруствер и

приземистый колдун с жёсткими, очень короткими волосами — Гарри его не узнал — стояли по обе стороны двери, точно стражи, а у стены, с пером и тяжёлым свитком пергамента наготове, маячила конопатая, очкастая фигура Перси Уизли.

Сегодня портреты прежних директоров и директрис даже не притворялись спящими. Все они глядели на собравшихся серьёзно и внимательно. Когда появился Гарри, некоторые из них метнулись в рамы к соседям и что-то быстро зашептали им на ухо.

Когда дверь за вошедшими захлопнулась, Амбридж ослабила хватку, и Гарри высвободил локоть. Корнелиус Фадж воззрился на него с мстительным удовлетворением.

— Так, — сказал он. — Так-так-так…

Гарри ответил ему самым агрессивным взглядом, на какой только был способен. Сердце у него колотилось как безумное, но сознание, как ни странно, было спокойным и ясным.

— Он хотел удрать в Гриффиндорскую башню, — сказала Амбридж. В её голосе прозвучала нотка неприличного восторга, которую Гарри уже слышал, когда она упивалась страданиями профессора Трелони в вестибюле замка. — Его

поймал Малфой-младший.

— Да что вы говорите? — одобрительно сказал Фадж. — Надо будет обязательно передать Люциусу. Итак, Поттер… думаю, вам известно, почему вы здесь оказались?

Гарри открыл рот, собираясь ответить вызывающим «да», но не успело это слово слететь у него с губ, как в поле его зрения случайно попало лицо Дамблдора. Директор не смотрел прямо на Гарри — его взгляд был устремлён в точку, находящуюся где-то над правым плечом мальчика, — но Гарри заметил, как он почти неуловимо качнул головой вправо и влево.

И Гарри резко дал задний ход.

— Д… нет.

— Прошу прощения? — удивился Фадж

— Нет, — твёрдо повторил Гарри.

— Значит, вам это неизвестно?

— Нет, неизвестно.

Фадж недоверчиво перевёл взор с Гарри на профессора Амбридж. Гарри воспользовался моментом, чтобы ещё раз украдкой взглянуть на Дамблдора, который поощрил ковёр микроскопическим кивком и намёком на подмигивание.

— Стало быть, — голос Фаджа был до предела насыщен сарказмом, — вы не имеете ни малей-

шего понятия о том, почему профессор Амбридж привела вас в этот кабинет? Вы и не знаете, что нарушили школьные правила?

— Школьные правила? Нет.

— Может, вы и декретов Министерства не нарушали? — сердито поправился Фадж.

— Во всяком случае, я этого не заметил, — вежливо сказал Гарри.

Его сердце по-прежнему сильно билось. Пожалуй, соврать Фаджу стоило хотя бы ради того, чтобы увидеть, как его физиономия нальётся кровью, но Гарри абсолютно не представлял себе, как выкрутиться из создавшегося положения: если кто-то донёс Амбридж о занятиях ОД, то ему, их главному организатору, уже пора собирать чемоданы.

— Так для вас новость, — Фадж даже слегка охрип от гнева, — что в пределах школы раскрыта нелегальная ученическая организация?

— Да, новость, — сказал Гарри, попытавшись изобразить на лице невинное удивление.

— Я полагаю, министр, — шёлковым голоском сказала из-за его спины Амбридж, — дело пойдёт быстрее, если я приглашу сюда нашего информатора.

— Да-да, пожалуйста, — кивнул Фадж. Когда

Амбридж покинула комнату, он угрожающе посмотрел на Дамблдора. — Нет ничего лучше хорошего свидетеля, верно, Дамблдор?

— Совершенно верно, Корнелиус, — с серьёзным видом кивнул тот.

Несколько минут никто не смотрел друг на друга, все ждали. Затем за спиной Гарри снова открылась дверь. Мимо него прошла Амбридж; она вела за плечо кудрявую подружку Чжоу Мариэтту, прячущую лицо в ладонях.

— Не пугайся, дорогая, тебе нечего бояться, — ласково сказала профессор Амбридж, похлопывая её по спине, — ну-ну, всё хорошо. Ты правильно поступила. Министр очень тобою доволен. Он сообщит твоей матушке, какая ты славная девочка. Знаете ли, министр, — добавила она, обращаясь к Фаджу, — мать Мариэтты — та самая мадам Эджком из Отдела магического транспорта, специалист по летучему пороху. Она помогает нам контролировать камины в Хогвартсе.

— Великолепно, просто великолепно! — с восхищением сказал Фадж. — Дочурка вся в мать, а? Ну, поди сюда, милочка, взгляни на меня, не смущайся, давай послушаем, что ты можешь… Ах, разорви меня горгулья!

Мариэтта подняла голову, и потрясённый Фадж

отскочил назад, чуть не свалившись в камин. Подол его мантии начал дымиться, он ругнулся и поспешил затоптать его. С горестным стоном Мариэтта натянула воротник своей мантии до самых глаз, но все уже успели увидеть, что её лицо обезображено россыпью пурпурных прыщей, образовавших на щеках и носу надпись «ЯБЕДА».

— Не обращай внимания на эти пятнышки, дорогая, — нетерпеливо сказала Амбридж, — отпусти мантию и расскажи министру…

Но Мариэтта испустила ещё один приглушённый стон и отчаянно замотала головой.

— Ну хорошо, глупышка, я сама расскажу. — Амбридж наградила её очередной тошнотворной улыбкой и продолжала: — Так вот, министр, мисс Эджком пришла ко мне в кабинет сегодня вечером, после ужина, и сказала, что хочет мне кое-что сообщить. Она сказала, что если я загляну в тайную комнату на восьмом этаже, которую иногда называют Выручай-комнатой, то обнаружу там нечто, могущее меня заинтересовать. Я задала ей несколько вопросов, и она призналась, что имеет в виду некое сборище. К несчастью, в этот момент на неё навели порчу, — Амбридж сделала нетерпеливый жест в сторону прячущей лицо Мариэтты, — после чего, заметив своё отра-

жение в зеркале, девушка крайне расстроилась и не сумела сообщить мне дополнительные подробности.

— Ах вот оно что, — сказал Фадж, буравя Мариэтту взглядом, который сам он, видимо, считал по-отцовски тёплым и участливым, — это было очень смело с твоей стороны, милочка, прийти к профессору Амбридж. Ты поступила абсолютно правильно. А теперь будь добра, расскажи мне, что происходило на этом вашем собрании? Какова была его цель? Кто там присутствовал?

Но у Мариэтты отнялся язык; она лишь снова помотала головой, таращась на них испуганными, широко раскрытыми глазами.

— Неужели нельзя расколдовать её, чтобы она могла говорить спокойно? — с нетерпением сказал министр, обращаясь к Амбридж.

— Пока мне это не удалось, — неохотно призналась та, и Гарри почувствовал прилив гордости за Гермиону, сумевшую наложить на Мариэтту такое коварное заклятие. — Но даже если она не заговорит, это неважно: я могу продолжить за неё. Помните, министр, в октябре я посылала вам отчёт, где сообщалось, что Поттер встречался с группой своих соучеников в «Кабаньей голове», в Хогсмиде? Так вот…

— Откуда вам известно об этой встрече? — прервала её профессор МакГонагалл.

— У меня есть свидетель, Минерва. Уилли Уиддершинс случайно оказался в этом трактире в то же время, что и они. Конечно, он был весь в бинтах, но на его слух это не повлияло, — самодовольно сказала Амбридж. — Он слышал каждое слово, произнесённое Поттером, и сразу же поспешил в школу, чтобы доложить мне…

— Так вот почему его не судили за извергающие унитазы! — подняв брови, сказала МакГонагалл. — Надо же, как интересно работает наша правоохранительная система!

— Гнусные коррупционеры! — взревел портрет дородного красноносого волшебника, висящий над столом Дамблдора. — В наше время Министерство не заключало сделок с мелкими мошенниками — нет, сэр!

— Благодарю вас, Фортескью, довольно, — мягко осадил его Дамблдор.

— Поттер назначил встречу с соучениками, — продолжала Амбридж, — чтобы убедить их вступить в нелегальное общество ради изучения чар и заклинаний, которые Министерство сочло неподходящими для детей школьного возраста…

— Полагаю, что здесь вы ошибаетесь, Доло-

рес, — спокойно промолвил Дамблдор, глядя на неё поверх очков-половинок, низко сидящих на его длинном кривом носу.

Гарри удивлённо посмотрел на него. Он не понимал, каким образом Дамблдор надеется вызволить его из беды: ведь если Уилли Уиддершинс и впрямь слышал в «Кабаньей голове» каждое его слово, выкрутиться будет попросту невозможно.

— Ого! — воскликнул Фадж, снова покачиваясь на носках. — Ну-ка, ну-ка, давайте послушаем очередную байку, высосанную из пальца, чтобы спасти Поттера от неприятностей! Прошу вас, Дамблдор, продолжайте — наверное, Уилли Уиддершинс солгал? Или в тот день в «Кабаньей голове» был вовсе не Поттер, а его брат-близнец? Или вы предложите обычное простое объяснение, включающее петлю времени, ожившего мертвеца и парочку невидимых дементоров?

Перси Уизли угодливо хохотнул:

— Очень смешно, министр, очень!

Гарри еле сдержал себя — так ему хотелось дать Перси пинка. Но тут он, к своему изумлению, заметил, что на губах Дамблдора тоже играет лёгкая улыбка.

— Нет-нет, Корнелиус, я вовсе не отрицаю, что Гарри в тот день был в «Кабаньей голове» и на-

бирал учеников в группу для изучения защиты от Тёмных искусств. Уверен, что и сам Гарри не станет этого отрицать. Мне только хотелось бы обратить ваше внимание на то, что Долорес не права, полагая, будто эта группа была нелегальной. Если помните, декрет Министерства, запрещающий ученикам объединяться в общества, вступил в силу лишь через два дня после встречи, организованной в Хогсмиде, а потому Гарри отнюдь не нарушил тогда никаких правил.

У Перси был такой вид, словно его стукнули по макушке чем-то очень тяжёлым. Фадж застыл, приподнявшись на носках и забыв опуститься; челюсть у него отвисла.

Первой опомнилась Амбридж

— Всё это весьма изобретательно, директор, — сладко улыбаясь, сказала она, — но теперь со времени вступления в силу Декрета об образовании номер двадцать три прошло уже почти полгода. Если первая встреча и не была противозаконной, то уж все последующие определённо являлись таковыми.

— Что ж, — сказал Дамблдор, с вежливым любопытством разглядывая её поверх переплетённых пальцев, — пожалуй, они являлись бы таковыми,

если бы имели место, но можете ли вы доказать, что ученики действительно продолжали встречаться?

Пока Дамблдор говорил, Гарри услыхал позади себя еле слышный шёпот — похоже, это шептал Кингсли. Ещё он мог бы поклясться, что почувствовал какое-то слабое дуновение, словно мимо него порхнула птица. Однако, опустив глаза, он ничего не увидел.

— Доказать? — повторила Амбридж, и рот её, по обыкновению, растянулся в отвратительной жабьей усмешке. — Где вы были, Дамблдор? Зачем, по-вашему мы пригласили сюда мисс Эджком?

— Разве она говорила, что встречи происходили в течение полугода? — спросил Дамблдор, поднимая брови. — У меня сложилось впечатление, что она сообщила вам только о сегодняшней встрече.

— Мисс Эджком, — тут же сказала Амбридж, — пожалуйста, дорогая, скажите нам, как долго продолжаются эти встречи. Можете просто кивнуть или покачать головой — я уверена, что ваши прыщики не станут от этого хуже. Итак, они происходили регулярно в течение последних шести месяцев?

В животе у Гарри что-то стремительно ухнуло

вниз. Наконец-то они упёрлись в тупик, из которого не сможет выбраться даже Дамблдор.

— Просто кивните или покачайте головой, дорогая, — улещивала Мариэтту Амбридж. — Ну же, не бойтесь, всё худшее уже позади.

Все, кто был в кабинете, устремили взгляд на открытую часть лица Мариэтты. Над мантией виднелись только её глаза и кудрявая чёлка. Может быть, в этом была виновата игра пламени в камине, но её глаза показались Гарри какими-то пустыми. И тут, к полному его изумлению, Мариэтта покачала головой.

Амбридж быстро взглянула на Фаджа, потом снова на Мариэтту.

— Наверное, вы не поняли вопроса, голубушка. Я спрашиваю, посещали ли вы подобные встречи на протяжении последних шести месяцев. Вы их посещали, не так ли?

Мариэтта опять покачала головой.

— Что это означает, дорогая? — кисло спросила Амбридж.

— Мне кажется, тут не может быть сомнений, — резко произнесла профессор МакГонагалл. — Девушка хочет сказать, что в последние полгода не было никаких тайных встреч. Я права, мисс Эджком?

Мариэтта кивнула.

— Но ведь сегодня встреча была! — свирепо воскликнула Амбридж. — Она состоялась в Выручай-комнате, и вы сами сообщили мне об этом, мисс Эджком! И организовал её Поттер, именно он, который… Зачем вы опять болтаете головой, глупая девица?

— Как правило, — холодно промолвила МакГонагалл, — люди болтают головой, когда хотят сказать «нет». Поэтому, если только мисс Эджком не пользуется каким-то доселе неведомым человечеству языком…

Разъярённая Амбридж схватила Мариэтту, повернула её к себе лицом и принялась трясти изо всех сил. Не прошло и секунды, как Дамблдор вскочил на ноги, подняв палочку. Кингсли дёрнулся вперёд, и Амбридж отскочила от Мариэтты, тряся в воздухе руками, словно обожгла их.

— Я не могу позволить вам заниматься рукоприкладством в моей школе, Долорес, — сказал Дамблдор. Впервые за весь вечер он выглядел рассерженным.

— Вам надо успокоиться, мадам Амбридж, — сказал Кингсли спокойным, звучным голосом. — Разве вам нужны неприятности?

— Да, — едва слышно сказала Амбридж, глядя

на могучую фигуру Кингсли снизу вверх. — То есть нет… вы правы, Бруствер… я… я забылась.

Мариэтта застыла на месте как вкопанная. Казалось, она не заметила ни яростной атаки профессора, ни своего освобождения; она по-прежнему закрывала мантией пол-лица, и взгляд её, устремлённый прямо вперёд, оставался пустым.

В мозгу у Гарри забрезжила внезапная догадка — он вспомнил шёпот Кингсли и то слабое дуновение.

— Долорес, — сказал Фадж с видом человека, решившего покончить с чем-то раз и навсегда, — сегодняшняя встреча — та, которая, по нашим сведениям, всё-таки состоялась…

— Да, — сказала Амбридж, снова взяв себя в руки, — да… так вот, мисс Эджком поставила меня в известность, и я немедленно отправилась на восьмой этаж в сопровождении нескольких учеников, заслуживающих доверия, дабы поймать виновников на месте преступления. Однако их, по-видимому, предупредили об этом, ибо, поднявшись на восьмой этаж, мы обнаружили, что они разбегаются в разные стороны. Впрочем, это неважно. У меня есть все их имена: мисс Паркинсон заглянула в Выручай-комнату в поисках

улик, и они там нашлись.

И, к ужасу Гарри, она вынула из кармана список имён, висевший на стене в Выручай-комнате, и протянула его Фаджу.

— Как только я увидела в этом списке фамилию Поттера, мне стало ясно, с чем мы имеем дело, — понизив голос, сказала она.

— Отлично, — сказал Фадж, и по его лицу расползлась улыбка, — отлично, Долорес. И… ничего себе!

Он взглянул на Дамблдора, который до сих пор стоял рядом с Мариэттой, держа палочку в опущенной руке.

— Вы видели, как они себя называют? — медленно произнёс Фадж. — Отряд Дамблдора!

Дамблдор шагнул вперёд и взял у Фаджа пергамент. Он посмотрел на список, составленный Гермионой полгода назад, и на несколько мгновений словно потерял дар речи. Затем поднял глаза, улыбаясь.

— Что ж, игра окончена, — просто сказал он. — Вам угодно получить от меня письменное признание, Корнелиус? Или довольно будет устного, при свидетелях?

Гарри заметил, как МакГонагалл и Кингсли переглянулись. На их лицах был написан страх.

Он не понимал, что происходит; Фадж, видимо, тоже.

— Признание? — протянул министр. — Что… я не…

— Отряд Дамблдора, Корнелиус, — сказал Дамблдор, всё ещё улыбаясь, и помахал списком имён перед носом Фаджа. — Не Поттера, а Дамблдора.

— Но…

Вдруг выражение лица у министра изменилось: он понял. Испуганно отступив назад, он с воплем вновь отскочил от огня.

— Вы? — прошептал он, опять наступая на тлеющую мантию.

— Именно, — любезно подтвердил Дамблдор.

— Так это организовали вы?

— Я, — ответил Дамблдор.

— Вы набрали учеников в свой… в свой отряд?

— Сегодня должна была состояться первая встреча, — сказал Дамблдор, кивая. — Просто ради проверки — захотят ли они присоединиться ко мне. Разумеется, теперь я вижу, что совершил ошибку, пригласив мисс Эджком.

Мариэтта кивнула. Фадж перевёл взгляд с неё на Дамблдора; его грудь раздулась.

— Так это был заговор против меня! — завопил он.

— Именно, — весело подтвердил Дамблдор.

— НЕТ! — выкрикнул Гарри.

Кингсли метнул на него предостерегающий взгляд, МакГонагалл угрожающе расширила глаза, но Гарри внезапно понял, что собирается сделать Дамблдор, и не мог этого допустить.

— Нет… Профессор Дамблдор!..

— Не кричи, Гарри, иначе тебе придётся покинуть мой кабинет, — спокойно произнёс Дамблдор.

— Да, помолчите, Поттер! — пролаял Фадж, который всё ещё смотрел на Дамблдора, выкатив глаза, со смешанным выражением ужаса и радости. — Так-так-так… я пришёл сюда, рассчитывая выгнать Поттера, а вместо этого…

— Вместо этого получили повод арестовать меня, — улыбаясь, сказал Дамблдор. — Это всё равно что потерять кнат и найти галеон, верно?

— Уизли! — закричал Фадж. Он буквально дрожал от восторга. — Уизли, вы записали всё, что он сказал? У вас есть его признание?

— Да, сэр, записал, сэр! — живо отозвался Перси. Его нос был забрызган чернилами — так быстро он строчил на пергаменте.

— И то, что он пытался создать отряд для борьбы с Министерством, и то, что он замышлял дурное

против меня?

— Да, сэр, всё есть, сэр! — радостно откликнулся Перси, проглядывая свои записи.

— Что ж, замечательно. — В голосе Фаджа звучало ликование. — Немедленно отошлите копию ваших записей в «Ежедневный пророк», Уизли. Если попадётся быстрая сова, мы сможем поспеть к утреннему выпуску! — Перси стрелой вылетел из комнаты, хлопнув дверью, и Фадж снова повернулся к Дамблдору. — А вы сейчас под конвоем отправитесь в Министерство. Там вам предъявят официальное обвинение, а суда вы будете дожидаться в Азкабане!

— Ах, — вздохнул Дамблдор, — ну вот. Так я и знал, что мы наткнёмся на это маленькое затруднение.

— Затруднение? — сказал Фадж. Его голос всё ещё звенел от восторга. — Не вижу никаких затруднений, Дамблдор!

— Мне очень жаль, — виновато сказал Дамблдор, — но боюсь, что их вижу я.

— Неужели?

— Да. Дело в том, что вы заблуждаетесь, полагая, что я — как это говорится? — пойду с вами по-хорошему. Я вовсе не собираюсь идти по-хорошему, Корнелиус. У меня нет абсолютно никакого

желания сидеть в Азкабане. Конечно, я мог бы оттуда сбежать, но зачем тратить время? Скажу вам честно, что могу придумать миллион способов провести его с гораздо большей пользой.

Лицо Амбридж краснело на глазах; можно было подумать, что она наливается кипятком. Фадж уставился на Дамблдора с очень глупым видом, точно ошеломлённый внезапной затрещиной. Потом из его горла вырвался тихий сдавленный возглас, и он оглянулся на Кингсли и человека с короткими седыми волосами — единственных участников этой сцены, до сих пор хранивших молчание. Коротышка подбодрил Фаджа кивком и двинулся вперёд. Гарри увидел, как его рука будто бы случайно скользнула к карману.

— Не стоит, Долиш, — вежливо сказал Дамблдор. — Я уверен, что вы прекрасный мракоборец — недаром же вы получили «превосходно» по всем ЖАБА, — но если вы попытаетесь… э… применить силу, я вынужден буду причинить вам вред.

Человек по имени Долиш заморгал. Вид у него при этом был довольно дурацкий. Он посмотрел на Фаджа, словно не знал, что делать дальше, и надеялся получить от министра подсказку.

— Так что же, — ухмыльнулся Фадж, уже успев-

ший прийти в себя, — надеетесь справиться с Долишем, Бруствером, Долорес и мной в одиночку, а, Дамблдор?

— Нет, клянусь бородой Мерлина, — улыбаясь, ответил Дамблдор, — разве только вы меня заставите…

— Ему не придётся действовать в одиночку! — громко заявила МакГонагалл, сунув руку в складки мантии.

— Нет-нет, Минерва! — резко возразил Дамблдор. — Не вмешивайтесь — вы нужны Хогвартсу!

— Ну, хватит молоть чепуху! — сказал Фадж, вынимая свою палочку. — Долиш! Бруствер! Взять его!

В комнате словно вспыхнула серебряная молния; раздался грохот, точно выстрелили из пушки, и пол содрогнулся; чья-то рука схватила Гарри за шиворот и повалила на пол, и тут же сверкнула новая серебряная вспышка; несколько портретов вскрикнули, пронзительно каркнул Фоукс, и в воздух поднялось облако пыли. Закашлявшись, Гарри увидел, как перед ним кто-то с шумом упал; послышался вопль, звук удара, и кто-то воскликнул: «Ай!»; потом раздался звон бьющегося стекла, чьи-то поспешные шаркающие шаги, стон… и наступила тишина.

Гарри с усилием повернул голову, чтобы посмотреть, кто это едва не задушил его, и увидел скорчившуюся позади МакГонагалл — одной рукой она держала Гарри, другой Мариэтту. В воздухе, постепенно оседая, всё ещё плавала пыль. Пытаясь отдышаться, Гарри увидел, что к ним направляется чья-то высокая фигура.

— С вами всё в порядке? — спросил Дамблдор.

— Да! — ответила МакГонагалл, поднимаясь с пола и увлекая за собой Гарри с Мариэттой.

Пыль уже почти осела. Перед их глазами возник разгромленный кабинет: стол Дамблдора был перевёрнут, все маленькие столики на высоких ножках опрокинулись, а серебряные приборы разлетелись вдребезги. Фадж, Амбридж, Кингсли и Долиш лежали на полу не двигаясь. Феникс Фоукс описывал над ними широкие круги; Гарри услышал его тихое пение.

— К сожалению, пришлось наслать заклятие и на Кингсли, иначе его стали бы подозревать, — негромко сказал Дамблдор. — Он очень быстро смекнул, что к чему, и изменил память Мариэтты, когда все отвернулись, — поблагодарите его за меня, ладно, Минерва? Все остальные скоро очнутся. Лучше, если они не будут знать, что мы с вами успели перемолвиться словечком, — вы

должны вести себя так, словно всё случилось в одно мгновение, словно их просто сбили с ног, они ничего не вспомнят…

— Куда вы сейчас, Дамблдор? — прошептала МакГонагалл. — На площадь Гриммо?

— Нет-нет, — с угрюмой улыбкой ответил Дамблдор. — Я не собираюсь прятаться. Скоро Фадж пожалеет, что прогнал меня из Хогвартса, обещаю вам.

— Профессор Дамблдор… — начал было Гарри.

Он не знал, с чего начать: сказать, как ему стыдно за свою затею с ОД, ставшую причиной всех этих бед, или попытаться объяснить, как больно ему из-за того, что Дамблдор жертвует собой, спасая его от изгнания. Но Дамблдор перебил его прежде, чем он успел собраться с мыслями.

— Выслушай меня, Гарри, — твёрдо сказал он. — Ты должен учиться окклюменции не жалея сил, понимаешь? Делай всё, что велит тебе профессор Снегг, и обязательно тренируйся каждый вечер перед сном, чтобы оградить своё сознание от кошмаров… скоро ты поймёшь, зачем это нужно, а пока обещай мне…

Человек по имени Долиш зашевелился. Дамблдор сжал руку Гарри:

— Помни: береги своё сознание…

Но едва пальцы Дамблдора сомкнулись на запястье Гарри, как шрам на его лбу пронзила боль, и он снова ощутил это страшное, неудержимое змеиное желание броситься на Дамблдора, укусить его, разорвать на части…

— …ты поймёшь, — прошептал Дамблдор.

Фоукс сделал очередной круг и подлетел к Дамблдору. Тот отпустил Гарри, поднял руку и ухватился за длинный золотой хвост феникса. Вспыхнуло пламя, и оба они исчезли.

— Где он? — завопил Фадж, приподнявшись с пола. — Где он?

— Не знаю! — воскликнул Кингсли, поднимаясь вслед за ним.

— Он не мог трансгрессировать! — закричала Амбридж. — Из Хогвартса нельзя выбраться таким образом…

— Лестница! — крикнул Долиш, бросился к двери, рывком распахнул её и исчез за порогом. Кингсли и Амбридж выбежали за ним следом. Фадж помедлил, затем не спеша встал и отряхнулся. Наступила долгая, томительная пауза.

— Итак, Минерва, — ядовито сказал Фадж, поправляя разорванный рукав, — боюсь, это конец вашего друга Дамблдора.

— Вы так думаете? — презрительно откликну-

лась МакГонагалл.

Фадж точно не слышал её. Он озирал разгром в кабинете. Некоторые портреты злобно зашипели на него, а кто-то даже сделал неприличный жест.

— Отведите-ка этих двоих в постель, — сказал Фадж, снова переводя взгляд на профессора МакГонагалл, и кивнул в сторону Гарри и Мариэтты.

МакГонагалл молча повела учеников к двери. Когда она закрылась за ними, Гарри услышал голос Финеаса Найджелуса.

— Вы знаете, министр, наши с Дамблдором взгляды во многом расходятся… однако нельзя не признать, что у него есть стиль…

Глава 28
Самое плохое воспоминание Снегга

ПРИКАЗ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Долорес Джейн Амбридж (генеральный инспектор) назначается директором Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» вместо Альбуса Дамблдора.

Основанием настоящего приказа является Декрет об образовании № 28.

Подписано: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии.

К утру эти объявления были развешаны по всей школе, но они не объясняли, почему всем до единого обитателям замка стало известно, что Дамблдору удалось бежать несмотря на усилия двух мракоборцев, генерального инспектора, министра магии и его младшего помощника. Везде, куда бы ни пошёл Гарри, только и говорили что об этом побеге, и хотя некоторые его детали в ходе пересказывания слегка изменились (Гарри слышал, как одна второкурсница уверяла другую,

будто Фадж сейчас лежит в больнице святого Мунго с тыквой вместо головы), можно было лишь удивляться тому, с какой достоверностью передавались основные факты. Все, например, знали, что Гарри с Мариэттой присутствовали в кабинете Дамблдора, когда там разворачивались главные события вчерашнего дня, а поскольку Мариэтта после этого очутилась в больничном крыле, Гарри, как единственный доступный очевидец происшедшего из числа учеников, был вынужден отвечать на бесконечные вопросы желающих узнать всё из первых уст.

— Дамблдор скоро вернётся, — уверенно заявил Эрни Макмиллан по дороге с урока травологии, выслушав рассказ Гарри. — Они не смогли надолго прогнать его, когда мы были на втором курсе, и теперь у них тоже ничего не выйдет. Толстый Монах мне сказал, — он заговорщически понизил голос, так что Гарри, Рону и Гермионе пришлось придвинуться к нему поближе, — что вчера вечером, когда они обыскали замок и территорию, но так и не нашли Дамблдора, Амбридж пыталась снова попасть к нему в кабинет, а горгулья её не пустила. Шиш ей, а не кабинет директора. — Эрни ухмыльнулся. — Небось чуть от злости не лопнула!

— Да уж конечно — она, наверное, спала и видела, как сидит за директорским столом, — мстительно сказала Гермиона, когда они поднимались по каменным ступеням к парадной двери замка. — Мечтала, как будет командовать другими учителями, эта тупая, надутая, завистливая старая…

— Ты уверена, что хочешь закончить эту фразу, Грейнджер?

Из-за двери выскочил Драко Малфой, а за ним показались и Крэбб с Гойлом. Бледное заострённое личико Малфоя светилось злобным торжеством.

— Боюсь, придётся мне снять по нескольку очков с Гриффиндора и Пуффендуя, — протянул он.

— Ты не имеешь права штрафовать старост, Малфой, — тут же возразил Эрни.

— Я знаю, что старосты не имеют права штрафовать друг друга, — откликнулся Малфой. — Но члены Инспекционной дружины…

— Чего? — резко спросила Гермиона.

— Инспекционной дружины, Грейнджер. — Малфой показал на крошечное серебряное «И», вышитое на его мантии прямо под значком старосты. — Особая группа учащихся, поддерживающих Министерство магии и отобранных

лично профессором Амбридж. Так вот, члены Инспекционной дружины имеют право снимать очки… так что, Грейнджер, тебе минус пять очков за грубость в адрес нового директора. С Макмиллана пять за то, что возражал мне. Поттер, с тебя пять за то, что ты мне не нравишься. А у тебя, Уизли, рубашка не заправлена, поэтому с тебя тоже пять. Ах да, чуть не забыл — ты же грязнокровка, Грейнджер, так что с тебя за это ещё десять.

Рон выхватил палочку, но Гермиона оттолкнула её, шепнув: «Не надо!»

— Очень умно с твоей стороны, Грейнджер, — усмехнулся Малфой. — Новый директор — новые порядки… веди себя хорошо, Потти… Моё почтение, король…

И он, страшно довольный собой, зашагал прочь вместе с Крэббом и Гойлом.

— Он блефует. — Голос Эрни звучал испуганно. — Не может быть, чтобы им разрешили снимать очки… это же нелепо… какой тогда смысл назначать старост, и вообще…

Но Гарри, Рон и Гермиона уже автоматически повернулись к ряду огромных песочных часов, установленных в стенных нишах и предназначенных для подсчёта очков, — у каждого факультета были свои часы. Утром первое место

делили между собой Гриффиндор и Когтевран. Теперь же, прямо у них на глазах, несколько драгоценных камешков поднялись, переместившись из нижней половины часов в верхнюю. Похоже, ничего не изменилось только в одних часах — слизеринских, наполненных изумрудами.

— Заметили? — послышался голос Фреда.

Они с Джорджем секунду назад спустились по мраморной лестнице и подошли к Гарри, Рону, Гермионе и Эрни, замершим перед песочными часами.

— Малфой только что оштрафовал нас всех очков на пятьдесят, — свирепо сказал Гарри, глядя, как в гриффиндорских часах всплывает вверх ещё горсть камней.

— Ага, и Монтегю на перемене пытался сделать с нами то же самое, — сказал Джордж.

— Что значит «пытался»? — немедленно спросил Рон.

— А он не успел договорить, — пояснил Фред. — Дело в том, что мы засунули его головой вперёд в Исчезательный шкаф на втором этаже.

Гермиона была потрясена.

— Но вам за это здорово влетит!

— Не раньше, чем Монтегю вернётся, а это вряд ли произойдёт в ближайшую неделю-другую: я

не знаю, куда мы его отправили, — хладнокровно ответил Фред. — В любом случае мы решили больше не волноваться насчёт того, влетит нам или нет.

— Как будто это вас раньше волновало, — заметила Гермиона.

— Конечно, волновало, — сказал Джордж. — Нас ведь до сих пор не исключили, правда?

— Мы всегда знали, где остановиться, — сказал Фред.

— Ну разве что иногда чуть-чуть увлекались, — сказал Джордж.

— Но до настоящего членовредительства дело никогда не доходило, — сказал Фред.

— А теперь? — осторожно спросил Рон.

— Ну, теперь… — сказал Джордж.

— Когда Дамблдора больше нет… — сказал Фред.

— Мы считаем, что немножко членовредительства…

— Это как раз то, чего заслуживает наш драгоценный новый директор.

— Не надо! — прошептала Гермиона. — Пожалуйста, держите себя в руках! Она будет счастлива, если вы дадите ей повод вас выгнать!

— Неужели ты не понимаешь, Гермиона? —

сказал Фред с улыбкой. — Нам совершенно не хочется здесь оставаться. Да мы ушли бы хоть сейчас — просто мы считаем, что сначала надо расквитаться за Дамблдора. В общем, как бы там ни было, — сказал он, взглянув на свои часы, — первый этап вот-вот начнётся. На вашем месте я бы сейчас отправился в Большой зал обедать — тогда всем учителям будет ясно, что вы не имеете к этому никакого отношения.

— К чему — к этому? — тревожно спросила Гермиона.

— Увидишь, — ответил Джордж. — Идите, нечего тут торчать.

Фред с Джорджем повернулись и исчезли в толпе учеников, спускающихся по мраморной лестнице к дверям Большого зала: время было обеденное. Эрни — вид у него был крайне обеспокоенный — пробормотал что-то насчёт недоделанного задания по трансфигурации и поспешил прочь.

— Пожалуй, нам тоже стоит поторопиться, — взволнованно сказала Гермиона. — Просто на всякий случай…

— Пошли, — сказал Рон, и они втроём двинулись в Большой зал, но едва Гарри переступил его порог, лишь мельком успев увидеть стремитель-

но несущиеся по потолку белые облака, как кто-то похлопал его по плечу. Обернувшись, он едва не столкнулся нос к носу со смотрителем Филчем и поспешно отступил на несколько шагов: Филч лучше выглядел издалека.

— Директор хочет тебя видеть, Поттер, — с гнусной улыбочкой сказал смотритель.

— Это не я, — невпопад ляпнул Гарри, вспомнив предупреждение близнецов. Брылы Филча затряслись от беззвучного смеха.

— Совесть-то нечиста, — просипел он. — Иди за мной.

Гарри оглянулся на Рона с Гермионой — оба выглядели встревоженными. Он пожал плечами и зашагал вслед за Филчем обратно в вестибюль, навстречу потоку голодных учеников.

Настроение у Филча было самое радужное: пока они поднимались по мраморной лестнице, он что-то гнусаво напевал себе под нос. Когда они очутились на втором этаже, он сказал:

— В замке происходят большие перемены, Поттер.

— Я заметил, — холодно откликнулся Гарри.

— Да-с… Сколько лет я твердил Дамблдору, что он слишком много вам позволяет, — с противным смешком сказал Филч. — Вы, поганцы, небось не

стали бы разбрасывать повсюду вонючую дробь, кабы знали, что в моей власти отхлестать вас до крови? Никто ведь и не подумал бы запускать в коридорах кусачие тарелки, если б я мог подвешивать вас за лодыжки у себя в кабинете? Но когда вступит в силу Декрет об образовании номер двадцать девять, тогда, Поттер, у меня будет право делать всё это… А ещё она попросила министра подписать приказ об изгнании Пивза… да, теперь, при новом начальстве, тут много чего изменится…

Амбридж явно постаралась привлечь Филча на свою сторону, подумал Гарри; беда в том, что он и впрямь может оказаться для неё ценным помощником, поскольку в том, что касается знания тайных ходов и закоулков Хогвартса, Филч уступает разве что близнецам Уизли.

— Ну вот, — ухмыльнулся он, трижды стукнув в дверь кабинета Амбридж, и распахнул её. — Поттер доставлен, мадам.

Кабинет Амбридж, хорошо знакомый Гарри благодаря его многочисленным наказаниям, почти не изменился — только поперёк её стола лежал массивный деревянный брусок с надписью золотыми буквами: «ДИРЕКТОР». В груди у Гарри что-то оборвалось, когда он увидел, что его

«Молния» и «Чистометы» Фреда и Джорджа прикованы цепями к прочному железному штырю, торчащему из стены за спиной Амбридж. Сама она сидела за столом и что-то усердно писала на куске розового пергамента, но при виде вошедших широко улыбнулась.

— Благодарю вас, Аргус, — сладким голоском сказала она.

— Что вы, что вы, мадам, — отозвался Филч, кланяясь так низко, насколько позволял ему ревматизм, и пятясь обратно за порог.

— Садитесь, — коротко сказала Амбридж, кивнув на стул. Гарри сел. Некоторое время она продолжала писать. Он смотрел, как резвятся мерзкие котята на тарелочках над её головой, гадая, какой ужасный сюрприз она приберегла для него на этот раз.

— Ну, — сказала она наконец, отложив перо. Вид у неё был довольный, точно у жабы, готовящейся проглотить особенно аппетитную муху. — Что будете пить?

— Что? — спросил Гарри, уверенный, что ослышался.

— Пить, мистер Поттер, — сказала она, улыбаясь ещё шире. — Чай? Кофе? Тыквенный сок?

По очереди называя напитки, она каждый раз

взмахивала волшебной палочкой, и на столе появлялись очередной полный стакан или чашка.

— Спасибо, ничего, — сказал Гарри.

— Но я хочу, чтобы вы со мной выпили, — сказала она. Её голос стал угрожающе приторным. — Выбирайте же.

— Ладно… тогда чай, — пожав плечами, сказал Гарри.

Она встала и, повернувшись к нему спиной, разыграла целое представление, доливая в чашку молоко. Затем выбралась с нею из-за стола, улыбаясь зловещей елейной улыбкой.

— Прошу, — сказала она, протягивая ему чашку. — Пейте, пока не остыло. Итак, мистер Поттер… по-моему, теперь, после печальных событий вчерашнего вечера нам с вами стоит кое-что обсудить.

Он ничего не ответил. Она уселась обратно в своё кресло и терпеливо ждала. Несколько долгих минут протекли в молчании, потом она игриво воскликнула:

— Что же вы не пьёте!

Он поднял чашку к губам и вдруг, неожиданно для себя самого, снова опустил её. У одного из отвратительных котят, изображённых на тарелочках, были огромные, круглые голубые

глаза, точь-в-точь такие же, как волшебный глаз мракоборца Грюма, и Гарри внезапно подумал, что бы сказал Грюм, узнай он, что Гарри принял угощение из рук заведомого врага.

— В чём дело? — спросила Амбридж. Она по-прежнему не сводила с него глаз. — Положить вам сахару?

— Нет, — сказал Гарри.

Он снова поднял ко рту чашку и притворился, что отпивает из неё, но на самом деле даже не разжал губ. Улыбка Амбридж стала шире.

— Хорошо, — прошептала она. — Очень хорошо. А теперь… — Она чуть подалась вперёд. — Где Альбус Дамблдор?

— Понятия не имею, — быстро ответил Гарри.

— Пейте, пейте, — сказала она, всё ещё улыбаясь. — Итак, мистер Поттер, оставим детские игры. Я знаю, что вам известно, куда он направился. Вы с Дамблдором были заодно с самого начала. Подумайте о своём положении, мистер Поттер…

— Я не знаю, где он.

Гарри вновь притворился, что пьёт.

— Очень хорошо, — сказала она с недовольным видом. — В таком случае будьте добры, сообщите мне, где сейчас находится Сириус Блэк…

Желудок Гарри сделал сальто, а рука задрожала

так, что чашка застучала о блюдце. Он поднёс чашку ко рту и наклонил, не разжимая губ; струйка горячей жидкости пролилась ему на мантию.

— Не знаю, — сказал он, пожалуй, чересчур быстро.

— Мистер Поттер, — сказала Амбридж, — позвольте напомнить вам, что именно я едва не поймала преступника Блэка в гриффиндорском камине. Я отлично знаю, что тогда, в октябре, он встречался не с кем иным, как с вами, и, будь у меня доказательства, ни один из вас не гулял бы сейчас на свободе, смею вас уверить. Итак, я повторяю, мистер Поттер: где Сириус Блэк?

— Не имею понятия, — громко сказал Гарри. — Ни малейшего.

Они смотрели друг на друга так долго, что глаза у Гарри начали слезиться. Потом Амбридж встала.

— Ну хорошо, Поттер, на этот раз я вам поверю, но имейте в виду: за мной стоит вся мощь Министерства. Все каналы связи со школой находятся под наблюдением. Диспетчер Сети летучего пороха контролирует все камины Хогвартса — за исключением, разумеется, моего собственного. Моя Инспекционная дружина вскрывает всю совиную почту, как входящую, так и исходящую.

А мистер Филч следит за всеми тайными ходами, ведущими в замок и из замка. Если я найду хотя бы намёк на улику…

БУ-УМ!

Пол под их ногами вздрогнул. Кресло Амбридж чуть не поехало в сторону, и она испуганно схватилась за стол.

— Что такое?..

Она смотрела на дверь. Гарри воспользовался моментом, чтобы опорожнить свою почти полную чашку в ближайшую вазу с сухими цветами. Он слышал беготню и крики на нижних этажах.

— Марш на обед, Поттер! — рявкнула Амбридж, выхватила палочку и стремглав кинулась прочь из кабинета. Гарри подождал секунду-другую, затем тоже вышел посмотреть, отчего поднялась такая суматоха.

Всё выяснилось очень скоро. Этажом ниже царил настоящий хаос. Кто-то (и Гарри догадывался кто) устроил прямо в школе гигантский волшебный фейерверк.

Драконы, состоящие целиком из зелёных и золотых искр, плавали под потолком, с грохотом изрыгая пламя; ядовито-розовые огненные колёса пяти футов в диаметре с угрожающим свистом проносились мимо, как летающие тарелки; ра-

кеты с длинными хвостами из ослепительных серебряных звёзд метались по коридорам, отскакивая от стен; шутихи выписывали в воздухе нескромные слова; повсюду, куда ни глянь, точно бомбы, взрывались хлопушки — и вместо того, чтобы сгореть и с шипением потухнуть, все эти пиротехнические штучки словно набирали силу и начинали вытворять что-то совсем уж немыслимое.

Посреди лестницы, оторопев от ужаса, застыли Филч и Амбридж. На глазах у Гарри одно из самых больших огненных колёс, решив, по-видимому, что внизу негде развернуться, понеслось к ним со зловещим «вз-з-з-з-з». Завопив от страха, оба шарахнулись в сторону, а колесо вылетело в окно прямо за ними и усвистело куда-то в поля. Тем временем несколько драконов и большая летучая мышь, за которой тянулся пурпурный дымовой след, воспользовались открытой дверью в конце коридора, чтобы просочиться на третий этаж.

— Скорее, Филч, скорее! — взвизгнула Амбридж. — Если им не помешать, они заполонят всю школу… *Остолбеней!*

Из её палочки вырвался луч красного света и угодил в одну из ракет. Вместо того, чтобы замереть в воздухе, она взорвалась с такой силой, что

прожгла дыру в картине с ведьмой, замечтавшейся на зелёной лужайке; та успела отскочить как раз вовремя и пару секунд спустя втиснулась в рамку соседней картины, где несколько волшебников, занятых игрой в карты, поспешно вскочили, чтобы освободить ей место.

— Не заклинайте их, Филч! — сердито крикнула Амбридж, словно это была инициатива несчастного смотрителя.

— Не буду, мадам! — пропыхтел Филч, хотя ему, сквибу, легче было бы проглотить шутихи, чем наложить на них заклятие. Кинувшись к ближайшему чулану, он вытащил оттуда метлу и принялся махать ею, пытаясь сшибить шутихи в полёте. Не прошло и минуты, как прутья метлы вспыхнули.

Гарри решил, что с него достаточно; смеясь, он пригнулся, пробежал немного по коридору до гобелена, за которым была известная ему потайная дверь, и, нырнув туда, обнаружил за ней Фреда и Джорджа — слушая вопли Амбридж и Филча, близнецы давились от хохота.

— Эффектно, — ухмыляясь, тихо сказал Гарри. — Очень эффектно… Пожалуй, доктор Фейерверкус может с лёгкой душой отправляться на покой…

— Да, недурно, — прошептал Джордж, вытирая слёзы, от смеха выступившие у него на глазах. — Надеюсь, теперь она попробует применить к ним Заклятие исчезновения… От этого их сразу станет в десять раз больше.

Пиротехнические изобретения близнецов продолжали гореть и носиться по школе до самого вечера. Хотя они причиняли немалый ущерб — особенно разрушительны были хлопушки, — других преподавателей это, похоже, не слишком огорчало.

— Ай-яй-яй, — саркастически промолвила профессор МакГонагалл, когда один из драконов, с рёвом изрыгающих клубы пламени, залетел в класс, где она проводила урок. — Мисс Браун, будьте так любезны, сбегайте к директору и поставьте её в известность о том, что у нас в классе находится сбежавший элемент волшебного фейерверка.

В результате всего этого новоиспечённому директору пришлось весь день бегать по школе в ответ на вызовы преподавателей, ни один из которых почему-то не мог избавиться от шутих и хлопушек без её помощи. Когда отзвенел последний звонок и гриффиндорцы с тяжёлыми сумками направились в свою башню, Гарри с

огромным удовлетворением увидел растрёпанную, закопчённую Амбридж — мокрая от пота, она выходила из класса профессора Флитвика.

— Благодарю вас, профессор! — послышался тонкий, скрипучий голосок Флитвика. — Конечно, я и сам мог бы загасить все эти ракеты, но у меня не было уверенности, что я имею на это право.

И он с лучезарной улыбкой закрыл дверь за Амбридж, чьё лицо исказилось от злобы.

Вечером Фреда и Джорджа чествовали в гриффиндорской гостиной как героев. Даже Гермиона пробилась через возбуждённую толпу, чтобы их поздравить.

— Очень качественная работа, — восхищённо сказала она.

— Спасибо, — ответил Джордж. Он выглядел удивлённым и польщённым одновременно. — Это Фантастический фейерверк «Фокус-покус». Жаль только, что мы израсходовали весь свой запас, — теперь всё снова придётся начинать с нуля.

— Но дело того стоило, — сказал Фред, который принимал заказы от гомонящих однокашников. — Если хочешь занять очередь, Гермиона, имей в виду: пять галеонов за Набор начинающе-

го негодяя и двадцать — за порцию Великолепной взрывчатки…

Гермиона вернулась к столу — Гарри и Рон уже седели там и гипнотизировали взглядом свои сумки, точно надеясь, что домашнее задание выскочит оттуда и начнёт выполняться само.

— А почему бы нам сегодня не отдохнуть? — весело сказала Гермиона, глядя, как за окном с визгом проносится одна из хвостатых серебряных ракет Уизли. — В пятницу начинаются пасхальные каникулы — тогда времени у нас будет навалом…

— Ты хорошо себя чувствуешь? — недоверчиво спросил Рон, уставившись на неё.

— Раз уж ты спросил, — жизнерадостно сказала Гермиона, — я, так и быть, признаюсь, что чувствую себя немножко… непокорной.

Часом позже, когда они с Роном отправились в спальню, Гарри ещё слышал где-то вдалеке грохот взрывающихся хлопушек, а когда он разделся, мимо башни пролетела шутиха, упрямо выписывая в темноте слово «ТРАХ-ТАРАРАХ».

Зевая, он улёгся в постель. Без очков яркие вспышки за окном казались ему смазанными пятнами, похожими на сверкающие, прекрасные и таинственные облака в ночном небе. Он

повернулся на бок, гадая, как чувствует себя Амбридж после первого дня на посту Дамблдора, и какова будет реакция Фаджа, когда он узнает, что школа сегодня чуть не развалилась на куски. Улыбаясь себе под нос, Гарри смежил веки. Хлопки и взрывы ракет на территории школы словно отодвинулись куда-то… а может быть, это он уносился от них в неведомую даль…

Он очутился в знакомом коридоре Отдела тайн. Он летел к простой чёрной двери… «Откройся… откройся…»

И она послушалась. Он оказался в круглой комнате с многочисленными дверями, пересёк её, коснулся ручки такой же двери напротив, и она отворилась внутрь…

Теперь он был в длинной прямоугольной комнате, наполненной странным механическим тиканьем. На стенах плясали световые зайчики, но он не стал разбираться, откуда они взялись… ему нужно было двигаться дальше…

В дальнем конце комнаты была дверь… она тоже открылась, стоило ему коснуться её…

И тут он очутился в слабо освещённом зале, просторном и высоком, точно храм, и весь его сплошь занимали ряды бесконечных стеллажей, на которых тесно лежали маленькие, покрытые

пылью стеклянные шарики… Сердце Гарри быстро забилось от возбуждения… теперь он знал, куда идти… он побежал вперёд, но его шагов не было слышно в этом гигантском безлюдном помещении…

Здесь, в этом зале, хранилась вещь, которая была ему очень-очень нужна…

Эта вещь была нужна ему… или кому-то другому…

Его шрам болел…

БА-БАХ!

Гарри проснулся мигом, растерянный и рассерженный. В тёмной спальне смеялись сразу несколько человек.

— Класс! — сказал Симус, чей силуэт вырисовывался на фоне окна. — По-моему, вон то огненное колесо столкнулось с ракетой — похоже, они сцепились друг с другом, ух ты!

Гарри слышал, как Рон с Дином вылезли из постелей, чтобы тоже насладиться интересным зрелищем. Он лежал неподвижно и тихо, пока боль в шраме не отпустила, и тогда на него волной накатило разочарование. Он чувствовал себя так, словно у него в самый последний момент отняли чудесное лакомство: ведь на этот раз он подошёл так близко к цели!

Теперь напротив окон гриффиндорской башни парили розовые крылатые поросята в серебряных блёстках. Гарри лежал и слушал восторженные крики гриффиндорцев с других этажей. Внезапно, с приливом тошнотворного ужаса, он вспомнил, что завтра у него урок окклюменции.

* * *

Весь следующий день Гарри боялся, что Снегг поймёт, как глубоко в недра Отдела тайн ему удалось пробраться накануне. Его мучил стыд, поскольку со времени их последнего урока он ни разу не практиковался в окклюменции: слишком уж много событий произошло со дня побега Дамблдора, и он был уверен, что не сможет освободить сознание от посторонних мыслей, даже если будет стараться изо всех сил. Однако он сомневался, что Снегг сочтёт это достаточным оправданием.

Для облегчения совести он пытался наверстать упущенное, сидя на других занятиях, но у него ничего не получалось. Стоило ему затихнуть, чтобы изгнать из сознания все мысли и чувства, как Гермиона сразу же спрашивала, что с ним такое, да и вообще — попробуй тут отключись, когда преподаватели то и дело бомбардируют

учеников контрольными вопросами!

После ужина, готовый к самому худшему, он отправился в кабинет Снегга. Однако посреди вестибюля его нагнала Чжоу.

— Пойдём туда, — сказал Гарри, обрадовавшись поводу хоть ненамного отодвинуть встречу со Снеггом, и поманил её в угол, где стояли огромные песочные часы. В гриффиндорских уже почти ничего не осталось. — Ну как ты? Амбридж не пытала тебя насчёт ОД?

— Нет-нет, — поспешно ответила Чжоу. — Нет, я только… ну, я просто хотела сказать… Гарри, мне и во сне не могло присниться, что Мариэтта нас выдаст…

— Понятно, — хмуро сказал Гарри. Он и вправду хотел бы, чтобы Чжоу более придирчиво выбирала себе друзей. По его сведениям, Мариэтта до сих пор находилась в больничном крыле и мадам Помфри пока не удалось сделать с её прыщами ровным счётом ничего, но это было слабым утешением.

— На самом деле она очень славная, — сказала Чжоу. — Она просто совершила ошибку…

Гарри изумлённо воззрился на неё.

— Славная? Ошибку? Да она продала всех нас, включая тебя!

— Но… мы же все вывернулись, правда? — умоляюще сказала Чжоу. — Ты ведь знаешь, у неё мама работает в Министерстве, и ей по-настоящему трудно…

— Отец Рона тоже работает в Министерстве! — отрубил Гарри. — А у него на лице, если ты ещё не заметила, почему-то нет надписи «ябеда»…

— Со стороны Гермионы Грейнджер это просто свинство! — вспыхнула Чжоу. — Она должна была сказать нам, что заколдовала список…

— По-моему, это была замечательная идея, — холодно сказал Гарри.

Чжоу залилась румянцем, и её глаза заблестели ярче.

— Ну конечно, я забыла — это ведь придумала твоя драгоценная Гермиона…

— Только не надо опять реветь, — предостерегающе сказал Гарри.

— Я и не собираюсь! — выкрикнула она.

— Вот и отлично, — сказал он. — У меня сейчас и без того хватает проблем.

— Тогда иди и разбирайся со своими проблемами! — разъярённо воскликнула Чжоу, круто развернулась и гордо зашагала прочь.

Кипя от злости, Гарри спустился по лестнице в подземелье Снегга. Хотя он знал, что Снеггу гораз-

до проще будет проникнуть в его сознание, если он придёт к нему раздражённым и негодующим, ему ничего не удалось с собой поделать — по дороге к кабинету Снегга он продолжал придумывать, что ещё стоило бы сказать Чжоу насчёт Мариэтты.

— Вы опоздали, Поттер, — холодно сказал Снегг, когда Гарри затворил за собой дверь.

Снегг стоял спиной к Гарри, вынимая, как обычно, пряди своих мыслей и бережно опуская их в одолженный у Дамблдора Омут памяти. Положив в каменную чашу последнюю серебристую прядь, он повернулся к вошедшему лицом.

— Итак, — сказал он, — вы упражнялись самостоятельно?

— Да, — соврал Гарри, на всякий случай не сводя глаз с ножки письменного стола.

— Ну что ж, скоро мы это проверим, — спокойно заметил Снегг. — Вынимайте палочку, Поттер.

Гарри занял свою обычную позицию — по другую сторону стола, лицом к Снеггу. Его сердце сильно стучало — он всё ещё был сердит на Чжоу и вдобавок боялся, что Снеггу удастся извлечь у него из памяти слишком многое.

— Итак, на счёт три, — лениво сказал Снегг. — Раз… два…

Дверь кабинета со стуком распахнулась, и внутрь влетел Драко Малфой.

— Профессор Снегг, сэр… ох, извините…

Малфой с удивлением переводил взгляд со Снегга на Гарри.

— Ничего, Драко, — сказал Снегг, опуская палочку. — Поттер здесь, чтобы освоить приготовление кое-каких целебных зелий.

На физиономии Малфоя вспыхнуло злобное удовлетворение — в последний раз Гарри видел его таким, когда Амбридж неожиданно явилась инспектировать Хагрида.

— Я не знал, — сказал он, ядовито ухмыляясь, и Гарри почувствовал, как у него запылали щёки. Он дорого дал бы за то, чтобы выкрикнуть в лицо Малфою правду или, ещё лучше, угостить его хорошеньким заклятием.

— Ну, Драко, так в чём же дело? — спросил Снегг.

— Профессору Амбридж нужна ваша помощь, сэр, — сказал Малфой. — Они нашли Монтегю, сэр, — кто-то засунул его в туалет на пятом этаже.

— Монтегю сказал, кто это был? — осведомился Снегг.

— Нет, сэр, у него вроде как в голове помути-

лось.

— Ну что ж, очень жаль, Поттер, — сказал Снегг. — Придётся нам перенести занятия на завтрашний вечер.

Он повернулся и вышел из кабинета. Прежде чем двинуться следом, Малфой за его спиной беззвучно произнёс: «Целебные зелья?» — и показал Гарри язык.

Сердито засунув палочку обратно в карман, Гарри тоже направился к двери. По крайней мере, теперь он получил ещё двадцать четыре часа на то, чтобы поупражняться в окклюменции. Он понимал, что должен сказать судьбе спасибо за своё неожиданное избавление, хотя оно досталось ему дорогой ценой: ведь теперь Малфой наверняка раззвонит по всей школе, что ему назначили штрафные часы по зельеварению.

Он был уже у самого порога, когда вдруг увидел дрожащий на косяке блик света. Он остановился и загляделся на него, вспоминая что-то… потом вспомнил: этот блик был немного похож на те, которые он видел прошлой ночью во сне — во второй комнате, которую он миновал, путешествуя по Отделу тайн.

Он обернулся. Свет исходил из каменной чаши, стоящей на столе Снегга. Её серебристо-белое

содержимое играло и переливалось внутри.

Мысли Снегга… Те, что он прятал от Гарри на случай, если тому удастся прорвать блокировку его сознания…

Гарри не сводил глаз с Омута памяти, и в нём всё сильней разгоралось любопытство… Что же именно Снегг так хотел от него скрыть?

Серебристые блики дрожали на стене… Напряжённо думая, Гарри сделал один шаг к столу, потом другой. Может быть, мысли, которые Снегг так упорно прячет, имеют какое-то отношение к Отделу тайн?

Гарри оглянулся. Теперь его сердце колотилось ещё быстрей и сильнее, чем раньше. Сколько времени понадобится Снеггу, чтобы вызволить Монтегю из туалета? Вернётся ли он после этого сразу к себе в кабинет или поведёт Монтегю в больничное крыло? Наверняка поведёт… Монтегю — капитан команды Слизерина по квиддичу, и Снегг наверняка захочет убедиться, что с ним всё в порядке.

Гарри подошёл к столу вплотную и склонился над Омутом памяти, вглядываясь в его глубины. Помедлил, прислушиваясь, затем снова вынул палочку. И в кабинете, и в коридоре царила полная тишина. Он тихонько коснулся палочкой

содержимого Омута.

Серебряная субстанция внутри закружилась очень быстро. Гарри наклонился над ней и увидел, что она стала прозрачной. Он снова смотрел вниз, в какую-то комнату, словно бы через круглое окошко в потолке… Если он ничего не путал, это был Большой зал.

Его дыхание уже затуманивало поверхность мыслей Снегга… его волю будто парализовало… если он сделает то, к чему его так неодолимо тянет, это будет чистым безумием… он дрожал… Снегг мог вернуться в любой момент… Но Гарри подумал о рассерженной Чжоу, об издевательски ухмыляющемся Малфое, и в нём вспыхнула безрассудная решимость.

Он набрал полную грудь воздуха и окунул лицо в мысли Снегга. Пол кабинета тут же накренился, и Гарри полетел в Омут памяти головой вперёд.

Он падал в холодной тьме, отчаянно кувыркаясь по дороге, и вдруг…

Гарри стоял посреди Большого зала, но четыре факультетских стола куда-то пропали. Вместо них в зале было больше сотни отдельных парт, обращённых в одну сторону, и за всеми сидели ученики — низко склонив головы, они что-то писали на пергаментных свитках. Тишину на-

рушали только скрип перьев да редкий шелест поправляемого пергамента. Очевидно, здесь шёл экзамен.

Солнечные лучи потоками струились через высокие окна на склонённые головы, которые на ярком свету отливали золотым, медным, каштановым… Гарри осторожно огляделся вокруг. Где-то здесь должен быть Снегг… ведь это его память…

И он действительно был тут — за партой, прямо позади Гарри. Гарри смотрел как зачарованный. Снегг-подросток выглядел чахлым и нездоровым, словно деревце, выращенное в темноте. Его прямые сальные волосы подметали столешницу, от крючковатого носа до пергамента, на котором он строчил, было не больше полудюйма. Гарри зашёл к нему за спину и прочёл на экзаменационном листе заглавие: «Стандарты Обучения Волшебству. Защита от Тёмных искусств».

Значит, Снеггу сейчас примерно столько же, сколько Гарри, — лет пятнадцать-шестнадцать. Его рука так и летала по пергаменту — он написал по крайней мере на фут больше своих ближайших соседей, хотя его почерк был совсем мелким и строчки тесно лепились друг к другу.

— Ещё пять минут!

Гарри чуть не подскочил от неожиданности. Обернувшись, он увидел невдалеке, между рядов, макушку профессора Флитвика. Профессор двигался мимо мальчика с взъерошенными чёрными волосами… сильно взъерошенными чёрными волосами…

Гарри дёрнулся так резко, что сбил бы соседние парты, будь он из плоти и крови, но вместо этого просто скользнул, как во сне, через два ряда в третий. Спина черноволосого мальчишки стала ближе… вот он распрямился, отложил перо и подвинул к себе пергамент, словно для того, чтобы перечитать написанное…

Гарри остановился перед партой и посмотрел сверху вниз на своего пятнадцатилетнего отца.

Его захлестнуло волной возбуждения — он точно смотрел на самого себя, но с некоторыми заметными отличиями. Глаза у Джеймса были светло-карие, нос чуть длиннее, чем у Гарри, а на лбу не хватало шрама, но у обоих были одинаково тонкие черты лица, те же губы, те же брови; вихор у Джеймса на затылке был точно таким же, как у Гарри, его руки могли бы быть руками Гарри, и Гарри сразу понял, что, если его отец встанет, они окажутся практически одинакового роста.

Джеймс отчаянно зевнул и взъерошил волосы,

растрепав их ещё сильнее. Потом, кинув взгляд на профессора Флитвика, повернулся на сиденье и ухмыльнулся мальчишке, сидящему на четыре ряда дальше его.

С новым приливом восторга Гарри увидел Сириуса, поднявшего большой палец в ответ на ухмылку Джеймса. Сириус лениво откинулся на спинку стула, наклонив его так, что он стоял только на двух ножках. Он был очень обаятелен: его прямые чёрные волосы падали на лоб с небрежным изяществом, о каком не могли бы и мечтать ни Джеймс, ни Гарри, и сидящая за ним девочка с надеждой глядела на него, хотя он, похоже, вовсе её не замечал. А ещё через две парты от неё — под ложечкой у Гарри снова сладко ёкнуло — сидел Римус Люпин. Довольно бледный и изнурённый на вид (может быть, приближалось полнолуние?), он был поглощён работой — перечитывал свои записи, почёсывал подбородок кончиком пера и слегка хмурился.

Значит, где-то поблизости должен быть и Хвост… И действительно, не прошло и нескольких секунд, как Гарри заметил его — щуплого мальчишку с острым носиком и мышиного цвета волосами. Хвост казался встревоженным: глядя в свой пергамент, он грыз ногти и ковырял носка-

ми пол. Время от времени он с надеждой косился на свиток соседа. С минуту Гарри наблюдал за ним, потом снова переключился на Джеймса, который от нечего делать рисовал что-то на обрывке чернового пергамента. Он изобразил там снитч, а теперь выводил рядом буквы

«Л. Э.».

Что они означали?

— Отложите перья! — проскрипел Флитвик. — Это и к вам относится, Стеббинс! Пожалуйста, оставайтесь на местах, пока я не соберу ваши работы! *Акцио!*

Больше сотни пергаментных свитков взмыли в воздух и, ринувшись в протянутые руки профессора, сбили его с ног. Раздался смех. Несколько учеников с передних парт встали и, взяв Флитвика под локти, помогли ему подняться.

— Благодарю вас… благодарю, — пропыхтел Флитвик. — Очень хорошо. Теперь все свободны!

Гарри взглянул вниз, на отца — тот поспешно зачеркнул украшенную завитушками надпись «Л. Э.», вскочил на ноги, сунул перо и экзаменационный билет в сумку, забросил её за спину и подождал, пока к нему присоединится Сириус.

Гарри обернулся и заметил неподалёку Снегга,

который пробирался к двери, перечитывая на ходу свой билет. Сутулый и угловатый, он двигался как-то судорожно, точно паук, и его сальные волосы подпрыгивали при каждом шаге.

Стайка щебечущих девочек отделила Снегга от Джеймса, Сириуса и Люпина, и Гарри, внедрившийся в её середину, старался не терять Снегга из виду одновременно прислушиваясь к разговору, который вели между собой Джеймс и его друзья.

— Тебе понравился десятый вопрос, Лунатик? — спросил Сириус, когда они вышли в вестибюль.

— А как же, — весело отозвался Люпин. — «Назовите пять признаков, по которым можно узнать оборотня». Прекрасный вопрос.

— Ты уверен, что тебе удалось правильно перечислить все признаки? — с притворной озабоченностью спросил Джеймс.

— Думаю, да, — серьёзно ответил Люпин, когда они присоединились к скопившейся у выхода толпе учеников, которым не терпелось выбраться из замка на залитый солнцем луг. — Признак первый: он сидит на моём стуле. Признак второй: он носит мою одежду. Признак третий: его зовут Римус Люпин.

Все, кроме Хвоста, засмеялись.

— Я написал про форму морды, зрачки и ки-

сточку на хвосте, — взволнованно сказал он, — а больше ничего не мог…

— Ты что, совсем тупой, Хвост? — нетерпеливо сказал Джеймс. — Раз в месяц гуляешь с оборотнем всю ночь напролёт…

— Говори тише, — взмолился Люпин.

Гарри снова беспокойно оглянулся. Снегг шёл за ними, всё ещё поглощённый чтением, — но это была его память, и если бы ему вздумалось выбрать на свежем воздухе другой маршрут, то Гарри, очевидно, больше не смог бы наблюдать за Джеймсом и его друзьями. Однако, к его огромному облегчению, когда Джеймс и трое его друзей направились через лужайку к озеру, Снегг двинулся вслед за ними — он никак не мог оторваться от своего пергамента и явно не смотрел, куда бредёт. Держась чуть впереди него, Гарри по-прежнему внимательно следил за Джеймсом и остальными.

— А по мне, вопросы были — лучше не надо, — услышал он голос Сириуса. — Я удивлюсь, если не получу, как минимум, «превосходно».

— Я тоже, — сказал Джеймс. Он полез в карман и достал оттуда трепыхающийся золотой снитч.

— Где взял?

— Стащил, — небрежно сказал Джеймс. Он

принялся играть снитчем, отпуская его не больше чем на длину руки и ловя снова — реакция у него была великолепная. Хвост смотрел на него с благоговением.

Они остановились в тени того самого бука на берегу озера, где Гарри, Рон и Гермиона однажды провели воскресенье за домашним заданием, и бросились на траву. Гарри ещё раз оглянулся через плечо и, к своей радости, увидел, что Снегг устроился неподалёку, в густой тени кустарника. Как и прежде, он изучал материалы экзамена, и Гарри спокойно уселся на траву между кустарником и буком, глядя на четвёрку товарищей под деревом. На поверхности озера сверкали яркие блики, а на берегу, тоже залитом солнечным светом, сидела компания девочек, только что вышедших из Большого зала, — сняв туфельки и носки, они болтали ногами в прохладной воде и смеялись.

Люпин вынул книгу и углубился в неё. Сириус с надменным и скучающим видом, что очень ему шло, поглядывал на прогуливающихся вокруг учеников. Джеймс по-прежнему играл снитчем, позволяя ему отлетать всё дальше и дальше — казалось, что он вот-вот вырвется на свободу, — но неизменно ловя его в самый последний момент.

Хвост наблюдал за ним с открытым ртом. Всякий раз, когда Джеймс демонстрировал особенно сложный бросок, Хвост ахал от восхищения и принимался аплодировать. Минут через пять Гарри стал недоумевать — его удивляло, почему Джеймс не попросит Хвоста держать себя в руках, но Джеймсу, похоже, нравилось чужое внимание. Гарри заметил, что у его отца была привычка взлохмачивать себе волосы — он словно боялся, что его причёска покажется кому-то чересчур аккуратной. Кроме того, он всё время косился на девочек у воды.

— Перестань, — наконец сказал Сириус после того, как Джеймс снова эффектным броском поймал снитч, и Хвост издал очередной ликующий вопль, — а то Хвост описается от восторга.

Хвост слегка покраснел, но Джеймс ухмыльнулся.

— Как скажешь. — Он засунул снитч обратно в карман. Почему-то Гарри был почти уверен в том, что Сириус — единственный, ради кого Джеймс готов прекратить рисоваться.

— Скучно, — сказал Сириус. — Когда наконец будет полнолуние?

— А я бы и без него обошёлся, — мрачно сказал Люпин из-за своей книги. — Между прочим, нам

ещё трансфигурацию сдавать. Если тебе так скучно, можешь меня проверить. — И он протянул ему книгу.

Но Сириус лишь презрительно хмыкнул.

— Оставь себе, я всю эту чепуху наизусть знаю.

— Сейчас развлечёмся, Бродяга, — спокойно сказал Джеймс. — Гляди, кто там…

Сириус повернул голову — и замер, как пёс, почуявший кролика.

— Великолепно, — мягко сказал он. — Нюниус.

Гарри обернулся и посмотрел в ту же сторону. Снегг около кустов только что поднялся на ноги и теперь прятал свои листки в сумку. Когда он вышел из тени и зашагал по лужайке, Сириус и Джеймс встали.

Люпин и Хвост остались сидеть. Люпин по-прежнему смотрел в книгу, хотя его зрачки не двигались и между бровей пролегла едва заметная морщинка. Хвост переводил взгляд с Сириуса и Джеймса на Снегга и обратно, и лицо его светилось жадным нетерпением.

— Как дела, Нюниус? — громко сказал Джеймс.

Снегг отреагировал так быстро, как будто ждал нападения: уронив сумку, он сунул руку в карман и уже доставал оттуда волшебную палочку, но тут Джеймс воскликнул:

— *Экспеллиармус!*

Палочка Снегга подлетела вверх футов на двенадцать и шлёпнулась в траву позади него. Сириус рассмеялся отрывисто, словно залаял.

— *Импедимента!* — сказал он, направив палочку на Снегга, и Снегг, рванувшийся за своим оружием, упал ничком на полпути к нему.

Гуляющие стали оборачиваться в их сторону. Некоторые ученики поднимались на ноги и подходили ближе. Одни смотрели на происходящее с неодобрением, другие — с удовольствием.

Снегг, тяжело дыша, лежал на траве. Джеймс и Сириус приблизились к нему с поднятыми палочками; по дороге Джеймс поглядывал через плечо на девочек у озера. Хвост тоже поднялся на ноги и наблюдал за ними с жадным интересом — он даже отошёл от Люпина, чтобы лучше видеть.

— Как прошёл экзамен, Нюнчик? — спросил Джеймс.

— Я смотрел на него — он возил носом по пергаменту, — злорадно сказал Сириус. — Наверное, у него вся работа в жирных пятнах, так что ни слова не разберёшь!

Кое-кто из зрителей засмеялся: Снегга явно не любили. Хвост пронзительно захихикал. Снегг пытался встать, но заклятие ещё действовало,

и он корчился, будто связанный невидимыми верёвками.

— Вы у меня дождётесь! — выпалил он, глядя на Джеймса с откровенной ненавистью. — Дождётесь!

— Дождёмся чего? — хладнокровно сказал Сириус. — Что ты хочешь сделать, Нюнчик, — вытереть о нас свой сопливый нос?

Из уст Снегга извергся поток ругани и проклятий, но его палочка лежала в трёх шагах от хозяина, и ничего не случилось.

— Ну и грязный же у тебя язык, — презрительно сказал Джеймс. — *Экскуро!*

Изо рта у Снегга тут же полезла розовая мыльная пена, она покрыла его губы, и он задыхался в ней…

— Оставьте его в покое!

Джеймс и Сириус оглянулись. Свободная рука Джеймса немедленно взлетела к волосам.

Кричала одна из девочек у озера, с густыми тёмно-рыжими волосами до плеч и поразительно зелёными глазами миндалевидной формы — такими же, как у Гарри.

Его мать.

— Что, Эванс? — сказал Джеймс. Самый тембр его голоса вдруг изменился — он стал более глу-

боким и мелодичным, более взрослым.

— Оставьте его в покое, — повторила Лили. Она смотрела на Джеймса с откровенной неприязнью. — Что он вам сделал?

— Ну, — сказал Джеймс с видом человека, серьёзно обдумывающего заданный ему вопрос, — пожалуй, всё дело в самом факте его существования, если ты понимаешь, о чём я…

Многие зрители, включая Сириуса и Хвоста, засмеялись, но Люпин, до сих пор притворяющийся, что читает, даже не улыбнулся. Не появилось улыбки и на лице Лили.

— Считаешь себя остроумным, — холодно сказала она. — А на самом деле ты просто хвастун и задира, Поттер. Оставь его в покое, ясно?

— Оставлю, если ты согласишься погулять со мной, Эванс, — быстро откликнулся Джеймс. — Давай… пойдём со мной на прогулку, и я больше никогда в жизни не направлю на Нюнчика свою волшебную палочку.

Тем временем Чары помех, наложенные на Снегга, слабели. Медленно, дюйм за дюймом, он подползал к своей палочке, отплёвываясь от мыльной пены, но Джеймс этого не видел.

— Я не согласилась бы на это, даже если бы у меня был выбор между тобой и гигантским каль-

маром, — сказала Лили.

— Не повезло, Сохатый! — весело сказал Сириус и снова повернулся к Снеггу. — Стой!

Но он опоздал: Снегг уже направил свою палочку прямо на Джеймса. Вспыхнул яркий свет, и на щеке Джеймса появился глубокий порез. Кровь хлынула ему на мантию. Ещё одна яркая вспышка — и Снегг повис в воздухе вверх тормашками; мантия свалилась ему на голову, обнажив тощие, бледные ноги и серые от грязи подштанники. Многие в маленькой толпе разразились ликующими криками; Сириус, Джеймс и Хвост чуть не захлебнулись от хохота.

В уголках губ у Лили что-то дрогнуло, и Гарри на мгновение показалось, что выражение ярости на её лице вот-вот сменится улыбкой. Но она громко сказала:

— Опусти его!

— Пожалуйста, — сказал Джеймс и взмахнул палочкой.

Снегг шлёпнулся на землю, точно груда тряпья. Выпутавшись из подола мантии, он быстро вскочил на ноги с палочкой наготове, но Сириус сказал: *«Петрификус тоталус!»* — и Снегг снова упал плашмя, как доска.

— Оставьте его в покое! — крикнула Лили. Она

тоже выхватила палочку. Джеймс с Сириусом настороженно следили за ней.

— Послушай, Эванс, не заставляй меня с тобой сражаться, — серьёзно сказал Джеймс.

— Тогда расколдуй его!

Джеймс тяжело вздохнул, повернулся к Снеггу и пробормотал контрзаклятие.

— Ну вот, — сказал он, когда Снегг вновь с трудом поднялся на ноги, — тебе повезло, что Эванс оказалась поблизости, Нюниус…

— Мне не нужна помощь от паршивых грязнокровок!

Лили прищурилась.

— Прекрасно, — спокойно сказала она. — В следующий раз я не стану вмешиваться. Кстати, на твоём месте я бы постирала подштанники, Нюниус.

— Извинись перед Эванс! — заорал Джеймс, угрожающе направив на Снегга палочку.

— Я не хочу, чтобы ты заставлял его извиняться! — закричала Лили, обращаясь к Джеймсу. — Ты ничем не лучше его!

— Что? — взвизгнул Джеймс. — Да я никогда в жизни не называл тебя… сама знаешь кем!

— Ходить лохматым, как будто минуту назад свалился с метлы, выпендриваться с этим дурац-

ким снитчем, шляться по коридорам и насылать заклятия на всех, кто тебе не нравится, только потому, что ты от природы… Непонятно, как твоя метла ещё поднимает в воздух твою чугунную башку! Меня от тебя тошнит!

Она круто развернулась и быстро зашагала прочь.

— Эванс! — крикнул Джеймс ей вслед. — Погоди, Эванс!

Но она так и не обернулась

— Какая муха её укусила? — сказал Джеймс, безуспешно пытаясь сделать вид, что ответ на этот вопрос его вовсе не интересует.

— Сдаётся мне, она считает тебя немножко зазнайкой, дружище, — сказал Сириус.

— Ну ладно. — В голосе Джеймса зазвенела обида. — Ладно же…

Опять вспыхнул яркий свет, и Снегг снова повис в воздухе вниз головой.

— Кто хочет посмотреть, как я сниму с Нюниуса подштанники?

Но Гарри так и не узнал, выполнил ли Джеймс свою угрозу. Кто-то словно щипцами сжал ему руку чуть повыше локтя. Едва не вскрикнув от боли, Гарри обернулся — и, к своему величайшему ужасу, увидел позади себя другого, взрослого

Снегга с побелевшим от ярости лицом.

— Развлекаетесь?

Гарри почувствовал, что его поднимают в воздух; летний день вокруг него растаял, как дымка. Он летел вверх сквозь ледяную тьму, и рука Снегга по-прежнему не отпускала его. Потом у Гарри на секунду захватило дух, как после головокружительного сальто-мортале, его ноги ударились о каменный пол снегговского подземелья, и он снова очутился в сегодняшнем дне, рядом с Омутом памяти, стоящим на столе в полутёмном кабинете преподавателя зельеварения.

— Итак, — сказал Снегг, сжимая руку Гарри так крепко, что она начала неметь. — Итак… вам понравилось, Поттер?

— Н-нет, — ответил Гарри, пытаясь высвободить руку. Ему стало страшно: губы у Снегга дрожали, лицо побелело, зубы оскалились.

— Приятным человеком был твой отец, правда? — сказал Снегг, встряхнув Гарри так сильно, что у того очки съехали на нос.

— Я… я не…

Снегг изо всей силы оттолкнул его от себя. Гарри упал и больно ударился о каменный пол.

— Не вздумай рассказать кому-нибудь о том, что ты видел! — прорычал Снегг.

— Нет-нет, — пробормотал Гарри, поднимаясь на ноги и стараясь держаться от Снегга как можно дальше. — Конечно, я никому…

— Вон отсюда! И чтоб духу твоего здесь больше не было!

Гарри опрометью кинулся к двери, и у него над головой лопнула банка с сушёными тараканами. Он рывком распахнул дверь и бросился бежать по коридору. Остановился он только тогда, когда между ним и Снеггом пролегли три этажа. Тяжело дыша, он прислонился к стене и стал растирать руку, на которой обещал вскочить огромный синяк.

У него не было никакого желания возвращаться в Гриффиндорскую башню так рано и рассказывать Рону и Гермионе о своём приключении.

Гарри был страшно расстроен и выбит из колеи вовсе не потому, что на него накричали и швырнули ему вслед банку с тараканами. Дело было в том, что он знал, каково это, когда тебя унижают на глазах у посторонних. Он точно знал, что чувствовал Снегг, когда его отец издевался над ним, и, если судить по увиденному им в Омуте памяти, Снегг отнюдь не преувеличивал, называя его отца высокомерным хвастуном и позёром.

Глава 29
Выбор профессии

— Но почему ты больше не ходишь на уроки окклюменции? — нахмурившись, спросила Гермиона.

— Я же тебе говорил, — пробормотал Гарри. — Снегг считает, что теперь, когда основы изучены, я могу продвигаться дальше самостоятельно.

— Значит, тебе уже не снятся странные сны? — скептически поинтересовалась Гермиона.

— Практически нет, — сказал Гарри, пряча глаза.

— А по-моему Снегг не имеет права прекращать уроки, пока ты не научишься контролировать свои сны целиком и полностью! — негодующе воскликнула Гермиона. — Я считаю, что ты должен пойти к нему и спросить…

— Нет, — решительно сказал Гарри. — Давай поговорим о чём-нибудь другом, ладно?

Был первый день пасхальных каникул, и Гермиона, по своему обыкновению, провела большую его часть, составляя расписание подготовки к экзаменам для всех троих. Гарри и Рон не

мешали ей: это было проще, чем ввязываться в спор. К тому же плоды её трудов могли и вправду им пригодиться.

Рон с ужасом обнаружил, что до экзаменов осталось всего полтора месяца.

— Как ты мог об этом забыть? — требовательно спросила Гермиона, дотрагиваясь своей палочкой до расписания Рона. От её прикосновений квадратики на расчерченном листе пергамента по очереди вспыхивали разными цветами в зависимости от предмета, которому они соответствовали.

— Не знаю, — ответил Рон. — Так много всего происходило…

— Ладно, держи, — сказала она, протягивая ему расписание. — Готовься по нему, и всё у тебя будет в порядке.

Рон мрачно поглядел на пергамент, но потом его лицо прояснилось.

— Ты отвела мне по одному свободному вечеру на каждой неделе!

— Это для тренировок по квиддичу, — сказала Гермиона.

Улыбка Рона увяла.

— Какой в этом смысл? — угрюмо сказал он. — В этом году у нас столько же шансов выиграть

Кубок по квиддичу, сколько у моего отца — стать министром магии.

Гермиона ничего не ответила: она смотрела на Гарри, который невидящим взглядом уставился в противоположную стену гостиной, хотя Живоглот царапал его руку, требуя, чтобы ему почесали за ухом.

— Что с тобой, Гарри?

— Со мной? Ничего, — поспешно ответил он.

Схватив книгу «Теория защитной магии», он притворился, будто ищет что-то в указателе. Живоглот, решив, что бессмысленно тратить на него время, скользнул прочь под стулом Гермионы.

— А я сегодня видела Чжоу, — осторожно сказала Гермиона. — Она тоже была очень расстроена. Вы что, снова поссорились?

— Поссо… ах да, конечно, — сказал Гарри, с благодарностью ухватившись за новую тему.

— Из-за чего?

— Из-за этой её подружки-ябеды, Мариэтты, — ответил Гарри.

— Ну, тогда я тебя не виню! — сердито заявил Рон, откладывая расписание. — Если бы не она…

И Рон принялся ругать Мариэтту Эджком, что было Гарри только на руку: ему оставалось лишь сидеть с рассерженным видом, кивать и гово-

рить: «Да-да!» и «Точно!», когда Рон переводил дух, а это вовсе не мешало ему размышлять, погружаясь во всё более глубокое уныние, о том, что он увидел в Омуте памяти.

На душе у него скребли кошки. Всю жизнь он свято верил, что его родители были прекрасными людьми, и потому ни секунды не сомневался в том, что злобные выпады Снегга в адрес его отца — чистейшей воды клевета. Разве другие, например Хагрид и Сириус, не говорили ему, каким замечательным человеком был его отец?

— *Ну да, конечно, ты посмотри на самого Сириуса,* — раздался у него в голове чей-то язвительный голос. — *Неужто он был лучше?*

Да, однажды он случайно услышал от профессора МакГонагалл, что его отец с Сириусом были в школьные годы порядочными смутьянами, но она говорила о них как о предшественниках близнецов Уизли, а Гарри не мог себе представить, чтобы Фред с Джорджем подвесили кого-нибудь в воздухе вверх тормашками просто ради забавы… разве что если бы по-настоящему его ненавидели… может, они и поступили бы так с Малфоем или кем-нибудь другим, кто действительно этого заслуживал.

Гарри попытался убедить себя в том, что Снегг

заслужил мучения, выпавшие на его долю, но разве Лили не спросила: «Что он вам сделал?» — и разве Джеймс не ответил ей: «Пожалуй, всё дело в самом факте его существования, если ты понимаешь, о чём я»? Неужели Джеймс затеял всё это только потому, что Сириус пожаловался на скуку? Гарри вспомнил давнишний разговор с Люпином на площади Гриммо: по словам Люпина, Дамблдор назначил его старостой, рассчитывая, что он поможет ему обуздать Джеймса с Сириусом… но в Омуте памяти он просто сидел и смотрел на происходящее…

Гарри постоянно напоминал себе, что Лили всё-таки вмешалась — его мать вела себя достойно. Однако выражение её лица, когда она кричала на Джеймса, не давало ему покоя, как и всё остальное: Джеймс явно вызывал у неё отвращение, и у Гарри просто в голове не укладывалось, что после всего этого они могли пожениться. У него даже мелькнула мысль, уж не заставил ли её Джеймс выйти за себя силой…

Почти пять лет отец был для него источником утешения и вдохновения. Если кто-нибудь говорил ему, что он похож на Джеймса, Гарри преисполнялся гордости. А теперь… теперь при одной мысли об отце у него внутри всё точно

съёживалось от холода.

Пасхальные каникулы близились к концу, и погода становилась всё более ветреной, тёплой и солнечной, но Гарри, подобно всем прочим пяти- и семикурсникам, сидел в четырёх стенах, листая учебники и то и дело наведываясь в библиотеку. Он прикидывался, что его плохое настроение вызвано лишь приближением экзаменов, а поскольку все его однокашники-гриффиндорцы тоже с утра до ночи корпели над книгами, никто не видел в этом ничего удивительного.

— Я к тебе обращаюсь, Гарри! Ты что, не слышишь?

— А?

Он поднял глаза. Джинни Уизли с волосами, растрепавшимися на ветру, подсела к нему за столик в библиотеке. Был поздний воскресный вечер. Гермиона отправилась в Гриффиндорскую башню зубрить древние руны, а Рон ушёл на тренировку по квиддичу.

— Привет, Джинни, — сказал Гарри, подвигая к себе книги. — Почему ты не на тренировке?

— Она закончилась, — сказала Джинни. — Рон повёл Джека Слоупера в больничное крыло.

— Зачем?

— Мы точно не знаем, но, похоже, он оглушил

себя своей собственной битой. — Она тяжело вздохнула. — Ну да ладно… Я получила посылку, она только что прошла проверку по новым правилам.

Джинни положила на стол увесистый пакет в коричневой бумаге: видно было, что его разворачивали и потом аккуратно завернули снова. Гарри увидел на нём надпись, сделанную от руки красными чернилами: «Проверено и допущено к употреблению. Генеральный инспектор Хогвартса».

— Это пасхальные яйца от мамы, — сказала Джинни. — Для тебя тоже есть одно… На, возьми.

Она протянула ему красивое шоколадное яйцо в бумажке с узором из маленьких снитчей — внутри, под стать обёртке, оказался пакетик летучих шипучек. Гарри посмотрел на него и вдруг, к своему ужасу, почувствовал в горле комок.

— С тобой всё в порядке, Гарри? — тихо спросила Джинни.

— Да, всё замечательно, — хрипло пробормотал Гарри и сглотнул, превозмогая боль. Он не понимал, почему обыкновенное пасхальное яйцо вызвало у него такую реакцию.

— Последнее время ты прямо не в себе, — настаивала на своём Джинни. — Знаешь, я уверена:

если бы ты просто поговорил с Чжоу…

— Мне надо поговорить не с Чжоу, — резко ответил Гарри.

— Тогда с кем же? — спросила Джинни.

— Мне…

Он огляделся, чтобы проверить, не подслушивает ли их кто-нибудь. За несколько стеллажей от них мадам Пинс выдавала большую стопку книг Ханне Эббот, у которой был абсолютно невменяемый вид.

— Мне надо поговорить с Сириусом, — прошептал Гарри. — Но я знаю, что это невозможно.

Ему не хотелось есть, но чтобы чем-нибудь заняться, он развернул своё пасхальное яйцо, отломил от него большой кусок и сунул в рот.

— Ну, — неторопливо сказала Джинни, в свою очередь отламывая от яйца кусочек, — если ты и правда хочешь поговорить с Сириусом, пожалуй, мы сможем это устроить.

— Брось, — мрачно ответил Гарри. — Амбридж следит за всеми каминами и проверяет всю нашу почту!

— Если человек всю жизнь живёт с Фредом и Джорджем, — задумчиво сказала Джинни, — он начинает понимать, что на свете нет ничего невозможного — дело только в том, хватит ли у

тебя храбрости…

Гарри посмотрел на неё. Может быть, причина была в шоколаде — Люпин всегда советовал есть его после встречи с дементорами, — а может, у него просто стало легче на душе после того, как он высказал вслух желание, мучившее его целую неделю, но в его душе снова затеплилась надежда.

— Что вы себе позволяете?

— Ах ты, чёрт, — прошептала Джинни, вскакивая на ноги, — я совсем забыла…

К ним стремительно шагала мадам Пинс — её морщинистое лицо было искажено гневом.

— Шоколад в библиотеке! — воскликнула она. — Вон отсюда, немедленно!

И, взмахнув палочкой, она отправила книги Гарри, его сумку и чернильницу вдогонку за их владельцем и Джинни, поспешившими прочь из библиотеки, — вещи то и дело догоняли их и на лету поддавали им по затылку.

* * *

Словно для того, чтобы подчеркнуть важность надвигающихся экзаменов, незадолго до окончания каникул на столах в Гриффиндорской башне появились стопки брошюр, рекламок и про-

спектов, посвящённых различным волшебным специальностям, а на доске вывесили объявление, гласившее:

> КОНСУЛЬТАЦИЯ
> ПО ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ
>
> В течение первой недели летнего семестра всем пятикурсникам надлежит пройти краткое собеседование с деканом своего факультета на предмет выбора будущей профессии. Дата и время собеседования для каждого ученика указаны ниже.

Гарри отыскал в списке свою фамилию и выяснил, что он должен явиться в кабинет профессора МакГонагалл в половине третьего в понедельник. Это означало, что ему придётся пропустить почти весь урок прорицаний. В последний уикенд каникул он вместе с другими пятикурсниками потратил львиную долю времени на изучение материалов по профессиональной ориентации, предложенных их вниманию.

— Не хочу быть целителем, — заявил Рон вечером накануне начала занятий. Он был поглощён чтением брошюры, на обложке которой красовались перекрещенные кость и волшебная

палочка — эмблема больницы святого Мунго. — Здесь говорится, что ты должен получить, как минимум, «В» на ЖАБА по зельеварению, травологии, трансфигурации, заклинаниям и защите от Тёмных искусств. Немного же они требуют, как по-вашему?

— Ну, это ведь очень ответственная работа, правда? — рассеянно откликнулась Гермиона. Она читала яркий оранжево-розовый проспект, озаглавленный: «ХОТИТЕ ПОПЫТАТЬ СЧАСТЬЯ В ОТДЕЛЕ СВЯЗЕЙ С МАГЛАМИ?» — Похоже, для общения с маглами не нужна очень уж высокая квалификация. Надо всего лишь сдать СОВ по магловедению: «Для нас гораздо важнее ваш энтузиазм, терпение и хорошее чувство юмора!»

— В общении с моим дядюшкой одним чувством юмора не обойдёшься, — хмуро заметил Гарри. — Там тебе скорее понадобится хорошая реакция, чтобы уворачиваться от ударов. — Он уже наполовину пролистал брошюру, посвящённую волшебному банковскому делу. — Послушайте-ка вот это: «Вы мечтаете о захватывающей жизни, полной ярких путешествий, опасных приключений и щедрых наград за открытие новых кладов? Тогда присылайте документы в Волшебный банк „Гринготтс“, набирающий Ликвидаторов закля-

тий с блестящими перспективами работы за границей…» Между прочим, им нужна нумерология — это по твоей части, Гермиона!

— Я не слишком люблю банковское дело, — отозвалась Гермиона, поглощённая чтением уже другого проспекта: «ПО СИЛАМ ЛИ ВАМ ОБУЧЕНИЕ ТРОЛЛЕЙ-ОХРАННИКОВ?»

— Эй, — сказал кто-то у Гарри над ухом. Он обернулся: к ним подошли Фред и Джордж. — Вчера Джинни потолковала с нами насчёт тебя, — сказал Фред, положив вытянутые ноги на столик перед собой. Несколько рекламных брошюрок Министерства магии полетели на пол. — Она говорит, ты хочешь перекинуться словечком с Сириусом.

— Что? — резко спросила Гермиона, замерев с рукой, протянутой к проспекту «ПОЗВОНИТЕ В ОТДЕЛ ВОЛШЕБНЫХ АВАРИЙ И КАТАСТРОФ».

— Да, — как можно небрежнее сказал Гарри, — не мешало бы.

— Хватит нести чепуху, — заявила Гермиона, распрямляясь и глядя на него так, словно не верила собственным глазам. — Ты что, не знаешь, что Амбридж суёт нос во все камины и обыскивает всех наших сов?

— Пожалуй, мы найдём способ обойти эту

помеху, — сказал Джордж, потягиваясь и улыбаясь. — Надо всего-навсего её отвлечь… Кстати, вы заметили, что на каникулах мы вели себя исключительно скромно?

— Зачем портить себе отдых, решили мы, — подхватил Фред. — К тому же нам вовсе не хотелось мешать людям готовиться к экзаменам!

Он скорчил ханжескую физиономию и отвесил Гермионе маленький поклон. Судя по её виду, та явно не ожидала от близнецов такой трогательной заботливости по отношению к школьным товарищам.

— Но бизнес есть бизнес, и завтра всё снова пойдёт своим чередом, — весело продолжал Фред. — А раз мы всё равно собираемся устроить лёгкий переполох, отчего бы заодно не помочь Гарри немножко поболтать с Сириусом?

— Конечно, но тем не менее, — сказала Гермиона таким тоном, будто объясняла нечто очень простое законченным тупицам, — даже если вам удастся отвлечь Амбридж, где Гарри сможет поговорить с ним?

— В её кабинете, — тихо произнёс Гарри.

Он размышлял об этом уже две недели и не придумал ничего другого. Сама Амбридж сказала ему, что единственный камин, свободный

от постоянного наблюдения, находится у неё в кабинете.

— Ты… сошёл… с ума, — севшим голосом сказала Гермиона.

Рон опустил брошюрку, посвящённую торговле селекционными грибами, и внимательно прислушивался к их разговору.

— Не думаю, — сказал Гарри, пожав плечами.

— Для начала, как ты собираешься туда попасть?

На этот вопрос у Гарри был готов ответ.

— С помощью ножа Сириуса, — сказал он.

— Что-что?

— На предпоследнее Рождество Сириус подарил мне нож, которым можно открыть любой замок, — пояснил Гарри. — Даже если она заколдовала свою дверь и заклинание Алохомора не подействует — а я уверен, что так оно и будет…

— А ты что скажешь? — этот требовательный вопрос Гермионы был адресован Рону, и Гарри невольно вспомнил свой первый ужин на площади Гриммо, когда миссис Уизли точно таким же тоном воззвала к мужу.

— Не знаю, — промямлил Рон, которому явно стало не по себе от того, что ему предложили высказать определённое мнение. — Думаю, если

Гарри хочет попробовать, он имеет на это право.

— Слова верного друга и истинного Уизли, — сказал Фред, наградив Рона увесистым шлепком по спине. — Итак. Мы думаем приступить к делу завтра после уроков, когда все выйдут в коридор, — тогда можно будет добиться максимального эффекта. Начнём где-нибудь в восточном крыле, чтобы сразу выкурить Амбридж из кабинета. Пожалуй, Гарри, мы можем гарантировать тебе минут двадцать. Как ты думаешь? — Он поглядел на Джорджа.

— Легко, — подтвердил Джордж.

— Чем вы будете её отвлекать? — спросил Рон.

— Увидишь, братишка, — сказал Фред, и они с Джорджем снова поднялись на ноги. — Для этого тебе надо будет только наведаться в коридор Григория Льстивого этак часиков в пять пополудни.

* * *

На следующий день Гарри проснулся спозаранку, чувствуя себя примерно так же, как в то утро, на которое было назначено дисциплинарное слушание в Министерстве магии. Его пугала не только перспектива вломиться в кабинет Амбридж и воспользоваться её камином для переговоров с Сириусом, хотя и это могло

нагнать страху на кого угодно. Сегодня Гарри предстояло ещё и другое испытание: он должен был очутиться в непосредственной близости от Снегга впервые после того, как Снегг выгнал его из своего кабинета.

Полежав немного в постели и поразмышляв о грядущем дне, Гарри тихонько встал и пробрался мимо кровати Невилла к окну. Утро было поистине великолепное. В воздухе висела легчайшая дымка, и из-за неё небо чистейшей синевы казалось опаловым. Прямо напротив Гарри рос высокий бук, под которой его отец когда-то мучил Снегга. Он не знал, какие слова Сириуса могли бы развеять впечатление, произведённое тем, что он увидел в Омуте памяти, но ему отчаянно хотелось услышать от крёстного его версию тех событий — ведь наверняка же были какие-то смягчающие обстоятельства, хоть что-нибудь, объясняющее поведение отца…

Что-то привлекло внимание Гарри — это было движение на опушке Запретного леса. Гарри прищурился на солнце и увидел Хагрида, только что вышедшего из-за деревьев. Похоже, он хромал. Гарри смотрел, как Хагрид дотащился до двери своей хижины и исчез за ней. Несколько минут Гарри продолжал наблюдать за хижиной. Хагрид

так и не появился оттуда, но из трубы пошёл дымок — значит, лесничий ранен не слишком серьёзно и ему удалось разжечь огонь.

Гарри отвернулся от окна, подошёл к своему чемодану и стал одеваться.

Поскольку ему предстояло незаконно проникнуть в кабинет Амбридж, Гарри не рассчитывал, что день пройдёт спокойно, однако он не был готов к упорным попыткам Гермионы отговорить его от задуманного. Даже профессор Бинс впервые оказался бессилен привлечь её внимание: на истории магии она почти без перерыва нашёптывала Гарри на ухо зловещие предостережения, и ему стоило большого труда этого не замечать.

— А если она тебя там поймает, ты не просто вылетишь из школы: она наверняка догадается, что ты говорил с Нюхалзом, и на сей раз, помяни моё слово, заставит тебя выпить сыворотку правды и ответить на её вопросы…

— Гермиона, — негодующе прошептал Рон, — хватит наконец пилить Гарри! Будешь ты слушать профессора Бинса или мне придётся самому писать конспекты?

— Можешь и поработать для разнообразия, не умрёшь!

К тому времени, как они добрались до подзе-

мелья, и Гарри, и Рон перестали разговаривать с Гермионой. Но это нимало её не смутило: она воспользовалась их молчанием, чтобы по-прежнему изливать на них поток жутких предсказаний, и её громкий свистящий шёпот заставил Симуса потратить добрых пять минут на поиски утечки из своего котла.

Снегг же, судя по всему, решил держаться так, словно Гарри был невидимым. Гарри давно уже привык к этой тактике, которую очень любил пускать в ход дядя Вернон, и был рад тому, что обошёлся такой малой кровью. Даже наоборот, поскольку раньше Снегг не давал ему покоя своими ядовитыми насмешками и ехидными замечаниями, Гарри счёл его новую манеру поведения гораздо более приемлемой и с удовольствием убедился в том, что в отсутствие постоянных помех ему вполне по силам состряпать Животворящий эликсир. В конце урока он отлил немного настоя в отдельную склянку, закупорил её и отнёс на стол Снегга для проверки, уверенный, что на сей раз получит хотя бы «В».

Едва он отошёл от стола, как за его спиной что-то со звоном разбилось. Малфой испустил ликующий вопль. Гарри стремительно обернулся и увидел, что осколки его образца лежат на полу,

а Снегг смотрит на него со злорадным удовлетворением.

— Какая неприятность, — мягко сказал он. — Что ж, Поттер, очередной нуль.

От гнева Гарри потерял дар речи. Широкими шагами он направился к своему котлу, чтобы наполнить другую склянку и заставить-таки Снегга проверить эликсир, но с ужасом увидел, что содержимое котла исчезло.

— Прости меня! — сказала Гермиона, прижав ладони ко рту. — Прости пожалуйста, Гарри! Я думала, ты закончил, и всё вылила!

Гарри не смог выдавить из себя ответ. Когда прозвенел звонок, он поспешил наверх из подземелья, даже не оглянувшись, а за обедом нарочно сел между Невиллом и Симусом, чтобы лишить Гермиону возможности и дальше бубнить ему на ухо.

Когда настала пора отправляться на прорицания, он был в таком дурном настроении, что совсем позабыл о назначенной ему консультации с профессором МакГонагалл и вспомнил о ней только после того, как Рон спросил, почему он ещё здесь. Гарри бегом кинулся наверх и опоздал лишь на несколько минут.

— Извините, профессор, — выпалил он, закрыв

за собой дверь. — Я забыл.

— Ничего, Поттер, — быстро ответила она, но тут Гарри услышал, как в углу позади него кто-то хмыкнул. Он обернулся.

Там, с блокнотом на коленях, сидела профессор Амбридж — шею её украшал нелепый кружевной воротничок, а на губах играла отвратительная самодовольная усмешка.

— Садитесь, Поттер, — напряжённо сказала МакГонагалл. Затем поправила кучу брошюрок на своём столе, и Гарри заметил, что руки у неё слегка дрожат.

Гарри сел спиной к Амбридж и постарался сделать вид, что не слышит скрипа пера, которым она сразу же что-то застрочила в блокноте.

— Итак, Поттер, мы встретились, чтобы обсудить ваши профессиональные перспективы и помочь вам решить, какие предметы лучше выбрать для изучения на шестом и седьмом курсах, — сказала МакГонагалл. — Есть ли у вас какие-либо идеи относительно того, чем вы займётесь по окончании Хогвартса?

— Э-э… — промычал Гарри. Назойливый скрип за спиной мешал ему собраться с мыслями.

— Ну? — поторопила его МакГонагалл.

— Ну, я думал, может, мне пойти в мракобор-

цы, — промямлил Гарри.

— Для этого нужны высшие баллы, — сказала МакГонагалл, извлекая из-под бумажной груды на своём столе маленькую тёмную брошюрку. — Вот видите: они требуют не менее пяти ЖАБА, и по всем нужно получить, как минимум, «выше ожидаемого». Кроме того, вы должны будете пройти ряд обязательных тестов на психологическую устойчивость и профессиональную пригодность в Главном мракоборческом центре. Это очень трудно, Поттер, — они берут только самых лучших. По-моему, за последние три года у них вообще не было пополнения.

Профессор Амбридж еле слышно кашлянула, точно проверяя, насколько тихо ей удастся это сделать. Профессор МакГонагалл не обратила на неё внимания.

— Наверное, вы хотите знать, какие предметы вам следует выбрать? — сказала она, чуть повысив голос.

— Да, — сказал Гарри. — Очевидно, защиту от Тёмных искусств?

— Разумеется, — твёрдо ответила МакГонагалл. — Я бы также посоветовала…

Амбридж снова кашлянула, на этот раз немного отчётливее. МакГонагалл на секунду прикрыла

глаза, потом опять открыла их и продолжала говорить как ни в чём не бывало.

— Я бы также посоветовала взять трансфигурацию, поскольку мракоборцам часто приходится прибегать к ней в своей работе. Кстати, Поттер, должна предупредить вас, что я беру в свою группу только тех старшекурсников, которые получили на СОВ оценку «выше ожидаемого» или ещё более высокую. Сейчас, по моему мнению, вы заслуживаете только оценки «удовлетворительно», так что до экзаменов вам придётся как следует потрудиться, если вы хотите продолжать обучение у меня. Затем, вам нужно будет взять заклинания — это всегда полезно — и зельеварение. Да, Поттер, зельеварение, — повторила она, и по её лицу скользнула едва заметная тень улыбки. — Каждый мракоборец должен быть хорошо знаком с ядами и противоядиями. И учтите, что профессор Снегг решительно отказывается брать учеников, получивших на СОВ что-либо, кроме «превосходно», поэтому…

Профессор Амбридж кашлянула громче, чем в предыдущие два раза.

— Позвольте предложить вам микстуру от кашля, Долорес, — сухо сказала МакГонагалл, не глядя на Амбридж.

— Нет-нет, не надо, благодарю вас, — ответила Амбридж со своим обычным жеманным смешком, от которого Гарри всегда коробило. — Я только хотела спросить, нельзя ли мне вставить в ваш разговор одно крошечное замечание, Минерва.

— По-видимому, я не вправе вам отказать, — процедила МакГонагалл сквозь крепко сжатые зубы.

— Меня всего лишь интересует, достаточно ли у мистера Поттера данных, чтобы стать мракоборцем, — сладким голоском пропела Амбридж.

— Ах, вот как? — высокомерно сказала МакГонагалл. — Ну что ж, Поттер, — продолжала она, точно её никто не прерывал, — если ваши намерения серьёзны, я посоветовала бы вам пополнить свои знания в области трансфигурации и зельеварения. Я вижу, что в последние два года профессор Флитвик выставляет вам в основном «удовлетворительно» и «выше ожидаемого», так что с заклинаниями у вас всё более или менее в порядке. Что же касается защиты от Тёмных искусств, то в среднем ваши оценки были довольно высоки. Профессор Люпин даже считал вас… Может, вам всё-таки стоит принять микстуру от кашля, Долорес?

— Нет-нет, благодарю вас, Минерва, — откликнулась Амбридж, которая только что кашлянула уже совсем громко. — Но меня тревожит одна вещь: получили ли вы самые последние оценки Гарри по защите от Тёмных искусств? Уверена, что я их вам передавала.

— Вы имеете в виду это? — с отвращением сказала МакГонагалл, выуживая из личного дела Гарри кусочек розового пергамента. Она проглядела его, слегка приподняв брови, а затем убрала обратно в папку, воздержавшись от всяких комментариев.

— Итак, Поттер, как я уже говорила, профессор Люпин считал вас весьма одарённым учеником в этой области, а для мракоборца, естественно…

— Вы не разобрали мой почерк, Минерва? — спросила Амбридж елейным тоном, позабыв кашлянуть.

— Конечно, разобрала, — сказала МакГонагалл, так крепко стиснув зубы, что её слова прозвучали слегка невнятно.

— Тогда я в недоумении… Боюсь, я не совсем понимаю, зачем внушать мистеру Поттеру ложные надежды, если…

— Ложные надежды? — повторила МакГонагалл, всё ещё избегая отвечать Амбридж взглядом

на взгляд. — Он получил высокие оценки за все контрольные работы по защите от Тёмных искусств…

— Мне крайне неловко возражать вам, Минерва, однако, как вы можете видеть по моей записке, у меня на уроках Гарри демонстрировал очень низкий уровень знаний…

— Что ж, тогда мне следует высказаться более определённо, — заявила МакГонагалл, наконец повернувшись и глядя Амбридж прямо в глаза. — Он получал высокие оценки по защите от Тёмных искусств у всех преподавателей, компетентность которых не вызывала сомнений.

Улыбка исчезла с лица Амбридж мгновенно, будто выключили лампочку. Она откинулась на спинку стула, перевернула страницу в своём блокноте и застрочила в нём с невероятной скоростью — её зрачки так и шныряли туда-сюда. Профессор МакГонагалл снова обернулась к Гарри — её тонкие ноздри раздувались, глаза горели.

— Есть вопросы, Поттер?

— Да, — сказал Гарри. — Какого рода тесты предлагает Министерство, если у претендента достаточно высокие баллы по ЖАБА?

— Ну, вам нужно будет доказать, что вы умеете

сопротивляться давлению и так далее, — пояснила МакГонагалл, — продемонстрировать выносливость и упорство, поскольку подготовка мракоборцев занимает ещё три года, и вдобавок иметь очень хорошие навыки практической защиты. Это означает необходимость усердно трудиться даже вне школы, так что если вы не готовы…

— Полагаю, вам стоит учесть, — сказала Амбридж, на сей раз очень холодным голосом, — что Министерство интересуется прошлым тех, кто хочет стать мракоборцем. Я имею в виду их уголовное прошлое.

— …если вы не готовы к тому, что вам придётся сдавать новые экзамены по окончании Хогвартса, вам действительно лучше было бы поискать другое…

— Таким образом, у этого мальчика столько же шансов сделаться мракоборцем, сколько у Дамблдора — когда-либо вернуться в эту школу.

— То есть довольно много, — сказала МакГонагалл.

— Поттер привлекался к суду по уголовным обвинениям, — громко сказала Амбридж.

— И был оправдан по всем пунктам, — ещё громче сказала МакГонагалл.

Профессор Амбридж встала. Она была такой низенькой, что это почти ничего не изменило, но её жеманные, кокетливые манеры уступили место холодной ярости, придавшей её широкому, обрюзглому лицу зловещее выражение.

— У Поттера нет ни малейшего шанса стать мракоборцем!

Профессор МакГонагалл тоже поднялась на ноги, и с её стороны это было гораздо более впечатляющим приёмом: теперь она возвышалась над Амбридж, как башня.

— Поттер, — сказала она звенящим голосом, — я помогу вам стать мракоборцем, даже если это последнее, что я сумею сделать! Я буду учить вас по ночам и позабочусь о том, чтобы вы добились необходимых результатов!

— Министр магии никогда не примет на работу Гарри Поттера! — свирепо заявила Амбридж.

— Когда Поттеру понадобится работа, на посту министра магии вполне может оказаться кто-нибудь другой! — выкрикнула МакГонагалл.

— Ага! — взвизгнула Амбридж, тыча в сторону МакГонагалл толстым пальцем. — Вот! Вот, вот оно! Конечно! Так вот чего вы хотите, Минерва МакГонагалл! Вам хочется, чтобы Корнелиуса Фаджа сменил Альбус Дамблдор! Вы думаете, что

тогда вам достанется моё место, разве не так? Мечтаете стать первым заместителем министра и директором школы в придачу!

— Вы бредите, — сказала МакГонагалл с глубочайшим презрением. — Поттер, нашу консультацию можно считать законченной.

Гарри забросил сумку за плечо и поспешил убраться из кабинета, стараясь не глядеть в сторону профессора Амбридж. Идя по коридору, он слышал, как они кричат друг на друга за закрытой дверью.

Когда Амбридж явилась на урок защиты от Тёмных искусств, который ей предстояло провести в этот же день, она всё ещё дышала так, будто только что пробежала стометровку.

— Надеюсь, ты наконец образумился и понял, что не стоит лезть на рожон, Гарри, — прошептала Гермиона, едва они открыли книгу на главе тридцать четвёртой, озаглавленной «Непротивление и переговоры». — Амбридж сегодня явно не в духе!

Время от времени Амбридж бросала яростные взгляды на Гарри, который не поднимал головы, уткнувшись в «Теорию защитной магии» невидящими глазами и думая, думая…

Он пытался представить себе, что скажет

профессор МакГонагалл, если его поймают в кабинете Амбридж всего через несколько часов после того, как она поручилась за него… ведь, в конце концов, ничто не мешает ему просто вернуться в Гриффиндорскую башню в надежде, что на летних каникулах он улучит удобный момент и расспросит Сириуса о сцене, свидетелем которой стал благодаря Омуту памяти… ничто, кроме свинцовой тяжести в животе, которую он чувствует при мысли о таком разумном поведении… да и потом, Фред и Джордж уже спланировали, как они будут отвлекать Амбридж, а в его сумке дожидаются своего часа нож, подаренный Сириусом, и старая мантия-невидимка отца.

Но факт остаётся фактом: если его поймают…

— Дамблдор пожертвовал собой, чтобы тебя оставили в школе! — прошептала Гермиона, прикрывшись книжкой, чтобы не увидела Амбридж. — И всё это будет напрасно, если тебя сегодня выгонят!

Он может отменить свой план и попробовать свыкнуться с памятью о том, что сделал его отец в один прекрасный летний день больше двадцати лет назад…

И тут он вспомнил Сириуса в камине гриффиндорской гостиной: «Ты меньше похож на отца,

чем я думал… Отец радовался бы риску…»

Но так ли уж ему хочется быть похожим на своего отца?

— Гарри, не делай этого! Пожалуйста, не делай! — сказала Гермиона после звонка голосом, в котором звучало отчаяние.

Он не ответил ей. Он сам не знал, как лучше поступить.

Рон, по-видимому, твёрдо решил держать своё мнение при себе и не давать Гарри никаких советов — он даже не смотрел на Гарри, но когда Гермиона в очередной раз открыла рот, тихо сказал ей:

— Помолчи, сделай милость! У него своя голова на плечах.

Когда они покидали класс, сердце Гарри билось гораздо сильнее обычного. Пройдя коридор до середины, он услыхал вдалеке шум, безошибочно доказывающий, что близнецы начали своё дело. Вопли и крики отдавались эхом где-то наверху. Ребята, выходящие из других классов, замирали и прислушивались, с опаской поглядывая на потолок…

Из их класса выскочила Амбридж. Она неслась так быстро, как только позволяли её короткие ноги. На бегу вынимая палочку, она помчалась в

противоположном направлении, и Гарри понял: сейчас, или никогда.

— Гарри… пожалуйста, — слабо пискнула Гермиона.

Но он уже принял решение. Поддёрнув сумку за ремень, он пустился бежать, уворачиваясь от учеников, которые оправились от первого удивления и теперь спешили ему навстречу, заинтригованные суматохой в восточном крыле.

Добравшись до коридора, в который выходила дверь кабинета Амбридж, Гарри обнаружил, что он пуст. Спрятавшись за рыцарские доспехи у стены — шлем, которым они были увенчаны, со скрипом повернулся за ним вслед, — Гарри открыл сумку, выхватил оттуда нож Сириуса и набросил на плечи мантию-невидимку. Затем медленно, осторожно вылез из-за доспехов и, тихо ступая, приблизился к кабинету Амбридж.

Вставив лезвие волшебного ножа в щель между косяком и дверью, он мягко провёл им вверх и вниз, потом вытащил обратно. Раздался еле слышный щелчок, и дверь распахнулась. Он нырнул внутрь, быстро прикрыл её за собой и огляделся.

В комнате не было никакого движения — только мерзкие котята по-прежнему резвились на

тарелочках над конфискованными мётлами.

Гарри снял мантию-невидимку и, подойдя к камину, в считанные секунды нашёл то, что искал, — коробочку с тускло поблёскивающим летучим порохом.

Он опустился перед камином на колени. Руки его дрожали. Он никогда не делал этого раньше, хотя был уверен, что знает, как надо действовать. Сунув голову в зияющую дыру, он взял большую щепоть пороху и бросил её на поленья, аккуратно уложенные внизу. Они мгновенно вспыхнули ярким изумрудным пламенем.

— Площадь Гриммо, двенадцать! — произнёс Гарри громко и отчётливо.

Это было одно из самых странных ощущений, какие он когда-либо испытывал. Конечно, ему и раньше доводилось путешествовать с помощью летучего пороха, но тогда он весь целиком летел сквозь волшебные камины, сеть которых раскинулась по всей стране. В этот же раз колени его по-прежнему опирались на холодный пол кабинета Амбридж и только голова кувырком неслась куда-то в изумрудном пламени…

И вдруг полёт прекратился так же внезапно, как начался. Чувствуя лёгкую тошноту и неприятное жаркое покалывание, точно ему на голову

надели чересчур тёплую шапку-ушанку, Гарри открыл глаза и обнаружил, что смотрит из кухонной печи на длинный деревянный стол, за которым сидит человек, углубившийся в чтение пергаментного свитка.

— Сириус!

Человек подскочил на месте и оглянулся. Это был не Сириус, а Люпин.

— Гарри! — воскликнул он с видом крайнего удивления. — Откуда ты… что случилось, с тобой всё в порядке?

— Да, — сказал Гарри. — Я просто хотел… то есть я… мне нужно кое о чём поговорить с Сириусом.

— Я позову его, — сказал Люпин, поднимаясь на ноги. Он всё ещё выглядел крайне озадаченным. — По-моему, он наверху, ищет Кикимера, — тот, похоже, опять спрятался на чердаке.

И Люпин поспешил прочь из кухни. Теперь Гарри было не на что смотреть, если не считать ножек стола и стульев. Он подумал, почему Сириус ни разу и словом не обмолвился о том, как неудобно говорить из огня; его колени уже мучительно ныли от продолжительного стояния на твёрдом каменном полу.

Спустя минуту-другую Люпин вернулся. За ним по пятам шёл Сириус.

— В чём дело? — взволнованно спросил он, отбрасывая с глаз свои длинные чёрные волосы и садясь около печи на пол, чтобы оказаться на одном уровне с Гарри. Люпин тоже стал на колени, в его глазах светилось беспокойство. — У тебя всё нормально? Может, тебе нужна помощь?

— Нет, — сказал Гарри. — Со мной ничего такого… Я просто хотел поговорить… об отце.

Сириус и Люпин обменялись изумлёнными взглядами, но Гарри некогда было смущаться и медлить: с каждой секундой его колени болели всё сильнее, и вдобавок из отпущенных ему Джорджем двадцати минут уже прошло, наверное, не меньше пяти. И Гарри сразу же принялся рассказывать о том, что увидел в Омуте памяти.

Когда он закончил, Сириус и Люпин некоторое время хранили молчание. Потом Люпин негромко сказал:

— Я бы не стал строго судить твоего отца за то, что ты видел, Гарри. Ему же было всего пятнадцать…

— Мне тоже пятнадцать! — с горячностью воскликнул Гарри.

— Послушай, Гарри, — миролюбиво сказал Сириус, — Джеймс со Снеггом возненавидели друг друга при первой же встрече — такое бывает, ты

ведь можешь это понять! Я думаю, у Джеймса было всё, чего так хотелось Снеггу: его любили товарищи, он прекрасно играл в квиддич — да ему вообще удавалось почти всё! А Снегг был типичный замухрышка, странный малый, который с головой ушёл в изучение Тёмных искусств, тогда как Джеймс — что бы ты о нём теперь ни думал, Гарри, — всегда терпеть не мог Тёмные искусства.

— Да, — сказал Гарри, — но на моих глазах он напал на Снегга без всякой причины, только потому… ну, только потому, что ты пожаловался на скуку, — закончил он с извиняющейся ноткой.

— Мне тоже гордиться нечем, — быстро ответил Сириус.

Люпин покосился на него и сказал:

— Послушай, Гарри, ты должен понять одну вещь: в школе твой отец и Сириус всегда и во всём оказывались лучшими — многие просто души в них не чаяли, и если порой это слегка кружило им голову…

— Ты хочешь сказать, если порой мы вели себя как заносчивые болваны, — вставил Сириус.

Люпин улыбнулся.

— Он всё время взъерошивал себе волосы, — с болью в голосе сказал Гарри.

Сириус и Люпин рассмеялись.

— Я и забыл об этой его привычке, — с нежностью сказал Сириус.

— А со снитчем он баловался? — жадно спросил Люпин.

— Да, — ответил Гарри, непонимающе взирая на просветлевшие от воспоминаний лица Сириуса и Люпина. — А я… мне показалось, что это выглядит немножко по-идиотски.

— Конечно, это выглядело по-идиотски! Мы все тогда были идиотами! — решительно воскликнул Сириус. — Хотя… к Лунатику это относится в меньшей степени, — честно добавил он, посмотрев на Люпина.

Но тот покачал головой.

— Разве я когда-нибудь говорил вам, чтобы вы оставили Снегга в покое? — спросил он. — Разве у меня хоть однажды хватило духу сказать вам, что вы зарываетесь?

— Всё равно, — сказал Сириус, — иногда ты заставлял нас стыдиться самих себя… это было уже кое-что…

— А ещё, — упрямо продолжал Гарри, решив выложить всё, что занимало его мысли, раз уж он здесь очутился, — он всё время поглядывал на девочек у озера — надеялся, что они на него

смотрят!

— Ну конечно, он всегда вёл себя как осёл, если Лили была поблизости! — пожал плечами Сириус. — Стоило ей оказаться рядом, как он уже не мог перестать выламываться!

— Почему она вышла за него замуж? — спросил Гарри, чувствуя себя очень несчастным. — Она же его ненавидела!

— Вовсе нет, — сказал Сириус.

— На седьмом курсе она стала гулять с ним, — сказал Люпин.

— Когда у Джеймса малость поубавилось спеси, — сказал Сириус.

— Когда он бросил задирать людей ни с того ни с сего, — сказал Люпин.

— И даже Снегга? — спросил Гарри.

— Ну, — уклончиво сказал Люпин, — Снегг — это особый случай… Он ведь никогда не упускал возможности пальнуть в Джеймса каким-нибудь заклятием — ты же не стал бы требовать от своего отца, чтобы он безропотно это сносил!

— И мама спокойно мирилась с этим?

— Честно говоря, она не слишком много знала, — пояснил Сириус. — Сам понимаешь, Джеймс не приглашал Снегга на свидания вместе с ней и не насылал на него заклятий прямо у неё на

глазах…

Сириус нахмурился, видя, что Гарри всё ещё не убеждён до конца.

— Послушай, — сказал он, — у меня никогда не было друга лучше, чем твой отец, и он был хорошим человеком. В пятнадцать лет многие кажутся идиотами. Он перерос это.

— Ну ладно, — хмуро сказал Гарри. — Просто я не думал, что мне когда-нибудь придётся пожалеть Снегга.

— Кстати, — сказал Люпин, и между бровей у него пролегла тонкая морщинка, — тебе, наверное, сильно досталось от Снегга, когда он узнал, что ты залез в Омут памяти?

— Он сказал, что больше никогда не станет учить меня окклюменции, — равнодушно ответил Гарри. — Как будто мне очень хо…

— Что? — закричал Сириус так громко, что Гарри с испугу подскочил и набрал полный рот золы.

— Ты это серьёзно, Гарри? — живо спросил Люпин. — Он перестал давать тебе уроки?

— Ага, — кивнул Гарри, удивлённый такой неоправданно бурной реакцией. — Но это неважно, мне плевать — честно вам скажу, это даже облегче…

— Я отправляюсь к вам и поговорю со Снеггом, — твёрдо заявил Сириус и действительно стал было подниматься на ноги, но Люпин схватил его и удержал на месте.

— Если кому-то и надо поговорить со Снеггом, это должен быть я! — твёрдо сказал он. — Но в первую очередь, Гарри, тебе нужно вернуться к Снеггу и сказать ему, чтобы он возобновил уроки, — он не имеет никакого права их отменять, и если Дамблдор узнает…

— Я не могу сказать ему это, он меня убьёт! — возмущённо воскликнул Гарри. — Вы не видели, какой он был после того, как вынул меня из Омута памяти!

— Уроки окклюменции должны продолжаться, Гарри, — сурово сказал Люпин. — Нет ничего важнее этого, ты меня понял? Ничего!

— Ладно, ладно, — сказал Гарри, совершенно сбитый с толку и вдобавок сильно раздосадованный. — Я попробую… попробую сказать ему что-нибудь… только не…

Он умолк, потому что вдалеке послышались чьи-то шаги.

— Кикимер спускается к нам?

— Нет, — оглянувшись, сказал Сириус. — Наверное, это кто-то с твоей стороны, Гарри.

Сердце Гарри дало перебой.

— Тогда я пошёл! — торопливо воскликнул он и вытащил голову из печи на кухне родового замка Сириуса. Несколько мгновений она словно вращалась у него на плечах, потом головокружение прошло, и он обнаружил, что по-прежнему стоит на коленях перед камином Амбридж и смотрит, как затухают, мерцая, последние язычки изумрудного пламени.

— Скорее, скорее! — сипло бормотал кто-то прямо за дверью кабинета. — Ага, она забыла её запереть…

Гарри бросился к мантии-невидимке и едва успел натянуть её на себя, как в кабинет ворвался Филч. У него был абсолютно восторженный вид. Лихорадочно бормоча что-то себе под нос, он пересёк комнату, выдвинул один из ящиков стола Амбридж и принялся рыться в бумагах.

— Разрешение на розги… Разрешение на розги… Наконец-то я до них доберусь… Теперь они у меня попляшут…

Он вынул из ящика кусок пергамента, поцеловал его и быстро зашаркал обратно к выходу, прижимая листок к груди.

Гарри вскочил на ноги и, убедившись, что сумка не забыта, а мантия-невидимка надёжно

прикрывает его с головы до пят, рывком отворил дверь и выскочил из кабинета вслед за Филчем, который ковылял впереди с удивительной скоростью.

Спустившись на следующий этаж, Гарри решил, что теперь можно без опасений снова стать видимым. Он скинул мантию, запихнул её обратно в сумку и поспешил дальше. Из вестибюля доносились шум и крики. Он сбежал по мраморной лестнице и увидел, что внизу собралась чуть ли не вся школа.

Зрелище было примерно таким же, как в тот вечер, когда увольняли Трелони. Стоящие вдоль стен ученики образовали огромный круг (некоторые из них, заметил Гарри, были покрыты чем-то очень похожим на Смердящий сок). Были в толпе и учителя с привидениями. Среди наблюдателей выделялись члены Инспекционной дружины — они явно были чрезвычайно довольны собой. Под потолком болтался Пивз, взирающий сверху вниз на Фреда и Джорджа, которые стояли посреди вестибюля с таким видом, что было яснее ясного: их наконец загнали в угол.

— Итак! — торжествующе сказала Амбридж. Только сейчас Гарри заметил, что она стоит всего на несколько ступеней ниже его и коршуном

смотрит на близнецов. — Итак! Вы полагаете, что превратить школьный коридор в болото — это смешно?

— Мы полагаем, что да, — сказал Фред, глядя на неё без малейшего страха.

Филч протолкался поближе к Амбридж, чуть не плача от счастья.

— У меня есть документ, директор, — хрипло сказал он и помахал куском пергамента, который только что на глазах у Гарри вытащил из её стола. — У меня есть документ, и розги готовы… Прошу вас, позвольте мне сделать это сразу…

— Очень хорошо, Аргус, — сказала Амбридж. — А вам двоим, — продолжала она, глядя вниз на Фреда и Джорджа, — предстоит узнать, что бывает с нарушителями в моей школе…

— Знаете что? — перебил её Фред. — Боюсь, у вас ничего не выйдет.

Он повернулся к брату.

— Джордж, — сказал он, — по-моему, в нашем с тобой случае идея школьного образования себя исчерпала.

— Да, у меня тоже такое чувство, — весело откликнулся Джордж.

— Пора испытать себя в настоящем мире, как ты считаешь? — спросил Фред.

— Согласен, — сказал Джордж.

И, прежде чем Амбридж успела вставить хоть слово, они подняли свои палочки и хором воскликнули:

— *Акцио, мётлы!*

Гарри услышал где-то в отдалении громкий треск. Взглянув налево, он пригнулся, и как раз вовремя. Мётлы Фреда и Джорджа — на одной из них ещё болталась тяжёлая цепь с железным крюком, к которому приковала их Амбридж, — неслись по коридору к своим хозяевам. Они свернули влево, скользнули вниз над лестницей и резко затормозили перед близнецами — цепь громко прозвенела по вымощенному камнями полу.

— Надеюсь, мы больше не увидимся, — сказал Фред профессору Амбридж, перекидывая ногу через свою метлу.

— И не стоит нам писать, — подхватил Джордж, оседлав свою.

Фред обвёл взглядом собравшихся учеников — молчаливую, настороженную толпу.

— Если кто надумает купить портативное болото вроде того, что выставлено у вас наверху, милости просим в Косой переулок, номер девяносто три, в магазин «Всевозможные волшебные

вредилки», — громко сказал он. — Это наш новый адрес!

— Специальные скидки для тех учеников Хогвартса, которые пообещают, что используют наш товар в целях избавления от этой старой крысы, — добавил Джордж, показывая на профессора Амбридж.

— Держите их! — взвизгнула Амбридж, но было уже поздно. Когда члены Инспекционной дружины кинулись на Фреда с Джорджем, те уже оттолкнулись от пола и взмыли вверх футов на пятнадцать — железный крюк угрожающе раскачивался внизу. Фред поглядел на полтергейста, парившего вровень с ними по другую сторону вестибюля.

— Задай ей жару от нашего имени, Пивз.

И Пивз, который на памяти Гарри ещё ни разу не послушался ни одного ученика, сорвал с головы свою шляпу с бубенчиками и отсалютовал ею, а Фред и Джордж под громоподобные аплодисменты толпы описали в воздухе полукруг и вылетели из распахнутых парадных дверей навстречу сияющему закату.

Глава 30
Гроxx

В следующие несколько дней история о том, как Фред с Джорджем вырвались на свободу, пересказывалась так часто, что Гарри стало ясно: она войдёт в золотой фонд хогвартских преданий. Спустя неделю даже очевидцы этого события были почти убеждены, что своими глазами видели, как близнецы, оседлавшие мётлы, сначала спикировали на Амбридж и забросали её навозными бомбами, а уж потом вылетели из дверей на волю. Сразу после отбытия близнецов было много разговоров о том, что их поступок достоин подражания. Гарри частенько слышал от учеников фразы вроде «Честно, иногда мне страсть как хочется вскочить на метлу да и махнуть отсюда подальше» или «Ещё один такой урок, и я тоже исполню номер „прощание Уизли“».

Фред с Джорджем позаботились о том, чтобы память о них осталась в школе надолго. Во-первых, они никому не объяснили, как убрать болото, образовавшееся в коридоре на шестом этаже восточного крыла. Амбридж и Филч пробовали

осушить его самыми разными способами, но безрезультатно. В конце концов болото огородили верёвками, а Филчу поручили переправлять учеников в классные комнаты на плоскодонке, что он и делал, скрипя зубами от злости. Гарри не сомневался, что МакГонагалл или Флитвик могли бы удалить болото без всякого труда, однако, как и в случае с устроенным близнецами фейерверком, они явно предпочитали наблюдать за усилиями Амбридж со стороны.

Кроме того, в двери кабинета Амбридж теперь зияли две большие дыры в форме мётел, пробитые «Чистометами» Фреда и Джорджа, спешившими на зов своих хозяев. Филч приладил на место старой двери новую, а «Молнию» Гарри перенёс в подземелье, где Амбридж, по слухам, поставила при ней вооружённого тролля-охранника. Но её заботы на этом отнюдь не кончились.

Вдохновлённые примером Фреда и Джорджа, многие ученики вступили в борьбу за право занять освободившиеся места Главных Бузотёров Хогвартса. Несмотря на новую дверь, кто-то умудрился подсунуть в кабинет Амбридж нюхлера с волосатым рыльцем — тот перевернул всю мебель в поисках блестящих предметов, а когда вошла Амбридж, прыгнул на неё и попытался

сгрызть кольца с её толстых пальцев. Навозными бомбами и вонючей дробью теперь швырялись в коридорах так часто, что среди учеников стало модно перед уходом с урока накладывать на себя Заклятие пузыреголовости — это обеспечивало им приток свежего воздуха, хотя выглядели они при этом весьма экстравагантно, будто щеголяли в надетых на голову аквариумах.

Филч, крадучись, ходил по коридорам с хлыстом в руке, надеясь поймать виноватых, но вся трудность заключалась в том, что их стало чересчур много и он никак не мог решить, куда ему броситься в первую очередь. Инспекционная дружина пыталась помочь ему, но с её членами то и дело происходили странные вещи. Уоррингтона из слизеринской команды по квиддичу отправили в больницу с ужасным кожным недугом, из-за которого он словно покрылся кукурузными хлопьями. На следующий день, к восторгу Гермионы, Пэнси Паркинсон пропустила все уроки, поскольку у неё вдруг прорезались рожки.

Тем временем стало ясно, что перед тем, как покинуть Хогвартс, Фред и Джордж успели распродать уйму Забастовочных завтраков. Стоило Амбридж войти в классную комнату, как собравшихся там учеников начинало тошнить и

лихорадить. Одни падали в обморок, у других шла кровь из обеих ноздрей. Вопя от ярости и бессилия, она пыталась определить источник загадочных симптомов, но ученики упрямо твердили ей, что страдают от «амбриджита». Оставив после уроков четыре класса подряд и ровно ничего этим не добившись, она была вынуждена отказаться от репрессий и позволить мокрым от пота, мертвенно-бледным и окровавленным ученикам покидать её занятия целыми толпами.

Но даже потребители Забастовочных завтраков не могли сравниться с Пивзом, этим непревзойдённым мастером сеять разрушение и хаос: похоже, полтергейст принял прощальный завет Фреда очень близко к сердцу. С безумным хихиканьем он носился по всей школе, переворачивал столы, выскакивал из-за классных досок, опрокидывал вазы и статуи; дважды он запихивал Миссис Норрис в пустые рыцарские доспехи в коридоре, и разъярённый смотритель замка извлекал её оттуда истошно орущей, но живой и невредимой. Пивз разбивал фонари и тушил свечи, жонглировал горящими факелами над головой у перепуганных учеников, заставлял аккуратно сложенные стопки пергамента обрушиваться в огонь или за окно; он устроил на третьем этаже

наводнение, открыв краны во всех умывальнях, набрал полную сумку тарантулов и выпустил их посреди вестибюля во время завтрака, а если ему хотелось передохнуть, часами парил над Амбридж, сопровождая её повсюду, куда бы она ни пошла, и издавая громкие непристойные звуки всякий раз, как она открывала рот.

Если не считать Филча, никто из обслуживающего персонала даже не пытался помочь директору. А спустя неделю после того, как Фред и Джордж покинули школу, Гарри своими глазами видел, как профессор МакГонагалл прошла мимо Пивза, старательно отвинчивающего хрустальную люстру, и мог бы поклясться, что она, почти не разжимая губ, шепнула полтергейсту: «Не в ту сторону крутишь!»

В довершение всего, Монтегю до сих пор не оправился от заключения в туалете. У него по-прежнему путались мысли, и как-то утром, во вторник, его родители были замечены на парадной аллее: они шагали к замку с крайне рассерженным видом.

— Может, нам вмешаться? — обеспокоенно сказала Гермиона, прижавшись щекой к оконному стеклу в классе заклинаний, чтобы посмотреть, как мистер и миссис Монтегю входят внутрь. —

Объяснить, что с ним произошло? Вдруг это поможет мадам Помфри его вылечить?

— Да ладно, и так очухается, — равнодушно отозвался Рон.

— В любом случае для Амбридж это лишние хлопоты, — удовлетворённо сказал Гарри.

Они с Роном одновременно постучали палочками по чашкам, которые им велели заколдовать. У чашки Гарри вылезли четыре очень коротенькие ножки — они не могли достать до стола и бессмысленно корчились в воздухе. Чашка Рона с огромным трудом оторвалась от столешницы, опираясь на выросшие у неё длинные и тонкие ножки — несколько секунд они удерживали её наверху, дрожа от натуги, потом подломились, и чашка упала, расколовшись надвое.

— *Репаро,* — быстро сказала Гермиона, взмахнув палочкой, и чашка Рона вновь стала целой. — Всё это замечательно, но что, если Монтегю повредился в уме навсегда?

— Да кому какое дело? — раздражённо сказал Рон, глядя, как его чашка снова пытается подняться, качаясь как пьяная: коленки у неё отчаянно тряслись. — Нечего было вычитать очки у Гриффиндора! Если тебе некого жалеть, Гермиона, пожалей лучше меня!

— Тебя? — спросила она, ловя свою чашку, которая весело поскакала прочь по столу на четырёх крепких ножках, расписанных под китайский фарфор, и вновь ставя её перед собой. — Почему это я должна тебя жалеть?

— Когда следующее мамино письмо пройдёт проверку, у меня будут крупные неприятности, — горько сказал Рон, помогая своей чашке устоять на трепещущих ножках. — Не удивлюсь, если она опять пришлёт мне громовещатель.

— Но…

— Вот увидишь, побег Фреда и Джорджа поставят в вину мне, — мрачно пояснил Рон. — Она скажет, что я должен был их остановить. Вцепиться в их мётлы и не дать им улететь, или уж я не знаю что… Точно тебе говорю, виноват буду я.

— Ну, если она и вправду так скажет, это будет ужасно несправедливо, потому что ты ничего не мог поделать! Но я уверена, что она ничего такого не скажет: ведь если у них и впрямь есть помещение в Косом переулке, значит, они всё это спланировали уже давным-давно.

— Кстати, вот ещё вопрос: как они заполучили это помещение? — сказал Рон, так сильно стукнув палочкой по чашке, что та снова упала и теперь лежала перед ним, бессильно подрагивая. — Это

же не так просто, верно? Чтобы арендовать место в Косом переулке, нужна куча галеонов. Она захочет узнать, во что они ввязались, чтобы раздобыть такие деньжищи.

— Это и мне приходило в голову, — сказала Гермиона, пуская свою чашку вскачь вокруг чашки Гарри, по-прежнему шевелящей в воздухе короткими толстыми ножками. — Я тоже думала: вдруг Наземникус уговорил их взяться за торговлю краденым или ещё за что-нибудь похлеще…

— Ничего подобного, — обронил Гарри.

— А ты откуда знаешь? — хором спросили Рон с Гермионой.

— Оттуда… — Гарри помедлил, но потом решил, что пришло время открыть секрет. Раз Фреда с Джорджем начали подозревать в чём-то неблаговидном, молчать уже попросту нельзя. — Они получили золото от меня. В прошлом июне я отдал им свой выигрыш в Турнире Трёх Волшебников.

Его друзья ошеломлённо молчали. Потом чашка Гермионы скакнула через край стола и, грохнувшись на пол, разлетелась на мелкие кусочки.

— Не может быть! — воскликнула Гермиона.

— Может! — вызывающе сказал Гарри. — И

я об этом не жалею! Мне эти деньги были ни к чему, а у них будет отличный магазин со всякими волшебными штучками.

— Но это же здорово! — восхищённо сказал Рон. — Значит, виноват ты один, и мама не сможет ни в чём меня обвинить! Ты не против, если я ей скажу?

— Конечно, лучше сказать, — хмуро ответил Гарри, — особенно если она думает, что они торгуют ворованными котлами.

Гермиона больше ничего не говорила до самого конца урока, но Гарри не сомневался, что терпения ей хватит ненадолго. И действительно, на перемене, когда они вышли из замка погреться в жиденьких лучах майского солнца, она устремила на Гарри пронзительный взгляд и открыла рот, чтобы сделать ему очередное внушение.

Гарри не дал ей заговорить.

— Не надо меня воспитывать — что сделано, то сделано, — твёрдо сказал он. — Фред с Джорджем получили деньги и, судя по всему, уже потратили немалую их часть, так что обратно я их забрать не могу, да и не хочу. Поэтому не сотрясай зря воздух, Гермиона.

— Я и не собиралась ничего говорить насчёт Фреда с Джорджем! — уязвлённо сказала она.

Рон недоверчиво хмыкнул, и Гермиона наградила его уничтожающим взглядом, полным презрения.

— Да, не собиралась, представь себе! — сердито сказала она. — Я всего лишь хотела спросить у Гарри, когда он думает снова пойти к Снеггу и договориться с ним о продолжении уроков окклюменции!

У Гарри похолодело внутри. День-другой тому назад, после того как была исчерпана тема эффектного отбытия Фреда и Джорджа (что заняло, пожалуй, не один час), Рону с Гермионой захотелось узнать новости о Сириусе. Поскольку Гарри скрыл от них истинную цель своей беседы с Сириусом, ему трудно было придумать, что им сказать; в конце концов он ограничился честным сообщением о том, что Сириус велел ему возобновить уроки окклюменции. С тех пор он не раз успел пожалеть об этом: Гермиона отказывалась считать вопрос закрытым и то и дело возвращалась к нему, когда Гарри меньше всего этого ожидал.

— И нечего врать мне, что ты перестал видеть кошмары, — продолжала Гермиона. — Рон сказал, что прошлой ночью ты бормотал во сне!

Гарри метнул на Рона свирепый взгляд. Его

товарищ, надо отдать ему должное, выглядел пристыженным.

— Ты бормотал совсем немножко, — извиняющимся тоном промямлил он. — Я разобрал только что-то вроде: «Ну же, ещё чуть-чуть!..»

— Мне приснилось, как вы играете в квиддич, — грубо солгал Гарри. — Я кричал тебе, чтобы ты дотянулся до квоффла.

Уши у Рона покраснели, и Гарри почувствовал мстительное удовольствие. Конечно, ему снилось совсем не то. Прошлой ночью он снова путешествовал по Отделу тайн: миновал круглую комнату, затем комнату, полную тиканья и танцующих бликов, после чего опять очутился в гигантском зале со стеллажами, на которых лежали пыльные стеклянные шарики.

Он понёсся прямо к ряду номер девяносто семь, повернул налево и помчался вдоль стеллажей... Наверное, именно тогда он и произнёс «ещё чуть-чуть», потому что чувствовал, как его сознательное «я» стремится разорвать оковы сна... Но, не успев добраться до конца ряда, обнаружил, что снова лежит на своей кровати, упёршись взглядом в полог.

— Но ты хотя бы пытаешься защитить своё сознание? — требовательно спросила Гермиона,

сверля Гарри взглядом. — Ты применяешь окклюменцию?

— Конечно, — ответил Гарри, стараясь, чтобы его голос звучал оскорблённо, однако избегая смотреть Гермионе в глаза. В действительности же ему не терпелось узнать, какое сокровище спрятано в комнате со стеклянными шариками, и поэтому он хотел, чтобы запретные сны продолжались.

Главная трудность на этом пути заключалась в том, что из-за усиленной подготовки к СОВ, до которых осталось уже меньше месяца, его голова к моменту отбоя бывала так напичкана информацией, что он подолгу лежал без сна, а когда наконец засыпал, его перегруженный мозг осаждали навязчивые картины, имеющие отношение только к экзаменам. Кроме того, он подозревал, что, стоит ему очутиться в коридоре перед чёрной дверью, как часть его сознания — та самая, что нередко говорит голосом Гермионы, — начинает терзаться чувством вины и ищет возможность разбудить его прежде, чем он достигнет цели своего путешествия.

— Знаешь, — сказал Рон, чьи уши до сих пор пылали огнём, — если Монтегю не придёт в себя до матча Слизерина с Пуффендуем, у нас может

появиться шанс выиграть Кубок.

— Да, пожалуй, — сказал Гарри, обрадовавшись перемене темы.

— Я имею в виду, мы один раз выиграли, один проиграли. Если в следующую субботу пуффендуйцы победят слизеринцев…

— Да, правильно, — сказал Гарри, потеряв нить разговора и уже не замечая, с чем он соглашается. Только что, демонстративно отвернувшись от него, по двору прошла Чжоу Чанг.

* * *

Заключительный матч сезона — Гриффиндор против Когтеврана — должен был состояться в последние майские выходные. Хотя пуффендуйцам удалось-таки выиграть у Слизерина с минимальным перевесом, гриффиндорцы почти не надеялись на победу, в основном из-за обескураживающей игры Рона в прошлых матчах (конечно, ему никто об этом не напоминал). Однако сам он, похоже, был настроен оптимистически.

— Я ведь не могу выступить ещё хуже, чем раньше, — мрачно сказал он Гарри и Гермионе за завтраком в день матча. — Стало быть, и терять нечего!

— Знаешь, — сказала Гермиона Гарри чуть позже, когда они шли на поле вместе с толпой возбуждённых болельщиков, — по-моему, теперь, когда Фреда и Джорджа здесь нет, Рону будет немножко легче. Они никогда по-настоящему в него не верили.

Друзей нагнала Полумна Лавгуд — если глаза их не обманывали, у неё на шляпке сидел самый натуральный живой орёл, который иногда принимался хлопать крыльями.

— Ах ты чёрт, совсем забыла! — сказала Гермиона, глядя, как Полумна с безмятежным видом шествует мимо группы слизеринцев, а те хихикают и показывают на неё пальцем. — Чжоу ведь тоже сегодня играет, правда?

Гарри, который этого не забыл, буркнул что-то утвердительное.

Они нашли места в предпоследнем ряду трибун. Стояла замечательная ясная погода — Рон не мог бы желать лучшего, и Гарри, вопреки всяким разумным соображениям, всё же надеялся, что сегодня его друг не даст слизеринцам повода распевать издевательские куплеты.

Как всегда, комментаторскую кабинку занял Ли Джордан, который после ухода близнецов из школы ходил точно в воду опущенный. Когда

команды появились на поле, он стал называть игроков, хотя в голосе его не слышалось привычного оживления.

— Брэдли… Дэвис… Чанг… — говорил он. Гарри увидел на поле Чжоу, чьи блестящие чёрные волосы чуть шевелились на лёгком ветерке, но вместо обычного сальто-мортале его желудок ограничился слабым трепыханием. Он уже не понимал, чего хочет от их отношений, — знал только, что ему до смерти надоело с ней препираться. Даже глядя, как она оживлённо болтает с Роджером Дэвисом, готовясь оседлать метлу, Гарри почувствовал лишь едва ощутимый укол ревности.

— Итак, матч начался! — сказал Ли. — Дэвис немедленно завладел квоффлом… квоффл у капитана когтевранцев Дэвиса, он уворачивается от Джонсон, уходит от Белл, потом от Спиннет… он направляется прямо к воротам! Готовится к броску, и… и… — Ли громко выругался. — Счёт открыт!

Гарри и Гермиона застонали вместе с остальными гриффиндорцами. Естественно, слизеринцы на противоположной трибуне тут же затянули свою отвратительную песню:

Квоффл Рон поймать не может,

Победить он нам поможет…

— Гарри, — раздался у Гарри над ухом чей-то сиплый голос. — Гермиона…

Он оглянулся и увидел между спинками сидений широченную бородатую физиономию Хагрида. Первокурсники и второкурсники в ряду, вдоль которого он только что протискивался, выглядели изрядно помятыми. По какой-то причине Хагрид скрючился вдвое, словно не хотел, чтобы его заметили, однако от этого было мало проку: он по-прежнему возвышался над всеми фута на четыре.

— Слушайте, — прошептал он, — вы не могли бы пойти со мной? Прямо сейчас. Пока все смотрят матч.

— Э-э… а подождать нельзя, Хагрид? — спросил Гарри. — Хотя бы до конца матча?

— Нет, — сказал Хагрид. — Нет, Гарри, это надо сейчас… пока все смотрят в другую сторону… пожалуйста, пойдём, а?

Из носа у Хагрида слабо сочилась кровь. Оба глаза были подбиты. После возвращения лесничего в школу, Гарри ни разу не видел его так близко; Хагрид выглядел глубоко несчастным.

— Конечно, — не раздумывая ответил он. — Конечно, пошли.

Они с Гермионой бочком выбрались в проход под недовольное ворчание учеников, которым пришлось встать, чтобы пропустить их. Те, мимо кого пробирался Хагрид, не жаловались — они только старались сделаться как можно меньше.

— Я вам ужасно благодарен, друзья, честное слово, — сказал Хагрид, когда они очутились на лестнице. Пока они спускались на лужайку, он то и дело тревожно озирался. — Надеюсь, она не заметит, что мы ушли.

— Ты это про Амбридж? — спросил Гарри. — Она ничего не заметит. Разве ты не видел — она усадила рядом с собой всю Инспекционную дружину? Наверное, боится скандала.

— Ну, если здесь малость поскандалят, это не повредит, — сказал Хагрид. Он остановился и выглянул из-за края трибуны, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь на лужайке между ними и его хижиной. — Дайте только время…

— Что случилось, Хагрид? — сказала Гермиона, озабоченно глядя на него снизу вверх. Они уже спешили по траве к опушке Запретного леса.

— Погоди минутку, скоро увидишь, — сказал Хагрид, оглядываясь через плечо на стадион, откуда вдруг донёсся громкий рёв болельщиков. — Ого! Видать, забил кто?

— Наверное, Когтевран, — угрюмо сказал Гарри.

— Ну-ну… — рассеянно откликнулся Хагрид. — Вот и хорошо…

Он шёл быстро, озираясь на каждом шагу, и им приходилось бежать вприпрыжку, чтобы поспеть за ним. У хижины Гермиона машинально свернула налево, к двери. Однако Хагрид двинулся прямиком под сень листвы на самом краю Леса и поднял арбалет, прислонённый к стволу дерева. Заметив, что ребята отстали, он обернулся.

— Нам туда, — сказал он, кивнув косматой головой в сторону чащи.

— В Лес? — озадаченно спросила Гермиона.

— Да, — ответил Хагрид. — Пойдём скорей, покуда нас не застукали!

Гарри с Гермионой обменялись взглядом и нырнули под прикрытие деревьев вслед за Хагридом — закинув арбалет за плечо, он уже размашисто шагал вперёд в зеленоватом полумраке. Пустившись бегом, Гарри и Гермиона догнали его.

— Зачем тебе оружие, Хагрид? — спросил Гарри.

— На всякий случай, — отозвался Хагрид, пожимая массивными плечами.

— Когда ты водил нас смотреть на фестралов, ты не брал с собой арбалета, — робко сказала Гермиона.

— Тогда мы не заходили так далеко, — сказал Хагрид. — Да и потом, это было до того, как Флоренц ушёл из Лесу.

— При чём здесь Флоренц? — с любопытством спросила Гермиона.

— При том, что другие кентавры здорово на меня разозлились, вот при чём, — негромко сказал Хагрид, озираясь по сторонам. — Они и раньше-то не очень дружелюбные были, но мы с ними худо-бедно ладили. Жили они, конечно, сами по себе, но ежели мне надо было с ними словечком перемолвиться, всегда приходили. А теперь нет.

Он тяжело вздохнул.

— Флоренц сказал, они рассердились, потому что он согласился работать у Дамблдора, — объяснил Гарри. Он внимательно следил за лицом Хагрида и поэтому споткнулся о выступающий из земли корень.

— Да уж, — мрачно подтвердил Хагрид. — Рассердились — это ещё мягко сказано. Озверели, это будет вернее. Кабы я не вмешался, они б его до смерти залягали…

— Они на него напали? — потрясённо спросила

Гермиона.

— Ну да, — хрипло ответил Хагрид, проламываясь сквозь низко висящие ветви. — Полстада, не меньше, и каждый норовил его приложить…

— И ты остановил их? — Гарри был изумлён и восхищён. — В одиночку?

— Конечно. Не мог же я стоять и смотреть, как его убивают! — сказал Хагрид. — Хорошо ещё, что мимо проходил… И между прочим, Флоренц мог бы про это вспомнить и не посылать мне всякие дурацкие предупреждения! — внезапно с жаром добавил он.

Гарри и Гермиона удивлённо переглянулись, но насупившийся Хагрид не стал развивать эту тему.

— Как бы там ни было, — сказал он, дыша чуть тяжелей, чем обычно, — теперь у кентавров на меня зуб. Беда в том, что в Лесу их мнение больно много значит… они ж тут самые умные.

— Так это к ним ты нас ведёшь, Хагрид? — спросила Гермиона. — К кентаврам?

— Нет-нет, — сказал Хагрид, отрицательно качая головой, — они тут ни при чём. Ну, то есть они могут осложнить дело, это-то да… но скоро ты увидишь, в чём вся штука.

После этого загадочного обещания он умолк и

сразу опередил их. На каждый шаг Хагрида у его спутников приходилось по три, так что им стоило немалого труда не отстать совсем.

Тропинка, по которой они шли, становилась всё уже — деревья подступали к ней так близко, что дневной свет еле пробивался сквозь плотную листву. Вскоре поляна, где Хагрид показывал им фестралов, осталась далеко позади, но Гарри не беспокоился до тех пор, пока Хагрид вдруг не свернул с тропинки прямо в чащу: похоже было, что они держат путь в самое сердце Запретного леса.

— Хагрид! — сказал Гарри, с трудом пробираясь сквозь густой колючий кустарник, через который Хагрид с лёгкостью перешагнул, и очень живо вспоминая то, что случилось с ним в прошлый раз, когда он оставил тропинку в Запретном лесу. — Куда мы идём?

— Потерпи чуток, — сказал Хагрид, не оборачиваясь. — Давай, Гарри… тут бы надо держаться рядом друг с дружкой.

Держаться рядом с Хагридом было очень и очень непросто, особенно из-за веток и колючих кустов: лесничий обращал на них не больше внимания, чем на обыкновенную паутину, но Гарри и Гермиона часто запутывались в них так основательно, что им приходилось возиться по

нескольку минут, высвобождая свои мантии. Вскоре руки и ноги Гарри покрылись мелкими порезами и царапинами. Теперь они забрались в такую глушь, что Гарри различал в полумраке только огромный силуэт Хагрида, топающего впереди. Каждый звук в ватной лесной тишине казался угрожающим. Маленькие сучки ломались с громким треском, а любой едва слышный шорох в кустах, пусть даже производимый какой-нибудь безобидной пташкой, заставлял Гарри опасливо вглядываться в полутьму. Он вдруг сообразил, что никогда ещё не заходил так далеко в Лес, не встретив ни единого живого существа, и это отсутствие живности показалось ему зловещим.

— Можно мы зажжём палочки, Хагрид? — тихонько спросила Гермиона.

— Валяйте, — шепнул Хагрид. — Честно говоря…

Внезапно он остановился и обернулся. Гермиона наткнулась на него и чуть не упала. Гарри вовремя поймал её.

— Лучше постоим тут минутку, чтобы я мог… ну, растолковать вам, что к чему, — сказал Хагрид. — В смысле, пока мы ещё не дошли до места.

— Ладно! — сказала Гермиона. Они с Гарри

пробормотали *«Люмос!»*, и на концах их палочек вспыхнули огоньки. Лицо Хагрида выступило из полутьмы в свете двух дрожащих лучей, и Гарри снова поразился тому, какое оно тревожное и грустное.

— Ну вот, — сказал Хагрид. — Понимаете… вся штука в том…

Он шумно вздохнул.

— В общем, очень может быть, что не сегодня завтра я вылечу с работы, — сказал он.

Гарри и Гермиона посмотрели друг на друга, затем снова на него.

— Но тебя ведь до сих пор не выгнали, — осторожно заметила Гермиона. — Так почему ты решил…

— Амбридж считает, это я пустил нюхлера к ней в кабинет.

— А разве это не ты? — невольно вырвалось у Гарри.

— Конечно нет! — с негодованием сказал Хагрид. — Просто если где замешаны волшебные существа, она сразу думает, что без меня дело не обошлось. Вы же знаете — с тех пор как я вернулся, она только и ждёт повода, чтоб меня уволить. Я-то, понятно, уходить не хочу, но кабы не… кабы не особые обстоятельства, про которые

я вам сейчас всё растолкую, я бы лучше ушёл сам и не ждал, покуда меня выгонят на глазах у всей школы, как Трелони.

И Гарри, и Гермиона попытались было что-то возразить, но Хагрид отмахнулся от их протестов огромной ручищей.

— Всё это не конец света — я и не в школе буду помогать Дамблдору и постараюсь, чтобы Ордену от меня была какая-никакая польза… А вас возьмёт Граббли-Дёрг… так что экзамены вы сдадите… — Его голос задрожал и сорвался. — Насчёт меня не волнуйтесь, — поспешно сказал он, когда Гермиона потянулась к нему, чтобы похлопать его по руке. Выудив из жилета гигантский заляпанный носовой платок, он промокнул им глаза. — Слушайте, я б вам всего этого не рассказывал, кабы жизнь не заставила. Просто если я уйду… ну, я не могу уйти, никому не сказавшись… потому как я… мне нужна ваша помощь. И Рона тоже, если он не против.

— Конечно, мы тебе поможем, — немедленно сказал Гарри. — Что нам нужно сделать?

Хагрид громко шмыгнул носом и, не найдя слов, потрепал Гарри по плечу с такой силой, что тот еле устоял на ногах, привалившись к дереву.

— Я знал, что вы согласитесь, — пробубнил он

в платок, — но я никогда… того… не забуду… ну пошли, осталась самая малость… осторожно, тут крапива…

Они шли в молчании минут пятнадцать. Когда Гарри открыл рот, собираясь спросить, долго ли ещё идти, Хагрид выбросил вбок правую руку, показывая, что надо остановиться.

— Тут полегче… — негромко сказал он. — Тихонечко-тихонечко…

Они прокрались вперёд ещё на несколько шагов, и Гарри увидел сквозь заросли огромный гладкий курган, высотой почти с Хагрида. Он с ужасом подумал, что это наверняка логово какого-нибудь гигантского животного. Все деревья около кургана были вырваны с корнем, и он возвышался на свободной лужайке, в окружении лежащих внавалку стволов и веток. Они образовали что-то вроде изгороди или баррикады, у которой и остановились Гарри, Гермиона и Хагрид.

— Спит, — прошептал Хагрид.

Гарри понял, что слышит какой-то приглушённый ритмичный рокот, словно неподалёку и впрямь работают чьи-то гигантские лёгкие. Он покосился на Гермиону, которая не отрываясь глядела на курган. Рот у неё был слегка приот-

крыт, и она выглядела до смерти напуганной.

— Хагрид, — сказала она шёпотом, едва слышным на фоне дыхания спящего существа, — кто это?

Её вопрос показался Гарри странным. «Что это?» — вот вопрос, который он сам собирался задать.

— Ты же говорил нам, Хагрид… — сказала Гермиона, и Гарри заметил, что палочка у неё в руке дрожит. — Ты говорил, что они отказались прийти!

Гарри перевёл взгляд с неё на Хагрида и обратно. Вдруг он всё понял и, тихонько охнув от ужаса, снова посмотрел на курган.

Огромный земляной горб, на котором они с лёгкостью могли бы уместиться все втроём, мерно поднимался и опускался в такт глубокому, рокочущему дыханию. Это был вовсе не курган — это была чья-то спина!

— Ну да… он и не хотел приходить, — ответил Хагрид. В голосе его слышалось отчаяние. — Но я должен был привести его, Гермиона, должен!

— Но почему? — спросила Гермиона. Её голос звучал так, словно она готова была разреветься. — Почему… зачем… о господи, Хагрид!

— Я знал, что надо только подержать его тут, —

сказал Хагрид, тоже едва не плача, — и маленько научить, как себя вести… и тогда я смогу вытащить его на люди и доказать, что он совсем безобидный!

— Безобидный! — пронзительно воскликнула Гермиона, и Хагрид отчаянно зашикал на неё и замахал ручищами. Огромное существо на лужайке громко всхрапнуло и чуть повернулось во сне. — Так вот кто наставил тебе столько синяков! Вот откуда у тебя все эти раны!

— Он сам не знает своей силы! — убеждённо сказал Хагрид. — И он постепенно учится, он уже не так часто дерётся…

— Теперь понятно, почему ты добирался домой целых два месяца, — задумчиво произнесла Гермиона. — Ах, Хагрид, зачем ты привёл его сюда, если он не хотел? Разве ему не лучше было бы жить со своим народом?

— Они все обижали его, Гермиона, потому что он такой маленький! — сказал Хагрид.

— Маленький? — переспросила Гермиона. — Это он-то маленький?

— Я не мог его бросить, Гермиона, — сказал Хагрид, и по его покрытому синяками лицу заструились слёзы, теряясь в бороде. — Он… он мой брат!

Гермиона уставилась на него, и челюсть у неё отвисла.

— Хагрид! — медленно сказал Гарри. — Когда ты говоришь «брат», это же не значит, что…

— Ну, то есть единоутробный, — уточнил Хагрид. — Оказывается, моя мамаша связалась с другим великаном, когда ушла от папы, и у неё родился Грохх…

— Грохх? — сказал Гарри.

— Ну да… во всяком случае, примерно так он произносит своё имя, — нервно сказал Хагрид. — Он не слишком хорошо говорит по-английски… я пытался его научить… в общем, она вроде как и его любила не больше, чем меня. Понимаешь, великанши гордятся, если произведут на свет хорошего крупного малыша, а он всегда был мелковат по ихним меркам… всего-то шестнадцать футов.

— Ну да, совсем крошечный! — сказала Гермиона с ноткой истерического сарказма. — Прямотаки микроскопический!

— Они все там его шпыняли… я просто не мог его бросить…

— Мадам Максим тоже хотела привести его сюда? — спросил Гарри.

— Она… ну, она понимала, что это для меня

важно, — сказал Хагрид, ломая свои огромные руки. — Но… но потом она от него малость устала, должен признать… так что мы расстались по дороге домой… правда, она обещала никому не говорить…

— Как тебе вообще удалось притащить его сюда так, чтобы никто не видел?

— Потому это и отняло столько времени, — сказал Хагрид. — Можно было двигаться только ночью и по дикой местности, ну и всякое такое. Конечно, когда он хочет идти, так за ним только поспевай, но он то и дело норовил повернуть обратно.

— Ах, Хагрид, Хагрид, ну почему ты его не отпустил! — сказала Гермиона, усевшись на вырванное из земли дерево и пряча лицо в ладони. — Как ты теперь думаешь управиться со свирепым великаном, который даже не хочет здесь оставаться?

— Ну, свирепый — это ты, пожалуй, через край хватила, — отозвался Хагрид. Он по-прежнему возбуждённо ломал руки. — Я признаю, что он разок-другой угостил меня, когда был не в духе, но теперь он ведёт себя лучше, гораздо лучше… он стал гораздо спокойнее…

— А зачем тогда все эти верёвки? — спросил

Гарри. Лишь секунду назад он заметил, что к стволам самых больших из соседних деревьев привязаны толстенные верёвки — они тянулись туда, где спиной к ним спал Грохх.

— Тебе приходится держать его связанным? — слабым голосом спросила Гермиона.

— Ну… вообще-то да, — ответил Хагрид, беспокойно глядя на неё. — Видишь ли, какая штука… я ведь уже говорил… он и в самом деле не понимает, какой он сильный.

Теперь Гарри сообразил, с чем связано подозрительное отсутствие в этой части Леса всякого зверья.

— Ладно, так чего ты хочешь от нас с Гарри и Роном? — с опаской спросила Гермиона.

— Чтобы вы за ним присмотрели, — хрипло сказал Хагрид. — Когда меня не будет.

Гарри с Гермионой обменялись обречёнными взглядами, и Гарри стало не по себе: ведь он уже обещал Хагриду сделать всё, что тот попросит!

— И как ты себе это представляешь? — осведомилась Гермиона.

— Кормить не надо, ничего такого! — торопливо сказал Хагрид. — Он сам себе добудет чего поесть, это ему легче лёгкого. Птицы там, олени, ну и так далее… Нет, ему нужна не еда, а компа-

ния, вот и всё. Мне б только знать, что кто-то и дальше пытается ему помочь… учит его немножко, понимаете…

Ничего не ответив, Гарри снова повернулся посмотреть на чудовищную фигуру великана, спящего перед ними на лужайке. В отличие от Хагрида, который выглядел просто как очень большой человек, Грохх был сложен довольно непропорционально. То, что Гарри сначала принял за гигантский, поросший мохом валун слева от огромного земляного кургана, оказалось головой Грохха. По сравнению с телом она была гораздо крупнее, чем у людей, и почти абсолютно круглая; всю её сплошь покрывали густые курчавые волосы цвета папоротника. Над головой исполина, которая, как у дяди Вернона, словно была посажена прямо на плечи без всякого признака шеи, виднелся краешек большого мясистого уха. Спина, прикрытая чем-то вроде грязного бурого балахона, кое-как сшитого из звериных шкур, была очень широкой: видно было, как грубые швы чуть не лопаются при каждом вдохе спящего великана. Ноги Грохх подобрал под себя. Гарри видел только его колоссальные подошвы: голые и грязные, они покоились на травянистой почве одна на другой, и каждая из

них была величиной с детские салазки.

— Ты хочешь, чтобы мы его учили, — бесцветным голосом сказал Гарри. Теперь он понял, что означало предупреждение Флоренца: «Его план не работает. Лучше ему оставить свои попытки». Конечно, другие существа, живущие в Запретном лесу, должны были знать о тщетных попытках Хагрида обучить Грохха английскому.

— Ну да! Даже если вы просто будете иногда по чуть-чуть с ним беседовать… — с надеждой сказал Хагрид. — Потому как я вот чего думаю: если он научится говорить с людьми, ему станет понятней, что на самом деле мы все его любим и хотим, чтоб он остался.

Гарри посмотрел на Гермиону, а она — на него сквозь раздвинутые пальцы рук, в которые спрятала лицо.

— Как поглядишь на это, кажется, что Норберт был не так уж плох, — сказал он, и она отпустила дрожащий смешок.

— Так, стало быть, вы согласны? — спросил Хагрид, который, похоже, не расслышал последних слов Гарри.

— Ну… — промямлил Гарри, уже связанный обещанием. — Мы попробуем, Хагрид.

— Я знал, что могу на тебя положиться, Гар-

ри, — сказал Хагрид. Его мокрое лицо просияло, и он снова принялся вытирать его платком. — Я не хочу отнимать у вас слишком много времени… понимаю — у вас экзамены и всё такое… если бы вы могли выбираться сюда под мантией-невидимкой, скажем, раз в неделю, чтобы поболтать с ним немножко… Так я его разбужу — надо же вас познакомить!

— Позна… ой, нет! — вскакивая, сказала Гермиона. — Пожалуйста, Хагрид, не буди его — правда, нам ни к чему…

Но Хагрид уже перешагнул через огромный лежащий ствол и двинулся к Грохху. Подойдя к нему футов на десять, он поднял с земли длинную отломанную ветку, ободряюще улыбнулся через плечо Гарри и Гермионе, а потом сильно ткнул концом ветки в середину великаньей спины.

Грохх испустил рёв, эхом прокатившийся по безмолвному Лесу. Птицы на верхушках деревьев с щебетом вспорхнули и разлетелись. Тем временем на глазах у Гарри и Гермионы великан подымался с земли — она задрожала, когда он опёрся на неё чудовищной дланью, помогая себе встать на колени. Затем он повернул голову, чтобы разглядеть нарушителя своего покоя.

— Ну что, Грошик? — с наигранным весельем

сказал Хагрид, отступая назад и держа ветку наготове, чтобы в случае чего снова ткнуть ею Грохха. — Неплохо вздремнул, а?

Гарри и Гермиона отошли насколько могли, не выпуская гиганта из поля зрения. Грохх стал на колени между двумя деревьями, которые ещё не успел вывороти́ть. Они смотрели вверх на его невероятно огромное лицо, похожее на полную серую луну, маячащую в лесных сумерках. Казалось, будто человеческие черты нанесены на колоссальных размеров каменный шар. Нос у Грохха был короткий и бесформенный, в скошенном набок рту желтели корявые зубы, смахивающие на половинки кирпичей; глаза, маленькие для такого гиганта, были мутного зеленовато-коричневого цвета и ещё не совсем разлепились со сна. Грохх поднял замурзанный кулак с костяшками величиной с крикетный мяч и свирепо протёр их; потом, без предупреждения, вскочил на ноги с поразительной быстротой и проворством.

— Ай! — услышал Гарри позади себя панический возглас Гермионы.

Деревья, к которым были привязаны запястья и лодыжки Грохха, угрожающе заскрипели. Как и говорил Хагрид, в нём было добрых шестнадцать

футов росту. Подслеповато озираясь, Грохх протянул руку размером с пляжный зонтик, схватил с верхних веток большой сосны птичье гнездо, перевернул его и потряс с разочарованным рёвом: птицы внутри не оказалось, только яйца градом посыпались на землю, и Хагрид, защищаясь от них, прикрыл голову руками.

— Послушай, Грошик, — крикнул Хагрид, с опаской косясь вверх, чтобы в случае чего укрыться от новой бомбардировки, — я тут привёл своих друзей, хочу их с тобой познакомить. Помнишь, я тебе рассказывал? Помнишь, я говорил, что, может, отправлюсь в небольшое путешествие и попрошу их приглядеть за тобой, покуда меня не будет? Ты ведь помнишь это, Грошик?

Но Грохх лишь снова испустил низкий рёв — казалось, он то ли не слушает Хагрида, то ли вообще принимает издаваемые им звуки не за человеческую речь, а за что-то другое. Ухватившись за верхушку одной из сосен, он принялся сгибать её — очевидно, из чистого любопытства, чтобы посмотреть, далеко ли она отскочит, когда он её отпустит.

— Эй-эй, Грошик, не надо! — закричал Хагрид. — Ты и эту тоже повалишь…

И действительно, Гарри уже видел, как треска-

ется земля вокруг корней дерева.

— У меня есть для тебя компания! — крикнул Хагрид. — Компания, понял? Погляди вниз, дубина ты здоровенная, я привёл к тебе друзей!

— Не надо, Хагрид! — простонала Гермиона, но Хагрид уже снова поднял ветку и резко ткнул ею Грохха в колено.

Гигант отпустил сосну, которая угрожающе закачалась и осыпала Хагрида дождём иголок, и посмотрел вниз.

— Гляди, — сказал Хагрид, поспешно подбегая к ребятам, — это Гарри, Грошик! Гарри Поттер! Он, может, придёт навестить тебя, когда меня не будет, понял?

Великан только сейчас заметил присутствие Гарри и Гермионы. Они с трепетом ждали, пока он опустит свою валуноподобную голову и вглядится в них подслеповатыми глазками.

— А это Гермиона, видишь? Гер… — Хагрид запнулся. Повернувшись к Гермионе, он спросил: — Ты не против, если он будет звать тебя Герми, а? Твоё имя для него слишком трудное, он не запомнит…

— Да-да, конечно, — кое-как выдавила Гермиона.

— Это Герми, Грохх! Она тоже будет приходить,

и вообще! Разве это не здорово? А? Теперь у тебя двое дру… Н-н-не надо, Грошик!

Рука Грохха внезапно метнулась к Гермионе; Гарри схватил её и толкнул за дерево, так что лапа Грохха чиркнула по стволу, сомкнувшись в кулак на пустом месте.

— ТЫ ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК, ГРОШИК! — услыхали они вопль Хагрида, и Гермиона, дрожа и поскуливая от страха, прижалась за деревом к Гарри. — ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ! НЕЛЬЗЯ ХВАТА… АЙ!

Гарри высунул из-за ствола голову и обнаружил, что Хагрид лежит на спине, держась за нос. Грохх, очевидно, утративший к нему интерес, распрямился и снова занялся сосной, пытаясь согнуть её до предела.

— Ладно, — неразборчиво пробубнил Хагрид, вставая на ноги, — одной рукой он зажимал кровоточащий нос, а другой взялся за арбалет. — Хорошо… теперь всё… вы с ним познакомились… теперь он узнает вас, когда вы придёте его навестить. Да… хорошо…

Он поднял глаза на Грохха, который сгибал сосну с выражением отрешённого удовольствия на своём лице-булыжнике; слышно было, как трещат выдираемые из земли корни.

— Ну, по-моему, на сегодня достаточно, — ска-

зал Хагрид. — Пожалуй что... э-э... пойдём-ка мы обратно, а?

Гарри с Гермионой кивнули. Хагрид опять закинул арбалет на плечо и, всё ещё зажимая нос, первым двинулся в чащу.

Некоторое время все молчали; никто не подал голоса даже тогда, когда их настиг отдалённый треск, означающий, что Грохх наконец повалил сосну. Лицо у Гермионы было бледное и сосредоточенное. В голове у Гарри царило смятение. Что случится, если кто-нибудь всё же узнает, что Хагрид прячет Грохха в Запретном лесу? А он-то по глупости обещал, что они втроём, с Роном и Гермионой, будут продолжать абсолютно бессмысленные попытки Хагрида цивилизовать этого гиганта! Как Хагрид, при всей его феноменальной способности видеть в клыкастых монстрах безобидных милашек, умудрился внушить себе, что Грохха можно приучить жить с людьми?

— Стоп, — внезапно сказал Хагрид, когда Гарри и Гермиона продирались сквозь густые заросли спорыша. Вытащив из колчана у себя за плечом стрелу, он сунул её в арбалет. Гарри с Гермионой подняли палочки — теперь, стоя на месте, они тоже услышали, как совсем рядом кто-то шеле-

стит ветками.

— Вот незадача, — тихо сказал Хагрид.

— Хагрид! — раздался звучный мужской голос. — Кажется, мы предупреждали тебя, чтобы ты больше сюда не приходил?

Несколько секунд они смотрели, как в пятнистых зеленоватых сумерках к ним плывёт обнажённый мужской торс; затем иллюзия развеялась, и они увидели, что этот торс прочно покоится на теле гнедого коня. У кентавра было надменное широкоскулое лицо и длинные чёрные волосы. Подобно Хагриду он был вооружён: за его спиной висели большой лук и полный колчан стрел.

— Как дела, Магориан? — осторожно спросил Хагрид.

В гуще деревьев позади кентавра послышался шорох, и вслед за ним появились ещё четверо или пятеро его собратьев. Гарри заметил среди них бородатого Бейна, которого встретил почти четыре года назад в ту самую ночь, когда познакомился с Флоренцем. Если Бейн и узнал Гарри, то не подал виду.

— Итак, — сказал он с нехорошей интонацией в голосе, сразу же поворачиваясь к Магориану, — по-моему, мы договорились, что нам следует

сделать, если в нашем Лесу ещё когда-нибудь объявится этот человек?

— Стало быть, я для вас уже «этот человек», да? — кисло спросил Хагрид. — Только потому, что не дал вам совершить убийство?

— Не надо было тебе вмешиваться, Хагрид, — сказал Магориан. — У нас своя жизнь и свои законы, не такие, как ваши. Флоренц предал и обесчестил нас.

— Не понимаю, с чего вы это взяли, — нетерпеливо сказал Хагрид. — Он всего только помог Альбусу Дамблдору…

— Флоренц сделался рабом людей, — сказал серый кентавр с грубым, изрезанным морщинами лицом.

— Рабом! — язвительно повторил Хагрид. — Да он оказал Дамблдору честь, вот и…

— Он торгует нашим знанием и тайнами — выдаёт их людям, — спокойно сказал Магориан. — Такое унижение нельзя стерпеть.

— Дело ваше, — откликнулся Хагрид, пожимая плечами, — хотя мне лично сдаётся, что вы делаете большую ошибку…

— Как ты, человек, — сказал Бейн, — осмелился вернуться в наш Лес после того, как мы тебя предупредили?

— Вот что, послушайте-ка меня, — сердито сказал Хагрид. — Я предпочёл бы поменьше слышать про «наш» Лес, если не возражаете. Не вам решать, кому сюда приходить, а кому уходить…

— Но и не тебе, Хагрид, — живо ответил Магориан. — Сегодня я позволю тебе пройти, поскольку тебя сопровождают твои молодые…

— Они вовсе не его! — презрительно бросил Бейн. — Это ученики той школы, Магориан! Возможно, они уже кое-что извлекли из уроков негодяя Флоренца.

— Тем не менее, — холодно сказал Магориан, — убийство жеребят — тягчайшее из преступлений, и невиновных мы не трогаем. Сегодня, Хагрид, иди с миром. Но в дальнейшем держись от этих мест подальше. Ты предал дружбу кентавров, когда помог изменнику Флоренцу уйти от расплаты.

— Я не собираюсь держаться подальше от Леса из-за стада упрямых мулов вроде вас! — выпалил Хагрид.

— Хагрид, — сказала Гермиона высоким испуганным голосом, увидев, что Бейн и серый кентавр роют землю копытами. — Хагрид, пойдём! Пожалуйста!

Лесничий двинулся вперёд, но его арбалет был

по-прежнему поднят, а взгляд по-прежнему угрожающе прикован к Магориану.

— Мы знаем, что ты прячешь в Лесу, Хагрид! — крикнул им вслед Магориан, когда кентавры уже почти скрылись из виду. — И наше терпение не бесконечно!

Хагрид повернулся — казалось, он еле сдерживает себя, чтобы не кинуться обратно к Магориану.

— Придётся вам потерпеть, пока он здесь, — он имеет на этот Лес не меньше прав, чем вы! — завопил он в ответ.

Гарри с Гермионой, вцепившись в кротовый жилет Хагрида, изо всех сил пытались удержать лесничего на месте. Всё ещё хмурясь, он посмотрел вниз, и гнев на его лице сменился лёгким удивлением: похоже, он и не заметил их отчаянных стараний.

— Успокойтесь, ребята, — сказал он, поворачиваясь, чтобы идти дальше, и они, тяжело дыша, побрели за ним. — Вот ведь упрямые мулы, верно?

— Хагрид, — с трудом выговорила Гермиона, обходя густые заросли крапивы, которые им уже пришлось штурмовать на пути сюда, — если кентавры не хотят, чтобы в Лесу появлялись люди,

непонятно, как мы с Гарри сможем…

— Ты же слышала, что они сказали, — беззаботно отозвался Хагрид. — Они не трогают жеребят… то есть детей. Да и вообще, станем мы их слушаться!

— Не горюй, — шепнул Гарри удручённой Гермионе.

Наконец они снова выбрались на тропинку, и ещё минут через десять заросли стали редеть, между деревьями заголубели просветы, а вдали снова послышались возбуждённые крики и скандирование болельщиков.

— Что, ещё один гол? — спросил Хагрид, останавливаясь под прикрытием деревьев, когда в поле зрения показался школьный стадион. — Или это матч кончился, как по-вашему?

— Не знаю, — несчастным голосом сказала Гермиона. Гарри заметил, что вид у неё довольно жалкий: в волосы набились прутики и листочки, мантия порвана в нескольких местах, а лицо и руки испещрены царапинами. Он понял, что и сам выглядит немногим лучше.

— А по-моему, кончился! — сказал Хагрид. Он всё ещё смотрел в сторону стадиона. — Видите — народ уже выходит… Если вы поспешите, можете смешаться с толпой, и никто не узнает, что вас

там не было!

— Отличная идея, — сказал Гарри. — Ну… тогда пока, Хагрид.

— Я ему не верю, — сказала Гермиона, когда они отошли от Хагрида и он больше не мог их слышать. Голос ещё плохо повиновался ей. — Я ему не верю. Правда, не верю!

— Успокойся, — сказал Гарри.

— Успокойся! — горячо воскликнула она. — Великан! Великан в Лесу! И мы подрядились давать ему уроки английского! Это, разумеется, при условии, что нам удастся миновать стадо кровожадных кентавров на пути туда и обратно! Я ему не верю!

— Пока нам ничего делать не надо! — попытался успокоить её Гарри. Он говорил тихо, поскольку они только что присоединились к компании оживлённо болтающих пуффендуйцев, которые направлялись обратно в замок. — Он не просил нас помогать до тех пор, пока его не выгонят. Может, этого и вовсе никогда не случится!

— Ох, Гарри, перестань, — сердито сказала Гермиона и остановилась как вкопанная. Тем, кто шёл за ней, пришлось свернуть, чтобы избежать столкновения. — Его обязательно выгонят, и после всего, что мы сегодня видели, у кого повер-

нётся язык упрекнуть Амбридж?

Наступила пауза. Гарри с укором глядел на Гермиону, а её глаза медленно наполнялись слезами.

— Ты так не думаешь, — тихо сказал Гарри.

— Ну… нет… наверное… нет, конечно, — сказала она, сердито вытирая глаза. — Но зачем ему так усложнять жизнь себе… и нам заодно?

— Не знаю…

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами стеной
Так всегда и стой…

— Как им не надоест петь эту дурацкую песню? — убитым голосом спросила Гермиона. — Мало они над ним издевались?

По зелёному склону к замку поднималась огромная толпа учеников, возвращающихся с матча.

— Пойдём поскорее, чтобы обогнать слизеринцев, — сказала Гермиона.

Квоффла Рональд не пропустит
И победы не упустит,
Вратарём наш Рон родился,

Гриффиндору пригодился.

— Гермиона… — неуверенно произнёс Гарри.

Песня звучала всё громче, но она исходила не от скопища слизеринцев, одетых в зелёное с серебром, а от красно-золотой массы, медленно движущейся к замку и несущей на своих многочисленных плечах чью-то одинокую фигуру.

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами стеной
Так всегда и стой…

— Не может быть… — тихо ахнула Гермона.

— Может! — громко сказал Гарри.

— Гарри! Гермиона! — завопил Рон, махая серебряным Кубком. Он был вне себя от счастья. — Он наш! МЫ ПОБЕДИЛИ!

Они расплылись в улыбках, провожая его взглядом. У дверей замка образовалась пробка и Рона как следует приложили головой о притолоку, но никто, похоже, не собирался ставить его на ноги. Продолжая петь, болельщики протиснулись в вестибюль и исчезли из виду. Сияя, Гарри и Гермиона смотрели им вслед, пока не затихло последнее эхо от их куплетов. Потом они повер-

нулись друг к дружке, и улыбки сошли с их лиц.

— Прибережём наши новости до завтра, ладно? — сказал Гарри.

— Хорошо, — устало согласилась Гермиона. — Я никуда не спешу.

Они взошли по лестнице вместе. У парадных дверей оба невольно обернулись и посмотрели на Запретный лес. Может быть, Гарри это только померещилось, но далеко-далеко над верхушками деревьев как будто поднялась в воздух маленькая стайка птиц — словно дерево, на котором они гнездились, кто-то с корнем вырвал из земли.

Глава 31
СОВ

Рон был так рад, что сумел помочь Гриффиндору выцарапать Кубок по квиддичу, что на следующий день не мог ни на чём сосредоточиться. Он снова и снова принимался обсуждать матч, и Гарри с Гермионой никак не удавалось улучить момент, чтобы заговорить о Гроххе. Правда, они не слишком старались начать этот разговор: ни Гарри, ни Гермионе не хотелось возвращать Рона с небес на землю таким жестоким образом. Поскольку день опять выдался ясный и тёплый, они убедили Рона заняться подготовкой к экзаменам под буком на берегу озера: там было меньше посторонних ушей, чем в гриффиндорской гостиной. Сначала Рон не пришёл в восторг от этой идеи — ему гораздо больше нравилось сидеть в башне, где его то и дело дружески хлопали по плечу, а порой и снова затягивали «Уизли — наш король», — однако через некоторое время согласился, что ему тоже полезно подышать свежим воздухом.

Они разложили учебники в тени бука и уселись

сами, в двадцатый раз слушая рассказ Рона о том, как вчера он взял свой первый мяч.

— Ну, то есть я ведь пропустил мяч от Дэвиса, так что полной уверенности в себе не было, но, не знаю уж почему, когда Брэдли полетел на меня — он и взялся-то неизвестно откуда, — я вдруг подумал: «Ты сможешь!» И у меня осталось не больше секунды, чтобы выбрать, куда кинуться, — понимаете, он вроде как метил в правое кольцо, ну, в смысле, для меня правое, а для него-то левое, — но мне будто внутренний голос подсказал, что он финтит, и я решил рискнуть и бросился влево — стало быть, от него вправо, — и… ну, вы видели, чем это кончилось, — скромно заключил он, без всякой необходимости взлохмачивая себе волосы и оглядываясь, чтобы убедиться, что ближайшие их соседи — кучка сплетничающих между собой третьекурсников с Пуффендуя — услышали его слова. — А минут через пять гляжу — на меня летит Чемберс… Что? — Рон оборвал себя на середине фразы, увидев выражение лица Гарри. — Чего ты ухмыляешься?

— Ничего, — быстро ответил Гарри и уткнулся носом в конспект по трансфигурации, пытаясь стереть с лица улыбку. Правда же заключалась в том, что секунду назад Рон очень ярко напом-

нил Гарри другого игрока в квиддич, который когда-то ерошил себе волосы под этим же самым деревом. — Просто радуюсь, что мы победили, вот и всё.

— Да, — медленно сказал Рон, наслаждаясь звучанием этих слов, — *мы победили.* Ты заметил, какое лицо было у Чанг, когда Джинни схватила снитч прямо у неё под носом?

— Она, наверно, расплакалась, — горько сказал Гарри.

— Ага… правда, скорей от досады, чем от чего-нибудь ещё… — Рон слегка нахмурился. — Но ты хоть видел, как она отшвырнула метлу, когда приземлилась?

— Ну… э-э… — протянул Гарри.

— Честно говоря… нет, Рон, — сказала Гермиона с тяжёлым вздохом, откладывая книжку и устремляя на него извиняющийся взгляд. — Ты уж нас прости, но всё, что мы с Гарри видели вчера на стадионе, — это первый гол Дэвиса.

Живописно растрёпанные волосы Рона, казалось, поникли от разочарования.

— Вы не смотрели матч? — тихо сказал он, растерянно глядя на них. — Вы не видели ни одного моего броска?

— Ну… нет, — сказала Гермиона, примиритель-

но дотрагиваясь до его руки. — Но мы не хотели уходить со стадиона, Рон, — нам пришлось это сделать!

— Да ну? — спросил Рон. Его лицо угрожающе покраснело. — Это зачем же?

— Из-за Хагрида, — сказал Гарри. — Теперь мы знаем, почему он вечно ходит в синяках с тех пор, как вернулся от великанов. Он позвал нас с собой в Лес, и мы не могли отказать — он так уговаривал… В общем, слушай…

Весь рассказ занял у него пять минут, по прошествии которых негодование на лице Рона уступило место глубокому недоверию.

— Он привёл одного из них с собой и спрятал в Лесу?

— Ага, — мрачно подтвердил Гарри.

— Да нет, — сказал Рон, словно, отрицая происшедшее, мог его изменить. — Нет, не может быть!

— И всё-таки он это сделал, — твёрдо сказала Гермиона. — Грохх примерно шестнадцати футов ростом, любит выдирать с корнем двадцатифутовые сосны и знает меня, — она хмыкнула, — под именем Герми.

У Рона вырвался нервный смешок.

— И Хагрид хочет, чтобы мы…

— Научили его английскому, — закончил за него Гарри.

— Он сошёл с ума, — сказал Рон почти благоговейным тоном.

— Да, — раздражённо подтвердила Гермиона, перевернув страницу «Ступенчатой трансфигурации» и хмуро разглядывая ряд диаграмм, иллюстрирующих превращение совы в театральный бинокль. — Я тоже начинаю так думать. Но, к несчастью, мы с Гарри обещали ему помочь.

— Что ж, придётся вам нарушить своё обещание, только и всего, — твёрдо заявил Рон. — То есть я хочу сказать… у нас же экзамены на носу, и шансов, что мы не вылетим из школы, примерно вот столько. — Он сблизил большой и указательный пальцы, оставив между ними лишь узкую щёлочку. — Да и вообще… помните Норберта? И Арагога? Мы хоть раз что-нибудь выиграли от знакомства с чудищами из числа Хагридовых приятелей?

— Ты прав, но вся беда в том, что… мы обещали, — жалким голосом сказала Гермиона.

Рон пригладил растрёпанные волосы. Казалось, он серьёзно задумался.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Хагрида ведь ещё не выгнали. А если уж он продержался так

долго, может, продержится и до конца семестра, и тогда нам не придётся даже близко подходить к Грохху.

* * *

Окрестности замка сияли на солнце, как чисто вымытые; безоблачное небо улыбалось своему собственному отражению в искрящейся глади озера; по шёлковым зелёным лужайкам изредка пробегала рябь от лёгкого ветерка. Наступил июнь, но для пятикурсников это означало одно: экзамены наконец придвинулись к ним вплотную.

Им больше не задавали ничего на дом; все уроки были посвящены повторению вопросов, которые, по мнению преподавателей, почти наверняка должны были встретиться им на экзаменах. В атмосфере лихорадочной, сосредоточенной подготовки Гарри забыл почти обо всём на свете, кроме СОВ, хотя порой, особенно на уроках зельеварения, гадал, удалось ли Люпину поговорить со Снеггом насчёт продолжения занятий по окклюменции. Если и удалось, то Снегг, видимо, проигнорировал Люпина так же, как теперь игнорировал Гарри. Впрочем, Гарри это вполне устраивало: у него хватало забот и вол-

нений и без дополнительных уроков со Снеггом, да и Гермиона, к его облегчению, была в эти дни слишком занята для того, чтобы ругать его за пренебрежение советами Дамблдора; она ходила, постоянно бормоча что-то себе под нос, и вот уже который вечер не оставляла по углам одежду для эльфов.

Гермиона была не единственной, кто в преддверии СОВ начал вести себя странно. У Эрни Макмиллана появилась дурная привычка расспрашивать всех подряд о том, как они готовятся к экзаменам.

— Сколько часов в день у вас уходит на подготовку? — с маниакальным блеском в глазах спросил он у Гарри и Рона, когда они вместе шли на травологию.

— Не знаю, — сказал Рон. — Несколько.

— Больше восьми или меньше?

— Меньше, наверно, — ответил Рон, слегка встревоженный.

— У меня восемь, — выпятив грудь, сказал Эрни. — А то и все девять. Я ещё по часу до завтрака каждый день выкраиваю. Восемь — это у меня средняя цифра. В удачный выходной могу и до десяти дотянуть. В понедельник у меня получилось девять с половиной. Во вторник не так

хорошо — всего семь с четвертью. Зато в среду…

Гарри был очень благодарен профессору Стебль за то, что в этот момент она пригласила их в оранжерею и Эрни пришлось замолчать.

Тем временем Драко Малфой нашёл новый способ сеять панику.

— Разумеется, важно не то, сколько вы знаете, — громко поучал он Крэбба и Гойла перед уроком зельеварения за несколько дней до начала экзаменов. — Важно, кого вы знаете. Отец уже много лет на короткой ноге со старухой Гризельдой Марчбэнкс, председательницей Волшебной экзаменационной комиссии, — она и на званых ужинах у нас бывала, и вообще…

— Как по-вашему, это правда? — тревожно прошептала Гермиона Гарри и Рону.

— Если и так, мы всё равно ничего не можем поделать, — угрюмо ответил Рон.

— Не думаю, что это правда, — спокойно произнёс за их спинами Невилл Долгопупс. — Дело в том, что Гризельда Марчбэнкс дружит с моей бабушкой, и она никогда не упоминала о Малфоях.

— А какая она, Невилл? — тут же спросила Гермиона. — Строгая?

— Честно говоря, у них с бабушкой много общего, — подавленно признался Невилл.

— Ну, такое знакомство тебе уж во всяком случае не повредит, — ободряюще заметил Рон.

— Вряд ли от этого будет хоть какой-то прок, — ещё более уныло сказал Невилл. — Бабушка всё время твердит ей, что мне далеко до отца… да вы и сами видели, какая она, в больнице святого Мунго…

Невилл мрачно уставился в пол. Гарри, Рон и Гермиона обменялись взглядами, но не придумали, что ему ответить. В первый раз Невилл упомянул о своей встрече с ними в волшебной больнице.

Тем временем торговля из-под полы различными средствами, способствующими повышению концентрации, живости ума и внимательности, которая и раньше процветала среди пяти- и семикурсников, достигла своего апогея. Гарри и Рон сразу же соблазнились бутылью эликсира Баруффио для интеллектуального роста — её предложил им шестикурсник с Когтеврана Эдди Кармайкл. Он уверял, что в прошлом году получил на СОВ «превосходно» по девяти предметам лишь благодаря эликсиру, и готов был расстаться с целой пинтой по смехотворной цене в двенадцать галеонов. Рон пообещал Гарри, что расплатится с ним за свою половину, как только

закончит Хогвартс и выйдет на работу, но прежде чем они ударили по рукам, Гермиона отняла у Кармайкла бутылку и вылила её содержимое в унитаз.

— Гермиона! Мы же хотели это купить! — завопил Рон.

— Не будьте идиотами, — огрызнулась она. — Вы бы ещё купили у Гарольда Дингла порошок из когтя дракона! И хватит об этом!

— У Дингла есть порошок из когтя дракона? — жадно спросил Рон.

— Уже нет, — ответила Гермиона. — Его я тоже конфисковала. Все эти штучки — чистое надувательство, понятно?

— Только не коготь дракона! — воскликнул Рон. — Это классная вещь, она так прочищает мозги, что ты потом несколько часов ходишь умный-преумный… Гермиона, дай мне щепоточку этого порошка, пожалуйста, он же не повредит…

— Может и повредить, — сдержанно откликнулась Гермиона. — Я его рассмотрела. На самом деле это сушёный помёт докси.

После этого сообщения у Гарри с Роном пропала охота гоняться за мозговыми стимуляторами.

На следующем уроке трансфигурации они получили расписание экзаменов и ознакомились с

правилами их проведения.

— Как видите, — сказала профессор МакГонагалл, когда ученики переписали с доски даты и время всех экзаменов, — вы будете сдавать СОВ в течение двух недель. Утренние часы отведены под письменные работы, послеобеденные — под проверку практических навыков. Практический экзамен по астрономии, разумеется, будет проходить ночью. Далее, я должна предупредить вас, что на ваши экзаменационные принадлежности наложены исключительно жёсткие Антиобманные заклятия. Использование напоминалок, а также самоотвечающих перьев, накладных манжет-шпаргалок и самоправящихся чернил запрещено. К сожалению, практически ежегодно в школе находится, как минимум, один ученик, считающий, что ему по силам обвести Волшебную экзаменационную комиссию вокруг пальца. Могу только выразить надежду, что среди гриффиндорцев таковых не окажется. Наш новый… директор, — МакГонагалл произнесла это слово с тем же выражением, какое появлялось на лице тёти Петуньи во время уборки квартиры, когда она сталкивалась с особенно упрямым пятном на ковре, — попросила деканов факультетов предупредить своих учеников, что мошенничество

будет караться строжайшим образом — поскольку, как вы сами понимаете, ваши результаты могут бросить тень на новые порядки, установленные директором…

Профессор МакГонагалл едва заметно вздохнула. Гарри увидел, как затрепетали крылья её точёного носа.

— Тем не менее, у вас нет причин не показать всё, на что вы способны. Вам необходимо думать о будущем.

— Можно спросить, профессор? — подняла руку Гермиона. — Когда станут известны наши результаты?

— В июле каждому из вас отправят сову с оценками, — сказала МакГонагалл.

— Прекрасно, — отчётливым шёпотом произнёс Дин Томас. — Значит, до каникул можно не трепать себе нервы.

Гарри представил, как через полтора месяца будет сидеть на Тисовой улице, дожидаясь своих оценок по СОВ. Что ж, подумал он, по крайней мере, одно письмо этим летом ему обеспечено.

Их первый экзамен, по теории заклинаний, был назначен на утро понедельника. В воскресенье после обеда Гарри согласился проверить Гермиону, но почти сразу же пожалел об этом: она

страшно волновалась и то и дело выхватывала у него учебник, чтобы посмотреть, не допустила ли она в ответе каких-нибудь мелких ошибок. В конце концов Гарри сильно досталось по носу острым краем «Успехов заклинательных наук».

— Займись-ка ты этим сама, — твёрдо сказал он, возвращая ей книгу и вытирая заслезившиеся глаза.

Тем временем Рон, заткнув уши пальцами и беззвучно двигая губами, читал конспекты по заклинаниям за два года, Симус Финниган, лёжа навзничь, повторял определение независимого заклинания, а Дин проверял его по «Общей теории заклинаний» для пятого курса. Парвати с Лавандой отрабатывали основные Заклинания движения, заставляя свои пеналы носиться наперегонки вдоль края стола.

За ужином накануне экзамена царила атмосфера лёгкой подавленности. Гарри и Рон почти не говорили, но ели с аппетитом, проголодавшись за целый день занятий. Однако Гермиона то и дело откладывала нож с вилкой и ныряла под стол, чтобы выудить из сумки книгу и проверить какой-нибудь факт или цифру. Рон уже собирался сказать ей, что надо нормально поесть, иначе она не заснёт, как вдруг вилка выскользнула из её

ослабевших пальцев и с громким звоном упала в тарелку.

— Держите меня, — пробормотала она, глядя в вестибюль. — Неужто это они? Экзаменаторы?

Гарри и Рон мгновенно повернулись на скамье и уставились в открытую дверь. В вестибюле стояла Амбридж, а рядом с ней — группа очень древних на вид магов и волшебниц. Гарри с удовольствием отметил, что Амбридж явно нервничает.

— Может, посмотрим поближе? — предложил Рон.

Гарри и Гермиона кивнули, и трое друзей поспешили к распахнутым дверям. Переступив порог, они замедлили шаг и чинно прошествовали мимо экзаменаторов. Гарри подумал, что крошечная сутулая ведунья с морщинистым, словно затянутым паутиной лицом и есть профессор Марчбэнкс; Амбридж обращалась к ней с большим почтением. Видимо, профессор Марчбэнкс была глуховата: она отвечала Амбридж очень громко, хотя их разделяло не больше двух шагов.

— Прекрасно, прекрасно добрались, мы приезжаем сюда уже далеко не в первый раз! — нетерпеливо сказала она. — Кстати, что-то я давненько

не получала вестей от Дамблдора! — добавила она, оглядывая зал, точно надеялась, что бывший директор вот-вот появится из чулана для мётел. — Где он сейчас, не знаете?

— Не имею понятия, — ответила Амбридж, бросая злобный взгляд на Гарри, Рона и Гермиону, которые застряли у подножия лестницы: Рон притворился, что завязывает распустившийся шнурок. — Но осмелюсь предположить, что Министерство магии вскоре его отыщет.

— Вряд ли! — гаркнула крошечная Марчбэнкс. — Разве только Дамблдор сам захочет, чтобы его отыскали! Уж я-то знаю… сама принимала у него ЖАБА по трансфигурации и заклинаниям… Что он вытворял своей палочкой — я такого в жизни не видела!

— М-м… да… — промямлила Амбридж. Гарри с Роном и Гермионой поднимались по мраморным ступеням, еле волоча ноги. — Позвольте проводить вас в учительскую. Вы ведь не откажетесь от чашечки чаю после такого путешествия?

Остаток вечера прошёл довольно уныло. Все пытались что-то повторить в последнюю минуту, но проку от этого было немного. Гарри улёгся в постель пораньше, но лежал без сна, как ему показалось, не один час. Он вспоминал консультацию

по выбору профессии и заявление разгневанной МакГонагалл о том, что она поможет ему стать мракоборцем, чего бы ей это ни стоило. Теперь, перед самыми экзаменами, он жалел, что не выразил более скромных намерений. Он понимал, что не ему одному нынче не спится, но никто из его товарищей не подавал голоса и наконец мало-помалу все заснули.

Наутро, за завтраком, пятикурсники по-прежнему почти не разговаривали между собой. Парвати бормотала себе под нос заклинания, и солонка перед ней судорожно подёргивалась. Гермиона перечитывала «Успехи заклинательных наук» с такой скоростью, что взгляд её казался расплывшимся, а Невилл каждые полминуты ронял нож или вилку и опрокидывал вазочку с мармеладом.

Когда завтрак кончился, пяти- и семикурсники остались слоняться в вестибюле, а прочие ученики разошлись по аудиториям. Затем, в половине десятого, оставшихся начали класс за классом приглашать обратно в Большой зал, который стал в точности таким же, каким Гарри видел его в Омуте памяти, когда СОВ сдавали его отец, Сириус и Снегг: четыре факультетских стола убрали, заменив их множеством парт, обращённых к концу

Зала, где находился стол для преподавателей. За ним стояла профессор МакГонагалл. Когда все расселись по местам и успокоились, она сказала: «Итак, начали» — и перевернула огромные песочные часы. Рядом с ними были разложены и расставлены запасные перья, баночки с чернилами и свитки пергамента.

Гарри с гулко бьющимся сердцем взял свой билет — Гермиона, сидевшая на три ряда правее его и на четыре парты ближе к преподавателям, уже строчила как сумасшедшая — и прочёл первый вопрос:

а) приведите магическую формулу и
б) опишите движения палочки, с помощью которых можно заставить предметы летать.

У Гарри в голове мелькнула смутная картина: дубинка, парящая высоко в воздухе и с треском обрушивающаяся на толстый череп тролля… Слабо улыбаясь, он склонился над пергаментом и начал писать.

* * *

— Ну что, всё не так уж плохо, а? — беспокойно

спросила Гермиона два часа спустя в вестибюле, всё ещё сжимая в руке свой экзаменационный билет. — Правда, я не уверена, что отдала должное Веселящим заклинаниям, — у меня просто времени не хватило… Вы упомянули про заклинание, снимающее икоту? Я побоялась, что это будет уже чересчур… а на вопрос двадцать третий…

— Гермиона, — твёрдо сказал Рон, — что было, то прошло. Давай не будем отвечать на все вопросы по второму разу — лично мне вполне хватило и одного.

Пятикурсники пообедали вместе со всеми остальными (на время обеда факультетские столы вернули в Большой зал), а потом перешли в небольшую комнатку рядом с Большим залом, откуда их должны были пригласить на устный экзамен. Вскоре их начали вызывать маленькими группами в алфавитном порядке; те, кто дожидался своей очереди, вполголоса бормотали заклинания и отрабатывали движения палочкой, время от времени нечаянно угощая соседей тычком в глаз или в спину.

Прозвучало имя Гермионы. Трепеща, она покинула комнату вместе с Энтони Голдстейном, Грегори Гойлом и Дафной Гринглосс. Прошедшие экзамен не возвращались обратно, так что Гарри

и Рон не знали, как проявила себя Гермиона.

— Да нечего за неё волноваться. Помнишь тест по заклинаниям, когда она набрала сто двенадцать процентов? — сказал Рон.

Через десять минут профессор Флитвик выкликнул:

— Паркинсон, Пэнси! Патил, Падма! Патил, Парвати! Поттер, Гарри!

— Ни пуха ни пера, — тихо сказал Рон.

Гарри прошёл в Большой зал, крепко, до дрожи сжимая в руке палочку.

— Профессор Тофти свободен, Поттер, — проскрипел Флитвик, стоящий сразу за дверью. Он показал Гарри на маленький столик в дальнем углу, за которым сидел, наверное, самый древний и самый лысый из всех экзаменаторов. Неподалёку от него Гарри увидел профессора Марчбэнкс — она принимала экзамен у Драко Малфоя.

— Так, значит, вы и есть Поттер? — спросил профессор Тофти. Он сверился с ведомостью и поглядел на приближающегося к нему Гарри поверх пенсне. — Тот самый знаменитый Поттер?

Краешком глаза Гарри отчётливо увидел, как Малфой бросил на него испепеляющий взгляд. Стакан, который он поднял в воздух Заклинанием левитации, упал на пол и разлетелся вдребезги.

Гарри не смог подавить усмешку. Профессор Тофти ободряюще улыбнулся ему в ответ.

— Ну хорошо, — сказал он дребезжащим старческим голоском, — не надо нервничать. А теперь будьте так добры, возьмите эту подставку для яйца и заставьте её перекувырнуться несколько раз.

В целом Гарри, как ему показалось, выступил весьма неплохо. Заклинание левитации удалось ему определённо лучше, чем Малфою. Правда, он перепутал магические формулы роста и перемены цвета, так что крыса, которую ему велели сделать оранжевой, раздулась до размеров барсука. Хотя Гарри сам исправил свою ошибку, он порадовался тому, что рядом не было Гермионы, и после экзамена не стал сообщать ей об этом инциденте. Впрочем, он рассказал о нём Рону — сам Рон умудрился превратить тарелку в большой гриб и понятия не имел о том, как это у него получилось.

Вечером отдыхать было некогда: после ужина они сразу отправились в свою гостиную и взялись за подготовку к завтрашнему экзамену по трансфигурации. Когда Гарри наконец добрался до постели, голова у него шла кругом от сложных магических теорий и диаграмм.

Утром, на письменном экзамене, он позабыл определение Заговора обмена, но после обеда, пожалуй, отыгрался на устном. Во всяком случае, он сумел заставить свою игуану исчезнуть полностью, тогда как несчастная Ханна Эббот у соседнего стола совсем потеряла голову и умудрилась превратить своего хорька в целую стаю фламинго — в результате экзамен прервали на десять минут, чтобы изловить всех птиц и вынести их из Зала.

В среду они сдали экзамен по травологии (если не считать лёгкого укуса зубастой герани, для Гарри всё прошло сравнительно хорошо), а на четверг был назначен экзамен по защите от Тёмных искусств. Здесь Гарри в первый раз почувствовал, что ему не в чем себя упрекнуть. Он без труда ответил на все письменные вопросы, а на устном экзамене с особенным удовольствием применял все требуемые Щитовые чары на глазах у Амбридж, которая холодно наблюдала за ним от дверей.

— Браво, браво! — воскликнул профессор Тофти (в этот раз он снова экзаменовал Гарри), когда Гарри по его просьбе эффектно расправился с боггартом. — Великолепно! Что ж, полагаю, это всё, Поттер… если только… — Он чуть подался

вперёд. — Я слышал от своего близкого друга Тиберия Огдена, что вы можете вызвать Патронуса… Не угодно ли продемонстрировать? Конечно, за дополнительные баллы…

Гарри поднял палочку, взглянул прямо на Амбридж и представил себе, что её увольняют.

— *Экспекто патронум!*

Из его палочки вырвался серебряный олень и проскакал по залу из конца в конец. Все экзаменаторы проводили его глазами, а когда он обратился в серебристую дымку, профессор Тофти восторженно зааплодировал своими жилистыми, узловатыми ручками.

— Прекрасно! — сказал он. — Очень хорошо, Поттер, можете идти!

У дверей, проходя мимо Амбридж, Гарри встретился с ней взглядом. В уголках её широкого лягушачьего рта играла мерзкая усмешка, но Гарри это не задело. Если он хоть что-нибудь в чём-нибудь понимал (впрочем, на всякий случай он не собирался трезвонить о своём успехе), ему только что поставили «превосходно».

В пятницу у Гарри с Роном был выходной, а Гермиона сдавала древние руны. Поскольку впереди был ещё целый уикенд, друзья решили отдохнуть от подготовки. Растянувшись и позёвывая у

распахнутого окна, из которого веял тёплый летний ветерок, они играли в волшебные шахматы. Вдалеке, на опушке Леса, маячил Хагрид — он проводил урок у младшекурсников. Гарри попытался угадать, каких существ они изучают, и решил, что единорогов, поскольку ребята стояли, слегка расступившись. Тут проём за портретом раскрылся, и в комнату шагнула Гермиона. Она была сильно не в духе.

— Как твои руны? — спросил Рон, зевая и потягиваясь.

— Я неправильно перевела «эхваз», — свирепо сказала Гермиона. — Это значит «товарищество», а не «защита». Я перепутала его с «эйхваз».

— Да ладно тебе, — лениво сказал Рон. — Это же только одна ошибка. Ты всё равно получишь свою…

— Умолкни! — огрызнулась Гермиона. — Иногда от одной ошибки зависит судьба всего экзамена. И вдобавок, кто-то снова подсунул к Амбридж в кабинет нюхлера. Не пойму, как они умудрились справиться с новой дверью, но я только что проходила мимо и слышала, как она там орёт, — можно было подумать, что он пытается откусить кусочек от её ноги…

— Здорово, — хором сказали Гарри и Рон.

— Вовсе это не здорово! — горячо воскликнула Гермиона. — Вы что, забыли? Она считает, что это проделки Хагрида! А если она его выгонит, мы с вами наплачемся!

— У него сейчас урок. Она не сможет его обвинить, — сказал Гарри, махнув в сторону окна.

— Иногда меня поражает твоя наивность, Гарри. Ты правда думаешь, что ей нужны доказательства? — Гермиона явно не собиралась успокаиваться. Она решительно прошагала в спальню для девочек и с грохотом захлопнула за собой дверь.

— Милая девочка с чудесным характером, — пробормотал Рон, подталкивая свою королеву на поле, где стоял один из коней Гарри.

Гермиона ходила насупленная почти весь уикенд. Впрочем, Гарри с Роном некогда было обращать на это внимание: они потратили львиную долю субботы и воскресенья на подготовку к экзамену по зельеварению, назначенному на понедельник. От этого экзамена Гарри ждал самых больших неприятностей; он был уверен, что на нём придёт конец его надеждам стать мракоборцем. И действительно, письменное задание оказалось довольно трудным, однако за вопрос об Оборотном зелье Гарри, похоже, набрал макси-

мальное количество баллов: на втором курсе он принимал это запрещённое снадобье и потому сумел описать его действие во всех подробностях.

После обеда выяснилось, что Гарри зря так отчаянно боялся практического экзамена: когда рядом не было Снегга, он чувствовал себя перед котлом гораздо свободнее. Невилл, сидевший совсем близко от Гарри, тоже выглядел намного веселее, чем на уроках зельеварения. Когда профессор Марчбэнкс сказала: «Пожалуйста, отойдите от котлов — ваше время истекло», Гарри закупорил бутылочку с образцом, почти уверенный в том, что по крайней мере не провалился.

— Осталось только четыре экзамена, — устало сказала Парвати Патил, когда они направлялись обратно в гриффиндорскую гостиную.

— Только! — язвительно отозвалась Гермиона. — У меня впереди нумерология, а труднее этого, наверное, ничего нет!

У всех хватило ума воздержаться от возражений, так что ей не удалось излить на них свой гнев и она ограничилась тем, что отчитала каких-то первокурсников за слишком громкое хихиканье в гостиной.

На вторник назначили экзамен по уходу за магическими существами. Гарри был полон ре-

шимости сдать его как можно лучше, чтобы не подставлять Хагрида под удар. Практические испытания проходили на зелёной поляне у опушки Запретного леса. Учеников попросили опознать нарла среди дюжины обыкновенных ежей (правильный метод состоял в том, чтобы предложить им всем по очереди молоко; нарлы, крайне подозрительные существа, чьи иглы обладают целым рядом волшебных свойств, обычно приходят от этого в бешенство, считая, что их пытаются отравить); показать, как нужно обращаться с лукотрусом; покормить и почистить огненного краба, избежав при этом серьёзных ожогов, и, наконец, выбрать из множества продуктов те, что не принесут вреда больному единорогу.

Гарри видел, как Хагрид взволнованно наблюдает за ними из окошка своей хижины. Когда экзаменаторша Гарри, симпатичная пухленькая ведьмочка, улыбнулась ему и сообщила, что он может идти, Гарри украдкой показал Хагриду большой палец, а потом направился обратно к замку.

Письменный экзамен по астрономии в среду утром прошёл без неприятных сюрпризов. Гарри не был уверен, что правильно назвал все спутники Юпитера, однако не сомневался, что

населённых львами среди них нет… Практическая астрономия должна была начаться вечером, а послеобеденное время отвели под прорицания.

Даже по меркам самого Гарри, давно потерявшего надежду освоить эту науку, он выступил из рук вон плохо. Ему легче было бы увидеть движущиеся картинки на пустом столе, чем в магическом кристалле, который упрямо оставался прозрачным; он совершенно растерялся во время гадания по чайному листу, заявив, что ему кажется, будто профессор Марчбэнкс вскоре встретит толстого, смуглокожего и насквозь промокшего незнакомца, и в довершение ко всему спутал линию ума с линией жизни на её руке и сообщил ей, что она должна была умереть в прошлый вторник.

— Ну уж здесь-то мы обязаны были провалиться, — мрачно пробормотал Рон, когда они поднимались по мраморной лестнице. Только что он заметно поднял Гарри настроение рассказом о том, как подробно описал внешность безобразного мужчины с бородавкой на носу, появившегося в его магическом кристалле, а потом поднял глаза и обнаружил, что это было отражение его экзаменатора.

— Зря мы вообще выбрали этот идиотский

предмет, — сказал Гарри.

— Что ж, зато теперь мы наконец сможем от него отказаться.

— Да, — согласился Гарри. — Не надо больше прикидываться, будто нас волнует, что произойдёт, если Юпитер с Ураном окончательно рассорятся.

— А я больше не стану переживать, если чайные листья у меня в чашке будут твердить: «Умри, Рон, умри!» — просто возьму да и выкину их в мусорное ведро, там им самое место.

Гарри рассмеялся, и как раз в этот момент их нагнала Гермиона. Он тут же оборвал смех, опасаясь разозлить её.

— Ну, по-моему, нумерологию я сдала нормально, — сказала она, и оба друга вздохнули с облегчением. — Пожалуй, до ужина ещё успеем быстренько просмотреть звёздные карты…

В одиннадцать, поднявшись на верхушку Астрономической башни, они убедились, что ночь для наблюдений над звёздами выдалась идеальная — тихая и безоблачная. Окрестности замка купались в серебристом лунном свете, воздух был прохладный, бодрящий. Они настроили телескопы и по команде профессора Марчбэнкс принялись заполнять пустые карты, которые им

роздали.

Профессора Марчбэнкс и Тофти ходили среди них, наблюдая за тем, как они определяют точные координаты планет и звёзд, видимых в телескоп. Тишину изредка нарушали только шелест карт, случайный скрип телескопа, поправляемого на опоре, да царапанье по пергаменту многочисленных перьев. Прошло полчаса, потом час, и маленькие квадратики отражённого золотого света на земле внизу стали исчезать один за другим — это гасли окна в замке.

Однако когда Гарри закончил наносить на карту созвездие Ориона, парадные двери замка распахнулись прямо под парапетом, у которого он стоял, и на каменную лестницу и лужайку перед ней хлынул свет. Поправляя телескоп, Гарри взглянул вниз и, прежде чем двери снова закрылись и лужайка опять погрузилась во мрак, успел заметить на ярко освещённой траве чьи-то удлинённые тени — их было не то пять, не то шесть.

Гарри снова приник к окуляру и подстроил его — теперь он наблюдал Венеру. Посмотрев вниз, он приготовился нанести планету на карту, но что-то ему помешало; его перо замерло над пергаментом, он покосился вниз и увидел на лужайке с полдюжины движущихся фигур. Если

бы они не двигались и лунный свет не серебрил им макушки, их нельзя было бы различить на фоне тёмной земли. Даже на таком расстоянии походка того, кто возглавлял шествие — его фигура была самой коротенькой, — показалась Гарри знакомой.

Гарри не мог понять, с чего это Амбридж вздумалось отправиться на прогулку после полуночи, да ещё в компании пятерых неизвестных. Тут позади него кто-то кашлянул, и он вспомнил, что экзамен в самом разгаре. Он уже успел забыть координаты Венеры. Торопливо прижавшись глазом к телескопу, он снова нашёл её и снова собрался нанести на карту, как вдруг его слух, напрягшийся в ожидании необычных звуков, уловил вдалеке стук, эхом разнёсшийся по пустынной территории школы, и сразу за ним — приглушённый лай собаки.

Он поднял взгляд; сердце его застучало, как молоток. В окнах у Хагрида горел свет, и на их фоне вырисовывались силуэты людей, пересёкших лужайку. Открылась дверь, и он ясно увидел, как порог хижины перешагнули шесть чётко очерченных фигур. Затем дверь снова закрылась, и наступила тишина.

У Гарри засвербило под ложечкой. Он хотел

было обернуться и проверить, заметили ли что-нибудь Рон с Гермионой, однако в этот миг к нему подошла сзади профессор Марчбэнкс, и Гарри поспешно нагнулся над картой, украдкой поглядывая в сторону хижины Хагрида. Теперь он уже не поворачивался, боясь, что экзаменаторы подумают, будто он подсматривает в чужие работы. Вошедшие в хижину люди время от времени мелькали в её окнах, заслоняя свет.

Чувствуя, как профессор Марчбэнкс сверлит взглядом его затылок, Гарри снова прижался глазом к телескопу и уставился на луну, хотя определил её положение не меньше часа тому назад, но как только Марчбэнкс двинулась дальше, из далёкой хижины донёсся рёв, взмыв сквозь тьму к самой верхушке Астрономической башни. Несколько соседей Гарри вынырнули из-за своих телескопов и стали всматриваться во мрак в направлении хижины Хагрида.

Послышался суховатый кашель профессора Тофти.

— Пожалуйста, друзья мои, сосредоточьтесь, — мягко сказал он.

Большая часть учеников вернулась к телескопам. Гарри посмотрел налево: взгляд Гермионы был прикован к хижине Хагрида.

— Кхм… осталось двадцать минут, — напомнил профессор Тофти.

Гермиона подскочила и тут же согнулась над своей звёздной картой; Гарри поглядел на свою и заметил, что по ошибке назвал Венеру Марсом. Он наклонился, чтобы исправить надпись.

Снизу что-то громко бабахнуло. Несколько человек дёрнулись от неожиданности и завопили «ай!», наткнувшись глазом на свои телескопы.

Дверь Хагрида распахнулась настежь, из хижины хлынул поток света, и они ясно увидели на пороге массивную фигуру хозяина — он ревел от ярости и потрясал кулаками, а шестеро человек вокруг, судя по тонким красным лучикам, которые они направляли в его сторону, пытались сразить его Оглушающим заклятием.

— Негодяи! — закричала Гермиона.

— Ну-ну, уважаемая! — возмутился профессор Тофти. — Вы на экзамене!

Но никто уже не обращал на звёздные карты ни малейшего внимания. Лучи красного света всё ещё метались около хижины Хагрида, но почему-то словно отскакивали от него: он по-прежнему стоял, выпрямившись во весь рост, и по-прежнему, насколько мог судить Гарри, отбивался от нападавших. Крики и вопли разносились по всей

территории школы, кто-то крикнул: «Будьте же благоразумны, Хагрид!»

— Чёрта с два, Долиш! Так просто вы меня не возьмёте! — заревел Хагрид в ответ.

Гарри видел крошечный силуэт Клыка — он пытался защитить хозяина, бросаясь на окруживших его волшебников, но вскоре в него угодило заклятие и он упал замертво. Испустив яростный вопль, Хагрид сгрёб виновника в охапку и отшвырнул прочь; тот пролетел футов десять, грянулся оземь и больше не вставал. Гермиона ахнула, прижав руки ко рту; Гарри оглянулся на Рона и заметил, что он тоже испуган. До сих пор никто из них ещё не видал Хагрида разозлённым по-настоящему.

— Смотрите! — пискнула Парвати, опершись о парапет и указывая на парадные двери замка, которые снова открылись; на тёмную лужайку опять пролился свет, и к хижине лесничего устремилась ещё одна высокая чёрная фигура.

— Это безобразие! — взволнованно воскликнул профессор Тофти. — Осталось всего шестнадцать минут!

Но ребята пропустили его оклик мимо ушей: они наблюдали за новым участником событий, со всех ног мчащимся к месту, где разгорелась

битва.

— Как вы смеете! — крикнул этот человек на бегу. — КАК ВЫ СМЕЕТЕ!

— Это МакГонагалл! — прошептала Гермиона.

— Оставьте его в покое! Немедленно! — раздался в темноте голос МакГонагалл. — По какому праву вы на него нападаете? Он не сделал ничего, что могло бы послужить…

Гермиона, Парвати и Лаванда дружно завизжали: люди у хижины послали навстречу декану их факультета не меньше четырёх Оглушающих заклятий. На полпути между хижиной и замком красные лучи угодили в неё — на мгновение фигура МакГонагалл словно осветилась изнутри зловещим красным светом, потом ноги её оторвались от земли, она упала навзничь и больше не шевелилась.

— Разорви меня горгулья! — воскликнул профессор Тофти, который, по-видимому, тоже успел совершенно забыть об экзамене. — Без всякого предупреждения! Это возмутительно!

— Трусы! — взревел Хагрид. Его слова были хорошо слышны на верхушке башни, и после этого возгласа в замке снова вспыхнуло несколько окон. — Жалкие трусы! Получайте! Вот вам!

— О боже! — ахнула Гермиона.

Хагрид угостил двух ближайших к нему противников мощными ударами; судя по тому, как они рухнули наземь, это был чистый нокаут. Гарри увидел, как Хагрид согнулся вдвое, и решил, что его наконец одолели с помощью заклятия. Но нет — в следующий миг Хагрид распрямился снова. Теперь у него на спине чернело что-то похожее на тюк, и Гарри сообразил, что это бесчувственное тело Клыка.

— Взять его, взять! — вопила Амбридж, однако её последний помощник явно не торопился свести знакомство с Хагридовыми кулаками — наоборот, он пятился так быстро, что споткнулся о лежащего без чувств товарища и упал. Хагрид развернулся и кинулся бежать с Клыком на плечах. Амбридж послала ему вслед ещё одно Оглушающее заклятие, но промахнулась, и Хагрид, во всю мочь несущийся к далёким воротам, исчез во мраке.

Наступила тревожная тишина, которая длилась, наверное, целую минуту. Ошеломлённые ученики не отрываясь смотрели вниз, во тьму. Потом раздался слабый голос профессора Тофти:

— Э-э… прошу, у вас ещё пять минут.

Хотя Гарри заполнил всего две трети карты, он не мог дождаться конца экзамена. Когда на-

значенные пять минут истекли, они с Роном и Гермионой как попало нахлобучили на телескопы футляры и ринулись вниз по винтовой лесенке. Никто из учеников и не думал ложиться в постель — все они громко и возбуждённо обсуждали у подножия лестницы те события, свидетелями которых им довелось стать.

— Какая подлость! — воскликнула Гермиона. Она была так рассержена, что язык плохо её слушался. — Напасть на Хагрида посреди ночи!

— Очевидно, на этот раз Амбридж хотела обойтись без сцен — помните Трелони? — глубокомысленно заметил Эрни Макмиллан, протискиваясь к ним сквозь толпу.

— А Хагрид-то, вот молодец! — сказал Рон, хотя вид у него был скорее обеспокоенный, чем восторженный. — Почему это от него отскакивали их заклятия?

— Наверное, великанья кровь помогла, — дрожащим голосом пояснила Гермиона. — Великанов вообще очень трудно оглушить заклятием, они как тролли, прямо непрошибаемые… но как же бедная МакГонагалл… четыре Оглушающих заклятия прямо в грудь, а она ведь уже далеко не девочка!

— Ужас, ужас, — поддакнул Эрни, солидно ка-

чая головой. — Ну ладно, я пошёл спать. Всем пока!

Ребята вокруг них расходились, всё ещё оживлённо обсуждая увиденное.

— По крайней мере, им не удалось засадить Хагрида в Азкабан, — сказал Рон. — Он небось к Дамблдору отправился, как думаете?

— Да, наверно, — согласилась Гермиона. Казалось, она вот-вот заплачет. — Ах, как всё ужасно! Я так надеялась, что Дамблдор скоро вернётся, а вместо этого мы потеряли и Хагрида!

Они побрели обратно в гриффиндорскую гостиную и обнаружили, что там яблоку негде упасть. Шум у хижины лесничего разбудил несколько человек, а те подняли друзей. Симус с Дином, чуть опередившие Гарри, Рона и Гермиону, уже рассказывали о том, что они видели и слышали с верхушки Астрономической башни.

— Но с чего ей увольнять Хагрида? — покачав головой, спросила Анджелина Джонсон. — Это же не Трелони — в нынешнем году он преподавал гораздо лучше, чем обычно!

— Амбридж ненавидит полулюдей, — горько сказала Гермиона, усевшись в кресло. — Она давно пыталась выгнать Хагрида.

— А ещё она думала, что это Хагрид запускает

к ней в кабинет нюхлеров, — подала голос Кэти Белл.

— Ах ты, чёрт побери, — ругнулся Ли Джордан и тут же прикрыл рот рукой. — Это ведь я их ей подсовывал. Фред с Джорджем оставили мне несколько штук — ну, я и левитировал их через окно.

— Она всё равно бы его уволила, — сказал Дин. — Он был слишком дружен с Дамблдором.

— Что правда, то правда, — сказал Гарри, опускаясь в кресло напротив Гермионы.

— Я очень надеюсь, что с профессором МакГонагалл всё в порядке, — чуть не плача, сказала Лаванда.

— Её принесли обратно в замок, мы видели из окошка спальни, — сказал Колин Криви. — Она не слишком хорошо выглядела.

— Мадам Помфри поставит её на ноги, — твёрдо сказала Алисия Спиннет. — Она превосходный целитель.

Гостиная опустела только часам к четырём утра. У Гарри сна не было ни в одном глазу; он будто снова и снова видел, как убегает Хагрид; вспоминая об Амбридж, он так злился, что не мог придумать для неё достойной кары, хотя в предложении Рона бросить её в яму, полную голодных

соплохвостов, определённо было здоровое зерно.

Он заснул, изобретая варианты ужасной мести, и встал с постели три часа спустя, отнюдь не чувствуя себя отдохнувшим.

Заключительный экзамен, по истории магии, был назначен на послеобеденное время. После завтрака Гарри с удовольствием вернулся бы в постель, но ему нужно было ещё раз повторить пройденное, и он, стиснув голову руками и изо всех сил стараясь не дремать, уселся у окошка в гостиной и принялся просматривать стопку занятых у Гермионы конспектов высотой в добрых три с половиной фута.

В два часа пополудни пятикурсники вошли в Большой зал и, заняв свои места, стали ждать разрешения перевернуть билеты. Гарри чувствовал, что вымотался до предела. Ему хотелось только одного — чтобы всё это поскорее кончилось и он мог пойти и заснуть; а завтра они с Роном отправятся на стадион — он собирался опробовать новую метлу Рона — и будут наслаждаться драгоценной свободой…

— Пожалуйста, переверните билеты, — сказала профессор Марчбэнкс из-за преподавательского стола. — Итак, начали!

Гарри тупо уставился на первый вопрос. Лишь

через несколько секунд он осознал, что не понимает ни слова. Где-то наверху, у края высокого окна, билась в стекло муха, и её жужжание мешало сосредоточиться. Медленно, мучительно он наконец собрался с мыслями и начал писать ответ.

Оказалось, что ему очень трудно вспоминать имена; вдобавок он то и дело путал даты. Он вынужденно пропустил четвёртый вопрос («Как вы считаете, положительным или отрицательным было влияние нового закона о волшебных палочках на гоблинские мятежи в восемнадцатом столетии?»), решив, что вернётся к нему потом, если будет время. Он смело атаковал пятый вопрос («Как был нарушен Статут о секретности в 1749 году и какие меры были приняты, дабы предотвратить его дальнейшие нарушения?»), но не мог избавиться от подозрения, что позабыл несколько важных подробностей; его преследовало смутное ощущение, что в этой истории как-то замешаны вампиры.

Он с нетерпением ждал вопроса, на который сможет ответить наверняка, и его взгляд наткнулся на вопрос номер десять: «Опишите обстоятельства, которые привели к созданию Международной конфедерации магов, и объясни-

те, почему колдуны Лихтенштейна отказались в неё вступать», — он читал об этом только сегодня утром!

Он стал писать, время от времени отрываясь от работы, чтобы взглянуть на большие песочные часы, стоявшие около профессора Марчбэнкс. Он сидел прямо за Парвати Патил — её длинные чёрные волосы лежали на спинке стула у него перед носом. Раза два-три он ловил себя на том, что пялится на крохотные золотистые блики, скользящие по ним, когда она слегка поворачивает голову, и ему приходилось как следует тряхнуть головой, чтобы избавиться от наваждения.

> «Первым президентом Международной конфедерации магов стал Пьер Бонаккорд, но его избрание было оспорено волшебным сообществом Лихтенштейна, поскольку…»

Со всех сторон вокруг Гарри усердно скрипели перья — звук был такой, словно в зале копошатся полчища крыс. Солнце жарило ему в затылок. Чем же этот Бонаккорд так насолил чародеям из Лихтенштейна? У Гарри было впечатление, что там не обошлось без троллей… Он снова бессмысленно уставился на волосы Парвати. Вот если бы

он освоил легилименцию — что бы ему стоило проделать у неё в затылке окошко и подсмотреть, как именно троллям удалось посеять раздор между Пьером Бонаккордом и лихтенштейнскими колдунами!

Гарри закрыл глаза и уткнулся лицом в ладони, так что алое свечение на внутренней стороне век погасло, уступив место темноте и прохладе. Бонаккорд хотел запретить охоту на троллей и дать троллям права… но Лихтенштейну досаждало племя особенно злобных горных троллей… Ага, вспомнил!

Он открыл глаза — от ослепительной белизны пергамента на них навернулись слёзы. Он медленно написал две строчки о троллях, затем просмотрел всё, что успел сделать раньше. Пожалуй, в его работе не слишком много фактов и подробностей — а вот Гермиона наверняка развернулась и исписала на тему о Конфедерации не одну страницу…

Он снова закрыл глаза, пытаясь представить себе эти страницы, пытаясь вспомнить… Первый съезд Конфедерации состоялся во Франции — да, об этом он уже написал… Гоблины явились на заседание и были изгнаны… он написал и об этом… А из Лихтенштейна так никто и не приехал…

«Думай», — приказал он себе, закрыв лицо руками, а вокруг по-прежнему скрипели перья, строча бесконечные ответы, и песок в часах сыпался тонкой струйкой…

Он снова шёл по прохладному тёмному коридору к Отделу тайн, шагал твёрдо и целеустремлённо, иногда переключаясь на бег, уверенный, что уж теперь-то непременно достигнет цели своего путешествия… Как обычно, чёрная дверь распахнулась перед ним, и он очутился в круглой комнате с многочисленными дверьми…

Вперёд по каменному полу во вторую дверь… пляшущие на стенах и полу световые блики и это странное механическое тиканье, но разбираться нет времени, ему надо спешить…

Он миновал последние несколько шагов, отделявшие его от третьей двери, и она распахнулась, как предыдущие…

И вновь он очутился в высоком, как собор, зале со стеллажами, на которых лежали стеклянные шарики… его сердце забилось очень быстро… сейчас он наконец попадёт туда, куда нужно… Добравшись до ряда номер девяносто семь, он повернул налево и поспешил дальше по узкому проходу между стеллажами…

Но в самом конце прохода, на полу, была какая-

то фигура — эта чёрная фигура корчилась, словно раненое животное. От испуга и волнения у Гарри сжалось сердце.

И вдруг из его собственных уст раздался голос — высокий, равнодушный, лишённый всякой человеческой теплоты.

— Возьми его и отдай мне… ну же, бери… я не могу до него дотронуться… зато ты можешь…

Чёрная фигура на полу шевельнулась. Гарри увидел, как перед его глазами появилась белая рука с длинными пальцами, сжимающая палочку, — это была его рука… И снова услышал холодный, высокий голос:

— *Круцио!*

Человек на полу закричал от боли, попытался встать, но сразу же, корчась, рухнул снова. Гарри смеялся. Он поднял палочку, исходящий из неё луч тоже поднялся, и человек на полу застонал, но остался недвижим.

— Лорд Волан-де-Морт ждёт!

Очень медленно, опираясь на дрожащие руки, человек приподнял плечи и голову. Его худое лицо было залито кровью, искажено страданием, но на нём застыло выражение непокорства…

— Тебе придётся убить меня, — прошептал Сириус.

— Рано или поздно — разумеется, — произнёс холодный голос. — Но сначала ты дашь мне его, Блэк… Думаешь, тебе уже известно, что такое боль? Подумай ещё… у нас впереди долгие часы, и никто не услышит твоего крика…

Но едва Волан-де-Морт вновь опустил палочку, как кто-то отчаянно закричал и боком рухнул из-за горячего стола на холодный каменный пол. От падения Гарри проснулся, всё ещё крича, — его шрам невыносимо жгло, а вокруг вместо Отдела тайн внезапно опять выросли стены Большого зала.

Глава 32
Из огня да в полымя

— Я не хочу… не надо меня в больничное крыло… пожалуйста…

Гарри бормотал эти бессвязные слова, пытаясь освободиться от профессора Тофти, который только что вывел его в вестибюль и теперь смотрел на него с большой тревогой. Вокруг сразу собралась толпа любопытных.

— Со мной… со мной всё в порядке, сэр, — запинаясь, сказал Гарри и вытер со лба пот. — Честно… я просто заснул, и мне приснился кошмар…

— Нервное напряжение! — сочувственно произнёс старый волшебник, похлопывая Гарри по плечу дрожащей рукой. — Бывает, молодой человек, бывает! Ну а теперь — глоток холодной воды, и вы, быть может, вернётесь в Большой зал? Экзамен подходит к концу, но вы, пожалуй, ещё успеете закруглить ответ на последний вопрос…

— Да, — растерянно сказал Гарри. — То есть нет… Я уже… по-моему, я написал всё, что мог…

— Ну ладно, ладно, — мягко сказал старый волшебник. — Я пойду заберу вашу работу, а вы

идите-ка ложитесь в постель.

— Хорошо, сэр, — энергично кивнул Гарри. — Огромное вам спасибо!

Как только полы мантии старого чародея исчезли за дверью Большого зала, Гарри взбежал по мраморной лестнице, промчался по коридорам с такой скоростью, что портреты на стенах недовольно бормотали ему вслед, прыжками одолел ещё одну лестницу и, наконец, ураганом ворвался в двери больничного крыла, заставив мадам Помфри — она как раз поднесла к открытому рту Монтегю ложку с какой-то ярко-синей жидкостью — вскрикнуть от испуга.

— Вы с ума сошли, Поттер!

— Мне необходимо увидеться с профессором МакГонагалл! — задыхаясь, выпалил Гарри. — Сейчас же! Это срочно!

— Её здесь нет, Поттер, — грустно ответила мадам Помфри. — Сегодня утром её отправили в больницу святого Мунго. Четыре Оглушающих заклятия прямо в грудь — и это в её-то возрасте! Странно, что она вообще осталась жива…

— Её… нет? — Это известие потрясло Гарри.

Прямо за дверью прозвенел звонок, и Гарри услышал привычный отдалённый топот учеников, выбегающих в коридоры на верхних и

нижних этажах. Он смотрел на мадам Помфри, не в силах тронуться с места. В нём волной поднимался ужас.

Итак, ему больше не с кем посоветоваться. Дамблдор покинул школу, Хагрид тоже, но он всегда рассчитывал на то, что профессор МакГонагалл будет рядом — пусть раздражительная и суровая, но такая уверенная, такая надёжная…

— Неудивительно, что вы потрясены, Поттер, — сказала мадам Помфри с гримасой свирепого одобрения. — Попробовал бы хоть один из них одолеть Минерву МакГонагалл средь бела дня, встретившись с ней лицом к лицу! Трусость, вот что это такое… самая презренная трусость! Если бы я не волновалась за вас, учеников, я немедленно подала бы в отставку в знак протеста!

— Да, — безжизненно откликнулся Гарри.

Не глядя, он вышел в коридор, полный народу, и остановился — его то и дело толкали проходящие мимо ученики, но он не мог заставить себя сдвинуться с места. Паника ширилась в нём, как ядовитый газ, голова кружилась, и он совсем растерялся…

«Рон и Гермиона», — подсказал ему внутренний голос.

Он снова помчался по школе, расталкивая

учеников, не обращая внимания на ругань. Он сбежал на два этажа вниз и был уже на верхней площадке мраморной лестницы, когда увидел, что они спешат ему навстречу.

— Гарри! — воскликнула Гермиона, вне себя от испуга. — Что случилось? С тобой всё в порядке? Ты не заболел?

— Где ты был? — требовательно спросил Рон.

— Пошли со мной, — быстро отозвался Гарри. — Пойдём, мне нужно вам кое-что сказать.

Он повёл их по коридору второго этажа. Отыскав пустую классную комнату, он нырнул туда и, как только Рон с Гермионой переступили порог следом за ним, захлопнул дверь и привалился к ней спиной, глядя на них.

— Волан-де-Морт схватил Сириуса.

— Что?

— Откуда ты…

— Видел. Только что. Когда заснул на экзамене.

— Но… но где? Как? — Гермиона побелела от ужаса.

— Не знаю я, как, — сказал Гарри. — Зато точно знаю, где. В Отделе тайн есть комната со стеллажами, на которых лежат стеклянные шарики, и Волан-де-Морт с Сириусом сейчас в конце девяносто седьмого ряда… Он хочет заставить Сириуса

взять оттуда что-то, очень ему нужное… Он пытает его… Говорит, что рано или поздно убьёт!

Гарри заметил, что у него дрожат не только колени, но и голос. Он подошёл к парте и сел на неё, стараясь успокоиться.

— Как нам туда попасть? — спросил он. Наступила недолгая пауза. Потом Рон промямлил:

— К-куда?

— В Отдел тайн, чтобы спасти Сириуса! — громко сказал Гарри.

— Но… Гарри… — слабо пробормотал Рон.

— Что? Что?

Гарри не понимал, почему они оба смотрят на него так, словно он предлагает что-то немыслимое.

— Гарри, — в голосе Гермионы звучал испуг. — Но как… как Волан-де-Морт сумел проникнуть в Отдел тайн незаметно для всех волшебников?

— Откуда я знаю? — прорычал Гарри. — Вопрос в том, как нам туда проникнуть!

— Но… сам посуди, Гарри. — Гермиона сделала шаг к нему. — Сейчас пять часов… в Министерстве магии полно сотрудников… разве Волан-де-Морт с Сириусом могли пробраться туда так, чтобы никто не видел? Гарри… ведь за их поимку назначена огромная награда… и, по-твоему, они могли

проникнуть в здание, битком набитое мракоборцами, и остаться незамеченными?

— Я не знаю, может, Волан-де-Морт воспользовался мантией-невидимкой или ещё чем-нибудь! — закричал Гарри. — К тому же я сам много раз бывал в Отделе тайн и никогда не видел там ни одной живой души!

— Ты никогда там не бывал, Гарри, — тихо сказала Гермиона. — Всё это тебе снилось, и только.

— Это не обычные сны! — крикнул Гарри прямо ей в лицо, поднявшись с места и в свою очередь делая шаг вперёд. Ему хотелось схватить её за плечи и как следует встряхнуть. — Как ты тогда объяснишь случай с отцом Рона? Откуда, по-твоему, я узнал, что произошло с ним?

— Тут он прав, — спокойно подтвердил Рон, глядя на Гермиону.

— Но это ведь… это почти невероятно! — в отчаянии воскликнула Гермиона. — Как, скажи на милость, Волан-де-Морт мог схватить Сириуса, если Сириус всё время сидел на площади Гриммо?

— Наверное, Сириус не выдержал и решил, что, если он на минутку отлучится, большой беды не будет, — взволнованно сказал Рон. — Этот дом надоел ему хуже горькой редьки, вот он и…

— Но почему, — настойчиво сказала Герми-

она, — почему, объясните мне пожалуйста, Волан-де-Морту понадобился именно Сириус? Почему он не может без него раздобыть своё оружие или что там ему нужно?

— Не знаю, на это могут быть тысячи причин! — завопил на неё Гарри. — Может, Волан-де-Морту приятно смотреть, как Сириус мучается…

— Послушайте-ка, я вот что подумал, — негромко сказал Рон. — Брат Сириуса был Пожирателем смерти, так? А вдруг он поделился с Сириусом тайной, как добыть оружие?

— Да-да… потому-то Дамблдор и настаивал на том, чтобы держать Сириуса под замком! — сказал Гарри.

— Постойте! — воскликнула Гермиона. — Прошу прощения, но вы оба несёте чепуху. У нас нет никаких доказательств, мы даже не уверены, действительно ли Волан-де-Морт с Сириусом находятся там…

— Гермиона! Гарри их видел! — рявкнул на неё Рон.

— Ну хорошо, — сказала она испуганно, но решительно. — Вы только не забывайте, что…

— Что?

— Ты… Я не критикую, Гарри! Но ты немножко… как бы это объяснить… тебе не кажется, что

у тебя есть такой пунктик… что тебя вечно тянет кого-то спасать?

Он сердито уставился на неё.

— О чём это ты, а? Что значит «кого-то спасать»?

— Ну… ты… — Она стала запинаться ещё сильнее, точно боясь высказать то, что у неё на уме. — Ну, например… вот хотя бы в прошлом году… в озере… на Турнире… ты же не должен был… от тебя не требовали, чтобы ты спасал сестрёнку Делакур… а ты немножко… увлёкся, что ли…

Гарри захлестнуло горячей волной гнева: как ей не стыдно напоминать ему об этой ошибке?

— Я согласна, это было благородно с твоей стороны и всё такое, — быстро сказала Гермиона. Выражение лица Гарри явно напугало её до полусмерти. — Все решили, что ты настоящий…

— Очень любопытно, — сказал Гарри дрожащим голосом, — поскольку я отлично помню, как Рон заявил, что я напрасно потратил время, изображая из себя героя… Так, по-вашему, это называется? Вы думаете, я снова корчу из себя героя?

— Нет-нет-нет! — поспешно воскликнула Гермиона. — Я совсем не это имела в виду!

— Ну так говори, что ты имела в виду, потому

что мы зря теряем время! — заорал Гарри.

— Я вот о чём… Волан-де-Морт знает тебя, Гарри! Он забрал Джинни в Тайную комнату, чтобы заманить тебя туда, — такие уловки в его духе, потому что он знает: ты обязательно придёшь на помощь. И с Сириусом то же самое — вдруг он просто пытается заманить в Отдел тайн тебя?

— Неважно, так это или нет! МакГонагалл увезли в больницу святого Мунго, в Хогвартсе не осталось членов Ордена, которым можно было бы всё рассказать, и, если мы не отправимся в Министерство сами, Сириус умрёт!

— Но, Гарри… Что, если твой сон был… всего лишь сном?

Гарри взвыл от бессилия. Гермиона отступила от него на шаг с испуганным видом.

— Как ты не понимаешь! — закричал на неё Гарри. — Это не кошмары и не обычные сны! Зачем, по-твоему, я ходил на уроки окклюменции, почему Дамблдор хотел, чтобы я перестал видеть во сне эти вещи? Потому что они РЕАЛЬНЫ, Гермиона, — Сириуса схватили, я его видел! Он у Волан-де-Морта, и больше об этом никто не знает; стало быть, мы единственные, кто может его спасти, и, если ты не хочешь в этом участвовать, дело твоё, но я отправляюсь туда, понятно? И если мне

не изменяет память, ты не жаловалась, что меня вечно тянет кого-то спасать, когда я спасал тебя от дементоров, да и ты тоже, — он повернулся к Рону, — ты тоже не жаловался, когда я спасал от василиска твою сестру…

— Я и сейчас не жалуюсь! — с жаром воскликнул Рон.

— Но ты сам только что сказал, Гарри, — с отчаянием в голосе возразила Гермиона, — Дамблдор хотел, чтобы ты научился изгонять эти вещи из своего сознания! Если бы ты как следует изучал окклюменцию, ты бы даже не увидел…

— Если ты думаешь, что я могу вести себя так, будто ничего не видел…

— И Сириус говорил тебе, что ты должен научиться защищать своё сознание и что нет ничего важнее этого!

— Ну, знаешь! Сейчас он наверняка сказал бы что-нибудь дру…

Дверь класса открылась. Рон и Гермиона мигом обернулись. Вошла Джинни — на лице у неё было написано любопытство, — а следом за ней Полумна. У Полумны, как обычно, был такой вид, словно она очутилась здесь по чистой случайности.

— Привет, — неуверенно сказала Джинни. — Мы услышали голос Гарри. Что это ты кричал?

— Не твоё дело, — грубо отрезал Гарри. Джинни подняла брови.

— Я, кажется, не давала тебе повода разговаривать со мной в таком тоне, — холодно заметила она. — Я просто хотела спросить, не нужна ли тебе помощь.

— Нет, не нужна, — коротко ответил Гарри.

— Что-то ты очень грубый сегодня, — безмятежно сказала Полумна.

Гарри выругался и отвернулся. Сейчас ему меньше всего на свете хотелось беседовать с Полумной Лавгуд.

— Постойте-ка, — вдруг сказала Гермиона. — Постойте… Гарри, они и вправду могут помочь.

Гарри с Роном воззрились на неё.

— Послушайте, — настойчиво сказала она. — Гарри, ведь нам нужно выяснить, действительно ли Сириуса сейчас нет в штаб-квартире!

— Я же тебе говорил: я видел…

— Пожалуйста, Гарри, прошу тебя! — в отчаянии воскликнула Гермиона. — Прошу тебя — давай убедимся, что Сириуса нет дома, прежде чем отправляться в Лондон! Если его и правда там нет, тогда, клянусь, я не стану больше тебе мешать. Я пойду с тобой и… и сделаю всё, чтобы его спасти!

— Сириуса УЖЕ пытают! — выкрикнул Гар-

ри. — У нас нет времени!

— А если Волан-де-Морт нас обманывает? Нет, Гарри, мы обязаны это проверить!

— Как? — спросил Гарри. — Как, по-твоему, мы это проверим?

— Воспользуемся камином Амбридж ещё раз и попробуем связаться с площадью Гриммо, — сказала Гермиона. У неё был такой вид, словно она сама в ужасе от своего предложения. — Надо снова отвлечь Амбридж, а Джинни с Полумной могут сыграть роль наблюдателей.

Ещё плохо понимая, что происходит, Джинни тем не менее тут же кивнула в знак согласия, а Полумна спросила:

— Кого это вы называете Сириусом — уж не Коротышку ли Бордмана?

Ей никто не ответил.

— Ладно, — сердито бросил Гарри, обращаясь к Гермионе. — Если ты придумаешь способ сделать это побыстрее, я не против, а если нет, то я отправлюсь в Отдел тайн прямо сейчас.

— В Отдел тайн? — спросила Полумна с лёгким удивлением. — Но как ты собираешься туда попасть?

Гарри снова пропустил её вопрос мимо ушей.

— Так, — нервно потирая руки, Гермиона при-

нялась шагать взад и вперёд по проходу между партами. — Так… хорошо… один из нас должен найти Амбридж и… и заманить её куда-нибудь подальше. Ей можно сказать… ну, например, что Пивз опять задумал какую-нибудь пакость…

— Я пойду, — немедленно вызвался Рон. — Скажу ей, что Пивз громит класс трансфигурации — это за милю от её кабинета. Вообще-то, если Пивз подвернётся мне по дороге, я и вправду могу уговорить его этим заняться…

То, что Гермиона не возразила против идеи разгромить класс профессора МакГонагалл, свидетельствовало о крайней серьёзности ситуации.

— Хорошо, — сказала она, наморщив лоб и продолжая шагать туда-сюда. — Теперь дальше: надо и учеников отвлечь от её кабинета, иначе кто-нибудь из слизеринцев обязательно ей донесёт.

— Мы с Полумной можем встать у обоих концов коридора и предупреждать всех, чтобы не ходили туда, потому что кто-то взорвал хлопушку с душильным газом, — живо сказала Джинни. Взглянув в лицо Гермионе, явно удивлённой тем, как быстро Джинни придумала этот манёвр, она пояснила: — Фред и Джордж собирались это сделать, только не успели.

— Ладно, — сказала Гермиона. — Ну, а мы с тобой, Гарри, спрячемся под мантией-невидимкой и проберёмся в кабинет, чтобы ты мог поговорить с Сириусом…

— Его там нет, Гермиона!

— Я имею в виду, чтобы проверить… проверить, там Сириус или нет. Я буду следить, чтобы тебя не поймали. По-моему, тебе не стоит лезть к Амбридж в одиночку: Ли уже доказал, что окно там слабое место, когда запускал туда нюхлеров.

Несмотря на всё своё раздражение и нетерпение, Гарри был благодарен Гермионе за её готовность пойти с ним в кабинет Амбридж: он понимал, что это проявление дружеской солидарности.

— Я… ладно, спасибо, — пробормотал он.

— Ну хорошо. Даже если нам всё это удастся, мы вряд ли сможем рассчитывать больше чем на пять минут, — с облегчением сказала Гермиона, довольная тем, что Гарри принял её план. — Туда в любой момент может нагрянуть Филч или кто-нибудь из этой мерзкой Инспекционной дружины.

— Пяти минут нам хватит, — сказал Гарри. — Ну, пошли…

— Уже? — потрясённо спросила Гермиона.

— Конечно уже! — сердито сказал Гарри. — А что, ты предлагаешь сначала поужинать? Пойми ты, Сириуса пытают сейчас!

— Я… ну ладно, — с отчаянной решимостью сказала она. — Иди за мантией-невидимкой, встретимся у коридора, где кабинет Амбридж. Договорились?

Вместо ответа Гарри выскочил из класса и принялся прокладывать себе путь в густой толпе учеников. Двумя этажами выше он встретил Симуса с Дином — они радостно приветствовали его и сообщили, что в гостиной планируется празднество в честь окончания экзаменов, которое, скорее всего, затянется до утра. Гарри едва слышал, что они говорят. Он улизнул в дыру за портретом, пока они спорили, сколько бутылок сливочного пива надо купить у подпольных торговцев, и уже вылезал оттуда с мантией-невидимкой и ножом Сириуса в сумке, когда они наконец обнаружили его отсутствие.

— Может, пожертвуешь парочку галеонов, а, Гарри? Гарольд Дингл намекнул, что продаст нам немного огненного виски…

Но Гарри уже мчался обратно по коридору и через несколько минут, одолев последнюю лестницу, снова очутился в обществе Рона, Гермионы,

Джинни и Полумны, кучкой стоявших в назначенном месте.

— Есть, — задыхаясь, выпалил он. — Ну что, готовы?

— Готовы, — откликнулась Гермиона шёпотом, чтобы не услышали шестикурсники, которые гурьбой шли мимо и громко болтали. — Итак, Рон, ты идёшь и отвлекаешь Амбридж… Джинни, Полумна, пора очищать коридор… Мы с Гарри наденем мантию-невидимку и двинемся, когда путь будет свободен…

Рон зашагал вперёд; его ярко-рыжие волосы виднелись в толпе, пока он пробирался в самый конец коридора. Не менее приметная голова Джинни мелькала среди учеников, наводнивших коридор с другой стороны от них, а рядом с ней спокойно плыла белая голова Полумны.

— Сюда, — прошептала Гермиона, взяв Гарри за руку, и увлекла его в нишу за уродливым бюстом средневекового волшебника на постаменте, что-то бормочущим себе под нос. — Ты… ты уверен, что хорошо себя чувствуешь, Гарри? Ты до сих пор очень бледный.

— Всё в порядке, — бросил он, вытаскивая из сумки мантию-невидимку. На самом деле шрам всё ещё причинял ему боль, хотя и далеко не

такую сильную, как мысль о том, что Волан-де-Морт мог уже нанести Сириусу смертельный удар. Когда Тёмный Лорд карал Эйвери, шрам жгло гораздо сильнее… — Давай, — шепнул он и набросил мантию на них обоих. Они замерли, прислушиваясь к звукам снаружи и стараясь не обращать внимания на бюст, который всё бубнил и бубнил по-латыни.

— Туда нельзя! — громко говорила Джинни столпившимся перед коридором ученикам. — Нет-нет, извините, вам придётся идти в обход по вращающейся лестнице — кто-то только что напустил сюда душильного газа…

Они слышали, как недовольно ворчат ребята. Один из них угрюмо буркнул:

— Что-то не вижу я никакого газа.

— Он же невидимый, — очень убедительно изобразив раздражение, ответила Джинни. — Но если тебе так уж хочется, пожалуйста, иди — следующему идиоту, который нам не поверит, можно будет показать твоё бездыханное тело.

Толпа начала медленно редеть. Судя по тому, что новые ученики больше не подходили, весть о душильном газе распространилась сама собой. Наконец, когда поблизости почти совсем никого не осталось, Гермиона сказала:

— По-моему надо идти, Гарри. Лучше уже не будет.

Прикрытые мантией, они двинулись вперёд. В дальнем конце коридора, спиной к ним, стояла Полумна. Когда они проходили мимо Джинни, Гермиона шепнула:

— Молодец… Не забудь про сигнал.

— Про какой ещё сигнал? — тихо спросил Гарри, когда они приблизились к двери кабинета.

— Как только появится Амбридж, они должны громко запеть «Уизли — наш король», — ответила Гермиона.

Гарри вставил лезвие ножа Сириуса в щель между дверью и косяком, замок щёлкнул, и дверь отворилась. Они вошли в кабинет.

Противные котята на тарелочках нежились в тёплых лучах послеполуденного солнца, но если не считать этого, в комнате было тихо и пусто, как в прошлый раз. Гермиона испустила вздох облегчения.

— Я боялась, что после второго нюхлера она примет дополнительные меры предосторожности.

Они сняли мантию. Гермиона поспешила к окну и встала сбоку, держа палочку наготове и бросая вниз, на школьную территорию, осторож-

ные взгляды. Гарри прыгнул к камину, схватил горшочек с летучим порохом и кинул щепотку внутрь, вызвав к жизни языки изумрудного пламени. Потом быстро опустился на колени, сунул голову в танцующий огонь и крикнул:

— Площадь Гриммо, двенадцать!

Голова у него сразу закружилась, словно он только что слез с карусели в парке аттракционов, хотя колени по-прежнему надёжно покоились на холодном полу кабинета. Он прикрыл глаза, чтобы их не запорошило золой, а когда головокружение прекратилось, снова открыл их и увидел перед собой длинную стылую кухню дома на площади Гриммо.

Здесь никого не было. Он ожидал этого, но не был готов к обжигающей волне панического ужаса, которая окатила его при виде безлюдной комнаты.

— Сириус! — крикнул он. — Сириус, где ты?

Его голос эхом прокатился по кухне, но больше никто ему не ответил — только справа от очага что-то слабо зашуршало.

— Кто это? — спросил он, почти уверенный, что там копошится обычная мышь.

В поле его зрения появился эльф-домовик Кикимер. Хотя обе руки у него были забинтованы —

похоже, недавно ему сильно досталось, — он был чрезвычайно чем-то доволен.

— В очаге голова мальчишки Поттера, — сообщил Кикимер пустой кухне, украдкой кидая на Гарри взгляды, в которых сквозило какое-то странное торжество. — Зачем он сюда явился, интересно нам знать!

— Где Сириус, Кикимер? — требовательно спросил Гарри.

Домовик издал придушенный смешок.

— Хозяина нет дома, Гарри Поттер.

— Куда он пошёл? Куда он пошёл, Кикимер?

Кикимер только похихикивал.

— Предупреждаю тебя! — сказал Гарри, прекрасно понимая, что в своём теперешнем положении он едва ли сможет причинить Кикимеру какой бы то ни было вред. — А Люпин? А Грозный Глаз? Хоть кто-нибудь из них дома есть?

— Никого, кроме Кикимера! — ликующе воскликнул эльф и, отвернувшись от Гарри, стал медленно пробираться к двери в дальнем конце кухни. — Пожалуй, Кикимер сейчас пойдёт поболтает с хозяйкой — да-да, у него давно не было такой возможности, хозяин его к ней не подпускал…

— Куда ушёл Сириус? — завопил Гарри ему

вслед. — Кикимер! Он пошёл в Отдел тайн?

Кикимер стал как вкопанный. В кухне было много стульев, и сквозь частокол их ножек Гарри видел только лысину эльфа.

— Хозяин не делится с Кикимером своими планами, — спокойно сказал он.

— Но ты ведь знаешь! — закричал Гарри. — Разве не так? Ты же знаешь, где он!

Наступила недолгая тишина, затем домовик усмехнулся ещё громче, чем раньше.

— Хозяин не вернётся из Отдела тайн! — торжествующе сказал он. — Кикимер с хозяйкой снова остались вдвоём!

И он торопливо скрылся за дверью, ведущей в коридор.

— Ах ты…

Но, не успев выругаться, Гарри ощутил страшную боль в макушке. Он вдохнул целое облако золы, закашлялся, почувствовал, как его куда-то тащат сквозь пламя, и вдруг с жуткой внезапностью увидел прямо перед собой широкую бледную физиономию профессора Амбридж — вытащив его из камина за волосы, она изо всех сил оттягивала ему голову назад, точно собиралась перерезать глотку.

— Ты думаешь, — прошептала она, ещё сильнее

оттягивая ему голову, так что перед его глазами замаячил потолок, — что после двух нюхлеров я позволю ещё одному мерзкому маленькому крысенышу проникнуть ко мне в кабинет без моего ведома? Глупый мальчишка! Да после того, как сюда подкинули второго нюхлера, я наложила на дверь особое Сигнальное заклятие против воров! Забрать у него палочку, — пролаяла она кому-то, кого Гарри не видел, и во внутренний карман его мантии скользнула чужая рука. — И у неё тоже!

Гарри услышал возню у двери и понял, что у Гермионы тоже силой отняли палочку.

— Хотелось бы знать, что вы делаете в моём кабинете, — сказала Амбридж и тряхнула его за волосы так, что он едва не упал.

— Я… я хотел забрать свою «Молнию», — прохрипел Гарри.

— Лжец! — Она снова тряхнула его. — Ваша метла находится в подземелье под усиленной охраной, и вы это отлично знаете, Поттер. Вы стояли перед моим камином, засунув туда голову. С кем вы вели переговоры?

— Ни с кем… — сказал Гарри, пытаясь вырваться из её рук. Он почувствовал, как несколько его волос навсегда расстались с макушкой.

— Лжец! — выкрикнула Амбридж. Она оттолк-

нула его от себя, и он врезался в стол. Теперь он увидел, что Гермиону прижала к стене Милисента Булстрод. К подоконнику прислонился Малфой; ухмыляясь, он подбрасывал палочку Гарри в воздух и снова ловил её.

Снаружи послышались быстрые шаги, и в комнату вошли несколько здоровенных слизеринцев. Они вели с собой Рона, Джинни, Полумну и, к удивлению Гарри, Невилла — Крэбб сжимал ему горло мёртвой хваткой, рискуя задушить его в любую минуту. Во рту у пленников торчали кляпы.

— Всех изловили, — сказал Уоррингтон, грубо выталкивая Рона на середину комнаты. — А этот, — он ткнул в Невилла толстым пальцем, — хотел помешать мне поймать её, — он указал на Джинни, которая пыталась лягнуть в ногу крупную девицу, державшую её в охапке, — так что я и его прихватил.

— Замечательно, просто замечательно, — сказала Амбридж, глядя, как извивается Джинни. — Похоже, Хогвартс скоро освободится от всей семейки Уизли!

Малфой громко и угодливо рассмеялся. Амбридж улыбнулась широкой самодовольной улыбкой, не спеша опустилась в кресло с цве-

тастой обивкой и уставилась на пленников немигающим взглядом, точно жаба на клумбе.

— Итак, Поттер, — сказала она, — вы расставили вокруг моего кабинета своих наблюдателей и отправили ко мне этого клоуна (Малфой рассмеялся ещё громче) с сообщением, что полтергейст безобразничает в классе трансфигурации, тогда как я прекрасно знала, что он занят совсем другим: мистер Филч только что сообщил мне, что он замазывает чёрной краской окуляры школьных телескопов. Таким образом, для вас было очень важно с кем-то поговорить. Может быть, с Альбусом Дамблдором? Или с этим полукровкой, Хагридом? Сомневаюсь, чтобы это была Минерва МакГонагалл: насколько я знаю, она ещё не в состоянии ни с кем беседовать.

При этих словах Малфой и несколько членов Инспекционной дружины засмеялись опять. Гарри был так переполнен гневом и ненавистью, что его колотила дрожь.

— Не ваше дело, с кем я разговаривал, — огрызнулся он.

Дряблое лицо Амбридж слегка напряглось.

— Очень хорошо, — сказала она своим самым угрожающим приторным голоском. — Очень хорошо, Поттер… я дала вам шанс признаться

добровольно. Вы отказались. Мне остаётся только одно — принуждение… Драко! Позовите сюда профессора Снегга.

Малфой спрятал палочку Гарри во внутренний карман мантии и вышел из кабинета с ухмылочкой, но Гарри едва это заметил. Он только что вспомнил одну вещь и поразился собственной тупости: как он мог об этом забыть? Он думал, что все члены Ордена, все, кто мог оказать ему помощь в спасении Сириуса, покинули школу, — но он ошибался. Один член Ордена Феникса по-прежнему находился в Хогвартсе, и этим человеком был Снегг.

В кабинете наступила тишина, лишь время от времени нарушаемая шумом борьбы и сопением слизеринцев, не дающих Рону и остальным вырваться из их объятий. Рон пытался освободиться от зажима Уоррингтона; у него была разбита губа, и кровь из неё капала на ковёр Амбридж; Джинни до сих пор старалась наступить на ноги шестикурснице, которая крепко держала её за обе руки; Невилл, чьё лицо приобретало всё более фиолетовый оттенок, трепыхался в лапищах Крэбба, а Гермиона тщетно пыталась стряхнуть с себя Милисенту. Полумна, однако, смирно стояла рядом с притащившей её слизеринкой и вяло

смотрела в окно, точно её одолевала невыносимая скука.

Гарри перевёл взгляд обратно на Амбридж, которая пристально следила за ним. Когда в коридоре снова раздались шаги, он попытался придать своему лицу как можно более спокойное и равнодушное выражение. В комнату снова вошёл Драко Малфой и придержал дверь перед Снеггом.

— Вы хотели меня видеть, директор? — спросил Снегг, с полнейшим бесстрастием озирая пары борющихся учеников.

— А, профессор Снегг! — воскликнула Амбридж, широко улыбаясь и снова вставая на ноги. — Да-да, мне нужен ещё один пузырёк с сывороткой правды, и чем скорее, тем лучше.

— Вы забрали у меня последний пузырёк, чтобы допросить Поттера, — сказал Снегг, холодно глядя на неё сквозь свисающие ему на глаза сальные космы. — Не использовали же вы его весь целиком? Кажется, я говорил вам, что довольно трёх капель.

Амбридж покраснела.

— Но вы ведь можете принести ещё? — как всегда в минуты раздражения, её голос стал ещё более сладким и приторным.

— Разумеется, — сказал Снегг, поджав губы. — Это снадобье должно настаиваться в течение всего лунного цикла, так что примерно через месяц вы сможете его получить.

— Через месяц? — взвизгнула Амбридж, раздуваясь по-жабьи. — Через месяц? Но он нужен мне сегодня, Снегг! Я только что обнаружила перед своим камином Поттера, который вёл переговоры с неустановленным лицом или лицами!

— Неужели? — сказал Снегг, впервые проявляя слабый интерес к происходящему. Он повернулся и посмотрел на Гарри. — Что ж, это меня не удивляет. Поттер никогда не отличался дисциплинированностью.

Его холодные тёмные глаза так и сверлили Гарри, но тот встретил его взгляд не дрогнув — он изо всех сил старался сконцентрироваться на том, что видел во сне, заставить Снегга прочесть это у него в сознании, понять…

— Я хочу допросить его! — крикнула Амбридж, и Снегг вновь перевёл взгляд с Гарри на её дрожащее от злобы лицо. — Я хочу, чтобы вы снабдили меня средством, которое поможет мне выяснить правду!

— Я ведь уже сказал, что у меня больше нет запасов нужной вам сыворотки, — невозмутимо

ответил Снегг. — Если вы не хотите отравить Поттера — кстати, уверяю вас, что я отнёсся бы к подобному намерению с большим сочувствием, — то у меня нет возможности вам помочь. Беда только в том, что большинство ядов действует слишком быстро и практически не оставляет жертве времени на признания.

И Снегг снова посмотрел на Гарри, который уставился на него, мучительно пытаясь передать свои мысли без слов.

«Волан-де-Морт схватил Сириуса и держит его в Отделе тайн, — отчаянно повторял он про себя. — Волан-де-Морт схватил Сириуса…»

— Я назначаю вам испытательный срок! — завопила Амбридж, и Снегг снова перевёл на неё взгляд, чуть приподняв брови. — Вы намеренно отказываете мне в содействии! Я ожидала иного — Люциус Малфой всегда отзывался о вас с крайним уважением! А теперь прочь из моего кабинета!

Снегг отвесил ей насмешливый поклон и повернулся к двери.

Гарри понял, что последний шанс поставить Орден в известность о случившемся сейчас покинет кабинет вместе с профессором зельеварения.

— Бродяга у него в плену! — крикнул он. — Его

держат там, где оно спрятано!

Снегг замер с поднятой рукой, уже готовый толкнуть дверь.

— Бродяга? — воскликнула Амбридж, жадно переводя взгляд с Гарри на Снегга. — Какой ещё Бродяга? И что там спрятано? О чём это он, Снегг?

Снегг обернулся. Его лицо было непроницаемо. Гарри не мог понять, догадался ли он, в чём дело, но в присутствии Амбридж нельзя было говорить яснее.

— Понятия не имею, — холодно сказал Снегг. — Если я захочу послушать околесицу, я дам вам болтушки для молчунов, Поттер. Кстати, Крэбб, ослабьте немного хватку. Если вы задушите Долгопупса, начнётся бесконечная бумажная канитель. К тому же мне придётся упомянуть об этом в вашей характеристике, если вы когда-нибудь вздумаете устроиться на работу.

Он со стуком закрыл за собой дверь, оставив Гарри в ещё большем смятении, чем прежде, — ведь Снегг был его последней надеждой. Он посмотрел на Амбридж, которая, похоже, чувствовала то же самое: её грудь вздымалась от бессильной ярости.

— Что ж, прекрасно, — сказала она и вынула па-

лочку. — Прекрасно… мне не оставляют выбора… это больше, чем вопрос школьной дисциплины… это касается безопасности на уровне Министерства… да… да…

Она словно уговаривала себя на что-то решиться. Нервно переминаясь с ноги на ногу, она поглядывала на Гарри, похлопывала палочкой по ладони и тяжело отдувалась. Гарри вдруг с ужасом ощутил, как он беззащитен перед нею без своей собственной палочки.

— Вы вынуждаете меня, Поттер… я этого не хочу, — сказала Амбридж, всё ещё беспокойно топчась на месте. — Но иногда обстоятельства оправдывают применение… Я уверена, министр поймёт, что у меня не было другого пути…

Малфой следил за ней с алчным нетерпением.

— Заклятие Круциатус развяжет тебе язык, — негромко сказала Амбридж.

— Нет! — воскликнула Гермиона. — Профессор Амбридж… это противозаконно!

Но Амбридж не обратила на неё внимания. На её лице было написано отвратительное жадное возбуждение — такой Гарри её ещё не видел. Она подняла палочку.

— Министр не позволил бы вам нарушать закон, профессор Амбридж! — крикнула Гермиона.

— То, о чём Корнелиус не узнает, ему не повредит, — сказала Амбридж. Она слегка задыхалась, направляя палочку на разные части тела Гарри по очереди, явно выбирая самое уязвимое место. — Он ведь так и не узнал, что это я прошлым летом наслала на Поттера дементоров, но всё равно был очень рад, когда ему представилась возможность его исключить.

— Так это были вы? — ахнул Гарри. — Вы натравили на меня дементоров?

— Кто-то должен был действовать, — прошептала Амбридж, и её палочка замерла, нацелившись Гарри прямо в лоб. — Они все твердили, что надо заставить тебя замолчать… как-нибудь тебя опорочить… но только я одна предприняла какие-то реальные шаги… правда, в тот раз ты выкрутился, Поттер! Но сегодня тебе это не удастся… нет, не удастся… — И, набрав в грудь воздуху, она воскликнула:

— *Круци…*

— НЕТ! — сорвавшимся голосом крикнула Гермиона из-за плеча Милисенты Булстрод. — Нет… Гарри… нам придётся сказать ей!

— Ни за что! — завопил Гарри, глядя на ту малую толику Гермионы, которая была доступна взору.

— Нам всё равно придётся, Гарри, иначе она вырвет из тебя это, так какой же смысл…

И Гермиона тихо зарыдала, уткнувшись лицом в спину Милисенты. Та немедленно перестала вдавливать её в стену и попыталась увернуться от неё с видом глубокого отвращения.

— Так-так-так! — с торжествующей миной сказала Амбридж. — Наконец-то мы услышим от нашей дотошной мисс Почемучки кое-какие ответы! Ну-ка, давайте, милая, давайте!

— Гей… мо… на… не-е! — промычал Рон сквозь кляп. Джинни уставилась на Гермиону таким взглядом, как будто раньше никогда её не видела. Всё ещё задыхающийся Невилл тоже не сводил с неё глаз. Однако Гарри заметил одну вещь: хотя Гермиона отчаянно рыдала, спрятав лицо в ладони, на её щеках не было ни малейшего следа слёз.

— Я… простите меня, все… — пробормотала Гермиона. — Но… я не могу этого выдержать…

— Правильно, правильно, девочка! — сказала Амбридж, хватая Гермиону за плечи. Она толкнула её в освободившееся цветастое кресло и нависла над ней. — Ну? С кем Поттер сейчас связывался через камин?

— Он… — всхлипнула Гермиона, не отнимая

рук от лица, — он пытался поговорить с профессором Дамблдором.

Рон застыл, широко раскрыв глаза; Джинни перестала лягать свою противницу-слизеринку и даже Полумна, кажется, слегка удивилась. К счастью, внимание Амбридж и её любимцев было целиком сосредоточено на Гермионе и никто из них не заметил этих подозрительных признаков.

— С Дамблдором? — жадно переспросила Амбридж. — Так, значит, вам известно, где он?

— Нет… нет! — прорыдала Гермиона. — Мы проверяли «Дырявый котёл» в Косом переулке, «Три метлы» и даже «Кабанью голову»…

— Безмозглая девчонка! Дамблдор не станет сидеть в трактире, когда за ним охотится всё Министерство! — закричала Амбридж. Разочарование сквозило в каждой складке её обрюзгшего лица.

— Но… но мы должны были сообщить ему очень важную вещь! — завывала Гермиона, всё плотнее прижимая ладони к глазам, но Гарри понимал, что она не так уж страдает: ей просто нужно было скрыть отсутствие слёз.

— Ах вот как? — спросила Амбридж с новым приливом воодушевления. — И что же вы хотели ему сообщить?

— Мы… мы хотели сказать ему, что оно го… готово!

— Что готово? — настойчиво спросила Амбридж, хватая Гермиону за плечи и слегка встряхивая. — Что? Отвечай!

— Ору… оружие, — выдавила Гермиона.

— Оружие? — воскликнула Амбридж. От возбуждения глаза её полезли на лоб. — Так вы планировали оказать сопротивление? Хотели использовать своё оружие против Министерства? Конечно, по наущению профессора Дамблдора?

— Д-да, — призналась Гермиона. — Но ему пришлось покинуть школу раньше, чем оно созрело, а т-теперь мы довели подготовку до конца и н-не можем найти его и с-с-сказать об этом!

— И что же это за оружие? — резко спросила Амбридж, по-прежнему крепко сжимая своими короткими пухлыми руками плечи Гермионы.

— Если честно, мы и с-с-сами не знаем, — сказала Гермиона, громко шмыгнув носом. — Мы просто д-д-делали то, что в-в-велел нам профессор Дамблдор!

Амбридж выпрямилась с ликующим видом.

— Отведи меня к этому оружию, — сказала она.

— Я не хочу показывать… им! — пронзительно воскликнула Гермиона, косясь на членов Инспек-

ционной дружины сквозь раздвинутые пальцы.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, — сурово сказала Амбридж.

— Ладно, — снова заныла Гермиона. — Ладно… Пускай они его увидят — надеюсь, они применят его против вас! Это даже хорошо. Позовите побольше народу, чтобы они пошли и посмотрели! Т-тогда вы получите п-п-по заслугам, пускай вся школа у… узнает, где оно и как им пользоваться, и тогда, стоит вам кого-нибудь обидеть, как он в-вам от… отплатит!

Эти слова произвели на Амбридж сильнейшее впечатление: она быстро и подозрительно обвела взглядом своих прихвостней, и её выпученные глаза задержались на Малфое, который слишком туго соображал и не успел согнать с лица гримасу алчности и нетерпения.

Амбридж поразмыслила над словами Гермионы ещё чуть-чуть, а потом заговорила тоном, который, видимо, считала по-матерински ласковым:

— Хорошо, милочка, пусть это будем только ты и я… и Поттера тоже возьмём, правда? Ну, вставай.

— Профессор, — жадно сказал Малфой. — Профессор Амбридж, по-моему, кто-нибудь из членов

Дружины должен пойти с вами, чтобы присмотреть…

— Я высококвалифицированная служащая Министерства, Малфой! По-вашему, я одна не в силах справиться с двумя подростками без палочек? — резко спросила Амбридж. — В любом случае, я полагаю, что это оружие не следует показывать детям школьного возраста. Вы подождёте здесь моего возвращения и позаботитесь о том, чтобы никто из этих, — она обвела рукой Рона, Джинни, Невилла и Полумну, — тем временем не сбежал.

— Хорошо, — угрюмо сказал Малфой. Вид у него был разочарованный.

— А вы двое пойдёте впереди и будете показывать мне дорогу, — распорядилась Амбридж, направив палочку на Гарри с Гермионой. — Ну же, ведите!

Глава 33
Потасовка и побег

Гарри понятия не имел, что замыслила Гермиона и есть ли у неё замысел вообще. Когда они вышли из кабинета и двинулись по коридору, он постарался отстать от неё ровно на полшага, потому что понимал: ни в коем случае нельзя возбуждать подозрений в том, что он не знает, куда они идут. Заговорить с ней он не решался: Амбридж шла за ними вплотную, так что всё время слышно было её неровное дыхание.

Вслед за Гермионой они спустились по лестнице и вошли в вестибюль. Из двустворчатой двери Большого зала, отдаваясь эхом, доносились весёлые голоса и стук столовых приборов. Гарри показалось очень странным, что в каком-то десятке шагов от них люди с удовольствием ужинают, празднуют окончание экзаменов, забот ровно никаких…

Гермиона напрямик двинулась к дубовым входным дверям и сошла по каменным ступеням, овеваемая нежным вечерним ветерком. Солнце уже опускалось к вершинам деревьев Запретного

леса, и тени Гарри, целеустремлённо шагающей Гермионы и семенящей следом Амбридж волнисто тянулись за ними по траве, как длинные чёрные мантии.

— Оно спрятано в хижине Хагрида? Да? — нетерпеливо спросила Амбридж, дыша Гарри в затылок.

— Разумеется, нет, — язвительно отозвалась Гермиона. — Хагрид мог бы нечаянно привести его в действие.

— Ещё бы, — сказала Амбридж, чьё возбуждение стремительно росло. — Наверняка бы привёл, полукровка, безмозглая орясина!

Она засмеялась. Гарри с трудом подавил желание повернуться и схватить её за горло. В мягком вечернем воздухе шрам болезненно пульсировал, но его ещё не жгло калёным железом, как жгло бы, если бы Волан-де-Морт вступил в игру по-настоящему.

— Тогда… где же? — спросила Амбридж с ноткой неуверенности в голосе, поспешая за Гермионой, которая продолжала шагать в сторону Леса.

— Там, конечно, — ответила Гермиона, показывая на тёмные деревья. — Если прятать, то в таком месте, где ученики не могут обнаружить его случайно.

— Да, безусловно, — сказала Амбридж с некоторым беспокойством. — Само собой… Хорошо, хорошо… Держитесь оба впереди меня.

— Раз уж мы идём первыми, можно нам вашу волшебную палочку? — спросил Гарри.

— Полагаю, что нет, мистер Поттер, — сладким голосом проговорила Амбридж, ткнув его концом палочки в спину. — Боюсь, что Министерство ценит мою жизнь несколько выше, чем вашу.

Когда они оказались в прохладной лесной тени, Гарри попытался встретиться с Гермионой глазами: зайти в Лес без волшебных палочек значило, по его мнению, совершить поступок ещё более опрометчивый, чем все их предыдущие в этот вечер. Но она только бросила презрительный взгляд на Амбридж и решительно углубилась в чащу, идя с такой быстротой, что Амбридж на своих коротких ногах едва поспевала.

— Нам ещё далеко? — спросила Амбридж, чья мантия постоянно цеплялась за колючки.

— Далеко, — ответила Гермиона. — Оно очень хорошо спрятано.

Тревога Гарри нарастала. Гермиона выбрала не ту тропинку, по которой они ходили к Грохху, а ту, что три года назад привела его к логову чудовищного паука Арагога. Гермионы с ним тогда не

было, и она, скорее всего, не подозревала, какая опасность поджидает их теперь в конце пути.

— М-м… ты уверена, что это та дорога? — спросил он её многозначительным тоном.

— Да, уверена, — ответила она стальным голосом, продираясь сквозь кусты с совершенно излишним, по его мнению, шумом. Сзади Амбридж споткнулась об упавшее деревце. Ни Гарри, ни Гермиона не остановились, чтобы помочь ей подняться. Не сбавляя шага, Гермиона обернулась и во весь голос крикнула через плечо:

— Чуть поглубже надо ещё зайти!

— Гермиона, потише, — пробормотал Гарри, стараясь не отстать. — Мало ли кто здесь может услышать…

— Я и хочу, чтобы нас услышали, — тихо отозвалась Гермиона под громкий треск и шелест от ног спешащей вдогонку Амбридж. — Погоди, увидишь…

Так они шли ещё довольно долго и наконец очутились в глухой чащобе, где сквозь плотный навес древесных крон не пробивалось почти никакого света. У Гарри возникло ощущение, которое он испытывал в Лесу и раньше, — что на него смотрят чьи-то невидимые глаза.

— Сколько ещё идти? — раздался сзади серди-

тый голос Амбридж.

— Совсем немного осталось! — крикнула Гермиона, выходя на сырую мглистую поляну. — Каких-нибудь два шага…

В воздухе просвистела стрела и со зловещим стуком воткнулась в дерево чуть повыше её головы. Вдруг всё кругом наполнилось топотом копыт; Гарри почувствовал, что лесная подстилка дрожит; Амбридж, пискнув, вытолкнула его вперёд наподобие щита.

Он вывернулся из её рук и огляделся. Со всех сторон к ним приближались кентавры, их было десятков пять, их поднятые и натянутые луки были нацелены на Гарри, Гермиону и Амбридж. Медленно пятясь, все трое вышли на середину поляны. Охваченная ужасом Амбридж как-то странно, мелко похныкивала. Гарри скосил взгляд на Гермиону и увидел на её лице торжествующую улыбку.

— Кто ты, человек? — прозвучал голос.

Гарри повернул голову налево. Выступив из кольца кентавров, к ним двигался гнедой Магориан с готовым к выстрелу, как и у других, луком. Справа Амбридж по-прежнему хныкала, её волшебная палочка, направленная на приближающегося кентавра, ходила ходуном.

— Я спросил тебя, кто ты, — грубо повторил Магориан.

— Я Долорес Амбридж! — ответила Амбридж визгливым, насмерть перепуганным голосом. — Первый заместитель министра магии, директор и генеральный инспектор Хогвартса!

— Так ты из Министерства магии? — спросил Магориан. Многие из окружавших их кольцом кентавров беспокойно пошевелились.

— Именно! — провизжала Амбридж на ещё более высокой ноте. — Поэтому думайте, что делаете! Согласно законам, установленным Отделом регулирования магических популяций и контроля над ними, любое нападение полукровок, подобных вам, на человека…

— Как ты нас назвала? — воскликнул чёрный, дикий на вид кентавр, в котором Гарри узнал Бейна. Со всех сторон зазвучал гневный ропот, тетивы луков натянулись туже.

— Не смейте их так называть! — разъярённо крикнула Гермиона, но Амбридж точно не слышала.

По-прежнему направляя на Магориана трясущуюся волшебную палочку, она продолжала:

— Закон пятнадцатый, статья «В» ясно указывает, что любое нападение со стороны магического

существа, которое квалифицируется как обладающее интеллектом, близким к человеческому, и считается вследствие этого способным отвечать за свои поступки…

— Близким к человеческому? — повторил Магориан, в то время как Бейн и некоторые другие, издавая свирепые возгласы, били копытами. — Для нас это великое оскорбление, человек! Наш интеллект, к счастью, намного превосходит ваш!

— Что вы делаете в нашем Лесу? — вскричал серый кентавр с грубым лицом, которого Гарри и Гермиона видели в Лесу в прошлый раз. — Зачем вы здесь?

— В вашем Лесу? — переспросила Амбридж, дрожа, казалось, уже не только от страха, но и от негодования. — Не забывайте: вы живёте здесь только потому, что Министерство магии отвело вам определённые участки земли…

Стрела пролетела так близко от её макушки, что задела полуседые волосы. Амбридж истошно завопила и вскинула руки к голове. Иные из кентавров одобрительно взревели, другие разразились резким хохотом, который отдался на сумеречной поляне эхом. Дикий, похожий на ржание смех, вид роющих землю копыт — всё это могло навести ужас на кого угодно.

— Так чей же это Лес, человек? — прогремел Бейн.

— Мерзкие полукровки! — завопила Амбридж, всё ещё прижимая руки к голове. — Зверьё! Неуправляемые животные!

— Молчите! — крикнула Гермиона, но было поздно. Амбридж направила на Магориана волшебную палочку:

— *Инкарцеро!*

В воздухе, откуда ни возьмись, появились толстые канаты-змеи. Они туго опутали грудь и руки кентавра. С яростным рёвом Магориан взвился на дыбы, пытаясь высвободиться; другие кентавры ринулись в атаку.

Гарри схватил Гермиону и повалил наземь. Лёжа лицом вниз на траве, он испытал секунды ужаса, когда совсем рядом загрохотали копыта, но одни кентавры с воплями гнева перепрыгнули через них с Гермионой, другие проскакали рядом.

— Не сме-е-е-ейте! — услышал он крик Амбридж. — Не сме-е-е-ейте!.. Я первый заместитель… вы не имеете права… Отпустите меня, зверюги, слышите?.. Не-е-е-ет!

Гарри увидел красную вспышку и понял, что она попыталась оглушить кого-то из кентавров

заклятием; потом она отчаянно заорала. Чуть приподняв от земли голову, Гарри увидел, что Бейн обхватил её сзади руками и поднял в воздух. Она извивалась и вопила от страха, её волшебная палочка упала на землю, и Гарри мгновенно воспрял духом. Если бы дотянуться…

Но едва он шевельнул рукой, как на палочку опустилось копыто кентавра и она разломилась надвое.

— А ну! — рявкнул у него над ухом грубый голос, и толстая волосатая рука, опустившись с высоты, насильно поставила его на ноги. Так же поступили и с Гермионой. Глядя поверх разноцветных качающихся голов и спин кентавров, Гарри увидел, как Бейн уносит Амбридж в чащу. Её неумолкающий крик слышался всё слабей и слабей, пока наконец стук копыт не заглушил его вовсе.

— А этих? — спросил серый кентавр с грубым лицом, который держал Гермиону.

— Они ещё юные, — медленно проговорил у Гарри за спиной мрачный голос. — Мы не трогаем жеребят.

— Они привели её сюда, Ронан, — возразил кентавр, крепко схвативший Гарри. — И не такие уж они юные… Этот скоро станет мужчиной.

Он с силой тряхнул Гарри, сграбастав его за шиворот мантии.

— Прошу вас, — чуть дыша, промолвила Гермиона, — пощадите нас, мы думаем о вас не так, как она, и мы не служим в Министерстве! Мы только потому сюда пришли, что хотели с вашей помощью от неё избавиться.

По лицу серого кентавра, державшего Гермиону, Гарри мигом понял, что, сказав это, она совершила ужасную ошибку. Яростно стукнув по земле задними копытами, кентавр вскинул голову и проревел:

— Ты видишь, Ронан? Они уже заражены высокомерием своего племени! Мы, оказывается, должны делать за вас грязную работу! Так, человеческая дочка? Мы должны быть вам слугами, отгонять ваших врагов, как послушные псы!

— Нет! — в ужасе пискнула Гермиона. — Прошу вас… Я вовсе не имела этого в виду! Я просто думала, что вы сможете… помочь…

Но этим она, судя по всему, только ухудшила дело.

— Мы не помогаем людям! — зло крикнул кентавр, сжимавший Гарри. Он сжал его ещё крепче и привстал на дыбы, так что подошвы Гарри мигом оторвались от земли. — Мы живём обособ-

ленно и гордимся этим. И мы не позволим вам уйти отсюда и похваляться тем, что мы плясали под вашу дудку!

— Мы не собираемся ничем таким похваляться! — воскликнул Гарри. — Мы понимаем, что вы не желаете делать то, чего мы от вас хотим…

Но никто его не слушал.

Бородатый кентавр из числа задних заорал:

— Они пришли сюда незваные, так пусть за это расплатятся!

Кентавры в ответ на его слова одобрительно зашумели. Один из них, мышастый, взревел:

— Куда женщину — туда и этих!

— Вы же сами сказали, что не трогаете невинных! — крикнула Гермиона, по щекам которой уже вовсю катились слёзы. — Мы ничего плохого вам не сделали, не угрожали, не пользовались волшебными палочками, мы хотим только вернуться в школу, пожалуйста, отпустите…

— Мы не все такие, как предатель Флоренц, человеческая дочка! — вскричал серый кентавр под громкое одобрительное ржание сородичей. — Ты небось вообразила, что мы всего-навсего забавные говорящие лошадки? Мы, к твоему сведению, древний народ и не потерпим вторжений и оскорблений со стороны волшебников! Мы не

признаём ваших законов и не собираемся отдавать вам первенство, мы…

Но сполна узнать, кем считают себя кентавры, Гарри и Гермионе не довелось, ибо в этот самый миг на краю поляны раздался такой оглушительный треск, что все, кто на ней был — и двое школьников, и пять десятков кентавров, — оглянулись. Державшие Гарри руки разжались и потянулись к луку и стрелам, позволив ему снова встать на землю. Гермиону тоже отпустили, и Гарри метнулся к ней. А тем временем два толстых ствола зловеще раздвинулись, и в промежутке выросла чудовищная фигура великана Грохха.

Ближние к нему кентавры попятились, оттесняя тех, кто стоял позади. Поляна ощетинилась луками и готовыми взвиться стрелами, нацеленными вверх — на исполинское землистое лицо, которое грозно маячило из-под густого навеса крон. Скособоченный рот Грохха был тупо разинут, в сумерках тускло желтели его зубы-кирпичи, а мутные, болотного цвета глаза, щурясь, смотрели вниз, на мелкие существа у него под ногами. От обеих лодыжек тянулись обрывки толстой верёвки.

Он открыл рот ещё шире:

— Хаггер.

Гарри не понял, что это означает и на каком языке произнесено, но ему и не до того было: он смотрел на громадные ступни, почти равные в длину его туловищу. Гермиона крепко вцепилась ему в руку; кентавры же в полном молчании взирали снизу вверх на великана, чья огромная круглая голова поворачивалась из стороны в сторону, как будто он что-то обронил и хотел найти.

— Хаггер! — повторил он более требовательно.

— Уходи отсюда, великан! — крикнул Магориан. — Тебе нечего у нас делать!

Слова эти, судя по всему, не произвели на Грохха никакого впечатления. Он слегка наклонился (мышцы кентавров, державших натянутые луки, напряглись ещё сильнее) и проревел:

— ХАГГЕР!

Кое-кому из кентавров явно стало не по себе. Гермиона, наоборот, испустила вздох надежды.

— Гарри! — шепнула она. — По-моему, он хочет сказать: «Хагрид»!

В этот самый миг Грохх их увидел — двух людей в море кентавров. Пристально глядя на них, он опустил голову ещё чуть ниже. Гарри почувствовал, как Гермиона дрожит. Грохх опять широко открыл рот и утробным голосом пророкотал:

— Герми.

— Ты слышал? — воскликнула Гермиона, так крепко стиснув руку Гарри, что она начала неметь, и находясь, казалось, на грани обморока. — Он… он помнит!

— ГЕРМИ! — прорычал Грохх. — ГДЕ ХАГГЕР?

— Не знаю! — взвизгнула насмерть перепуганная Гермиона. — Мне очень жаль, Грохх, но я не знаю!

— ГРОХХ НАДО ХАГГЕР!

Могучая рука великана пошла вниз. Гермиона, крича во всё горло, пробежала несколько шагов назад и упала. Гарри, не имея волшебной палочки, приготовился бить, лягать, кусать, царапать… Рука тем временем стремительно двинулась к нему и по пути сшибла с ног белоснежного кентавра.

Этого его сородичи стерпеть не смогли. Растопыренные пальцы Грохха почти уже коснулись Гарри, когда пять десятков стрел, устремившись вверх, утыкали необъятное лицо гиганта. Он завыл от боли и ярости, выпрямился и стал тереть исполинское лицо руками, ломая древки стрел и ещё глубже загоняя в себя наконечники.

Он ревел и топал ножищами, кентавры бросились от него врассыпную, и Гарри, на которого дождём посыпались крупные, размером с галь-

ку, капли великаньей крови, рывком поставил Гермиону на ноги и ринулся с ней под деревья, сулившие укрытие. Там они оглянулись. Грохх, у которого текла по лицу кровь, вслепую водил в воздухе руками, пытаясь схватить хоть одного из кентавров, но те уже пустились в беспорядочное бегство и пропадали из виду среди деревьев по ту сторону поляны. Грохх испустил ещё один яростный вопль и двинулся за ними следом, круша по пути дерево за деревом.

— Не-ет, — простонала Гермиона, которую била такая дрожь, что она бессильно опустилась на землю. — Ужас, ужас! Он же их всех мог убить!

— Меня, честно говоря, это мало волнует, — ожесточённо заявил Гарри.

Топот кентавров и треск от бредущего наобум великана становились всё тише. Прислушиваясь, Гарри вдруг ощутил новую вспышку жестокой боли в шраме, и его захлестнул страх.

Сколько времени потрачено зря! Они ещё дальше теперь от спасения Сириуса, чем в первый момент после сновидения на экзамене. Мало того что остался без волшебной палочки, ещё и застрял с Гермионой посреди Запретного леса без всяких средств передвижения.

— Умный план, ничего не скажешь! — проши-

пел Гарри, выплёскивая злость на Гермиону. — Умнее не придумаешь. Ну, и куда же мы отсюда?

— Надо возвращаться в замок, — беспомощно ответила Гермиона.

— К тому времени Сириус, может быть, уже будет мёртв! — воскликнул Гарри, в сердцах пнув дерево. Вверху раздалось верещание на высокой ноте, и, подняв голову, он увидел разозлённого лукотруса, который нацелился на него длинными пальцами-веточками.

— Без волшебных палочек всё равно ничего не сделаешь, — безнадёжно промолвила Гермиона и заставила себя подняться. — Кстати, Гарри, как ты думал добираться до Лондона?

— Мы вот тоже об этом сейчас размышляли, — произнёс у неё за спиной знакомый голос.

Гарри и Гермиона безотчётно прижались друг к другу и уставились в темноту под деревьями.

Возник Рон, за ним торопливо шли Джинни, Невилл и Полумна. Вид у всех был довольно потрёпанный: у Джинни на щеке красовалось несколько длинных царапин, у Невилла под правым глазом налился большой лиловый фонарь, у Рона губа кровоточила хуже прежнего. Но это не мешало им быть довольными собой.

— Ну так что, — сказал Рон, — какие идеи?

Он отвёл рукой низко нависшую ветку и протянул Гарри его волшебную палочку.

— Как вы сумели удрать? — изумлённо спросил Гарри, беря палочку.

— Пара-тройка Оглушающих заклятий, одно Разоружающее, а Невилл очень изящно применил Чары помех, — небрежно ответил Рон, вручая волшебную палочку и Гермионе. — Но кто действительно отличился — это Джинни. Наслала на Малфоя Летучемышиный сглаз, большие такие крылатые твари — всю морду ему облепили. Мы увидели в окно, что вы идёте в Лес, и двинули за вами. Что вы сделали с Амбридж?

— Её кентавры утащили, — сказал Гарри. — Их тут был целый табун.

— А вас оставили? — поразилась Джинни.

— Пришлось оставить, потому что за ними погнался Грохх, — объяснил Гарри.

— Кто такой Грохх? — поинтересовалась Полумна.

— Маленький братец Хагрида, — быстро ответил Рон. — Но об этом потом. Гарри, что ты выяснил через камин? Сам-Знаешь-Кто действительно схватил Сириуса?

— Да, — сказал Гарри, снова чувствуя колющую боль в шраме. — Я уверен, что Сириус жив, но как

туда добраться и ему помочь — не знаю.

Все испуганно притихли. Задача казалась неосуществимой.

— Придётся нам полететь, — промолвила Полумна самым что ни на есть будничным тоном.

— Так, — раздражённо набросился на неё Гарри. — Во-первых, нам, если ты включаешь в это понятие себя, ничего делать не придётся. Во-вторых, у всех, кроме Рона, мётлы стережёт тролль-охранник, поэтому…

— У меня есть метла! — возразила Джинни.

— Есть, но ты никуда не летишь, — сердито заявил Рон.

— Прошу прощения, но судьба Сириуса волнует меня не меньше, чем тебя! — воскликнула Джинни и сжала зубы так, что её сходство с Фредом и Джорджем стало просто удивительным.

— Ты тоже… — начал Гарри, но Джинни яростно перебила его:

— Я на три года старше, чем ты был, когда дрался Сам-Знаешь-С-Кем за философский камень! Это я обезвредила сейчас Малфоя в кабинете Амбридж, это я напустила на него огромных летучих тварей…

— Да, но…

— В Отряде Дамблдора мы были вместе, — тихо

сказал Невилл. — Разве не для того мы его создали, чтобы сражаться Сам-Знаешь-С-Кем? Вот мы в первый раз получили шанс сделать что-то по-настоящему. Или, по-твоему, ОД — это была игра?

— Нет… конечно, не игра… — нехотя согласился Гарри.

— Тогда нам всем надо отправляться, — бесхитростно рассудил Невилл. — Мы хотим помочь.

— Верно, — поддержала его Полумна с радостной улыбкой.

Гарри встретился взглядом с Роном. Он знал, что Рон думает в точности о том же: что если бы он мог решать, кому из членов ОД участвовать в спасении Сириуса, то он не взял бы с собой ни Джинни, ни Невилла, ни Полумну.

— Впрочем, это не имеет никакого значения, — уныло промолвил Гарри. — Всё равно мы не знаем, как туда добираться…

— А я думала, это решено, — вмешалась Полумна. — Мы летим!

Было от чего прийти в бешенство.

— Так, послушай-ка меня, — сказал Рон, едва сдерживаясь. — Ты, может быть, и умеешь летать без метлы, но нам-то, остальным, где прикажешь взять крылья?

— Летать можно не только на мётлах, — безмя-

тежно возразила Полумна.

— А на чём ещё? На мерзляках твоих козлорогих? — поинтересовался Рон.

— Морщерогие кизляки не летают, — сказала Полумна с достоинством, — а вот эти летают, и ещё как, и Хагрид говорил, они запросто могут доставить тебя куда нужно.

Гарри резко обернулся. Между двумя деревьями, призрачно тараща белые глаза, стояли два фестрала. Они смотрели на перешёптывающуюся группу так, будто понимали каждое слово.

— Точно! — воскликнул он и двинулся к ним. Вскинув головы, похожие на головы рептилий, они тряхнули длинными чёрными гривами. Гарри, не мешкая, протянул руку и погладил ближнего по отсвечивающей шее. Как это он раньше считал их уродливыми?

— Что, эти идиотские лошади? — неуверенно спросил Рон, уставившись в точку немного левей фестрала, которого гладил Гарри. — Которых не видишь, если при тебе кто-нибудь не отдал концы?

— Да, — ответил Гарри.

— Сколько?

— Всего два.

— А нам надо три, — сказала Гермиона, не со-

всем оправившаяся от потрясения, но уже полная решимости.

— Не три, а четыре, — сердито поправила её Джинни.

— Мне кажется, нас тут шестеро, — спокойно промолвила, пересчитав всех, Полумна.

— Глупости! Мы не можем все полететь! — снова разъярился Гарри. — Так, вы трое, — он показал на Невилла, Джинни и Полумну, — вы в этом не участвуете, вы не…

Новые бурные протесты. Шрам ожгло ещё раз, и больнее. Каждая секунда промедления могла стать решающей. Спорить было некогда.

— Ладно, как хотите, дело ваше, — коротко сказал Гарри. — Но если мы не найдём других фестралов, вы не сможете…

— Другие придут, не сомневайся, — заверила его Джинни, смотревшая, как и Рон, мимо.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что вы с Гермионой, к твоему сведению, заляпаны кровью, — невозмутимо объяснила она, — а мы знаем, что Хагрид приманивает фестралов сырым мясом. Вот из-за чего явились эти двое.

Гарри почувствовал, как что-то мягко тянет его за мантию, и, опустив глаза, увидел, что ближ-

ний фестрал лижет его рукав, мокрый от крови Грохха.

— Отлично, — сказал он. Его осенило. — Мы с Роном садимся на этих и летим вперёд, Гермиона остаётся с вами и приманивает других…

— Нетушки! — гневно возразила Гермиона.

— Никому не надо оставаться, — улыбнулась Полумна. — Смотрите, вон ещё идут… от вас, наверно, пахнет на весь Лес…

Гарри оглянулся. Обходя деревья, к ним двигалось шесть-семь фестралов, не меньше. Огромные кожистые крылья были плотно прижаты к туловищам, глаза белели сквозь тьму. Всё, новых доводов не найти.

— Хорошо, — сердито сказал он. — Выбирайте, садитесь, и поехали.

Глава 34
Отдел тайн

Гарри крепко взялся за гриву ближайшего фестрала, намотал её на руку, потом встал на пенёк и неуклюже вскарабкался на шелковистую лошадиную спину. Конь не возражал — он только повернул к нему голову, оскалил клыки и попытался снова полизать его мантию.

Оказалось, что можно упереться коленками в основания крыльев летучего коня — сидеть так было довольно удобно. Устроившись, Гарри оглянулся на товарищей. Невилл уже навалился животом на спину соседнего фестрала, но никак не мог перекинуть через неё свою коротенькую ногу. Полумна уселась на своего коня боком и спокойно расправляла мантию, словно такое путешествие было для неё самым обычным делом. Однако Рон, Гермиона и Джинни до сих пор не сдвинулись с места — они замерли, глядя в пространство с раскрытыми ртами.

— Ну? — спросил он.

— Как мы, по-твоему, на них сядем, — слабым голосом спросил Рон, — если их даже не видно?

— О, это совсем просто, — сказала Полумна, с готовностью соскальзывая со своего фестрала и направляясь к ним. — Идите сюда…

Она подвела ребят к другим фестралам, стоящим неподалёку, и по очереди помогла им взобраться на их спины и нащупать руками гривы, — при этом вид у всех троих был очень испуганный. Посоветовав им держаться крепче, Полумна вернулась обратно.

— Это безумие, — пробормотал Рон, осторожно проводя свободной рукой по шее своего коня. — Безумие… Эх, если б я мог его видеть…

— Наоборот, считай, что тебе повезло, — мрачно заметил Гарри. — Ну что, все готовы?

Пятеро друзей кивнули в ответ, и он увидел, как напряглись под мантиями их колени.

— Хорошо, тогда…

Он посмотрел вниз, на чёрную лоснящуюся голову своего фестрала, и сглотнул.

— Тогда в Министерство магии, ко входу для посетителей… в Лондон… — неуверенно сказал он. — Э-э… если вы знаете дорогу…

Несколько секунд фестрал под ним не шевелился. Затем его мощные крылья распахнулись, чуть не сбросив Гарри на землю, конь слегка присел и взмыл вверх так резко и круто, что Гарри

пришлось прижаться к нему всем телом, иначе он соскользнул бы назад с его костистого крупа. Закрыв глаза, он приник лицом к шёлковой гриве, и они вырвались из-под лесного полога навстречу кроваво-красному закату.

Гарри казалось, что он никогда ещё не передвигался так быстро. Фестрал пронёсся над замком, почти не взмахивая крыльями; холодный ветер бил Гарри в лицо. Он обернулся, прищурившись, и увидел позади своих товарищей; все они пригнулись как можно ниже, уткнувшись в шеи своих фестралов, чтобы уберечься от ветра.

Миновали территорию школы, потом Хогсмид; Гарри видел, как скользят внизу горы и ущелья. В наступающих сумерках маленькими гроздьями зажглись огни деревень; затем внизу показалась извилистая дорога с одиноким автомобилем, пробирающимся среди холмов…

— Ну и чудеса! — донёсся до него откуда-то сзади еле слышный крик Рона, и он подумал, как это, должно быть, странно — лететь в поднебесье без всяких видимых средств передвижения.

Сумерки сгущались; на ярко-фиолетовом, стремительно темнеющем небе загорелись крошечные серебряные звёздочки. Теперь единственными ориентирами, по которым они могли

судить о скорости и высоте полёта, были огни магловских городков. Крепко вцепившись в гриву коня, Гарри мысленно умолял его нестись ещё быстрее. Сколько времени протекло с тех пор, как он увидел Сириуса на полу в Отделе тайн? Хватит ли у Сириуса сил, чтобы дождаться помощи? Правда, Гарри был убеждён, что Сириус пока не умер и не сделал того, чего требовал от него Волан-де-Морт, — ведь при любом из этих исходов он сам наверняка почувствовал бы ярость или ликование Волан-де-Морта, а его шрам заболел бы так же сильно, как в ночь нападения на мистера Уизли.

Всё дальше и дальше летели они в густеющей тьме; лицо Гарри застыло от холода, ноги, крепко сжимающие бока фестрала, онемели от напряжения, но он не отваживался переменить позу, боясь соскользнуть назад; уши его заложило от неумолчного воя воздушных потоков, а губы высохли и замёрзли на пронизывающем ночном ветру. Он уже утратил всякое чувство расстояния и надеялся только на зверя под собой, а тот, по-прежнему едва шевеля крыльями, целеустремлённо мчался вперёд сквозь ночной мрак.

Только бы не опоздать…

Он ещё жив, ещё борется, я знаю…

Если Волан-де-Морт поймёт, что Сириус не сдастся…

Я бы это почувствовал…

У Гарри подхватило кишки: фестрал вдруг круто пошёл вниз, и Гарри даже сполз на дюйм-другой ближе к его шее. Наконец-то они спускаются… Ему померещилось, что сзади кто-то крикнул, и он быстро обернулся с риском для жизни, но не увидел ничего похожего на падающее тело… Наверное, их, как и его самого, просто испугала внезапная смена направления.

Жёлтые огоньки со всех сторон приближались, становясь всё больше и круглее; уже можно было различить крыши домов, яркие фары автомобилей, похожие на светящиеся глаза насекомых, бледные жёлтые квадратики окон. Вдруг, совершенно неожиданно, на них понеслась мостовая; собрав последние силы, Гарри вцепился в гриву фестрала и съёжился, ожидая удара, однако фестрал коснулся земли легко, как тень, и Гарри сразу соскользнул с его спины. Оглядевшись, он увидел переполненный мусорный бак, по-прежнему стоящий рядом с разбитой телефонной будкой, — в тусклом оранжевом свете фонарей и будка, и бак казались чёрными.

Рон приземлился неподалёку от него и тут же

мешком свалился со своего фестрала на мостовую.

— Чтоб я ещё раз… — пробормотал он, с трудом вставая на ноги. Затем попытался было отойти от своего невидимого коня, но по ошибке наткнулся на его круп и чуть не упал снова. — Нет уж, спасибо… хуже этого я ничего…

Гермиона и Джинни опустились с небес по обе стороны от него; и та, и другая спешились с чуть большим изяществом, чем Рон, но и они, очутившись на твёрдой земле, явно почувствовали облегчение. Невилл спрыгнул со своего коня, весь дрожа, зато Полумна соскользнула на мостовую без малейшего труда.

— Куда теперь? — спросила она у Гарри с вежливым любопытством, точно речь шла всего лишь об интересной экскурсии.

— Сюда. — Благодарно потрепав по холке своего фестрала, Гарри быстро прошёл к покосившейся телефонной будке и открыл дверцу. — Скорее! — поторопил он друзей, увидев, что они медлят.

Рон и Джинни покорно забрались внутрь, за ними в будку втиснулись Гермиона с Невиллом и Полумной. Кинув прощальный взгляд на фестралов, которые принялись рыться в мусорном баке, ища съедобные отбросы, Гарри шагнул в будку

вслед за Полумной.

— Кто там ближе к аппарату? Наберите шесть, двадцать четыре, сорок два!

Вывернув руку, Рон с трудом дотянулся до диска. Когда он набрал последнюю цифру, в будке зазвучал прохладный женский голос:

— Добро пожаловать в Министерство магии. Назовите, пожалуйста, ваше имя и цель посещения.

— Гарри Поттер, Рон Уизли, Гермиона Грейнджер, — скороговоркой произнёс Гарри, — Джинни Уизли, Невилл Долгопупс, Полумна Лавгуд… Мы здесь, чтобы спасти человека, если только ваше Министерство не сделает этого раньше нас!

— Благодарю вас, — произнёс прохладный женский голос. — Посетители, возьмите, пожалуйста, значки и прикрепите их к мантии спереди.

В углубление для возврата неиспользованных монет высыпалась горсть значков. Гермиона сгребла их и молча протянула Гарри через голову Джинни; он взглянул на верхний и прочёл:

«Гарри Поттер, спасательная миссия».

— Уважаемые посетители, вам необходимо пройти досмотр и зарегистрировать ваши палочки у дежурного колдуна, чей пост находится в

дальнем конце атриума.

— Хорошо! — громко сказал Гарри. Его шрам снова засаднило. — Теперь мы наконец можем войти?

Пол телефонной будки содрогнулся, и мостовая поплыла вверх мимо её стеклянных стенок. Роющиеся в мусоре фестралы скрылись из виду; над головами шестерых друзей сомкнулась тьма, и с глухим скрежещущим звуком они канули в недра Министерства магии.

Вскоре на их ноги упал тонкий луч мягкого золотистого света и, расширяясь, пополз вверх. Гарри присел и, насколько позволяла теснота, взял свою палочку на изготовку, высматривая сквозь стекло, кто или что ждёт их в атриуме. Однако зал, похоже, был абсолютно пуст. Сейчас освещение здесь было слабее, чем днём: в каминах вдоль стен не горел огонь, но когда лифт плавно остановился, Гарри увидел, что золотые символы по-прежнему совершают на переливчато-синем потолке сложные волнообразные движения.

— Министерство магии желает вам приятного вечера, — произнёс женский голос.

Дверца телефонной будки распахнулась; Гарри, а за ним и Невилл с Полумной вывалились

наружу. Тишину, царящую в атриуме, нарушал только ровный шум воды в золотом фонтане — это журчали струи, изливающиеся в бассейн из палочек чародея и волшебницы, кончика стрелы кентавра, острия гоблинской шляпы и ушей эльфа-домовика.

— Пойдём, — тихо сказал Гарри, и все шестеро двинулись в конец зала. Гарри шагал впереди. Они миновали фонтан и подошли к столу, за которым когда-то сидел дежурный колдун, взвесивший палочку Гарри, а теперь было пусто.

Гарри встревожился: он был уверен, что здесь должен сидеть дежурный, уверен, что его отсутствие — зловещий знак, и это дурное предчувствие усилилось, когда они прошли через золотые ворота к лифтам. Он нажал ближайшую кнопку со стрелкой вниз, раздался лязг, и кабина появилась в поле их зрения почти мгновенно. С грохотом, отдавшимся эхом, разъехались золотые решётки, и ребята шагнули внутрь. Гарри ткнул пальцем в кнопку с цифрой девять, решётки с лязгом сомкнулись, и лифт, натужно гремя, пополз вниз. В первый раз, придя сюда с мистером Уизли, Гарри не заметил, сколько шума от этих лифтов; теперь он подумал, что шум наверняка перебудоражил всю охрану здания, но тут лифт

остановился, прохладный женский голос сказал: «Отдел тайн», и решётки разошлись в стороны. Они выбрались в коридор, где всё было неподвижно — только лёгкий порыв ветерка, поднятого лифтом, колыхнул пламя ближайших факелов.

Гарри повернул к простой чёрной двери. На протяжении долгих месяцев он видел её во сне — и вот наконец увидел наяву.

— Идём, — шепнул он и повёл их по коридору. Прямо за ним шла Полумна, озираясь по сторонам с чуть приоткрытым ртом. — Погодите, — сказал Гарри, останавливаясь в нескольких шагах от двери. — Может… может, кому-нибудь из нас лучше побыть здесь… и в случае тревоги предупредить…

— И как же ты услышишь наш сигнал? — подняв брови, спросила Джинни. — К тому моменту ты можешь оказаться за милю отсюда.

— Мы пойдём с тобой, Гарри, — сказал Невилл.

— И нечего терять время, — твёрдо добавил Рон. Гарри по-прежнему не хотел брать с собой всех, но ему не оставили выбора. Он снова обернулся к двери, пошёл вперёд, и, точно как во сне, она распахнулась перед ним и его товарищами.

Они очутились в просторной круглой комнате. Всё здесь было чёрным, даже пол и потолок;

вокруг всей комнаты через равные интервалы были расположены одинаковые чёрные двери без ручек и табличек, а между ними горели синим пламенем свечи в канделябрах. Их холодный мерцающий свет, отражаясь на гладком мраморном полу, делал его похожим на тёмную воду под ногами.

— Кто-нибудь, закройте дверь, — тихо попросил Гарри.

Он пожалел об этом сразу же, как только Невилл выполнил его просьбу. Отрезав себя от освещённого факелами коридора, они на мгновение перестали видеть что бы то ни было, кроме трепещущих синих язычков пламени и их призрачных отражений на полу.

Во сне Гарри всегда уверенно пересекал комнату и входил в противоположную дверь. Но здесь дверей было не меньше дюжины. Пока он смотрел на них, пытаясь решить, какая ему нужна, раздался низкий рокочущий звук, и свечи на стенах поехали в сторону. Круглая комната вращалась.

Гермиона схватила Гарри за руку, видимо, испугавшись, что и пол у них под ногами начнёт двигаться, но этого не произошло. Однако стены завертелись так быстро, что на несколько секунд

синие огоньки вокруг них слились в сплошные полосы наподобие неоновых ламп; затем, так же внезапно, рокот стих и всё снова замерло в неподвижности.

В глазах у Гарри всё ещё стояли синие полосы — больше он пока ничего не видел.

— Чего это она? — боязливо спросил Рон.

— Наверное, это для того, чтобы мы забыли, в какую из дверей вошли, — негромко сказала Джинни.

Гарри сразу понял, что она права. Теперь опознать выход было не легче, чем найти крохотного муравья на чёрном, как антрацит, полу. Мало того — туда, куда им нужно было попасть, тоже могла вести любая из дюжины одинаковых дверей вокруг.

— Как же мы выберемся? — с тревогой спросил Невилл.

— Пока что это неважно, — решительно сказал Гарри, мигая, чтобы избавиться от синих полос перед глазами, и сжимая палочку ещё крепче, чем раньше. — Нам не понадобится уходить отсюда, пока мы не найдём Сириуса…

— Только не вздумай его звать! — взволнованно сказала Гермиона, но этот совет был абсолютно лишним: интуиция и так подсказывала Гарри,

что надо вести себя как можно тише.

— Куда теперь, Гарри? — спросил Рон.

— Я не… — начал Гарри. Потом сглотнул. — Во сне я проходил от лифта к двери в конце коридора и попадал в тёмную комнату — вот в эту самую, а потом в следующую, где вроде как… играют блики. Надо проверить несколько дверей, — поспешно добавил он. — Я узнаю нужную комнату, когда увижу её. Пошли.

Вместе с друзьями, не отстающими от него ни на шаг, он направился к двери, которая теперь находилась прямо напротив. Положив левую руку на её прохладную блестящую поверхность, он поднял палочку, чтобы его не застали врасплох, затем толкнул дверь.

Она легко распахнулась.

После полумрака, царившего в первой комнате, свет люстр, низко висящих на золотых цепях в этом длинном прямоугольном помещении, показался им очень ярким, хотя здесь не было тех танцующих, мерцающих бликов, которые Гарри видел во сне. Комната была практически пуста, если не считать нескольких столов и огромного стеклянного аквариума, который занимал самую её середину, — наполненный тёмно-зелёной жидкостью, он был так велик, что все они свобод-

но могли бы в нём искупаться. Приглядевшись, они заметили, что в аквариуме лениво плавают какие-то жемчужно-белые комья.

— Что это за штуки? — прошептал Рон.

— Не знаю, — сказал Гарри.

— Может, рыбы? — предположила Джинни.

— Вододышащие личинки! — возбуждённо сказала Полумна. — Папа говорил, что в Министерстве выращивают…

— Нет, — сказала Гермиона каким-то странным голосом. Она подошла к аквариуму и всмотрелась внутрь через стекло. — Это мозги.

— Мозги?

— Да… Интересно, что они с ними делают?

Гарри тоже подошёл и стал рядом с ней. Действительно, теперь, когда он глядел на них с близкого расстояния, ошибки быть не могло. Зловеще поблёскивая, они то выплывали из глубин зелёной жидкости, то снова скрывались из виду, похожие на скользкие головки цветной капусты.

— Пойдём отсюда, — сказал Гарри. — Это не та комната. Надо проверить другую дверь.

— Здесь тоже есть двери, — заметил Рон, обводя рукой стены. У Гарри упало сердце: какой же он огромный, этот Отдел тайн!

— Во сне я выходил из тёмной комнаты и сразу

попадал во вторую, — сказал он. — По-моему, надо вернуться и попробовать оттуда.

Они снова вернулись во тьму круглой комнаты; теперь вместо синих огненных полос перед глазами у Гарри плавали призрачные комья мозгов.

— Стойте! — вдруг сказала Гермиона, когда Полумна уже собиралась закрыть за собой дверь помещения с аквариумом. — *Флагрейт!*

Она взмахнула палочкой, и на двери появился огненный крест. Стоило двери закрыться за ними, как вновь раздался низкий рокочущий гул и стены снова начали быстро вращаться, однако теперь на фоне тусклых синих полос появилась широкая, яркая красно-золотая. Когда всё опять затихло, огненный крест не потух — он по-прежнему указывал им, из какой двери они только что вышли.

— Молодец, — сказал Гарри. — Ладно, давайте проверим эту…

Он снова пересёк комнату и толкнул противоположную дверь, держа палочку наготове; друзья последовали за ним.

Новая комната, прямоугольная и слабо освещённая, была больше последней, а пол её спускался вниз ступенями, образуя огромную каменную яму футов двадцати в глубину. Они стояли на са-

мой верхней из этих крутых каменных ступеней, или скамей, амфитеатром идущих вокруг всей комнаты, — глядя на них, Гарри вспомнил зал заседаний, где его судил Визенгамот. Однако тут вместо стула с цепями на дне ямы возвышалась каменная платформа, а на ней — каменная же арка, покрытая трещинами, такая древняя и ветхая на вид, что непонятно было, как она ещё не рассыпалась в пыль. Проём арки, стоящей на платформе без всяких дополнительных опор, был закрыт изорванным чёрным занавесом; несмотря на полную неподвижность холодного воздуха вокруг, этот занавес еле заметно колыхался, словно до него только что дотронулись.

— Кто здесь? — спросил Гарри, спрыгивая на следующую скамью. Никто ему не ответил, но занавес в арке по-прежнему зыбился, точно колеблемый лёгким ветерком.

— Осторожно! — шепнула Гермиона.

Гарри спустился по крутым уступам до самого дна каменной ямы и медленно двинулся к платформе. Его шаги сопровождало громкое эхо. Отсюда, снизу, островерхая каменная арка казалась гораздо выше. Занавес продолжал мягко колыхаться, словно сквозь него секунду назад кто-то прошёл.

— Сириус? — снова подал голос Гарри. На этот раз он говорил тише, поскольку был совсем близко.

У него было очень странное чувство — будто по ту сторону занавеса, прямо за аркой, кто-то стоит. Сжав палочку как можно крепче, он стал боком пробираться вдоль платформы, но там никого не оказалось: он снова увидел изорванный чёрный занавес, только с другой стороны.

— Пойдём, — окликнула его Гермиона, спустившаяся до середины амфитеатра. — Тут что-то не так, Гарри. Лучше уйдём отсюда.

Вид у неё был испуганный — гораздо более испуганный, чем в предыдущей комнате, где плавали мозги, — но Гарри показалось, что в этой арке, несмотря на всю её ветхость, есть своеобразное очарование. Она пробудила в нём любопытство: у него возникло сильное желание подняться на платформу и пройти сквозь эту мягко колышущуюся вуаль.

— Пойдём, Гарри, пожалуйста! — повторила Гермиона ещё настойчивее.

— Сейчас, — сказал он, но не тронулся с места. Его ушей только что достигли странные звуки. Это был слабый шёпот или ропот, словно по ту сторону занавеса тихо переговаривались какие-

то люди.

— Что вы говорите? — спросил он так громко, что его слова эхом прокатились по всему помещению.

— Никто ничего не говорил, Гарри! — сказала Гермиона, шагнув к нему.

— Кто-то шепчет там, сзади, — сказал он, нахмурившись, и чуть отодвинулся от неё, не давая взять себя за руку. — Это ты, Рон?

— Я здесь, дружище, — отозвался Рон, появляясь сбоку от платформы.

— Неужели вы ничего не слышите? — удивлённо спросил Гарри, поскольку тихий ропот усиливался; неожиданно для себя Гарри заметил, что уже стоит одной ногой на платформе.

— Я тоже их слышу, — сказала Полумна, подойдя к ним с другой стороны. Она не сводила глаз с колеблющегося занавеса. — Там, внутри, кто-то есть!

— Что значит «внутри»? — осведомилась Гермиона, спрыгивая с нижней скамьи. Она говорила гораздо более сердито, чем того требовала ситуация. — Там нет никакого «внутри» — это просто арка, туда никто не поместится. Хватит, Гарри, пойдём отсюда…

Она схватила его за локоть и потянула, но он

не послушался.

— Гарри, мы пришли сюда ради Сириуса! — сказала она высоким, напряжённым голосом.

— Ради Сириуса… — повторил Гарри, как зачарованный глядя на волнующийся занавес. — Да-да…

Что-то наконец встало на место у него в мозгу — Сириуса взяли в плен, его пытают, а он здесь таращится на эту арку…

Он отступил от платформы на несколько шагов и с трудом оторвал взгляд от занавеса.

— Пошли, — сказал он.

— О чём я тебе и… ну ладно, идём! — сказала Гермиона и первой начала взбираться по каменным ярусам. По другую сторону амфитеатра стояли Джинни с Невиллом — они тоже смотрели на занавес, как загипнотизированные. Без единого слова Гермиона взяла за руку Джинни, а Рон — Невилла; потом они решительно повели их по ступеням вниз и вместе с ними поднялись обратно к двери.

— Как по-твоему, что это за арка? — спросил Гарри у Гермионы, когда они вновь очутились в круглой тёмной комнате.

— Не знаю, но я уверена, что она опасна, — твёрдо сказала Гермиона, опять помечая дверь

огненным крестом.

Ещё раз закружились и замерли стены. Гарри наугад выбрал третью дверь и толкнул её. Она не поддалась.

— В чём дело? — спросила Гермиона.

— Здесь заперто, — ответил Гарри и налёг на дверь всем своим весом, но безрезультатно.

— Стало быть, это она, да? — возбуждённо сказал Рон, присоединяясь к Гарри и тоже пытаясь взломать дверь. — Точно она — иначе и быть не может!

— Отойди! — резко сказала Гермиона. Направив палочку на то место, где у обычной двери был бы замок, она сказала: — *Алохомора!*

Ничего не произошло.

— У меня же есть нож! — воскликнул Гарри. Вынув из мантии нож Сириуса, он вставил его в щель между дверью и стеной. Остальные нетерпеливо смотрели, как он проводит им по щели сверху донизу, вынимает его и снова толкает дверь плечом. Но она оказалась так же крепко заперта, как и вначале. Больше того — взглянув на нож, Гарри обнаружил, что его лезвие расплавилось.

— Ладно, эту дверь мы пропустим, — решительно сказала Гермиона.

— А что, если она-то нам и нужна? — спросил Рон, глядя на дверь со смешанным выражением опаски и страстного любопытства.

— Этого не может быть, ведь Гарри во сне всюду проходил свободно, — пояснила Гермиона, в очередной раз помечая дверь огненным крестом.

Гарри опустил бесполезную рукоятку загубленного ножа обратно в карман.

— Знаете, что там могут прятать? — жадно спросила Полумна, когда стены снова пришли в движение.

— Очевидно, какое-нибудь блеющее чудо, — пробормотала Гермиона себе под нос, и у Невилла вырвался короткий нервный смешок.

Стены замерли, и Гарри с растущим чувством отчаяния распахнул следующую дверь.

— Вот оно!

Он сразу узнал это место по танцующему, искрящемуся бриллиантовому свету. Когда глаза Гарри привыкли к блеску, он увидел, что со всех сторон на него смотрят циферблаты часов — большие и маленькие, стоячие и настенные, они висели между книжных полок и покоились на столах, расставленных вдоль всей комнаты, так что их деловое неумолимое тиканье наполняло её, точно звуки шагов крохотной марширующей

армии. Танцующий, переливчатый свет исходил от высокого стеклянного сосуда куполообразной формы, стоявшего в дальнем конце комнаты.

— Сюда!

Теперь, когда они наконец оказались на верном пути, сердце у Гарри неистово колотилось; он быстро зашагал по узкому проходу между рядами столов, направляясь, как это было и во сне, прямо к источнику света — хрустальному сосуду высотой с него самого, который тоже покоился на столе и, казалось, был полон искристого, вихрящегося ветра.

— Ой, смотрите! — воскликнула Джинни, когда они приблизились к нему, и показала в самый центр хрустального сосуда.

Там, в искристом потоке, мерцало крошечное яйцо, сверкающее, как драгоценный камень. Постепенно всплывая, оно раскололось, и из него появился колибри, который вознёсся на самый верх; но потом воздушные течения понесли птичку вниз, и её пёрышки снова обвисли и стали мокрыми, а у самого дна сосуда она вновь исчезла в яйце.

— Не останавливайся! — резко сказал Гарри, потому что Джинни явно вознамерилась посмотреть, как яйцо опять превратится в птичку.

— Сам-то сколько проторчал у своей дурацкой арки! — огрызнулась она, но всё же пошла за ним дальше, к единственной двери позади хрустального сосуда.

— Вот оно, — снова сказал Гарри. Сердце забилось так быстро и сильно, что его стук почти мешал ему говорить. — Нам сюда…

Он оглянулся на своих друзей — все они достали палочки и сделались серьёзными и взволнованными. Он снова повернулся к двери и толкнул её. Дверь открылась.

Они наконец нашли то, что искали, — зал, высокий, как в соборе, где не было ничего, кроме бесконечных стеллажей с маленькими, пыльными стеклянными шариками. Кое-где к полкам были прикреплены зажжённые канделябры, и шарики тускло блестели в их лучах. Здесь, как и в круглой комнате, свечи тоже горели синим пламенем. В зале было очень холодно.

Гарри осторожно шагнул вперёд и заглянул в один из сумрачных проходов между стеллажами. Он ничего не услышал и не заметил ни малейшего движения.

— Ты говорил, нам нужен девяносто седьмой, — прошептала Гермиона.

— Да, — шепнул в ответ Гарри и поглядел на

крайний стеллаж в ближнем ряду. Там, под канделябром с горящими синим огнём свечами, поблёскивали серебряные цифры — тройка рядом с пятёркой.

— По-моему, надо идти вправо, — прошептала Гермиона, вглядываясь в полумрак. — Да… вон пятьдесят четвёртый ряд…

— Держите палочки наготове, — тихо предупредил Гарри.

Они украдкой двинулись вперёд, по дороге заглядывая в длинные проходы между рядами стеллажей, дальние концы которых тонули в кромешной тьме. Под каждым стеклянным шариком, лежащим на полке, был приклеен крохотный пожелтевший ярлычок. Некоторые шарики испускали зловещее красноватое сияние, другие были темны и безжизненны, как перегоревшие лампочки.

Они миновали восемьдесят четвёртый ряд… потом восемьдесят пятый… Гарри прислушивался изо всех сил, стараясь уловить малейший шорох, но Сириусу могли заткнуть рот кляпом или он потерял сознание…

— *А может быть,* — сказал непрошеный голос в его сознании, — *он уже мёртв…*

«Я бы это почувствовал, — сказал он себе. Те-

перь его сердце билось под самым горлом. — Я бы уже знал…»

— Девяносто семь! — прошептала Гермиона.

Они сбились в кучку у самого края ряда, пытаясь разглядеть что-нибудь в проходе за ним. Там никого не было.

— Он в дальнем конце, — сказал Гарри. Во рту у него вдруг слегка пересохло. — Отсюда разве увидишь…

И он повёл их мимо высоченных стеллажей со стеклянными шариками — некоторые из этих шариков провожали их своим неярким сиянием…

— Он должен быть где-то здесь, — прошептал Гарри, каждую секунду ожидавший увидеть в темноте скорчившуюся на полу фигуру Сириуса. — Вот-вот дойдём… мы уже совсем близко…

— Гарри, — осторожно окликнула его Гермиона, но он не захотел ей отвечать. Во рту у него было совсем сухо.

— Кажется… где-то… здесь, — сказал он.

Они достигли конца ряда, тускло освещённого канделябром. Тут никого не было. Их окружала гулкая, пыльная тишина.

— А вдруг он… — хрипло прошептал Гарри, заглядывая в соседний проход. — Или, напри-

мер… — Он торопливо шагнул к следующему.

— Гарри, — снова сказала Гермиона.

— Чего? — буркнул он.

— Я… я не думаю, что Сириус здесь.

Остальные молчали. Гарри не хотелось смотреть на них. Ему было тошно. Он не понимал, почему Сириуса здесь нет. Он должен быть здесь! Ведь именно это место Гарри видел во сне…

Он побежал вдоль рядов, заглядывая в каждый по очереди. Пусто… опять пусто… Он развернулся и побежал в другую сторону, мимо своих молчащих товарищей. Нигде не было ни следа Сириуса, не заметил он и признаков недавней борьбы.

— Гарри! — позвал Рон.

— Что?

Он не хотел слушать, что скажет Рон; не хотел слышать, как Рон скажет ему, что он глупец, или предложит вернуться обратно в Хогвартс, но он чувствовал, как жар заливает ему лицо, и сейчас с удовольствием шмыгнул бы в темноту и сидел там долго-долго, прежде чем подняться в залитый светом атриум и встретить обвиняющие взгляды друзей…

— Ты видел это? — спросил Рон.

— Что? — повторил Гарри, но на этот раз с жадным нетерпением — наверное, речь шла о знаке,

говорящем, что Сириус был здесь, о ключе к разгадке. Он подбежал к концу девяносто седьмого ряда, где маленькой кучкой стояли остальные, но увидел там только Рона, взгляд которого был прикован к одному из пыльных стеклянных шариков на полке.

— Ну? — мрачно спросил Гарри.

— Тут… тут твоё имя, — сказал Рон.

Гарри придвинулся ближе. Рон указывал на маленький шарик, тускло светящийся изнутри и покрытый толстым слоем пыли — похоже, никто не трогал его уже много лет.

— Моё имя? — озадаченно переспросил Гарри.

Он сделал ещё шаг вперёд. Поскольку Рон был выше его ростом, Гарри пришлось вытянуть шею, чтобы прочесть надпись на пожелтевшем ярлычке, приклеенном к полке точно под стеклянным шариком. На нём тонким, почти неразборчивым почерком была написана дата — примерно шестнадцать лет тому назад, — а под ней стояло:

С.П.Т. — А.П.В.Б.Д.
Тёмный Лорд и (?) Гарри Поттер

Гарри уставился на ярлычок.

— Что это значит? — спросил Рон. В голосе его звучала тревога. — Почему здесь стоит твоё имя?

Он посмотрел на другие ярлычки, приклеенные к той же полке.

— А меня тут нет, — недоумённо сказал он. — И никого из остальных тоже.

— Гарри! По-моему, тебе лучше его не трогать, — резко сказала Гермиона, когда он протянул к шарику руку.

— Почему? — спросил он. — Ведь это имеет ко мне отношение!

— Не надо, Гарри, — внезапно сказал Невилл. Гарри посмотрел на него. Круглое лицо Невилла слегка блестело от пота. Он выглядел так, словно нервы у него были уже на пределе.

— Но здесь моё имя, — сказал Гарри.

И, поддавшись безрассудному порыву, он сомкнул пальцы на пыльной поверхности шарика. Он думал, что она будет холодной, но это оказалось не так. Наоборот, впечатление было такое, будто шарик много часов пролежал на солнце, точно внутреннее свечение согревало его. Ожидая чего-то необычного и даже надеясь на то, что сейчас произойдёт какое-нибудь эффектное, волнующее событие, которое сможет-таки оправдать их долгое и опасное путешествие, Гарри снял стеклянный шарик с полки и вгляделся в него.

Но ровным счётом ничего не произошло. Дру-

зья обступили Гарри, наблюдая за тем, как он счищает прилипшую к шарику пыль.

И тут, прямо за их спинами, раздался голос. Кто-то сказал спокойно, чуть растягивая слова:

— Очень хорошо, Поттер. А теперь повернись, медленно и без глупостей, и отдай его мне.

Глава 35
По ту сторону занавеса

Чёрные силуэты, возникшие неизвестно откуда, обступили их слева и справа, отрезав все пути к бегству; глаза блестели сквозь прорези капюшонов, с десяток палочек с горящими кончиками были направлены прямо им в сердце. Джинни ахнула от ужаса.

— Дай его мне, Поттер, — с расстановкой повторил голос, и его обладатель, Люциус Малфой, протянул к Гарри руку ладонью вверх.

Внутри у Гарри всё перевернулось. Они были в ловушке, и на каждого из них приходилось по двое противников.

— Ну же, Поттер, — снова сказал Малфой.

— Где Сириус? — спросил Гарри.

Несколько Пожирателей смерти рассмеялись. Затем грубый женский голос, принадлежащий одной из неясных фигур слева от Гарри, сказал с мрачным торжеством:

— Тёмному Лорду известно всё!

— Всё, — эхом откликнулся Малфой. — А теперь дай мне пророчество, Поттер!

— Я хочу знать, где Сириус!

— «Я хочу знать, где Сириус!» — передразнила его женщина слева.

Пожиратели смерти сузили свой круг, так что от Гарри с друзьями их отделяла всего какая-нибудь пара шагов. Свет их палочек слепил Гарри глаза.

— Вы схватили его, — сказал Гарри, подавляя волну паники, с которой боролся с тех пор, как они свернули в проход у девяносто седьмого ряда. — Он здесь, я знаю.

— Наса детоцка плоснулась напуганная и подумала, сто её сон — плавда, — жутко прогнусавила женщина, издевательски подражая детскому выговору. Гарри почувствовал, как Рон рядом шевельнулся.

— Не надо, — тихо пробормотал Гарри. — Не сейчас…

Женщина, которая передразнивала его, хрипло расхохоталась.

— Слыхали? Нет, вы слыхали? Он ещё даёт указания другим детям, словно собирается драться с нами!

— Просто ты не знаешь Поттера так, как я, Беллатриса, — вкрадчиво сказал Малфой. — Он питает большую слабость ко всему героическому,

и Тёмному Лорду это отлично известно. А теперь дай мне пророчество, Поттер.

— Я знаю, что Сириус здесь, — сказал Гарри, хотя от страха ему сдавило грудь и он не мог даже вздохнуть как следует. — Я знаю, вы его схватили!

Опять несколько Пожирателей смерти рассмеялись, и женщина — громче всех.

— Пора бы тебе понять разницу между сном и явью, Поттер, — сказал Малфой. — Отдай мне пророчество, иначе мы пустим в ход палочки.

— Пожалуйста, — сказал Гарри, поднимая свою собственную палочку на уровень груди. Тут же по обе стороны от него взлетели в воздух ещё пять палочек — Рона, Гермионы, Невилла, Джинни и Полумны. Клубок в животе у Гарри затянулся ещё туже. Если Сириуса на самом деле здесь не было, он привёл товарищей на верную смерть без всякой причины…

Но Пожиратели смерти медлили с нападением.

— Если ты отдашь мне пророчество, никто не пострадает, — холодно сказал Малфой.

Теперь настала очередь Гарри ответить смехом.

— Ну да, конечно! — сказал он. — Я дам вам

это… пророчество, да? И вы спокойно отпустите нас всех по домам — так, что ли?

Не успел он договорить, как Пожирательница смерти взвизгнула:

— *Акцио, проро…*

Гарри среагировал как раз вовремя — он крикнул — *«Протего!»* прежде, чем она успела произнести заклинание до конца, и, хотя шарик едва не спрыгнул с его ладони, сумел удержать его.

— А он у нас шустрый, этот малютка Поттер, — сказала она. Её безумные глаза блестели в прорезях капюшона. — Ну что ж, ладно — тогда…

— ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО! — рявкнул на неё Люциус Малфой. — Если ты его разобьёшь…

Мысли у Гарри понеслись галопом. Пожирателям смерти был нужен этот пыльный стеклянный шарик. Ему — нет. Он хотел только, чтобы все его друзья выбрались отсюда живыми, чтобы никому из них не пришлось заплатить ужасную цену за его глупость…

Женщина шагнула вперёд, отделившись от своих собратьев, и стащила с головы капюшон. Азкабан иссушил лицо Беллатрисы Лестрейндж — оно стало худым и похожим на череп, но глаза её сверкали лихорадочным, фанатическим блеском.

— Значит, будем сопротивляться? — спросила

она. Её грудь быстро поднималась и опускалась. — Прекрасно. Возьмите самую младшую, — приказала она Пожирателям смерти, которые стояли рядом. — Пусть посмотрит, как мы пытаем девчонку. Я сама этим займусь.

Гарри заметил, как его друзья теснее обступили Джинни. Он шагнул вбок, встав прямо перед ней и прижав пророчество к груди.

— Только попробуйте напасть на любого из нас, и оно разобьётся, — сказал он Беллатрисе. — Не думаю, что ваш хозяин будет доволен, если вы вернётесь к нему с пустыми руками. Или я не прав?

Беллатриса не двинулась с места; не сводя с него глаз, она облизнула кончиком языка тонкие губы.

— Ну, — сказал Гарри, — так что же это за пророчество, объясните!

Он не мог придумать ничего лучшего, кроме как продолжать разговор. Рука Невилла была прижата к нему, и он чувствовал, как она дрожит; затылком он ощущал участившееся дыхание остальных. Он надеялся, что они не теряют зря времени и стараются найти выход из этого тупика, поскольку у него в голове было пусто.

— Что за пророчество? — повторила Беллатри-

са, и ухмылка сползла с её лица. — Ты шутишь, Гарри Поттер.

— Вовсе нет, — сказал Гарри. Его взгляд перескакивал с одного Пожирателя смерти на другого, ища слабое звено, место, где они могли бы прорваться. — Зачем оно понадобилось Волан-де-Морту?

Несколько Пожирателей смерти испустили тихое шипение.

— Ты осмеливаешься называть его имя? — прошептала Беллатриса.

— А что? — отозвался Гарри. Он ещё крепче сжал в руке стеклянный шарик, предвидя новую попытку отобрать его колдовством. — Да, мне совсем нетрудно называть его Волан…

— Замолчи! — взвизгнула Беллатриса. — Как ты смеешь произносить его имя своим нечестивым ртом, как смеешь ты осквернять его своим гадким языком полукровки, как…

— Разве вы не знаете, что он тоже полукровка? — дерзко спросил Гарри. У Гермионы, стоящей рядом, вырвался тихий стон. — Ваш Волан-де-Морт? Да, его мать была ведуньей, зато отец — маглом! Или он наврал вам, что он чистокровный волшебник?

— *ОСТОЛБЕ…*

— НЕТ!

Из палочки Беллатрисы Лестрейндж вырвался красный луч, но Малфой отклонил его, и заклятие угодило в полку слева от Гарри. Несколько стеклянных шариков разбилось.

Две фигуры, перламутрово-белые, как привидения, и текучие, как дым, поднялись из осколков стекла на полу и разом заговорили. Их голоса смешались друг с другом, и за криками Малфоя и Беллатрисы можно было различить лишь обрывки их речей.

— Когда наступит солнцестояние, придёт новый… — сказала фигура старика с бородой.

— Не нападай! Мы должны получить пророчество!

— Он осмелился… как он смеет… — невпопад выкрикивала Беллатриса. — Паршивец… грязный полукровка…

— ПОДОЖДИ, КОГДА ПРОРОЧЕСТВО БУДЕТ У НАС! — взревел Малфой.

— И никто не придёт после… — сказала фигура молодой женщины.

И обе фигуры, вырвавшиеся из разбитых шариков, растаяли в воздухе. От них и от их прежних убежищ не осталось ничего, кроме осколков стекла на полу. Но они подали Гарри идею. Те-

перь надо было найти способ поделиться ею с другими.

— Вы ещё не объяснили мне, что особенного в этом пророчестве, которое я, по-вашему, должен вам отдать, — сказал он в надежде выиграть время. Потом медленно передвинул ногу в сторону, пытаясь нащупать ею чью-нибудь ещё.

— Не вздумай шутить с нами, Поттер, — сказал Малфой.

— Никаких шуток, — ответил Гарри, сосредоточив внимание на своей ноге и стараясь не потерять при этом нить разговора. Наткнувшись на чью-то туфлю, он придавил её носком ботинка. Резкий вдох у самого его уха подсказал ему, что нога в туфле принадлежит Гермионе.

— Что? — шепнула она.

— Разве Дамблдор никогда не говорил тебе, что причина, по которой ты носишь шрам, спрятана в недрах Отдела тайн? — усмехнулся Малфой.

— Я… что? — вырвалось у Гарри. На мгновение он даже позабыл о своём плане. — При чём тут мой шрам?

— Что? — ещё настойчивее шепнула сзади Гермиона.

— Так ты ничего не знаешь? — сказал Малфой со злобным восторгом.

Пожиратели смерти засмеялись опять, и под прикрытием их смеха Гарри прошипел Гермионе, стараясь как можно меньше шевелить губами:

— Разбей стеллажи…

— Значит, Дамблдор никогда не говорил тебе? — повторил Малфой. — Что ж, это объясняет, почему ты не пришёл раньше, Гарри Поттер, — Тёмный Лорд удивлялся, отчего…

— …когда я скажу «давай…»

— …ты не прибежал со всех ног, как только он показал тебе во сне место, где спрятана эта причина. Ему казалось, что естественное любопытство заставит тебя явиться сюда, чтобы узнать всё в точности…

— Ах, вот как? — спросил Гарри. Он скорее чувствовал, чем слышал, как Гермиона у него за спиной передаёт другим его слова, и искал возможность продолжить разговор, чтобы отвлечь Пожирателей смерти. — Стало быть, он хотел, чтобы я пришёл сюда и взял эту штуку? Зачем?

— Зачем? — В голосе Малфоя прозвучало недоверчивое изумление. — Да затем, Поттер, что взять пророчество из Отдела тайн могут только те, о ком в нём говорится. Тёмный Лорд выяснил это, когда посылал других выкрасть его, а у них ничего не получалось.

— Но зачем он хотел выкрасть пророчество обо мне?

— О вас обоих, Поттер, о вас обоих… Ты никогда не задавал себе вопроса, почему Тёмный Лорд пытался убить тебя, когда ты был ещё ребёнком?

Гарри уставился в прорези капюшона, за которыми блестели серые глаза Малфоя. Не в этом ли пророчестве крылась причина гибели его родителей, причина, по которой на лбу у него остался шрам в виде молнии? Неужели он держит в руке ответ на все загадки?

— Значит, здесь уже давно хранилось чьё-то пророчество о Волан-де-Морте и обо мне? — спокойно спросил он, глядя на Люциуса Малфоя и крепко сжимая в руке тёплый стеклянный шарик. Размерами он едва ли превышал снитч, и поверхность его до сих пор была шероховатой от пыли. — И Волан-де-Морт заманил меня сюда, чтобы я взял его и отдал ему? Но почему он не мог прийти за ним сам?

— Сам? — пронзительно воскликнула Беллатриса под хриплый смех чёрных магов. — Ты предлагаешь Тёмному Лорду явиться в Министерство, где так любезно игнорируют его возвращение? Предлагаешь ему отдать себя в руки мракоборцев, которые пока что убивают

время на моего драгоценного кузена?

— Ага, так он заставляет вас делать за него грязную работу! — сказал Гарри. — Сначала он посылал сюда Стерджиса… потом Боуда…

— Очень хорошо, Поттер, очень… — медленно протянул Малфой. — Но Тёмный Лорд знает, что ты не ду…

— ДАВАЙ! — завопил Гарри.

Пять разных голосов позади него воскликнули: *«РЕДУКТО!»* Пять заклятий вылетели из палочек в пяти разных направлениях, и полки соседнего стеллажа, в который они угодили, разлетелись на куски; сотня стеклянных шариков взорвалась одновременно, и всё огромное сооружение пошатнулось, а воздух сразу наполнился множеством молочно-белых фигур, и их голоса — эхо бог весть какого далёкого прошлого — смешались со звоном бьющегося стекла и ломающегося дерева, когда щепки вместе с осколками дождём посыпались на пол…

— Бежим! — крикнул Гарри, видя, что стеллаж угрожающе накренился и с его верхних полок скатываются всё новые шарики. Он схватил Гермиону за мантию и потащил вперёд, прикрываясь другой рукой от града обломков и осколков, которые сыпались сверху. Какой-то Пожиратель

смерти метнулся к ним сквозь облако пыли, и Гарри сильно ударил его локтем в закрытое маской лицо; вокруг раздавались крики боли, кто-то визжал, полки с грохотом обрушивались друг на друга, и в этот шум вплетались обрывки речей провидцев, выпущенных на волю из своих шариков…

Гарри заметил, что путь перед ним свободен; Рон, Джинни и Полумна пронеслись мимо него, закрывая головы руками. Что-то тяжёлое ударилось ему в щёку, но он только пригнулся и добавил ходу; кто-то схватил его за плечо, и он услышал крик Гермионы: *«Остолбеней!»* Плечо тут же отпустили…

Они были в конце девяносто седьмого ряда; Гарри свернул направо и помчался к выходу изо всех сил. Прямо за собой он слышал чьи-то шаги и голос Гермионы, подгоняющей Невилла; прямо впереди маячила приоткрытая дверь — Гарри видел за ней переливчатый свет стеклянного сосуда. Он выскочил за порог, по-прежнему крепко сжимая в руке пророчество, и, дождавшись, пока следом выбегут его друзья, захлопнул за ними дверь…

— *Коллопортус!* — задыхаясь, выпалила Гермиона, и дверь со странным чавкающим звуком

запечаталась наглухо.

— Где… где остальные? — еле вымолвил Гарри.

Он думал, что Рон, Полумна и Джинни опередили их, что они уже дожидаются их в этой комнате, но здесь никого не было.

— Наверное, они побежали не туда! — с ужасом прошептала Гермиона.

— Слушайте! — воскликнул Невилл.

Из-за двери, которую они только что запечатали, доносились шаги и крики. Гарри приложил к ней ухо и услышал, как Люциус Малфой взревел:

— Оставьте, Нотта, оставьте его, слышите? Его раны — ничто для Тёмного Лорда по сравнению с утерей пророчества. Джагсон, вернись сюда, мы должны действовать организованно! Разобьёмся на пары и будем искать — и не забывайте, с Поттером нужно обращаться осторожно, пока пророчество у него, а прочих можете убить, если понадобится… Беллатриса, Родольфус, вы идёте налево; Крэбб с Рабастаном — направо; Джагсон с Долоховым — прямо вперёд, в ту дверь; Макнейр и Эйвери, сюда; Руквуд, туда; Малсибер, со мной!

— Что будем делать? — спросила Гермиона у Гарри, дрожа с головы до ног.

— Во-первых, нечего нам стоять тут и ждать, пока нас найдут! — сказал Гарри. — Надо убрать-

ся подальше от этой двери.

Они побежали, стараясь не шуметь, мимо сверкающего сосуда, где птичка всё так же вылуплялась из крохотного яйца и снова возвращалась в него, к двери в круглую комнату. Они почти достигли цели, когда Гарри услышал тяжёлый, мощный удар в дверь, которую заколдовала Гермиона.

— Отойди! — воскликнул грубый голос. — *Алохомора!*

Дверь распахнулась, но Гарри и Гермиона с Невиллом успели нырнуть под стол с часами. Через несколько секунд они увидели полы мантий — к ним быстрыми шагами приближались двое Пожирателей смерти.

— Наверное, убежали в холл, — сказал грубый голос.

— Проверь под столами, — посоветовал другой.

Гарри увидел, как сгибаются колени одного из преследователей; высунув из-под стола палочку, он громко крикнул:

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!*

Красный луч ударил в ближайшего Пожирателя смерти — тот упал назад, на стоячие часы и свалил их на пол. Однако его напарник отпрыгнул в сторону, уклонившись от заклятия Гарри, и

направил палочку на Гермиону которая как раз выползала из своего убежища, чтобы получше прицелиться.

— *Авада…*

Гарри стремглав кинулся к нему и обхватил его за колени. Пожиратель смерти рухнул на пол, потеряв цель. Невилл перевернул стол, спеша на помощь, и, направив палочку на борющихся, истошно завопил:

— *ЭКСПЕЛЛИАРМУС!*

Обе палочки, и Гарри, и Пожирателя смерти, вылетели у них из рук и поплыли по воздуху обратно ко входу в Зал пророчеств; оба противника вскочили на ноги и ринулись за ними — Пожиратель смерти бежал первым, Гарри не отставал от него, — а Невилл помчался следом, в ужасе от того, что он натворил.

— Пропусти, Гарри! — закричал Невилл, которому не терпелось исправить свою ошибку.

Гарри метнулся вбок, а Невилл снова прицелился и выкрикнул:

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!*

Красный луч пролетел в дюйме над плечом Пожирателя смерти и угодил в застеклённый шкафчик на стене, наполненный часами самой разнообразной формы; шкафчик грохнулся на

землю и разбился — осколки брызнули во все стороны, — потом снова прыгнул на стену, целёхонький, и снова упал и разбился…

Пожиратель смерти схватил свою палочку, которая лежала на полу рядом с переливающимся стеклянным сосудом. Гарри прыгнул под другой стол, когда Пожиратель смерти повернулся — его маска перекосилась, мешая ему видеть. Он сорвал её свободной рукой и крикнул:

— *ОСТО…*

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!* — взвизгнула Гермиона, которая только что догнала их. Луч красного света угодил Пожирателю смерти точно в грудь. Он замер, не успев опустить руку; палочка выпала из неё и со стуком покатилась по полу, а сам он повалился назад, прямо на стеклянный сосуд. Гарри ожидал услышать звук удара головой о твёрдое стекло и увидеть, как человек сползёт на пол, но вместо этого голова упавшего прошла сквозь поверхность сосуда, полного сверкающего ветра, точно сквозь стенку мыльного пузыря, а сам он растянулся навзничь на столе и остался в таком положении.

— *Акцио, палочка!* — воскликнула Гермиона. Палочка Гарри прыгнула из тёмного угла ей в руку, и она бросила её хозяину.

— Спасибо, — сказал он. — А теперь давайте выбира…

— Смотрите! — В голосе Невилла звучал ужас. Он застыл, не сводя глаз с головы Пожирателя смерти, которая была погружена в стеклянный сосуд.

Все трое снова подняли палочки, но так и не пустили их в ход: потрясённые, не в силах оторваться, они смотрели на то, что происходило с головой человека в сосуде.

Она на глазах съёживалась и лысела; чёрные волосы сначала укорачивались, а потом и вовсе пропали в черепе; щёки стали гладкими, а округлившаяся лысая голова покрылась лёгким пушком… и вот перед ними уже голова младенца, нелепо сидящая на толстой, мускулистой шее Пожирателя смерти, который барахтается на столе, пытаясь встать. Но пока они смотрели на это разинув рты, его голова вновь стала увеличиваться и приняла нормальные размеры; из подбородка и макушки полезли толстые чёрные волосы…

— Это Время, — сказала Гермиона с благоговейным страхом. — Время…

Пожиратель смерти потряс своей безобразной головой, пытаясь освободить её, но не успел — она снова стала уменьшаться, возвращая его в

младенчество…

Из соседней комнаты донёсся крик, потом треск и отчаянный вопль.

— Рон! — закричал Гарри, оторвавшись от созерцания чудовищной метаморфозы, происходящей у них на глазах. — Джинни! Полумна!

— Гарри! — взвизгнула Гермиона.

Пожиратель смерти наконец вытащил голову из сосуда. Вид у него был нелепый и жуткий — крохотная младенческая головка зашлась в плаче, а толстые руки беспорядочно молотили воздух во всех направлениях. Гарри еле увернулся от одного удара. Он тут же поднял палочку, но Гермиона неожиданно остановила его.

— Нельзя трогать ребёнка!

Спорить было некогда: из Зала пророчеств доносились чьи-то торопливые шаги, и Гарри с опозданием понял, что его крики навели остальных Пожирателей смерти на их след.

— Бежим! — сказал он, и, бросив урода с детской головкой, который по-прежнему спотыкался и орал, они устремились к открытой двери в дальнем конце комнаты.

Они были уже на полпути к ней, когда Гарри увидел в тёмной комнате впереди ещё двоих Пожирателей смерти, бегущих им навстречу. Резко

свернув влево, он нырнул в какой-то маленький, пыльный, тесный чуланчик и, пропустив туда друзей, захлопнул за ними дверь.

— *Колло…* — начала было Гермиона, но не успела она закончить, как дверь распахнулась и в чулан ввалились двое Пожирателей смерти. Испустив ликующий вопль, оба крикнули:

— *ИМПЕДИМЕНТА!*

Двойное заклятие сшибло с ног и Гарри, и Невилла с Гермионой. Невилл перелетел через стол и исчез из виду; Гермиона врезалась в книжный шкаф, и на неё водопадом хлынули тяжёлые тома. Гарри ударился затылком о каменную стену, из глаз у него посыпались искры, и на несколько мгновений он потерял способность действовать и соображать.

— МЫ ЕГО ВЗЯЛИ! — завопил Пожиратель смерти, оказавшийся ближе к Гарри. — ОН В ЧУ…

— *Силенцио!* — воскликнула Гермиона, и чёрный маг умолк. Через дыру в маске было видно, что он всё ещё шевелит губами, но теперь уже беззвучно. Второй Пожиратель смерти оттолкнул напарника в сторону.

— *Петрификус тоталус!* — выкрикнул Гарри, увидев поднимающуюся палочку. Пожирателю смерти мгновенно свело руки и ноги; он ничком

грохнулся на ковёр, твёрдый как доска, и больше не двигался.

— Отлично, Га…

Но тут Пожиратель смерти, которого Гермиона поразила немотой, внезапно наискось взмахнул палочкой, и что-то похожее на язык пурпурного пламени полоснуло Гермиону по груди. Она тихонько, словно от удивления, вскрикнула, потом обмякла и рухнула на пол.

— ГЕРМИОНА!

Гарри упал на колени рядом с неподвижной Гермионой, и в этот момент Невилл, держа свою палочку перед собой, стал вылезать к ним из-под стола. Едва завидев нового врага, Пожиратель смерти сильно пнул его ногой — палочка Невилла сломалась пополам, а сам он получил удар ботинком в лицо. Взвыв от боли и зажав ладонью рот и нос, он пополз назад. Гарри резко повернулся, вскинув палочку, и увидел, что Пожиратель смерти сорвал маску и направил своё оружие прямо на него. Гарри вспомнил, что видел это узкое, бледное, кривое лицо в «Ежедневном пророке» — перед ним стоял Антонин Долохов, убийца Пруэттов.

Долохов ухмыльнулся. Свободной рукой он указал на пророчество, с которым Гарри так и

не расстался, потом на себя и на Гермиону. Хотя говорить он больше не мог, смысл его жестов был абсолютно ясен: отдай мне пророчество, иначе с тобой случится то же, что и с ней…

— Можно подумать, ты не убьёшь нас всех, как только получишь его! — воскликнул Гарри. В мозгу у него, мешая сосредоточиться, лихорадочно билась одна мысль: его рука лежала на плече Гермионы, ещё тёплом, но он не осмеливался взглянуть на неё.

«Только не умирай, пожалуйста, не умирай, это будет моя вина, если ты умрёшь…»

— Послушай бедя, Гарри, — свирепо сказал Невилл из-под стола, отнимая от лица руки — нос у него был, по-видимому, сломан, а губы и подбородок залиты кровью. — Дедай шдо хочешь, до де оддавай его!

Вдруг сзади послышался грохот, и Долохов бросил взгляд через плечо. В дверном проёме показался Пожиратель смерти с головой младенца — голова его по-прежнему заливалась плачем, а огромные кулаки молотили по чему ни попадя. Гарри не упустил своего шанса:

— *ПЕТРИФИКУС ТОТАЛУС!*

Заклятие попало в Долохова прежде, чем он успел блокировать его, и он плашмя свалился на

своего напарника — теперь оба были полностью парализованы. Пожиратель смерти с младенческой головой снова исчез из виду.

— Гермиона, — тут же взмолился Гарри, тряся её за плечо, — очнись, Гермиона…

— Шдо од с дей сдедад? — спросил Невилл, вылезая из-под стола и становясь на колени по другую сторону от неё. Нос у него распухал на глазах, и оттуда всё ещё обильно струилась кровь.

— Не знаю…

Невилл схватил Гермиону за запястье.

— Пудьс есдь, Гарри, я уверед.

Гарри затопила такая мощная волна облегчения, что на миг у него даже закружилась голова.

— Она жива?

— Дубаю, да.

Наступила пауза. Гарри чутко прислушивался, но тишину нарушали только плач и неуверенные шаги младенцеголового Пожирателя смерти в соседней комнате.

— Невилл, выход недалеко, — прошептал Гарри. — Круглая комната совсем рядом… если бы тебе только успеть добраться туда и отыскать правильную дверь до того, как появятся новые Пожиратели смерти, тогда ты наверняка смог бы дотащить Гермиону по коридору до лифта, а там

нашёл бы кого-нибудь… поднял бы тревогу…

— А шдо ды будешь дедать? — спросил Невилл, утирая кровь рукавом и хмурясь на Гарри.

— Попробую найти остальных, — сказал Гарри.

— Догда я доже буду их искадь, — твёрдо сказал Невилл.

— Но Гермиона…

— Её бождо взядь с собой, — решительно ответил Невилл. — Я подесу её — ды дерёшься лучше бедя…

Он поднялся и, хмуро глядя на Гарри, взял Гермиону под локоть; тот помедлил, потом взял её за другую руку и помог Невиллу взвалить бесчувственную девочку к себе на плечи.

— Подожди, — сказал Гарри. Он схватил с пола палочку Гермионы и протянул её Невиллу. — Возьми, пригодится.

Невилл отшвырнул ногой обломки своей палочки, и они медленно двинулись к выходу.

— Бабушка бедя убьед, — хрипло сказал Невилл; кровь сочилась у него из носа на каждом слове. — Эдо быда сдарая бадочка отца.

Гарри высунул из двери голову и осторожно огляделся. Младенцеголовый Пожиратель смерти всё так же ревел и натыкался на мебель, опрокидывая напольные часы и переворачи-

вая столы, а застеклённый шкафчик — теперь Гарри догадался, что в нём хранятся Маховики времени, — продолжал падать, разбиваться и восстанавливаться на дальней стене.

— Он нас не заметит, — прошептал Гарри. — Пошли. Ты только не отставай…

Они выбрались из чулана и прокрались в тёмную комнату. Там не было ни души. Они прошли ещё несколько шагов — Невилл слегка шатался под весом Гермионы, — и дверь в Комнату времени захлопнулась за ними, а стены опять начали вращаться. От недавнего удара по затылку у Гарри немного расстроилась координация движений; пошатываясь, он прикрыл глаза и не открывал их, пока стены не остановились. И тут сердце у него ушло в пятки: огненные кресты Гермионы исчезли с дверей.

— Так куда нам, по-тво…

Но прежде чем они успели принять решение, дверь справа от них распахнулась, и из неё вывалились три человека.

— Рон! — хрипло воскликнул Гарри и бросился к ним. — Джинни! Как вы…

— Гарри, — пробормотал Рон, слабо хихикая. Он покачнулся и схватил Гарри за мантию, пытаясь сфокусировать на нём взгляд. — Ах, вот ты где…

ха-ха-ха… смешной у тебя вид, Гарри… ты на себя не похож…

Лицо Рона покрывала мертвенная бледность, из уголка рта сочилось что-то тёмное. В следующую секунду колени у него подкосились, но он не разжал рук, и Гарри согнулся под его весом.

— Джинни! — испуганно сказал Гарри. — Что случилось?

Но Джинни лишь помотала головой и сползла по стене на пол, тяжело дыша и держась за лодыжку.

— По-моему, она сломала ногу. Я слышала хруст, — прошептала Полумна. Похоже, только ей одной и удалось остаться невредимой. — Их было четверо, и они загнали нас в какую-то тёмную комнату с планетами. Очень странное место — иногда мы просто парили в темноте…

— Гарри, мы видели Уран, совсем близко! — сказал Рон, всё ещё хихикая. — Понял, Гарри? Мы видели Уран… ха-ха-ха…

В уголке его рта надулся и лопнул кровавый пузырёк.

— …в общем, один из них схватил Джинни за ногу, я применила Уменьшающее заклятие и залепила ему в лицо Плутоном, но…

Полумна беспомощно повела рукой в сторону

Джинни, которая, часто дыша, сидела на полу с закрытыми глазами.

— А что с Роном? — тревожно спросил Гарри. Рон продожал хихикать, крепко вцепившись в его мантию.

— Не знаю, чем они в него попали, — грустно сказала Полумна, — но он стал какой-то странный. Я еле привела его сюда.

— Гарри, — сказал Рон, притягивая его ухо поближе к своим губам и всё ещё слабо хихикая, — знаешь, кто эта девочка, Гарри? Это Полоум… Полоумная Лавгуд… ха-ха-ха…

— Нам надо выбраться отсюда, — твёрдо сказал Гарри. — Ты поможешь Джинни, Полумна?

— Да, — откликнулась Полумна, закладывая палочку за ухо. Потом она обняла Джинни за талию и стала поднимать на ноги.

— Лодыжка — ерунда, я и сама встану! — нетерпеливо сказала Джинни, но в следующий момент пошатнулась и едва не упала, схватившись за Полумну.

Гарри перекинул руку Рона через плечо и вспомнил, как много месяцев назад точно так же вёл домой перепуганного до полусмерти Дадли. Потом оглянулся: вокруг было двенадцать дверей, но лишь одна из них вела к выходу из

Министерства…

Он поволок Рона к двери. До неё оставалось всего несколько шагов, когда другая, противоположная дверь распахнулась и в комнату ворвались трое Пожирателей смерти под предводительством Беллатрисы Лестрейндж.

— Попались! — взвизгнула она.

Сверкнули Оглушающие заклятия; Гарри проломился в ближайшую дверь, бесцеремонно сбросил Рона с плеча и нырнул обратно, чтобы помочь Невиллу с Гермионой; они едва успели перебраться за порог и захлопнуть дверь перед носом у Беллатрисы.

— *Коллопортус!* — воскликнул Гарри и услышал, как три тела ударились в дверь с той стороны.

— Ничего! — крикнул мужской голос. — Туда можно попасть и по-другому… МЫ ИХ ПОЙМАЛИ, ОНИ ЗДЕСЬ!

Гарри обернулся; они снова были в Комнате мозгов. Действительно, сюда вело множество дверей. Он слышал, как за стеной кто-то бежит со всех ног: Пожиратели смерти дождались подкрепления.

— Полумна… Невилл… помогите!

Все трое помчались вокруг комнаты, по дороге

запечатывая двери; в спешке Гарри врезался в стол и перекатился через него.

— *Коллопортус!*

За стеной бухали шаги; время от времени кто-то бросался всем телом на очередную запечатанную дверь, так что она скрипела и ходила ходуном. Полумна с Невиллом запечатывали двери по другую сторону комнаты — и тут, добравшись почти до самого её конца, Гарри услыхал крик Полумны:

— *Колло… а-а-а-а-а-а!*

Он мгновенно повернулся и увидел её в воздухе: пятеро Пожирателей смерти ворвались в дверь, которую она не успела запечатать. Полумна упала на стол, проехала по нему и, рухнув на пол, осталась лежать без чувств.

— Хватайте Поттера! — завизжала Беллатриса и бросилась к Гарри. Он увернулся и побежал дальше: ему ничто не грозит, пока они боятся разбить пророчество…

— Эй! — Рон с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, как пьяный, и хихикая, побрёл к Гарри. — Эй, Гарри! Там, внутри, мозги — вот чудеса, а?

— Уйди с дороги, Рон, ложись на пол…

Но Рон уже направил палочку на аквариум.

— Честно, Гарри, там мозги… гляди… *акцио, мозг!*

Все, кто был в комнате, на мгновение застыли. Гарри, Джинни, Невилл и все пятеро Пожирателей смерти невольно повернулись к аквариуму, и тут из зелёной жидкости, точно рыба, выпрыгнул мозг — на секунду он повис в воздухе, а затем поплыл к Рону. На лету он вращался, и из него выползали ленты движущихся изображений — они разматывались, как рулоны киноплёнки…

— Ха-ха-ха, Гарри, ты только посмотри… — сказал Рон, глядя, как из мозга вылезает его разноцветное содержимое. — Иди сюда, потрогай: вот чудеса…

— НЕ НАДО, РОН!

Гарри не знал, что случится, если Рон дотронется до мыслей, которые длинными щупальцами тянулись за мозгом, но был уверен, что ничего хорошего из этого не выйдет. Он метнулся вперёд, но Рон уже поймал мозг обеими руками.

Едва коснувшись его кожи, щупальца мыслей стали обматываться вокруг кистей Рона, как верёвки.

— Гарри, смотри-ка… нет… нет! Мне это не нравится! Эй, вы, перестаньте… стойте…

Но тонкие ленты уже обвивались вокруг его

груди. Он принялся разрывать их, а мозг тем временем тесно приник к нему, словно осьминог.

— *Диффиндо!* — закричал Гарри в надежде разорвать щупальца, связывающие Рона у него на глазах, но заклинание не помогло. Рон упал, отчаянно стараясь освободиться от пут.

— Они его задушат, Гарри! — вскрикнула Джинни. Сломанная лодыжка мешала ей встать — и вдруг луч красного света, вырвавшийся из палочки какого-то Пожирателя смерти, ударил ей прямо в лицо. Она повалилась набок и замерла.

— *Осдолбедей!* — заорал Невилл, оборачиваясь и направляя палочку Гермионы на подступающих к нему Пожирателей смерти. — *Осдолбедей, осдолбедей!*

Но ничего не случилось.

Один из Пожирателей смерти метнул в Невилла ответным заклятием и промахнулся всего на дюйм-другой. Теперь Гарри и Невилл остались вдвоём против пятерых нападающих — двое из них выпускали из палочек стрелы серебряного света, которые летели мимо и разбивали штукатурку на стене за спинами ребят. Гарри пустился бежать, Беллатриса Лестрейндж — за ним; он высоко поднял пророчество над головой, думая только о том, как отвлечь Пожирателей смерти

от своих друзей.

Кажется, его замысел сработал: они погнались за ним, расшвыривая по дороге столы и стулья, но не осмеливаясь обстреливать его заклятиями из опасения повредить пророчество, и он проскочил в единственную дверь, оставшуюся открытой, — а именно в ту, откуда появились сами Пожиратели смерти, — горячо молясь про себя, чтобы Невилл вспомнил о Роне и нашёл способ освободить его. Пробежав несколько шагов по новой комнате, он почувствовал, что пол ушёл у него из-под ног…

Он полетел кувырком по крутым каменным ступеням, ударяясь о каждую из них по очереди, и грохнулся на спину с такой силой, что из него едва не вышибло дух. Он лежал в огромной яме, посреди которой возвышалась платформа с уже знакомой ему каменной аркой. Вся комната задрожала от хохота Пожирателей смерти. Подняв глаза, он увидел, как те пятеро, что были с ним вместе в Комнате мозгов, спускаются вниз, а из других дверей появляются всё новые и тоже начинают прыгать со скамьи на скамью, приближаясь к нему. Гарри поднялся на ноги, хотя они слушались его так плохо, что он чуть не упал снова. Пророчество каким-то чудом уцелело. Сжимая его в левой руке, а палочку — в правой,

Гарри начал отступать; он непрерывно озирался, стараясь держать в поле зрения всех своих врагов. Вскоре он наткнулся на что-то твёрдое — это была платформа, на которой стояла арка. Не оборачиваясь, он залез на неё.

Все Пожиратели смерти остановились, глядя на него. Некоторые дышали так же тяжело, как и он. Один был весь в крови; Долохов, освобождённый от парализующего заклятия, ухмылялся, направив палочку прямо в лицо Гарри.

— Ты проиграл, Поттер, — негромко сказал Малфой, стягивая с лица маску. — А теперь будь хорошим мальчиком, отдай мне пророчество.

— От… отпустите остальных, тогда отдам! — в отчаянии выпалил Гарри.

Несколько Пожирателей смерти рассмеялись.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, Поттер, — сказал Малфой. Его бледное лицо порозовело от удовольствия. — Видишь ли, нас десять, а ты один… Или Дамблдор так и не научил тебя считать?

— Од де одид! — раздался наверху чей-то голос. — У дего ещё есдь я!

Сердце у Гарри упало. Крепко сжимая в руке палочку Гермионы, Невилл спускался к нему по каменным ступеням.

— Невилл… не надо… вернись к Рону…

— *Осдолбедей!* — снова завопил Невилл, направляя палочку на всех Пожирателей смерти по очереди. — *Осдолбедей! Осдол…*

Один из самых могучих Пожирателей смерти обхватил Невилла сзади, прижав его руки к бокам. Невилл задёргался, тщетно пытаясь вырваться; другие Пожиратели смерти засмеялись.

— Это, кажется, Долгопупс? — ухмыльнулся Люциус Малфой. — Что ж, твоя бабка привыкла терять членов семьи, жертвующих собой во имя великой цели… твоя смерть не станет для неё такой уж неожиданностью.

— Долгопупс? — повторила Беллатриса, и на её измождённом лице появилась отвратительная зловещая усмешка. — Я имела удовольствие пообщаться с твоими родителями, мальчик!

— Я здаю! — взревел Невилл и забился так неистово, что схвативший его Пожиратель смерти крикнул:

— Кто-нибудь, оглушите его!

— Нет-нет, — возразила Беллатриса. Её словно охватило какое-то гнусное возбуждение; она перевела взгляд на Гарри, потом обратно на Невилла. — Нет, давайте лучше посмотрим, сколько Долгопупс вытерпит, прежде чем сломается, как

его родители… если, конечно, Поттер не захочет отдать нам пророчество.

— ДЕ ОДДАВАЙ ЕГО ИБ! — проревел Невилл. Он был совершенно вне себя и отчаянно лягался и изворачивался, а Беллатриса, подняв палочку, уже приближалась к нему и пленившему его Пожирателю смерти. — ДЕ ОДДАВАЙ ЕГО ИБ, ГАРРИ!

Беллатриса направила на него палочку:

— *Круцио!*

Невилл пронзительно закричал, подтянув колени к груди, так что ноги его на мгновение оторвались от земли. Пожиратель смерти отпустил его, и он рухнул на пол, дёргаясь и визжа от боли.

— Это только цветочки! — сказала Беллатриса, отводя палочку. Крики Невилла оборвались, и теперь он просто лежал, рыдая, у её ног. Она повернулась к Гарри. — Ну, Поттер, или отдавай нам пророчество, или смотри, как твой друг умирает в мучениях!

У Гарри не оставалось выбора. Он поднял руку с нагретым, почти горячим шариком и разжал ладонь. Малфой прыгнул вперёд, чтобы взять его.

И вдруг высоко над ними распахнулась ещё одна дверь, затем другая — и в комнату вбежали ещё пять человек. Это были Сириус, Люпин, Грoз-

ный Глаз, Тонкс и Кингсли.

Малфой обернулся и поднял палочку, но Тонкс уже послала Оглушающее заклятие прямо в него. Гарри не стал дожидаться и смотреть, попадёт ли оно в цель; он сразу бросился с платформы вниз, чтобы не мешать. Пожирателей смерти ошеломило внезапное появление членов Ордена, которые, прыгая со ступени на ступень, принялись осыпать их заклятиями. В неразберихе ярких вспышек и падающих тел Гарри заметил отползающего в сторону Невилла. Он увернулся от очередного красного луча и кинулся на пол рядом с ним.

— Как ты? — крикнул он, и в ту же секунду прямо над их головами сверкнуло ещё одно заклятие.

— Дичего, — отозвался Невилл, пытаясь встать на четвереньки.

— А Рон?

— Кажедся, дорбальдо — од всё ещё драдся с бозгоб, когда я уходид…

На полу перед ними взметнулся фонтанчик каменной крошки и появилась выбоина — Невилл еле успел отдёрнуть руку. Друзья быстро отползли от опасного места, и тут невесть откуда к ним протянулась толстая рука, сгребла Гарри

за шиворот и подняла вверх, так что носками он едва касался пола.

— Отдай мне его, — прорычал ему в ухо чей-то голос, — отдай мне пророчество…

Воротом Гарри так перехватило горло, что он не мог вздохнуть. Сквозь выступившие на глазах слёзы он увидел Сириуса, который сражался с одним из Пожирателей смерти в нескольких шагах от него; Кингсли дрался сразу с двумя; Тонкс, остановившись на полпути ко дну каменной ямы, посылала лучи заклятий вниз, в Беллатрису — никто, казалось, не замечал, что Гарри умирает. Он направил палочку в бок невидимому врагу, но не в силах был произнести заклинание, а тот свободной рукой уже тянулся к кулаку, в котором Гарри сжимал пророчество…

— А-а-а!

Неизвестно откуда на них обрушился Невилл; он тоже не мог произнести слова заклятия и вместо этого с силой ткнул палочкой Гермионы в глазную прорезь капюшона, скрывающего лицо Пожирателя смерти. Взвыв от боли, тот мгновенно отпустил Гарри. Освободившись, Гарри мигом развернулся и выпалил:

— *Остолбеней!*

Пожиратель смерти свалился на пол, и его

маска соскользнула; это был Макнейр, который когда-то едва не убил Клювокрыла. Один глаз у него заплыл и налился кровью.

— Спасибо! — крикнул Гарри, оттаскивая Невилла в сторону, чтобы освободить дорогу Сириусу и его сопернику, сражающимся так яростно, что их палочки превратились в сверкающие пятна. Потом Гарри почувствовал под ногой что-то круглое и твёрдое и едва не упал — сначала он испугался, что уронил пророчество, но потом увидел, как по полу, вращаясь, скользит волшебный глаз Грюма.

Его хозяин лежал на боку с окровавленной головой, а сразивший его колдун уже мчался на Гарри и Невилла — это был Долохов, с лицом, искажённым гримасой свирепого ликования.

— *Таранталлегра!* — завопил он, направив палочку на Невилла, и ноги мальчика немедленно пустились в сумасшедший пляс. Невилл потерял равновесие и вновь свалился на пол. — Ну, Поттер…

Он наискосок взмахнул палочкой, как тогда, когда ранил Гермиону, и в тот же миг Гарри воскликнул:

— *Протего!*

Гарри почувствовал, как его полоснуло по лицу

словно тупым ножом; сила удара была такой, что он упал, споткнувшись о дёргающиеся ноги Невилла, однако Щитовые чары спасли его от самого худшего.

Долохов снова поднял палочку:

— *Акцио, проро…*

Внезапно на него налетел Сириус и сшиб плечом на пол. Пророчество снова скользнуло к самым кончикам пальцев Гарри, но он сумел удержать его. Между Сириусом и Долоховым завязалась битва: их палочки мелькали, как шпаги, из них сыпались искры…

Долохов отвёл назад палочку, готовясь применить то же заклятие, которым он поразил Гарри и Гермиону. Вскочив с пола, Гарри выкрикнул:

— *Петрификус тоталус!*

Долохову вновь свело руки и ноги, и он, отвердев, грохнулся на спину.

— Отлично! — восхитился Сириус, нагибая Гарри голову, над которой тут же пронеслась парочка Оглушающих заклятий. — А теперь давай-ка беги отсю…

Они разом пригнулись — луч зелёного света чуть не угодил в Сириуса. Гарри увидел, как Тонкс по другую сторону комнаты упала посреди амфитеатра; её обмякшее тело стало сползать

вниз по каменным ступеням, а торжествующая Беллатриса, развернувшись, кинулась в самую гущу схватки.

— Гарри! Бери пророчество, хватай Невилла и беги! — изо всей мочи закричал Сириус, бросаясь навстречу Беллатрисе.

Гарри не увидел, что произошло потом: перед его глазами вырос Кингсли, сражающийся с Руквудом, чьё изрытое оспой лицо уже не закрывала маска. Ещё один зелёный луч блеснул над головой Гарри, когда он метнулся к Невиллу…

— Можешь встать? — крикнул он в ухо товарищу, ноги которого всё ещё выделывали кренделя. — Обними меня за шею…

Гарри напряг мышцы, и Невилл подчинился, однако ноги по-прежнему не желали его слушаться, от них было мало проку. И вдруг, откуда ни возьмись, на них налетел человек. Оба рухнули назад — Невилл сучил ногами, как перевёрнутый жук, а Гарри вскинул вверх левую руку, чтобы не выпустить стеклянный шарик.

— Пророчество, Поттер! Дай его мне! — проревел у него над ухом голос Люциуса Малфоя, и Гарри почувствовал, как кончик палочки упёрся ему в рёбра, причиняя невыносимую боль.

— Нет… отпусти… Невилл, держи!

Гарри катнул шарик по полу в сторону Невилла, а тот, развернувшись на спине, поймал его и прижал к груди. Малфой направил палочку на Невилла, но Гарри ткнул своей через плечо и крикнул:

— *Импедимента!*

Заклинание отшвырнуло Малфоя прочь. Быстро поднявшись на ноги, Гарри оглянулся и увидел, что Малфой ударился спиной о платформу, на которую в пылу битвы вскочили Сириус и Беллатриса. Колдун снова нацелил палочку на Гарри с Невиллом, но, прежде чем он успел набрать в грудь воздуха, между ними вырос Люпин.

— Гарри, собирай остальных и БЕГИ!

Гарри сгрёб Невилла за мантию у плеча и буквально втащил его на первый ряд каменных сидений. Невилл дрыгал ногами, не в силах принять вертикальное положение; Гарри снова напрягся и одолел ещё один ряд…

Заклятие ударило в камень прямо у него под ногами; кусок скамьи отлетел, и Гарри опять съехал на предыдущую.

Невилл свалился на землю, выписывая ногами что-то немыслимое, Гарри сунул пророчество ему в карман…

— Ну давай! — отчаянно завопил он, дёргая

Невилла за мантию. — Хоть чуть-чуть обопрись на ноги…

Ещё одно гигантское усилие — и мантия Невилла разорвалась по всему левому шву; маленький стеклянный шарик выкатился у него из кармана, и прежде чем кто-нибудь из них успел схватить его, подвернулся Невиллу под ногу. Пинок — и шарик, пролетев футов десять вправо, разбился о нижнюю ступень. Оба друга в ужасе уставились на место катастрофы и увидели, как в воздух поднялась перламутрово-белая фигура с неестественно увеличенными глазами — её не заметил никто, кроме них. Гарри смотрел, как движутся её губы, изрекая пророчество, но среди криков и шума битвы нельзя было расслышать ни слова. Договорив, фигура медленно растаяла в воздухе.

— Извиди бедя, Гарри! — Лицо Невилла было искажено мукой, а ноги по-прежнему дёргались не переставая. — Я видовад, Гарри, я де хотед…

— Ладно! — крикнул Гарри. — Попробуй встать, надо уходить отсю…

— Дабблдор! — Мокрое от пота лицо Невилла вдруг преобразилось. Он смотрел куда-то за спину Гарри.

— Что?

— ДАББЛДОР!

Гарри обернулся вслед за взглядом Невилла. Прямо над ними, на пороге двери, ведущей в Комнату мозгов, стоял Альбус Дамблдор — палочка его была поднята, лицо побелело от гнева. Словно электрический ток пробежал по всему телу Гарри — они спасены!

Дамблдор пронёсся по ступеням вниз, мимо Гарри и Невилла — теперь они больше не думали о побеге. Их школьный директор уже достиг нижнего яруса каменных сидений, когда ближайшие Пожиратели смерти заметили его и крикнули остальным, что он здесь. Один из них пустился бежать, карабкаясь по ступеням напротив, точно обезьяна. Дамблдор снял его оттуда заклятием без малейших усилий, будто невидимым арканом…

Только одна пара противников продолжала биться, не обращая внимания ни на что вокруг. На глазах у Гарри Сириус увернулся от красного луча, посланного Беллатрисой, — он смеялся над ней…

— Ну же, давай! Посмотрим, на что ты способна! — воскликнул он, и его голос раскатился эхом по огромной комнате.

Второй красный луч поразил его прямо в грудь.

Улыбка ещё не сошла с его уст, но глаза расши-

рились от изумления.

Сам того не заметив, Гарри отпустил Невилла. Он снова спрыгнул ступенью ниже, вынимая палочку, и Дамблдор тоже обернулся к платформе.

Казалось, Сириусу понадобилась целая вечность, чтобы упасть: его тело выгнулось изящной дугой, прежде чем утонуть в рваном занавесе, закрывающем арку.

Гарри успел увидеть на измождённом, когда-то красивом лице своего крёстного отца смесь страха и удивления — и в следующий миг он исчез в глубине древней арки. Занавес сильно колыхнулся, словно от внезапного порыва ветра, и сразу же успокоился опять.

Раздался торжествующий клич Беллатрисы Лестрейндж, но Гарри знал, что бояться нечего: Сириус просто упал, скрывшись за занавесом, он вот-вот появится с другой стороны арки…

Но Сириус не появлялся.

— СИРИУС! — закричал Гарри. — СИРИУС!

Он был уже на дне ямы и задыхался так, что болела грудь. Сириус должен быть совсем рядом, сейчас он, Гарри, вытащит его из-за занавеса…

Но не успел он вскочить на платформу, как Люпин обхватил его сзади и удержал.

— Ты ничего не можешь сделать, Гарри…

— Помогите ему, спасите его, он ведь только что был здесь…

— …слишком поздно, Гарри.

— Сейчас мы его вытащим… — Гарри яростно извивался, пытаясь вырваться, но с Люпином было не так-то легко сладить.

— Ты ничего не можешь сделать, Гарри… ничего… его уже не вернуть.

Глава 36
Единственный, кого он всегда боялся

— Неправда! — закричал Гарри.

Он не мог в это поверить; он не хотел в это верить; и он сопротивлялся Люпину из последних сил. Люпин просто не понимает — там, за этим занавесом, прячутся люди, Гарри слышал, как они шепчутся, когда в первый раз побывал в этой комнате. Сириус спрятался, он всего лишь скрылся из виду…

— СИРИУС! — снова выкрикнул он. — СИРИУС!

— Он не сможет оттуда вернуться, Гарри. — Голос у Люпина сорвался. — Он не вернётся, потому что он мё…

— ОН — НЕ — МЁРТВ! — взревел Гарри. — СИРИУС!

Вокруг них что-то происходило — какая-то бестолковая суета. Снова и снова вспыхивали заклятия, но для Гарри всё это было полностью лишено смысла, он не обращал внимания на сверкающие совсем рядом лучи — ничто на свете не имело смысла, кроме одного: пусть Люпин

прекратит делать вид, будто Сириус, который сейчас стоит в двух шагах от них за этой старой занавеской, больше не появится оттуда. Нет — сейчас он выйдет, отбросит со лба свои тёмные волосы и снова ринется в схватку!

Люпин оттащил Гарри подальше от платформы. Гарри — его взгляд был всё так же прикован к арке — начинал сердиться на Сириуса за то, что он заставляет их ждать…

Но каким-то краешком своего сознания, даже стараясь вырваться из рук Люпина, он уже понимал, что случилась беда — ведь никогда прежде Сириус не заставлял его ждать. Сириус рисковал всем и всегда, только бы увидеть Гарри, помочь ему… и если Сириус не появляется из этой арки теперь, когда Гарри зовёт его так отчаянно, будто от крёстного зависит его жизнь, это можно объяснить только одним: значит, он не способен вернуться… и он действительно…

Дамблдор собрал оставшихся Пожирателей смерти посреди комнаты — они были словно связаны невидимыми верёвками. Грозный Глаз Грюм подполз к лежащей на полу Тонкс и пытался привести её в чувство. За платформой всё ещё сверкали вспышки, оттуда доносились возгласы и хриплое дыхание — это Кингсли сменил Сири-

уса в поединке с Беллатрисой.

— Гарри!

Невилл потихоньку спустился по каменным ярусам туда, где стоял Гарри — он уже не сопротивлялся Люпину, но тот на всякий случай придерживал его за локоть.

— Гарри… Бде очедь жадь… — сказал Невилл. Его ноги до сих пор дёргались сами по себе. — Этот чедовек… Сириус… од быд твой друг?

Гарри кивнул.

— Сейчас, — спокойно сказал Люпин и направил палочку на ноги Невилла. — *Финита.* — Заклятие было снято; пляс прекратился, и ноги Невилла твёрдо стали на пол. — А теперь… теперь давайте найдём остальных. Где они, Невилл?

Люпин повернулся спиной к арке. Он был очень бледен и говорил так, точно каждое слово причиняло ему боль.

— Оди все таб, — сказал Невилл. — Да Рона нападбозг, до я дубаю, с диб всё в порядке. А Гербиода без создадия, до пудьс есть…

Из-за платформы раздался громкий треск и вопль. Гарри увидел, как Кингсли с криком боли рухнул на пол; Беллатриса Лестрейндж тут же пустилась бежать. Дамблдор мгновенно повернулся и послал ей вслед заклятие, но она отклонила его;

вот она уже на середине амфитеатра…

— Гарри, стой! — воскликнул Люпин, но Гарри воспользовался тем, что он ослабил хватку, и успел вырвать руку.

— ОНА УБИЛА СИРИУСА! — закричал Гарри. — ОНА УБИЛА ЕГО — А Я УБЬЮ ЕЁ!

И он быстро полез вверх по каменным ступеням — сзади что-то кричали, но он не обращал на это внимания. Полы мантии Беллатрисы скрылись за дверью, и он выскочил вслед за ней обратно в Комнату мозгов…

Она пустила в него заклятие через плечо. Аквариум с мозгами подскочил в воздух и опрокинулся. На Гарри хлынул вонючий зелёный раствор; мозги заскользили вокруг него и уже начали было выпускать длинные разноцветные щупальца, но он крикнул: *«Вингардиум левиоза!»*, и они разлетелись в стороны. Торопясь и оскальзываясь, он побежал к двери — перепрыгнул через Полумну которая стонала на полу, миновал Джинни, слабо окликнувшую его по имени, потом Рона, тихо хихикающего, и Гермиону, которая по-прежнему лежала без сознания. Рванув на себя дверь, выходящую в круглую тёмную комнату, он увидел, как Беллатриса исчезла за противоположной дверью — там был коридор,

ведущий обратно к лифтам.

Он кинулся туда, но она захлопнула за собой дверь, и стены уже начали вращаться. Опять вокруг исчезло всё, кроме синих полос, прочерченных пламенем свечей.

— Где выход? — в отчаянии воскликнул он, когда низкий рокот стих и комната вновь застыла в неподвижности. — Как отсюда выбраться?

Комната точно ждала этого вопроса. Дверь прямо перед ним распахнулась, и за ней открылся нужный коридор — ярко освещённый факелами, он был совершенно безлюден. Гарри побежал снова…

Он слышал впереди громыхание лифта; прибавив скорости, он свернул за угол и ударил кулаком по кнопке вызова второй кабины. Та спустилась к нему с лязгом и звоном; решётки разъехались в стороны, Гарри ворвался внутрь и нажал кнопку с надписью «Атриум». Двери сомкнулись, и лифт тронулся…

Он выскочил наружу, не дожидаясь, пока решётки полностью разъедутся, и огляделся вокруг. Беллатриса была уже у телефонной будки в конце зала, но, обернувшись, увидела своего преследователя и метнула в него ещё одно заклятие. Он нырнул за Фонтан Волшебного братства: проле-

тев мимо, заклятие угодило в огромные золотые ворота в другом конце Атриума, и они загудели, как колокол. Шаги Беллатрисы смолкли. Он скрючился за статуями, прислушиваясь.

— Выходи, выходи, малютка Гарри! — пропела она тонким издевательским голоском, и её слова отразились эхом от начищенного паркета. — Зачем же ещё было бежать за мной? Я думала, ты хочешь отомстить за моего дорогого братца!

— Да, хочу! — крикнул Гарри, и с десяток его призрачных двойников вокруг всего зала повторили:

«Да, хочу! Да, хочу! Да, хочу!»

— Так-так… Наверное, ты любил его, малютка Поттер?

Гарри захлестнула такая лютая ненависть, какой он не знал никогда прежде; стрелой вылетев из-за фонтана, он взревел:

— *Круцио!*

Беллатриса вскрикнула. Заклятие Гарри сбило её с ног, но она не стала извиваться и корчиться от боли, как Невилл, — она мигом вновь вскочила на ноги, тяжело дыша и больше не смеясь. Гарри опять спрятался за золотым фонтаном. Ответным заклятием Беллатриса снесла голову благородному чародею, и та откатилась футов на двадцать,

оставив на паркете глубокие царапины.

— Ты никогда раньше не применял непростительных заклятий, правда, мальчик? — крикнула она уже нормальным голосом, без сюсюканья. — Ты должен по-настоящему *хотеть*, чтобы они подействовали, Поттер! Надо *хотеть* причинить боль и получать от этого удовольствие, а праведный гнев — это для меня пустяки! Я покажу тебе, как это делается, ладно? Я преподам тебе урок…

Гарри обогнул фонтан сзади, когда она взвизгнула *«Круцио!»*, и ему пришлось снова быстро пригнуться; рука кентавра, сжимающая лук, с грохотом упала на пол неподалёку от золотой головы чародея.

— Тебе не победить меня, Поттер! — крикнула колдунья.

Он слышал, как она смещается вправо, чтобы поразить его заклятием, и попятился назад, прячась за ногами кентавра; его голова была на одном уровне с головой эльфа-домовика.

— Я была и остаюсь самой верной слугой Тёмного Лорда. Он обучал меня Тёмным искусствам, и мне ведомы заклятия такой мощи, что ты, жалкий мальчишка, никогда не сможешь со мной потягаться…

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!* — закричал Гарри: он про-

крался к гоблину, который продолжал лучезарно улыбаться обезглавленному чародею, и прицелился в спину Беллатрисе, пытавшейся заглянуть за фонтан. Она отреагировала так быстро, что он едва успел спрятаться.

— *Протего!*

Красный луч, его собственное Оглушающее заклятие, рикошетом отскочил в него. Гарри скрючился за фонтаном, и одно из золотых ушей гоблина полетело через весь зал.

— Я дам тебе шанс, Поттер! — крикнула Беллатриса. — Отдай мне пророчество! Выкати его ко мне по полу, и твоя жизнь спасена!

— Тогда тебе придётся убить меня, потому что его больше нет! — откликнулся Гарри, и в то же мгновение его лоб пронзила боль: старый шрам вновь обожгло как огнём, и Гарри ощутил прилив ярости, абсолютно не связанной с его собственным гневом. — И он знает это! — Гарри рассмеялся безумным смехом, под стать Беллатрисе. — Твой закадычный дружок Волан-де-Морт знает, что оно разбилось! Вряд ли он похвалит тебя за это, как ты думаешь?

— Что? О чём ты говоришь? — взвизгнула она, и он впервые услышал в её голосе страх.

— Пророчество разбилось, когда я пытался

втащить Невилла наверх по ступеням! Как ты думаешь, что Волан-де-Морт скажет по этому поводу?

Его шрам пылал… от боли на глаза навернулись слёзы…

— ЛЖЕЦ! — завопила она, но за её злобой угадывался ужас. — Оно у тебя, Поттер, и ты отдашь его мне! *Акцио, пророчество! АКЦИО, ПРОРОЧЕСТВО!*

Гарри рассмеялся снова, чтобы ещё больше взбесить её, и боль в шраме стала такой свирепой, что ему показалось, будто его череп вот-вот разлетится на куски. Он помахал пустой рукой над плечом одноухого гоблина и быстро спрятал её обратно, когда она метнула в него ещё один зелёный луч.

— Видишь, пусто! — крикнул он. — Ты ничего не получишь! Оно пропало, и никто не узнает, о чём оно было, так и передай своему боссу!

— Нет! — взвизгнула она. — Ты лжёшь, это неправда! Я не виновата, хозяин… Не надо меня наказывать…

— Зря стараешься! — крикнул Гарри, зажмурясь от боли, которая стала совсем нестерпимой. — Он тебя не услышит!

— Неужели, Поттер? — сказал высокий холодный голос.

Гарри открыл глаза.

Высокий, худой, в чёрном капюшоне, жуткое змеиное лицо, бледное и иссохшее, багровые глаза с щёлочками зрачков… Лорд Волан-де-Морт стоял посреди зала, направив на него палочку, и Гарри застыл на месте, не в силах шелохнуться.

— Итак, ты разбил моё пророчество? — вкрадчиво спросил Волан-де-Морт, устремив на Гарри безжалостный взор своих красных глаз. — Нет, Белла, он не лжёт… Я вижу правду, которая глядит на меня из его никчёмного мозга… целые месяцы подготовки, столько усилий… и вы, Пожиратели смерти, позволили Гарри Поттеру снова расстроить мои планы…

— Простите меня, хозяин, я не знала! Я сражалась с анимагом Блэком! — зарыдала Беллатриса, бросаясь ниц у ног Волан-де-Морта, сделавшего несколько шагов вперёд. — Вы же знаете, хозяин…

— Замолчи, Белла. — В голосе Волан-де-Морта послышалась угроза. — Через минуту я с тобой разберусь. Ты думаешь, я пробрался в Министерство магии, чтобы слушать твоё дурацкое хныканье?

— Но, хозяин… он здесь… внизу…

Волан-де-Морт не обратил внимания на её

слова.

— Мне больше нечего сказать тебе, Поттер, — спокойно промолвил он. — Ты мешал мне слишком часто и слишком долго. *АВАДА КЕДАВРА!*

У Гарри даже не хватило сил открыть рот, чтобы защититься; его голова была пуста, палочка безвольно повисла.

Но безголовая золотая статуя чародея из фонтана вдруг ожила — она спрыгнула со своего постамента и с грохотом приземлилась между Гарри и Волан-де-Мортом. Заклятие отскочило от её груди, и статуя распростёрла руки, защищая Гарри от нового нападения.

— Что… — воскликнул Волан-де-Морт, бешено озираясь. И тут у него вырвалось: — Дамблдор!

Гарри оглянулся; сердце его пустилось в галоп. Перед золотыми воротами стоял Дамблдор.

Волан-де-Морт поднял палочку, и ещё один зелёный луч полетел в Дамблдора, но седовласый мудрец круто повернулся и исчез в вихре своей мантии. В следующую секунду он возник за спиной у Волан-де-Морта и взмахнул палочкой в направлении разбитого фонтана, вдохнув жизнь в оставшиеся статуи. Статуя волшебницы бросилась на Беллатрису — та кричала и тщетно поливала её заклятиями, но волшебница схва-

тила колдунью и прижала к полу. Тем временем гоблин и эльф-домовик побежали к каминам у стены, а однорукий кентавр галопом поскакал к Волан-де-Морту, который тоже исчез и появился рядом с фонтаном. Безголовая статуя оттеснила Гарри в сторону, подальше от центра схватки; Дамблдор двинулся к Волан-де-Морту, а кентавр описывал круги вокруг них обоих.

— Глупо было приходить сюда сегодня, Том, — спокойно произнёс Дамблдор. — Сейчас подоспеют мракоборцы…

— К этому времени меня здесь не будет, а ты будешь мёртв! — рявкнул Волан-де-Морт. Он послал в Дамблдора очередное смертоносное заклятие, но промахнулся, и стол дежурного колдуна вспыхнул, как гора сухого хвороста.

Дамблдор сделал неуловимое движение палочкой; сила вырвавшегося из неё заклинания была так велика, что волосы у Гарри встали дыбом даже за спиной его золотого стража, и на сей раз, чтобы отразить чары, Волан-де-Морту пришлось сотворить из воздуха сверкающий серебряный щит. Заклинание, каким бы оно ни было, не нанесло щиту видимого ущерба — он лишь загудел, точно гонг, и от этого звука у Гарри мурашки поползли по коже.

— Ты не собираешься убивать меня, Дамблдор? — воскликнул Волан-де-Морт, и его красные глаза над щитом насмешливо сощурились. — Считаешь себя выше такой жестокости?

— Мы оба знаем, что есть другие способы погубить человека, Том, — негромко отозвался Дамблдор, продолжая наступать на Волан-де-Морта, словно ничто на свете не могло испугать его, словно никакие вражеские усилия не могли остановить эту спокойную поступь. — Готов сознаться, что я не получил бы удовлетворения, попросту отняв у тебя жизнь…

— Нет ничего хуже смерти, Дамблдор! — прорычал Волан-де-Морт.

— Ты ошибаешься, — возразил Дамблдор, по-прежнему приближаясь к Волан-де-Морту; тон его был так небрежен, будто они собрались поболтать за кружечкой пива. Гарри было страшно смотреть, как он идёт на врага, и не думая защищаться, — он хотел крикнуть, предостеречь седовласого волшебника, но безголовый страж оттеснял Гарри к стене, пресекая все его попытки вырваться на свободу. — Что ж, твоя неспособность понять, что в мире есть вещи, которые гораздо хуже смерти, всегда была твоей главной слабостью…

Ещё один зелёный луч вырвался из-за серебряного щита. Теперь его принял на себя однорукий кентавр, галопом проскакавший перед Дамблдором, — он тут же рассыпался на сотни кусков, но не успели они коснуться пола, как Дамблдор отвёл палочку назад и взмахнул ею, точно хлыстом. Из её кончика вылетел длинный, тонкий язык пламени и обвил Волан-де-Морта вместе со щитом. На мгновение Гарри показалось, что победа за Дамблдором, однако огненная верёвка тут же обратилась в змею, которая сразу отпустила Волан-де-Морта и, яростно шипя, повернулась к Дамблдору.

Волан-де-Морт растаял в воздухе; змея поднялась с пола, готовая к броску…

Посреди зала блеснула вспышка, и в ту же секунду Волан-де-Морт появился снова — прямо над фонтаном, на постаменте, где совсем недавно возвышались пять статуй.

— Осторожно! — воскликнул Гарри.

Но одновременно с его криком новый зелёный луч полетел в Дамблдора из палочки Волан-де-Морта, и змея бросилась на него…

Перед Дамблдором порхнул Фоукс — открыв клюв, он проглотил зелёный луч целиком, вспыхнул и упал на пол, маленький, сморщенный и

бездвижный. В тот же миг Дамблдор сделал палочкой длинный, плавный жест — и змея, чуть было не вонзившая в него клыки, взлетела в воздух и растаяла струйкой чёрного дыма, а вода в фонтане поднялась и объяла Волан-де-Морта, словно заключив его в кокон из расплавленного стекла.

В течение нескольких секунд Волан-де-Морт — тёмная, неясная фигура с дрожащими расплывчатыми очертаниями — силился сбросить с себя эту удушающую массу…

Потом он исчез, и вода с шумом обрушилась обратно в бассейн — часть её выплеснулась наружу, залив начищенный паркет.

— ХОЗЯИН! — вскрикнула Беллатриса. Уверенный, что всё кончилось, что Волан-де-Морт наконец бежал, Гарри хотел было выскочить из-за спины своего золотого стража, но Дамблдор осадил его громовым возгласом:

— Не двигайся, Гарри!

Впервые в голосе Дамблдора прозвучал страх. Гарри не понимал, что его напугало: в зале не осталось никого, кроме них двоих, рыдающей Беллатрисы, пригвождённой к полу статуей волшебницы, да птенца феникса, тихо трепыхающегося у фонтана…

И тут шрам Гарри взорвался дикой болью, и он понял, что погиб: это была невообразимая, нестерпимая мука…

Он больше не стоял в зале — он был обвит кольцами существа с красными глазами, так крепко скован по рукам и ногам, что не знал, где кончается его тело и начинается тело этого существа, — они слились воедино, связанные болью, и пути к избавлению не было…

А потом существо заговорило устами Гарри — раздираемый мукой, он чувствовал, как открывается и закрывается его рот…

— *Убей меня, Дамблдор…*

Ослеплённый и умирающий — каждая клеточка его тела взывала об освобождении, — Гарри вновь сделался орудием в чужих руках…

— *Если смерть — ничто, убей мальчика, Дамблдор!*

«Только бы прекратилась эта боль, — думал Гарри… — пусть он убьёт нас… решайся же, Дамблдор… смерть — ничто по сравнению с этим…»

А ещё — я снова увижу Сириуса…

И когда сердце Гарри переполнилось тёплым чувством, кольца существа распустились, боль ушла; Гарри лежал на полу лицом вниз, без очков, дрожа так, словно под ним был лёд, а не дерево…

А в зале перекатывалось эхо голосов, которых было гораздо больше, чем следовало… Гарри открыл глаза и увидел свои очки у ног безголовой статуи, которая ещё недавно охраняла его, а теперь лежала навзничь, растрескавшаяся и неподвижная. Надев очки, он приподнял голову и обнаружил длинный искривлённый нос Дамблдора в нескольких дюймах от своего собственного.

— Как ты себя чувствуешь, Гарри?

— Н-нормально, — сказал Гарри; его так колотило, что он не в силах был держать голову прямо. — Да, я… где Волан-де-Морт, где… кто это здесь… что они…

В атриуме было полно народу; на полу отражались изумрудно-зелёные языки пламени, вспыхнувшего в каминах вдоль стены, и из них бесконечным потоком шли маги и волшебницы. Поднимаясь на ноги с помощью Дамблдора, Гарри увидел крохотные золотые фигурки эльфа-домовика и гоблина, ведущих под руки Корнелиуса Фаджа. Министр магии выглядел совершенно ошеломлённым.

— Он был здесь! — воскликнул человек в алой мантии, с волосами, собранными в хвост. Он указывал на кучу золотых обломков по другую

сторону зала — туда, где каких-нибудь пять минут назад лежала пленённая Беллатриса. — Я видел его, мистер Фадж! Клянусь, это был Вы-Знаете-Кто — он схватил женщину и трансгрессировал!

— Знаю, Уильямсон, знаю, я сам его видел… — промямлил Фадж. Под его мантией в полоску виднелась пижама, а задыхался он так, словно только что пробежал несколько миль. — Клянусь бородой Мерлина… здесь… здесь! В Министерстве магии!.. Да как же так… в это невозможно поверить… честное слово… да как это может быть!..

Тем временем Дамблдор закончил осматривать Гарри, видимо, сочтя его состояние удовлетворительным.

— Если вы соблаговолите спуститься в Комнату смерти, Корнелиус, — сказал он, делая шаг вперёд, так что новоприбывшие впервые обратили на него внимание (некоторые из них подняли палочки, другие просто воззрились на него с удивлением, статуи эльфа и гоблина зааплодировали, а Фадж так подскочил от неожиданности, что едва не потерял шлёпанцы), — вы найдёте там несколько пленных Пожирателей смерти, связанных Антитрансгрессионным заклятием и ожидающих вашего решения относительно своей дальнейшей судьбы.

— Дамблдор! — воскликнул Фадж, оторопев от изумления. — Вы… здесь… Я… я…

Он обвёл диким взглядом приведённых с собой мракоборцев, и стало яснее ясного, что с его губ вот-вот сорвётся возглас: «Хватайте его!»

— Я готов сразиться с вашими людьми, Корнелиус, и вновь победить их! — прогремел Дамблдор. — Но несколько минут назад вы собственными глазами видели доказательство того, что весь последний год я говорил вам правду. Лорд Волан-де-Морт возродился, вы много месяцев гонялись не за тем человеком, и пора вам наконец внять голосу рассудка!

— Я… не… то есть… — пролепетал Фадж, озираясь, точно в надежде, что ему подскажут, как действовать дальше. Но все молчали, и он был вынужден продолжать: — Ну хорошо… Долиш! Уильямсон! Идите в Отдел тайн и проверьте… А вы, Дамблдор, — вы должны рассказать мне во всех подробностях… Фонтан Волшебного братства… Да что здесь случилось? — плачущим голосом спросил он, глядя на золотые останки статуй волшебницы, чародея и кентавра.

— Мы обсудим это после того, как я отправлю Гарри обратно в Хогвартс, — сказал Дамблдор.

— Гарри… Гарри Поттера?

Фадж мигом повернулся и уставился на Гарри, по-прежнему стоящего рядом с поверженной статуей, которая охраняла его во время поединка Дамблдора с Волан-де-Мортом.

— Он… здесь? — спросил Фадж. — Но почему… что это значит?

— Я всё объясню, когда Гарри снова окажется в школе, — терпеливо повторил Дамблдор.

Он подошёл к отбитой голове золотого чародея, откатившейся в сторону от фонтана, и, направив на неё палочку, тихо произнёс: «Портус». Голова налилась синим мерцанием и задрожала, стуча о паркет, а через несколько секунд снова потухла и застыла в неподвижности.

— Эй-эй, Дамблдор! — воскликнул Фадж, увидев, что Дамблдор поднял голову и направляется с ней обратно к Гарри. — У вас нет официального разрешения на этот портал! Вы не можете делать такие вещи прямо на глазах у министра магии — это… это…

Но тут Дамблдор величественно посмотрел на него поверх своих очков-половинок, и его голос тут же сорвался и затих.

— Вы отдадите приказ удалить из Хогвартса Долорес Амбридж, — произнёс Дамблдор. — Вы прикажете своим мракоборцам прекратить

преследование моего преподавателя по уходу за магическими существами, чтобы он мог вернуться к работе. Сегодня вечером я уделю вам… — Дамблдор вынул из кармана часы с двенадцатью стрелками и внимательно поглядел на них, — полчаса, которых вполне хватит, чтобы обсудить происшедшее во всех его важнейших аспектах. После этого я должен буду вернуться в школу. Если вам и в дальнейшем понадобится моя помощь, я, разумеется, всегда буду рад оказать её, не выезжая из Хогвартса. Можете писать мне туда на имя директора.

Фадж вытаращил глаза ещё сильнее, чем раньше; челюсть у него отвисла, а круглое лицо под взлохмаченными седыми волосами залилось розовым румянцем.

— Я… вы…

Дамблдор повернулся к нему спиной.

— Берись за портал, Гарри.

Он протянул ему золотую голову статуи, и Гарри положил на неё руку. Ему было всё равно, что произойдёт дальше и куда он отправится.

— Увидимся через полчаса, — тихо сказал Дамблдор. — Раз… два… три!

Гарри словно подцепили крюком за живот — это ощущение было ему уже знакомо. Начищен-

ный паркет ушёл у него из-под ног — атриум и Фадж с Дамблдором исчезли, и его понесло куда-то в вихре цвета и звука…

Глава 37
Утраченное пророчество

Ноги Гарри ударились обо что-то твёрдое; колени его подкосились, и голова золотого чародея упала на пол с глухим металлическим стуком. Он огляделся и увидел, что портал перенёс его в кабинет Дамблдора.

Похоже, за время отсутствия директора вся обстановка кабинета вернула себе первоначальный вид. Хрупкие серебряные приборы снова очутились на столиках с веретенообразными ножками — они деловито жужжали и попыхивали. Портреты прежних директоров и директрис дремали на стенах, прислонившись головой кто к спинке кресла, а кто к боковой части рамы. Гарри выглянул в окно. Над горизонтом забрезжила светло-зелёная полоска — близился рассвет.

Неподвижность и тишина, лишь изредка нарушаемая сопением или случайным всхрапом какого-нибудь спящего портрета, были для него невыносимы. Если бы вещи вокруг отражали его внутреннее состояние, все картины кричали бы от боли. Тяжело дыша и стараясь ни о чём не

думать, он прошёлся по тихому, прекрасному кабинету. Но мысли сами лезли в голову… от них не было спасения…

Это из-за него погиб Сириус — в его гибели был виноват только он, Гарри. Если бы он не оказался таким глупцом и не клюнул на приманку Волан-де-Морта, если бы он не был так убеждён, что его сон правдив, если бы он прислушался к словам Гермионы и допустил хоть на мгновение, что Волан-де-Морт и впрямь решил сыграть на его привычке изображать из себя героя…

Это было невыносимо, он не мог думать об этом, не мог терпеть эту муку… Внутри него словно разверзлась страшная зияющая бездна, в которую он не хотел заглядывать, чёрная дыра там, где раньше был Сириус и куда он потом канул; Гарри не хотел оставаться наедине с этой жуткой молчаливой пустотой, он не мог этого вынести…

Вдруг с картины позади него донёсся какой-то особенно громкий всхрап, и холодный голос сказал:

— А… Гарри Поттер…

Финеас Найджелус сладко зевнул и потянулся, устремив на Гарри проницательный взгляд прищуренных глаз.

— Что привело вас сюда в столь ранний час? —

наконец осведомился он. — Согласно правилам, доступ в этот кабинет запрещён всем, кроме законного директора. Или это Дамблдор прислал вас сюда? Постойте-ка, не говорите… — Он снова во весь рот зевнул. — Очередное поручение для моего никчёмного праправнука?

Гарри молчал. Финеас Найджелус не знал, что Сириус погиб, но Гарри не мог сказать ему об этом. Сказать это вслух было всё равно что признать случившееся окончательно и бесповоротно.

Ещё несколько портретов зашевелились. Страх перед возможным допросом заставил Гарри пересечь комнату и взяться за дверную ручку.

Она не поворачивалась. Он был заперт.

— Надеюсь, — сказал дородный красноносый волшебник с портрета, висящего над директорским столом, — это означает, что Дамблдор скоро вновь окажется среди нас?

Гарри обернулся. Волшебник глядел на него с большим интересом. Гарри кивнул, потом снова подёргал ручку у себя за спиной, но она не поддавалась.

— Прекрасно, — сказал волшебник. — Без него здесь было очень скучно… чрезвычайно скучно.

Он уселся поудобнее в своём кресле, похожем на трон, и благосклонно улыбнулся Гарри.

— Как вы наверняка знаете, Дамблдор о вас весьма высокого мнения, — добродушно сказал он. — Да-да. Считает вас исключительно достойным молодым человеком.

Чувство вины заворочалось в груди у Гарри, словно чудовищный, увесистый паразит. Гарри не мог этого вынести, он больше не мог оставаться собой… он никогда ещё так остро не ощущал себя запертым внутри собственной головы и тела, никогда так сильно не хотел стать кем-нибудь другим, кем угодно…

В пустом камине вспыхнуло изумрудное пламя, и Гарри отскочил от дверей, глядя на вращающуюся в огне человеческую фигуру. Пока Дамблдор выбирался из камина, все остальные маги и волшебницы, изображённые на портретах, тоже очнулись ото сна. Послышались приветственные восклицания.

— Благодарю, — мягко сказал Дамблдор.

Не глядя на Гарри, он прошёл к двери и, вынув из внутреннего кармана мантии крохотное, обезображенное, лишённое перьев птичье тельце, бережно опустил его на подносик с мягкой золой под золотым насестом, на котором обычно сидел взрослый Фоукс.

— Ну, Гарри, — сказал он наконец, отвора-

чиваясь от птенца феникса, — ты будешь рад услышать, что ночные события не нанесли серьёзного ущерба здоровью твоих товарищей и все они скоро поправятся.

Гарри хотел сказать «хорошо», но не мог выдавить из себя ни звука. Ему казалось, что речь идёт об ущербе, виновником которого был он сам, и хотя Дамблдор впервые за долгое время смотрел ему прямо в глаза и выражение его лица было скорее ласковым, чем укоризненным, Гарри не мог заставить себя смело встретить его взгляд.

— Мадам Помфри быстро поставит на ноги всех раненых, — сказал Дамблдор. — Возможно, Нимфадоре Тонкс придётся провести некоторое время в больнице святого Мунго, однако, по всей видимости, дело кончится полным выздоровлением.

Гарри удовлетворился кивком, адресованным ковру, который становился светлее по мере того, как бледнело небо снаружи. Он был уверен, что все портреты жадно ловят каждое слово Дамблдора и гадают, где были он и Гарри и откуда взялись раненые.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, Гарри, — очень тихо произнёс Дамблдор.

— Нет, не понимаете, — сказал Гарри неожиданно громким и сильным голосом. В нём взмет-

нулась безудержная ярость — Дамблдор ничего не понимал в его чувствах!

— Видите, Дамблдор? — насмешливо спросил Финеас Найджелус. — Никогда не пытайтесь понять учеников. Они этого не потерпят. Они предпочитают быть несчастными и непонятыми, упиваться жалостью к себе, валяться в собственном…

— Довольно, Финеас, — прервал его Дамблдор.

Гарри повернулся спиной к Дамблдору и упрямо уставился в окно. Вдалеке белел школьный стадион. Однажды Сириус появился там в облике лохматого чёрного пса, чтобы посмотреть на игру Гарри… Наверное, ему хотелось увидеть, так ли хорош Гарри, как хорош был в своё время Джеймс… Гарри его об этом не спрашивал…

— Не надо стыдиться своих чувств, Гарри, — снова послышался голос Дамблдора. — Наоборот… в том, что ты способен ощущать такую боль, заключена твоя величайшая сила.

Гарри чувствовал, как ярость жжёт его изнутри, пылая в ужасной пустоте, наполняя его желанием покарать Дамблдора за это спокойствие и эти ненужные слова.

— Ах, вот как — моя величайшая сила? — Голос у Гарри дрожал, а сам он не отрываясь смотрел

на школьный стадион, уже не видя его. — Да вам-то… вы-то откуда знаете…

— Чего же я не знаю? — невозмутимо спросил Дамблдор.

Это было уже чересчур. Гарри обернулся, дрожа от ярости.

— Давайте не будем обсуждать, что я чувствую, договорились?

— Гарри, твои страдания доказывают, что ты остаёшься человеком! Боль — удел человеческий…

— ТОГДА — Я — НЕ — ХОЧУ — БЫТЬ — ЧЕЛОВЕКОМ! — взревел Гарри и, схватив с ближайшего высокого столика хрупкий серебряный прибор, швырнул его через всю комнату — он ударился о стену и разлетелся на сотни крошечных кусочков. Несколько портретов вскрикнули то ли от гнева, то ли от испуга, а портрет Армандо Диппета обронил: «Ну и ну!» — Плевал я на вас! — закричал Гарри, хватая луноскоп и отправляя его в камин. — Я больше не могу, довольно, выпустите меня отсюда, надоело, мне теперь всё равно…

Следующим ему под руку подвернулся столик, на котором минуту назад стоял серебряный прибор. Грянувшись об пол, он развалился, и его длинные ножки покатились в разные стороны.

— Это пройдёт, — сказал Дамблдор. Он не шелохнулся и не сделал ни малейшей попытки удержать Гарри от разгромления кабинета. Лицо у него было спокойное, чуть ли не отрешённое. — Да и сейчас тебе не всё равно — настолько не всё равно, что ты готов умереть, лишь бы перестать мучиться…

— НЕПРАВДА! — завопил Гарри так громко, что чуть не сорвал горло. Секунду-другую он боролся с собой: ему хотелось кинуться на Дамблдора и разбить его тоже, лишь бы не видеть больше этого спокойного старого лица, — встряхнуть его, сделать ему больно, чтобы он ощутил хотя бы малую толику того ужаса, который переполнял всё его существо…

— Нет, правда, — сказал Дамблдор ещё спокойнее. — Ты потерял мать, отца, а теперь ещё и того, для кого был почти что родным сыном. Конечно, тебе не всё равно.

— Откуда вам знать, что я чувствую! — закричал Гарри. — Вы… стоите тут… И вы ещё…

Но слов не хватало, и даже если бы он перевернул вверх дном весь кабинет, это не принесло бы ему облегчения; он хотел убежать отсюда — бежать и бежать не оглядываясь, спрятаться где-нибудь, чтобы не видеть этих ясных голубых

глаз, этого ненавистного, спокойного лица в обрамлении серебристых волос. Он бросился к двери, снова схватил ручку и неистово затряс её.

Но дверь не желала открываться. Гарри снова обернулся к Дамблдору.

— Выпустите меня, — сказал он. Его била крупная дрожь.

— Нет, — просто ответил Дамблдор.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Выпустите меня, — снова повторил Гарри.

— Нет.

— Если вы не… если вы будете держать меня здесь… если не выпустите…

— Я отнюдь не против того, чтобы ты и дальше уничтожал мои вещи, — безмятежно сказал Дамблдор. — Пожалуй, их у меня слишком много.

Не сводя с Гарри взгляда, он обогнул стол и уселся в кресло.

— Выпустите меня. — Теперь голос Гарри звучал холодно и почти так же спокойно, как у Дамблдора.

— Не раньше, чем ты меня выслушаешь.

— По-вашему… думаете, я хочу… по-вашему, мне есть какое-то… ДА МНЕ ПЛЕВАТЬ, ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ! — закричал Гарри. — Я ничего не хочу

слушать!

— Придётся, — твёрдо сказал Дамблдор. — Потому что ты и вполовину не так сердит на меня, как следовало бы. Если ты и впрямь на меня набросишься — а я чувствую, что ты уже недалёк от этого, — мне хотелось бы сознавать, что я заслужил это в полной мере.

— О чём это вы го…

— В смерти Сириуса виноват я, — раздельно произнёс Дамблдор. — Вернее, главным образом я — не стоит проявлять излишнее высокомерие и брать на себя всю ответственность целиком. Сириус был умным, отважным и энергичным человеком, а такие люди редко соглашаются сидеть дома, в тёплом местечке, когда другим угрожает опасность. Тем не менее я хочу заявить тебе со всей ответственностью, что в твоём вчерашнем путешествии в Отдел тайн не было ни малейшей нужды. Если бы я был откровенен с тобой, Гарри — к сожалению, мне не хватило на это смелости, — ты уже давным-давно знал бы, что Волан-де-Морт может попытаться заманить тебя в Отдел тайн, и не попался бы вчера на его удочку. Тогда и Сириусу не пришлось бы отправляться туда за тобой. Вина за это лежит на мне, и только на мне.

Рука Гарри по-прежнему сжимала дверную ручку, но он уже позабыл об этом. Он не сводил глаз с Дамблдора и, затаив дыхание, вслушивался в его слова, с трудом понимая их.

— Сядь, пожалуйста, — сказал Дамблдор. Это был не приказ, а просьба.

Гарри помешкал, затем медленно пересёк комнату, замусоренную серебряными зубчиками и обломками дерева, и сел у стола напротив Дамблдора.

— Следует ли понимать это так, — раздался слева от Гарри неторопливый голос Финеаса Найджелуса, — что моего праправнука, последнего из Блэков, больше нет в живых?

— Да, Финеас, — ответил Дамблдор.

— Я в это не верю, — резко заявил тот.

Повернув голову, Гарри успел увидеть, как Финеас покинул свой портрет, и сообразил, что он отправился на площадь Гриммо. Наверное, он будет переходить из картины в картину, ища Сириуса по всему дому…

— Я должен с тобой объясниться, Гарри, — сказал Дамблдор. — Мои ошибки — ошибки старого человека. Ибо теперь я вижу: всё, что я сделал и чего не сделал по отношению к тебе, несёт на себе явную печать недостатков, связанных

с возрастом. Молодым не понять, как думают и чувствуют старики. Но старики виноваты, если они забывают, что значит быть молодым… а я в последнее время, похоже, стал это забывать…

Вставало солнце; его ослепительный оранжевый краешек уже появился над горами, и небо над ним было светлым и бесцветным. Солнечные лучи упали на Дамблдора — на его серебряные брови и бороду, на глубокие морщины, избороздившие его лицо.

— Пятнадцать лет назад, — промолвил Дамблдор, — впервые увидев шрам на твоём лбу, я догадался, что он может значить. Я увидел в этом шраме знак глубинной связи между тобой и Волан-де-Мортом.

— Вы уже говорили мне об этом, профессор, — прервал его Гарри. Он понимал, что ведёт себя грубо, но ему было всё равно. Теперь его вообще мало что волновало.

— Да, — виновато согласился Дамблдор. — Это, конечно, так, но, видишь ли… мне необходимо начать с твоего шрама. Ибо вскоре после того, как ты снова вернулся в волшебный мир, стало ясно, что я был прав и шрам предупреждает тебя о близости Волан-де-Морта, или о том, что его обуревает какое-то сильное чувство.

— Знаю, — устало сказал Гарри.

— И эта твоя способность — ощущать присутствие Волан-де-Морта, даже если он скрывается под чужой личиной, и знать, что он чувствует в минуты сильнейших переживаний, — становилась всё более и более явной по мере того, как Волан-де-Морт набирал силы, вернувшись в своё собственное тело.

Гарри даже не дал себе труда кивнуть — всё это он знал и так.

— С течением времени, — продолжал Дамблдор, — я начал опасаться, что Волан-де-Морт узнает о существовании этой связи между вами. И действительно — настала минута, когда ты так глубоко проник в его сознание и мысли, что он почувствовал твоё присутствие. Я имею в виду ту ночь, когда ты стал свидетелем нападения на мистера Уизли.

— Да, Снегг говорил мне, — пробормотал Гарри.

— Профессор Снегг, Гарри, — спокойно поправил его Дамблдор. — Но разве ты не задавался вопросом, почему это объяснил тебе не я? Почему не я взялся учить тебя окклюменции? Почему я много месяцев избегал твоего взгляда?

Гарри поднял глаза. Дамблдор смотрел на него

печально и устало.

— Да, — тихо признался Гарри. — Да, меня это удивляло.

— Видишь ли… я боялся, что недалёк тот час, когда Волан-де-Морт попытается силой проникнуть в твоё сознание, чтобы управлять твоими мыслями, и мне не хотелось лишний раз подталкивать его к этому. Я был уверен: если он поймёт, что нас связывает — или когда-либо связывало нечто большее, чем обычные отношения между учителем и учеником, он обязательно захочет использовать тебя, чтобы шпионить за мной. Я боялся, что он овладеет тобой, подчинит тебя себе. Думаю, я был прав, считая, что Волан-де-Морт попробует использовать тебя таким образом. В тех редких случаях, когда между нами возникал зрительный контакт, я замечал в глубине твоих глаз его призрачную тень…

Гарри вспомнил чувство, охватывавшее его в те мгновения, когда их взгляды встречались: словно дремлющая в нём змея поднимала голову, готовясь к броску.

— Как показала сегодняшняя ночь, Волан-де-Морт хотел овладеть тобой не ради того, чтобы погубить меня; он хотел погубить тебя. Он внедрился в твоё сознание на короткое время,

рассчитывая, что я пожертвую тобой в надежде убить его. Как видишь, сохраняя дистанцию между нами, я пытался защитить тебя, Гарри. Ошибка старого человека…

Он глубоко вздохнул. Его слова почти не задевали Гарри — месяц-другой назад он выслушал бы их с огромным интересом, но теперь всё это не имело смысла по сравнению с зияющей пустотой, образовавшейся в его душе после утраты Сириуса, — всё это уже ничего не значило…

— Сириус сообщил мне, что в ту самую ночь, когда пострадал Артур Уизли, ты почувствовал, как в тебе пробуждается Волан-де-Морт. Я сразу понял, что мои худшие страхи оправдываются: Волан-де-Морт догадался, что тебя можно использовать. Чтобы обезопасить твоё сознание от вторжений Волан-де-Морта, я организовал уроки окклюменции у профессора Снегга.

Он сделал паузу. Гарри, не отрываясь, смотрел на полированную поверхность директорского стола. По ней медленно ползла граница солнечного света — вот ярко вспыхнула в его лучах серебряная чернильница с красивым алым пером… Гарри знал, что портреты вокруг не спят и внимательно слушают Дамблдора: порой до него доносились шорох мантии или чьё-нибудь тихое

покашливание. Финеаса Найджелуса всё ещё не было на месте…

— Профессор Снегг обнаружил, — возобновил свой рассказ Дамблдор, — что тебе уже не первый месяц снится некая дверь в Отделе тайн. Разумеется, желание услышать касающееся его пророчество преследовало Волан-де-Морта с тех самых пор, как он вернул себе тело. Когда он представлял себе эту дверь, она возникала и в твоих снах, хотя ты и не понимал смысла происходящего. А потом ты увидел Руквуда, который до своего ареста работал в Отделе тайн; он сказал Волан-де-Морту то, о чём мы знали с самого начала, — что пророчества в Министерстве магии надёжно защищены. Взять их с полки и не сойти при этом с ума могут только те, к кому они имеют прямое отношение. Таким образом, Волан-де-Морт должен был либо сам явиться в Министерство магии, рискуя наконец выдать себя, либо заставить тебя взять пророчество для него. Поэтому умение защищаться с помощью окклюменции стало тебе ещё более необходимо.

— Но я так ничему и не научился, — пробормотал Гарри. Он сказал это вслух, надеясь хоть немного ослабить гнетущее чувство вины: наверное, признание могло бы облегчить его тяжкое

бремя. — Я не тренировался, мне было всё равно — я мог бы избавиться от своих снов, Гермиона всё время твердила мне, как это важно, и если бы я её послушался, то никогда не увидел бы, куда надо идти, и тогда Сириус… тогда Сириус…

Что-то творилось в душе у Гарри — он чувствовал, что должен оправдаться, объяснить…

— Я хотел проверить, правда ли он схватил Сириуса, — я залез в кабинет Амбридж, поговорил через камин с Кикимером, и он сказал, что Сириуса нет в доме, что он ушёл!

— Кикимер солгал, — спокойно объяснил Дамблдор. — Ты не его хозяин, и за эту ложь ему даже не надо было себя наказывать. Кикимер хотел, чтобы ты отправился в Министерство магии.

— Так он… он нарочно послал меня туда?

— Да. Боюсь, что Кикимер уже много месяцев служил не только своему законному хозяину.

— Как это? — озадаченно спросил Гарри. — Ведь он ни разу за много лет не покидал площади Гриммо!

— Кикимер использовал свой шанс накануне Рождества, — пояснил Дамблдор. — Помнишь, как Сириус крикнул ему «вон»? Он поймал Сириуса на слове и воспринял это как приказ покинуть дом. И отправился к единственному члену семьи

Блэков, который ещё внушал ему уважение, — а именно к кузине Блэка Нарциссе, сестре Беллатрисы и жене Люциуса Малфоя…

— Откуда вы всё это знаете? — спросил Гарри. Сердце его забилось очень быстро. Голова закружилась. Он вспомнил, как удивлялся странному отсутствию Кикимера в рождественские праздники, вспомнил, как эльф снова нашёлся на чердаке…

— Кикимер сам рассказал мне об этом вчера вечером, — ответил Дамблдор. — Услышав твоё загадочное предостережение, профессор Снегг догадался, что во время обморока ты видел Сириуса в плену в Отделе тайн. Как и ты, он немедленно попытался войти с Сириусом в контакт — между прочим, у членов Ордена Феникса есть более надёжные средства сообщения, чем камин в кабинете Долорес Амбридж… Профессор Снегг обнаружил, что Сириус, целый и невредимый, находится на площади Гриммо. Однако после того, как ты не вернулся из Запретного леса, куда вы пошли вместе с Амбридж, профессор Снегг забеспокоился. Ему стало ясно, что ты по-прежнему считаешь Сириуса пленником Волан-де-Морта, и он сразу же оповестил об этом нескольких членов Ордена. — Дамблдор подавил тяжёлый вздох и

продолжал: — Когда он вышел на связь, в нашей штаб-квартире были Аластор Грюм, Нимфадора Тонкс, Кингсли Бруствер и Римус Люпин. Все они тотчас изъявили желание лететь к тебе на помощь. Профессор Снегг настоял на том, чтобы Сириус остался в штабе, — моего появления там ждали с минуты на минуту, и кто-нибудь должен был сообщить мне о последних событиях. Сам же профессор Снегг тем временем собирался поискать тебя в Запретном лесу. Но Сириус не мог бросить тебя в беде. Он велел Кикимеру рассказать мне о происшедшем, а сам покинул дом вслед за остальными членами Ордена. Вскоре после этого на площади Гриммо появился я, и эльф, смеясь до колик, поведал мне, куда отправился Сириус.

— Значит, он смеялся? — глухо спросил Гарри.

— Да, смеялся, — подтвердил Дамблдор. — Дело в том, что Кикимер не мог выдать все наши секреты. Он не входит в число Хранителей Тайны Ордена, и Малфои не узнали от него ни точного адреса нашего штаба, ни наших планов на будущее — разглашать всё это ему запрещено. Как любой эльф-домовик, он связан со своим хозяином волшебными узами и не может нарушить его прямой приказ. Однако он всё же сообщил

Нарциссе сведения, весьма ценные для Волан-де-Морта, — Сириус не запретил ему говорить об этих вещах, потому что считал их слишком уж очевидными.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гарри.

— Например, то, что у Сириуса не было никого на свете дороже тебя, — спокойно ответил Дамблдор. — А ещё — что Сириус стал для тебя кем-то вроде отца и брата в одном лице. Конечно, Волан-де-Морт уже знал, что Сириус состоит в Ордене и что тебе известно, где он находится, но информация, полученная от Кикимера, помогла ему понять, что ради спасения Сириуса Блэка ты готов пойти на любой риск и преодолеть любые трудности.

Губы у Гарри онемели и плохо слушались.

— Значит… когда я вчера спросил Кикимера, дома Сириус или нет…

— Малфои — несомненно, по наущению Волан-де-Морта — велели ему найти способ скрыть от тебя факт присутствия Сириуса в доме после того, как он привидится тебе в Отделе тайн. Кикимера предупредили: если ты решишь проверить, дома ли Сириус, он должен притвориться, что хозяина нет. Вчера Кикимер поранил Клювокрыла, и в то время, когда ты появился у них в очаге, Сириус

лечил гиппогрифа наверху.

Гарри точно не хватало воздуха: он дышал быстро и прерывисто.

— И Кикимер рассказал вам об этом… и смеялся? — выдавил из себя он.

— Он не хотел мне говорить, — ответил Дамблдор, — но я сам неплохо владею легилименцией и умею распознавать ложь, так что я… как бы это сказать… убедил его открыть мне всю правду, после чего тоже поспешил в Отдел тайн.

— А Гермиона… — прошептал Гарри, и его холодные руки, лежащие на коленях, сами собой сжались в кулаки, — Гермиона ещё уговаривала нас быть с ним поласковее…

— Она была совершенно права, Гарри, — сказал Дамблдор. — Когда мы сделали дом номер двенадцать на площади Гриммо своим штабом, я предупреждал Сириуса, что к Кикимеру следует относиться с мягкостью и уважением. Кроме того, я сказал ему, что Кикимер может быть для нас опасен. Не думаю, что Сириус принял мои слова всерьёз: он никогда не считал Кикимера существом, чьи переживания могут быть столь же глубокими, как человеческие…

— Не смейте… обвинять его… Сириуса… в том, что он… — У Гарри спёрло дыхание и слова не

выговаривались как следует, но улёгшийся было гнев вспыхнул снова: Дамблдор не имеет права критиковать Сириуса! — Кикимер лгун… подлый обманщик… он заслужил…

— Кикимер таков, каким его сделали волшебники, Гарри, — сказал Дамблдор. — Да, он заслуживает жалости. Его существование было таким же беспросветным, как у твоего приятеля Добби. Кикимер не мог не повиноваться последнему уцелевшему представителю рода Блэков, однако он не был предан Сириусу по-настоящему. И сколь бы огромной ни была вина Кикимера, Сириус и пальцем не пошевелил, чтобы облегчить его участь…

— НЕ СМЕЙТЕ ОБВИНЯТЬ СИРИУСА! — свирепо выкрикнул Гарри.

Он уже снова вскочил на ноги, пылая яростью, — он был готов броситься на Дамблдора, который совсем не понимал Сириуса, не знал, каким он был храбрым, как много страдал…

— А как насчёт Снегга? — выпалил Гарри. — О нём вы почему-то молчите! Когда я сказал ему, что Волан-де-Морт схватил Сириуса, он только ухмыльнулся с издёвочкой, как обычно…

— Ты же знаешь, Гарри: Снегг вынужден был притвориться перед Долорес Амбридж, что не

принимает твоих слов всерьёз, — твёрдо сказал Дамблдор. — И я ведь уже объяснил тебе, что он со всей возможной поспешностью передал Ордену то, что услышал от тебя. Именно он догадался, где нужно тебя искать, когда ты не вернулся из Запретного леса. И именно он дал профессору Амбридж поддельную сыворотку правды, когда она допрашивала тебя с целью выяснить местонахождение Сириуса.

Гарри пропустил эти доводы мимо ушей: проклиная Снегга, он чувствовал жестокое наслаждение, которое словно облегчало терзающее его чувство вины, и ему хотелось, чтобы Дамблдор согласился с ним.

— Снегг… Снегг издевался над Сириусом за то, что ему не разрешали выходить… обзывал его трусом…

— Сириус был достаточно взрослым и умным, чтобы не обращать внимания на пустые насмешки, — сказал Дамблдор.

— Снегг перестал давать мне уроки окклюменции! — огрызнулся Гарри. — Он вышвырнул меня из своего кабинета!

— Мне это известно, — веско сказал Дамблдор. — Ещё раз повторю: я жалею, что не взялся обучать тебя сам, хотя в ту пору я был уверен, что

нет ничего опаснее, чем открывать твоё сознание Волан-де-Морту в моём присутствии…

— Из-за Снегга всё стало только хуже, после его уроков мой шрам всегда болел сильнее… — Гарри вспомнил, что говорил ему Рон, и слова полились из него безудержным потоком: — Почём вы знаете, что он не пытался помочь Волан-де-Морту, облегчить ему доступ в моё…

— Я доверяю Северусу Снеггу, — просто сказал Дамблдор. — Но я забыл — вот тебе ещё одна ошибка старого человека, — что бывают раны, которые не способно залечить даже время: уж слишком они глубоки. Я думал, что профессор Снегг сумеет преодолеть свою ненависть к твоему отцу… но я ошибся.

— Но это вас не трогает, да? — выкрикнул Гарри, игнорируя осуждающие гримасы и неодобрительное бормотание портретов на стенах. — Значит, Снеггу можно ненавидеть моего отца, а Сириусу Кикимера — нельзя?

— Сириус не ненавидел Кикимера. Он считал его слугой, не достойным ни интереса, ни особенного внимания. Равнодушие и пренебрежение часто приносят гораздо больше вреда, чем открытая неприязнь… фонтан, который мы сегодня разрушили, говорил неправду. Мы, волшебники,

слишком долго унижали и оскорбляли своих собратьев, а теперь пожинаем плоды…

— ПО-ВАШЕМУ, СИРИУС ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ, ДА? — завопил Гарри.

— Я этого не говорил, и этого ты от меня никогда не услышишь, — невозмутимо возразил Дамблдор. — Сириус не был жесток — к эльфам вообще он относился вполне дружелюбно. А вот Кикимера не любил, потому что Кикимер был живым напоминанием о доме, который Сириус ненавидел всей душой.

— Да, ненавидел! — Голос у Гарри сорвался. Он повернулся спиной к Дамблдору и пошёл сам не зная куда. Теперь комнату уже заливал яркий солнечный свет; глаза всех портретов были устремлены на Гарри, а он шагал, ничего не видя, не сознавая, что делает. — Вы держали его взаперти в доме, который он ненавидел, — вот почему вчера он не смог там остаться…

— Я пытался спасти Сириусу жизнь, — тихо ответил Дамблдор.

— Людям не нравится, когда их запирают! — свирепо бросил Гарри, оборачиваясь к нему — Вы и со мной поступили так же — помните, прошлым летом?

Дамблдор опустил веки и закрыл лицо длинно-

палыми руками. Но даже этот необычный жест, говорящий то ли о грусти, то ли о бесконечной усталости, то ли ещё о чём-то неведомом, не смягчил Гарри. Наоборот, его ещё больше взбесило то, что Дамблдор проявляет признаки слабости. Он не имел права быть слабым, когда Гарри хотелось рвать и метать, осыпая его упрёками.

Через несколько секунд Дамблдор отнял от лица руки и посмотрел на Гарри сквозь свои очки-половинки.

— Пожалуйста, сядь, Гарри, — произнёс он. — Пришло время сказать тебе то, что я должен был сказать пять лет назад. Сейчас ты узнаешь всё. Я прошу у тебя только одного — немного терпения. Когда я закончу, буйствуй на здоровье… я не стану тебя останавливать, делай, что хочешь.

Некоторое время Гарри ещё сверлил его взглядом, затем опять уселся на стул напротив Дамблдора и приготовился слушать.

Дамблдор поглядел в окно на залитые солнцем луга, потом снова на Гарри и начал:

— Пять лет назад ты, Гарри, прибыл в Хогвартс живым и здоровым, как я надеялся и рассчитывал. Впрочем… не совсем здоровым. Ты перенёс много страданий. Я знал, что так будет, когда оставлял тебя на пороге дома твоих дяди и тёти.

Знал, что обрекаю тебя на десять трудных, мучительных лет.

Он помедлил. Гарри молчал.

— Ты можешь спросить — и у тебя есть на то причины, — почему я так поступил. Почему было не отдать тебя на усыновление в какую-нибудь семью волшебников? Многие согласились бы на это с радостью и почли бы за счастье и большую честь воспитать тебя как сына.

Мой ответ таков: в первую очередь я хотел сохранить тебе жизнь. Пожалуй, я один знал, какая огромная опасность тебе угрожает. Волан-де-Морт был побеждён несколько часов назад, но его сторонники — а многие из них почти так же ужасны, как их предводитель, — всё ещё оставались на свободе, свирепые, отчаянные и безжалостные. Вдобавок, принимая решение, я должен был учесть перспективы на будущее. Верил ли я в то, что Волан-де-Морт исчез навсегда? Нет; я не знал, десять, двадцать или пятьдесят лет пройдёт до его возвращения, но был уверен, что рано или поздно он вернётся, а ещё, зная его как никто, был уверен, что он не успокоится, пока не убьёт тебя.

Я знал, что познания Волан-де-Морта в области чёрной магии более обширны, чем у любого дру-

гого из ныне живущих волшебников. Знал, что даже мои самые сложные и мощные защитные чары вряд ли уберегут тебя, если он вернёт себе всю былую силу.

Но мне была ведома и слабость Волан-де-Морта. И я принял решение: тебя защитит древняя магия, о которой он знает, которую презирает и которую всегда прежде недооценивал — себе на горе. Я имею в виду, конечно, то, что твоя мать пожертвовала собой ради твоего спасения. Она дала тебе такую надёжную защиту, какой он и представить себе не мог, и она по сей день тебя оберегает. Таким образом, я решил положиться на материнскую кровь. И я отнёс тебя к её сестре, поскольку других родственников у неё не осталось.

— Она меня не любит, — тут же вставил Гарри. — Ей наплевать…

— Но она приняла тебя, — прервал его Дамблдор. — Да, неохотно; да, скрепя сердце, с горечью и даже гневом, но приняла — и таким образом закрепила наложенные мною чары. Благодаря жертве твоей матери кровные узы сделались самой могучей защитой, какую я мог тебе дать.

— Я всё-таки не…

— Пока ты называешь своим домом тот, где

обитают кровные родственники твоей матери, Волан-де-Морт не причинит тебе вреда — он не может даже пальцем тебя тронуть. Он пролил её кровь, но она по-прежнему живёт в тебе и в её сестре. Её кровь стала твоей хранительницей. Пускай ты возвращаешься туда только раз в году, но покуда ты ещё можешь называть это место домом, покуда ты принадлежишь ему, Волан-де-Морт ничего тебе не сделает. Твоя тётя знает об этом. Я всё объяснил в письме, которое оставил у неё на крыльце рядом с тобой. Она знает, что, взяв тебя под свою крышу, сохраняла тебе жизнь на протяжении последних пятнадцати лет.

— Погодите, — сказал Гарри. — Погодите минутку. — Он выпрямился на стуле, в упор глядя на Дамблдора. — Так это вы прислали ей громовещатель. Вы велели ей не забывать… это был ваш голос…

— Я подумал, — Дамблдор слегка наклонил голову, — что ей стоит напомнить о договоре, который она скрепила, приняв тебя в семью. Я подозревал, что нападение дементора откроет ей глаза на опасности, связанные с содержанием в доме такого приёмного сына.

— Так оно и вышло, — тихо подтвердил Гарри. — Вернее… больше всех разозлился дядя. Он

хотел выкинуть меня на улицу, но тут пришёл громовещатель, и она… она сказала, что я должен остаться. — Он уткнулся взглядом в пол, потом добавил: — Но какое отношение это имеет к…

Он не мог заставить себя произнести имя Сириуса.

— Итак, пять лет назад, — снова заговорил Дамблдор, точно его и не прерывали, — ты прибыл в Хогвартс — может, и не такой счастливый и упитанный, каким я хотел бы тебя видеть, зато живой и более или менее здоровый. Ты был не изнеженным маленьким принцем, а самым обычным мальчишкой — чему, с учётом всех обстоятельств, можно было только радоваться. До сих пор всё шло согласно моему плану.

А потом… впрочем, ты не хуже меня помнишь то, что произошло на первом году твоего обучения в Хогвартсе. Ты великолепно ответил на брошенный тебе вызов и очень скоро — гораздо скорее, чем я мог предвидеть, — очутился лицом к лицу с Волан-де-Мортом. И снова выжил. Мало того — ты отсрочил возвращение Волан-де-Морта во всей полноте его могущества. Это был подвиг, достойный взрослого мужчины. Не могу выразить, как я тобой гордился.

— Однако у моего замечательного плана был

один недостаток, — продолжал Дамблдор. — Недостаток вполне очевидный — и уже тогда я понимал, что из-за него всё может пойти насмарку. Тем не менее, сознавая, как важно, чтобы мой план увенчался успехом, я сказал себе, что не позволю этому недостатку его погубить. Я один мог предотвратить крах — следовательно, я один должен был проявить силу. И это стало моим первым испытанием, когда ты лежал в больничном крыле, ослабевший после схватки с Волан-де-Мортом.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — сказал Гарри.

— Помнишь, как ты спросил меня, почему Волан-де-Морт пытался убить тебя, когда ты был ещё ребёнком?

Гарри кивнул.

— Как, по-твоему, следовало мне тогда ответить?

Гарри взглянул в его голубые глаза и промолчал, но его сердце снова пустилось вскачь.

— Ты до сих пор не видишь недостатка в моём плане? Нет… наверное, нет. Что ж… Как тебе известно, тогда я решил не отвечать. Одиннадцать лет, сказал себе я, — это слишком рано для такой откровенности. У меня раньше и в мыслях не

было раскрыть секрет, когда тебе будет всего одиннадцать. Я боялся, что бремя этого знания станет для тебя невыносимым.

Но ещё в ту пору мне следовало заметить кое-какие опасные симптомы. Я должен был спросить себя, почему меня так мало встревожило то, что ты уже задал мне вопрос, на который — я знал это — мне когда-нибудь придётся дать ужасный ответ. Надо было признаться себе, что я чересчур радовался возможности промолчать хотя бы в тот день… Ты был ещё молод, слишком молод.

Итак, начался второй год твоей учёбы в Хогвартсе. И снова ты встретился с трудностями, которые по плечу не каждому взрослому волшебнику, и снова преодолел их с таким успехом, о каком я и не мечтал. Правда, ты не повторил своего вопроса о том, почему Волан-де-Морт оставил у тебя на лбу эту метку. Да, конечно, мы обсуждали твой шрам… мы подошли очень, очень близко к запретной теме. Почему я тогда не рассказал тебе всё?

Что ж… мне казалось, что для такого разговора двенадцать — это, в конце концов, едва ли намного лучше одиннадцати. Я позволил тебе уйти — окровавленному, измученному, но счастливому — и, почувствовав слабый укол совести

при мысли о том, что надо было во всём тебе признаться, легко и быстро успокоил сам себя. Ты был ещё так молод, и я не мог найти в себе сил испортить день твоего торжества…

Теперь понимаешь, Гарри? Теперь ты видишь изъян в моём чудесном плане? Я угодил в ловушку, о которой знал заранее и которую обещал себе обойти — должен был обойти!

— Я не…

— Ты был слишком дорог мне, — просто сказал Дамблдор. — Твоё счастье было для меня важнее, чем твоё знание правды, твоё душевное спокойствие — дороже моего плана, а твоя жизнь — ценнее тех жизней, которыми, возможно, пришлось бы расплатиться за провал этого плана. Иными словами, моё поведение было именно таким, какого Волан-де-Морт всегда ожидал от глупцов, способных любить.

Думаешь, я оправдываюсь? Да разве у любого другого на моём месте — а ведь ты и представить себе не можешь, как пристально я за тобой следил, — хватило бы духу причинить тебе новую боль в дополнение к уже перенесённым тобою страданиям? Какое мне было дело до безымянных, безликих людей и прочих созданий, которые могли погибнуть в туманном будущем, если здесь

и сейчас ты был жив, здоров и весел? Я никогда не мечтал о том, что у меня на руках окажется такое чудо.

Ты перешёл на третий курс. Издалека я следил за тем, как ты учился отгонять дементоров, как встретил Сириуса, убедился в его невиновности и спас его от гибели. Надо ли было признаться тебе сразу после того, как ты с триумфом вырвал своего крёстного отца из когтей Министерства? Теперь, когда тебе исполнилось тринадцать, мои доводы стали выглядеть менее убедительными. Пускай ты был молод, но свою исключительность ты уже доказал. Совесть не давала мне покоя, Гарри. Я знал, что время скоро придёт…

Но в прошлом году ты выбрался из лабиринта, видел смерть Седрика Диггори и едва не погиб сам… а я опять ничего тебе не открыл, хотя знал, что теперь, после возвращения Волан-де-Морта, тянуть с этим больше нельзя. И вот сегодня ночью я понял, что ты давно уже созрел для знания, которое я утаивал от тебя так долго; сегодня ты доказал, что это бремя нужно было взвалить на тебя раньше. У меня есть единственное оправдание: я смотрел, как ты преодолеваешь такие испытания, с какими ещё не сталкивался ни один из учеников Хогвартса за всю его историю, и не

мог заставить себя добавить к ним новое — самое тяжёлое из всех.

Гарри ждал, но Дамблдор не торопился продолжать.

— Я всё-таки не понимаю.

— Волан-де-Морт пытался убить тебя, когда ты был ещё ребёнком, из-за пророчества, сделанного незадолго до твоего рождения. Он знал об этом пророчестве, но ему была неизвестна его суть. Отправляясь в дом твоих родителей, чтобы убить тебя, он полагал, что выполняет предначертанное судьбой. Он обнаружил, что ошибался, когда направленное в тебя заклятие рикошетом ударило по нему самому. Вот почему после своего возвращения в тело и особенно после твоего удивительного побега от него в прошлом году он был одержим одной мыслью: узнать полное содержание пророчества. Это и есть оружие, которого он так упорно добивался с момента своего возвращения, — знание того, как погубить тебя.

Солнце поднялось совсем высоко; кабинет Дамблдора купался в его сиянии. Стеклянный ящик, где хранился меч Годрика Гриффиндора, отливал ярким молочно-белым светом, обломки приборов сверкали, точно дождевые капли, а птенец феникса за спиной Гарри тихонько щебетал в

своём гнезде из пепла.

— Пророчество разбито, — угрюмо сказал Гарри. — Я тащил Невилла вверх по скамьям в той комнате, где… где стоит арка, а у него порвалась мантия, и оно упало…

— То, что разбилось, было всего лишь записью пророчества из архивов Министерства магии. Само же пророчество было сделано в присутствии некоего лица, и это лицо имеет возможность досконально вспомнить всё изречённое.

— Кто это был? — спросил Гарри, хотя уже знал ответ.

— Я, — подтвердил Дамблдор. — Это случилось шестнадцать лет назад, холодной промозглой ночью, в комнате над трактиром «Кабанья голова». Я пришёл туда, чтобы познакомиться с кандидатом на должность преподавателя прорицаний, хотя в ту пору мне вообще не хотелось сохранять этот предмет в школьной программе. Однако вышеупомянутым кандидатом была праправнучка знаменитой, весьма одарённой провидицы, и я считал, что должен встретиться с нею хотя бы из простой вежливости. Меня ждало разочарование. Мне показалось, что у неё нет и следа тех способностей, которыми обладала её прапрабабка. Я сказал ей — надеюсь, вежливо, — что не считаю

её пригодной для занятия вакантной должности. И повернулся к двери.

Дамблдор поднялся на ноги и прошёл мимо Гарри к чёрному шкафчику, стоящему около насеста Фоукса. Нагнувшись, он отодвинул защёлку и достал изнутри неглубокую каменную чашу с высеченными по краям рунами — ту самую, в которой Гарри видел, как его отец издевался над Снеггом. Затем вернулся к столу, поставил на него Омут памяти и коснулся палочкой своего виска. Оттуда потянулись серебристые нити мыслей; Дамблдор извлёк несколько прядок и опустил их в чашу, а потом глубоко вздохнул и легонько ткнул палочкой в серебристое содержимое Омута памяти.

Над чашей выросла фигура, закутанная в многочисленные шали; её глаза за мощными линзами очков казались огромными. Не отрываясь от чаши, фигура начала медленно вращаться. Но когда Сивилла Трелони открыла рот, в кабинете раздался не её обычный голос с таинственными, словно бы неземными интонациями, а грубый и хриплый — однажды Гарри уже слышал, как она говорит таким голосом.

— Грядёт тот, у кого хватит могущества

победить Тёмного Лорда, рождённый теми, кто трижды бросал ему вызов, рождённый на исходе седьмого месяца… и Тёмный Лорд отметит его как равного себе, но не будет знать всей его силы… И один из них должен погибнуть от руки другого, ибо ни один не может жить спокойно, пока жив другой… тот, кто достаточно могуществен, чтобы победить Тёмного Лорда, родится на исходе седьмого месяца…

По-прежнему медленно вращаясь, фигура профессора Трелони погрузилась обратно в серебристую массу и пропала.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина. Ни Дамблдор, ни Гарри, ни портреты на стенах не проронили ни звука. Даже Фоукс и тот почему-то умолк.

— Профессор Дамблдор… — наконец очень тихо произнёс Гарри, поскольку Дамблдор, так и не оторвавший взгляда от Омута памяти, похоже, с головой ушёл в свои мысли. — Это… неужели… что это значит?

— Это значит, — сказал Дамблдор, — что единственный человек, способный окончательно

победить Тёмного Лорда, родился в конце июля почти шестнадцать лет назад. И родители его к тому времени уже трижды бросали вызов Волан-де-Морту.

У Гарри было такое чувство, словно его загнали в ловушку. Ему стало трудно дышать.

— То есть… это я?

Дамблдор вздохнул.

— Самое странное, Гарри, — мягко промолвил он, — что это можешь оказаться вовсе не ты. Пророчество Сивиллы подходит к двум мальчикам из волшебных семей — оба они родились в конце июля того года, у обоих родители были членами Ордена Феникса и трижды чудом избежали гибели от руки Волан-де-Морта. Один из этих мальчиков, конечно, ты. Другой — Невилл Долгопупс.

— Но тогда… тогда почему на пророчестве стояло моё имя, а не его?

— Ярлычок сменили, когда Волан-де-Морт напал на тебя, в то время ещё младенца, — пояснил Дамблдор. — Хранитель Зала пророчеств решил, что Волан-де-Морт знал, кого Сивилла имела в виду, и поэтому пытался убить именно тебя.

— Так, может быть… может быть, это всё-таки не я? — спросил Гарри.

— Боюсь, — Дамблдор выговаривал слова медленно, будто каждое из них требовало от него огромных усилий, — боюсь, что сомнений нет, и это всё-таки ты.

— Но вы сказали… ведь Невилл тоже родился в конце июля… и его мама с папой…

— Ты забываешь следующую часть пророчества — ту, где даётся последняя примета мальчика, способного победить Волан-де-Морта… Сам Волан-де-Морт *отметит его как равного себе.* И он это сделал, Гарри. Он выбрал тебя, а не Невилла. Он наделил тебя шрамом — этим благословением и проклятием одновременно.

— А вдруг он ошибся? — воскликнул Гарри. — Мог же он отметить не того, кого следовало!

— Он выбрал мальчика, которого считал для себя наиболее опасным, — сказал Дамблдор. — И заметь, не чистокровного волшебника — хотя на прочих, согласно его принципам, вообще не стоит обращать внимание, — но полукровку, как и он сам. Он распознал себя в тебе прежде, чем увидел тебя самого, а благодаря его неудачному покушению на твою жизнь ты обрёл силы, которые впоследствии позволили тебе ускользнуть от него не один раз, а целых четыре — между прочим, такое не удавалось ни твоим родителям,

ни Невилловым, да и вообще никому на свете.

— Зачем же он тогда это сделал? — Гарри не чувствовал своих рук и ног: их точно сковало холодом. — Зачем он пытался меня убить в тот первый раз? Почему не подождал, пока мы с Невиллом подрастём? Тогда он увидел бы, кто из нас опаснее, и напал на него…

— Возможно, это было бы логичнее, — согласился Дамблдор, — но ты забываешь, что Волан-де-Морт знал лишь примерное содержание пророчества. «Кабанья голова», избранная Сивиллой за дешевизну, давно уже привлекала, мягко говоря, гораздо более разношёрстную публику, нежели «Три метлы». Как убедились на свою беду вы с товарищами и как убедился той ночью я сам, в этой гостинице никогда нельзя быть уверенным, что тебя не подслушают. Конечно, отправляясь на встречу с Сивиллой Трелони, я не подозревал, что услышу там что-то ценное. Но мне — вернее, нам — повезло: тот, кто нас подслушивал, был обнаружен почти сразу, и его немедленно вытолкали оттуда взашей.

— Значит, он слышал только…

— Только начало, где говорится о том, что мальчик родится в июле, у людей, трижды бросавших вызов Волан-де-Морту. Таким образом, он не

мог предупредить хозяина, что задуманное им нападение связано с риском передать тебе часть своей силы и отметить тебя как равного себе. Волан-де-Морту и в голову не пришло, что нападать на тебя опасно, что умнее было бы подождать и выяснить побольше. Согласно пророчеству, он действительно *не знает всей твоей силы…*

— Но это неправда! — выдавил из себя Гарри. — У меня нет силы, о которой он не знает, и я не умею сражаться так, как он сегодня… я не могу входить в чужое тело и… и убивать людей…

— В Отделе тайн есть комнатка, которую всегда держат запертой, — сказал Дамблдор. — В ней хранится сила, одновременно более чудесная и более ужасная, чем смерть, чем человеческий разум, чем силы природы. Пожалуй, она ещё и самая загадочная из всех сокровищ, что там хранятся. Именно этой силой ты обладаешь в достатке, а Волан-де-Морт, наоборот, вовсе её лишён. Благодаря ей ты вчера отправился спасать Сириуса. Она же уберегла тебя от полного подчинения Волан-де-Морту, поскольку он не может пребывать в теле, где обитает столько силы, глубоко ему ненавистной. В конце концов оказалось неважным даже то, что ты так и не научился изолировать своё сознание. Имя этой

спасительной силы — любовь.

Гарри закрыл глаза. Если бы он не полетел к Сириусу на выручку, Сириус бы не умер… Скорее ради того, чтобы оттянуть минуту, когда тоска по Сириусу вновь захлестнёт его целиком, Гарри спросил, не слишком интересуясь ответом:

— А конец пророчества? «Ни один не может жить спокойно…», как там дальше?

— «…пока жив другой», — закончил Дамблдор.

— И это значит, — сказал Гарри, словно выуживая слова из разверзшегося у него в душе глубокого колодца отчаяния, — это значит, что в конце концов один из нас вынужден будет… убить другого?

— Да, — ответил Дамблдор.

Наступила долгая пауза; никто не нарушал молчания. Где-то далеко за стенами кабинета раздавались еле слышные голоса — наверное, это первые ученики спускались в Большой зал на завтрак. Казалось невероятным, что на свете ещё есть люди, которые по-прежнему хотят есть, смеются, не знают да и не хотят знать, что Сириус Блэк ушёл навсегда. Гарри чудилось, что Сириус где-то за тысячу миль отсюда; даже теперь какой-то частичкой своего существа он продолжал верить, что, отдёрни он ту завесу, — и Сириус

встретил бы его за ней своим обычным смехом, похожим на собачий лай…

— По-моему, я задолжал тебе ещё одно объяснение, Гарри, — помедлив, сказал Дамблдор. — Возможно, ты удивлялся, отчего я так и не назначил тебя старостой. Честно признаться… я считал, что груз ответственности, который тебе приходится нести, и так чересчур велик.

Гарри поднял на него взгляд и увидел, как слеза, скользнувшая вниз по щеке Дамблдора, затерялась в его длинной серебряной бороде.

Глава 38
Вторая война начинается

ТОТ-КОГО-НЕЛЬЗЯ-НАЗЫВАТЬ ВЕРНУЛСЯ

В кратком заявлении, сделанном в пятницу вечером, министр магии Корнелиус Фадж подтвердил, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся в нашу страну и вновь принялся за старое.

— К моему величайшему сожалению, я вынужден сообщить, что чародей, называющий себя Лордом, — вы понимаете, кого я имею в виду, — возродился и снова находится среди нас, — сказал усталый и расстроенный министр окружившим его репортёрам. — Почти столь же глубокое сожаление вызывает то, что азкабанские дементоры подняли мятеж и отказались в дальнейшем состоять на службе у Министерства. Мы полагаем, что в настоящее время дементоры подчиняются указаниям вышеупомянутого Лорда.

Мы призываем всех, кто нас услышит,

проявлять бдительность. Сейчас Министерство готовит к изданию справочник «Как защитить себя и семью: элементарные методы обороны»; в течение ближайшего месяца он будет бесплатно разослан всем волшебникам по домашнему адресу.

Заявление министра было встречено волшебным сообществом с тревогой и недоумением — ведь ещё в прошлую среду представители Министерства уверяли нас, что «упорные слухи о том, что Вы-Знаете-Кто снова творит среди нас свои чёрные дела, не имеют под собой никакой почвы».

Подробности событий, заставивших чиновников столь резко изменить своё мнение, по-прежнему не ясны, однако можно утверждать, что в четверг вечером Тот-Кого-Нельзя-Называть и банда его ближайших приверженцев, известных как Пожиратели смерти, прорвались внутрь Министерства.

Альбус Дамблдор, восстановленный в должности директора Школы чародейства и волшебства «Хогвартс», а также на

посту Верховного чародея Визенгамота, пока никак не прокомментировал происшедшее. В течение всего прошлого года он настаивал на том, что Вы-Знаете-Кто, вопреки широко распространённому мнению, не мёртв, а снова набирает сторонников, готовясь к очередной попытке захвата власти. Тем временем Мальчик, Который Выжил…

— А вот и ты, Гарри. Я знала, что они обязательно тебя помянут, — сказала Гермиона, взглянув на него поверх газеты.

Они находились в больничном крыле — Гарри сидел на краешке кровати Рона, и они оба слушали Гермиону, которая читала вслух передовицу из «Воскресного пророка». Джинни, чью лодыжку мадам Помфри залечила в одно мгновение, устроилась в изножье кровати Гермионы; Невилл, нос у которого также вернули нормальную форму и размеры, занял стул между двумя кроватями, а Полумна, на минутку заглянувшая к друзьям с последним выпуском «Придиры», уже успела развернуть его перед собой вверх ногами и явно не слышала ни слова из того, что говорила Гермиона.

— Ну конечно, теперь он у них снова «Мальчик, Который Выжил», — мрачно заметил Рон. — Быстро же они забыли, как обзывали его выскочкой с мозгами набекрень!

На тумбочке у его кровати лежала огромная груда шоколадных лягушек; взяв оттуда целую горсть, он кинул несколько штук Гарри, Джинни и Невиллу, а потом сорвал зубами обёртку со своей. На руках у него всё ещё краснели глубокие рубцы, оставленные щупальцами мозгов. Мадам Помфри объяснила ребятам, что раны, нанесённые мыслями, заживают дольше любых других, — впрочем, обильно смазывая шрамы Рона Летейским эликсиром доктора Летто, она сумела добиться заметного улучшения.

— Да, они отзываются о тебе прямо-таки восторженно, — заметила Гермиона, пробегая статью глазами. — «Одинокий голос правды… Этого мальчика считали неуравновешенным, но он ни разу не дрогнул под градом насмешек и клеветнических заявлений…» Гм… — Она нахмурилась. — Почему-то я нигде не вижу ни словечка о том, что эти насмешки и клеветнические заявления появлялись именно на страницах «Пророка»…

Она слегка поморщилась и приложила ладонь

к рёбрам. Проклятие Долохова подействовало на неё не в полную силу, поскольку чёрный маг не успел произнести заклинание вслух, однако мадам Помфри, осмотрев Гермиону заявила, что «здесь определённо есть над чем поработать». Каждый день Гермионе приходилось принимать с десяток целебных настоек, она быстро шла на поправку и с нетерпением ждала, когда же ей наконец разрешат покинуть больничное крыло.

— «Как рвался к вершинам власти Вы-Знаете-Кто» — страницы со второй по четвёртую, «О чём умолчало Министерство» — страница пятая, «Почему никто не слушал Альбуса Дамблдора» — страницы с шестой по восьмую, эксклюзивное интервью с Гарри Поттером на странице девятой… Да уж, — Гермиона сложила газету и кинула её на одеяло, — теперь им долго будет о чём писать… И вовсе оно не эксклюзивное, это интервью, — оно ведь было в «Придире» ещё несколько месяцев назад…

— Папа им его продал, — рассеянно сказала Полумна, переворачивая страницу своего журнала. — И очень прилично на этом заработал, так что этим летом мы снаряжаем экспедицию на Скандинавский полуостров — посмотрим, удастся ли нам поймать хоть одного морщерогого

кизляка.

Секунду-другую Гермиона явно боролась с собой, потом ответила:

— Желаю удачи.

Джинни поймала взгляд Гарри и быстро отвернулась, пряча усмешку.

— Ну ладно. — Гермиона села прямее и опять поморщилась. — А что новенького в школе?

— Во-первых, Флитвик избавился от болота, которое сотворили Фред и Джордж, — начала Джинни. — Ему понадобилось на это около трёх секунд. Правда, один крошечный кусочек под окном он уничтожать не стал и обнёс его канатом…

— Зачем? — удивилась Гермиона.

— Он сказал, что это образцовое колдовство, — пожала плечами Джинни.

— По-моему, он решил оставить в школе что-то вроде памятника Фреду и Джорджу, — рот у Рона был набит шоколадом, и слова звучали невнятно. — Это, между прочим, они прислали, — сообщил он Гарри, кивая на гору лягушек рядом с собой. — Похоже, их магазинчик приносит неплохой доход, а?

Гермиона неодобрительно покосилась на него и спросила:

— Значит, после возвращения Дамблдора все неприятности кончились?

— Да, — ответил Невилл. — Всё снова идёт своим чередом.

— Филч небось на седьмом небе от счастья? — поинтересовался Рон, прислоняя к кувшину с водой маленький портрет Дамблдора, извлечённый из обёртки с лягушкой.

— Не сказала бы, — возразила Джинни. — По-моему, он чувствует себя просто ужасно… — Она понизила голос до шёпота. — То и дело повторяет, что в Хогвартсе никогда не было такого замечательного директора, как Амбридж.

Все шестеро оглянулись. Профессор Амбридж лежала на кровати напротив, неподвижно уставившись в потолок. Чтобы вызволить её, Дамблдор в одиночку отправился в лес к кентаврам; как ему удалось вернуться оттуда вместе с полуживой Амбридж, не получив даже царапины, никто не знал, а сама Амбридж ничего об этом не рассказывала. После возвращения в замок она, насколько знали ребята, ещё не произнесла ни единого слова. Почему — не известно. Её мышиного цвета волосы, обычно аккуратно уложенные, теперь были растрёпаны и в них до сих пор виднелись мелкие прутики и листья, но

в остальном она выглядела вполне здоровой.

— Мадам Помфри говорит, что у неё нервное потрясение, — шепнула Гермиона.

— А я считаю, она просто дуется, — откликнулась Джинни.

— Во всяком случае, она подаёт признаки жизни, когда слышит вот это, — сказал Рон и тихонько поцокал языком.

Амбридж подскочила в кровати, с диким видом озираясь по сторонам.

— Что-нибудь не так, профессор Амбридж? — высунувшись из кабинета, окликнула её мадам Помфри.

— Нет… нет, — пробормотала Амбридж, снова опускаясь на подушки. — Кажется, померещилось…

Гермиона и Джинни прыснули, зажав ладонями рты.

— Кстати, о кентаврах, — сказала Гермиона, немного придя в себя. — Кто теперь преподаёт прорицания? Флоренц остался у нас?

— По-моему, у него нет выбора, — ответил Гарри. — Другие кентавры уже не позволят ему вернуться.

— Может, они с Трелони будут преподавать вместе? — предположила Джинни.

— Но Дамблдор хочет избавиться от Трелони раз и навсегда, — заявил Рон, жуя четырнадцатую лягушку. — Спросите меня, так сам предмет дурацкий — и даже Флоренц его не спасёт…

— Как можно так говорить! — возмутилась Гермиона. — Разве мы с вами не убедились в том, что истинные пророчества всё же бывают?

Сердце у Гарри забилось сильнее. Он не раскрыл содержания пророчества из Отдела тайн ни Рону, ни Гермионе, да и вообще ни одной живой душе. Невилл сказал всем, что оно случайно разбилось в Комнате смерти, и пока Гарри ничего к этому не добавил. Он ещё не был готов увидеть их лица после того, как они услышат, что ему придётся стать либо жертвой, либо убийцей — третьего не дано…

— Жалко, что оно погибло, — тихо сказала Гермиона, покачав головой.

— Да уж, — согласился Рон. — Правда, Сами-Знаете-Кто тоже так и не узнал, что там было… Куда это ты собрался? — добавил он с удивлением и разочарованием, заметив, что Гарри поднялся с места.

— Э-э… к Хагриду — отозвался Гарри. — Он только что вернулся, а я обещал зайти к нему повидаться и заодно рассказать, как вы себя

чувствуете.

— Ну, тогда ладно, — буркнул Рон, завистливо глядя из окна спальни на кусочек яркого голубого неба. — Эх, нам бы с тобой…

— Передай ему привет от нас! — крикнула Гермиона вслед уходящему Гарри. — И спроси, как поживает его… его маленький друг!

Гарри махнул рукой, показывая, что всё слышал, и скрылся за дверью.

В замке стояла тишина, необычная даже для воскресенья. Очевидно, все школьники высыпали на залитые солнцем лужайки, радуясь окончанию экзаменов и перспективе провести последние несколько дней семестра в своё удовольствие — ведь теперь не надо было ни делать уроки, ни повторять пройденное. Гарри неторопливо брёл по пустынному коридору, поглядывая в окна; он видел, как кто-то, оседлав метлу, отрабатывает над стадионом фигуры пилотажа, а кто-то купается в озере вместе с гигантским кальмаром…

Он никак не мог решить, что для него сейчас лучше — уединиться или побыть с людьми. Стоило ему очутиться в компании, как его тянуло уйти, а в одиночестве он сразу начинал скучать по товарищам. Пожалуй, подумал он,

ему и вправду стоит навестить Хагрида — ведь они ещё ни разу толком не поговорили после его возвращения.

Едва Гарри спустился в вестибюль по мраморной лестнице, как из двери справа — Гарри знал, что она ведёт в гостиную Слизерина, — показались Малфой с Крэббом и Гойлом. Гарри стал как вкопанный; замер и Малфой с друзьями. Тишину нарушали лишь крики, смех и всплески, долетающие сюда через распахнутые парадные двери.

Малфой огляделся — Гарри понял, что он проверяет, нет ли поблизости преподавателей, — потом снова повернулся к Гарри и тихо проговорил:

— Ты покойник, Поттер.

Гарри поднял брови.

— Странно, — заметил он. — А я думал, что покойники не ходят.

Таким злобным он Малфоя ещё не видел; глядя на это бледное, остроносое лицо, искажённое яростью, он почувствовал своего рода отстранённое удовлетворение.

— Ты мне за всё заплатишь. — Голос Малфоя был чуть громче шёпота. — Я заставлю тебя заплатить за то, что ты сделал с моим отцом…

— Я в панике, — насмешливо отозвался Гарри. — Думаю, встреча с Волан-де-Мортом была

просто лёгкой разминкой по сравнению с тем, что приготовили для меня вы трое… В чём дело? — добавил он, заметив, что при звуке этого имени Малфой, Крэбб и Гойл застыли как громом поражённые. — Он же приятель твоего папаши! Неужто ты его боишься?

— Думаешь, ты крутой, Поттер. — Малфой двинулся к нему в сопровождении Крэбба и Гойла. — Ладно, дай только срок, и я с тобой разберусь. Тебе не удастся засадить моего отца в тюрьму…

— А по-моему, я уже засадил его туда, — откликнулся Гарри.

— Дементоры ушли из Азкабана, — спокойно заметил Малфой. — Ты и глазом не успеешь моргнуть, как отец с друзьями окажется на свободе.

— Да, наверное, — согласился Гарри. — Но, по крайней мере, все узнали, какие они мерзавцы…

Малфой сделал резкое движение, но Гарри опередил его — он выхватил свою палочку раньше, чем рука Малфоя нырнула в карман мантии.

— Поттер!

Под сводами вестибюля раскатилось громкое эхо. На лестнице, ведущей в подземелье, вырос Снегг, и Гарри мгновенно захлестнула лютая ненависть, которая не шла ни в какое сравнение

с его неприязнью к Малфою… Что бы там ни говорил Дамблдор, он никогда не простит Снегга… никогда…

— Что это вы делаете, Поттер? — холодно, как всегда, спросил Снегг, направляясь к ним.

— Пытаюсь решить, каким заклятием угостить Малфоя, сэр, — свирепо ответил Гарри.

Снегг пронзил его взглядом.

— Немедленно уберите палочку, — жёстко сказал он. — Минус десять очков Грифф… — Он посмотрел на гигантские песочные часы у стены, и на губах у него появилась ядовитая усмешка. — Ах вот как — похоже, в гриффиндорских часах уже не осталось очков, которые можно было бы отнять. Что ж, Поттер, в таком случае нам придётся просто…

— Добавить новые?

Профессор МакГонагалл только что взобралась в замок по парадной лестнице; в одной руке у неё был клетчатый саквояж, а в другой — трость, на которую она тяжело опиралась. Впрочем, судя по цвету лица, чувствовала она себя не так уж плохо.

— Профессор МакГонагалл! — Снегг шагнул вперёд. — Я гляжу, вас уже выписали из больницы!

— Да, профессор Снегг, — подтвердила МакГонагалл, движением плеч освобождаясь от дорожного плаща. — Со мной абсолютно всё в порядке. Эй, вы двое, — Крэбб! Гойл!

Она величественно поманила их к себе, и они неуклюже подошли, шаркая огромными ножищами.

— Вот, — профессор МакГонагалл ткнула саквояж в грудь Крэббу, а плащ — Гойлу. — Отнесите это, пожалуйста, в мой кабинет.

Они повернулись и потопали вверх по мраморной лестнице.

— Итак… — МакГонагалл перевела взгляд на песочные часы. — Я полагаю, что Поттер и его друзья заслужили по пятьдесят очков каждый — ведь благодаря им мир наконец признал, что Волан-де-Морт возродился! Как вы считаете, профессор?

— Что? — вырвалось у Снегга, хотя Гарри знал, что он прекрасно всё слышал. — А… ну да… пожалуй…

— Значит, по пятьдесят очков Поттеру, обоим Уизли, Долгопупсу и мисс Грейнджер, — сказала МакГонагалл, и в нижнюю половину гриффиндорских часов дождём посыпались рубины. — Ах да, и ещё пятьдесят мисс Лавгуд, разумеется, —

добавила она, и в часы Когтеврана упала горсть сапфиров. — А теперь — вы, кажется, хотели отнять у Поттера десять очков, профессор Снегг? Минутку…

Несколько рубинов перепрыгнули в верхнюю половину, но внизу их по-прежнему осталась целая гора.

— Поттер, Малфой, думаю, в такой прекрасный день вам полезно подышать свежим воздухом, — бодро продолжала МакГонагалл.

Гарри не надо было повторять дважды: он сунул палочку обратно в карман мантии и тут же направился к парадной двери, не взглянув больше ни на Снегга, ни на Малфоя.

Жаркое солнце палило его своими лучами, пока он шёл по лужайке к хижине Хагрида. Вокруг было полно учеников — растянувшись на траве, они загорали, болтали, читали «Воскресный пророк» и жевали сладости. Многие приветственно махали Гарри или окликали его, явно стараясь показать, что они согласны с «Ежедневным пророком» и тоже считают своего знаменитого однокашника чуть ли не героем. Гарри не вступал с ними в разговоры. Он не имел понятия о том, сколько из случившегося три дня назад им известно, но до сих пор ему удавалось уклоняться

от расспросов, и такое положение дел его вполне устраивало.

Постучав в хижину Хагрида, он решил было, что хозяина нет дома, но тут выскочивший из-за угла Клык едва не сшиб его на землю от радости. Оказывается, Хагрид собирал на огороде фасоль.

— Привет, привет, Гарри! — сияя, воскликнул он, когда Гарри приблизился к забору. — Пошли в дом, выпьем по кружечке сока из одуванчиков… Ну, что новенького? — продолжал он, когда они устроились за деревянным столом со стаканами ледяного сока в руках. — Да… э-э… чувствуешь-то себя как?

По тревоге, написанной на лице Хагрида, Гарри понял, что лесничего интересует отнюдь не физическое его состояние.

— Нормально, — быстро ответил Гарри. Он знал, что у Хагрида на уме, и боялся, что не вынесет разговора на эту тему. — Так где ты был?

— В горах прятался, — объяснил Хагрид. — В пещере там одной, как Сириус, когда…

Он осёкся, громко откашлялся, поглядел на Гарри и сделал хороший глоток из стакана.

— В общем, вернулся вот, — слабо промямлил он.

— А ты… ты лучше выглядишь, — сказал Гарри,

твёрдо решивший говорить о чём угодно, только не о Сириусе.

— Чего? — Хагрид коснулся своей щеки огромной ладонью. — А, ну да… Так, это… Грошик нынче куда лучше себя ведёт, даже сравнения никакого нет. Честно сказать, он здорово обрадовался, когда меня увидел. Славный, в общем-то, малый… Я тут подумываю, не найти ли ему подружку…

Услышь он такое раньше, Гарри немедленно попытался бы убедить Хагрида выкинуть из головы эту затею — перспектива появления в Лесу великанши, которая вполне могла оказаться ещё более дикой и свирепой, чем Грохх, взволновала бы кого угодно, — однако сейчас он был просто не в силах спорить. Ему снова захотелось остаться в одиночестве, и, чтобы приблизить момент прощания, он залпом опорожнил половину своего стакана с соком.

— Теперь все знают, что ты говорил правду, — вдруг мягко сказал Хагрид. — Так же оно лучше, верно?

Гарри пожал плечами.

— Слушай… — Хагрид наклонился к нему через стол. — Я знал Сириуса дольше, чем ты… Он умер в бою — именно так он и хотел уйти…

— Он вообще не хотел уходить! — огрызнулся Гарри. Хагрид понурил большую косматую голову.

— Наверно, ты прав, — тихо произнёс он. — Но всё-таки, Гарри… Он был не из тех, кто сидит дома, когда другие дерутся. Не побеги он к тебе на помощь, его бы потом совесть замучила…

Гарри вскочил на ноги.

— Мне надо в больничное крыло, навестить Рона с Гермионой, — машинально сказал он.

— А, — расстроено откликнулся Хагрид. — Ну что ж… тогда ничего не поделаешь… сам-то не болей и заходи, ежели выкроишь минутку…

— Ладно… спасибо…

Гарри торопливо подошёл к двери и распахнул её; не успел Хагрид с ним попрощаться, как он уже шагал прочь по залитой солнцем лужайке. Его снова окликали со всех сторон. Он на мгновение закрыл глаза — ему хотелось, чтобы все вокруг исчезли, чтобы он остался один на всей территории школы…

Несколько дней назад — прежде чем экзамены подошли к концу и он увидел картину, внедрённую в его сознание Волан-де-Мортом, — он отдал бы всё на свете за то, чтобы волшебный мир поверил его словам, перестал сомневаться в

возвращении Волан-де-Морта и убедился, что он не лжец и не сумасшедший. Но теперь…

Он отошёл в сторонку по берегу озера, сел на траву, спрятавшись от докучливых взглядов за густым кустарником, и задумался, глядя на сверкающую воду…

Может быть, одиночество прельщало его потому, что после разговора с Дамблдором он остро чувствовал свою изолированность. Словно невидимый барьер отрезал его от всего остального мира. Что ж, судьба давно наложила на него свою отметину, хотя раньше он и не знал, чем это в конечном счёте ему грозит…

И всё-таки, сидя здесь, у кромки воды, раздавленный бременем вины и измученный тоской по Сириусу, которую ещё не успело смягчить время, он не замечал у себя в душе никакого особенного страха. Светило солнце, вокруг смеялись его однокашники, и хотя он ощущал себя таким далёким от них, точно принадлежал к другой расе, ему всё же было очень трудно поверить, что когда-нибудь он должен будет убить — или пасть от руки убийцы…

Он долго сидел на берегу озера, глядя на воду, стараясь не думать о своём крёстном отце и не вспоминать, что прямо напротив него, на том бе-

регу, Сириус однажды лишился чувств, пытаясь отразить атаку сотни дементоров…

Солнце уже село, когда он осознал, что замёрз. Он поднялся и зашагал к замку, на ходу вытирая лицо рукавом.

* * *

За три дня до окончания семестра Рон с Гермионой вышли из больничного крыла совершенно здоровыми. Гермиона иногда пыталась заговорить о Сириусе, но стоило ей произнести его имя, как Рон сразу же начинал на неё шикать. Гарри по-прежнему не знал, хочется ему поддерживать разговоры о своём крёстном или нет: его желания менялись в зависимости от настроения. Впрочем, в одном он был уверен: хотя сейчас ему и несладко, через несколько дней, очутившись в доме номер четыре на Тисовой улице, он будет страшно скучать по Хогвартсу. Правда, теперь он знал, почему должен возвращаться туда каждым летом, но это, как ни странно, совсем не помогало. Наоборот, перспектива возвращения домой никогда ещё не внушала ему такого ужаса.

Профессор Амбридж покинула Хогвартс за день до конца семестра. Она выскользнула из больничного крыла во время ужина, рассчитывая,

очевидно, уехать незамеченной, но на свою беду встретила по дороге Пивза; тот не упустил последнего шанса выполнить прощальное пожелание Фреда и со злобным ликованием погнался за ней, осыпая её ударами трости и носка, набитого мелом. Многие ученики выбежали в вестибюль посмотреть, как она удирает из замка, и деканы факультетов пытались их урезонить — впрочем, похоже, только для виду. И правда, после недолгих и неубедительных увещеваний профессор МакГонагалл вернулась обратно в учительскую и, усевшись в своё любимое кресло, довольно громко выразила сожаление по поводу того, что не может сама с улюлюканьем помчаться за Амбридж, поскольку одолжила Пивзу трость.

Наступил последний вечер учебного года; почти все ученики собрали чемоданы заранее и уже стекались в Большой зал на прощальный пир, но Гарри ещё даже не начал укладываться.

— Да брось ты, завтра всё сделаешь! — крикнул ему Рон с порога спальни. — Пошли, а то у меня живот к спине прилип!

— Сейчас… ты иди, я догоню…

Но когда дверь за Роном закрылась, Гарри не сделал ни малейшей попытки ускорить сборы. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас сидеть

за праздничным столом. Он боялся, что Дамблдор упомянет о нём в своей речи. Ведь их директор не сможет обойти молчанием возвращение Волан-де-Морта — в конце концов, он говорил об этом ещё в прошлом году…

Гарри вытащил с самого дна чемодана скомканные мантии, чтобы освободить место для сложенных, и вдруг заметил в уголке какую-то вещицу, небрежно обёрнутую бумагой. Он понятия не имел о том, откуда она тут взялась. Нагнувшись, он вытащил её из-под кроссовок и повертел в руках.

Буквально через секунду-другую он всё вспомнил. Эту штуку дал ему Сириус в прихожей дома номер двенадцать на площади Гриммо. «Обязательно воспользуйся, если я понадоблюсь. Договорились?»

Присев на кровать, Гарри развернул бумагу. Оттуда выпало маленькое прямоугольное зеркальце. Оно было грязноватое — наверно, очень старое. Гарри поднял его к лицу и увидел своё отражение.

Он перевернул зеркальце. На обратной стороне почерком Сириуса было нацарапано:

Это Сквозное зеркало — другая его по-

ловинка у меня, если захочешь со мной поговорить, надо только сказать в него моё имя; тогда ты появишься в моём зеркале, а я в твоём. Мы с Джеймсом пользовались ими, когда нас оставляли после уроков в разных кабинетах.

У Гарри забилось сердце. Он помнил, как четыре года назад ему удалось увидеть в зеркале Еиналеж своих погибших родителей. А сейчас, сию минуту, он сможет поговорить с Сириусом — да-да, он знал это…

Он огляделся, проверяя, не осталось ли кого-нибудь в комнате, но она была совершенно пуста. Тогда он снова посмотрел в зеркальце, дрожащими руками поднял его перед собой и громко назвал имя Сириуса.

Поверхность зеркальца затуманилась от его дыхания. Он поднёс драгоценный подарок ещё ближе к себе — радостное предвкушение трепетало у него в груди, точно птица, — но глаза, с нетерпением смотревшие из туманной дымки, определённо были его собственными.

Он начисто вытер зеркальце рукавом и повторил в полный голос, так что в пустой комнате отчётливо прозвучал каждый слог:

— Сириус Блэк!

Никакого толку. Из зеркальца по-прежнему глядело на него всё то же разочарованное лицо — его собственное…

Когда Сириус исчез в арке, у него не было с собой парного зеркальца, мелькнуло в голове у Гарри. Вот почему оно не работает…

Ещё несколько мгновений он сидел неподвижно, затем швырнул зеркальце обратно в чемодан, и оно раскололось. Почти целую минуту — и как прекрасна была эта минута! — он верил, что вот-вот увидит Сириуса, снова поговорит с ним…

Разочарование жгло ему горло; он встал и принялся как попало наваливать вещи поверх разбитого зеркальца…

Но тут его поразила неожиданная мысль… это лучше, чем зеркальце… гораздо лучше… как же он раньше об этом не подумал? Почему не спросил?

Он выскочил из спальни и скатился по винтовой лестнице, стукаясь о стены, но даже не замечая этого; пересёк безлюдную гостиную, вылез из портретного проёма и со всех ног помчался по коридору, не обратив внимания на Полную Даму, крикнувшую ему вслед: «Пир сейчас начнётся, но ты ещё успеешь!»

Однако у Гарри не было никакого желания

идти на пир.

Ну почему в этом замке всегда полно привидений, когда они не нужны, зато теперь…

Он метался по лестницам и коридорам, не встречая ни души — ни живой, ни мёртвой. Видимо, все уже сидели в Большом зале. Перед классом заклинаний он остановился, совсем запыхавшись и уныло думая о том, что придётся ему, наверное, дожидаться окончания праздника…

Но как только последняя надежда Гарри потухла, он увидел его — полупрозрачный силуэт, мелькнувший в дальнем конце коридора.

— Эй… эй, Ник! НИК!

Из стены высунулась увенчанная роскошной шляпой с плюмажем, опасно качающаяся на плечах голова сэра Николаса де Мимси-Дельфингтона.

— Добрый вечер, — сказал он, улыбаясь Гарри и вытягивая из сплошного камня всё своё тело целиком. — Значит, не только я один отстал от жизни? Впрочем, — он вздохнул, — для меня это имеет несколько иной смысл…

— Ник, могу я тебя кое о чём спросить?

По лицу Почти Безголового Ника скользнуло очень странное выражение; очевидно, чтобы дать себе время для раздумий, он засунул палец

за жёсткий крахмальный воротник и принялся дёргать его, будто бы поправляя. Он бросил это занятие лишь тогда, когда его частично отрубленная голова чуть было не оторвалась вовсе.

— Э… сейчас, Гарри? — в замешательстве сказал он. — А может быть, после пира?

— Нет… пожалуйста, Ник. Мне правда надо с тобой поговорить. Давай зайдём сюда.

Гарри открыл дверь ближайшего класса, и Почти Безголовый Ник вздохнул.

— Ну что ж, ладно, — сдался он. — Не могу сказать, что это для меня такая уж неожиданность…

Гарри придержал для него дверь, но Ник предпочёл просочиться сквозь стену.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гарри, закрыв дверь за собой.

— Я ждал, что ты будешь меня искать, — пояснил Ник, подплывая к окну. На луга вокруг замка уже опустились сумерки. — Это случается… когда люди кого-то теряют.

— Понятно. — Гарри явно не собирался отступать. — Ты был прав: я действительно искал тебя и нашёл.

Ник молчал.

— Я вот о чём… — Гарри не думал, что ему будет так неловко начинать этот разговор. — Ты ведь…

умер, верно? Но ты ещё здесь.

Ник вздохнул, не отводя взгляда от окна.

— Прав я или нет? — настойчиво продолжал Гарри. — Ты умер, но мы с тобой беседуем… ты можешь бродить по Хогвартсу ну и так далее…

— Да, — тихо отозвался Ник, — я брожу и говорю. Ты прав.

— Значит, ты вернулся? Значит, люди иногда возвращаются, так? Из них получаются привидения, но они не исчезают совсем. Я прав? — с торжеством в голосе заключил он, но Ник по-прежнему ничего не отвечал.

Пауза затянулась; потом Почти Безголовый Ник нарушил молчание:

— Не каждый может стать привидением.

— То есть? — быстро спросил Гарри.

— Только… только волшебник.

— А! — Гарри чуть не рассмеялся от облегчения. — Ну, тогда всё в порядке: человек, о котором я говорю, волшебник. Значит, он может вернуться, правильно?

Ник отвернулся от окна и скорбно посмотрел на Гарри.

— Он не вернётся.

— Кто?

— Сириус Блэк, — ответил Ник

— Но ты же вернулся! — сердито воскликнул Гарри. — Ты снова здесь, хоть и умер… ведь ты не исчез!

— Волшебники могут оставить на земле свой призрачный образ, и он будет бродить по тем местам, где они некогда ходили при жизни, — с болью в голосе проговорил Ник. — Но очень немногие волшебники избирают этот путь.

— Но почему? — спросил Гарри. — Всё равно — это неважно… Сириус никогда не боялся стать исключением — он вернётся, я знаю!

И так сильна была его убеждённость, что Гарри даже повернул голову к двери: на секунду ему почудилось, что сейчас он увидит на пороге Сириуса — жемчужно-белого и прозрачного, но улыбающегося ему, как всегда.

— Он не вернётся, — повторил Ник. — Он… пойдёт дальше.

— Что значит «дальше»? — живо отозвался Гарри. — Куда? Послушай — что вообще происходит, когда умираешь? Куда попадает человек после смерти? Почему возвращаются не все? Почему этот замок не переполнен привидениями? Почему…

— Я не могу ответить, — признался Ник.

— Но ты же умер! — Гарри был вне себя. — Кому

ещё отвечать, как не тебе!

— Я боялся смерти, — тихо сказал Ник. — И предпочёл остаться. Иногда я думаю, не напрасно ли… понимаешь, сейчас я ни тут, ни там… Честно говоря, я сам — ни то ни сё… — Он испустил грустный смешок. — Я ничего не знаю о тайнах смерти, Гарри, потому что выбрал убогую имитацию жизни. Наверное, какие-нибудь мудрецы изучают эту проблему в Отделе тайн…

— Не напоминай мне об этом месте! — яростно воскликнул Гарри.

— Прости, что не сумел тебе помочь, — мягко промолвил Ник. — А теперь… извини меня, пожалуйста… сегодня ведь пир…

И Гарри снова остался в одиночестве; невидящим взглядом он упёрся в стену, сквозь которую только что просочился Почти Безголовый Ник.

Теперь, когда надежда увидеть Сириуса и снова поговорить с ним умерла, Гарри чувствовал себя так, словно потерял крёстного отца во второй раз. Убитый горем, он медленно побрёл обратно по пустому замку; ему казалось, что он навсегда потерял способность радоваться жизни.

Повернув за угол, он увидел в коридоре, ведущем к портрету Полной Дамы, чью-то фигуру. Присмотревшись, Гарри узнал Полумну — она

прикалывала к доске объявлений какую-то бумажку. Прятаться здесь было негде, она всё равно слышала его шаги, да и сил хитрить у Гарри уже не осталось.

— Привет, — рассеянно сказала Полумна, на шаг отступив от доски и скользнув по нему взглядом.

— Почему ты не на празднике? — спросил Гарри.

— У меня почти все вещи куда-то пропали, — честно призналась Полумна. — Понимаешь, ребята берут их и прячут. Но сегодня последний вечер, надо собираться — вот я и вешаю объявления…

Она махнула на доску, где и впрямь висел список всех её утерянных вещей с просьбой о возвращении.

Странное чувство всколыхнулось в душе у Гарри — это был уже не гнев и не тоска, которая не отпускала его со дня смерти Сириуса. Лишь через несколько секунд он понял, что это за чувство — ему было жаль Полумну.

— Зачем они прячут твои вещи? — нахмурясь, спросил он.

— Ну… — Она пожала плечами. — Они ведь считают, что я немного странная, сам знаешь.

Кое-кто так и зовёт меня — Полоумная Лавгуд.

Гарри посмотрел на неё, и его грудь болезненно стиснуло.

— Это не причина, чтобы отнимать вещи, — ровным голосом сказал он. — Хочешь, я помогу тебе их найти?

— Да нет, — улыбнулась она. — Они найдутся — в конце концов они всегда находятся. Просто я хотела уложить их сегодня. Кстати… а сам-то ты почему не на празднике?

Гарри пожал плечами.

— Неохота, и всё.

— Знаешь, — Полумна пристально поглядела на него своими выпуклыми, как будто бы чуть затуманенными глазами, — по-моему, это неправда. Тот человек, которого убили Пожиратели смерти, был твой крёстный отец, верно? Мне Джинни сказала.

Гарри коротко кивнул, но слова Полумны о Сириусе почему-то не вызвали у него досады. Он вдруг вспомнил, что она тоже видит фестралов.

— А ты… — начал он. — В смысле, кто… у тебя тоже кто-то умер?

— Да, — просто ответила Полумна. — Мама. Она была выдающаяся колдунья, но ей нравилось экспериментировать, и с одним заклятием вышла

беда. Мне тогда было всего девять.

— Извини, — пробормотал Гарри.

— Да, это был просто ужас, — сказала Полумна так спокойно, будто речь шла о погоде. — Мне до сих пор бывает очень грустно. Но у меня остался папа. Да и вообще, это ведь не значит, что мы с мамой больше никогда не увидимся, правда?

— Э-э… не значит? — озадаченно повторил Гарри. Она покачала головой.

— Брось. Ты же сам их слышал — там, за занавесом.

— Ты имеешь в виду…

— Ну, в той комнате с аркой. Их просто не видно, вот и всё. Но ты их слышал.

Они поглядели друг на друга. Полумна слегка улыбалась. Гарри не знал, что и думать: Полумна верила в такие фантастические вещи… однако он действительно слышал за тем занавесом голоса.

— Значит, ты честно не хочешь, чтобы я помог тебе разыскать то, что пропало? — спросил он.

— Да нет, — ответила Полумна. — Не надо. Пожалуй, я просто спущусь вниз и съем кусочек пудинга, а они пока сами найдутся… как оно всегда и бывает… ну, счастливых тебе каникул, Гарри.

— Спасибо. Тебе тоже.

Она пошла по коридору. Гарри смотрел ей вслед и чувствовал, что огромный камень у него на душе как будто стал немного легче.

* * *

Обратный путь из школы в «Хогвартс-экспрессе» ознаменовался сразу несколькими событиями. Во-первых, Малфой, Крэбб и Гойл, которые всю неделю дожидались случая нанести удар тайком от преподавателей, устроили Гарри засаду, когда он возвращался из туалета. Их замысел мог бы увенчаться успехом, однако они неосмотрительно выбрали для нападения место около купе, полного членов ОД, — те увидели сквозь стекло, что происходит, и все, как один, бросились Гарри на помощь. К тому времени, как Эрни Макмиллан, Ханна Эббот, Сьюзен Боунс, Джастин Финч-Флетчли, Энтони Голдстейн и Терри Бут использовали на них чуть ли не весь богатый арсенал заклятий, которым обучил их Гарри, Малфой, Крэбб и Гойл стали похожи на трёх гигантских слизняков, втиснутых в школьную форму. Гарри с Эрни и Джастином взгромоздили их на багажную полку и оставили там истекать коричневой жижей.

— Честно говоря, мне не терпится увидеть,

какое у мамаши Малфоя будет лицо, когда он сойдёт с поезда, — с удовлетворением сказал Эрни, наблюдая, как слизеринец корчится наверху. Эрни так и не простил Малфою нескольких очков, вычтенных у Пуффендуя в те дни, когда в школе хозяйничала Инспекционная дружина.

— Зато мамаша Гойла наверняка обрадуется, — заметил Рон, пришедший на шум из своего купе. — По-моему, он сильно похорошел… Кстати, Гарри, только что подъехала тележка с едой — может, хочешь чего-нибудь?

Гарри поблагодарил остальных и, вернувшись вслед за Роном к себе, накупил целую кучу котловых кексов и тыквенных тартинок. Гермиона снова углубилась в чтение «Ежедневного пророка», Джинни решала кроссворд из «Придиры», а Невилл поглаживал свою *Мимбулус мимблетония*, которая заметно подросла за год и тихонько мурлыкала, когда до неё дотрагивались.

Гарри и Рон скоротали большую часть дороги за игрой в волшебные шахматы. Время от времени Гермиона зачитывала им вслух фразу-другую из «Пророка» — газета была битком набита статьями о том, как отогнать дементоров, рассказами о попытках Министерства выследить того или иного Пожирателя смерти и истерическими

письмами, где утверждалось, что Волан-де-Морт проходил мимо дома автора не далее как сегодня утром…

— Всерьёз ещё ничего не началось, — мрачно вздохнула Гермиона, просмотрев последнюю страницу. — Но ждать уже недолго…

— Эй, Гарри. — Рон тихонько кивнул на стеклянную дверь в коридор.

Гарри обернулся. По вагону шла Чжоу, а с ней — Мариэтта Эджком в вязаном шлеме. На мгновение взгляды Гарри и Чжоу встретились; она покраснела, но не остановилась. Гарри снова посмотрел на доску и успел увидеть, как конь Рона согнал с клетки одну из его пешек.

— А что… что между вами сейчас, а? — негромко спросил Рон.

— Да ничего, — честно ответил Гарри.

— Я… гм… слышала, что она встречается с кем-то другим, — осторожно сказала Гермиона.

Гарри с удивлением отметил, что это сообщение нимало его не тронуло. Желание нравиться Чжоу словно принадлежало прошлому, почти никак не связанному с настоящим, — впрочем, то же самое можно было сказать о многих желаниях, которые он испытывал до смерти Сириуса. В последний раз он видел своего крёстного живым

всего неделю назад, но эта неделя точно растянулась на целые годы и соединяла два разных мира — в одном из них был Сириус, а в другом его не было…

— Ну и отлично, — с нажимом сказал Рон. — То есть она, конечно, симпатичная и всё такое, но лучше бы тебе подцепить кого-нибудь повеселее.

— Со своим теперешним приятелем она, может, и весёлая, — пожал плечами Гарри.

— А кто он, её теперешний приятель? — спросил Рон у Гермионы, но ответила ему Джинни:

— Майкл Корнер.

— Майкл… но… — Рон уставился на неё, чуть не свернув себе шею. — Это же твой кадр!

— Был, — решительно заявила Джинни. — После того как Гриффиндор выиграл у Когтеврана в квиддич, он всё время ходил надутый, и я дала ему отставку. Вот он и побежал утешать Чжоу. — Она задумчиво почесала нос кончиком пера, затем перевернула «Придиру» вверх ногами и стала проверять ответы. Рон был явно очень доволен.

— По мне, так он всегда малость смахивал на идиота, — сказал он, подталкивая свою королеву к дрожащей ладье Гарри. — Правильно сделала, сестрёнка. В следующий раз выбери кого-нибудь получше.

При этих словах он почему-то украдкой покосился на Гарри.

— Я уже выбрала Дина Томаса — одобряешь? — рассеянно откликнулась Джинни.

— Чего? — завопил Рон, опрокидывая доску. Живоглот кинулся за фигурами, а Букля с Сычом, сидевшие на верхней полке, сердито заухали и захлопали крыльями.

Когда поезд замедлил ход, приближаясь к вокзалу Кингс-Кросс, Гарри почувствовал, что ему будет невероятно трудно заставить себя выйти из вагона. У него даже мелькнула мысль, не отказаться ли от этого вовсе — взять да и просидеть на своём месте до первого сентября, а потом уехать обратно в Хогвартс. Но когда состав наконец остановился, Гарри покорно взял клетку с Буклей и приготовился тащить на платформу свой тяжёлый чемодан.

По знаку контролёра Гарри, Рон и Гермиона миновали волшебный барьер между девятой и десятой платформами, и тут оказалось, что по другую его сторону их ожидает сюрприз: встречать Гарри явились люди, которых ребята вовсе не рассчитывали тут увидеть.

Здесь был Грозный Глаз Грюм, облачённый в просторный дорожный плащ и сжимающий в

шишковатых пальцах длинную трость; в котелке, низко надвинутом на волшебный глаз, он выглядел отнюдь не менее устрашающе, чем с непокрытой головой. Рядом с ним стояла Тонкс в заплатанных джинсах и фиолетовой майке с эмблемой «Ведуний» — её ярко-розовые волосы блестели на солнечном свету, льющемся сквозь грязную стеклянную крышу вокзала. Следующим был Люпин — бледное лицо, седоватые волосы, длинный потёртый плащ, с грехом пополам прикрывающий старые штаны и джемпер. А возглавляли компанию мистер и миссис Уизли в своих лучших магловских нарядах и Фред с Джорджем, оба в новых, с иголочки, куртках из какого-то чешуйчатого ядовито-зелёного материала.

— Рон, Джинни! — Миссис Уизли поспешила крепко обнять своих детей. — Гарри, дорогой, ты тоже здесь! Ну как дела?

— Нормально, — соврал Гарри. Миссис Уизли наградила сердечным объятием и его. Поверх её плеча Гарри видел, как Рон таращится на новые костюмы близнецов.

— Это ещё что такое? — спросил он, кивая на них.

— Самая лучшая драконова кожа, братиш-

ка. — Фред слегка поддёрнул молнию. — Бизнес процветает, вот мы и решили себя побаловать.

— Привет, Гарри, — сказал Люпин, когда миссис Уизли отпустила его и повернулась к Гермионе.

— Здравствуйте, — отозвался Гарри. — Я и не ожидал… Что вы все тут делаете?

— Ну, — губы Люпина тронула лёгкая улыбка, — мы решили немножко поболтать с твоими дядей и тётей, прежде чем они увезут тебя домой.

— По-моему, не стоит, — тут же вырвалось у Гарри.

— А по-моему, стоит, — проворчал Грюм и, приволакивая ногу, подошёл чуть ближе. — Это ведь они, правильно, Поттер?

Он ткнул большим пальцем через плечо; очевидно, его волшебный глаз следил за тем, что происходит сзади, прямо сквозь затылок и котелок. Заглянув к нему за спину, Гарри и вправду увидел всех троих Дурслей — они с явной опаской взирали на окружившую его делегацию.

— Ну вот, Гарри! — сказал мистер Уизли, отвернувшись от родителей Гермионы, которых он только что горячо приветствовал, и предоставив им по очереди обнимать дочь. — Приступим, пожалуй?

— Давай, Артур, — согласился Грюм.

Они первыми двинулись в сторону Дурслей, которые точно приросли к перрону. Гермиона мягко высвободилась из материнских объятий и пошла следом за остальными.

— Добрый день, — вежливо произнёс мистер Уизли, останавливаясь прямо перед носом у дяди Вернона. — Наверное, вы меня помните? Моё имя Артур Уизли.

Поскольку два года назад мистер Уизли собственноручно разнёс вздребезги всю обстановку Дурслевской гостиной, Гарри был бы очень удивлён, если бы дядя Вернон его забыл. И действительно, лицо дяди Вернона приобрело ещё более густой кирпичный оттенок и он ответил мистеру Уизли свирепым взглядом, однако предпочёл промолчать — возможно, ещё и потому, что Дурслей было вдвое меньше, чем волшебников. Тётя Петунья выглядела одновременно смущённой и испуганной; её глаза шныряли по сторонам, точно она боялась, что её заметят в этом сомнительном обществе. Дадли же пытался казаться маленьким и незначительным, хотя такой подвиг был ему явно не под силу.

— Мы хотели бы потолковать с вами минутку насчёт Гарри, — по-прежнему улыбаясь, продолжал мистер Уизли.

— Да, — рыкнул Грюм. — Насчёт того, как вы с ним обращаетесь у себя дома.

Усы дяди Вернона встопорщились от гнева. Возможно, под влиянием полностью ошибочного впечатления, что котелок свидетельствует о некоем духовном родстве между его обладателем и им, Верноном Дурслем, он решил обратиться прямиком к Грюму:

— Я не знал, что мои домашние дела касаются вас!

— Если записать всё, чего вы не знаете, Дурсль, получится целая библиотека, — прорычал Грюм.

— Всё это неважно, — вмешалась Тонкс, чьи розовые волосы, похоже, возмущали тётю Петунью больше всего остального, вместе взятого: она даже закрыла глаза, чтобы их не видеть. — Суть в другом. Если мы узнаем, что вы плохо обращаетесь с Гарри…

— А мы обо всём узнаем, можете не сомневаться, — дружелюбно вставил Люпин.

— Да, — добавил мистер Уизли, — и даже если вы не позволите Гарри воспользоваться фелетоном…

— Телефоном, — прошептала Гермиона.

— Так вот, если мы хоть краем уха услышим, что Поттеру приходится несладко, вы нам за это

ответите, — заявил Грюм.

Дядя Вернон стал зловеще раздуваться. Видимо, его ярость перевесила даже страх перед этой бандой ненормальных.

— Вы мне угрожаете, сэр? — рявкнул он так громко, что несколько прохожих удивлённо обернулись.

— Именно так, — ответил Грозный Глаз, очень довольный тем, что дядя Вернон так быстро ухватил самую суть дела.

— По-вашему, я похож на человека, которого можно запугать? — пролаял дядя Вернон.

— Ну… — протянул Грюм, сдвигая назад котелок и открывая свой дико вращающийся волшебный глаз. Дядя Вернон в ужасе отскочил назад и больно ударился о багажную тележку. — Думаю, что похоже, Дурсль. — Он повернулся к Гарри: — Итак, Поттер… когда мы тебе понадобимся, дай знать. Если от тебя не будет известий три дня кряду, кого-нибудь пришлём…

У тёти Петуньи вырвался звук, напоминающий жалобное поскуливание. Вне всяких сомнений, она подумала о том, что скажут соседи, увидев подобных персонажей на её садовой дорожке.

— Ну, бывай, Поттер. — Грюм на мгновение сжал плечо Гарри своей костлявой рукой.

— Береги себя, Гарри, — негромко сказал Люпин. — Не пропадай.

— Мы заберём тебя отсюда, как только сможем, — шепнула миссис Уизли, снова обнимая его.

— Скоро увидимся, дружище. — В голосе Рона звучала тревога. Они обменялись рукопожатием.

— Правда скоро, Гарри, — серьёзно сказала Гермиона. — Обещаем.

Гарри кивнул. Он почему-то не находил слов, чтобы выразить, что это для него значит — видеть их всех здесь, рядом с собой. Он только улыбнулся, поднял ладонь в знак прощания и, повернувшись, первым зашагал из здания вокзала на залитую солнцем улицу, а дядя Вернон с тётей Петуньей и Дадли, не задержавшись ни на секунду, поспешили за ним.